

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ РОССИИ (ДО 1917 Г.)**

К 80-летию
члена-корреспондента РАН
В. И. Буганова

сборник статей

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ (до 1917 г.)

К 80-летию
члена-корреспондента РАН
В. И. Буганова

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ (до 1917 г.)

Сборник статей

К 80-летию

члена-корреспондента РАН

В. И. Буганова

Москва
РОССПЭН
2012

УДК 930
ББК 63.2
И85

Редколлегия:

доктор исторических наук Н. М. Рогожин
(ответственный редактор),
доктор исторических наук Д. В. Лисейцев,
кандидат исторических наук А. В. Топычканов,
кандидат исторических наук И. А. Устинова

Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова. Сб. статей / отв. ред. Н. М. Рогожин. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 415 с.

ISBN 978-5-8243-1671-1

Данное издание содержит в себе труды научной конференции «Проблемы истории феодальной России», посвященной 80-летию выдающегося ученого, члена-корреспондента РАН Виктора Ивановича Буганова. В сборнике представлены исследования проблем отечественного источниковедения XV–XVII вв., а также статьи по политической и социально-экономической истории России X–XVII вв. Книга адресована специалистам, а также всем интересующимся историей России.

УДК 930
ББК 63.2

ISBN 978-5-8243-1671-1

© Коллектив авторов, 2012
© Институт российской истории РАН,
2012
© Российская политическая энцикло-
педия, 2012

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В 2008 г. исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося ученого, историка и источниковеда, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Виктора Ивановича Буганова. Виктор Иванович был одним из крупнейших специалистов по социально-политической истории России XVI–XVII вв., а его труды, посвященные проблемам источниковедения, составляют классику отечественной исторической науки. Как ученик академика М. Н. Тихомирова, В. И. Буганов стал достойным продолжателем лучших традиций отечественного источниковедения и основателем собственной историографической школы, представители которой, вслед за своим учителем, продолжают изучение истории российской государственности и разработку проблем отечественного источниковедения XVI–XVIII вв.

В ознаменование 80-летнего юбилея ученого Центром истории русского феодализма Института российской истории РАН была организована и проведена научная конференция «Проблемы истории феодальной России (К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова)». В ее работе приняли участие и выступили с докладами более тридцати ученых из ведущих научных и высших учебных заведений Москвы, Казани, Нижнего Новгорода, Брянска и Липецка. Материалы выступлений участников конференции легли в основу предлагаемого вниманию читателей сборника.

Публикуемые в сборнике материалы редколлегия сочла возможным сгруппировать в 4 раздела. Первый из них содержит статьи, посвященные анализу творчества В. И. Буганова, основным вехам творческого пути ученого. Во втором разделе собраны доклады, в центре внимания авторов которых лежат проблемы российского источниковедения XV–XVII вв. Третью группу материалов составили исследования по политической и социально-экономической истории России X–XVII вв. Завершают сборник тексты выступлений ученых, центром внимания которых стали различные аспекты отечественной истории XVIII – начала XX в.

Всего в сборнике публикуется 29 статей по перечисленной выше научной тематике. Составителям сборника приятно осознавать, что

ядро подготовленной книги представляют труды сотрудников Института российской истории РАН — научного учреждения, с которым связано становление В. И. Буганова как ученого и практически весь его творческий путь. Почти половина публикуемых статей написана сотрудниками родного для Виктора Ивановича Центра истории русского феодализма. Члены редколлегии и авторы сборника надеются, что издаваемая книга будет полезна специалистам по отечественной истории и источниковедению и станет данью памяти великого ученого — Виктора Ивановича Буганова.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ В ТРУДАХ В. И. БУГАНОВА

Виктор Иванович Буганов — известный историк, археограф, источниковед, писатель, член-корреспондент РАН и РАО, действительный член Нью-Йоркской академии наук и Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, доктор исторических наук, профессор. Вся его научная и общественная жизнь связана с Институтом истории СССР АН СССР (ныне — Институт российской истории РАН): он возглавлял Летописную группу, руководил сектором, впоследствии — Центром по изучению и публикации источников, девять лет были отданы работе в качестве заместителя директора института. Виктор Иванович яркий представитель классического типа ученого-энциклопедиста и просвещенного патриота. Обширные исторические познания сочетались в нем с литературным даром, тонким восприятием природы, музыкальной и художественной культуры.

Архивист по специальности, ученик и последователь традиций школы академика АН СССР (РАН) М. Н. Тихомирова В. И. Буганов, прежде всего, был большим знатоком архивных материалов, опытным археографом и источниковедом.

В историческую науку В. И. Буганов пришел в середине 1950-х годов, когда в нашем обществе наметились новые тенденции, послужившие прологом «оттепели» 60-х. Для историков все более становилось очевидным, что научное представление о прошлом не может основываться на высказываниях и цитатах — для этого необходимо привлечение всех доступных источников, их описание, изучение, классификация и интерпретация. Это время предопределило повышенное внимание к методике источниковедения, истории классовой борьбы, происходило переосмысление, потребовавшее расширения источниковой базы и ее критического анализа. Молодого талантливого ученого наставляли и постоянно поддерживали авторитетные ученые-историки — Л. Г. Бескровный, А. И. Клибанов, Б. А. Рыбаков, С. Л. Утченко, Л. В. Черепнин.

В исследовательской деятельности Виктора Ивановича важнейшее место заняли изучение и публикация письменных источников средневековой России, в первую очередь — разрядных книг XV–XVII вв.

Среди других направлений в его научном творчестве выделяются циклы работ по источниковедению и историографии русского летописания; источниковедению, историографии и истории классовой борьбы в России XVII–XVIII вв.; истории русских городов; военной истории; по общим проблемам истории, источниковедения и историографии. Особую группу составляют историко-литературные портреты С. Т. Разина, Е. И. Пугачева, К. А. Булавина, И. И. Болотникова, Петра Великого, а также биографические очерки о представителях Дома Романовых. Отдельного упоминания требует многогранная деятельность Виктора Ивановича, связанная с изучением истории народов, вошедших в состав Российского государства.

Свое первое крупное исследование — источниковедческое изучение, классификация и интерпретация разрядных книг — В. И. Буганов писал под руководством М. Н. Тихомирова и успешно защитил в качестве кандидатской диссертации 14 июня 1955 г. В 1962 г. оно было опубликовано, а с 1966 г. началась серийная публикация разрядных книг, продолжавшаяся под его руководством почти 30 лет.

Что сделал Виктор Иванович, продолжая в изучении разрядных книг традиции своих предшественников, ученых-источниковедов? Надо сказать, что имена С. Б. Веселовского, С. В. Бахрушина, С. К. Богоявленского, Н. П. Лихачева, П. Н. Милокова, А. Н. Насонова, А. А. Шахматова были для него священны. До В. И. Буганова исследователи оперировали тремя десятками списков разрядных книг. Он нашел, описал и систематизировал более 260 списков в архивах Москвы, Ленинграда (Санкт-Петербурга) и других научных центров, включая зарубежные древлехранилища.

Свою задачу Виктор Иванович видел в том, чтобы рассмотреть время, причины появления разрядных книг, выявить разновидности, редакции и проследить эволюцию их текстов в XVI–XVII вв. Он понимал, что значение и использование разрядных книг как исторического источника зависело от решения вопросов взаимоотношения официальных и частных редакций, характера заполнения разрядных книг разнообразными государственными, частными актами и нарративными памятниками.

В. И. Бугановым впервые дана подробная, обоснованная тщательным источниковедческим, текстологическим анализом, классификация списков разрядных книг последней четверти XV — первой половины XVII в. Исследователь доказал, что в основе их начальной части лежат летописные записи Московского летописного свода конца XV в. и местнические памяти. Однако с середины 70-х годов

XV столетия разрядные записи стали вестись относительно регулярно в качестве официального документа. Особое внимание ученый обратил на «государев разряд» 1584 г., не исследованный его предшественниками. При том, что древнейшие записи разрядных книг являлись основным источником при составлении «государственных разрядов», которые стали своеобразными каноническими сводными текстами.

Хотя круг интересов Буганова был чрезвычайно широк, теме разрядных книг он остался верен в течение всей жизни, углубляя свои выводы, расширяя их источниковую базу новыми находками. В серии статей, написанных в 70–80-х годах, он ввел в научный оборот ряд новых списков разрядных книг XVII в., проанализировал «дворцовые разряды» первой половины XVII в., «Книги разрядные 1613–1636 гг.». Специальные работы посвящены источникам и историко-культурному значению разрядных книг.

Ну, и самое главное — публикация разрядных книг. Буганов был составителем, редактором, автором вступительных статей и комментариев всех 13-ти выпусков разрядных книг. В основе публикаций лежала разработанная им схема взаимосвязей списков и редакций. В последние десятилетия, после Полного собрания русских летописей, это — наиболее систематическое издание источников по истории России феодального периода.

Виктор Иванович любил путешествовать, хорошо знал местную и региональную историю, разбирался в особенностях эпоса различных народов. Результатом его поездок и архивных разысканий 1950-х годов стала серия публикаций впервые обнаруженных им письменных памятников или их списков. Это «Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова», составленное в начале XVII в. и вписанное в разрядные книги под 1598 г.; грамота ливенскому воеводе И. О. Полеву 1595 г. о посылке стоялых голов с Ливен для контроля сторожевых постов и сбора вестей о передвижении крымцев и казаков; описание похода С. Ф. Курбского и И. И. Салтыка Травина 1499–1500 г. в Югорскую землю; повесть о набеге крымцев в 1572 г.; грамота Ивана Грозного боярину И. В. Меньшому-Шереметеву 1573 г.; частное описание похода на Полоцк 1563 г., составленное в 1570 — начале 1580-х гг.

В 1949 г., благодаря усилиям и авторитету академика Михаила Николаевича Тихомирова, была возобновлена прерванная в 30-х годах серия «Полное собрание русских летописей». С 1959 г. В. И. Буганов начинает работать под руководством М. Н. Тихомирова в Летописной группе Института истории СССР АН СССР. По предложению учителя он обращается к изданию русских летописей — одной из важнейших разновидностей источников по истории Отечества. Опыт, который получил молодой ученый, работая с древнейшими па-

мятниками истории, стал основой всей его последующей творческой жизни. Первым результатом явилось издание общерусского свода середины XVI в. — Вологодско-Пермской летописи.

Будучи ученым секретарем, а затем заместителем М. Н. Тихомирова в Летописной группе, после его кончины в 1965 г., Виктор Иванович под руководством академика Б. А. Рыбакова становится преемником одного из важнейших дел учителя. Группе предстояла большая работа по совершенствованию и продолжению серии ПСРЛ. Виктор Иванович подготовил аналитические обзоры и дал общие оценки русской и советской литературы, достижений в области изучения русского летописания.

Вскоре он выступил как составитель, редактор и автор вступительной статьи XXXI т. ПСРЛ — «Летописцев последней четверти XVII в.». Затем под редакцией В. И. Буганова были опубликованы хроники: Литовская и Жмойтская и Быховца; летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного, Холмогорская летопись и «Двинской летописец», Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы, белорусско-литовские, сибирские, славяно-молдавские и Радзивилловская летописи, именной и географический указатели к Ипатьевской летописи. Совместно с В. И. Корецким В. И. Буганов опубликовал Московский летописец второй половины 30-х годов XVII в. из Музейного собрания ГБЛ. Им же составлен обзор летописных заметок о московских восстаниях второй половины XVII столетия и напечатан краткий Московский летописец конца XVII в. из фондов Ивановского областного краеведческого музея. Проблеме дальнейшего издания русских летописей В. И. Буганов посвятил несколько докладов на всесоюзных конференциях и на заседании секции ученого совета Института истории СССР АН СССР.

Под руководством В. И. Буганова был подготовлен еще ряд томов ПСРЛ, в которые вошли: Софийская Первая летопись по списку И. Н. Царского, Летописец Переславля Суздальского, Густынская летопись, Краткие летописцы XVI–XVII вв. До последних своих дней он оставался заместителем ответственного редактора томов ПСРЛ, считая это издание гордостью отечественной исторической науки.

Темой докторской диссертации, защищенной им в 1968 г., стали «Медный бунт» 1662 г., так называемая «Хованщина» 1682 г. и стрелецкий «мятеж» 1698 г. Реализации этого замысла способствовали его находки в архивах и рукописных отделах библиотек летописных источников со сведениями о классовой борьбе в XVII в.

Продолжая традицию М. Н. Тихомирова, изучение темы «Московские восстания второй половины XVII в.» В. И. Буганов сопровождает изданием источников. Сразу же после публикации монографии о восстании 1662 г. ученый издает сборник документов о нем, возглавляет работу над публикацией документальных свидетельств

о «Хованщине» и стрелецком восстании 1698 г. Серию специальных статей и изданий источников исследователь посвятил московским «мятежам» второй половины XVII в.

В отличие от своего предшественника К. В. Базилевича В. И. Буганов значительно расширил источниковую и событийную канву «Медного бунта» 1662 г. Для источниковедческого анализа было привлечено следственное дело 1662 г. в гораздо более полном объеме, чем в публикации А. Н. Зерцалова. Автор доказал существование и обнаружил в делопроизводстве Разрядного приказа неизвестное ранее сыскное дело 1662 г., составленное московской сыскной комиссией. Для анализа он впервые использовал переписку Разрядного приказа с воеводами, материалы переписной книги Оружейной палаты, отдельно исследовал записки русских и иностранных современников восстания. Так, составляя, как он любил говорить, «мозаику» из различных показаний участников восстания, Виктор Иванович впервые воссоздал максимально полную картину «Медного бунта».

Итогом длительного изучения Бугановым истории московских восстаний конца XVII в. стала монография под аналогичным названием. Известно, сколь неоднозначна в историографии оценка этих событий. Спектр мнений колеблется от признания восстаний реакционными бунтами, направленными против назревших в то время программ преобразований, до представления их народными, антикрепостническими по социальной сущности. Виктор Иванович выступил сторонником последней точки зрения и использовал для ее обоснования широкий и разнообразный набор аргументов.

Работая над серией исследований о крестьянских войнах в России, Виктор Иванович считал себя в неоплатном долгу перед далекими предками. Одним из его любимых выражений были строки «Задонщины»: «Для нас земля Русская подобна милому младенцу у матери своей». На основе источниковедческих реконструкций и исторических построений историк пытался отразить «реальный жизненный процесс и деятельность индивидов каждой отдельной эпохи». Первыми подступами к этой теме в начале 70-х годов были статьи и главы о «крестьянской войне» под руководством С. Т. Разина. Тогда же появляются обобщающие историографические, аналитические статьи, выступления Буганова по истории и перспективам изучения «крестьянских войн в России XVII–XVIII вв.». В 1974 и 1975 гг. он публикует источниковедческие статьи, в которых анализирует разинские прокламации и предлагает реконструкцию «повстанческого архива» разинского войска.

Продолжением серии стали работы о Крестьянских войнах XVII–XVIII вв. под руководством И. И. Болотникова, К. А. Булавина, Е. И. Пугачева. Конкретно-исторические построения «Истории Кре-

стьянских войн в России» В. И. Буганов сочетал с проблемными источниковедческими и историографическими работами по этой теме.

В результате кропотливой работы ученым был собран обширный материал, который позволил не только рассказать о классовой борьбе в России в целом, но и рассмотреть ее в контексте народных движений периода феодализма в Восточной Европе; ему же принадлежат работы об отечественной военной истории, истории Городового приказа, политического сыска в России XVIII столетия.

Немало внимания в своем творчестве В. И. Буганов уделял историографическим проблемам источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода. С особым вниманием он относился к творчеству своих современников, исследователей старшего поколения. По глубокому убеждению Виктора Ивановича, их опыт, научное наследие, традиции, или, как он говорил, «школа» составляли основу настоящего профессионализма и прогресса в исторической науке. Он издает впервые труд русского историка XIX в. И. Д. Беляева; принимает участие в качестве редактора и автора вступительных статей к исследованиям А. А. Зимина, а также в серии неопубликованных работ выдающегося знатока источников академика С. Б. Веселовского. Этими же соображениями руководствовался он, когда писал о тех, с кем был дружен, у кого учился и с кем работал. С удивительной теплотой и любовью написаны исследования-очерки В. И. Буганова об учителе М. Н. Тихомирове, об И. У. Будовнице, Л. Г. Бескровном, А. Н. Насонове, А. И. Клибанове, С. Н. Валке, В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбакове, Н. Н. Улащике, В. И. Корецком, А. А. Зимине, М. В. Нечкиной, В. А. Александрове, А. Г. Манькове, С. О. Шмидте, Е. В. Чистяковой.

В начале 80-х годов заметно проявился художественно-публицистический талант В. И. Буганова. Серия «Жизнь замечательных людей» пополнилась написанными им книгами о предводителях крестьянских войн Е. И. Пугачеве, К. А. Булавине и И. И. Болотникове. Уже будучи серьезно болен, он завершил книгу «Разин и разинцы», сам прочел корректуры книги и провел подготовительную научно-техническую работу для ее издания. Весь цикл художественно-публицистических работ объединяет гармоническое соединение строго научного подхода, обобщенного с литературным рассказом. Виктор Иванович широко использовал различные виды источников — документы правительственных органов, повстанческих властей и учреждений, проводя тщательную критику их свидетельств. Читателю не навязываются привычные стереотипы, а дается материал собственного осмысления исторических процессов. Содержание работ убедительно доказывает, что развитие абсолютизма, расширение в интересах дворянства феодальной эксплуатации обостряло классовый антагонизм, подводило Россию к социальному кризису и очередной гражданской войне. Идеология восставших ни-

когда не поднималась выше представлений о монархической форме правления, но в острой борьбе постепенно формировались требования антикрепостнического содержания. Есть в книгах В. И. Буганова еще одно немаловажное достоинство — внимательно прослеженный национальный фактор крестьянских выступлений. По его мнению, именно совместные действия народов многонациональной России подтачивали основы феодального общества.

Авторскому стилю Виктора Ивановича как художника присущи увлекательность и живость в изображении людей, событий, умение увидеть в них самое колоритное, выявить героико-драматические черты и на этом срезе показать подлинный характер и душу героев. В публицистическом стиле написана книга «Мир истории. Россия в XVII столетии». Своеобразна панорама пути, который прошла наша Родина в этот сложнейший период своего исторического развития. В книге рассказывается о Смутном времени, Крестьянской войне, борьбе с польской и шведской интервенцией, воссоединении Украины с Россией, восстании Степана Разина; о существенных изменениях, которые затронули практически все сферы жизни: государственное устройство и армию, внутреннюю и внешнюю политику, финансы и суд, взаимоотношения государства и церкви, культуру и быт. Заслуга автора в том, что им обобщены новейшие достижения в изучении одной из переломных эпох истории нашего Отечества.

Будет справедливым отметить, что в своих работах Виктор Иванович издавна уделял большое внимание повстанцам, вышедшим из среды бесправного и угнетенного народа. Но с годами противоположная сторона — имущий, правительственный лагерь — все более привлекала его внимание. Одной из первых стала работа «Петр Великий и его время». Разгадка содержания книги в ее названии. Автор показал, насколько поиски и стремления великого преобразователя находили отзвук в сердцах ближайших сподвижников. Справедливы, оригинальны и современны многие наблюдения — размышления В. И. Буганова, возникавшие в процессе работы над темой. Например: «Многим Петр I был недоволен, многое хотел исправить, обновить, но никогда он не мыслил превратить Россию в какой-то сколок, копию другой страны». Или то, что для царя не существовало разницы между властолюбивой сестрой, вельможами и рядовыми стрельцами. До конца жизни не смог Петр Алексеевич понять, что недовольство существующим порядком у тех и других имело разные причины. На высоком художественном уровне, с элементами подлинного драматизма написаны главы «Трагедия отца и сына», «Последние заботы. Кончина». В книге звучит живой голос истории, и читатель ощущает непосредственную сопричастность с событиями того бурного времени. Многие поднятые в работе вопросы, связанные с ломкой старого уклада и решительными преобразованиями, актуальны и сегодня.

Начатую тему В. И. Буганов продолжил серией статей-очерков о московских воеводах конца XIV–XVIII в. и книгой «Полководцы XVIII в.», которую он написал в соавторстве со своим старшим сыном канд. ист.наук А. В. Бугановым. Работы охватывают деятельность русских полководцев, прославивших наше Отечество в ходе войн за национальную независимость со времени образования Русского государства до создания Российской империи. В них читатель найдет характеристики военных деятелей, с одной стороны, широко известных, с другой — мало или совсем неизвестных. Например, наряду с Козьмой Мининым и Дмитрием Пожарским, Петром Великим, о деяниях которых написаны научные труды, статьи и романы, читатель встретит здесь имена малоизвестных полководцев, таких как Даниил Васильевич Щеня — победитель литовцев и ливонских рыцарей, один из главных героев взятия Смоленска в 1514 г.; князь Михаил Иванович Воротынский — активный участник взятия Казани (1552 г.), победитель полчищ крымского хана Менгли-Гирея в 1572 г. (битва при Молодях); петровские полководцы — братья Апраксины, Михаил Голицын, Аникита Репнин, Христофор Миних и др.

В очерках, основанных на хорошем знании источников и специальной литературы, внимательный читатель обнаружит новые подходы в освещении ряда вопросов военной истории России. Например, события, связанные с окончательным освобождением от ордынского ига (1480 г.), в книге характеризуются не как пассивное «стояние» на реке Угре, но как серия активных и ожесточенных сражений войск Ивана III с ордой Ахмет-хана. Рассматривая деятельность военачальников эпохи Петра I, Виктор Иванович анализирует не только известные события (битва при Лесной, Полтавская баталия), но и ряд других, менее знакомых операций, скажем, в Ливонии, окрестностях позднейшего Петербурга, Финляндии. Написанные ярко, образно, красочно, книга и статьи-очерки привлекли внимание широкой читательской аудитории и получили положительные отзывы в печати.

Среди книг Буганова, написанных в жанре научно-популярной литературы, представляет интерес «Сокровищница документов прошлого», в которой, совместно с М. И. Автократовой, при участии А. П. Богданова, М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина, он рассказывает об истории и документальных богатствах Российского государственного архива древних актов.

Неотъемлемой частью научной деятельности Виктора Ивановича всегда была работа с рукописными собраниями библиотек и архивов. Где бы ни был ученый, исследовательский азарт и научная интуиция нередко приводили его к открытиям, а любовь к путешествиям, новым местам и людям немало способствовали этому. Будучи в Киеве, Ульяновске, Томске, он обнаружил летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в.; в Тобольске — список хроники

Литовской и Жмойтской, который после соответствующего изучения был положен в основу публикации в ПСРЛ; в Иваново — летописец «от Адама» конца XVII в.; с использованием новых архивных материалов написана книга об истории Серпухова и Серпуховского уезда в XVI — начале XVII в.

В архиве Франке в Галле (Германия) Буганов отыскал краткий летописец начала XVII в., в Финляндии — неизвестный список Синодика опальных Ивана Грозного. В Парижской национальной библиотеке исследователь обнаружил, описал и позднее ввел в научный оборот значительное количество неизвестных ранее источников по отечественной истории XV–XVIII вв. Наиболее интересные из них были опубликованы: жалованные грамоты молдавских господарей Стефана III Великого (1491), Петра Хромого (1575, 1576), Радула (1624); поместные акты и акты Кирилло-Белозерского монастыря XVII в.; новые источники о текстильной промышленности Москвы (указ Анны Иоанновны 1736 г.) и документы о Камчатке (рапорты Верхнекамчатской приказной палаты 1767–1768 гг., написанные на бересте). Интересные источники были выявлены и в Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле (Германия). В свою очередь, труды В. И. Буганова также известны и нашли признание за рубежом. Его книги, статьи и публикации переиздавались и выходили впервые в Париже и Афинах (1965), Мехико, Монтевидео и Буэнос-Айресе (1967), Риме и Бухаресте (1972), в Берлине (1976, 1977, 1979, 1985, 1986), Варшаве (1977), Хельсинки (1982, 1983, 1984) и Манчестере (1984), Лондоне (1989), Брюсселе (1990), в последние годы — в США, Эфиопии, Бельгии и Венгрии.

Большой научный опыт, многолетняя практика издания и редактирования источников (разрядные книги, ПСРЛ и др.), сборников статей («Летописи и хроники», «Источниковедение отечественной истории», «Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода»), работа в редколлегии журнала «Советские архивы», руководство Центром по изучению и публикации источников, девятилетнее пребывание на посту заместителя директора Института истории СССР АН СССР, а также активная работа в составе нескольких ученых советов помогли В. И. Буганову не только сформулировать проблемы отечественного источниковедения, но и определить перспективные направления его развития.

В известной евангельской притче говорится: «Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Виктор Иванович в личных беседах со своими учениками не раз говорил: «Надо жить и выработаться так, чтобы остатка не было». И он с завидным упорством следовал этому правилу, даже когда уже был тяжело болен. Богатая палитра его интересов, научная жертвенность не могли не отразиться в работах его пятнадц

цати учеников, восемь из которых защитили докторские диссертации и семь кандидатские. В результате расширился круг исследуемых источников, продолжают развиваться традиции археографической работы, издания и изучения не одного документа, а целых комплексов.

В настоящее время, когда мы говорим о научной школе академика М. Н. Тихомирова в трудах его учеников, то вполне явственно просматривается ее продолжение в работах учеников В. И. Буганова.

Среди них: летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в. (А. П. Богданов); боярские списки (А. Л. Станиславский); источники по истории московского восстания 1771 г. (В. В. Леонидов); материалы и реконструкция состава архива русских митрополитов XIV–XVI вв. (А. И. Плигузов), приходо-расходных книг северных монастырей XVII в. (В. И. Иванов); источники по истории городских служилых корпораций XVII в. (В. Н. Козляков); издание и изучение разрядных, боярских и посольских книг XVI–XVII вв. (Ю. В. Анхимюк, О. Н. Новохатко, М. П. Лукичев, Н. М. Рогожин); источники формирования бюрократии в России в XVIII в. (А. Н. Медушевский); источники и историография истории Калмыкии (Б. Э. Боваев). Ряд его учеников посвятили свои исследования источниковедению археографии и историографии (Д. В. Карев, В. П. Козлов, А. Б. Каменский); а также — генеалогии (О. В. Рыкова).

Стремление поделиться научным опытом и знаниями Виктор Иванович распространял не только на своих учеников. Немало сделано им и для российской системы школьного образования. Прежде всего для изучения истории в школе: написаны методические пособия, статьи для учителей и учеников, вышедшие в столичных и местных изданиях. В 1995 г. издательство «Просвещение» опубликовало два тома школьного учебника «История России» для десятых классов, которые В. И. Буганов написал совместно с А. Н. Сахаровым и П. Н. Зыряновым.

Однако, несмотря ни на какие обстоятельства, изменения и веяния времени, Виктор Иванович всегда оставался верным идее издания и изучения комплексов источников, определения их видовой природы, репрезентативности и объективности считая, что такая работа никогда не устареет, а, наоборот, с годами ее значение только будет возрастать. Он мечтал, вслед за ПСРЛ, начать фундаментальное академическое серийное издание документов приказного делопроизводства XVI–XVII вв. Сегодняшняя реализация этой идеи — лучшая память и развитие его творческого наследия.

В Центре истории русского феодализма, в состав которого вошла значительная часть сотрудников и учеников Виктора Ивановича за одиннадцать лет существования опубликовано всего, включая непластовые, более ста книг, не считая статей. Общий листаж работ, опу-

бликованных только по плану ИРИ РАН за прошедшие годы, около 2000 п. л. Из двадцати защищенных за эти годы в Центре диссертаций — две докторские и семь кандидатских посвящены приказным учреждениям, государственному управлению и делопроизводству XVI–XVII вв.

Выходец из крестьянской семьи, Виктор Иванович через всю жизнь и творчество пронес сыновью любовь к тихой и скромной природе Подмосковья и родным корням Рязанщины, вспоившим его душу. Достоин и широко прошел он по жизни, не жалея себя в труде, радости, любви к людям и Отечеству. Но где бы ни был ученый и чем бы он ни был озабочен, он всегда работал — будь то родное Домодедово, горы Приэльбрусья, калмыцкая степь или больница. Итог такого подвижнического служения науке впечатляющ: более 20 монографий, сотни статей и публикаций. Общее научное наследие исследователя превышает 500 наименований, и это, не считая неопубликованных текстов, над которыми он трудился до последнего своего дня¹. Его творчество задолго до кончины уже стало предметом специального изучения².

Вслед за своим учителем — М. Н. Тихомировым — В. И. Буганов через всю жизнь пронес и исполнил завет наших предков: жить и работать так, «чтобы не престала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла».

Примечания

¹ См.: Список печатных трудов В. И. Буганова // Археографический ежегодник за 1988 г. М., 1989. С. 278–287; Виктор Иванович Буганов. Библиографический указатель. Издание Археографического центра. М., 1993.

² См.: *Богданов А. П.* Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода в трудах В. И. Буганова // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 3–21; *Плигузов А. И.* Источниковедение отечественной истории в трудах В. И. Буганова // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1989. С. 59–76; *Козлов В. П., Рогожин Н. М.* В. И. Буганов — творческий путь // Отечественные архивы. 1993. № 4. С. 28–39; *Рогожин Н. М.* Буганов В. И. // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 854–861.

XVIII ВЕК В ТРУДАХ В. И. БУГАНОВА (БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Исследовательские интересы В. И. Буганова, как любого крупного историка, чрезвычайно многообразны. И хронологически, и тематически. Впечатляет хронология его исследований: от истоков русского государства до советского времени. Не менее впечатляюща их тематика: от скифов до анализа сочинений В. И. Ленина. Но по настоящему приоритетными для него были проблемы социально-политической и экономической истории XVII в. (с заходами в XIV–XVI вв.) и вопросы их источниковой обеспеченности. Уже первое серьезное исследование В. И. Буганова, его кандидатская диссертация, написанная под руководством М. Н. Тихомирова, содержит глубокий источниковедческий анализ разрядных книг — основного источника по военно-политическому аспекту русской истории XVII в., положивший начало целой серии собственных работ и работ его учеников. В контексте заявленной здесь темы важно отметить, что именно из этих источников родился интерес к военной истории России¹: это и Куликовская битва, и Ливонская война, и освободительное движение 1612 г., и, разумеется, Полтавская баталия — одно из важнейших событий XVIII в.² А давняя приверженность В. И. Буганова к теме личности в истории с неизбежностью вывела его на биографии крупнейших военных деятелей России, среди которых, наряду с военачальниками XVII в. (например, особо отмеченный им С. Разин), великие полководцы века XVIII: П. А. Румянцев-Задунайский, А. В. Суворов, Ф. М. Ушаков и др.³ А хронологически первым в этом блестящем ряду в работах В. И. Буганова стоит один из его любимых героев «бунташного» века, народный предводитель К. Булавин⁴. Кстати, это и стало первым внедрением исследователя в XVIII в.

Повторюсь, круг основных (первоначальных) исследовательских интересов В. И. Буганова формировался под влиянием изучения социально-экономической истории XVII в., из которого вырос цикл серьезных монографий и статейных публикаций по социальной борьбе народных масс. Он ввел в научный оборот немало новых по-

вестовательных и делопроизводственных источников, существенно пополнивших наши представления о крестьянских войнах XVII столетия, московских восстаниях 1648 и 1662 гг. и их руководителях. Одновременно пристальное внимание уделялось государственному приказному управлению. Из первой темы родились статьи и книги по Второй Крестьянской войне и Е. Пугачеве. Изучение государственности XVII в. вызвало живой интерес В. И. Буганова к ее эволюции в XVIII в. и особенно к реформам Петра I и к самому реформатору. Но об этом позже.

Уже в 1967 г., и это второе проникновение в XVIII в., Буганов публикует под псевдонимом В. И. Кириллов статью о Тайной канцелярии⁵, проведя пока еще пунктирную линию от Сыскного и Преображенского приказов XVII в.⁶ к соответствующему учреждению следующего столетия. Интерес к этим учреждениям не случаен. Именно они вели борьбу с социальными выступлениями народа. А последняя тема стала доминирующей в исследованиях В. И. Буганова на долгие годы, в том числе применительно к XVIII в.

Первой серьезной попыткой в этом направлении стала совместная с Е. В. Чистяковой статья 1968 г. о некоторых вопросах Второй крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева⁷. Заметьте, это в год защиты В. И. Бугановым докторской диссертации о московских восстаниях второй половины XVII в. Подавляющая часть опубликованных в этот и последующие годы работ (и статьи, и документальные материалы) посвящена именно этим вопросам. А тут — XVIII в., пугачевское восстание. Это во многом знаковая работа, в которой лейтмотивом прозвучала идея народных выступлений как войн, что идеологически должно было поднять их общественный статус. Поэтому не случайно эту мысль он будет проводить в статьях популярного, общественно значимого назначения, в том числе и в газетах тех регионов, где и происходили многие действия пугачевского восстания. Такова статья (интервью) «Правда о бунте» в «Советской России», статья «В борьбе за землю и волю» в «Советской Калмыкии», статья «Сила народного духа» в «Сельской жизни»⁸.

В научных изданиях эта идея пройдет через весь цикл трудов о крестьянских восстаниях XVIII в. и прежде всего, конечно, о Второй крестьянской войне 1773–1775 гг., 200-летний юбилей которой с широкой помпой отмечался и научной и широкой общественностью Советского Союза. За юбилейные 1973–1975 гг. было проведено несколько всесоюзных и региональных конференций, неизменным участником которых был В. И. Буганов. Он выступает с докладами, входит практически во все оргкомитеты и редколлегии сборников материалов этих конференций. Как-то само собой разумеющимся получилось, что он превратился в ведущего специалиста по данной теме. Это лидерство выразилось в публикациях, настоящий прорыв

которых пал на 1973 г. и последующие, юбилейные, в том числе, годы. Это, в свою очередь, стало и исследовательским прорывом Виктора Ивановича в XVIII в.

Уже в первой научной конференции по данной теме в Оренбурге в октябре 1973 г. В. И. Буганов выступает с докладом «Об идеологии Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России», устанавливая и направление основных дальнейших исследований, и общественно-политический градус самого исторического явления. По сути этот же доклад он произнесет на Всесоюзной научной конференции в Челябинске в октябре 1973 г. И почти одновременно вернется к этому вопросу в специальной статье уже в журнале «Вопросы истории»⁹ — втором (если не первом, имея в виду методологический характер его направленности) общеисторическом журнале страны, как бы обращаясь к широкой научной общественности. На Всесоюзной научной конференции в Уфе в июне 1974 г. он делает «забойный» доклад «Крестьянская война 1773–1775 гг. — крупнейшее событие классовой борьбы XVIII в.», ставя вопрос о значимости народных движений. И близкую по теме проблему «Крестьянская война — высший этап в истории классовой борьбы в России периода феодализма» Виктор Иванович рассмотрит в докладе на Симпозиуме по аграрной истории стран Восточной Европы в Вологде в сентябре 1974 г.¹⁰ Чуть позже с более общим докладом «Крестьянские движения в феодальной России» он выступит на XV Международном конгрессе исторических наук в Бухаресте в августе 1980 г.¹¹

В. И. Буганов в эти годы не только участник, но и научный историограф-пропагандист и данной темы, и конференций, ей посвященных, и, разумеется, героев онтологического прошлого. О их содержании и социальной значимости он напишет аналитический отчет в Вестнике АН СССР и там же, но в другом номере подведет итоги советской историографии о Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева¹². К теме историографии не только Пугачевского восстания, но и крестьянских войн, и других проблем истории России не только XVII–XVIII вв., но другого времени, исследователь обратится еще не раз и в статьях («К изучению Крестьянских войн в России», «Крестьянские войны в России — итоги и перспективы исследований»), и в монографиях («Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.»)¹³. Особо я бы выделил его совместную с А. А. Преображенским статью о некоторых проблемах истории России XIII–XVIII вв. в контексте новых явлений в самой исторической науке начавшегося перестроечного времени¹⁴. Их отличительная черта — высокая аналитичность исторической литературы. Глубокое проникновение не просто в тему, а в самую суть исторического прошлого, даже больше — самого времени, что рождало образы тех, кто в нем жил. Это и упомянутые уже полководцы XVIII в. Это, конечно же, и

безусловный герой крестьянских войн Е. И. Пугачев. Примечательно, но В. И. Буганов всерьез полагал, что всю вторую половину XVIII в. можно с полным правом назвать не «екатерининской эпохой», как делали дворянские и буржуазные историки, а «пугачевской эпохой», имея в виду неустанную и героическую борьбу самого Пугачева, его предшественников и последователей, наложившую отпечаток на всю жизнь русского общества¹⁵. Над его образом Буганов, похоже, работал и во время юбилейных исследований его восстания, и какое-то время после. А итогом стала замечательная книга в серии ЖЗЛ, вышедшая в 1984 г.¹⁶ Как все книги этой серии, она была тепло встречена широкой читательской публикой. Но вместе с тем получила широкий профессиональный отклик. Несмотря на обилие имеющейся литературы. В том числе самых серьезных историков, как Р. В. Овчинников. На нее было написано 11 рецензий современников — видных российских ученых-историков, подлинных знатоков отечественной истории: А. Г. Кузьмин, А. Н. Сахаров, Д. Н. Альшиц, Е. В. Чистякова, А. П. Пронштейн, А. И. Комиссаренко, В. М. Соловьев. И признание ученой братии, и читательский спрос подтолкнули В. И. Буганова к написанию другого варианта книги, вышедшей в издательстве «Просвещение», ориентированного на более молодого читателя. Так в 1990 г. появился «Емельян Пугачев»¹⁷, также встреченный очень благожелательно.

1975 г., последний «юбилейный» год по Пугачеву, обернется для В. И. Буганова обращениями к «частным», или точнее будет сказать, специальным вопросам этой темы. Такова его статья о географии распространения пугачевского движения, написанная для сборника по исторической географии¹⁸, в чем, безусловно, проявился интерес к так называемым вспомогательным историческим дисциплинам, которые активно культивировались в руководимом им Центре источниковедения и специальных исторических дисциплин. Другой «частный» интерес Буганова лежит в области собственно источниковедения. При его непосредственной поддержке и прямом участии как члена редколлегии в руководимом им Центре источниковедения была подготовлена сотрудниками Центра Р. В. Овчинниковым, А. И. Аксеновым и М. Ф. Прохоровым фундаментальная публикация документов, вышедших из лагеря восставших, «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений» (1975 г.)¹⁹.

Вопросы документального обеспечения темы крестьянских войн и в особенности судьбы «повстанческого архива» Пугачева всплывут и позже, в 1977 г., уже после подведения итогов ее изучения²⁰, в статью для сборника по проблемам аграрной истории²¹.

Внимание к источнику — пожалуй, определяющая черта В. И. Буганова как исследователя, связанная с интенсивным поиском новых документов в различных архивах и библиотеках, в том числе зарубеж-

ных. Все его поездки как должностного лица за границу использовались им для просмотра местных документохранилищ, что неизбежно приводило к самым неожиданным находкам и их неизменным публикациям. Многие из них тесно связаны с XVIII в., например, следует отметить публикацию совместно с С. М. Троицким новых документов о восстании в 1756 г. крестьян Николо-Угрешского монастыря²².

Но, конечно, круг интересов диктовался самими источниками. Любопытны находки и публикации двух документов о Камчатке середины XVIII в., а также Жалованной грамоты московским текстильным предпринимателям 1736 г. из Парижской Национальной библиотеки²³. А вот поездка в Гарвард обернулась публикацией поместно-вотчинных документов из Хоустонской библиотеки²⁴. Здесь важно отметить не столько важность и значимость названных источников. Ясно, что в отечественных архивохранилищах найдутся и найдутся материалы, может быть, гораздо более многочисленные, интересные и уж, конечно, более емкие. Поражает другое — заряженность исследователя на поиск «своих» источников среди моря чужеродных материалов и открытое желание поделиться ими с читателем.

Из всего вышесказанного с очевидностью вытекает, что само внедрение В. И. Буганова в XVIII в. не было неожиданностью, случайностью, или хуже того — спекулятивным желанием поэксплуатировать ставшую актуальной тему. Это стало для него логическим продолжением исследовательской программы, начатой на фактической основе одного столетия — XVII — и продолженной для изучения аналогичных проблем другого времени. В. И. Буганов был вдумчивым историком и не мог не видеть некую однопорядковость явлений, свойственных обоим столетиям, хотя и развивавшихся в других условиях. И коли из «бунташных» народных волнений века XVII он смог усмотреть и увидеть определенное единство с могучими выступлениями века XVIII, объединив их в одну группу явлений под названием *крестьянские войны*, возникшие на единой почве русского крепостничества, то не мог не усмотреть и единства процессов в эволюции системы государственного управления. Вот почему пристальное внимание к приказной системе логически трансформировалось в изучение особенностей реформ Петра I, с неуклонным укреплением абсолютной власти монарха. И это заставляет нас задуматься об оценке исследователем самой личности великого «реформатора» и его деяний. Опять же не обошлось без обращения к историографии и источникам. Не берусь судить, как возникла идея опубликовать отдельным изданием публичные чтения о Петре I С. М. Соловьева, но она была не случайной, когда в 1984 г. они вышли в серии «Памятники исторической мысли»²⁵, а ответственным редактором издания был В. И. Буганов. В любом случае очевидно, что он тщательно изучал взгляды велико-

го историка на Петра. И уж, конечно, совсем не случайно в связи с этим публикация всего годом позже книги датского историка Ханса Баггера «Реформы Петра Великого» в 1985 г. под общей редакцией и со вступительной статьей В. И. Буганова с характерным названием «Реформы Петра Великого» Х. Баггера и изучение истории России конца XVII — первой четверти XVIII в.»²⁶. Здесь мы уже наблюдаем пристальное внимание к эпохе Петра В. И. Буганова, ищущего ответы на явно исследовательские вопросы. Ответы складываются не сразу, пройдет несколько лет, прежде чем Буганов опубликует об этом книгу «Петр Великий и его время» на русском языке в 1989 г. и в этом же году ее вариант «Петр Великий — личность и эпоха» на синхальском, немецком, словацком и арабском языках²⁷.

Это было, пожалуй, последнее исследовательское внедрение В. И. Буганова в XVIII в. (если не считать «Полководцев»). Но как руководитель Центра источниковедения он внимательно отслеживал все работы своих сотрудников, касающиеся XVIII в. И автор этих слов тщится мыслью, что его книга по генеалогии уездного купечества, ответственным редактором которой был В. И. Буганов, была последней в библиографическом указателе ученого.

Примечания

- ¹ Он называл ее не иначе как «героической» (см.: Тысяча лет героической военной истории России // Бегунова А. К. Путь через века. М.: Молодая, 1988).
- ² Полтавское сражение — яркая страница героического прошлого // Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 275-летию Полтавской битвы (26–27 июня 1984 г.). Полтава, 1984.
- ³ Военное искусство в походах С. Разина // ВИЖ. 1973. № 12; Россия эпохи Суворова и Ушакова в «Россе непобедимом» В. Ганичева // Ганичев В. Росс непобедимый. М.: Детская литература, 1983; Полководцы XVIII в. М.: Патриот, 1992 (соавт. А. В. Буганов).
- ⁴ Как погиб К. Булавин // Рыбинская правда, Тувинская правда и др. 1964. 2.IV; 3.IV; и др.
- ⁵ Тайная канцелярия XVIII в. // ВИ. 1967. № 12.
- ⁶ Ср.: В преображенских застенках // ВИ. 1966. № 5; «Слово и дело государево» // ВИ. 1966. № 3.
- ⁷ О некоторых вопросах истории Второй крестьянской войны в России // ВИ. 1968. № 7.
- ⁸ «Советская Россия». 1973. 16.II; «Советская Калмыкия». 1974. 23.1; «Сельская жизнь». 1975. 24.I.
- ⁹ Об идеологии участников крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1974. № 1.
- ¹⁰ Об идеологии Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России // Научная конференция, посвященная 200-летию Крестьянской войны 1773–1774 гг. в России под руководством Е. И. Пугачева. Оренбург, 15–16 октября 1773 г.: Тезисы докладов. Оренбург, 1973; Об идеологии участников Крестьянской войны 1773–1775 гг. //

- Всесоюзная научная конференция, посвященная 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Октябрь 1973. Челябинск, 1976; Крестьянская война в 1773–1775 гг. — крупнейшее событие классовой борьбы XVIII в. // Участие народов в Крестьянской войне 1773–1775 гг.: Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции. Уфа, 3–5 июня 1974.
- ¹¹ Крестьянские движения в феодальной России // Доклад на Международной комиссии по славяноведению XV Международного конгресса исторических наук. Бухарест, 11 августа 1980 г. М., 1980.
- ¹² Крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева: Конференции в Москве, Оренбурге, Уральске // Вестник АН СССР. 1974. № 2; Советская историография Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева // Вестник АН СССР. 1974. № 9.
- ¹³ Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1976; К изучению крестьянских войн в России // ВИ. 1976. № 11; Крестьянские войны в России — итоги и перспективы исследований // Будущее науки. М., 1976.
- ¹⁴ Некоторые проблемы истории России XIII–XVIII вв. в освещении современной советской историографии // Новое в исторической науке. М., 1984 (в соавт. с А. А. Преображенским).
- ¹⁵ Предисловие к книге «Столетье безумно и мудро». М., 1986. С. 6.
- ¹⁶ Пугачев. Серия ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1984.
- ¹⁷ Емельян Пугачев. М.: Просвещение, 1990.
- ¹⁸ К вопросу о географии Второй Крестьянской войны // Историческая география России XII — начала XX в.: Сб. ст. М.: Наука, 1975.
- ¹⁹ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений: Сб. док. / отв. составитель Р. В. Овчинников. М.: Наука, 1975.
- ²⁰ Отголосками этих итогов и задач изучения крестьянских войн в России станут две статьи В. И. Буганова в исторических изданиях ГДР (Историческом ежегоднике и сб. ст. по классовой борьбе) и статья в польском «Квартальнике историчном» (см.: Виктор Иванович Буганов. Библиографический указатель. М., 1993. С. 39–40. № 227–229).
- ²¹ К изучению «повстанческого архива» Второй Крестьянской войны в России // Проблемы аграрной истории: (с древнейших времен до XVIII в.). Минск, 1978.
- ²² Новые документы о восстании крестьян Николо-Угрешского монастыря в 1756 г. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства. Т. IX. М., 1980.
- ²³ Два документа о Камчатке 60-х годов XVIII в. из Парижской Национальной библиотеки // Советские архивы. 1981. № 4; Жалованная грамота 1736 г. из Парижской национальной библиотеки — источник по истории Московской текстильной промышленности XVIII в. // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981.
- ²⁴ Русские поместно-вотчинные документы XVII–XVIII вв. в Хоустонской библиотеке Гарвардского университета (США) // Советские архивы. 1985. № 4.
- ²⁵ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом / отв. ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1984.
- ²⁶ Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований / пер. с датского и послесловие В. Е. Возгрин; вступ. статья и общая ред. В. И. Буганов. М.: Прогресс, 1985.
- ²⁷ Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989 (на рус. яз); Петр Великий личность и эпоха. М., 1989 (на синх., немец., словац., араб. яз.).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ XV–XVII вв.

А. А. Кузнецов

Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены

В летописной статье «А се князи Русьстии» содержатся сведения о событиях 1174–1176 гг.: после гибели князя Андрея Боголюбского его брат Михалко «в первое лето мстил обиду» и затем умер «того же лета»¹. Подобная информация есть в Летописи Авраамки (АВР) и Рогожском летописце (РОГ) под 6683 г. Смысл этого известия таков: в 6683 г. Кучковичами был убит великий князь Андрей Юрьевич²; после Андрея один год княжил брат его Михалко и умер; затем вокняжился брат его Всеволод, «владея всея землею Рускою»³. В РОГ и АВР не говорится об обстоятельствах вокняжения Михалка, о его борьбе с Ростиславичами и пр. В РОГ и АВР после статьи 6683 г. следует статья 6685 г., посвященная ослеплению Ростиславичей «от великого князя Всеволода»⁴.

Видимо, в РОГ и АВР надо искать истоки сведения о Михалке статьи «А се князи Русьстии». Об этом свидетельствует и организация времени в источниках. В статье «А се князи Русьстии» РОГ и АВР говорится, что Михалко мстил и умер в год гибели брата. Затем в РОГ и АВР говорится, что после Михалка «седе» брат его Всеволод (точной даты нет). О мести Всеволода — ослеплении племянников — читается в статье 6685 г. РОГ и АВР. Если точкой отсчета брать 6683 г., то 6685 г. получается третьим. Это совпадает с указанием статьи «А се князи Русьстии» на то, что после смерти Михалка пришел Всеволод на третий год и тоже мстил за смерть Андрея⁵. Источником кратких сведений АВР и РОГ, вероятно, бывших основой сообщения статьи «А се князи Русьстии», могла быть Новгородская первая летопись (НПЛ). В ней говорится о гибели Андрея Боголюбского (6682), о вокняжении во Владимире Михалка (6683), о его смерти и глаголом «одоле» сказано о победе Всеволода (6684). Лишь из контекста статьи 6685 г. (об ослеплении и прозрении Ростиславичей) следует, что Всеволод утвердился на владимирском столе⁶. НПЛ умалчивает о

действиях Михалка до вокняжения и во время княжения. Минимум датирующих ориентиров, скудное упоминание Михалка — индикаторы того, что текст, читаемый в НПЛ, стал источником сообщений 6683 г. в РОГ и АВР.

В статье «А се князи Русьстии» не указаны объект и характер мести Михалка. Нет этого и в НПЛ, Лаврентьевской (ЛЛ), Ипатьевской (ИЛ) и других летописях. Мотив мщения за обиду (гибель Андрея Боголюбского) более полно раскрыт в сообщении о Всеволоде Юрьевиче в статье «А се князи Русьстии». Рассказ начинается с его прихода на третий год из Селуня (подчеркивается христианское имя князя — Дмитрий Юрьевич) и мести за обиду брата Андрея: он утопил в коробах Кучковичей. Рассказ о казни сопровождается рассуждениями с привлечением библейских аналогий⁷. Описание княжеской мести Кучковичам в летописях не встречается. Исключением является Степенная книга (СК). В ней говорится: Всеволод, утвердившись после Михалка, казнил причастных к заговору против князя Андрея. Кучковичи, «зашитые» в короба, были утоплены в озере (в СК сообщается и о мести Михалка, но она не конкретизирована)⁸. СК создана в XVI в., а другой памятник, где похожим образом описана казнь убийц Андрея Боголюбского — «Повесть о зачале Москвы»⁹, — датируется XVI–XVII вв. Но месть, согласно «Повести...», вершил уже Михалко, а не Всеволод.

Ю. В. Кривошеев считает статью «А се князи Русьстии», СК, «Повесть о зачале Москвы» независимыми друг от друга источниками, достоверно свидетельствующими о возмездии убийцам Андрея Боголюбского¹⁰. Однако текст СК вторичен по отношению к статье «А се князи Русьстии» (зависит от нее)¹¹. Сложнее говорить об источнике сведений «Повести о зачале Москвы», где месть вершил лишь Михалко. В «Повести о зачале Москвы» приход Михалка во Владимир и месть датированы 6683 г., т. е. 1175 г., что не противоречит летописной датировке. Появление точной даты свидетельствует в пользу того, что авторы «Повести о зачале Москвы» опирались в работе на летописи. Возможно, так автор соотносил непонятные места в летописи: отсутствие объяснений того, в чем состояла месть Михалка в статье «А се князи Русьстии», и времени прихода Михалка во Владимир.

Видимо, по этому пути пошли авторы надгробного листа Михалка Георгиевича в Успенском соборе¹². Там написано, что князь, придя во Владимир, расправился с сообщниками убийц, а убийц велел зашить в короба и утопить в озере. В СК сообщение о том, что по приказу Всеволода убийц зашили в короба, приведено так же, как и в надгробном листе Михалка. Поэтому текст надгробного листа Михалка вторичен биографической справке Всеволода в СК¹³. Действия Всеволода в СК приписаны Михалку в надгробных листах и в «Повести о зачале Мо-

сквы», возможно, потому что авторы последних расширяли скудную биографию Михалка, поскольку Всеволоду «хватало» деяний в статье «А се князи Русьстии»¹⁴, бывшей источником СК.

Очевидно, что в статье «А се князи Русьстии» впервые появились тексты о мести Михалка (краткий) и Всеволода (пространный, в соединении с другими сообщениями о князе). Эти тексты были повторены в СК, а оттуда распространились в книжной среде России XVI–XVII вв. Они были включены в состав «Повести о зачале Москвы», где обогатились сведениями о соучастии в убиении Андрея его жены¹⁵ и о ее казни. Инициатором ее наказания и других преступников был Михалко. Из этой же традиции¹⁶, а может быть, непосредственно из «Повести о зачале Москвы» сведения о правосудии Михалки перекочевали в надгробные листы Успенского собора во Владимире, датруемые XVII в.¹⁷

В Супрасльской летописи (СУПР) известие о мести за обиду Андрея двумя его братьями расширено за счет указаний, что Михалко Кучковичей побил, что Кучковичей же затем побил Дмитрий-Всеволод, а также он за Юрьевым бояр «изыма и побил»¹⁸. Вероятно, при включении в СУПР текста статьи «А се князи Русьстии» сводчики объединили мести Михалка и Всеволода Юрьевичей. Мечь последнего объяснили битвой при Липице (1176), где Всеволод разбил племянника Мстислава Ростиславича и пленил часть ростовских бояр¹⁹. Отдельные бояре в ЛЛ указаны по именам, но ни один из них не принадлежит известным по той же летописи заговорщикам против Андрея Боголюбского. Очевидно, легендарное известие о мести в «А се князи Русьстии» Михалки и Всеволода не было понято сводчиками СУПР, и они его интерпретировали. Сведение о мести, вероятно, было вымышленным, поскольку в ранних летописных текстах ЛЛ, ИЛ, Радзивилловской летописи (РАДЗ) оно не встречается. Но поздних сводчиков беспокоило то, что в читаемые в ЛЛ, ИЛ и в близких к ним летописях имена убийц далее нигде не встречаются. Поэтому, привлекая библейский сюжет о Ендоре, книжники середины XV в. «покарали» убийц. Косвенным свидетельством в пользу того, что известие о мести сочинили авторы статьи «А се князи Русьстии», является то, что Михалка Юрьевич по крайней мере дважды оказывался в стане противников своего сводного брата Андрея Боголюбского²⁰, а потому лично мстить за него ему было нелогично. Михалко мстить за покушение на княжескую власть вообще.

Надо указать на преломление известия статьи «А се князи Русьстии» о мести со стороны Михалка и Всеволода Юрьевичей убийцам брата в «Истории Российской» В. Н. Татищева. В Примечаниях I редакции сообщается о возмездии убийцам Андрея Боголюбского: казнь убийц и заточение убийц в монастырь (sic!) — с указанием на противоречивые источники. В одних говорилось о наказаниях со сто-

роны Михалка. А «другие говорят», что Всеволод велел переломать кости убийцам и в коробах в озеро отпустил, а жену Андрея Боголюбского велел повесить на воротах и расстрелять из луков, а затем бросить в то же озеро, получившее название Поганое²¹. Во II редакции «Истории Российской» сведения о казни убийц Андрея Боголюбского даны в основном тексте: Кучковичей и Анбала повесили и расстреляли, других 15 человек обезглавили, княгиню зашили в короб с камнем и утопили в озере, куда затем побросали тела казненных. Озеро получило название Поганое²². В примечании Татищев добавил, что в разных источниках даны две версии по поводу того, кто вершил суд над убийцами — Михалко или Всеволод²³. Татищев колебался между ними и не стал использовать известную ему статью «А се князи Русьстии», предпочтя ей СК. Но еще одним источником могла быть «Повесть о зачале Москвы», единственный текст, где сообщается, что суд вершил Михалка, и экзекуция была применена к вдове Андрея Боголюбского.

Возможно, был еще один источник, использованный Татищевым для создания версии об участии жены Андрея Боголюбского в заговоре против него. Это — миниатюры РАДЗ. В миниатюре, посвященной убийству князя в 1174 г., женщина в восточном одеянии держит отрубленную руку²⁴. Исследователи идентифицировали с этой женщиной жену-булгарку Андрея Боголюбского²⁵. Но текст РАДЗ об убийстве Андрея Боголюбского²⁶ и миниатюра РАДЗ, посвященная этому же преступлению, расходятся²⁷. Сообщение РАДЗ аналогично сведению ЛЛ, где о жене не говорится²⁸. В РАДЗ нет и текстового аналога ее же миниатюре, где, по мнению Б. А. Рыбакова, показан суд над убийцами Андрея Боголюбского²⁹. Рыбаков считал, что изображения на л. 215, 221 отразили реальные детали событий, не зафиксированные в летописях. Он реконструировал события, используя именно труд Татищева и его «сообщения» о суде Михалка³⁰. Если допустить правоту Рыбакова, то Татищев, работавший с РАДЗ³¹, так же мог интерпретировать ее изображения убийства Андрея Боголюбского и «суда» над его участниками.

Интересно и другое — «разночтение» соответствующего текста и миниатюры РАДЗ (особенно четкое в случае л. 215). Допуская, что на л. 221 изображен суд Михалка над убийцей сводного брата, надо считать, что в этих двух миниатюрах РАДЗ отразились реалии текста, ранний вариант которого читается в статье «А се князи Русьстии», а значит — и в СК. Татищев мог соотнести данные СК и миниатюры РАДЗ в варианте Кабинетной летописи. Поэтому нет оснований видеть в миниатюрах на л. 215, 221 следование изображениям летописей XII в. Очевидно, что эти миниатюры — плод творчества конца XV столетия, подобные пририсовкам, как это установил А. П. Толочко. Остается лишь согласиться, что надо проверять миниатюры

РАДЗ как достоверный источник по истории XII–XIII вв.³² Как было показано, именно миниатюры РАДЗ сыграли уже для Татищева роль важного компонента в конструировании яского происхождения жены Андрея Боголюбского³³. Возможно, восточный облик женщины, присутствующей в этих сценах³⁴, вынудил Татищева приписать ей яское происхождение.

Одни и те же миниатюры РАДЗ и сведения Татищева, посвященные гибели Андрея Боголюбского, позволяют исследователям делать полярные выводы. Б. А. Рыбаков увидел в женской фигуре (РАДЗ. Л. 215), держащей отрубленную руку, жену Андрея Боголюбского³⁵. Используя миниатюру РАДЗ на л. 221, он безоговорочно повторил, что женская фигура — жена (вдова) Андрея Боголюбского³⁶. При такой безусловности историк, описывая миниатюру, увидел в коленопреклоненной фигуре женщину лишь предположительно. Женщину на л. 215, 221 Б. А. Рыбаков назвал княгиней, женой Андрея Боголюбского, а позднее указал и ее имя — Улита³⁷.

В 1976 г. Б. А. Рыбаков провел идентификацию с опорой на В. Н. Татищева, считая, что тот использовал Еропкинскую летопись начала XIII в.³⁸ Повторение в 1994 г. Рыбаковым версии 1976 г. с добавлением имени Улита противоречит сведениям II редакции труда Татищева, согласно которым жена Андрея Боголюбского, соучастница убийства, была ясыней. Улитой Кучковной жена Андрея Боголюбского названа в I редакции труда Татищева. В этот узел Рыбаков вплел и сведение Тверского сборника (ТВ) об убийстве князя в 1174 г. «по научению своеа ему княгини»³⁹. В 1994 г. историк повторил ссылки на ТВ и Татищева, опять указав на Улиту Кучковну. Между тем сведения ТВ и Татищева различны: в ТВ — безымянная болгарка, причастная к заговору, в «Истории Российской» — либо Улита Кучковна (I редакция), либо ясыня (II редакция), уехавшая из Боголюбова накануне преступления⁴⁰.

Толкование миниатюры РАДЗ (л. 215) под углом участия в заговоре против Андрея Боголюбского его жены укрепилось в историографии⁴¹. Однако ни из текста РАДЗ, ни из миниатюры (л. 215) не следует, что на последней в сцене убийства князя изображена именно его жена. В доступных источниках нет сведений, что жена князя держала его отрубленную руку.

Контекст упоминания жены Андрея Боголюбского в ТВ не противоречит тому, что она присутствовала при преступлении. В «Повести о зачале Москвы» указывается, что жена Кучковна ввела в спальню к князю Андрею убийц⁴², а значит, и присутствовала при убийстве. Поэтому миниатюра РАДЗ на л. 215 могла иллюстрировать текст ТВ (с оговорками) или «Повесть о зачале Москвы»⁴³. На миниатюре РАДЗ (л. 215) изображена женщина, возможно, в восточном одеянии, что может свидетельствовать о жене-болгарке, про которую написа-

но в ТВ. Но в ТВ не указано, что она присутствовала при убийстве. В «Повести о зачале Москвы» это указание есть, но тогда надо объяснить «восточное» одеяние героини миниатюры РАДЗ.

Есть еще одна деталь текстов об убийстве Андрея Боголюбского, отраженная на миниатюрах (л. 214 об., 215) РАДЗ. Это — воин в доспехах и шлеме, с копьем, щитом. Он выделяется на фоне одетых «цивильно» персонажей. В ИЛ говорится о том, что Андрея Боголюбского, кроме ударов мечами, уязвили копьями (в ЛЛ убивали мечами и саблями)⁴⁴. В НПЛ князя убили копьями⁴⁵. В большинстве летописных текстов, сообщающих об убийстве мечами (саблями) и копьями, на последних не делается акцента. Нет этого акцента и в «Повести о зачале Москвы» (просто оружие)⁴⁶. Особую роль копьё играет в тексте об убийстве Андрея Боголюбского в ТВ: «бе бо князь силен велми, и удари един рогатиною, и пронзи свой друг, князь же отскочи»⁴⁷. Это сведение читается в повествовании о борьбе в княжеской спальне. Затем говорится о поиске убийцами раненого князя и убийстве его после того, как Петр «оття» правую руку жертве. На миниатюре же РАДЗ копьем поражается князь, а не сообщник. Внимание на копьё в тексте ТВ и в изображении РАДЗ позволяет говорить, что последнее отражало традицию текста об убийстве Андрея Боголюбского, близкого к ТВ.

Принципиальное отличие ТВ от изображения в РАДЗ то, что копьё в ТВ фигурирует на первой стадии убийства — борьбе в спальне (так же в ИЛ). На миниатюрах РАДЗ изображены нападение на спящего на ложе князя (л. 214 об.; полное несоответствие летописным текстам, где князь борется с убийцами) и добивание раненого князя (на это указывает уже отрубленная рука). Во всех текстах, кроме НПЛ и «Повести о зачале Москвы», финал убийства совпадает, сопровождается указанием, что Петр отрубил правую руку князю. Возможно, что на миниатюре РАДЗ (л. 215) изображены одновременно две стадии убийства Андрея Боголюбского, но женщины нет на миниатюрах л. 214 об. (первая стадия). Но то, что женщина держит уже отрубленную руку князя, говорит о том, что она присутствовала при финале убийства. И это трудно представить, если исходить из реалий рассказа РАДЗ о преступлении 1174 г. В этом случае нельзя аналогии изображению РАДЗ искать в «Повести о зачале Москвы», где не отрубалась рука, не прописано оружие. Видимо, самой близкой аналогией является текст ТВ.

Главное доказательство правдоподобности миниатюры л. 215 РАДЗ — отрубленная рука. В летописях, где читается сведение о втором этапе убийства князя, указывается, что смерть была вызвана отрубанием правой руки князя Петром. Однако на миниатюре женщина держит левую руку, отрубленную у лежащего князя. Историки, соотнося это изображение с результатами антропологического обследо-

дования останков Андрея Боголюбского, считают, что миниатюра отразила реальную картину убийства: у князя при убийстве пострадала левая часть верхнего плечевого пояса⁴⁸. Но она только была сильно иссечена⁴⁹ — ампутации не было, т. е., никто не мог держать отрубленную конечность, а потому ее изображение на миниатюре — вымысел, как и то, что говорится в летописях об отрубании правой руки.

Изображение левой отрубленной руки имеет, видимо, возможность семиотического истолкования. Однако подобные построения И. Н. Данилевского и Ю. В. Кривошеева⁵⁰ кажутся надуманными. Внимание надо обратить на положения, прописанные Н. Е. Мазаловой (использованы Ю. В. Кривошеевым), и текст ИЛ. Мазалова указывает, что левая рука считается в народном сознании некрещеной: крестятся правой рукой⁵¹. Судя по ИЛ, убийцы застигли и добились раненого князя во время молитвы⁵². Князь молился, воздев «руце»⁵³. Именно по правой руке, воздетой к Богу, и ударил Петр в рассказе ИЛ. Отрубание правой, «крещеной», руки во время молитвы можно приравнять убийству в стенах храма⁵⁴. Поэтому в летописный текст и было введено «сведение» об отсечении правой руки князя. Этот вывод корректен при условии, что в ИЛ сохранился первоначальный, исходный и полный текст «Повести об убиении Андрея Боголюбского»⁵⁵. Если же первичный рассказ сохранился в ЛЛ, то вышеприведенная трактовка отрубания руки лишается смысла, поскольку в ЛЛ не говорится о молитве князя перед гибелью и сообщается только об отсечении «десной» руки. В. А. Кучкин, указав на ряд несоответствий и смысловых противоречий в тексте ИЛ⁵⁶, отметил, что многие места молитвы Андрея Боголюбского восходят к киевскому летописцу⁵⁷, соединившему в 1198 г. рассказ, читаемый в ЛЛ, с оригинальным источником⁵⁸. В силу этого остается открытым вопрос об изначальном сопряжении в текстах отрубленной руки и молитвы князя. Не ясна молитва князя — реалии самобытного, наравне с ЛЛ, текста или вставка в него киевским летописцем. От решения данного вопроса зависит объяснение мотивации сочинения отрубленной руки.

Очевидно, миниатюры РАДЗ отразили сведения традиции, отличной от текстовой традиции РАДЗ (ЛЛ), ИЛ. Миниатюрам РАДЗ XV в. соответствуют тексты XVI–XVII вв. Истоки этих текстов обнаруживаются в статье «А се князи Русьстии» середины XV столетия. Данная текстовая традиция распадается на две части. В одной четко прописывается участие жены Андрея Боголюбского в заговоре, в другой внимание сосредоточено на расправе над заговорщиками. Для миниатюры РАДЗ, где изображено убийство князя, самым близким текстовым аналогом является ТВ⁵⁹. Поэтому нельзя привлекать известия ТВ, «Повести о зачале Москвы» и заключения В. Н. Татищева

для обоснования участия жены Андрея Боголюбского в заговоре, для доказательства ее этнического происхождения, для реконструкции суда над заговорщиками 1174 г.

Примечания

- ¹ Читается в памятниках: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НПЛ) // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 467–469; Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки (далее — АВР) // ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 309–312. В искаженном виде статья «А се князи Русьстии» читается в Никифоровской и Супральской летописях: Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 19 (НИКФ) — нет начала текста; С. 36 (СУПР); НПЛ. С. 468; АВР. Стб. 310.
- ² В АВР подробно сказано об убийцах: 20 человек, из них Петр Кучков зять, Ясын ключник, Яким Кучкович, Анбал.
- ³ Рогожский летописец (далее — РОГ) // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 23; АВР. Стб. 46.
- ⁴ РОГ. Стб. 23; АВР. Стб. 46.
- ⁵ НПЛ. С. 468; АВР. Стб. 310; СУПР. С. 36. В СУПР утверждается, что Всеволод пришел из Киева, а в АВР и НПЛ — из Селуня, из-за моря.
- ⁶ НПЛ. С. 34–35, 223–224.
- ⁷ НПЛ. С. 468; АВР. Стб. 310.
- ⁸ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии: в 3-х т. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М., 2007. С. 450–451, 473.
- ⁹ Повесть о зачале Москвы // *Салмина М. А.* Повести о начале Москвы. М.; Л., 1964. С. 179–180.
- ¹⁰ *Кривошеев Ю. В.* Гибель Андрея Боголюбского: Историческое расследование. СПб., 2003. С. 145–148. Правда, здесь Ю. В. Кривошеев пытается подкрепить достоверность сведений В. Н. Татищева о расправе над женой Андрея Боголюбского, якобы замешанной в заговоре.
- ¹¹ *Усачев А. С.* Источники Степенной книги по истории домонгольской Руси // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 330–333.
- ¹² Лист над гробом благоверного великого князя Михалка Георгиевича // Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. СПб., 2003. С. 75.
- ¹³ *Сиренов А. В.* Создание Жития Георгия Всеволодовича и надгробные листы Успенского собора // Путь к граду Китежу... С. 41–42, 43.
- ¹⁴ НПЛ. С. 468; АВР. Стб. 310–311; Лист над гробом... С. 73–74.
- ¹⁵ Только в Тверском сборнике говорится о моральном соучастии в убийстве Андрея Боголюбского его жены-болгарки, в чем также можно видеть влияние устной традиции на летописание (Тверской сборник (далее — ТВ) // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 250–251).
- ¹⁶ А. В. Сиренов считает, что надгробные листки Успенского собора вместе с Житием Георгия Всеволодовича появились в 1645 г. в среде книжников Печатного двора, близких к окружению патриарха Иосифа (*Сиренов А. В.* Указ. соч. С. 48).
- ¹⁷ *Сиренов А. В.* Указ. соч. С. 48.
- ¹⁸ СУПР. С. 36. С этого места начинается изложение НИКФ (НИКФ. С. 19).
- ¹⁹ Лаврентьевская летопись (далее — ЛЛ) // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 381–382.
- ²⁰ Ипатьевская летопись (далее — ИЛ) // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 544, 571–572.
- ²¹ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 4. М.; Л., 1964. С. 449.

- ²² Там же. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 113.
- ²³ Там же. С. 250.
- ²⁴ Радзивилловская летопись (далее — РАДЗ). Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб.; М., 1994 (в РАДЗ в этом случае нет разницы между обозначением настоящей публикации и собственно текста). Л. 215; *Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н.* Описание миниатюр Радзивилловской летописи // Там же. С. 386; *Рыбаков Б. А.* Борьба за суздальское наследство в 1174–1176 гг. по миниатюрам Радзивилловской летописи // Средневековая Русь. М., 1976. С. 90.
- ²⁵ *Рыбаков Б. А.* Борьба за суздальское наследство... С. 89–90, 100; Его же. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII веков // РАДЗ. С. 297.
- ²⁶ РАДЗ. Л. 214 об. — 215, 225.
- ²⁷ *Рыбаков Б. А.* Миниатюры... С. 297.
- ²⁸ ЛЛ. Стб. 369.
- ²⁹ РАДЗ. Л. 221; *Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н.* Указ. соч. С. 388. В «Описании миниатюр» четырьмя авторами предложена иная интерпретация изображения — «Посольство суздальцев к Михалку Юрьевичу Владимирскому о прощении и приходе в Суздаль». Хотя в этом же издании Б. А. Рыбаков видит в миниатюре суд над убийцами Андрея Боголюбского (см.: *Рыбаков Б. А.* Миниатюры... С. 297). В статье 1976 г. Б. А. Рыбаков предполагал, что суд Михалка происходил конкретно над вдовой Андрея Боголюбского, считая, что коленапреклоненная фигура, возможно, принадлежит женщине (см.: *Рыбаков Б. А.* Борьба за суздальское наследство... С. 99–100).
- ³⁰ *Рыбаков Б. А.* Борьба за суздальское наследство... С. 100. Ссылка лишь на основной текст II редакции (*Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 113).
- ³¹ В. Н. Татищев работал с иллюминированной копией РАДЗ (Кабинетной летописью) (см.: *Толочко А. П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 54–55).
- ³² *Толочко А. П.* Пририсовки зверей к миниатюрам Радзивилловской летописи и проблема происхождения рукописи // *Ruthenica*. Т. 4. Киев, 2005. С. 84; То же // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3. С. 105.
- ³³ *Кузнецов А. А.* Источниковедческие аспекты проблем биографии Георгия Всеволодовича // Мининские чтения. Н. Новгород, 2007. С. 288–291, 305–306.
- ³⁴ *Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н.* Указ. соч. Миниатюры № 543, 544. С. 384; РАДЗ. Л. 215.
- ³⁵ *Рыбаков Б. А.* Борьба за суздальское наследство... С. 89–90, 100; Его же. Миниатюры... С. 297.
- ³⁶ *Рыбаков Б. А.* Борьба за суздальское наследство... С. 100. Позднее Б. А. Рыбаков видел в миниатюре на л. 221 лишь суд Михалка, где коленапреклоненная фигура уже не напоминала женщину (*Рыбаков Б. А.* Миниатюры... С. 297). Другие издатели РАДЗ усмотрели в этой сцене посольство суздальцев к Михалке (см.: *Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н.* Указ. соч. С. 388).
- ³⁷ *Рыбаков Б. А.* Борьба за суздальское наследство... С. 100; Его же. Миниатюры... С. 297.
- ³⁸ *Рыбаков Б. А.* Борьба за суздальское наследство... С. 100.
- ³⁹ ТВ. Стб. 250–251; *Рыбаков Б. А.* Борьба за суздальское наследство... С. 100.
- ⁴⁰ *Татищев В. Н.* Указ. соч. Т. 3. С. 113; Т. 4. С. 285.
- ⁴¹ *Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н.* Указ. соч. С. 386 (комментарий М. 543). См. там же ссылки на предшественников в этом мнении.
- ⁴² Повесть о зачале Москвы // Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 232.

- ⁴³ Похожий текст (указано имя княгини — Улита Кучковна) читается в Хронографе XVII в., опубликованном М. Н. Тихомировым и воспроизведенном И. Н. Данилевским (*Тихомиров М. Н.* Древняя Москва: XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях: XIV–XV вв. М., 1992. С. 174–175; *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001. С. 79).
- ⁴⁴ ИЛ. Стб. 587.
- ⁴⁵ НПЛ. С. 34 (рогатины), 223 (копьями).
- ⁴⁶ Повесть о зачале Москвы // Материалы по истории СССР... С. 233.
- ⁴⁷ ТВ. Стб. 252.
- ⁴⁸ *Данилевский И. Н.* Указ. соч. С. 78–90; *Кривошеев Ю. В.* Указ. соч. С. 110–112; *Лимонов Ю. А.* Владимир-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 82, 94–95; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 82–85, 92–97.
- ⁴⁹ *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М.; Л., 1965. С. 267–269 (глагол «рассек», а не «отсек» как у И. Н. Данилевского (*Данилевский И. Н.* Указ. соч. С. 78)).
- ⁵⁰ *Данилевский И. Н.* Указ. соч. С. 85–90 (библейские реминисценции, переключка с сюжетом об отрубании у Феодора правой руки); *Кривошеев Ю. В.* Указ. соч. С. 113–116 (объяснение с точки зрения конфликта христианского и языческого мировоззрений).
- ⁵¹ *Мазалова Н. Е.* Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб., 2001. С. 33–34.
- ⁵² ИЛ. Стб. 587–589.
- ⁵³ Там же. Стб. 587.
- ⁵⁴ Андрей Боголюбский предостерегает убийц от уподобления Горясеру — убийце Глеба в 1015 г. Это отсылает к текстам о Борисе и Глебе, где подчеркивается, что братья были убиты либо во время молитвы, либо сразу после нее. Естественное поведение христианина в преддверии смерти в текстах превратилось в тоpos, служащий прославлению героев. Топос усилен в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского тем, что он был лишен даже времени и средства (рука) молитвы. Поэтому можно отметить замечание И. Н. Данилевского, согласно которому, «неясно, почему отсечение правой руки более эффектно, чем левой» (*Данилевский И. Н.* Указ. соч. С. 85).
- ⁵⁵ *Воронин Н. Н.* Повесть об убийстве Андрея Боголюбского и ее автор // История СССР. 1963. № 3; *Его же.* Андрей Боголюбский. М., 2007. С. 216–218; *Данилевский И. Н.* Указ. соч. С. 75–78 (исследователь оперирует исключительно с ИЛ); *Колесов В. В.* Повесть об убиении Андрея Боголюбского. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 4. С. 617.
- ⁵⁶ *Кучкин В. А.* Летописные повествования об убиении кн. Андрея Боголюбского // Письменные памятники Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 64–65.
- ⁵⁷ Там же. С. 62–63.
- ⁵⁸ Там же. С. 63, 65.
- ⁵⁹ Создание рукописи РАДЗ в пределах великого княжества Литовского (*Клосс Б. М., Чернецов А. В.* Радзивилловская летопись // Письменные памятники Древней Руси... С. 30, 31) позволяет еще более приблизить к ее миниатюре на л. 215 текст ТВ, известного в южнорусских списках. Поскольку ТВ сохранился в списках начала XVII в., то возникает проблема датировки получения миниатюристом РАДЗ (конец XV в.) текста, читаемого в ТВ. Благодарю А. П. Толочко за это замечание.

Комплекс приходо-расходных книг Соловецкого монастыря XVI в.*

До недавнего времени комплекс приходо-расходных книг Соловецкого монастыря — одной из крупнейших и влиятельнейших обителей России эпохи позднего Средневековья — почти не привлекал внимания источниковедов, хотя информация этих источников широко использовалась в трудах социально-экономического характера, в работах, посвященных проблемам материальной и духовной культуры¹.

Ситуация изменилась в 2005 г. в связи с выходом в свет книги В. И. Иванова «Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.»². Непосредственным объектом источниковедческого изучения В. И. Иванова, наряду с приходо-расходными книгами Николо-Корельского и Онежского Крестного монастыря, стали учетно-отчетные документы Соловецкого монастыря. Автор установил состав учетно-отчетной документации Соловецкой обители, степень ее сохранности, предложил принципы классификации комплекса соловецких приходо-расходных книг, поставил вопрос о достоверности монастырского учета. Однако большая часть источниковедческих наблюдений автора базировалась на документации XVII в. Книга Иванова продемонстрировала необходимость детального изучения корпуса наиболее ранних соловецких приходо-расходных книг, исследования эволюции их формуляра, содержащейся в них информации. Особая актуальность исследования древнейших приходо-расходных книг Соловецкого монастыря была подчеркнута и в 2007 г. в связи с изданием С. Н. Кистеревым книги вологодской службы этой обители за 1583–1585 гг., которой была предпослана содержательная вводная статья, содержащая анализ информации источника и его значения для исторических исследований³.

Предлагаемая вниманию читателей работа ставит своей целью поделиться наблюдениями над составом всего корпуса уцелевших до наших дней приходо-расходных книг Соловецкого монастыря XVI в., а именно 1571–1600 гг.

Появление хозяйственной учетной документации в Соловецком монастыре, судя по всему, было связано с деятельностью игумена Филиппа Колычева. Согласно сведениям первой из дошедших до нас отводных книг крепостной службы монастыря — 1639 г., — наиболее ранняя из приходо-расходных книг, хранившихся на тот момент в мо-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00175а.

настырском хозяйственном архиве, относилась ко времени игуменства Филиппа. Это была книга «казенная денежная» казначея старца Иосифа 1557/58–1559/60 гг.⁴ Книга казначея Иосифа не уцелела, не уцелел и ряд последующих. Древнейшие из известных на настоящий момент соловецких приходо-расходных книг — это две книги казначея Архипа: книга 1571–1574 (1571 г., не позднее мая 25 — 1574 г., 30 сентября) и продолжающая ее книга 1574–1575 гг. (1574 г., 30 сентября — 1575 г., не позднее 31 августа)⁵. Именно книги казначея Архипа 7079–7083 гг. в описи соловецкого архива 1639 г. следуют за книгами казначея Иосифа 1550-х гг. Начальная дата книг казначея Архипа совпадает с первым годом игуменства Варлаама.

Начиная с этих документов приходо-расходные казначейские книги сохранились (с некоторыми пропусками) в фонде Соловецкого монастыря Российского государственного архива древних актов (ф. 1201). Это наиболее объемистый и, вместе с тем, лучше всего сохранившийся корпус учетной хозяйственной документации.

Приходо-расходные книги казначеев — самая информационно насыщенная часть соловецкого хозяйственного архива, существенно расширяющая источниковую базу для исследования социальных и экономических реалий средневековой России. Особенно значимы данные приходо-расходных книг казначеев о размерах налогообложения монастырских крестьян и их повинностях в пользу монастыря, о крестьянской аренде, о таможенных сборах в монастырских волостях, об условиях найма рабочей силы, о ценах на продовольствие и предметы первой необходимости. Немаловажна и содержащаяся в них информация о повседневной внутренней жизни в крупнейшем центре культуры средневековой России, его тесных связях с «миром», его высоком авторитете в окружающем социуме. Так, даже беглое ознакомление с информацией денежных книг казначеев о монастырских вкладчиках позволяет сделать вывод, что большая часть вкладов приходилась на долю северного крестьянства, а данные о прозвищах представителей монастырской братии, слуг, прочих монастырских людей и трудников указывают на численное преобладание в обители выходцев из поморских уездов. Сведения этого вида хозяйственной документации представляют несомненный интерес и для исследований в области политической истории России. В частности, как показало основанное на материалах казначейских приходо-расходных книг исследование жизненного пути некоторых соловецких иноков в 1590-х гг., а также в годы Смуты, центральная власть искала опору в наиболее авторитетных из них, перемещая их на ключевые должности главного монастыря страны — Троице-Сергиева⁶.

Уже в 1570 — начале 1580-х гг. выявились все основные отличительные черты оформления и содержательной стороны соловецких казначейских приходо-расходных книг, которые будут свойственны

этим хозяйственным документам в последующие годы XVI в. и в начале XVII столетия.

Беловые казначейские книги (черновых не сохранилось) открывались преамбулой, в которой сообщалось о назначении игуменом и монастырским собором нового казначея, которому поручалось «ведати в денежной казне приход и расход». В конце приходной или расходной части книги делалась запись о проверке отчетности казначея (его «счете») игуменом и соборными старцами и о том, что у него «приход с расходом шелся». Кроме того казначейские книги потетрадно (в некоторых случаях полистно) скреплялись лицами, проверявшими отчетность. Исключение представляет собой книга казначея Иосифа Рыкунова 1581–1582 гг., в которой отсутствуют запись о «счете» и рукоприкладства⁷.

Поскольку ежегодная сменяемость казначеев в Соловецком монастыре была вовсе не обязательной, соответственно не обязательной была и ежегодная проверка отчетности. Беловые книги готовились к моменту проверки деятельности казначея по причине его отставки. К примеру, старца Феоктиста, заступившего на должность казначея 20 декабря 1593 г., «считали» лишь через два с лишним года, 4 января 1596 г., а отчетность старца Архипа, назначенного 2 марта 1596 г., проверяли лишь после его отставки, последовавшей четыре с лишним года спустя, 2 октября 1600 г.⁸

Иногда имели место и промежуточные «счеты» одного и того же казначея. Так, в первый срок казначейства старца Архипа промежуточный его «счет» 30 сентября 1574 г. имел следствием появление и оформление его нового отчетного документа, скрепленного рукоприкладствами тех лиц, которые «считали» его при передаче дел казначею Акакию. Казначей Созонта, заступившего на должность 26 января 1579 г., «считали» 11 января 1581 г. (решение о переназначении его казначеем было принято несколько ранее — 3 января), а затем — 24 апреля того же года при передаче дел казначею Иосифу Рыкунову. Каждый из двух отчетных документов казначея Созонта был заверен отдельно, несмотря на то, что впоследствии они были сброшюрованы в единый кодекс, который был дополнен еще одним документом — расходной памятью старца Созонта за период с 29 апреля по 29 мая 1581 г., когда он исполнял обязанности «платяного казначея». При этом в составе лиц, «считавших» старца Созонта и скрепивших составленные им книги, есть различия. Еще один пример промежуточного «счета» казначея — книги старца Венедикта. Заступившего 14 мая 1583 г. на должность казначея старца Венедикта «считали» 14 января 1585 г., однако 16 января того же года старца Венедикта вновь назначили казначеем. В следующий раз его «считали» ровно через год, 16 января 1586 г. Результатом этих двух «счетов» было появление двух дошедших до наших дней документов. Его следующая

приходо-расходная книга (или книги) не сохранилась, тем не менее старец Венедикт продолжал исполнять обязанности казначея и передал дела старцу Флавиану лишь 1 мая 1587 г.⁹ Казначея Флавиана также «считали» дважды: 11 декабря 1587 г. и 20 ноября 1588 г. Благодаря этим «счетам» мы располагаем двумя книгами старца Флавиана, каждая из которых, несмотря на то что они сброшюрованы вместе, является самостоятельным документом¹⁰.

Наличие записи о «счете» казначея, относящейся к обеим частям книги — приходной и расходной, — и рукоприкладства, скрепляющие обе эти части книги, делают приходо-расходную книгу казначея единым документом. Поэтому соловецкие казначейские книги не вписываются в схему описания приходных и расходных книг, разработанную А. Г. Маньковым, когда приходная и расходная «памяти» каждого года выделяются как самостоятельные документы. В этом отношении следует солидаризироваться с В. И. Ивановым, соотносящим приходо-расходные книги с именами ведущих их старцев.

При использовании сведений книг денежной казны следует иметь в виду, что казначеи осуществляли учет лишь текущего прихода и расхода денежных средств. Они не имели доступа к «большой казне», в которую «отписывался» чистый доход монастыря. Только решением игумена и «черного собора» в случае необходимости разрешалось «вынять» определенную сумму «ис коробы отписных денег» и передать казначею на текущие нужды¹¹. Данных о ведении систематических учетных записей в отношении «большой казны» не имеется. Судя по всему, записные книги «большой казны» в Соловецкой обители не велись. Поэтому не исключено, что часть денежных средств в казначейских книгах вообще не отражена.

Вместе с тем ранним соловецким приходо-расходным книгам свойственно включение в приходную часть не только денежных, но отчасти и натуральных поступлений. В особенности это касается такой статьи монастырского бюджета, как вклады. Казначеи записывали как денежные вклады, так и одновременные им вклады вещевые, исчисляя их денежное выражение. Иной раз натуральные продукты принимались в обмен за тот или иной товар или услугу. Здесь можно привести красноречивый пример приобретения в 1572/73 г. новой кельи бывшим соловецким игуменом Паисием Картмазовым, в 1568 г. свидетельствовавшим против митрополита Филиппа и сосланным на о. Валаам, но впоследствии вернувшимся в монастырь. Старец Паисий внес за келью 6 пудов меда, которые были ему засчитаны за 4 руб.¹² В некоторых случаях источники зафиксировали смешанные сделки натурального и денежного обмена. Вот характерные примеры: «Лета 7081-го старец Фегнаст продал Якову сумлянину вклатчику сала ворваньа семдесят шесть бочек, взял тысячу сорок три полицы железа цреннаго, да семнатцать сажен порубней, да тритцать шесть

свясков лну, да полтретьятцать рублев денег и полтретьятцать алтын. Да лну продал на два рубля и на пять алтын»¹³; «Горонтей старец продал на Двине четыре постава сукон однорядочных, взял полшеснатцата рубля; за полпята рубля пять пудов меду патоки. И всего дватцать рублев взято и с медом»¹⁴.

Особенности соловецких казначейских книг — отсутствие дат у большинства приходных и расходных записей и отсутствие прямых цитат из финансовых отчетов старцев других служб — «памятей». Отсутствуют и ссылки на «памяти», как это, например, в ряде случаев делалось в Иосифо-Волоколамском монастыре. Между тем содержание «памятей» довольно пространно излагается в некоторых записях казначеев в виде пересказа. Так, в одной из приходных записей 1572/73 г. читаем: «Соловецкого монастыря слуга Максим дал казначею Архиппу денег два рубля, продал полцрена под Вирмою Афонасью Низовскому. Да он же дал двенатцать алтын, взяли у Исака за корову. Да по кабале на Якуше на Порожском взял дватцать алтыны с полуденгою, да на Обросиме взял сорок два алтына две денги, да на Ондрее на Попове взял полтора рубля, и те денги на сумских крестьянех. Да что отдавал на бразгу теребы косити и островки и продавал избушки пустые да за двор и за варницу Поповичевых взял полтретья рубля и полчетверта алтына. Да с четырех поездов с выских (т. е. реки Выг. — *Е. Ф.*) оброку взял два рубля. Да с куч бразги с теребовых пожень взял пятнатцать алтын три денги за лето осмьдесятое. Да црнной дани взял дватцать алтын два алтына четыре денги, что при Исайте не платили сумляне. Да из забора рыбы продал на полтора рубля. И те денги все отдал казначею, тринацать рублев и два алтына без полуденги»¹⁵. В других случаях финансовые отчеты соловецких служебников излагаются более лаконично, например, приходная запись 1573/74 г.: «Старец Мисаило привез девять рублев с четвертью, взял на монастырских крестьянех, на сумских да на колежемских, и на виремских, и на суховолоцких, и на шиженских, и на сороцких, и на островлянах, что за них платили в Великом Новегороде старцы соловецкие Фегнаст да Петр данные денги и приметные 79-го году»¹⁶. Иной раз такие памяти лишь угадываются в ряде последовательных приходных или расходных записей, таких как следующие записи 1581 г.: «Продано сухонаволочаном Ондруну да Филе, да Якову кузнецу с товарищи 50 полиць железа, взято полтретья рубля. Да сухонаволочаном же дан остров Шужмоя на лето сено косить, а празги (так в ркп. — *Е. Ф.*) взято у них полтина. Продано тем же сухонаволочаном два пятка конопля, взято восьмьнатцать алтын»¹⁷.

Наиболее полно передается содержание «памятей» в книге казначея Иосифа Рыкунова. В качестве примера можно привести расходные записи от 30 июня 1581 г., связанные с торговой поездкой монастырского слуги Степана Кривого в Заонежье. Сначала подробно

перечисляются товары, приобретенные Степаном с указанием цены каждого, а затем в подробностях расписываются его дорожные издержки: «Да у Степана же разошлось на всякой расход на берегу, как он на монастырской обиход товар покупал: тивун толвуской старец Мокарей Борозда взял явки восемь денег; да в Шунгу едуци, на перевозех вышла гривна; да на Парандове суды спущал, дал пять алтын две денги; на Повенце купил хлебов на пять алтын; да Соболю в Шунге проести стало семь алтын; да в Толвуи два хлеба и рыбы купил на пять алтын; да из Толвуй нанял до Повенца товар вести, дал три алтына; да на Рамбаке и на Маселге судно и товар возили, дал тринадцать алтын; да из Сороки до Соловков нанял человека, дал десять денег. И всего рубль и одиннадцать алтын две денги»¹⁸.

Приходо-расходные книги казначеев Соловецкого монастыря в ряде случаев отразили индивидуальные особенности их составителей. В этом отношении особенно выделяются книги казначея Архипа 1571–1574 и 1574–1575 гг. Им свойственны, во-первых, частые упоминания казначея в третьем лице, такие как «старец Герман, приказщик из Нилмогубы, привез в манастырь пять рублей дватцать алтын з гривною и отдал казначею»¹⁹ или «казначей крест променил на денги серебряной воротной кузнецу Василью Колмогорцу, взял сем денег»²⁰. Возможно, это объясняется тем, что записи делал не только сам казначей, но и его помощник. Во-вторых, многие записи казначея Архипа носят повествовательный характер, сообщая любопытные бытовые детали. В качестве примера можно привести следующие записи: «Взято на Чеботе в Сороке закладных денег десять алтын, а заложено было сукно однорядное багрово. И он заклад свой взял, а денги заплатил. А денги привез поп Николай ис Сороки»²¹; «Старец Онуфрей подкеларник дал семнатцать алтын три денги кутейных денег, а он нашол те денги в келарской в чюлане в печюрке»²².

Развитие формуляра казначейских книг во времени происходило в сторону большего лаконизма. Уже с 1583 г. числа, как правило, стали обозначаться цифрами. Постепенно некоторые однотипные записи стали суммироваться. Например, стали приводиться общие суммы денег, поступавших за заупокойное поминовение — за запись в синодик — из того или иного населенного пункта или региона, без конкретизации имен вкладчиков и, тем более, без имен лиц, записанных в синодик.

С начала 1580-х гг. в Соловецком монастыре помимо денежных казначеев появляются должности платяного (или портного) и сапожного казначеев. Функции сапожных казначеев не вполне ясны. Платяные казначеи вели учет платья и небольших партий тканей, а в более позднее время отвечали и за найм работников «на страду». Приходо-расходные книги 1571–1581 гг. показывают, что в те годы функции платяного казначея были неотделимы от должности де-

нежного казначея. Согласно преамбулам книги казначея Архипа 1577–1579 г. и книг казначея Созонта, им поручалось «в казне ведати всякой монастырской обиход, *платье* (выделено мной. — Е. Ф.) и денежной приход и расход» или «ведати приход и расход деньгам и *платио*»²³. После отставки денежного казначея Созонта в апреле 1581 г. он сохранил за собой должность платяного казначея, получил на расходы 50 руб. и в течение месяца вел расходные записи. 29 мая того же года отчетность платяного казначея проверялась, составленная им расходная книга была заключена записью о «счете» и заверена рукоприкладствами келаря Мисаила, нового денежного казначея Иосифа и члена черного собора старца Акакия. Это единственный известный нам документ платяного казначея, оформленный в виде расходной тетради. По-видимому, в других случаях платяные казначеи отчитывались в виде «памятей», которые не «считались» и не заверялись, поскольку монастырские власти не придавали им большого значения. Ссылка на «память» (а не книгу!) портного казначея Сильвестра и ее непосредственное изложение содержится в приходо-расходной книге старца Венедикта: «Дано портному казначею Селивестру 44 рубля и 30 алтын, а наймовал он на те денги людей на страду на монастырской обиход в 92-м году, а сколько нанял и что кому дано, и тому роспись подлинная с казначеевы *памяти...*»²⁴

Еще одна важная часть соловецкого хозяйственного архива — книги приказчиков вологодской службы.

Вологда уже с середины — второй половины 1570-х гг. становится главным объектом торговых операций монастыря, а роль в этом отношении Каргополя, Турчасова и Новгорода Великого постепенно снижается. Поэтому не вызывает удивления появление особых вологодских книг и забота об их сохранности. Первая из сохранившихся вологодских приходо-расходных книг — книга старца Вассиана — датируется 1583–1585 гг. Однако в отводной книге крепостной казны 1639 г. значатся вологодские книги начиная с 1578/79 г. По всей видимости, последняя, действительно, была первой вологодской книгой²⁵. Именно в предыдущем, 1577/78 г., доход от вологодской соляной торговли достиг качественно новой для монастырского бюджета суммы в 500 руб.²⁶, а в следующем году составил почти 800 руб.²⁷, в то время как в 1574 г., к примеру, он составлял лишь 150 руб.²⁸ Именно с середины 1570-х гг. резко возрастают и затраты на закупки хлеба и других товаров в Вологде. Так, в 1574/75 г. в Вологду для закупок «монастырского запаса» было послано в общей сложности 500 руб.²⁹

Важность этих статей приходной и расходной части монастырского бюджета обусловила появление самостоятельных вологодских книг. До 1578/79 г., по-видимому, отчетность вологодских старцев, как и старцев других служб монастыря, осуществлялась в виде «памятей». На особое значение для обители учета доходов и расходов

в Вологде указывает и тот факт, что в отводных книгах крепостной службы Соловецкого монастыря 1639 г. «перепись вологодским книгам» следует непосредственно за описью денежных книг казначеев, опережая другие виды учетной документации.

Приходо-расходные книги старцев вологодской службы Соловецкого монастыря отражали их деятельность по реализации поступившей из Холмогор соли, по приобретению для монастыря и монастырских промыслов хлеба, других продуктов питания и прочих материальных запасов на вологодском, устюжском и — отчасти — на ярославском рынках, по подготовке судов для транспортных экспедиций и по организации самих этих экспедиций по рекам Сухоне и Северной Двине до Холмогор и обратно, по уплате проезжих и таможенных пошлин.

В соответствии с этими функциями приходные книги ежегодно содержали «памяти» о продаже соли, озаглавленные «Начали на Вологде соль продавати», и дополнительные записи о прочих денежных поступлениях (суммы, эпизодически присылавшиеся из монастыря, вклады, средства от реализации ветхих судов, от судового извоза и т. д.). Расходные книги представляли собой соединение двух отдельно составленных расходных памятей, каждая из которых имела свой итог. Одна из них — «память» о расходах на приобретение съестных припасов и непродовольственных товаров для обеспечения монастырского хозяйства и хозяйства промыслов. Такие памяти были озаглавлены «Начали на Вологде запас покупати». Вторая «память» — о расходах на транспортировку запасов в Холмогоры и соли в Вологду, на уплату проезжих и таможенных пошлин, о расходах на строительство новых судов и ремонт старых, на изготовление снастей, на содержание самой вологодской службы и ее приказчиков и слуг.

Как и денежные книги казначеев, беловые приходные и расходные книги старцев вологодской службы Соловецкого монастыря объединялись в тома за те несколько лет, в которые пребывал на приказе его глава. Все тома имели запись о «счете» старца по истечении срока его службы игуменом и членами черного собора, в которой удостоверялось, что у него «приход с расходом шшелся». Том скреплялся руками игумена, келаря, казначея и других соборных старцев, причем скрепы объединяли книги разных лет. Наблюдения над составом бумаги каждого тома не позволяют выделить ее разновременных блоков.

Книги старца Вассиана 1583–1585 гг., не имевшие общих ежегодных итогов прихода и расхода, были заверены дважды: на чистом обороте листа, отделявшего расходные записи 1583/84 г. и приходные записи 1584/85 г., и на листе, содержавшем итог расхода 1584/85 г.³⁰ Сначала старца Вассиана «считали» за 7092 г., а затем за 7093 г. Тем не менее обе записи были сделаны одновременно — 22 августа 1585 г.,

т. е. по возвращении старца в монастырь. Приходные и расходные книги старца Вассиана за два года были скреплены единой скрепой — рукоприкладствами игумена Иакова, келаря, казначея и пятерых соборных старцев. Бумага кодекса одинаковая, с филигранью «Гербовый щит» нескольких близких разновидностей (Крушельницкая, № 26–28³¹). Уже следующие сохранившиеся вологодские книги — старца Кириака 1587–1590 гг. — имели лишь одну итоговую запись о «счете» — после расходной книги 1589/90 г., сделанную примерно через полгода после завершения старцем Кириаком службы — 18 января 1591 г. И в дальнейшем записи о «счете» помещались в самом конце тома после расходной книги последнего года службы ведущего их приказчика и были отделены сроком минимум в несколько месяцев от времени окончания службы. Так, книги старца Протасия 1597–1599 гг., завершенные в мае 1599 г., были «считаны» только через полтора года — 17 февраля 1601 г.³², а книги старца Флавиана 1599–1600 гг. — 30 января 1601 г.

Беловой список учетно-отчетного документа оформлялся после возвращения старца в монастырь. Известны случаи, когда книга писалась старцем собственноручно. Так, в конце книги старца Протасия 1597–1599 гг. указано основным почерком: «А книги писал чернец Протасей своею рукою». Подобным образом в конце книги старца Флавиана 1599–1600 гг. основным почерком сообщается: «А книги писал чернец Флавыян своею рукою»³³. Однако в других случаях переписку книг набело, по-видимому, осуществляли дьячки казенной палаты. Факт оформления вологодских книг в самом монастыре объясняет их хорошую сохранность.

Книги старцев вологодской службы далеко не всегда можно точно датировать. Точная дата во всех без исключения приходных книгах фиксировала только начало торговли солью в сентябре. Однако расходная книга, как правило, отражала затраты на предшествовавшую транспортировку соляного каравана из Холмогор в Вологду и на разгрузочные работы в этом городе. Дата назначения старца на приказ и дата отправки из Холмогор указывались часто, но не всегда, однако некоторым ориентиром в таких случаях могут служить даты прибытия каравана из Холмогор в Устюг Великий и в Тотьму. Соляные суда, отправившись из Холмогор в мае, прибывали в Вологду в июле; тогда же осуществлялась разгрузка соли. Окончание годового цикла обычно приходилось на прибытие монастырских судов с «запасом» из Вологды в Холмогоры в апреле–мае следующего года. Если срок службы приказчика истек, тот, сделав все необходимые приготовления для отправки соляного каравана в Вологду, в мае передавал дела и вырученные деньги новому приказчику; соответственно завершалась и его книга.

Как показывает исследование книг старцев вологодской службы, помощники вологодских приказчиков, имена которых также выносились в заглавия ежегодных «памятей», менялись. Поэтому при аттестации вологодских книг представляется целесообразным указывать в заглавии лишь имя старца, возглавлявшего службу. Именно сроком его пребывания на приказе определялись хронологические рамки учетно-отчетного документа и именно этого старца «считал» черный собор.

Приходо-расходные книги старцев вологодской службы насыщены важной информацией. Большой интерес представляют их сведения о составе торговцев солью на вологодском рынке. Уже в XVI в. в самой Вологде складывается круг купечества, ориентированного на оптовую соляную торговлю. Некоторые солеторговцы и их потомки, как, например, Булгаковы (Булдаковы), Юдины, Казаковы в XVII в. становятся членами корпораций гостей и гостиной сотни. Вологодские книги дают возможность проследить движение цен на соль на вологодском рынке и их колебания в течение года. Эти источники не отражают колебания цен на хлеб, другие съестные припасы и прочие предметы первой необходимости в течение одного года не указывают состав продавцов, приводя лишь объемы закупок и их усредненную стоимость, однако колебания средних цифр в течение многих лет достаточно красноречиво характеризуют состояние рынка. Очень ценны данные вологодских приходо-расходных книг о найме рабочей силы для организации монастырских транспортных предприятий. Значимость некоторых данных приходо-расходных книг вологодской службы Соловецкого монастыря продемонстрировал С. Н. Кистерев в статье, предпосланной первой из них, — книги старца Васиана 1583–1585 гг.³⁴

Помимо казначейских и вологодских книг, в XVI в. сложился еще один вид приходо-расходной документации — книги старцев московского подворья Соловецкого монастыря. Ее представляет единственный сохранившийся источник — книга чернеца Архипа, начатая в октябре 1592 г. и доведенная до зимы 1594/1595 г., — в составе сводного отчетного документа, включающего также «памяти» поездок чернеца Архипа из монастыря в Вологду и из Вологды в Москву, предшествовавших его пребыванию в столице.

Это учетный документ крайне ответственной службы монастыря: именно через старцев московского подворья (в XVII в. они именовались строителями) осуществлялись контакты с центральной светской и духовной властью. Московские старцы хлопотали о выдаче или подтверждении иммунитетных грамот, об устройстве в обители и подвластных ей волостях военных гарнизонов, о снабжении монастыря оружием. Они же получали царские вклады и вклады столичной знати.

В описи архива Соловецкого монастыря 1639 г. счет книгам старцев московского подворья — «московским книгам прежних строителей» — ведется с 1581/82 г., и все они расписаны по именам возглавлявших службу монахов³⁵. Дошедшая до наших дней книга старца Архипа, так же, как казначейские и вологодские книги, заключена была записью о «счете» старца и удостоверена рукоприкладствами игумена Иакова, казначая и семерых соборных старцев, что указывает на то значение, которое придавалось этому учетно-отчетному документу. В. И. Иванов по недоразумению включил этот памятник в раздел «Поездки по монастырским делам»³⁶. Книги игуменских поездок в Москву и в Новгород Великий начала XVII в., действительно, сохранились³⁷. Но эти документы не имеют записей о «счете» и не скреплены рукоприкладствами. Не случайно «игуменские 20-ры книги московские езды» в описи соловецкого архива 1639 г. помещены среди документов хозяйственного архива на предпоследнем месте и не расписаны по годам и составителям как малозначительные³⁸.

Книги холмогорской службы, как и вологодской, возникли в производстве Соловецкого монастыря еще в XVI в. В момент составления описи архива Соловецкого монастыря 1639 г. в нем хранились холмогорские книги начиная с 1595/96 г.³⁹ Однако наиболее ранняя из сохранившихся до наших дней относится к 1599–1602 гг.⁴⁰ Поскольку хронологически она в большей мере принадлежит XVII в., рассмотрение данного вида учетной документации представляется более целесообразным в очерке, посвященном приходу-расходным книгам следующего столетия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень сохранившихся приходу-расходных книг Соловецкого монастыря XVI в.

№ 1. 1571 г. не позднее мая 25–1574 г. ранее сентября 30. Книга приходу-расходная казначая Соловецкого монастыря старца Архипа: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 207. Л. 1–129 об., 163–225 об.

№ 2. 1574 г. сентября 30–1575 г. ранее ноября 2. Книга приходу-расходная казначая Соловецкого монастыря старца Архипа: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 207. Л. 130–162 об., 226–240 об.

№ 3. 1577 г. сентября 6–1579 г. не позднее января 26. Книга приходу-расходная казначая Соловецкого монастыря старца Архипа: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 208. 68 л.

№ 4. 1579 г. января 26 — не позднее 1581 г. января 3. Книга приходу-расходная казначая Соловецкого монастыря старца Созонта: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 209. Л. 1–125 об.

№ 5. 1581 г. января 3–1581 г. не позднее апреля 20. Книга приходу-расходная казначая Соловецкого монастыря старца Созонта: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 209. Л. 126–135 об.

- № 5а. 1581 г. апреля 29–1581 г. мая 29. Книга расходная платяного казначея Соловецкого монастыря старца Созонта: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 209. Л. 136–140 об.
- № 6. 1581 г. апреля 20–1582 г. января 23. Книга приходо-расходная казначея Соловецкого монастыря старца Иосифа Рыкунова: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 422. 80 л.
- № 7. 1583 г. мая 14–1585 г. января 14. Книга приходо-расходная казначея Соловецкого монастыря старца Венедикта: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 211. 66 л.
- № 8. 1585 г. января 16–1586 г. января 16. Книга приходо-расходная казначея Соловецкого монастыря старца Венедикта: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 3. 31 л.
- № 9. 1587 г. мая 1–1587 г. декабря 11. Книга приходо-расходная казначея Соловецкого монастыря старца Флавиана: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 424. Л. 1–32 об.
- № 10. 1588 г. января 1–1588 г. не позднее ноября 20. Книга приходо-расходная казначея Соловецкого монастыря старца Флавиана: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 424. Л. 33–67.
- № 11. 1588 г. ноября 22–1589 г. ранее октября 1. Книга приходо-расходная казначея Соловецкого монастыря старца Или: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 212. 20 л.
- № 12. 1589 г. октября 1–1591 г. ранее октября 20. Книга приходо-расходная казначея Соловецкого монастыря старца Акакия: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 5. 83 л.
- № 13. 1593 г. декабря 20–1596 г. января 2. Книга приходо-расходная казначея Соловецкого монастыря старца Феоктиста: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 213. 70 л.
- № 14. 1596 г. марта 2–1600 г. октября 2. Книга приходо-расходная казначея Соловецкого монастыря старца Архипа: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7, № 59. 194 л.
- № 15. 1583 г. мая 22–1585 г. [мая]. Книга приходо-расходная старца вологодской службы Соловецкого монастыря Вассиана с товарищами: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 2. 52 л.
- № 16. 1587 г. не позднее августа — 1590 г. [мая]. Книга приходо-расходная старца вологодской службы Соловецкого монастыря Кириака с товарищами: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 4. 63 л.
- № 17. 1597 г. [не ранее июля] — 1599 г. [мая]. Книга приходо-расходная старца вологодской службы Соловецкого монастыря Протасия с товарищами: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7, № 309. 86 л.
- № 18. 1599 г. мая — 1600 г. [мая]. Книга приходо-расходная старца вологодской службы Соловецкого монастыря Флавиана с товарищами: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 7. 43 л.
- № 19. 1592 г. мая 6 — не позднее марта 1595 г. Книга приходо-расходная старца московского подворья Соловецкого монастыря Архипа: РГАДА. Оп. 1, № 6. 19 л.

Примечания

- ¹ Только А. Г. Маньков в середине прошлого века представил более или менее полный перечень соловецких приходных и расходных книг XVI в. и дал общую оценку их информации: *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в.; *Его же.* Хозяйственные книги монастырских вотчин XVI в. как источник по истории крестьян // Проблемы источниковедения. Вып. 4. М., 1955. С. 246–253.
- ² *Иванов В. И.* Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб., 2005.
- ³ *Кистерев С. Н.* Приходо-расходная книга вологодской службы Соловецкого монастыря 1583–1585 гг. // Очерки феодальной России. Вып. 11. М.; СПб., 2007. С. 309–362.
- ⁴ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 37. Л. 4.
- ⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 207. Первая из названных книг дошла до наших дней не полностью: утрачена первая тетрадь документа с заглавием и частью приходной «памяти» 1571 г. 25 мая 1571 г. датирована расходная «память» казначея Архипа, следовательно, приходная «память», содержащая преамбулу о назначении нового

- казначей, не могла быть начата позднее этой даты; завершена и проверена (сделана запись о «счете» казначей игуменом и черным собором) данная книга, а также начата следующая были 30 сентября 1574 г. (РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 207. Л. 164, 222 об. — 223, 227). Второй из названных документов не имеет даты завершения; проверка записей производилась 2 ноября 1575 г., однако в итоге приходных записей указан лишь 7083 г. (окончание расходных записей утрачено); этот же год значится как подотчетный в записи о «счете» (Там же. Л. 160–160 об.). Особенность этих двух книг казначей Архипа — объединение их после завершения книги 1574–1575 гт. в единый кодекс таким образом, что приходная «память» 1571–1574 гт. сброшпорована с приходной «памятью» 1574–1575 гт., а за расходной «памятью» 1571–1574 гт. в кодексе следует расходная «память» следующего года, в то время как каждая из двух первичных прихода-расходных книг первоначально была самостоятельно заверена записью о «счете» и скреплена рукоприкладствами игумена Варлаама и членов собора.
- ⁶ См.: *Французова Е. Б.* Соловецкие иноки на службе Троице-Сергиеву монастырю в конце XVI — начале XVII века // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 255–270.
- ⁷ Рукопись имеет двухуровневую правку: 1) описки, исправленные поверху самим писцом; 2) исправления ошибок смыслового характера, сделанные близким почерком по зачищенному или над строкой. По всей видимости, это был либо предварительный (промежуточный) список с черновой рукописи, либо противень беловика. О возможности составления противней можно сделать вывод из содержания 68-й главы Стоглава, в которой говорится о счете игуменов «во всем приходе и в росходе» царскими «дворецкими и дьяками» (*Емченко Е. Б.* Стоглав: Исследование и тексты. М., 2000. С. 359–360). В нашем распоряжении имеется и конкретный пример бытования таких противней во второй половине XVI в.: согласно описи псковского Снетогорского монастыря 1586–1588 гг., в этой обители в сундуке хранились «книги монастырские приходные и росходные, хлебные и денежные, осемдесят втораго году да по девятыдесят четвертой год, таковы ш, *противень каковы отданы в государеву казну в дьячю избу*» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, № 830. Л. 396 об.). Однако дата завершения документа — 23 января 1582 г. — делает возможным и иное допущение: что это был незавершенный по причине временного отсутствия настоятеля беловик. Дело в том, что весной 1581 г., как сообщается в летописце XVI в., игумен Варлаам «игуменство отказал». Братия «послали бити челом к государю, а просити игумена Иякова в Соловки на игуменство». Желание братии было исполнено, Иван IV «дал» в игумены соловецкого монаха Иакова, бывшего настоятеля Палеостровского монастыря, который, прибыв из Москвы, принял Соловецкую обитель только 5 мая 1582 г. (*Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 236–237; *Новикова О. Л.* О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси: Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 252–253).
- ⁸ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 213. Л. 2, 69 об. — 70; Оп. 7, № 59. Л. 3, 189–189 об.
- ⁹ Там же. Оп. 1, № 211. Л. 2, 66–66 об.; № 3. Л. 2, 31–31 об.; № 424. Л. 2.
- ¹⁰ Там же. № 424. Л. 2, 31 об. — 32 об., 34, 67–67 об.
- ¹¹ См., напр.: Там же. Кн. 207. Л. 66, 93 об.
- ¹² Там же. Л. 80.
- ¹³ Там же. Л. 88 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 94.
- ¹⁵ Там же. Л. 87–88.
- ¹⁶ Там же. Л. 109.
- ¹⁷ Там же. № 209. Л. 17 об.
- ¹⁸ Там же. № 422. Л. 54–55.

- ¹⁹ Там же. № 207. Л. 20 об.
- ²⁰ Там же. Л. 29 об.
- ²¹ Там же. Л. 18 об.
- ²² Там же. Л. 30 об.
- ²³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 208. Л. 1а; № 209. Л. 2, 126.
- ²⁴ Там же. № 211. Л. 63–63 об.
- ²⁵ Вряд ли прав С. Н. Кистрев, предполагая возможность существования более ранних вологодских книг: *Кистрев С. Н.* Указ. соч. С. 309–310.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 208. Л. 21.
- ²⁷ Там же. № 209. Л. 16 об.
- ²⁸ Там же. № 207. Л. 110 об.
- ²⁹ Там же. Л. 227, 228 об.
- ³⁰ Там же. № 2. Л. 26 об., 51.
- ³¹ *Крушельницкая Е. В.* Фигураны на бумаге документов и рукописных книг, созданных в Соловецком монастыре в XVI в. Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004.
- ³² Длительный срок проверки книги старца Протасия, по-видимому, был связан с запутанностью финансовой отчетности. Дело в том, что первоначально в 1597 г. вологодскую службу возглавил старец Кириак, после скоростипижной кончины которого в качестве главы монастырской службы был направлен в Вологду старец Протасий. Книга старца Протасия содержит не только его собственные «памяти», но и приходную «память» старца Кириака за осенние месяцы 1597 г., в то время как расходы старца Кириака на доставку соли из Холмогор в Вологду весной–летом 1597 г. в приходо-расходной книге отражения не нашли.
- ³³ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7, № 309. Л. 83; Оп. 1, № 7. Л. 42 об. — 43.
- ³⁴ *Кистрев С. Н.* Приходо-расходная книга вологодской службы... С. 309–336.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 37. Л. 7–8.
- ³⁶ *Иванов В. И.* Бухгалтерский учет в России... С. 160.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1, № 425, 10, 426 и др.
- ³⁸ Там же. № 37. Л. 30.
- ³⁹ Там же. Л. 9.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 5, № 470.

Д. Ю. Кривцов, А. В. Морохин

К обсуждению вопроса о том, был ли Григорий Отрепьев автором похвалы трем святителям?

Личность и деятельность Лжедмитрия I (Григория Отрепьева) уже не одно столетие привлекает внимание исследователей. В центре внимания историков была и литературная деятельность самозванца в период его пребывания в Чудовом монастыре Москвы 1601–1602 гг. Именно тогда, согласно «Извету» старца Варлаама, Отрепьев сообщил ему, что «Живучи де в Чюдове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии, да сложил похвалу Московским чудотворцам Петру и Алексею и Ионе»¹. Факт написания Отрепьевым похвалы трем святителям был принят известным историком церкви митрополитом Макарием (Бул-

гаковым), отметившим в своем исследовании, что это произведение было написано по заказу патриарха Иова². В пользу данного утверждения говорит и то обстоятельство, что празднование памяти трех святителей московских было установлено 5 октября 1596 г., в то время, когда игуменом Чудова монастыря был Пафнутий (1595–1604 гг.), келейником которого некоторое время и был инок Григорий³.

Считается, что будущий самозванец принял постриг в результате душеспасительной беседы с игуменом вятского Хлынова Успенского монастыря Трифоном⁴. Произошло это событие в 1600–1601 гг., вскоре после судебного процесса над покровителями Отрепьева — боярами Романовыми⁵. Примерно через год, после странствия по разным российским обителям, Г. Отрепьев оказался в Кремлевском Чудовом монастыре Москвы. В 1606 г., в ходе проведенного по инициативе Василия Шуйского расследования выяснилось, что при поступлении Отрепьева в монастырь, где в то время находился дед Григория — Замятня, «бил челом об нем в Чюдове монастыре архимандриту Пафнотию (что ныне Крутицкий митрополит) богородицкой протопоп Еуфимий, чтоб его велел взяти в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни». После этого Григорий «для бедности и сиротства» был принят в Чудов монастырь⁶. За внука мог похотатайствовать и Замятня Отрепьев⁷.

Сведения о пребывании Григория в монастыре немногочисленны. Известно, что он был принят в «крылоский чин», первое время был «у Чудовского архимандрита в келейниках». Здесь Отрепьев, согласно своему позднему признанию, и подготовил похвалу московским чудотворцам Петру, Алексею и Ионе. Вскоре после этого патриарху Иову стало известно «о неком монахе, нарочитом грамоте, паче же сказующе, яко добр книжник и писец». После этого Отрепьев был взят «в дом его святительской», где и «труждаяся у святейшего Иова патриархи в келии, святягы книги пиша». По другим данным, патриарх рукоположил Григория в дьяконы и велел ему «в книгохранительницу ходити, и книги чести, и святых отец жития составлять, и почал его больма жаловати»⁸. Другой современник, президент Парижского парламента Яков де Ту отмечал, что будущий самозванец «несколько времени служил с пользою патриарху»⁹. Вышеуказанные сведения позволили М. Н. Тихомирову предположить, что Григорий Отрепьев являлся книгохранителем Чудова монастыря¹⁰. Данная гипотеза вызвала решительное возражение со стороны В. И. Ульяновского, указавшего на то, что в начале XVII в. чудовским книгохранителем был Пафнутий (соименный настоятелю обители), а относительно Григория Отрепьева «мы не имеем твердых доказательств даже того, что он занимался переписыванием рукописей в скриптории монастыря»¹¹.

Тем не менее свидетельства о высоком уровне церковного образования самозванца сохранились во многих источниках. Русские лето-

писцы зафиксировали, что Г. Отрепьев «бысть зело грамоте горазд», «бысть убо человек зломыслствен, реченьем же много словесен, и ко книжному прочтанию борзозрителен»¹². Я. Маржерет отмечал, что «видал самые письма о разных предметах, писанные со слов Димитрия (самозванца. — Д. К., А. М.), еще до пришествия его в Москву: ни один русский не мог найти в них ошибок»¹³.

Сам факт написания Г. Отрепьевым похвалы трем святителям московским, засвидетельствованный в «Извете» старца Варлаама, не отрицался никем из исследователей, хотя и очень по-разному интерпретировался ими. Прежде всего разногласия касались жанровой природы этого текста. Макарий (Булгаков), указывал, что под «похвалой» могли подразумеваться как канон, так и похвальное слово. Но все же он склонялся к первому варианту и полагал, что этот канон представлен в лаврском Канонике 1616 г.¹⁴ и следованной Псалтири¹⁵, принадлежавшей настоятелю лавры, архимандриту Дионисию Зобниновскому¹⁶.

С опровержением данной точки зрения недавно выступил В. И. Ульяновский. В своей работе этот автор также несколько непоследовательно называет сочинение Г. Отрепьева в честь трех святителей то службой, то похвальным словом, но выбирает в итоге второй вариант¹⁷. По мнению В. И. Ульяновского, в рукописях, указанных митрополитом Макарием, содержатся не отрепьевские произведения начала XVII в., а тексты, созданные еще в 1595 г. непосредственно перед установлением празднования общей памяти Петра, Алексея и Ионы. Основанием для такого мнения послужила идентичность данных текстов со службой и похвальным словом трем святителям московским, находящимся в сборнике из Кирилло-Белозерского собрания РНБ (ед. 806/1063), где в заголовках произведений указано, что они были «списаны» по повелению патриарха Иова. А поскольку в «Извете» Варлаама сказано, что Григорий сложил похвалу трем святителям еще в келье у архимандрита Пафнутия, до того как его взяли к патриарху, то это и позволяет В. И. Ульяновскому считать, что в Кирилло-Белозерском сборнике находится «редакция 1595 г.»¹⁸.

Однако с подобной аргументацией трудно согласиться. Как указывает сам В. И. Ульяновский, рукопись Кирилло-Белозерского собрания РНБ поздняя — второй половины XVII в. В это время русским книжникам было прекрасно известно, что празднование московским святителям Петру, Алексею и Ионе было установлено при патриархе Иове. Об этом сообщает, например, приписка в конце службы этим святителям в лаврском Канонике 1616 г. Существовало и особое «Сказание о установлении общего торжества трех святителей», читающееся в Прологе из Собрания рукописей Макария (Булгакова) в Рукописном отделе Центральной научной библиотеки Украины (№ 26. Л. 1–2), где также подчеркивается первостепенная роль патриарха Иова в этом деле¹⁹. Поэтому переписчик Кирилло-Белозерского

сборника второй половины XVII в. вполне мог вставить имя Иова в заголовки службы и похвального слова трем святителям, даже если бы оно отсутствовало в его протографе. К тому же, что невероятного в том, если патриарх знал книжного инока Григория еще до перевода из кельи Пафнутия в свой святительский дом и уже тогда повелел ему написать похвалу Петру, Алексею и Ионе? Поэтому отнесение В. И. Ульяновским текстов рассматриваемых рукописей к «редакции 1595 г.» представляется нам недоказанным.

Равным образом, малообоснованным выглядит и предположение В. И. Ульяновского о том, что после идентификации Г. Отрепьева с самозванцем и предания его имени анафеме рукописи с его произведениями были изъяты из Чудовской и Патриаршей библиотек²⁰. Общий скептический вывод исследователя относительно «невозможности найти похвалу трем святителям, созданную Григорием»²¹, проистекает из отсутствия в Чудовском книжном собрании рукописей с похвалой Петру, Алексею и Ионе. Но имеется рукопись Тихомировского собрания Сибирского отделения РАН № 87, на которой присутствуют записи «Божиею милостию царь государь и великий князь Дмитрий Иванович всеа Руси» и «Отрок Юрья Отрепьев руку...»²². Указанный сборник конволют XVI в., помимо различных апокрифических произведений, содержит набор памятников — служб и канонов, связанных с именами митрополитов Петра, Алексея и Ионы. Блок этих памятников, по замечанию Т. Н. Гайской, «действительно отвечает интересам Отрепьева», который и следует воспринимать «как материал для создания канона трем святым»²³. Таким образом, исследовательница солидаризируется с мнением митрополита Макария (Булгакова) о том, что из-под пера инока Григория в Чудовом монастыре вышел именно канон, а не похвальное слово.

Анализ современного состояния вопроса о плодах литературного творчества Г. Отрепьева наглядно свидетельствует о совершенно недостаточных усилиях в плане археографических поисков рукописей с произведениями, посвященными трем московским святителям. Равным образом, нельзя не отметить неразработанность текстологии уже найденных произведений. Но остается надежда, что, если соответствующие усилия будут предприняты, то они не окажутся напрасными.

Примечания

¹ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 64. С. 142.

² Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 6. М., 1996. С. 593. Прим. 172.

³ Барсуков Н. П. Источники русской агиографии. СПб., 1882. С. 27; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 163.

- ⁴ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 220, 258; РИБ. Т. 13. СПб., 1909. Стб. 17, 154–155; РИО. Т. 137. М., 1912. С. 247; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики смутного времени // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 244.
- ⁵ Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990. С. 30.
- ⁶ РИО. Т. 137. С. 247.
- ⁷ Козляков В. Н. Марина Мнишек. М., 2005. С. 16.
- ⁸ ДАИ. Т. 1. СПб., 1846. № 151. С. 255; РИО. Т. 137. С. 176; Памятники древней письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1909. С. 33; Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1965. С. 59.
- ⁹ Сказание современников о Димитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1859. С. 351.
- ¹⁰ Тихомиров М. Н. Записи XIV–XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 13; *Его же*. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 96. Прим. 77.
- ¹¹ Ульяновский В. И. Смутное время. М., 2006. С. 289.
- ¹² Мазуринский летописец // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 149; Попов А. Указ. соч. С. 234.
- ¹³ Сказание современников... С. 313.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф. 301. № 283. Л. 368–397.
- ¹⁵ Там же. Ф. 201. № 73. Л. 958–960.
- ¹⁶ Макарий. Указ. соч. С. 226.
- ¹⁷ Ульяновский В. И. Указ. соч. С. 110, 289–291.
- ¹⁸ Там же. С. 290.
- ¹⁹ Кулакова И. Петр, Алексей, Иона — святители Московские (Из истории церковно-политической мысли конца XVI — начала XVII века) // Европейский альманах. 1999. История. Традиции. Культура. М., 2000. С. 26, 32. Прим. 19.
- ²⁰ Ульяновский В. И. Указ. соч. С. 289–291.
- ²¹ Там же. С. 291.
- ²² Тихомиров М. Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 43; Гайская Т. Н. «Отрок Юрья Отрепьев руку...?»: Рукопись № 87 Тихомировского собрания Сибирского отделения РАН // Книга и литература: Сб. научных статей. Новосибирск, 1997. С. 50.
- ²³ Гайская Т. Н. Указ. соч. С. 53.

Д. В. Лисейцев

К вопросу о времени и обстоятельствах составления боярского списка 1611 г.

Боярский список 1611 г. занимает особое место в ряду исторических источников по истории Смутного времени начала XVII в. Это единственный боярский список эпохи Смуты, сохранившийся в значительной степени. Этот источник был известен еще Г. Ф. Миллеру, который снял с него копию и озаглавил его как «Боярской список 119 году, сочинен до Московского разоренья при литве». Этот ценный документ был опубликован дважды: в первый раз, в 1895 г., Н. П. Лихачевым по копии Миллера, а несколько позже, в 1909 г.,

В. Н. Сторожевым по архивному подлиннику¹. Глубокому источниковедческому анализу боярский список подверг современный исследователь А. А. Булычев. Ученый пришел к выводу, согласно которому боярский список составлялся в несколько этапов: основной текст был написан не позднее октября 1610 г.; до февраля–марта 1611 г. он пополнялся пометами. После начала осады Москвы силами I Ополчения, по мнению А. А. Булычева, список перестал соответствовать реалиям, т. к. многие члены Государева двора отъехали в лагерь ополченцев. Наконец, последний пласт помет в боярском списке появился в первые годы царствования Михаила Федоровича².

С предложенной А. А. Булычевым схемой можно согласиться лишь отчасти. Действительно, не вызывает сомнений факт использования боярского списка при Михаиле Романове. Именно тогда в списке появилась помета об участии казненного Ф. Андропова. Не ранее середины 1619 г. в документе могла появиться помета о смерти боярина кн. В. В. Голицына, умершего при возвращении из польского плена³. Но вопрос о времени, месте и обстоятельствах составления боярского списка 1611 г. нуждается в дополнительном исследовании.

Прежде всего необходимо ответить на вопрос о времени составления основного текста боярского списка. Согласно версии А. А. Булычева, это произошло до 1 ноября 1610 г. Однако не все укладывается в предложенную схему. Труднообъяснимым исследователь признал отсутствие в списке имени боярина кн. В. М. Мосальского, имевшего при правительстве «семибоярщины» высокий чин дворецкого. Впрочем, пожалование этим чином Мосальского имело место после обозначенного А. А. Булычевым хронологического рубежа — 3 ноября 1610 г.⁴ Однако боярином в Москве он был и до этого пожалования (его присутствие в столице и официальное признание за ним боярского чина фиксируется, по крайней мере, с 27 октября 1610 г.)⁵. 1 января 1611 г. Мосальский был еще жив — этим днем датировано его письмо к канцлеру Л. Сапеге⁶. 9 марта того же года Мосальского не было уже в живых, его козельские вотчины было указано передать И. Н. Салтыкову⁷. Вероятно, боярский список составлялся уже после смерти Василия Мосальского, почему его имя в список и не было включено. Если предположить, что боярский список составлялся не осенью 1610 г., а в начале 1611 г., станет объяснимым и отсутствие в нем указания на пребывание И. В. Измайлова в чине оружничего. Измайлов был пожалован королем Сигизмундом в оружничие 15 ноября 1610 г.⁸, но вскоре утратил благосклонность польского монарха. Уже 21 января 1611 г. король пожаловал в оружничие Л. А. Плещеева⁹. Поэтому в боярском списке 1611 г. И. В. Измайлов оружничим и не назван. Следовательно, время составления основного текста боярского списка 1611 г. должно быть отодвинуто вперед, в первые месяцы 1611 г. По всей видимости, это произошло в феврале–марте 1611 г.,

поскольку, по наблюдениям Бульчева, в боярском списке отражены назначения служилых людей вплоть до февраля 1611 г., апрельские пожалования того же года в списке не учтены¹⁰.

Поискем ответ на вопрос о том, где составлялся этот документ. По мнению исследователей, боярский список составлялся именно в Москве, причем во время ее польской оккупации, т. е. «при литве». Пометы негативного для сторонников польского королевича Владислава содержания, следовательно, должны были появиться в документе значительно позднее (например, об окольном Д. Ф. Крабове сказано, что он «изменил, съехал в Литву»)¹¹. Но, в таком случае, непонятной остается сдержанность тона относительно судьбы вождя I Ополчения П. П. Ляпунова. Рядом с его именем расположена зачеркнутая помета «на Резани», затем приписано «умре». Указание на смерть Ляпунова, по мнению А. А. Бульчева, появилось в боярском списке уже после освобождения Москвы, иначе помета должна была бы зафиксировать официальное мнение оккупационных властей — «умре в измене»¹². В целом, однако, странным является тот факт, что в боярском списке вообще ни разу не отражена позиция осажденного в Москве правительства королевича Владислава. Никто не назван отъехавшим «в таборы» или изменившим Владиславу.

Трудно объяснить также, почему в боярском списке мы не встречаем имен думных дьяков, ставленников польской администрации: Е. Витовтова, И. Чичерина, С. Соловецкого. Е. Витовтов занимал в оккупационном правительстве пост руководителя Новгородского разряда и стал думным дьяком не позднее февраля 1611 г.¹³ В 1611 г. в чине думного дьяка находился в Москве И. Чичерин (надо полагать, что он был думным дьяком и в 1610 г., поскольку в этом чине он служил до того Лжедмитрию II)¹⁴. Соловецкий находился в Москве в чине думного дьяка на протяжении всего периода польской оккупации (с 21 сентября 1610 г. по 26 октября 1612 г.)¹⁵. Если бы боярский список 1611 г. составлялся при оккупационной администрации в Москве, имена Е. Витовтова, С. Соловецкого и И. Чичерина были бы отмечены хотя бы между строк или на полях. Среди дьяков не названы В. Трескин (пожалован королем 7 ноября 1610 г.), Е. Витовтов (упоминается как дьяк в королевской грамоте от 29 ноября 1610 г.), А. Подлесов (служивший в Москве в ноябре–декабре 1610 г. и по распоряжению Сигизмунда III получивший назад свои конфискованные поместья), Б. Замочников (назначенный в Таможенную избу в январе 1611 г.)¹⁶, М. Тюхин (определенный на службу в приказ Большого дворца королевским указом 19 января 1611 г.)¹⁷. Любопытным является также следующий факт. 12 декабря 1610 г. по распоряжению польского короля в приказ Казанского дворца был назначен дьяк М. Бегичев. Он заменил собой дьяка А. Шапилова, «которого бояре отставили»¹⁸. Однако, вопреки этому, мы не видим в боярском спи-

ске имени дьяка М. Бегичева, тогда как А. Шапилов в списке числится, причем без пометы об отставке¹⁹. Заметим также, что в боярском списке не нашел отражения факт гибели боярина кн. А. В. Голицына, убитого поляками во время восстания в Москве 20 марта 1611 г.²⁰ О его смерти в Москве не могли не знать. Все эти наблюдения подводят нас к мысли о том, что боярский список 1611 г. составлялся не в Москве, а в лагере I Ополчения.

Еще одной интересной особенностью боярского списка является наличие в нем скрепы дьяка Марка Поздеева. Как было установлено А. Л. Станиславским, боярские списки в Разрядном приказе дьяками никогда не скреплялись. Список 1611 г. в этом плане является единственным исключением, которое исследователи склонны объяснять поздним появлением приписи, в 1613–1615 или 1618–1621 гг., когда М. Поздеев был дьяком в Разряде²¹. Однако эта версия вызывает серьезные сомнения. Для чего было нужно скреплять дьячьей приписью документ, вышедший из повседневного употребления, если в Разрядном приказе не была принята практика скрепления даже боярских списков текущего года? По всей видимости, боярский список 1611 г. был скреплен приписью дьяка М. Поздеева сразу по завершении его составления. Нам удалось установить, что М. Поздеев нес службу в Разрядном приказе на исходе царствования Василия Шуйского²². Но он был дьяком Новгородского разряда, не имевшего касательства к составлению боярских списков (этим традиционно ведал Московский разряд). Поэтому М. Поздеев мог и не знать о порядке оформления боярских списков. Заметим также, что прямые сведения о месте службы М. Поздеева в Разрядном приказе при правительстве «семибоярщины» отсутствуют. Известно, что его приставили к сбору денег на выплату жалования польскому гарнизону. Впрочем, его непосредственным начальником в этом деле был думный дьяк Е. Витовтов, возглавлявший Новгородский разряд²³. В любом случае, даже как дьяк Новгородского разряда, в Москве Поздеев не мог иметь касательства к составлению боярского списка. В лагере I Ополчения, напротив, его участие в подготовке боярского списка весьма вероятно, поскольку при Ополчении М. Поздеев был дьяком Разрядного приказа²⁴. Переход Поздеева в лагерь Ополчения следует датировать самым началом осады Москвы ополченцами, т. е. мартом 1611 г. В Москве о его судьбе первоначально ничего не знали и предполагали, что он «в разруху и с книгами изгиб»²⁵. Не исключено, что ему удалось унести с собой кое-что из документов Разрядного приказа (в частности, материалы для составления боярского списка).

Вместе с тем мы должны высказать предположение о том, что составление боярского списка 1611 г. происходило в два этапа. Начало ему было положено, вероятно, еще в Москве. Именно этим объясняется отсутствие в нем имен бояр I Ополчения (в частности — кн.

Д. Т. Трубецкого). На эту же мысль наводит первая помета возле имени другого вождя Ополчения — думного дворянина П. П. Ляпунова — «на Резани»²⁶. В лагере I Ополчения эта помета утратила свой смысл и была зачеркнута (в осажденной Москве ее сопроводили бы наверняка указанием «изменил»). Видимо, тогда же рядом с именем стольника В. И. Бутурлина появилась помета «у пристава»²⁷. Известно, что Бутурлин вызвал у поляков подозрение в подготовке выступления против поляков. Его дело рассматривалось в Москве в конце октября — начале ноября 1610 г.²⁸ В дальнейшем В. И. Бутурлин был активным участником I Ополчения и в апреле 1611 г. был послан в Новгород как представитель Ляпунова. Соответственно указание на его пребывание под арестом («у пристава») могло относиться только к концу 1610 — началу 1611 г.

Таким образом, боярский список вплоть до перечня думных дворян или до постельничего составлялся, по всей видимости, еще в Москве. Начиная с перечня думных дьяков список писали уже в лагере I Ополчения: в нем отмечены лишь думные дьяки, получившие свой чин еще при Василии Шуйском. В пользу этой же гипотезы свидетельствует и заглавие следующей позиции в боярском списке: «На Земском дворе на Старом были при литве»²⁹. Это заглавие никак не могло появиться в оккупированном поляками Кремле.

Начиная с перечня стольников, в боярском списке появляются пометы «есть», «нет», «отослан» и т. д. Такие пометы появлялись в списках во время смотров при проверке явки служилых людей. Однако ни о каких смотрах, проводившихся оккупационным правительством, информации не сохранилось. По всей вероятности, вышеназванные пометы появились в боярском списке уже в лагере Ополчения, когда производилась проверка и учет явки под Москву членов государева двора. В пользу этой версии говорят записи возле имени стольника кн. Д. М. Пожарского: помета «в Зараском» зачеркнута, вместо нее приписано «есть». Как известно, кн. Пожарский был воеводой в Зарайске в конце 1610 — начале 1611 г. В начале 1611 г. он ходил на выручку к осажденному в Пронске поляками П. П. Ляпунову, а затем присоединился к I Ополчению. Ни на какие смотры в Москву при «семибоярщине» Пожарский не ездил. Поэтому помета «есть» отражает, несомненно, участие кн. Д. М. Пожарского в мартовских боях 1611 г. за Москву (после которых его, тяжело раненого, увезли в его нижегородское поместье). Об отъезде раненого Пожарского из-под Москвы боярский список не сообщает. Следовательно, пометы «есть», «нет», «отослан», «болен», «в деревне» и т. п., в изобилии встречающиеся в перечнях стольников, стряпчих и московских дворян, относятся к марту 1611 г. и в значительной степени помогают в реконструкции списков участников I Ополчения на самом раннем этапе его существования.

Надо полагать, что около этого времени в боярском списке появилось большинство других помет. Это, прежде всего, многочисленные пометы типа «пушон при литве». Они поясняли руководству I Ополчения основания причисления новопожалованных лиц к той или иной категории членов государева двора. Представляется, что помета, свидетельствующая о казни в Новгороде в марте 1611 г. боярина И. М. Салтыкова также появилась в боярском списке «по горячим следам», а не в царствование Михаила Федоровича. Салтыков был убит новгородцами как сторонник польского короля. Этим и объясняется сообщение о нем в боярском списке — «за измену казнен». Июлем 1611 г. можно датировать и нейтральную помету о смерти П. П. Ляпунова — «умре».

Активное использование боярского списка прекратилось довольно быстро, вскоре после смерти Ляпунова. Начиная с августа 1611 г. многие дьяки, поддержавшие Ополчение, были разосланы по городам — И. Карташев, И. Ефанов, А. Шапилов и удостоверивший своей приписью боярский список М. Поздеев. Их назначения не нашли в боярском списке никакого отражения. С другой стороны, в Ополчении стали очень заметны бывшие тушинцы — Ф. Шушерин, П. Третьяков, И. Шевырев (двое первых — даже в качестве думных дьяков). Но и эти перемены в администрации I Ополчения боярским списком не зафиксированы. Не отмечена в боярском списке ни гибель в июле 1611 г. при взятии Новгорода шведами дьяка А. Голенищева, ни возвращение из Новгорода в подмосковный лагерь Ополчения дьяка С. Самсонова (упоминается при Ополчении с конца июля 1611 г.). Лишь позднее, при царе Михаиле, боярский список 1611 г. оказался вновь востребован и пополнился несколькими новыми пометами (о казни Ф. Андропова, о смерти боярина кн. В. В. Голицына).

Необходимо сказать также несколько слов относительно источника боярского списка 1611 г. А. А. Бульчев совершенно обоснованно доказал, что при работе над этим документом использовался более ранний боярский список 1607 г. Как предположил ученый, в основу списка дьяков 1611 г. лег «дьячий список» 1607 г.; на боярский список 1607 г. опирались также и при составлении списка московских дворян 1611 г.³⁰ Это наблюдение исследователя подтверждается и другим аргументом. Недавно был опубликован неизвестный ранее фрагмент боярского списка 1607 г., обнаруженный В. И. Корецким. Этот фрагмент содержит в себе перечень выборных дворян от городских корпораций. Сопоставив последовательность в перечислении городов в списках 1607 и 1611 гг., нельзя не отметить полной идентичности их перечней (в боярском списке 1611 г., правда, перечень выборных дворян обрывается на Коломне)³¹. Единственным расхождением является то, что в боярском списке 1607 г. между Арзамасом и Коломной расположен еще город Лух. Однако на 1607 г. в Лухе числился лишь

один выборный дворянин, к тому же, как выяснилось, умерший на момент составления списка 1607 г.³² В боярских списках более раннего (вплоть до 1602/03 г.) и более позднего (20-х годов XVII в.) времени последовательность городских корпораций значительно отличается от той, что представлена в списках 1607 и 1611 гг.³³ Таким образом, тезис А. А. Булычева о наличии связи между боярскими списками 1607 и 1611 гг. находит дополнительное подтверждение.

Возникает, однако, вопрос, почему для составления боярского списка 1611 г. использовали боярский список 1607 г. Ведь его информация за четыре года (особенно с учетом обстоятельств Смуты) в изрядной степени нуждалась в уточнении. В распоряжении служащих Разрядного приказа в Москве имелся более свежий документ, по структуре и содержанию близкий к боярским спискам, — боярская книга 1609/10 г., составленная при Василии Шуйском. Эта книга пережила «московское разорение» и использовалась как справочный материал после освобождения Москвы³⁴. Но при составлении боярского списка 1611 г. использовался все-таки более ранний боярский список 1607 г. Почему?

Убедительный ответ на данный вопрос можно дать лишь исходя из гипотезы о составлении боярского списка 1611 г. не в Москве, а под Москвой, в лагере I Ополчения. В подтверждение этого тезиса можно привести интересные палеографические наблюдения, сделанные А. А. Булычевым. Ученым отмечено, что в боярских списках 1607 и 1611 гг. и в списке полка кн. Д. Т. Трубецкого обнаруживаются пометы, сделанные аналогичными черными чернилами³⁵. А. А. Булычев предположил, что эта правка произошла уже после освобождения Москвы. Но если в конце 1612 — начале 1613 г. еще имело смысл править боярский список 1611 г. и список полка кн. Трубецкого, то внесение правки в боярский список 1607 г. вряд ли было в тот момент актуально. Осмелимся предположить, что пометы, сделанные черными чернилами в трех перечисленных документах, появились в 1611 г., когда шла работа по составлению боярского списка 1611 г. и списка полка кн. Трубецкого; в качестве справочного материала при этом использовали боярский список 1607 г. Боярской книгой 1609/10 г. ополченцы, вероятно, не располагали, она оставалась в архиве Разрядного приказа в Москве.

Остается высказать некоторые соображения относительно расхождений между данными боярского списка 1611 г. и выпиской из боярских списков начала XVII в., опубликованной А. Л. Станиславским. Выписка из боярского списка 7119 г. свидетельствует, что в 1611 г. думными дьяками числились, помимо В. Янова и Т. Луговского, также Е. Витовтов, И. Чичерин, С. Соловецкий³⁶. Чем можно объяснить столь явное расхождение в показаниях двух источников? А. А. Булычев предположил, что опубликованная А. Л. Станиславским выписка

была справлена по боярской книге 1610/11 г., составленной, по его предположению, в марте–апреле 1611 г.³⁷ С этой гипотезой, однако, нельзя согласиться. Сведения о существовании боярской книги 1611 г. отсутствуют. Самой поздней боярской книгой, которой располагали после освобождения Москвы ополченцы, как было указано выше, являлась боярская книга 1610 г. (составленная при Василии Шуйском). В таком случае, откуда была сделана опубликованная А. Л. Станиславским выписка?

Ответ на этот вопрос удалось обнаружить в описи архива Разрядного приказа 1649–1652 гг. В этой описи упоминается сразу два боярских списка 1611 г.: «Список боярской 119-го году» и «Список боярской, при литве, году и числа нет»³⁸. Первый из них — тот, что был опубликован Н. П. Лихачевым и В. Н. Сторожевым и о котором шла речь выше. Второй — составлялся в осажденной Москве. Этот список, составленный «при литве», был утрачен, но выписка из него, сделанная в конце XVII в., сохранилась до наших дней и была опубликована А. Л. Станиславским. Составлялся этот боярский список, по всей вероятности, действительно в марте–апреле 1611 г. (в нем среди думных дьяков отсутствует имя В. Г. Телепнева, который в последний раз упоминается в документах именно в марте 1611 г.)³⁹.

Суммируя вышеизложенное, историю составления боярского списка 1611 г. можно реконструировать следующим образом. Начало его составлению было положено в Разрядном приказе в Москве. Происходило это, надо полагать, не осенью 1610 г., как утверждается в историографии, а в феврале–марте 1611 г., с наступлением второго полугодия 7119 г. от сотворения мира. За основу боярского списка в Москве могли взять предыдущий список, отражавший преимущественно состояние Государева двора на осень 1610 г. Однако в связи с мартовским восстанием 1611 г. в столице работа над боярским списком не была завершена. Не исключено, что незавершенный боярский список был вынесен из Разрядного приказа дьяком Новгородского разряда Марком Поздеевым, на которого в канцелярии П. П. Ляпунова и была возложена задача завершить работу над документом. Именно поэтому мы не встречаем в боярском списке ни одной пометы, негативно характеризующей политическое поведение участников Ополчения. Вероятно, этим объясняется и отсутствие в списке имен некоторых участников Ополчения, связанных в недалеком прошлом с движением Лжедмитрия II (в частности, и самого боярина кн. Д. Т. Грубецкого). Они были изменниками для московского правительства; неопределенными оставались и отношения бывших тушинцев с лидером земского Ополчения П. Ляпуновым⁴⁰. Вскоре после смерти Ляпунова боярский список 1611 г. перестал использоваться и не отразил никаких перемен в составе Ополчения. Тем не менее бо-

ярский список остается ценным источником по составу Государева двора и I Ополчения на начало 1611 г.

Примечания

- ¹ Боярский список 1611 года. Издан Н. П. Лихачевым // Сборник Археологического института. Т. VI. СПб., 1895 (далее — Боярский список 1611 г.). С. 5; Боярский список 7119 года // ЧОИДР. 1909. Кн. 3.
- ² Бульчев А. А. О боярском списке 7119 (1610/11) г. // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 72–73.
- ³ Боярский список 1611 года. С. 6.
- ⁴ АЗР. Т. IV. СПб., 1851. № CDLXVII. С. 370.
- ⁵ РГАДА. Ф. 396. «Оружейная палата». Оп. 1. Ч. 23. Д. 36 216. Л. 1–4; Д. 36 217. Л. 1, 12, 13; Д. 36 219. Л. 1, 2.
- ⁶ АИ. Т. II. СПб., 1841. № 312. С. 371.
- ⁷ АЗР. Т. IV. № DCCLIII. С. 403.
- ⁸ Там же. № CDXCVI. С. 374.
- ⁹ СГГид. Ч. II. М., 1819. № 218. С. 481; Опись архива Посольского приказа 1626 года (далее — Опись 1626 г.). Ч. I. М., 1977. С. 116.
- ¹⁰ Бульчев А. А. Указ. соч. С. 73.
- ¹¹ Боярский список 1611 года. С. 7.
- ¹² Бульчев А. А. Указ. соч. С. 71.
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. «Разрядный приказ». Оп. 24. Д. 1. (1611 г.). Л. 1; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 94.
- ¹⁴ АИ. Т. II. № 183. С. 214; РИБ. Т. II. СПб., 1875. Стб. 244, 248.
- ¹⁵ АЗР. Т. IV. № CCLVIII. С. 349; РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 23. Д. 36212. Л. 1; Д. 36217. Л. 13; РИБ. Т. II. Стб. 243–245; СГГид. Ч. II. № 275, 276. С. 582, 587; *Елассонский А.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 200.
- ¹⁶ АЗР. Т. IV. № CDLXXXII, DCVII, DCXIV, DCCLI. С. 373, 388, 389, 403.
- ¹⁷ СГГид. Ч. II. № 218. С. 482; Опись 1626 г. Ч. I. С. 118.
- ¹⁸ АЗР. Т. IV. № DCCXV. С. 399.
- ¹⁹ ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 84.
- ²⁰ Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 355.
- ²¹ *Станиславский А. Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 127; Бульчев А. А. Указ. соч. С. 72. Заметим, что сроки пребывания М. Поздеева на посту дьяка Разрядного приказа указаны не вполне точно: он числился в этом ведомстве с 1613 по 1621 г. с перерывом на 1617–1618 гг., когда он находился с посольством в Англии.
- ²² *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 119.
- ²³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 23. Д. 36 212. Л. 1; Д. 36 218. Л. 1–33; РИБ. Т. II. Стб. 235–236.
- ²⁴ *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 418.
- ²⁵ РИБ. Т. II. Стб. 236.
- ²⁶ ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 77.
- ²⁷ Там же. С. 78.
- ²⁸ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веков (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 367, 371.
- ²⁹ ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 78.

³⁰ Бульчев А. А. Указ. соч. С. 70–71.

³¹ ЧОИДР. 1909. Кн. 3. С. 95–103; Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608 гг.: Сб. документов (далее — Народное движение). М., 2003. № 39. С. 140–144.

³² Народное движение. № 39. С. 143.

³³ Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. (далее — БС). Ч. I. М., 1979. С. 129–153, 186–189, 196–221; Боярская книга 1627 года. М., 1986. С. 118–125.

³⁴ Акты времени правления Василия Шуйского. (19 мая 1606 — 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 380.

³⁵ Бульчев А. А. Указ. соч. С. 71.

³⁶ БС. Ч. I. С. 268.

³⁷ Бульчев А. А. Указ. соч. С. 74.

³⁸ Описи архива Разрядного приказа XVII в. СПб., 2001. С. 80.

³⁹ БС. Ч. I. С. 268. См. также: Лисейцев Д. В. Указ. соч. С. 83.

⁴⁰ Подробнее о взаимоотношениях составлявших I Ополчение политических сил см.: Лисейцев Д. В. Синтез управленческих структур I и II Народных ополчений (1611–1613 гг.) (в печати).

М. Б. Булгаков

Сотенные знамена рязанских полковых воевод 1638–1639 гг.

Несмотря на то что российская историческая вексиллология развивается более 300 лет¹, выяснены не все еще вопросы, связанные с историей русских боевых знамен первой половины XVII столетия.

Данная статья посвящена описанию малых (сотенных, братских) знамен рязанских полковых воевод конца 30-х годов XVII в. Известно, что именно в 1630-е гг. начинается процесс реорганизации русской армии, когда появляются полки «нового строя»: солдатские, рейтарские и драгунские. Однако этот процесс шел медленно и продолжался до военной реформы Петра I. В эпоху Михаила Романова основу русской армии составляла еще поместная дворянская конница, мобилизуемая на время военных действий. В состав этих полков входили стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, городовые дворяне и дети боярские и дворянские холопы, а также атаманы и казаки, рейтары и солдаты, стрельцы и иноземцы и «чины» Дворцового приказа: ключники, подключники, сытники и др.² Как видим, в русских полках уже отмечены рейтары, солдаты и иноземцы, но подавляющую часть войска составляло дворянское ополчение.

В каждом полку отдельные «чины» подразделялись на конные и пехотные сотни числом до 20 и каждая сотня имела свое малое знамя.

Весной 1638 г. ожидался «приход крымского царя и крымских и нагайских людей» в отместку за то, что донские казаки взяли турец-

кую крепость Азов летом 1637 г. Осенью того же года крымский царевич Сафат-Гирей совершил набег на русские южные города; на следующий год татары намеревались прорваться к «перелазам» р. Оки³. Поэтому 1 апреля 1638 г. в Переяславль-Рязанский были отправлены полковыми воеводами боярин кн. Дмитрий Михайлович Пожарский — герой русского освободительного движения 1611–1612 гг. (первым воеводою) и дворянин Федор Михайлович Бояшев (вторым воеводою)⁴.

Д. М. Пожарский по воцарении Михаила Романова с 1613 г. родней царя и родовитым боярством был оттеснен от власти и занимал скромные служебные посты: в 1628–1631 гг. он был городовым воеводой в Великом Новгороде, а в 1636–1637 гг. начальником Московского Судного приказа⁵. Его товарищ Ф. М. Бояшев до этого назначения в 1615–1619 гг. был городовым воеводой в г. Кашине, а в 1631–1633 гг. воеводой в г. Верхотурье⁶. Набег крымских татар в 1638 г. не состоялся, и воеводы были отозваны в Москву. На их место в мае 1639 г. были присланы в полк боярин кн. Петр Александрович Репнин и дворянин Василий Никитич Пушкин⁷. П. А. Репнин был городовым воеводой в 1625 г. в той же Рязани, а в 1636–1638 г. — в Великом Новгороде. В 1638 г. он возглавлял Сыскной приказ, который возвращал в тягло беглых посадских людей⁸. Его товарищ В. Н. Пушкин был до этого назначения городовым воеводой в г. Пронске в 1627 г. и в 1636–1637 гг. в г. Чебоксары⁹. Набег крымцев не состоялся и в 1639 г., и в апреле 1640 г. по царскому указу П. А. Репнин распустил ратных людей и отбыл в Москву, оставив на какое-то время в Рязани В. Н. Пушкина.

В районе своей дислокации войско квартировалось у городских и сельских жителей, а также в летнем палаточном лагере под городом. Полки дворянского ополчения в это время стояли и в других городах на подступах к р. Оке: в Туле, Одоеве, Крапивне, Веневе и Мценске¹⁰. В Туле располагался главнокомандующий русской рати — сначала боярин кн. Иван Борисович Черкасский, а затем — боярин кн. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский, которым подчинялись полковые воеводы перечисленных городов. Канцелярия воевод рязанского полка находилась в местной приказной (съезжей) избе, где сидели в это время городовые воеводы: Иван Семенович Колтовский (с января 1637 по январь 1639 г.) и Иван Иванович Можаров (с января 1639 по апрель 1640 г.)¹¹. Эти воеводы со своим штатом приказной избы: подьячими, рассыльными и приставами подчинялись полковому воеводе. Очевидно, кто-то из подьячих избы под присмотром В. Н. Пушкина в 1640 г. составил «ропись, что осталось после... П. А. Репнина у воеводы В. Н. Пушкина в Переяславле-Рязанском в съезжей избе». В состав этой росписи, наряду с перечнем имущества, текущей документацией и казенных денег полковых воевод, вошла и опись сотенных знамен рязанского полка¹².

Уникальность этой росписи военной канцелярии рязанского полка заключается в том, что она составляла особый пласт документации среди обычного делопроизводства рязанской приказной избы. Если архивы приказных изб XVII в. изучаются уже давно¹³, то документация полковых воевод еще не была предметом специального исследования. Особую ценность этому пласту документации придает описание сотенных знамен, которое является одним из ранних местных описей русских воинских атрибутов. Нам не известна судьба этих знамен, и, скорее всего, они не сохранились в сложных перипетиях российской истории. В Московской Оружейной палате хранятся отдельные царские большие знамена XVI–XVII вв., большие полковые (воеводские) знамена и знамена родов войск XVII в.: стрелецкие, казачьи, пушкарские и др. Там же хранятся и ротные знамена (прапоры) полков «иноземного строя» второй половины XVII в.¹⁴ Но сотенные знамена дворянского ополчения первой половины XVII в., к сожалению, не представлены.

Наша находка в самом общем виде позволяет судить о том, какими были малые знамена старых дворянских полков и чем они отличались от больших полковых и ротных стягов полков «иноземного строя». Описание сотенных знамен рязанского полка 1638–1639 гг. составлял современник, пользуясь понятиями своего времени и соображаясь со своими знаниями, опытом и усердием, не имея, конечно, представления о правилах позднейших — XVIII–XIX вв. — описаний русских боевых святынь. Поэтому в этом описании не отмечены многие важные сведения: например, размер полотнища знамени, не всегда названа ткань, из которого оно сделано, не фиксировался иногда цвет некоторых изображений, не описана форма крестов и т. д., что затрудняет их полное и отчетливое восприятие.

Отметим, что среди описываемых стягов не было большого полкового (воеводского). Его, конечно, выделил бы описатель. Очевидно, полковое знамя при смене воевод передавалось ими из рук в руки и находилось на «квартире», где они стояли, среди их личных вещей — доспехов, оружия и прочего, поскольку оно очень ценилось и береглось как пожалование государя. Такие знамена изготавливались в мастерских Московской Оружейной палаты «живописцами и словописцами», а также златошвеями, и хранились в Казенном приказе. Оттуда они поступали в Разрядный приказ, который рассылал их по городам, где стояли полки. По царскому распоряжению такие знамена могли передаваться и в другие полки (т. е. они были переходными) и служить в походах и боях более 50 лет. Так, знамя, изготовленное для тульского полка кн. И. Б. Черкасского в 1638 г., впоследствии было передано в новгородский полк П. В. Шереметева, затем в 1659 г. в полк кн. А. Н. Трубецкого. Далее оно было вручено кн. Ю. А. Долгорукову, который командовал сначала минским, а затем арзамасским

полком, участвовавшим в сражениях с отрядами Степана Разина в 1671 г. В 1680 г. это знамя находилось в полку кн. В. В. Голицына, а в конце 80-х годов XVII в. — в новгородском полку А. С. Шеина. Это большое знамя было выполнено из червчатой (малиновой) тафты (шелковой ткани) с откосом (со срезом нижней правой части полотнища). На знамени лишь на одной его стороне были вышиты золотом, серебром и цветными шелками образ Спаса, херувимы и серафимы, а также звезды между ними. Золотая бахрома окаймляла края полотнища знамени¹⁵.

Малые сотенные знамена также могли жаловаться в полки государями, но могли выполняться «иждивением» полковых воевод, а также сотников (голов) или делались на сборные деньги рядовых ратников. В таких случаях знамена изготавливались местными умельцами — мастерами. Так, в 1618 г. посланный из Москвы в Ярославль собирать ратных людей для отражения «подступа» к столице польского королевича Владислава кн. И. Б. Черкасский «построил» там 26 сотенных знамен¹⁶. Подобная практика сохранялась и в дальнейшем. Например, в 1700 г. знамя одной солдатской роты было «построено» в г. Дмитрове, где квартировался полк. Это знамя представляло из себя прямоугольное камчатое (шелк) полотнище размером в 2 аршина 4 вершка в длину и столько же в ширину. На нем были изображены написанные золотом, серебром и красками «в облаце» Спас Вседержитель и в молении перед ним апостолы Петр и Павел¹⁷. Здесь можно отметить богатство красок и религиозный мотив исполнения малого знамени, что, впрочем, зависело от заказчика.

В нашей описи сотенных знамен отсутствуют сведения о древках, навершиях к ним, мешочках и чехлах. Очевидно, они изготавливались в спешном порядке перед самым выступлением войск к месту сражений. К древку полотнища знамени прикреплялось разными способами: привязывалось тесемками, прибивалось медными гвоздями или при помощи специального суконного мешочка, пришитого к малой (боковой) кромке полотнища, надеваемого на древко снизу через его «подток» и прочно закрепляемого отмеченными способами.

Рязанские малые знамена сотен выполнялись из дешевых тканей: хлопчатой бумаги (миткаль, зенденина), простого ситца (киндяк), холста (крашенины), посконной или пеньковой ткани (портанина). Изображения на них наносились цветными красками и только с одной стороны — если бы они присутствовали с двух сторон, описатель упомянул бы об этом.

Опись знамен начинается с воеводства П. А. Репнина: «да в съезжей избе знамен, что делано при боярине и воеводах при князе Петре Александровиче Репнине да при Василье Никитиче Пушкине». Всего в 1639 г. было сделано одиннадцать сотенных знамен, очевидно, местными рязанскими мастерами.

1. «Знамя: орел красной по черной земле, обведено землею желтым киндяком». Из этого краткого описания выясняется, что полотнище знамени было прямоугольным, черного цвета («земля» — поле, общий фон, цвет. — М. Б.), в центре которого было нарисовано изображение красного орла, но без указания на число голов (одна или две). Кромка знамени была обшита («обведена», «обложена») тканью из желтого киндяка. Возможно, и само полотнище было киндячное.

2. «Знамя: грив¹⁸ красной по зеленой земле, обведено землею лазуревым¹⁹ киндяком».

3. «Знамя: орел черной с саблею по лазуревой земле, обведен черчатой киндяком».

4. «Знамя: индрог²⁰ с булавою желтой по красной земле, обведено зеленым киндяком».

5. «Знамя: звезда желтая по черной земле, обведено желтым киндяком».

6. «Знамя: китоврас²¹ красной по желтой земле, обведено белыми миткалями».

7. «Знамя: лев желтой з булавою по белой земле, обведено землею черватым киндяком».

8. «Знамя: рука желтая з древком по черной земле, обведена белыми миткалями».

9. «Знамя: клинчатое — три клина красных, три клина зеленых, три клина желтых». Здесь надо иметь в виду, что определение «знамя клинчатое» не означало, что оно выполнено в форме клина. Это было прямоугольное полотнище с изображением девяти клинов трех цветов. Это определение стоит в ряду с таким как «знамя шахматное», отражающее череду изображений цветных квадратов на прямоугольном полотнище. «Клинчатое» знамя было без кромки, но, возможно, ее просто не отметил описатель, как и материал, из которого изготовлено полотнище.

10. «Знамя: полкан²² красной по желтой земле, обведено землею на зеленый киндяк».

11. «Знамя: орел черной на красном кругу сидит на белой земле, обведен зеленым киндяком». Здесь на полотнище представлено напластование нескольких цветных изображений — на белом поле нарисован красный круг, а в этом кругу — черный орел. Нашивная кромка выполнена из зеленого киндяка.

Сотенные знамена, сделанные при П. А. Репнине, характеризовались не только цветовой контрастностью полей, изображений и кромок, но и тяготением к изоморфным мотивам рисунков с включением фантастических чудовищ, олицетворяющих воинственность, силу и бесстрашие. Всего знамен с изображением чудовищ и животных можно насчитать восемь из одиннадцати. Как особенность всех пере-

численных знамен можно отметить отсутствие на них религиозных символов.

Далее в нашей росписи идет описание семи стягов, изготовленных при Д. М. Пожарском в 1638 г., — «да прежних знамен, что деланы при боярине и воеводах при князе Дмитрии Михайловиче Пожарском да при Федоре Бояшewe».

«Знамя косячетое зенденинное, полоса бела, полоса червчатая, полосо зеленая, полоса лазорева». Здесь на прямоугольном полотнище знамени были изображены четыре разноцветные полосы вкось, возможно, по диагонали. Описатель не отметил наличие кромки вокруг полотнища.

«Знамя киндячное, два клина белых, два клина черных, в серетках крест червчат, обложено зеленым киндяком». Здесь на полотнище прямоугольного знамени было изображение четырех клиньев, в середине которых нарисован малиновый животворящий крест, но описатель не отмечает его форму — восьмиконечный или шестиконечный.

«Знамя лазорево киндячное, в серетке крест». Это было прямоугольное полотнище с изображением большого креста, но описатель не указал ни его цвет, ни форму, ни другие детали. Обычно, если на знамени изображался один большой крест, то при нем рисовалось подножие из трех или пяти ступеней и слева от креста изображалась трость, а справа — копьe. Наличие кромки также не указано. Упуская такие сведения, описатель проявлял известную небрежность.

«Знамя киндячное, четыре клина — красной да белой, да лазоревой, да зеленой» Здесь, очевидно, клинья были без крестов. Описатель не отметил наличие кромки.

«Знамя киндячное, четыре клина — два клина белых, два клина червчатых, в серетках крест тоусинной (темно-синий. — М. Б.)». Здесь описатель также не указал форму креста и наличие кромки.

«Знамя четыре клина белых, по серетке крест, киндяк зеленой». Здесь не отмечены сведения о форме и цвете креста и о наличии кромки.

«Знамя крашенинное лазорево, обложено белою порганиною». Здесь на стяге не было никаких изображений. Описатель отметил, что полотнище и обшивка (кромка) знамени выполнены из разной ткани.

Эти семь сотенных стягов, сделанных при Д. М. Пожарском, были более просты в художественном оформлении, чем знамена П. А. Репнина. На них изображались лишь цветные клинья, полосы и кресты, а на одном стяге вовсе не было изображений. Другой их отличительной чертой была хорошо улавливаемая религиозная мотивация — на четырех из семи знамен изображались православные кресты — символы веры в помощь Бога в битвах с врагами Отечества.

Все 18 сотенных знамен рязанского полка 1638–1639 гг. были выполнены из простой дешевой ткани (полотнища и нашивные кромки) в форме прямоугольников без откосов с нарисованными цветными красками изображениями — символами. Размер таких стягов не превышал, вероятно, 2,5 аршин в длину и 1,5–2-х аршин в ширину. На них не было ни надписей золотом и серебром, ни нашивок изображений из цветных шелков и из золотых и серебряных нитей, ни золотых и серебряных украшений: розеток («репей»), звезд, цветов и т. д., наносимых между изображениями и по углам стяга.

Тем самым они отличались от больших царских и полковых знамен дворянского ополчения, которые выполнялись из дорогих шелковых тканей: тафта, камка, лудан и др., размер их простирался в длину до 7,5 аршин и до 3-х аршин в ширину, полотнище их было почти всегда с откосом и изображения наносились зачастую с двух его сторон. Изображениями выступали обычно лики Спасителя, архангелов, русских князей, святых чудотворцев и библейских персонажей. Такие большие знамена в 40-х годах XVII в. оценивались до 5 руб. каждое, в то время как малые сотенные только в 1 руб. 21 алт.²³ Так, большое знамя кн. Д. М. Пожарского 1611–1612 гг., когда он выступал главным военачальником русского освободительного ополчения, выглядело следующим образом: полотнище его было «прямоугольное, шириною по древку 1 аршин 14 вершков, длиною 2 аршина 9,5 вершков, на одной стороне написано золотом и серебром: город Иерихон, архистратиг Михаил и преклоняющийся перед ним Иисус Навин, на углах золотые украшения, по старинному репья, а между ними вдоль краев серебряными буквами надпись из книги Иисуса Навина. На другой стороне знамени — в пояс изображение Спасителя, правой рукой благословляющего, а в левой руке держащего раскрытое Евангелие со словами из апостола Матфея. По углам серебряные репья, и между ними серебром надписи из богослужебных книг (Тропаря и Кондака)»²⁴. Как видим, в главном боевом знамени русской армии того времени наличествовали воинственные и религиозные мотивы, что выражало единение национально-освободительных и православных идей народа.

Отметим, что немалый интерес вызывает сравнение символики русских малых боевых стягов с символикой аналогичных знамен интервентов — отрядов искателей приключений. Знамена последних были захвачены кн. Пожарским в ходе ожесточенных боев 1611–1612 гг. и впоследствии переданы в суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь, откуда их, очевидно, уже в XIX в. переправили в Санкт-Петербург.

На восьми малых знаменах отрядов наемников из Англии были изображены красками большие (королевские) и малые (дворянские) геральдические щиты. Большие щиты располагались в верхней части

полотнища, а малые в нижней (по 2–3 изображения). Верхние щиты «держат слева лев в короне, а справа конь, стоящие на задних ногах. Между головными щитами расположены: арфа, три лилии вместе и три геральдических животных». На всех знаменах изображения и поля разделений между ними выполнены разными красками, а надписи-девизы воспроизведены по латыни золотом и черной краской. Материалом для знамен служила пеньковая холстина.

Два больших стяга, очевидно, двух соединений нескольких отрядов наемников отличались от малых знамен. Одно из них было сшито из четырех малых. На первой части большого знамени изображен «двуглавый орел, над ним бард в мантии и в сапогах с кистями, он поет и ударяет по струнам гитары. Две пары колонн образуют род портика. Тут же изображение мужчины и женщины» и надписи — девизы на белом поле холстины. На второй части знамени воспроизведен рыцарский девиз и помещено изображение — «пляшущая фигура в сапогах с кисточкой». На третьей и четвертой частях стяга начертаны только одни девизы. На другом большом знамени интервентов было изображение щита, «справа от него ногой мужчина с длинными волосами, с усами и бородой, цвет волос шатландский, на голове шлем из ветвей, рук нет, вместо ног два извива дельфиньего вида, слева обнаженная женщина без рук и также стоящая в извивах». Сверху и вокруг щита помещены рыцарские девизы. Ниже щита даны изображения двух крылатых юношей, сидящих на головах чудищ и держащих этот щит, внутри которого помещена монограмма²⁵.

Как видим, в изображениях малых и больших знамен иноземцев — наемников с Запада, прибывших в Россию поживиться на ее бедах, обозначены только рыцарские светско-развлекательные мотивы, которые были в диковинку для русских людей первой половины XVII в. Однако впоследствии, с XVIII в. западная геральдическая символика вошла в обиход русского дворянства и присутствовала в гербах баронов, графов и князей.

В отношении же малых ротных знамен полков «иноземного строя» второй половины XVII в., в сравнении их со старыми стягами сотен дворянского ополчения, можно отметить следующее. Во-первых, ротные знамена стали выполняться только из шелковых материй. Во-вторых, изображения разных животных на них: львов, носорогов, орлов и т. д. почти всегда воспроизводились с царским венцом на их головах, и такие «картинки» обычно соседствовали с изображениями православных крестов, а также с разными украшениями и надписями золотом, характерными для старых больших стягов. В-третьих, появляется тенденция наносить изображения на двух сторонах знамени, среди которых присутствовали лики Спаса, Богородицы, русских чудотворцев и т. д., в чем заметно влияние старых больших знамен.

Также отметим, что в рейтарских (конных) полках ротные стяги стали делаться с двумя или с тремя откосами (хвостами) со всеми перечисленными особенностями. Такие прапоры по размерам были меньше пехотных (солдатских) стягов, потому что всадник-знаменщик держал знамя одной рукой, а второй управлял конем. Символические же изображения прапоров конников и пехотинцев были тождественны.

Таким образом, приведенное описание боевых сотенных знамен рязанского полка дворянского ополчения 1638–1639 гг. дает нам представление о русских символах — изображениях, олицетворяющих Божью помощь, веру в победу, силу и «воспламеняющих дух храбрости у воинов»²⁶, под сенью которых они сражалась за свою Родину.

Примечания

¹ Соколов В. А. Вексиллологический справочник по флагам Российской империи и СССР. Т. 1. М., 2002. С. 12.

² Дворцовые разряды. Т. 2. СПб., 1851. С. 568.

³ Новосельцев А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 294.

⁴ Дворцовые разряды. Т. 2. С. 566.

⁵ Русский биографический словарь. Т. 1. СПб., 1905. С. 243–245.

⁶ Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления в XVII столетии. СПб., 1902. С. 41, 96.

⁷ Дворцовые разряды. Т. 2. С. 605.

⁸ Русский биографический словарь. Т. 16. СПб., 1913. С. 127–128.

⁹ Барсуков А. П. Списки городских воевод... С. 182, 270; Веселовский С. Б. Род и предки А. С. Пушкина в истории. М., 1990. С. 176.

¹⁰ Дворцовые разряды. Т. 2. С. 567.

¹¹ Барсуков А. П. Указ. соч. С. 174.

¹² РГАДА. Ф. 210. Д. 115. Л. 272–275. В дальнейшем все цитаты из этого источника даются без указания конкретных листов.

¹³ Сводку работ об архивах приказных изб XVII в. см.: Булгаков М. Б. Состав документации Ростовской приказной избы первой половины 60-х гг. XVII в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 103.

¹⁴ Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Раздел «Знамена». СПб., 1841. Ч. 1. С. 65–96; Знамена, прапоры, значки, флаги и штандарты // Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. М., 1884. С. 3–130.

¹⁵ Яковлев Л. Дополнение к III отделению Древности Российского государства. Русские старинные знамена. М., 1865. С. 69.

¹⁶ Там же. Приложение. С. 6.

¹⁷ Опись Московской Оружейной палаты. Ч. 3. С. 73.

¹⁸ Грив, гриф, грифон — полуорел, полулев. О семантике символа грифона см.: Белова О. В. Славянский bestiary. Словарь названий и символики. М., 2000. С. 121.

¹⁹ Лазоревый — светло-синий. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1989–1991.

- ²⁰ Индрог, инорог, инрог, инрох — единорог (Белова О. В. Указ. соч. С. 133).
- ²¹ Китоврас — крылатый кентавр, брат библейского царя Соломона — фантастическое демоническое чудовище, обладающее огромными размерами, воинственностью, силой и мудростью. Подробнее о китоврасе в славянской книжной традиции см.: Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и китоврасе и западные легенды о Морольефе и Мерлине // *Веселовский А. Н. Собр. соч.* Т. 8. Вып. 1. Пг., 1921. С. 166–167.
- ²² Полкан — кентавр — получеловек, полуконь (Белова О. В. Указ. соч. С. 130).
- ²³ Яковлев Л. Указ. соч. Приложение. С. 7.
- ²⁴ Висковатов А. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 70.
- ²⁵ Горелин Я. П. Спасо-Евфимьевский монастырь в г. Суздале и 10 найденных в нем знамен в 1839 г. // *Владимирские губернские ведомости.* Часть неофиц. 1869, 12 июня. С. 1–3.
- ²⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 83.

Е. В. Иванова

Делопроизводство Печатного приказа в первой половине XVII в.

Печатный приказ как центральный орган управления в Московском государстве выполнял важные государственные функции. Он обладал (в современном понимании) нотариальными функциями, именно там документы, касающиеся оформления прав на имущество, судебно-следственные материалы, свидетельства на право торговли и держания откупов проходили заключительный этап оформления. В Печатном приказе документам придавалась юридическая сила: удостоверение государственной печатью, краткая запись в регистрационные записные книги приказа, в том же ведомстве взималась печатная пошлина. Среди функций приказа важнейшими были справочно-информационная и финансовая.

Основную сложность в выявлении полного объема документации Печатного приказа представляет то обстоятельство, что запечатанные государевой печатью документы светских и духовных лиц выдавались их владельцам на руки и соответственно расходились по всей территории Московского государства. Информация об этом сохранилась в регистрационных книгах и в челобитных (в тех случаях, если грамота или акт были выданы беспошлинно). Пошлинные и беспошлинные книги Печатного приказа позволяют установить порядок и организацию делопроизводства, вычленив последовательные стадии регистрации грамот и актов.

Документация Печатного приказа включает регистрационные книги, разделенные на основании уплаты или освобождения от уплаты печатных пошлин на пошлинные и беспошлинные. В настоящее время они хранятся в Российском государственном архиве древ-

них актов в фонде 233. Другую часть материалов Печатного приказа представляют челобитные светских и духовных лиц с просьбами об освобождении их от платежа печатных, подписных и четвертных пошлин в силу различных обстоятельств¹. Таким образом, челобитные являются первоисточником, на основании которого заносились данные в беспошлинные книги приказа. Челобитные или какие-либо другие документы, на основании которых производились записи в пошлинные книги, отсутствуют.

Специфика деятельности и делопроизводства Печатного приказа заключалась в том, что практически единственной собственной его документацией являются записные регистрационные книги. Никаких других документов Печатный приказ не производил, за исключением памятей, посредством которых служащие приказа переписывались с администрацией других ведомств. Регистрационные книги содержат информацию об объеме приказной документации, грамотах и актах, приходивших в Печатный приказ и проходивших через него.

Отмечу, что столбцы с челобитными квалифицируются как входящая приказная документация, в то время как регистрационные книги Печатного приказа — внутренняя документация, свидетельствующая о деятельности приказа как нотариального органа. Записные пошлинные и беспошлинные книги следует рассматривать как отражение регистрационно-контрольной формы учета прохождения документа в приказной системе.

До момента решения вопроса на основе поданной челобитной и выдачи владельцу грамоты или акта проходил ряд стадий документооборота, в которых Печатный приказ как орган центрального государственного управления являлся последней инстанцией.

Движение документов по делу, принятое в Печатном приказе в первой половине XVII в., традиционно опиралось на уже сложившуюся приказную систему делопроизводства. Основными этапами документооборота в данном приказе были:

- составление челобитной на имя царя с просьбой о выдаче грамоты или акта;
- подача челобитной на рассмотрение в тот приказ, ведомство которого уполномочено было его рассматривать;
- вынесение решения в этом приказе.

Нередко при этом требовались дополнительные сведения, которые собирались путем запросов в разные приказы. Часто и в сам Печатный приказ направлялись памяти из разных учреждений. Изготовленная по прошению челобитчика грамота поступала для регистрации в Печатный приказ, где в книги заносилась краткая запись о содержании документа, к акту или грамоте прикладывалась государственная печать и взималась печатная пошлина (если документ не

подлежал беспошлинной печати). После исполнения этих операций грамота выдавалась владельцу.

В делопроизводстве Печатного приказа ключевыми являлись два момента: процедура регистрации грамоты или акта и взятие пошлины или освобождение от нее за приложение печати к документу. Регистрация документа в Печатном приказе проходила путем занесения краткой записи о запечатываемой грамоте или акте в пошлинную или беспошлинную книгу приказа. Обязательными для записи были несколько элементов:

- дата регистрации (число, месяц, год);
- населенный пункт, куда грамота или акт посылались;
- полное имя владельца грамоты или акта;
- краткое содержание сути дела, изложенного в документе;
- пометка служащих приказа о том, были ли взяты печатные пошлины и в каком количестве.

Книги прошлых лет оставались в приказе, к ним нередко обращались в последующем делопроизводстве: записи в книгах использовались для наведения справок и изготовления выписок, на основании которых составлялись памяти и выписки по запросам других приказов.

Регистрация придавала документу юридическую силу, обеспечивала его учет и контроль. Она давала возможность подтвердить факт получения или отправки документа, вести контроль за его исполнением, составлять количественные и качественные характеристики документооборота, создавать информационно-справочный аппарат. Таким образом, перечисленные функции составляют суть нотариальной деятельности, которой занимался Печатный приказ.

Документация Печатного приказа позволяет реконструировать последовательность действий его служащих. Подданные обращались к царям с челобитными об освобождении от платежа печатной пошлины. Челобитные подавались на рассмотрение в тот приказ, в ведомстве которого находился челобитчик, или в приказ, в сферу компетенции которого входило разрешение упомянутого в челобитной вопроса. В этом случае в Печатный приказ приходили подписные челобитные. Однако в документации приказа встречаются и неподписные челобитные.

По традиции приказного делопроизводства на обороте каждой челобитной было записано решение, вынесенное по данному делу. Обыкновенно оно укладывалось в формулировку: «Государь пожаловал, пошлин имать не велел». Следом стояло обращение к действующему начальнику Печатного приказа и его дьяку с распоряжением «пошлин не имать». Особенно важно, что здесь же ставилась дата (год, месяц, число) и припись дьяка, уполномоченного известить администрацию Печатного приказа о невзимании с челобитчика пе-

чатных пошлин. Дата, проставленная на обороте каждой челобитной, говорит о времени приема в Печатный приказ данного документа, однако она не означает дату рассмотрения и регистрации в Печатном приказе этой челобитной.

Сопоставим челобитные с просьбой об освобождения их владельцев от печатных пошлин и соответственно записи в беспошлинной книге об этом. Например, 23 января 1629 г. по памяти за приписью дьяка Ивана Дедкова было указано окольному Л. И. Долматову-Карпову и дьяку Ивану Федорову пошлин с челобитчика курчанина Бориса Касьянова не брать². В беспошлинной книге 7137 (1628/29) г. за 23 января записи о выданной Борису Косьянову грамоте нет. Она была сделана несколько позже — 8 февраля в той же книге³. Предел колебаний составляет примерно 20 дней с момента поступления челобитной в приказ до занесения в регистрационную книгу записи об уже выданной грамоте или акте на основе этой челобитной. Иногда даты совпадают, и это говорит о том, что в этот день челобитная зафиксированным на ее обороте решением была направлена в Печатный приказ, где к грамоте или акту без промедления была приложена государственная печать, и документ был выдан владельцу, о чем в беспошлинной книге осталась запись, датированная тем же днем.

Замечу, что последний вариант встречается крайне редко⁴. В большинстве случаев всегда точно можно сказать, что документ был запечатан и выдан владельцу именно в месяц и год, помеченный на челобитной. Видимо, позже для быстроты поиска и наведения справок в Печатном приказе на оборотной стороне челобитных стали проставляться даты занесения в беспошлинную книгу приказа сведений по делу. Челобитные, обращенные к Алексею Михайловичу и датированные 7154 (1645/46) г., на своей оборотной стороне содержат такие дополнительные записи, отнесенные к 7155 (1646/47) г. Кроме того, по сствам идет скрепа дьяка приказа Никифора Демидова. Можно предположить, что в Печатном приказе к середине XVII в. оформилась детальная обработка документации. Видимо, рукой дьяка Н. Демидова были проставлены в беспошлинную книгу приказа даты записи о выдаче грамот по представленным челобитным. Так, например, челобитная вдовы Алены Образцовой, жены Бестужева, была направлена в Печатный приказ 21 июля 1646 г. Ниже поставлена припись: «7155 (1646) год, Сентября, во 2 день». Именно в беспошлинной книге за 7155 (1646) г. 2 сентября была сделана запись о выдаче грамоты вдове Алене⁵.

Сведения о запечатанных пошлинно или беспошлинно грамотах заносились в регистрационные книги в тот день, в который эти грамоты выдавались владельцу. Очень редко на полях пошлинных и беспошлинных книг рядом с записью о выданной грамоте встречаются слова, свидетельствующие о делопроизводственной ошибке или сбое

в системе документооборота приказа: «И того дни та грамота не запечатана, а запечатана мая в 19 день»⁶. Причина может быть одна: владделец не пришел в назначенный день за грамотой. Служащие Печатного приказа не стали вносить в книгу исправления, а сделали эту запись на полях. Грамоты не печатались, если владделец за ними не приходил и соответственно не уплачивал печатных пошлин. Во второй половине XVII в. служащие приказа составляли описи документов, в результате чего были обнаружены записи о 29 жалованных грамотах на вотчины, выписанные в 7147 (1638/39) г., за которыми никто не пришел. В отчете было указано на судьбу не востребованных документов: «...грамоты не печатаны, а залежались в Печатном приказе, что челобитчики их не взяли, и иные изъели мыши»⁷.

Сначала написанная грамота на поместье или другой вид пожалования приходила в Печатный приказ для удостоверения, а уже потом челобитчики направляли на имя царя просьбы об их беспошлинной выдаче. В обращениях к царю сами челобитчики нередко упоминали о том, что «грамота лежит у печати», «грамоты лежат третью неделю у печати», а печатник просит пошлин, но заплатить нечем⁸. Челобитные направлялись в Печатный приказ для рассмотрения. Судья приказа и дьяк выносили решение на основании изложенной в челобитной причины, по которой челобитчик нуждался в этом виде льготы. В случае если изложенные в челобитной причины оказывались весомыми и попадали под какой-либо из указов государя, данный Печатному приказу, то выносилось решение о беспошлинной печати этих грамот и актов, сведения о которых заносились в беспошлинную книгу приказа. В пошлинную книгу записывались грамоты и акты, с которых пошлины были взяты и владельцы которых не подавали на имя царя челобитных об освобождении их от уплаты печатной пошлины, либо если их челобитная была отклонена. Таким образом, регистрация документов в Печатном приказе сопровождалась исполнением другой его неотъемлемой функцией — взиманием печатной пошлины или предоставлением льготы. Решение об освобождении от взимания печатных пошлин всегда исходило от верховной власти. Деятельность Печатного приказа в первой половине XVII в. строилась на указах царя и с опорой на традиции и прецеденты.

Основной документооборот был сосредоточен вокруг пошлинных книг, в которых делались записи о тех грамотах, за которые были уплачены печатные пошлины. Государева печать к актам и грамотам прилагалась только в Печатном приказе, для чего челобитчики приезжали в Москву из самых отдаленных мест государства. Безусловно, существовали исключения, при которых печатные пошлины собирались на местах и высылались в Москву. Такие исключения делались для Великого Новгорода и городов, входивших в юрисдикцию приказа Казанского дворца. В первом случае это положение нашло за-

крепление в 12 и 13 статьях Соборного Уложения 1649 г. Об особом статусе территорий, подчиненных приказу Казанского дворца, сведений в законодательстве не содержится. Однако из Казанского дворца в Печатный приказ регулярно присылались откупные и обычные печатные пошлины, а грамоты и акты регистрировались в записных книгах приказа и здесь же запечатывались. Интересно, что в регистрационных книгах грамоты, отправленные в «понизовые города» Казанского дворца, обычно записаны целым блоком и часто под одним числом. Так, например, запись в беспошлинной книге Печатного приказа от 17 мая 1646 г. гласит: «Из приказа Казанского дворца принес к печати подьячей Иван Плишнин 28 грамот в розные города»⁹; в сентябре 1645 г. за один день было запечатано 33 грамоты в Астрахань¹⁰. Следовательно, для новгородцев и жителей понизовых городов существовали две возможности уплаты печатных пошлин: на местах и в Москве в Печатном приказе. Таким образом, при делегировании некоторых полномочий местным органам власти, основную прерогативу — приложение государевой царской печати — Печатный приказ сохранил за собой.

Отдельную 9 статью XVIII главы Соборного Уложения составляют положения о выдаче данных грамот на каменные лавки в Москве. Часть доходов с этого вида промысла шла в Большой приход, а печатные пошлины, взимаемые за выдачу свидетельств на эти лавки, приходили в Печатный приказ. Большой приход не стремился предельно централизовать управление своими делами, оставляя печатные пошлины и функцию приложения печати Печатному приказу.

Иначе дело обстояло с Патриаршим двором. Можно предположить, что это было связано с его особым статусом в центральном государственном управлении начала XVII в. Документы Печатного приказа содержат указ государя от 25 декабря 1618 г., который временно устанавливал следующий порядок взимания печатных пошлин с патриарших грамот: «на Патриаршем дворе ведати на время до его государева указу, и казначея из приказных людей в патриарших во всяких доходах в приходе и в росходе <...> и по челобитью патриарших детей боярских и крестьян о управных о всяких делех в города, которые в патриаршей десятине, к воеводам и к приказным людям велено писати грамоты от государя <...>, и печатать государевой печатью, а пошлины подписные и печатные велено имать на Патриаршем дворе...»¹¹ Несколько пошлинных книг Печатного приказа содержат в себе книги выдачи патриарших грамот за государевой печатью вне Печатного приказа: «Книга записная печатным пошлинам нынешнего 7143 (1634/35) г., при казначее старце Даниле Соловецком да при дьяке Иване Соболеве»¹². О том, что денежные пошлинные сборы не оставались в Печатном приказе, свидетельствует следующая запись: «и всего месяца сентября 1 числа собрано печатных пошлин 21 ру-

блей, 10 алтын, и те деньги отнес дьяк Иван Соболев в патриархову келейную казну. Отнесено»¹³.

Кроме приказа Большого прихода и Патриаршего двора в центральной системе государственного управления существовал еще один орган, обособленный в хозяйственном и правовом положении — приказ Большого дворца. Он ведал сбором своих доходов, судом и управой для своих людей. Дворец имел свою печать и собирал в своих владениях подписные и печатные пошлины. В Соборном Уложении было закреплено особое положение и статус приказа Большого дворца (статьи 28 и 54). Дворец распространял свою юрисдикцию и на подведомственных ему крестьян, поэтому печатные пошлины с выданных грамот по челобитным крестьян он собирал отдельно, минуя Печатный приказ. Однако записные пошлинные книги запечатлели попытки лишения Большого Дворца этих полномочий. В архиве Печатного приказа имеется книга за 1625 г., озаглавленная «Приход государевым, царевым и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси деньгам Печатного приказу, что взял то печатные пошлины з грамот и с наказов, которые посылают из приказа Большого дворца лета 7134 (1625/26) году»¹⁴. Практика взимания печатных пошлин в Печатном приказе с грамот и наказов, выдаваемых Большим дворцом, была продолжена и в следующем году¹⁵. Подобных записей в другие годы обнаружить не удалось. Видимо, Уложение подтвердило право приказа Большого дворца собирать печатные пошлины с подведомственных территорий самостоятельно.

В общегосударственной системе управления и приказного делопроизводства Печатный приказ играл роль не столько финансового учреждения, сколько административного и канцелярского, в котором совершались все необходимые нотариальные действия. Регистрация, приложение печати, взятие пошлины — далеко не все обязанности служащих Печатного приказа. Нотариальная деятельность включает также учет, контроль и организацию хранения делопроизводственных документов. В этом смысле главная ценность Печатного приказа в делопроизводственной системе Московского государства — его архив. Таким образом, пошлинные и беспошлинные книги прошлых лет составили уникальный архив приказной документации. Информация, заключенная в книги приказа, оказывалась бесценной для подтверждения прав на какое-либо имущество или сделку, при отстаивании дела по судебным искам, при наведении справок о конкретном лице.

Печатный приказ выполнял важную для государственного управления функцию — справочно-информационную. Он был фактически единой справочной системой всего Московского государства. Наведение справок и изготовление выписок на основании пошлинных и беспошлинных книг — один из ключевых моментов делопроизводительной деятельности служащих Печатного приказа.

В этом смысле Печатный приказ как сугубо канцелярское учреждение не замыкался в собственных границах, он взаимодействовал с другими центральными учреждениями и представителями царской власти на местах. Велась обширная переписка с воеводами, начальниками московских приказов и дьяками приказных изб в городах. В своей массе переписка сводилась к просьбам-запросам, обращенным к начальнику и дьяку Печатного приказа, отыскать в регистрационных книгах нужную запись и сделать с нее копию. В этом отношении на Печатный приказ ложилась ответственность за исполнение запросов и подачу достоверных сведений по запрашиваемому вопросу.

Подавляющее количество запросов поступало в Печатный приказ из Поместного¹⁶. Служащие Печатного приказа наводили справки в своих записных книгах о выдаче документов на недвижимое имущество за прошлые годы. Ссылаясь на пожар, постигший Поместный приказ в 1625/26 г., в памятях 7137 (1628/29) г., адресованных на имя начальника Печатного приказа боярина Ф. И. Шереметьева и дьяка Т. Бормосова, служащие Поместного приказа просили «сыскать» и ответить по предложенным запросам: «...государева грамота запечатана ли, и будет запечатана, и в котором году, и в месяце, и в числе, и на сколько четей, да ту выпись прислать в Поместный приказ...»¹⁷ В запросе указывалось имя лица, на которого была записана грамота, а так же место его жительства. Для упрощения поиска иногда упоминались примерные годы записи, которая могла быть сделана в книгах Печатного приказа: «выписать из записных книг приказа 7121 (1612/13) и 7122 (1613/14) году» (интервал поиска мог быть шире)¹⁸. Уточненные и подтвержденные сведения «для справки в помесном деле» отсылались также по запросам приказа Казанского дворца. Например, требовалось узнать, взяты или не взяты были печатные пошлины с грамот и актов, данных новокрещенам с 1616 по 1620 г.¹⁹

По большей части запросы касались земельных сделок: требовалось подтвердить выдачу грамоты на недвижимое имущество, конкретизировать количество выданных четей, уточнить имя человека, на которого была выписана грамота и т. д. Нередко на основании книг Печатного приказа вершились судебные дела. Например, в книгах Печатного приказа не было «сыскано» записи о выдаче некоему Богдану Михалкову грамоты на поместье, что дало основание обвинить его в том, что «он вотчины имал воровски, грамоты нарежал руки, подписи дал, и печать подпечатывал»²⁰. За подтверждением фактов выдачи и печати грамот, свидетельствующих различные права и сделки, со своими запросами в Печатный приказ обращались Владимирский и Московский судные приказы, Челобитный приказ, Пушкарский, Разрядный, Сыскных дел и другие²¹.

Ответы на запросы, подготовленные в Печатном приказе, помогали решать вопросы и в сфере служебных отношений. Записи Печатного приказа призваны были установить точно, за что, например, галичанин Алексей Брюхов был отставлен от службы: «за старость или за увечье, и в котором году, и в месяце, и в числе»²².

Заметим, что связь между приказами была двусторонней, а ее инициатором являлись как внешние учреждения: приказы или администрация на местах, так и сам Печатный приказ. Он посылал запросы в города, часто с целью выяснения имен владельцев и их откупов, «чтоб про то в Печатном приказе было ведомо»²³, а также наводил справки в записных книгах по своим собственным запросам. Установлено, что в 1616/17 г. велено было на откупщиках доправить денег и отписать об этом в Печатный приказ, а с доправленных денег заплатить печатные пошлины. В 1628/29 г. на основании отсутствия соответствующих записей в книгах Печатного приказа воеводе Ржевы Володимеровой велено было отписать о деле и прислать печатные пошлины²⁴. Ответы на запросы, подготавливаемые в Печатном приказе, касались, прежде всего, сферы земельных отношений, службы и откупов.

Запросы в Печатный приказ поступали в форме памяти, и приказ готовил ответы в той же форме. В ответе-выписке содержалась точная копия записи, найденной в регистрационной книге, с указанием полной даты и имени дьяка, за чьей приписью была сделана запись.

Если соотнести даты прихода запроса и дату ответа, можно судить о работе служащих Печатного приказа. Наведение справки по делу в записных книгах и изготовление ответа занимало от 3 дней до нескольких месяцев²⁵. Поиск данных, когда достоверно была неизвестна дата регистрации, занимал несколько месяцев. Любопытный случай, свидетельствующий о хорошо налаженной делопроизводственной работе в Печатном приказе, состоит в следующем. По запросу требовалось найти данные, содержащиеся в записных пошлинных книгах приказа с 7121 (1612/13) по 7125 (1616/17) г. Служащие приказа ответили: необходимых сведений в указанных книгах «не сыскано», зато искомые данные были обнаружены в книге беспошлинной 7129 (1620/21) г.²⁶

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что либо служащие приказа долгое время работали на одном месте и обладали феноменальной памятью, которая позволяла за три рабочих дня найти запрашиваемые сведения, либо они имели составленный специально для этих целей справочник или путеводитель по книгам Печатного приказа, ссылок на который в документах не найдено.

Ответы по запросам в Печатный приказ иногда содержат отрицательный результат, и тогда в ответной памяти пишут: «не сыскано»²⁷. И эта фраза — не пустая отписка служащих, заваленных рутинной

работой, а достоверное свидетельство того, что по данному запросу искомой записи в регистрационных книгах Печатного приказа нет, следовательно, ее там никогда и не было. Таким образом, записи Печатного приказа при отсутствии самих документов о сделке, грамот или актов являлись неопровержимыми свидетельствами существования прав на имущество и доказательством в судебном деле.

На основе проведенного исследования были выявлены основные этапы и порядок документооборота в Печатном приказе. Его деятельность может квалифицироваться как обеспечение государственного нотариата. В этой области приказ исполнял административные, финансовые и справочно-информационные функции. Система хранения и учета книг Печатного приказа прошлых лет была удивительно хорошо налажена и позволяла исполнять самые сложные запросы в ограниченные сроки. Регистрационная и информационная деятельность определяли для Печатного приказа место связующего звена среди других центральных органов государственного управления.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 371. «». Оп. 2.

² Там же. Стб. 16. Л. 147.

³ Там же. Ф. 233. «». Кн. 665. Л. 58 об.

⁴ Там же. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 16. Л. 146; Ф. 233. Кн. 665. Л. 58.

⁵ Там же. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 41 (I). Л. 4; Ф. 233. Кн. 673. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 233. Кн. 661. Л. 117.

⁷ Там же. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 21. Л. 165.

⁸ Там же. Стб. 1. Л. 191, 329.

⁹ Там же. Ф. 233. Кн. 674. Л. 934.

¹⁰ Там же. Кн. 672. Л. 16 об.

¹¹ Там же. Кн. 21. Л. 133.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 26.

¹⁴ Там же. Кн. 9. Л. 267.

¹⁵ Там же. Кн. 10. Л. 18.

¹⁶ Там же. Ф. 371. Оп. 2. Стб. 15.

¹⁷ Там же. Л. 42.

¹⁸ Там же. Л. 43, 105.

¹⁹ Там же. Л. 69.

²⁰ Там же. Л. 110.

²¹ Там же. Л. 30–31, 58, 79, 105, 108–114.

²² Там же. Л. 105.

²³ Там же. Л. 38–39, 43.

²⁴ Там же. Л. 37.

²⁵ Там же. Л. 19.

²⁶ Там же. Л. 20–21.

²⁷ Там же. Л. 17.

Проблемы датировки боярских списков второй половины 40-х — первой половины 60-х годов XVII в.

При источниковедческом изучении боярских списков второй половины 40-х — первой половины 60-х годов XVII в.¹, необходимом для введения их в научный оборот, возникают определенные трудности, связанные с датированием этих документов, — определением времени их составления и периода функционирования в разрядном делопроизводстве.

Год составления списка указывался в его заголовке. Однако заголовки большей части боярских списков 1646 — начала 1660-х гг. не сохранились. Поэтому определение времени составления боярского списка является первоочередной задачей его источниковедческого изучения, разрешимой в процессе внутренней критики источника.

Так, на основании анализа содержания «наличного» боярского списка выясняется, что он был составлен не ранее 5 июня 1648 г.² Об этом свидетельствует следующее наблюдение. В перечне окольных между Ф. Б. Долматовым-Карповым и Б. И. Пушкиным (Л. 382) не записан П. Т. Траханиотов, казненный восставшим народом во время Соляного бунта 5 июня³; в перечне думных дьяков (Л. 381) не указан Н. И. Чистой, убитый разъяренной толпой 2 июня⁴; в перечне дворян московских между кн. И. А. [Жирового-]Засекиным и кн. Д. Г. Гагариным (Л. 45) не записан Л. С. Плещеев, растерзанный народом на Красной площади 3 июня⁵. Не противоречат этому выводу и другие наблюдения:

1) При имени стольника И. Б. Бутурлина (Л. 7) сделана помета «умре», и он вычеркнут из списка. Согласно Боярской книге 1639 г., И. Б. Бутурлин «156-го в марте умре»⁶.

2) В перечне дворян московских между кн. И. Л. [Клубковым-] Масальским и Л. И. Плещеевым (Л. 43) не записан кн. П. Р. Барятинский⁷. Согласно Боярской книге 1639 г., кн. П. Р. Барятинский «156-го апреля в 22 день отставлен»⁸.

3) В перечне дворян московских между В. Н. Лихаревым и А. И. Пóлевым (Л. 59) не указан А. А. Племянников⁹. Согласно Боярской книге 1639 г., А. А. Племянников «156-го году мая в 17 день умре»¹⁰.

4) В перечне дворян московских между Н. В. Извольским и Н. А. Поленовым (Л. 102) не записан Р. А. Демьянов¹¹. Согласно Боярской книге 1639 г., Р. А. Демьянов «умре», «и 156-го мая в 4 день по памяти ис Помесного приказу за приписью диака Мартемьяна (sic!) велено с Романова поместья Демьянова с четырехсот з дватцати с че-

тырех чети бес третника в недорослех написати сына ево Алексея 5 лет»¹².

5) При имени стольника И. С. Собакина (Л. 13) сделана помета «во Ржеву». Согласно справочнику А. П. Барсукова, И. С. Собакин с июля 1648 г. был воеводой во Ржеве-Володимеровой¹³.

6) В перечне дворян московских между И. С. Плещеевым и И. А. Ржевским (Л. 46, 100) не указан кн. Н. Ф. Мещерский¹⁴. Согласно справочнику А. П. Барсукова, кн. Н. Ф. Мещерский с 23 июня 1648 г. являлся воеводой в Брянске¹⁵. См. также: при имени его сына — стольника кн. Г. Н. Мещерского — в исследуемом списке сделаны две пометы: «с отцом» и «отпузон с отцом» (Л. 25).

7) В перечне дворян московских между И. В. Загряжским и И. Ф. Замыцким (Л. 70–71) не указан Г. А. Еропкин¹⁶. Согласно справочнику А. П. Барсукова, Г. А. Еропкин с мая 1648 г. являлся воеводой в Серпухове¹⁷.

8) В перечне дворян московских между кн. Ф. Н. Козловским и И. М. Кобыльским (Л. 74) не записан кн. Б. Ф. Мещерский¹⁸. Согласно справочнику А. П. Барсукова, кн. Б. Ф. Мещерский с 8 июля 1648 г. был воеводой в Звенигороде¹⁹.

9) В основном тексте перечня дворян московских записан И. И. Ржевский (Л. 92). Согласно Боярской книге 1639 г., «156-го февраля в 29 день государь пожаловал из болхович Ивана Иванова сына Ржевского, велел ево написати по московскому списку»²⁰.

10) В основном тексте перечня дворян московских записан Ю. И. Дурново (Л. 92). Согласно Боярской книге 1639 г., «февраля в 9 день по подписной челобитной думново дьяка Михаила Волошенинова ис костромичь Юрьи Иванов сын Дурной, велено ево написать по московскому списку»²¹.

Таким образом, «наличный» боярский список 1647/48 г.²² был составлен не ранее 5 июня 1648 г., скорее всего — в начале июля. В описи Архива Разрядного приказа 1668 г. указаны два «наличных» списка с июля 1648 г.²³ Одним из них, очевидно, и является рассмотренный источник.

Время составления «подлинного» боярского списка²⁴ определяется на основании следующих наблюдений:

1) В перечень вновь пожалованных в стольники записаны 11 лиц, служивших до стольничества в стряпчих: Ф. С. Нарбеков, С. О. Хитрово, кн. Ф. П. Ухтомский, А. Н. Самарин, кн. Л. М. Мещерский, М. П. Оксаков, И. М. Языков, Н. О. Чемоданов, кн. Н. Б. Ноздроватый, кн. Г. Д. Путятин, А. С. Нарбеков. Из них первые семь (пожалованные в стольники 1 сентября — 19 февраля 1650 г.), не значатся в перечне стряпчих, а остальные (получившие чин стольника 17 марта — 10 июля 1650 г.), были записаны в основном тексте перечня

стряпчих, из которого затем, кроме Н. О. Чемоданова, вычеркнуты с пометой «158-го столник»²⁵.

2) В перечень вновь пожалованных в дворяне московские записаны 24 лица, служившие до того в дьяках²⁶, стольниках²⁷ и стряпчих²⁸. При этом лица, пожалованные в дворяне 10 сентября — 21 февраля 1650 г.²⁹, не значатся в рассматриваемом списке в своих предыдущих чинах (т. е. их имен нет в перечнях дьяков и стольников). А остальные, ставшие дворянами московскими 12 марта — 14 августа 1650 г., были записаны в основном тексте перечней своих предыдущих чинов стольника и стряпчего, из которых затем³⁰ вычеркнуты с соответствующей пометой (например, «158-го марта в 17 день во дворянех»)³¹.

3) Имя Л. И. Салтыкова, вновь пожалованного в стольники 1 сентября 7158 г., записано и в основном тексте перечня стольников (Л. 2). Имена кн. Я. П. Волконского и И. С. Собакина, вновь пожалованных в дворяне московские 6 января 7158 г., записаны и в основном тексте перечня дворян (Л. 56, 58). Имена Я. И. Безобразова и Л. И. Травина, вновь пожалованных в дворяне московские 21 февраля 7158 г., записаны и в основном тексте перечня дворян (Л. 91, 94).

4) Основной текст перечня окольных завершают имена В. В. Бутурлина и П. Ф. Соковнина (Л. 1). Известно, что оба они были пожалованы в окольные 17 марта 1650 г.: В. В. Бутулин из стольников, П. Ф. Соковнин из дворян московских³². Кроме того, имя В. В. Бутурлина не записано в исследуемом списке в перечень стольников, П. Ф. Соковнин не значится в перечне дворян московских.

Таким образом, имея в виду содержание п. 1–3, можно заключить, что боярский список³³ был составлен не ранее конца февраля 1650 г. Однако, поскольку в перечнях московских чинов нет имен В. В. Бутурлина и П. Ф. Соковнина, ставших окольными 17 марта 1650 г., становится ясно, что боярский список составили не ранее второй половины марта 1650 г.

Боярский «подлинный» список³⁴ был составлен не ранее начала ноября 1658 г. Об этом свидетельствуют два наблюдения:

1) При имени дворянина московского кн. П. И. Щетинина (Л. 27) одновременно с основным текстом списка сделана помета: «з Грузинским царем». Согласно Дворцовым Разрядам, кн. П. И. Щетинин 14 октября 1658 г. был назначен «в приставех» «проводить Грузинскаго царя (Теймураза Давыдовича. — М. Б.) за Терки до рубежа»³⁵.

2) В перечне дворян московских «подлинного» списка 1656/57 г. при имени Д. Ф. Борисова³⁶ сделана запись: «167-го октября в 29 день по помете на челобитной думного дьяка Семена Заборовского Дмитрей для старости от службы отставлен»³⁷.

Тем не менее, видимо, следует отнести составление боярского списка к ноябрю 1658 г. Об этом свидетельствует следующее:

1) При имени дворянина московского И. С. Языкова (Л. 34) сделана помета «на Волуйке». Согласно справочнику А. П. Барсукова, он был воеводой на Валуйке с 20 ноября 1658 г.³⁸

2) При имени дворянина московского Н. М. Беклемишева (Л. 31) сделана помета «в Астрахани». Согласно справочнику А. П. Барсукова, Н. М. Беклемишев являлся товарищем астраханского воеводы с 30 ноября 1658 г.³⁹

Указанные пометы при именах И. С. Языкова и Н. М. Беклемишева были сделаны после составления основного текста списка. В то же время множество помет о пребывании на воеводстве при именах дворян московских было сделано одновременно с основным текстом боярского списка. При этом нами не выявлено ни одного случая, при котором, по данным А. П. Барсукова, лицо находилось бы на воеводстве к началу ноября, а соответствующая помета о пребывании этого лица на воеводстве была бы приписана после составления боярского списка. А это означает, что ко времени составления списка И. С. Языков и Н. М. Беклемишев воеводами не были. Следовательно, имея в виду сделанный выше вывод о составлении списка не ранее начала ноября и учитывая данные А. П. Барсукова о пребывании И. С. Языкова и Н. М. Беклемишева на воеводстве уже во второй половине ноября, можно заключить, что боярский список был составлен в ноябре 1658 г.

Определение времени составления «наличного» списка⁴⁰ представляет некоторые трудности, обусловленные как степенью сохранности самого списка⁴¹, так и ограниченными возможностями для сопоставительного анализа⁴². И все же, нам представляется, что список был составлен в конце 1660 г. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения:

1) В перечне дворян московских между П. Г. и Ф. Г. Очиными-Плещеевыми (Л. 49) не записан кн. О. И. Щербатый⁴³. Согласно Дворцовым Разрядам, он был пожалован из дворян московских в окольниковые 2 мая 1660 г.⁴⁴

2) При имени стольника И. М. Милославского (Л. 4) сделана помета: «169-го окольниковый». Согласно Дворцовым Разрядам⁴⁵, И. М. Милославский был пожалован в окольниковые 1 сентября 1660 г.⁴⁶

3) Основные тексты перечней стольников и стряпчих исследуемого «наличного» списка заканчиваются теми же лицами, что и основные тексты перечней стольников и стряпчих «подлинного» списка 1660/61 г. Так, в перечнях стольников последним записан кн. Я. И. Вяземский⁴⁷, а в перечнях стряпчих — И. И. Извольский⁴⁸. Иными словами, основные тексты перечней стольников и стряпчих исследуемого списка включали имена уже всех лиц, пожалованных в эти чины в 1659/60 г. Безусловно, это могло иметь место только в том случае, если «наличный» список был составлен в конце 1659/60 г.⁴⁹

Есть и не датированные точно свидетельства более раннего, по сравнению с «подлинным» списком 1660/61 г., времени составления и начала функционирования в делопроизводстве исследуемого «наличного» списка. Так, при имени стольника Я. М. Стрешнева в «наличном» списке сделана помета «отпу[шон] в Колской» (Л. 12), тогда как в «подлинном» списке при имени стольника помета уже иная — «в Колском» (Л. 13). Аналогично: при имени стольника Ф. В. Бутурлина в «наличном» списке подьячий сделал помету «отпушон в Саранск» (Л. 14), а в «подлинном» — «в Саранску» (Л. 14); при имени дворянина московского Ю. Ф. Секерина в «наличном» списке указано: «отпушон в Гороховец» (Л. 71), а в «подлинном» списке — «в Гороховце» (Л. 77). Кроме того, в «подлинный» список 1660/61 г. не была записана часть лиц, при именах которых в «наличном» сделаны пометы «умре», «убит»⁵⁰, «отставлен».

Кроме того, для введения списков в научный оборот, иными словами — для использования их информативных возможностей, необходимо установить время составления основных текстов и тех боярских списков, заголовки которых, включающие год составления, сохранились.

Боярский список⁵¹ имеет заголовок: «Список бояр и околничих и думных людей и столников и стряпчих и дворян московски<х> и диоков нынешняго 154-го году с марта нали<ц>о», написан на одном листе⁵². Составители «Описания документов и бумаг...» не изучали данный боярский список. Этим объясняется ошибка в датировании списка, допущенная ими. Действительно, первый лист списка — это отрывок «наличного» списка марта 1646 г. Однако листы со 2-го по 82-й не являются продолжением листа 1; — они относятся, как нами установлено, к боярскому списку 1659/60–1660/61 г.

Боярский список⁵³ имеет заголовок: «Список бояр и околничих и думных людей и столников и стряпчих и дворян московских и диоков нынешняго 154-го году с июня налицо». Боярский список июня 1646 г. был составлен не ранее 2 июня. Об этом свидетельствует отсутствие в перечне бояр имени кн. Б. М. Лыкова, умершего, согласно «наличному» списку марта 1646 г.⁵⁴, «июня в 2 день». В то же время к перечню думных дьяков после составления основного текста списка был приписан Ф. К. Елизаров (Л. 6). Согласно справочнику С. Б. Веселовского, он был пожалован из дьяков в думные дьяки 13 июня 1646 г.⁵⁵ Следовательно, боярский список был составлен между 2 и 13 июня 1646 г.

В процессе внутренней критики боярского списка⁵⁶, заголовок которого с годом и месяцем составления («нынешнего 156-го году з генваря налицо») сохранился, установлено, что время его составления приходится на конец декабря — первую половину января 1647/48 г. Об этом свидетельствует анализ его основного текста. Так, в основном

тексте перечня стольников записаны С. Г. Олябьев и кн. И. Б. Мещерский (Л. 50, 51). Согласно Боярской книге 1639 г., они были пожалованы в стольники в декабре 1647 г.⁵⁷ В основном тексте перечня дворян московских последним записан К. И. Батуев-Колычов (Л. 136). Согласно Боярской книге 1639 г., он был пожалован «из житья» в дворяне 24 декабря 1647 г.⁵⁸ В основном тексте перечня бояр последним записан кн. М. П. Пронский (Л. 28). Согласно Дворцовым Разрядам, он был пожалован из стольников в бояре 25 декабря 1647 г.⁵⁹ В основном тексте перечня стольников записан И. Д. Милославский (Л. 39). Затем при его имени была сделана помета «156-го году генваря в 17 день околничей», после чего он был вычеркнут из перечня стольников и приписан в конце перечня околничих (Л. 29). Следовательно, основной текст «наличного» боярского списка 1647/48 г. был написан не ранее 25 декабря 1647 г. и не позднее 17 января 1648 г.

Наконец, определение периодов функционирования списков в разрядном делопроизводстве также сопряжено нередко с затруднениями, разрешаемыми, как правило, в результате анализа содержания списков и привлечения других источников (Дворцовых Разрядов, Записных книг Московского стола, Боярских книг) и специальной литературы.

Единственной пометой, позволяющей определить период функционирования боярского списка марта 1646 г.⁶⁰ в делопроизводстве, является помета, сделанная при имени кн. Б. М. Лыкова: «154-го июня в 2 день умре». Имея в виду, что сохранился и «наличный» список июня 1646 г., можно считать, что «мартовский» список прекратил использоваться в Разряде в начале июня 1646 г.

Список июня 1646 г.⁶¹ функционировал в делопроизводстве Разрядного приказа, по крайней мере, до середины сентября 1646 г. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения:

1) При имени боярина Б. М. Салтыкова (Л. 3) сделана помета: «154-го умре» [зачеркнут]. Согласно Боярской книге 1639 г., он умер «154-го июля в 26 день»⁶².

2) При имени дворянина московского Ф. Г. Оладьина (Л. 50) сделана помета: «умре» [зачеркнут]. В Боярской книге 1639 г. при его имени сделана такая же помета, а затем приписано: «И 154-го августа в 11 день по памяти ис Помесного приказу за приписью дьяка Михаила Патрекеева с отцова поместья и вотчины с 475 чети с осминою Замятня Федоров сын Оладьин 12 лет»⁶³.

3) При имени околничего кн. С. В. Прозоровского (Л. 4) сделана помета: «154-го августа в 15 день государь пожаловал в бояре», после чего имя князя было приписано к перечню бояр.

4) В конце перечня бояр (Л. 4) сделана приписка: «154-го августа в 15 день государь пожаловал из околничих в бояре: Григорей Гаврилович Пушкин».

5) В перечне дьяков «не у дел» при имени В. Прокофьева (Л. 75) сделана помета: «154-го августа в 20 день умре» [зачеркнут]⁶⁴;

6) При имени постельничего И. М. Аничкова (Оничкова) (Л. 5) сделана помета: «155-го сентября в 4 день думной дворянин» [зачеркнут];

7) При имени дворянина московского С. П. Нарбекова (Л. 47) сделана помета: «155-го сентября в 17 день умре» [зачеркнут]⁶⁵.

Период функционирования боярского списка января 1648 г.⁶⁶ в приказном делопроизводстве был непродолжительным. Об этом свидетельствуют немногочисленные датирующие пометы. Так, при имени окольного И. Д. Милославского (Л. 29) была сделана помета «боярин», после чего он был вычеркнут из перечня окольных и приписан последним в перечень бояр (Л. 28). Согласно Дворцовым Разрядам, И. Д. Милославский был пожалован в бояре 2 февраля 1648 г.⁶⁷ При имени дворянина московского И. А. Милославского (Л. 91) была сделана помета «156-го февраля в 12 день окольных», после чего он был вычеркнут из перечня дворян и приписан последним в перечень окольных с пометой «156-го февря [sic!] в 12 день из дворян» (Л. 29). При имени стольника кн. Ф. М. Волконского (Л. 44) была сделана помета «марта в 10 день <...>» [неразборчиво], после чего князь был вычеркнут из перечня стольников. Также датирующими являются две пометы о посылке дворян московских на воеводство: Н. Ю. Плещеева — в Путивль («сказ[али], в Путивль» (Л. 72)), Р. И. Неплюева — в Ольшанск («в Ольшанской» (Л. 98)); и о пребывании дворянина Ф. Ю. Арсеньева в Вольном («на Волном» (Л. 122)). Как указано в справочнике А. П. Барсукова, Н. Ю. Плещеев находился в Путивле с февраля 1648 г., Р. И. Неплюев был воеводой в Ольшанске также с февраля 1648 г., а Ф. Ю. Арсеньев воеводствовал в Вольном с января 1648 г.⁶⁸ Другие пометы «наличного» списка января 1648 г. о посылке или пребывании на воеводстве либо не представляется возможным датировать, — как, например, пометы при именах стряпчего кн. Я. А. Шелешпальского («сказ[али], в Темников» (Л. 53)), дворянина С. С. Рахманинова («на Ломов» (Л. 104)); — либо они сделаны при именах лиц, ко времени составления списка уже находившихся на воеводстве. Например, пометы при именах стряпчего Н. Д. Ржевского («в Донкове» (Л. 56)), дворян Н. Б. Доможирова («на Короче» (Л. 95)) и И. И. Косагова («<на> Орле» (Л. 121))⁶⁹.

О непродолжительности периода функционирования «наличного» боярского списка января 1648 г.⁷⁰ в приказном делопроизводстве свидетельствует сопоставление этого списка с «наличным» списком июля 1648 г.⁷¹ Так, в июльском списке в основном тексте перечня стольников записаны: Ф. Я. Милославский, Г. Я. Милославский

и С. Ю. Милославский (Л. 18), Я. А. Змеев, Л. С. Милославский, И. С. Милославский и И. М. Милославский (Л. 24). Согласно Боярской книге 1639 г., Ф. Я. Милославский был пожалован из стряпчих в стольники 21 января 1648 г. Тогда же «из житья» в стольники пожалованы Г. Я. и С. Ю. Милославские. И. М., И. С. и Л. С. Милославские возведены в стольничество 25 марта 1648 г.; тогда же пожалован «из житья» в стольники Я. А. Змеев⁷². Однако в перечень стольников «наличного» списка января 1648 г. ни один из них приписан не был⁷³. Таким образом, можно сделать вывод о том, что «наличный» список января 1648 г. прекратил функционировать в делопроизводстве Разрядного приказа не позднее середины марта.

Время функционирования «наличного» списка июля 1648 г. ограничивается первой декадой сентября 1648 г. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения:

1) При именах 23 служилых людей сделаны датированные пометы об «отпуске» со службы; при этом 3 пометы датированы июлем (24-м и 29-м июля), 12 помет — августом (4-, 5-, 8-, 18- и 25-м августа) и 8 помет — сентябрем (5-, 6- и 7-м сентября).

2) При имени стольника кн. Г. А. Козловского (Л. 8) сделаны пометы «е[сть]», «е[сть]» [зачеркнута] и «в Яблоне». Поскольку помет «е[сть]» — две, то, как следует из проведенного выше анализа, вторая из них была сделана во время смотра 24 июля. А значит, помета «в Яблоне» появилась не ранее этой даты и не позднее 29 августа — времени проведения следующего смотра служилых людей. Данное наблюдение не противоречит сведениям справочника А. П. Барсукова, согласно которым кн. Г. А. Козловский был воеводой в Яблнове с сентября 1648 г.⁷⁴

3) При имени стряпчего В. П. Кикина (Л. 35), помимо двух помет «е[сть]», вторая из которых зачеркнута, была сделана помета «стольник», после чего В. П. Кикин был вычеркнут из перечня стряпчих и приписан в конце перечня стольников (Л. 25). Причем произошло это до смотра 29 августа, т. к. при имени стольника В. П. Кикина во время этого смотра также была сделана помета «е[сть]». Это вполне согласуется с данными Боярской книги 1639 г., согласно которым «во 156-м году августа в 15 день государь пожаловал ис стряпчих в стольники Василья Петрова сына Кикина»⁷⁵.

4) В перечень дворян московских между А. В. Загряжским и Л. С. Юшковым (Л. 58) после составления основного текста боярского списка был приписан Г. М. Волков (вставку сделали после 24 июля, поскольку при его имени лишь одна помета «е[сть]»). Согласно Боярской книге 1639 г., «156-го апреля в 7 день государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси пожаловал Григорья Михайлова сына Волкова из дьяков, велел ево написать в московские дворяне по-прежнему»⁷⁶.

Таким образом, «наличный» боярский список июля 1648 г. не содержит сведений, датированных позднее 7 сентября 1648 г., а, следовательно, вскоре после этой даты его функционирование в делопроизводстве Разрядного приказа прекратилось.

Период функционирования «подлинного» боярского списка 1650 г.⁷⁷ в делопроизводстве Разрядного приказа можно определить по датированным пометам и перечням вновь пожалованных в чины. В списке 49 датированных помет, из которых 16 имеют полную дату (год, месяц, число) и 7 — год и месяц. Наиболее поздние даты имеют две пометы, указывающие на 7 сентября 1650 г. В перечнях вновь пожалованных в чины наиболее поздней датой является 22 августа 1650 г. Следовательно, боярский список 1649/50 г. прекратил функционировать в приказном делопроизводстве не ранее 7 сентября 1650 г.

Как было показано выше, проблемы датирования боярских списков — определения времени их составления и периодов функционирования в разрядном делопроизводстве — занимают центральное место в их источниковедческом изучении. Изложенный материал ясно показывает, что использование информативных возможностей боярских списков (анализ структуры и состава Государева двора, изучение служебной деятельности его членов, выявление биографических данных) возможно лишь при условии их точного датирования. В противном случае велика вероятность искажения исторической действительности.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 210. «Разрядный приказ». Оп. 9.

² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 216. Л. 380–383, 1–114.

³ Ср.: В «наличном» списке января 1648 г. его имя значится. См.: Там же. Д. 1103. Столп 4. Л. 29.

⁴ Ср.: В январском списке 1648 г. он записан последним в перечне думных дьяков. См.: Там же. Д. 1103. Столп 4. Л. 30.

⁵ Ср.: В «наличном» январском списке 1648 г. при его имени сделана помета «на Земском». См.: Там же. Д. 1103. Столп 4. Л. 73. Л. С. Плещеев являлся судьей Земского приказа. О Соляном бунте см.: *Буганов В. И.* Мир истории: Россия в XVII столетии. М., 1989. С. 177–181.

⁶ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 44. Л. 70.

⁷ Ср.: В «наличном» списке января 1648 г. он указан. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1103. Столп 4. Л. 72.

⁸ Боярская книга 1639 г. С. 94. Л. 181 об.

⁹ Ср.: В «наличном» списке января 1648 г. при его имени сделана помета «е[сть]». См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1103. Столп 4. Л. 91.

- ¹⁰ Боярская книга 1639 г. С. 131. Л. 287 об.
- ¹¹ Ср.: В январском списке 1648 г. при его имени сделана помета «е[сть]». См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1103. Столп 4. Л. 114.
- ¹² Боярская книга 1639 г. С. 176–177. Л. 425.
- ¹³ Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 191.
- ¹⁴ Ср.: В «наличном» списке января 1648 г. при его имени сделана помета «е[сть]». См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1103. Столп 4. Л. 75.
- ¹⁵ Барсуков А. П. Указ. соч. С. 22.
- ¹⁶ Ср.: В «наличном» списке января 1648 г. при его имени сделана помета «е[сть]». См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1103. Столп 4. Л. 105.
- ¹⁷ Барсуков А. П. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁸ Ср.: В январский список 1648 г. его имя занесено. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1103. Столп 4. Л. 108.
- ¹⁹ Барсуков А. П. Указ. соч. С. 80.
- ²⁰ Боярская книга 1639 г. С. 203. Л. 506.
- ²¹ Там же. С. 202. Л. 505.
- ²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 216.
- ²³ Описи Архива Разрядного приказа XVII в. / подг. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 87–91.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1106. Столп 3.
- ²⁵ Там же. Л. 31, 34, 38, 40.
- ²⁶ Я. Д. Пятово.
- ²⁷ Князь Я. П. Волконский, И. С. Собакин, Я. И. Безобразов, Л. И. Травин, П. П. Головин, князь С. В. Клубков-Масальский, князь М. М. Долгорукий, князь С. А. Львов, князь В. Н. Юсупов, Н. П. Воейков, Т. С. Хрущов, Н. Н. Стрешнев, князя М. И., И. Я., Л. Я., Н. Я. Львовы, М. Б. Глебов, К. Г. Лодыгин, князь А. В. Козловский.
- ²⁸ С. В. Полтев, С. Б. Бутиков, Н. И. Борисов-Бороздин, И. С. Панов.
- ²⁹ Я. Д. Пятово, князь Я. П. Волконский, И. С. Собакин, Я. И. Безобразов, Л. И. Травин.
- ³⁰ За исключением С. В. Полтева (Л. 31) и И. С. Панова (Л. 39).
- ³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1106. Столп 3. Л. 2, 4–9, 11, 12, 14, 27, 30.
- ³² ДР. Т. 3. СПб., 1852. Стлб. 151.
- ³³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1106. Столп 3.
- ³⁴ Там же. Д. 1069. Столп 2.
- ³⁵ Дополнения к тому III-му Дворцовых Разрядов, издаваемых по высочайшему повелению II-м отделением собственной Е. И. Величества канцелярии. СПб., 1854. Стлб. 152–153.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1140. Столп 1. Л. 64.
- ³⁷ Ср.: В «подлинном» списке 1658/59 г. его имени между М. Г. Ртищевым и Н. Г. Шишковым нет. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1069. Столп 2. Л. 64.
- ³⁸ Барсуков А. П. Указ. соч. С. 37.
- ³⁹ Там же. С. 10.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 202. Столп 2. Л. 2–82.
- ⁴¹ Утрачены перечни думных и дворцовых чинов.
- ⁴² Нам не известны «подлинный» и «наличные» списки 1659/60 г., а перечни вновь пожалованных в чины «подлинного» списка 1660/61 г. не имеют рубрикации по месяцам и числам.

- ⁴³ Ср.: В «подлинный» список 1658/59 г. он включен. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1069. Столп 2. Л. 24.
- ⁴⁴ Дополнение к Тому III-му Дворцовых Разрядов... Стлб. 225.
- ⁴⁵ Там же. Стлб. 241.
- ⁴⁶ Ср.: В перечень стольников «подлинного» списка 1660/61 г. И. М. Милославский у же не записан (Л. 3).
- ⁴⁷ Правда, в списке 1660/61 г. после него значится Г. И. Соковнин. Однако, поскольку список 1659/60 г. «наличный», а Г. И. Соковнин мог в 1659/60 г. находиться вне Москвы, то этому обстоятельству существенного значения придавать не следует. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 202. Столп 2. Л. 24; Д. 1140. Столп 2. Л. 26.
- ⁴⁸ Там же. Д. 202. Столп 2. Л. 47; Д. 1140. Столп 2. Л. 48.
- ⁴⁹ Определить месяц составления списка невозможно, поскольку даты пожалований князя Я. И. Вяземского и И. И. Извольского в чины нам не известны.
- ⁵⁰ В «наличном» списке лишь две датированные пометы о смерти — «168-го умре»: при именах стольника А. И. Пушкина (Л. 16) и дворянина московского Д. О. Раевского (Л. 75). Эти лица в «подлинный» список 1660/61 г. не включены (Л. 15, 82). Другие пометы о смерти в исследуемом списке не датированы.
- ⁵¹ Там же. Д. 202. Столп 2.
- ⁵² 82 листа. См.: Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции. М., 1899. Кн. 11. С. 99.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 202. Столп 3
- ⁵⁴ Там же. Столп 2. Л. 1.
- ⁵⁵ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 171.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1103. Столп 4.
- ⁵⁷ Боярская книга 1639 г. С. 65. Л. 117, 64, 115 об.
- ⁵⁸ Там же. С. 202–203. Л. 505 об.
- ⁵⁹ ДР. Т. III. Стлб. 77–78.
- ⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 202. Столп 2.
- ⁶¹ Там же. Д. 202. Столп 3.
- ⁶² Боярская книга 1639 г. С. 20. Л. 2 об.
- ⁶³ Там же. С. 114. Л. 235.
- ⁶⁴ Ср.: В Боярской книге 1639 г. указано, что В. Прокофьев умер «154 году августа 19 день». См.: Боярская книга 1639 г. С. 214. Л. 535 об.
- ⁶⁵ Ср.: В Боярской книге 1639 г. указано, что С. П. Нарбеков умер «155-го году в октябре». См.: Боярская книга 1639 г. С. 129. Л. 281 об.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 110. Столп 4.
- ⁶⁷ ДР. Т. III. Стлб. 87.
- ⁶⁸ *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 50, 161, 189.
- ⁶⁹ См.: Там же. С. 63, 112, 163.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1103. Столп 4.
- ⁷¹ Там же. Д. 216.
- ⁷² Боярская книга 1639 г. С. 64. Л. 115, 115 об.; 65. Л. 116 об.
- ⁷³ См.: Л. 46, 47, 52, соответствующие Л. 18 и 24 Д. 216. Лишь при имени Ф. Я. Милославского в перечне стряпчих (Л. 62) была сделана помета «стол[ник]», после чего его вычеркнули из этого перечня.
- ⁷⁴ *Барсуков А. П.* Указ. соч. С. 280.
- ⁷⁵ Боярская книга 1639 г. С. 66. Л. 118.
- ⁷⁶ Там же. С. 203. Л. 507.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1106. Столп 3.

Делопроизводство приказа Малой России за 1662–1669 гг. (по материалам описи 5 фонда 229 РГАДА)

Приказ Малой России (он же Малороссийский приказ) был создан в самом конце 1662 г. и реально начал свою деятельность уже в 1663 г. Это учреждение центрального государственного управления было образовано путем выделения из Посольского приказа особой канцелярии («повытья»), ведавшего исключительно делами Украины¹. Создавалось оно для инкорпорации в Российское государство только что вошедшей в его состав огромной территории, населенной весьма многочисленным народом, издавна имевшим свое самоуправление и привычным к порядкам, царившим в совсем другом государстве — Речи Посполитой, которая слабо контролировала данную территорию². Сама же Украина в то время, по меткому выражению Д. И. Яворницкого «Отторгнулась от Польши, и не успев еще слиться с Россией, находилась в “шатании”, не зная, куда ей “прихилить” свою голову, то есть оставаться ли ей за русским царем, сойтись ли снова с польским королем, или же идти к турецкому султану, неверному царю»³.

По поводу Малороссийского приказа в Советской исторической энциклопедии читаем следующее: «Малороссийский приказ (приказ “Малая Россия”) — центральное учреждение в Москве, которое ведало в 1663–1722 гг. управлением воссоединенной с Россией частью Украины. ...Находился в подчинении Посольского приказа и возглавлялся его руководителями»⁴. Здесь необходимо внести некоторое уточнение: первоначально, в 1662–1667 гг. данный приказ был самоуправляемым учреждением и возглавлялся, как и положено, судьями: боярином Петром Михайловичем Салтыковым и дьяком Иваном Михайловым. 17 июня 1667 г. приказ был на короткое время лишен самостоятельности и включен в состав Посольского приказа. Но уже в 1668 г. вновь обрел статус самостоятельного приказного учреждения и получил новых судей: думного дворянина Артемона Сергеевича Матвеева, дьяка Григория Богданова и дьяка Якова Поздышева. С 22 февраля 1670 г. Малороссийский приказ окончательно теряет самостоятельность и присоединяется, уже практически почти до конца своего существования к Посольскому приказу⁵ (с 1720 г. он подчиняется Московской конторе Коллегии иностранных дел, а с 1722 г. упраздняется окончательно)⁶. По Именному императорскому указу от 29 апреля 1722 г. была учреждена особая группа из шести штаб-офицеров под руководством бригадира Степана Вельяминова для надзора над судопроизводством и сбором податей на Украине в г. Глухове⁷. Несколько позже, по Именному императорскому указу

от 16 мая 1722 г. эта административная группа была преобразована в Малороссийскую коллегия с соответствующим расширением ее полномочий⁸.

Малороссийская коллегия по своей организации и составу шта-та кардинальным образом отличалась от своего предшественника — приказа. В ее руководящий состав входили офицеры шести полков российской армии, расквартированных на Украине, и прокурор. По всем делам гражданского характера она подчинялась непосредственно Сенату, а по военным — главнокомандующему российскими войсками на Украине⁹.

Об одном из последних судей Малороссийского приказа дьяке Якове Поздышеве мы знаем, что он «в 1632 г. был взят в подьячие Посольского приказа из подьячих съезжей избы Великого Новгорода»¹⁰. В 1655 г. посылался к Курляндскому герцогу с грамотой, четырежды (1658, 1660, 1661, 1668) участвовал в переговорах с Речью Посполитой, причем в 1668 г. уже в чине дьяка. С 17 марта 1669 г. он — судья Малороссийского приказа¹¹, а 5 мая 1671 г. «ему велено быть дьяком в Посольском приказе»¹².

В «Предисловии» к рассматриваемой описи мы можем заметить еще одну, гораздо более досадную неточность: «В 1667 году Малороссийский приказ был подчинен Разрядному приказу...»¹³ В действительности, как уже указывалось выше, данный приказ перешел в подчинение судей Посольского приказа, хотя часть документов его вошла в фонд № 210 (Разрядный приказ) РГАДА.

В данной статье мы постараемся рассмотреть некоторые особенности делопроизводства, существовавшие в этом центральном органе государственной власти и управления в сравнительно короткий период его самостоятельного существования, когда у руководства стояли его собственные судьи. Именно в этот период как раз и формируется перечень предметов ведения этого учреждения на территории Малороссии, а также те типы документов, которые через него проходят и обрабатываются его персоналом.

Данная статья является своего рода «первым подступом» автора к систематическому изучению делопроизводства приказа Малой России и ни в коей мере не претендует на полноту раскрытия данной темы, тем более что автор привлекает к рассмотрению только документы 5-й описи фонда (№ 229) этого приказного учреждения. Опись эта самая обширная по своему составу среди остальных описей данного фонда.

Опись 1-я содержит дела за 1617–1701 гг. Всего 231 единица хранения. Составлена в Разрядно-Сенатском архиве.

Опись 2-я содержит дела за 1667–1723 гг. Всего 129 единиц хранения. Составлена также в Разрядно-Сенатском архиве.

Опись 3-я содержит дела за 1653–1721 гг. Всего 244 единицы хранения. Составлена в 1953–1958 гг.

Опись 4-я аналогична описи 1-й, но более подробная. Составлена в 1941–1942 гг.

Опись 5-я содержит дела за 1662–1701 гг. Всего 584 единицы хранения. Составлена в 1960–1970 гг.¹⁴

5-я опись составлялась из вновь выявленных документов, непосредственно относящихся к деятельности Малороссийского приказа, из так называемой «россыпи», — единичных, разрозненных документов, их фрагментов, и неполных дел, представляющих собой подчас целые книги. В ней значатся 45 единиц хранения за интересующий нас период (с 1662 по февраль 1670 г.).

Самые старые из дошедших до нас документов этой описи касаются, в том числе, самого важного для московского правительства — внутриукраинской политической обстановки. Последняя в то время отличалась крайней степенью запутанности отношений между различными группами как внутри самого украинского правящего класса, так и между правящим классом и остальным населением Левобережья, городовым казачеством и Запорожской Сечью в особенности. Правящие круги Речи Посполитой так и не смогли сгладить многочисленные политические, социальные, экономические, религиозные противоречия, раздиравшие в то время украинское общество, и как следствие, — потеряли контроль над этой территорией и ее населением. Теперь разобраться в хитросплетениях внутриукраинских конфликтов предстояло российскому правительству. Только погасив местные, перманентные смуты Россия могла надежно контролировать эту недавно присоединенную территорию. А со временем и ввести на ней единые для всего российского государства принципы административного управления и соответствующие им унифицированные органы государственной власти. Российское правительство, несмотря на гибкость его внутренней политики в отношении окраин, безусловно, стремилось в то время к созданию унитарного, как можно более монолитного в административно-организационном отношении государства. Российские администраторы той эпохи (не без оснований) считали наихудшим примером государственного устройства конфедеративную систему организации Польско-Литовского государства, пагубность которой становилась уже вполне очевидной.

Итак, сделаем небольшой, но, на наш взгляд, нелишний, исторический экскурс в положение дел на Украине, сложившееся там после смерти Богдана Хмельницкого. Это поможет лучше понять, в какой обстановке российское правительство принимало решение о создании специального приказа по управлению вновь присоединенной Правобережной частью Украины; а также как происходило становление этого учреждения, как органа центрального управления для

Малороссии. В данной статье политико-географические термины «Малороссия» и «Украина» будем считать тождественными.

Поскольку смерть Богдана Хмельницкого не была внезапной (он достаточно продолжительное время болел), то по его же предложению был выбран гетман-приемник. Естественно, им оказался его собственный малолетний сын Юрий. Но поскольку отрок сей большим авторитетом среди казацкой старшины не пользовался, то сразу после смерти Богдана Хмельницкого она вручила гетманство бывшему войсковому писарю Ивану Выговскому. Но «против Выговского, как против ставленника старшины, шляхтича и человека без военных заслуг, немедленно возникла оппозиция на Запорожье... К ней примкнули южные левобережные полки — Полтавский и Миргородский»¹⁵ во главе с полковником Пушкарем, который начал писать на Выговского доносы в Москву. Довольно скоро это вынуждает Выговского выступить в поход против запорожской оппозиции, пригласив, по старой традиции, в качестве союзников крымских татар. Вскоре он разгромил силы Пушкаря (сам полтавский полковник Мартин Пушкарь в сражении погиб) и сжег Полтаву. Москва высказала свое крайнее неудовольствие действиями гетмана. Выговский, в свою очередь, раздраженный такой позицией российского правительства, вступает в переговоры с Речью Посполитой, что ему, как малороссийскому гетману, категорически запрещено «Мартовскими статьями Богдана Хмельницкого». Более того, он подписывает с Польско-Литовским государством Гадячский трактат (по месту его подписания — городу Гадячу). По условиям этого трактата, Украина фактически становилась полунезависимым вассальным государством Речи Посполитой. Положения упомянутого документа никогда не были реализованы на практике. Тем не менее это предварительное соглашение в дальнейшем часто будет фигурировать в работах многих украинских историков как пример очередной активной попытки получить украинскую государственность еще в XVII в.

Далее события развивались следующим образом: Выговский начал военные действия против российских сил на Украине. В 1659 г., после соединения сил Выговского с союзными ему татарами, произошло сражение под осажденным царскими воеводами городом Котопом. Царское войско потерпело поражение, но его гарнизоны в левобережных городах сумели удержаться. К тому же, Сирко, кошевой атаман Запорожской Сечи, выступил со своими силами против гетмана, к нему присоединился Уманский полк. Атаман Сирко был ярким и вместе с тем типичным представителем верхушки запорожского казачества той смутной эпохи: «Впервые выступил на историческую сцену сначала в звании полковника и кошевого запорожских казаков, и с тех пор в течение 26 лет, с 1654 по 1680, фигурировал между запорожскими и украинскими казаками... В качестве кошево-

го и полковника... Сирко сносился с русским царем, польским королем, турецким султаном, крымским ханом и молдавским господарем и нередко завязывал в Сичи такие узлы событий, которые потом приходилось развязывать в Москве и Варшаве, Бахчисарае и Константинополе. Сражаясь то с татарами и турками, то с поляками и волохами, то с русскими и украинцами, Сирко за все время своей исторической жизни принимал участие в пятидесяти пяти битвах...¹⁶ В данном конкретном случае общим требованием собравшихся под знаменами Сирко была передача гетманства Юрию Хмельницкому, как законно избранному ранее гетману. В сентябре 1659 г. после «стояния» противоборствующих сил под Белой Церковью и перехода большей части армии Выговского на сторону Ю. Хмельницкого сын легендарного Богдана получил знаки гетманской власти — «клейноты». В поражении Выговского большую роль сыграл его политический союз с Речью Посполитой, о котором подавляющее большинство украинского населения, по крайней мере, низшие слои общества (чернь), не хотели и слышать, естественно, не вдаваясь ни в какие политические подробности и стратегические рассуждения. Как и положено черни, она «голосовала сердцем» за Юрия Хмельницкого. Последний, в согласии со старшиной, стал добиваться от Москвы большей политической автономии, чем это было оговорено в «Статьях Богдана Хмельницкого», и сохранения подчинения украинской православной церкви Константинопольскому патриарху. Среди прочего старшина добивалась, «чтобы московских воевод и гарнизонов не было нигде, кроме Киева, как было при Богдане Хмельницком; чтобы московские войска, присылаемые на Украину, находились под командой гетмана; чтобы гетмана выбирало само войско, без вмешательства московского правительства и его воевод...»¹⁷.

Воеводе Трубецкому удалось организовать раду в городе Переяславле таким образом, что украинские «автономисты» из числа казацкой старшины (Сирко, Дорошенко и др.) во главе с гетманом Ю. Хмельницким оказались в изоляции. На раде преобладали казаки левобережных полков, настроенные «промосковски». Кроме того, рядом находились войска двух российских воевод: самого Трубецкого и князя Г. Г. Ромодановского. В результате «Статьи Богдана Хмельницкого» были существенно поправлены в сторону уменьшения автономии Украины и власти ее гетманов. Например, гетман стал обязан по требованию московского правительства посылать свои войска, куда ему укажут, и, наоборот, без московского указа не двигать их с места. Смена гетмана без предварительного царского указа отныне запрещалась¹⁸. Новая редакция Статей была принята на Раде 7 октября по старому сентябрьскому стилю (т. е. уже в начале нового 1660 г. по современному летоисчислению).

Столь успешные действия московских воевод по ограничению малороссийской вольницы были бы невозможны без хорошо отлаженной системы сбора информации о положении дел, о настроениях различных групп старшины, рядовых казаков, запорожцев и черни в этом регионе. Царские администраторы уже вполне осознали крайнюю степень запутанности социально-политических отношений «черкасов» и постепенно учились использовать существующие противоречия в целях постепенного введения централизованного общегосударственного управления.

Пока же, летом 1660 г. российская армия начинает масштабные военные действия на Украине против Речи Посполитой. Острие основного удара было направлено на Волынь. В походе участвовали российские войска, усиленные левобережными казачьими полками. Командовал сводной армией воевода Б. В. Шереметьев. Южнее, в степях, маневрировали правобережные казачьи полки под руководством гетмана Ю. Хмельницкого. Их целью было недопущение атаки крымских татар на основные силы армии. Войскам Речи Посполитой удалось блокировать армию Б. В. Шереметьева под Чудновым и добиться ее капитуляции. Ю. Хмельницкий, вступив в переговоры с польским правительством, согласился на возобновление Гадячского трактата, но с весьма урезанными правами автономии для Украины (польская делегация в сложившихся условиях легко могла диктовать свою волю гетману). Естественно, такой поворот событий пришлось по душе далеко не всем на Украине, даже из числа старшины. Многие стали пытаться использовать сложившееся положение в свою личную пользу. «Шурин Хмельницкого Сомко и другой его родственник, нежинский полковник Золотаренко, объявившие себя сторонниками Москвы в надежде получить гетманскую булаву при этой okazji, подавали враждебное Москве движение (на Левобережье. — Б. Д.), несмотря на то, что ошеломленное чудновской катастрофою московское правительство со своей стороны довольно слабо их поддерживало. После недолгого колебания Левобережная Украина вернулась под власть Москвы»⁴⁹. Правобережная Украина оставалась под властью (весьма относительной) гетмана Ю. Хмельницкого, против которого все более и более набирало силу всеобщее раздражение. Дело в том, что под прикрытием польских войск на эту территорию стали возвращаться помещики, бежавшие во время Хмельниччины; кроме того, на Правобережье бесчинствовали татарские орды, официальные союзники гетманского правительства. Все это вызывало, в том числе, и массовое бегство населения на левый берег Днепра. «В конце концов Хмельницкий, увидев, как со всех сторон против него поднимается раздражение и вражда, и не находя выхода из такого тяжелого положения, потерял охоту ко всему, и к своему гетманству в том числе. В начале 1663 года он сложил булаву и... постригся в монахи. На его

место гетманом избран был его зять Павел Тетеря, ловкий и хитрый интриган; рассказывали, что он купил себе булаву, раздав большие деньги старшине»²⁰. Несмотря на то что Павел Тетеря был избран гетманом «на волне» антипольских настроений, он стал в своей политике ориентироваться именно на Речь Посполитую.

В это время на Левобережье шла нешуточная борьба за гетманство между Переяславским полковником Якимом Сомко и Нежинским полковником Василием Золотаренко, причем оба в процессе этой борьбы апеллировали к Москве, собирая рады один против другого. Победу одержал более богатый «переяславский купец» Я. Сомко, к тому же являвшийся родственником Богдана Хмельницкого. В 1660 г. на раде в городе Козельце он был избран наказным гетманом²¹.

В это время появился еще один претендент на должность гетмана — кошевой Запорожской Сечи Иван Брюховецкий. М. С. Грушевский характеризует его, как «беззастенчивого карьериста и интригана»²². Впрочем, эта характеристика может быть приложена ко всем претендентам на гетманскую булаву в то время. И. Брюховецкий был просто более ловким среди остальных интриганов. Он успешно натравливает на Я. Сомко и вынужденно примкнувшего к нему ввиду появившейся новой угрозы В. Золотаренко, как на представителей разбогатевшей старшины сечевиков и низы из числа городских казаков. Причем даже умудряется политически разделить сечевиков и городских казаков, выдвинув тезис о неприменном и приоритетном участии сечевиков в избрании гетмана (опираясь де на старую традицию). Сам И. Брюховецкий принял на себя ранее неизвестный титул «кошевого гетмана». Ездил он и в Москву, где постарался в невыгодном свете выставить Я. Сомко²³. Кроме того, он распространял слухи о ненадежности Я. Сомко по отношению к центральному правительству. Это подействовало безотказно, так как Сомко уже успел порядком надоесть московским властям своими жалобами на самоуправство воевод в украинских городах. Со временем И. Брюховецкий уже прямо клеветал на Я. Сомко. Так, например, в своем письме от 14 сентября (1662 г. по сентябрьскому летоисчислению), адресованному начальнику одного из подразделений московских ратных людей полковнику Григорию Касогову, он сообщал относительно Сомко, «что везде Самкова правда явна и на Запорожье славна лукавая его измена»²⁴. К кампании по дискредитации наказного гетмана в среде рядового казачества был подключен и уже упоминаемый ранее Иван Сирко.

Дальнейший ход событий М. С. Грушевский описывает так: «На последнюю раду, назначенную на июль 1663 г. под Нежином, Брюховецкий привел с собой толпы запорожцев и "черни" (простого казачества) из южных полков, державшихся солидарно с Запорожьем.

Ввиду этого Сомко также привел с собой казаков и даже артиллерию. Рада с самого начала перешла в свалку; ее прервали, а за это время Брюховецкому удалось перетянуть на свою сторону казаков Сомка: они подняли бунт против своей старшины, и Сомко с другим старшиной должны были искать убежища в обозе московского боярина, присланного на раду, а последний велел арестовать их, как мятежников. После этого рада прошла спокойно, избран был Брюховецкий, московский воевода утвердил избрание, а Сомка, Золотаренка и еще нескольких судили за измену и казнили без всякой вины»²⁵.

Подводя черту под историческим развитием Украины конца 1650 г. — начала 1660-х гг., мы можем констатировать, что его результатом явилось фактическое разделение ее на Левобережье — под верховной властью Московского государства, и Правобережье — под верховной властью Речи Посполитой. Причем в обеих частях имелись свои гетманы. На левом берегу закрепился Иван Брюховецкий, а на берегу правом — Павел Тетеря. Оба они в своей политической борьбе не брезговали никакими методами, благодаря чему и достигли успеха. Такой была «селекция» руководителей украинского общества на обоих берегах Днепра в то время. Она отражала процесс глубокого внутреннего разлада этого общества. И объяснить существовавшее положение дел вредным, своекорыстным вмешательством Москвы и Варшавы во внутриукраинские дела не представляется возможным. Российское и польское правительства пытались влиять на ситуацию на украинских территориях (что значительно лучше получалось у российского правительства), но их возможности в этом отношении не стоит преувеличивать. Тем более, что ситуация, как мы убедились, там менялась с удивительной для рассматриваемой эпохи скоростью.

События на Украине и далее продолжали развиваться столь же стремительно. В 1663 г. Павел Тетеря, получив подкрепление из Речи Посполитой, предпринял поход на левый берег Днепра с целью объединить Украину под своей властью. Польская ориентация правобережного гетмана не могла найти сочувствия у «московской» части украинцев. Соответственно П. Тетерю постигла полная неудача. В ответ российская армия с казаками И. Брюховецкого перешла в наступление, которое получило значительную поддержку на Правобережье. После ухода польского войска с территории Правобережной Украины весной 1665 г., П. Тетеря проявил изрядную личную мудрость — сложил с себя обязанности гетмана и, собрав имущество, навсегда покинул Украину. Больше он политикой не занимался.

Таким образом, польской администрации на западе Украины не осталось, но под власть Москвы местному населению тоже идти не хотелось. Идея перейти под покровительство Крымского хана становилась все более популярной среди старшины. После некоторого

замешательства, связанного с устранением от краткосрочного гетманства сотника Опары, правобережным гетманом стал в августе 1665 г. Петр Дорошенко²⁶. Его кандидатура была поддержана крымскими властями. Этот политический и военный деятель имел достаточно прочную положительную репутацию на Украине. Казак в четвертом поколении, он еще при Богдане Хмельницком стал полковником. Как и практически все казачьи вожди того времени, он хотел добиться для Гетманщины возможно более широкой автономии под патронажем какой-либо соседней крупной державы. Наиболее предпочтительным он считал союз с Россией. Обязанности же гетмана по отношению к царю московскому он надеялся минимизировать путем шантажа московского престола вероятным своим союзом с Турецкой империей и вассальным от нее Крымом. То есть он, как и другие украинские деятели, недооценивал политическую мощь и волю московского правительства.

В течение нескольких лет новый гетман Правобережья наводил порядок на своей половине Украины. Окончательно ликвидирует польские гарнизоны на Брацлавщине, подавляет «промосковскую» партию, устанавливает отношения с самой Блистательной Портой. В общем, надлежащим образом укрепляет свое положение. Далее встает вопрос о присоединении и Левобережья. Но там уже весьма прочно установилась власть царя московского. Посмотрим теперь в чем она, эта власть выражалась, и какую роль в ее усилении сыграл И. Брюховецкий.

Иван Брюховецкий был первым из гетманов, лично посетивших Москву. И этот визит не был только символическим. И. Брюховецкий согласился ввести на подвластной ему территории общероссийскую администрацию и податной оклад населения на общих для всего государства основаниях. Сам он был пожалован боярским чином и женился на дочери окольного Салтыкова. Чрезвычайно важным было и его согласие на подчинение украинской православной церкви Московскому патриарху. Казалось, что более верного и покладистого гетмана российскому правительству и желать невозможно. Но все оказалось гораздо сложнее. Как только И. Брюховецкий вернулся на Левобережье, так сразу же почувствовал, как изменилась там ситуация. Он потерял поддержку практически всех социальных групп общества. Старшина не могла быть не возмущена введением российской царской администрации на территории, где она привыкла доминировать, заняв место магнатов и шляхты после Хмельниччины. Высшая церковная иерархия не желала подчинения Московскому патриархату, который в отличие от Константинопольского, явно собирався управлять украинской церковью на самом деле, а не номинально. Остальное население, подвергавшееся переписи и обложению российским окладом, было возмущено до предела его размером. Учиты-

вая, что при нахождении Украины в составе Речи Посполитой, на Левом берегу Днепра «государственные налоги платили только трусы», то можно себе представить возмущение местных крестьян и мещан. Кроме того, перед введением общероссийских налогов И. Брюховецкий сам велел собрать в полковую казну как можно больше денег, что усугубило и без того напряженную ситуацию. Еще одним раздражающим фактором для украинского общества явилось заключение (как раз в это время) Андрусовского перемирия между Россией и Речью Посполитой, фактически и юридически, узаконившего раздел Украины на российскую и польскую части. В общем, гетманом недовольны были все и сразу. И. Брюховецкий увидел единственный выход из создавшегося вокруг него положения в следующем. Используя большое недовольство широких масс украинского населения политикой центральных московских властей, Брюховецкий решил сам возглавить антироссийское выступление. Тем более что Правобережный гетман П. Дорошенко начал соблазнять его союзом против Москвы, в котором Брюховецкому де будет отведена первенствующая роль. Вот как пишет об этом начинании П. Дорошенко М. С. Грушевский: «С Брюховецким он вошел в сношения и подавал ему надежду, что оставит ему гетманство, но одновременно упрекал Москву, что она поддерживает подобных авантюристов — причину украинских смут. Очевидно, против такого господина, как Брюховецкий, Дорошенко считал всякий способ борьбы позволительным»²⁷.

Украинский летописец сообщает нам по этому поводу следующее: «Брюховецкий, проживший пять лет и три месяца на гетманстве при верности своему государю, рассмотревши бесполезное себе и всему малороссийскому народу принятие воевод с войсками великороссийскими на Украине и узнавши о скрытом и явном роптании за то народа, начал промышлять об изгнании из Малой России воевод с их войсками»²⁸. Наконец, Левобережного гетмана в антимосковских начинаниях поддержал и местоблюститель Киевской метрополии Мстиславский епископ Мефодий. Последний, «будучи в Москве по делу Никона в течение 1666 и в начале 1667-го года, ...остался недоволен сделанным ему в столице приемом, выехал оттуда с искренней ненавистью ко всему московскому и потому решил протянуть руку примирения гетману Брюховецкому и объявить себя горячим сторонником его плана»²⁹.

Восстание под руководством И. Брюховецкого против центральной российской власти началось в 1668 г. Вскоре на левый берег Днепра перешел со своими войсками правобережный гетман П. Дорошенко, который потребовал от И. Брюховецкого отречения от гетманства. Казаки левобережных полков сами выдали потерявшего к тому времени всякий авторитет Брюховецкого³⁰ в военный лагерь П. Дорошенко, где он и был разорван толпой «по ошибочно понятому

жесту Дорошенка»³¹. Далее П. Дорошенко, соединившись с татарской ордой, выступил против российской армии, предводительствуемой князем Г. Г. Ромодановским. Армия была вынуждена временно отступить с территории Украины. Почти вся Украина попала под контроль гетмана Дорошенка, только в некоторых городах удерживались царские гарнизоны. Но воспользоваться в полной мере благоприятным моментом, чтобы добиться вождеденного договора с российским правительством, предоставляющим Украине почти полную автономию, а гетману соответственно полноту власти на Украине, П. Дорошенко не смог. По не вполне ясным обстоятельствам он спешно покинул территорию Левобережья, оставив вместо себя командиром (наказным гетманом) Демьяна Многогришного. Сам же убыл в город Чигирин (возможно, из-за семейных обстоятельств). Воспользовавшись этим оборотом дел, российское войско под командованием Г. Г. Ромодановского снова вступило в украинские земли. Часть украинской церковной иерархии поддержала возврат в лоно российского государства; например, так поступил архиепископ Черниговский Лазарь Баранович. В сложившихся обстоятельствах наказной гетман Д. Многогришный со старшиной решили вновь «поддаться» царю московскому, выторговав себе при этом как можно более выгодные условия. Но российское правительство, используя возникшую рознь между Дорошенко и Многогришным, и соответственно разделение военных сил между этими двумя украинскими руководителями, сумело выбрать из них более слабого и покладистого и заключить новый договор с ним. В марте 1669 г. на Раде в Глухове были утверждены так называемые «Глуховские статьи», по которым московские воеводы, кроме Киева, должны были назначаться в города Переяслав, Нежин, Чернигов и Остер. Но они там не могут вмешиваться в местный суд и управление, а вправе руководить только гарнизонами московских ратных людей. Гетманам запрещались сношения с иностранными державами, но гетманские делегаты должны были участвовать в дипломатических конференциях, проводимых центральным правительством³². Д. Многогришный был утвержден на гетманстве и получил знаки власти из рук царского посла.

Таким образом, мы кратко обрисовали ход событий на Украине и сложность российско-украинских отношений в конце 50–60-е годы XVII в. Теперь посмотрим, как эти события нашли отражение в документах Малороссийского приказа за этот период. Напомним, что именно в 1663–1670 гг. происходило становление этого учреждения и оно имело собственных руководителей-судей, как положено полноценному приказу.

При организации Малороссийского приказа в него из архива Посольского приказа передавались дела, касающиеся Украины, служащие приказу делали из них соответствующие выписки. Примером

такого рода документации служит «Выпись о гетманстве Богдана Хмельницкого, об избрании после его смерти в гетманы Ивана Выговского и затем Юрия Хмельницкого и список с листа наказного гетмана Якима Сомка об отказе от гетманства Юрия Хмельницкого и выборе гетманом Павла Тетери»³³, датированная 1663 г.

Служащие приказа собирали возможную информацию о положении дел на Украине, о взаимоотношениях местных авторитетных деятелей, их интригах друг против друга. Использовались самые разнообразные источники, в том числе опрашивалось и малороссийское духовенство, обращавшееся по различным вопросам в Москву. Это подтверждают, в частности, «Грамоты епископа Оршанского и Мстиславского Мефодия о тайных радах в городах Нежине и Козельце, о созыве рады для избрания гетманом кошевого атамана Ивана Брюховецкого, посылке указа русским воеводам черкасские города о необходимости советоваться с епископом Мефодием и Иваном Брюховецким, о сношениях наказного гетмана Якима Сомка с гетманом Правобережной Украины Павлом Тетерей и о посылке к патриарху в Царьград прошения о снятии (церковного наказания) с епископа Мефодия и Ивана Брюховецкого»³⁴ за 1663 г. Епископ Оршанский и Мстиславский уже упоминался нами, как поддержавший в свое время антироссийское выступление Ивана Брюховецкого. Пока же он просит российские центральные власти приказать воеводам в «черкасских» городах в своей деятельности учитывать мнение местных высших светских (гетмана) и духовных (местоблюститель Киевской митрополичей кафедры) администраторов. В то время епископ Мефодий оказывал всестороннюю поддержку претенденту на гетманство И. Брюховецкому, с которым потом рассорится на почве, излишней, по его мнению, привязанности последнего к московским властям³⁵. А пока епископ пишет донос на конкурента своего протеже Якима Сомко.

К тому же временному отрезку относится и «Отписка стольника Федора Михайловича Лодыженского о сношениях наказного гетмана Якима Сомко с гетманом Юрием Хмельницким и Павлом Тетерей, тайной раде в Нежине, об отказе кошевого гетмана Ивана Брюховецкого идти в “Запороги” и созыве “полной рады” для избрания “Совершенного гетмана”»³⁶.

Попадались в руки московских приказных людей и более серьезные улики против Я. Сомко: «Письмо гетмана Павла Тетери наказному гетману Якиму Сомко о сообщении ему своих планов через панов Стефана Носенка и Устина Зенечика»³⁷.

Сам же наказной гетман Я. Сомко пишет Универсал о своем желании иметь союз с Россией и получает из Москвы в свой адрес поощрительную бумагу: «Универсал наказного гетмана Войска Запорожского Якима Сомка о намерении искать союза с Россией и грамота ему

с похвалой за неприсоединение к измене Заднепровских полков» (не позднее декабря 1663 г.)³⁸.

Рада по выбору «Совершенного гетмана» на Левобережье, наконец-таки, состоялась, о чем свидетельствует список, датированный декабрем 1663 г.³⁹ Уже упоминалось, что Я. Сомко был казнен во время рады в том же Нежине в июле 1663 г. Здесь нет ошибки, стоит только помнить, что тогда новый год начинался с 1 сентября. Следовательно, здесь речь идет об одной из многочисленных рад по выбору «Совершенного гетмана» во время борьбы «за булаву» Я. Сомко, И. Брюховецкого и В. Золотаренко.

В течение всего этого времени (конец 1650–1660-е гг.) российское правительство периодически посылало письма с разъяснениями своей политики в отношении Украины, стараясь успокоить брожение умов среди местного населения. Примером такого рода документов служат «Грамоты к запорожским казакам с опровержением слухов об уничтожении коша, об обязанности гетманов и старшин быть в единстве с великорусским народом и о подтверждении права свободного перехода жителей из малороссийских городов в великорусские» (всего 20 листов), относящиеся к 1662 г.⁴⁰ Обращает на себя внимание напоминание об обязанности гетманов и старшины «быть в единстве с великорусским народом» (читай, с центральным правительством), т. е., теперь вы не в Речи Посполитой — с узаконенным там правом Рокоши⁴¹ — и, хотя не установленной юридически, но зато вполне реальной казацкой вольницей, — а в самодержавной России.

В 1664 г. перечень донесений о событиях на Украине пополнился отписками Переяславского воеводы Микифора Алексеевича Поленова «Об осаде Чигирина»; «О переходе населения городов Черкас и Канева в русское подданство»; «О движении татар в Венгрию»⁴². За тот же год имеется и грамота из Малороссийского приказа «Об отправке служилых людей в помощь гетману Ивану Брюховецкому в город Канев»⁴³.

В 1666 г. в приказе делается выпись с изложением содержания «Листа Киевского полковника Василия Дворецкого гетману Ивану Брюховецкому о посылке Боярином Петром Шереметевым ратных людей в Черный городок “на залог” и посылке людей под Мотовилвку и Фастов для уборки урожая». К тому же году относятся и «Письма думного дворянина Якова Тимофеевича Хитрово гетману Ивану Брюховецкому из Полтавы о приезде в Чигирин Запорожцев с хлебом», а также кем-то переданные «Письма Гетмана Петра Дорошенко (Правобережного. — Д. Б.) кошевому атаману Ждану Рогу и Войску запорожскому с призывом быть с ним в дружбе»⁴⁴.

В 1668 г. приказной архив пополнился «Записной книгой о пропуске турок и татар за Днепр, разорении малороссийских земель вой-

сками Петра Дорошенко, о возвращении Киева России и переговорах с Польшей на бывшем съезде в Мигновичах»⁴⁵.

В декабре 1669 г. в Малороссийский приказ поступили, в переводе с польского, «Записки польского представителя о переговорах на съезде в Миновичах 9 декабря 1669 г. о границах между Россией и Польшей по Андрусовскому перемирию», на 16 листах⁴⁶.

Ко времени ожесточенной борьбы за Левобережную Украину между Россией и Правобережным гетманом Дорошенко, поддерживаемого союзными ему татарами, относится составленная в октябре–декабре 1669 г. «Книга записная листов белорусского письма гетмана Демьяна Многогришного архиепископу Черниговскому и Новгородскому Лазарю Барановичу» (неполная, 17 листов)⁴⁷. Как мы помним, архиепископ Лазарь Баранович был последовательным сторонником российской ориентации в среде украинской православной церковной иерархии.

Январем того же года датируются «Пометы думного дьяка Григория Караулова против статей, переданных посланцем гетмана Демьяна Многогришного Петром Забелой» (отрывок)⁴⁸.

К марту 1669 г. относится «Дело об избрании гетманом Демьяна Игнатьевича Многогришного на раде в городе Глухове» (45 листов)⁴⁹.

В сентябре 1670 г. новоутвержденный гетман уже получил жалованье из Москвы, что подтверждает «Грамота гетману [Демьяну Многогришному] о посылке ему жалованья»⁵⁰.

Вероятно, 1669–1670 гг. датируется «Письмо гетмана Демьяна Многогришного к Белгородскому наместнику Григорию Григорьевичу Ромодановскому с сообщением о прибытии на службу в Батурин головы московских стрельцов Михаила Петровича Колупаева»⁵¹.

Последний документ (февраль 1670 г.), относящийся ко времени самостоятельного существования Малороссийского приказа, по Описи № 5: «Память в Стрелецкий приказ о присылке сотника московских стрельцов для отправки пушек, пороха и свинца гетману Д. И. Многогришному в города Нежин и Чернигов»⁵².

Помимо сбора информации о политической обстановке на Украине Малороссийский приказ осуществлял (разумеется, совместно с Разрядом) назначение и перемещение воевод в малороссийских городах, разбирал жалобы на них, и так далее, — т. е., осуществлял функции центрального управления на подведомственной ему территории.

Мартом 1664 г. датируется «Дело о назначении переяславским воеводой Микифора Алексеевича Поленова на место кн. Василия Богдановича Волконского» (всего 22 листа)⁵³. Причем замена воеводы в городе Переяславле имела под собой достаточно веские основания, т. к. в том же 1664 г. вновь назначенный воевода посылает в Мало-

российский приказ отписку «О причинах задержки сыска о деятельности бывшего воеводы кн. В. Волконского»⁵⁴.

К 1665–1667 гг. относится объемная книга (124 листа), само название которой многое говорит о круге воеводских обязанностей, применительно к деятельности представителей центральной власти в «черкасских» городах. Это «Дело о приеме города Новгород-Северского Исаем Квашниным от воеводы Ивана Першучкова, строительстве хлебных амбаров и приеме хлебных запасов в город, отправке стругов с хлебом в город Киев, определении на службу служилых людей, выдаче им жалованья, розыске беглых солдат и драгун»⁵⁵.

К тому же времени относится и «Сыскное дело о злоупотреблениях путивльского воеводы Михаила Семеновича Волинского» (неполное)⁵⁶.

Еще одной из важнейших задач, возложенных на приказ Малой России, было обеспечение всем необходимым (в том числе и личным составом) российских войск, находящихся на Украине, а также и оперативное управление ими. Это обстоятельство дает основание некоторым отечественным историкам причислять Малороссийский приказ к так называемым военным приказам (по некоторым из существующих классификаций этих учреждений центрального государственного управления). Действительно, военная тема — одна из важнейших в делопроизводстве этого учреждения. К интересующему нас периоду относятся следующие дела, касающиеся существования российских воинских частей на территории Малороссии: «Выписки из отписок полковых воевод: о выдаче жалования служилым людям, о розыске беглых ратных людей» (1665)⁵⁷; «Список служилых людей полка Григория Григорьевича Волконского, находящегося в городе Чернигове за 1665–1666 года» (отмечены беглые, умершие)⁵⁸; «Челобитная лубенского воеводы Фомы Ивановича Бибикова о приезде в город Лубны из города Белгорода поручика Александра Полшина с солдатами, о бегстве бывшего “у хлебного сбора на мельнице” солдата Наума Самойлова с товарищами и выборе на их место лубенских мещан» (1666–1668?)⁵⁹; «Выписки из челобитных черкасского сотника Василия Яковлева о разрешении восстанавливать город Королевицы, о назначении и перемещении по службе служилых людей и выдаче им денежного и хлебного жалованья» (1668–1669)⁶⁰; «Выпись о выдаче годового денежного жалованья нежинским и черниговским солдатам и стрельцам» (отрывок, 1668–1669 гг.)⁶¹; «Выпись в приказе по делу о выдаче денежного и хлебного жалованья капитану Черниговского полка иноземцу Исаю Васильеву» (отрывок, 1669–1670 гг.)⁶²; «Память из приказа Большого Прихода о выдаче жалованья за службу на Украине поручику драгунского полка Степану Захарову» (между 1669–1686 гг.)⁶³.

Еще одна, весьма существенная задача, стоявшая перед Малороссийским приказом состояла в решении церковных вопросов на новоприсоединенной территории Украины. Главная цель этой стороны деятельности приказа — обеспечить переход украинской православной церкви от Константинопольского патриарха под юрисдикцию Московского патриарха. Это удалось сделать только при гетмане Иване Самойловиче, после смерти (1684) митрополита Киевского Иосифа Нелюбовича-Тукальского. Но с самого момента своего основания приказ занимался распределением церковных земель на Украине, разрешением земельных и других споров между церковными и светскими землевладельцами и частными лицами. Кроме того, приказ рассматривал дела в отношении малороссийского духовенства по поводу проступков церковных служащих в отношении российского государства. Тем самым, церковная иерархия украинской православной церкви довольно быстро была поставлена под контроль центральной российской государственной власти, что неизбежно приводило ее и под власть патриарха Московского. За интересующий нас период по этой теме значатся следующие документы: «Дело об оскорбительных словах переяславского протопопа Григория Филонова по поводу медных денег» (апрель–август 1664 г.)⁶⁴; «Выпись из спорного дела игумена Николаевского... монастыря Кольяна с киевскими мещанами о владении островом на реке Днепр, езом на реке Черторне» (приводятся привилегии монастырю 1541 и 1566 гг.; не ранее 1667 г.)⁶⁵; «Дело об обнаружении у церковных дячков города Путивля Федора Ильинского и Федора Козмодемьянского церковной утвари из церкви села Камены Глуховского уезда» (отрывок, август 1668 — сентябрь 1669 г.)⁶⁶; «Выписи в приказе из писем по церковным делам» (сентябрь 1668 — август 1672 г.)⁶⁷; «Челобитная священника [Десятинной] церкви в городе Киеве о назначении церкви денежной руги и выдаче хлебного жалованья церковному причту» (список, не ранее 1669 г.)⁶⁸.

На вверенной его попечению территории Малороссийский приказ вел и судебные разбирательства по гражданским делам между светскими лицами. Названные сюжеты затронуты в «Сыском деле по обвинению нежинского мещанина Петра Сосимова в оскорблении нежинских войта и бурмистра Я. Бутенка с товарищи» (сентябрь–декабрь 1667 г.)⁶⁹ и «Отписке (шацкого) воеводы о высылке в приказ дела по иску черкас Осипа Яковлева с товарищами к крестьянам села Пластикова помещика Ал. Протасьева» (отрывок, апрель–май 1669 г.)⁷⁰.

Сохранилось за интересующие нас годы и некоторое количество дел, относящихся к штату приказа, представителям центральной администрации, действовавшим на территории Украины, к внутреннему делопроизводству самого учреждения. Среди них «Челобитная

переводчика приказа Ивана Молчанова о переводе его на жительство ближе к приказу» (между 1662 — декабрем 1676 г.)⁷¹; «Записная книга грамот и отписок» (сентябрь 1665 — август 1666 г.)⁷²; «Записная книга отписок и челобитных» (неполная, сентябрь 1666 — август 1667 г.)⁷³; «Расходная книга пития» (отрывок, сентябрь 1666 — август 1668 г.)⁷⁴; «Память из Разряда об обязанности дьяков всех приказов помесячно считать денежную казну у подьячих и не принимать заемных памятей и записей в счет уплаты долговой казны» (июнь 1669 г.)⁷⁵; «Список подьячих Малороссийского приказа с указанием годового денежного и хлебного жалованья» (отрывок, 1670–1680 г.)⁷⁶; «Челобитная стряпчего Семена Алмазова и выпись в доклад о придачах денежного и поместного жалованья Семену Алмазову, стольнику Василию Кикину, Григорию Неронову, Аврааму Никитичу Лопухину и Федору Лодыженскому» (апрель 1669 г.)⁷⁷.

Изучение изложенного материала позволяет заключить следующее. Несмотря на сравнительную краткость перечня документов Малороссийского приказа за 1662 — февраль 1670 г., занесенных в указанную опись и дошедших до нас, они дают довольно точное представление об основных направлениях деятельности данного учреждения. Детальное же их изучение позволит современным историкам существенно лучше представлять крайне сложные и противоречивые процессы, происходившие на Украине в обозначенный период времени, степень и формы участия в них центрального российского правительства.

Примечания

¹ *Софроненко К. А.* Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII и начала XVIII века. М., 1960. С. 39.

² Там, например, можно было запросто не платить государственные налоги, т. е., существовал порядок «системной необязательности» по отношению к государству, столь возжеланный для многих современных россиян.

³ *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. Київ, 1990. Т. 2. С. 232.

⁴ *Чистякова Е. В.* Малороссийский приказ. Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. Стб. 979.

⁵ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века // *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 96–97.

⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Л. 1.

⁷ ПСЗ-1. Т. VI. № 3988.

⁸ Там же. № 4010.

⁹ *Чистякова Е. В.* Малороссийская коллегия: Советская историческая энциклопедия. Т. 8. С. 978.

¹⁰ *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 120.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

- ¹³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 2.
- ¹⁵ *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. Киев; Одесса, 1990. С. 198.
- ¹⁶ *Яворницкий Д. И.* Указ. соч. С. 232.
- ¹⁷ Там же. С. 209.
- ¹⁸ Там же. С. 210.
- ¹⁹ *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. С. 211.
- ²⁰ *Он же.* Иллюстрированная история Украины. М., 2001. С. 333–334.
- ²¹ *Яворницкий Д. И.* Указ. соч. С. 236.
- ²² *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. С. 212.
- ²³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1991. Т. 11. С. 94.
- ²⁴ АЮЗР. Т. 5. СПб., 1867. С. 97.
- ²⁵ *Грушевский М. С.* Иллюстрированная история Украины. С. 335–336.
- ²⁶ Там же. С. 338.
- ²⁷ *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. С. 216.
- ²⁸ Летопись самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти или «...по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник». Цит. по: *Яворницкий Д. И.* Указ. соч. С. 299.
- ²⁹ *Яворницкий Д. И.* Указ. соч. С. 300.
- ³⁰ В том числе из-за сожжения живьем по его приказу гадячской полковницы Острой (*Яворницкий Д. И.* Указ. соч. С. 301).
- ³¹ *Грушевский М. С.* Очерк истории украинского народа. С. 216.
- ³² Там же. С. 217–218.
- ³³ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 9.
- ³⁴ Там же. Д. 4.
- ³⁵ Вновь они станут союзниками только во время общей борьбы с центральным правительством в 1667 г.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 5.
- ³⁷ Там же. Д. 6.
- ³⁸ Там же. Д. 8.
- ³⁹ «Постановление» Нежинского съезда полковников, судей и всего Войска Запорожского об избрании в совершенные гетманы Якима Сомка // РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 7.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 1.
- ⁴¹ Вооруженной борьбы шляхетства с монархом и правительством.
- ⁴² РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 13. Л. 1–3.
- ⁴³ Там же. Л. 23–28.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 21.
- ⁴⁵ Там же. Д. 27.
- ⁴⁶ Там же. Д. 38.
- ⁴⁷ Там же. Д. 31.
- ⁴⁸ Там же. Д. 35.
- ⁴⁹ Там же. Д. 36.
- ⁵⁰ Там же. Д. 37. В описи указано: «в сентябре 1669-го года». Вероятно, это ошибка, — не учтен сентябрьский Новый год. Вряд ли московское правительство стало бы посылать жалованье Д. Многогришному в начале 1669 г., когда он был еще наказным гетманом (заместителем) Правобережного гетмана П. Дорошенко.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 5. Д. 39.
- ⁵² Там же. Д. 45.
- ⁵³ Там же. Д. 12.
- ⁵⁴ Там же. Д. 13. Л. 4–5.

- ⁵⁵ Там же. Д. 15.
⁵⁶ Там же. Д. 16.
⁵⁷ Там же. Д. 17.
⁵⁸ Там же. Д. 18.
⁵⁹ Там же. Д. 22.
⁶⁰ Там же. Д. 29.
⁶¹ Там же. Д. 30.
⁶² Там же. Д. 40.
⁶³ Там же. Д. 41.
⁶⁴ Там же. Д. 13. Л. 34–35.
⁶⁵ Там же. Д. 24.
⁶⁶ Там же. Д. 26.
⁶⁷ Там же. Д. 28.
⁶⁸ Там же. Д. 42.
⁶⁹ Там же. Д. 25.
⁷⁰ Там же. Д. 43.
⁷¹ Там же. Д. 3.
⁷² Там же. Д. 14.
⁷³ Там же. Д. 19.
⁷⁴ Там же. Д. 20.
⁷⁵ Там же. Д. 32.
⁷⁶ Там же. Д. 33.
⁷⁷ Там же. Д. 34.

О. В. Новохатко

Переписка стольника А. И. Безобразова как исторический источник

Одним из интереснейших источников по истории России XVII в. является комплекс корреспонденции стольника А. И. Безобразова. На первый взгляд, эти материалы далеко отстоят от тематики, которой занимался и сам Виктор Иванович Буганов, и которой он предложил заниматься мне как своей аспирантке — истории приказов. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что информация, заключающаяся в этом комплексе, позволяет взглянуть на историю приказного управления с новой стороны и существенно дополнить представления о нем.

Понятно, что частная переписка, чья угодно и какого угодно времени, уже по определению вызывает к себе интерес. Что же может предложить нам переписка наших соотечественников XVII в.?

Несмотря на рост публикаций источников XVII в., их общий объем остается явно недостаточным для дальнейшего, а во многом и нового, осмысления этого важнейшего периода русской истории. Материалы вотчинных архивов, которые и заключают в себе частную корреспонденцию, являются одним из тех редких документов, которые

дают возможность увидеть историю XVII в. в новом, неожиданном ракурсе, они заключают, не побоюсь этого слова, бездну новой информации. В большинстве своем они отражают жизнь крупной вотчины – царской или боярской. Таковы, например, документы, легшие в основу труда А. И. Заозерского о хозяйстве царя Алексея Михайловича¹, или «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова»², материалы архивов бояр кн. Н. И. Одоевского³ и кн. Я. К. Черкасского⁴. Очевидно, что документы таких крупных собственников имеют свою специфику. Благодаря социальному весу вотчинников они давно привлекли к себе внимание специалистов. Архив же стольника Безобразова – это архив рядового вотчинника, и именно этим он и интересен. Уникальность документов из его архива состоит еще и в том, что от XVII в. осталось не так много частной переписки, тем более не отдельных, разрозненных писем, а целого комплекса.

Другой особенностью этого свода документов является то, что А. И. Безобразов, с одной стороны, имел московский чин стольника, т. е. принадлежал к привилегированному слою служилых по отечеству, с другой – чин этот был не самым высоким, да и сам Безобразов не был человеком родовитым. В круг его корреспондентов входили люди из разных слоев тогдашнего русского общества – от высших государственных деятелей до крестьянских старост из его имений.

Как сложился этот комплекс документов? Стольник Андрей Ильич Безобразов был осужден за соучастие в деле Ф. Л. Шакловитого и казнен в Москве 8 января 1690 г. Архив А. И. Безобразова, как и все его имущество, был конфискован. А так как приказ Розыскных дел, производивший следствие по делу Ф. Л. Шакловитого в 1689 г., находился поблизости от помещений Разряда и оба приказа были подчинены одному и тому же лицу – боярину Т. Н. Стрешневу, архив А. И. Безобразова поступил в Разряд. Собственно, именно поэтому он и сохранился как цельный комплекс документов.

Еще одна особенность этого собрания – его объем – 80 п. л. – и период, который он охватывает – с конца 60-х годов XVII в. до 1689 г. Материалы вотчинного архива А. И. Безобразова хранятся в Российском государственном архиве древних актов и входят в фонды Разрядного приказа. Сейчас все материалы архива А. И. Безобразова, хранящиеся в РГАДА, объединены в один фонд под № 1257. Кроме того в фонд И. Д. Беляева, хранящийся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 167, № 30), попала часть листов из столбцов Московского стола Разрядного приказа. Временные границы архива включают, таким образом, несколько царствований, точнее говоря, политических режимов – Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, правление царевны Софьи Алексеевны и самое начало царствования Петра I. Это позволяет последовательно, не-

прерывно проследить жизнь не только столицы, но и — что особенно ценно — российской провинции в течение этих царствований.

Следует упомянуть еще о нескольких факторах, способствовавших созданию архива. А. И. Безобразов был большим домоседом, причем домоседом сельским, и при этом хорошим, рачительным хозяином (родившись на сто лет позже, он, возможно, был бы единомышленником А. Т. Болотова). Поэтому Безобразов всеми силами уклонялся от обязанностей, которые налагали на него принадлежность к служилому сословию по отечеству и чин стольника: от участия в придворных церемониях, от разнообразных правительственных поручений (например, от писцового дела). Не мог он уклониться только от военной обязанности. Не покидая поместья, А. И. Безобразов чрезвычайно активно вел свои хозяйственные дела по управлению другими владениями, расположенными в разных районах страны, и своим московским двором. Все это, естественно, требовало интенсивной переписки с родственниками, приказчиками и нужными людьми в Москве. Так и сложился этот комплекс документов.

Географическая структура этого комплекса определяется местоположением вотчин А. И. Безобразова, которые находились (в разное время) в 11–12 уездах страны, от украинских уездов (Белевского, Орловского, Кромского) до новгородских земель. При этом самую крупную группу составляют материалы по Москве.

О чем писали в своих письмах Безобразов и его корреспонденты? В первую очередь это, конечно, хозяйственные дела, касающиеся управления вотчинами и поместьями: Безобразов отдавал распоряжения своим приказчикам, входя во все детали ведения хозяйства, а те отчитывались перед ним в собранных податях, писали об отправке в Москву и другие имения продуктов и крепостных людей, о постройке новых жилых и хозяйственных помещений, о конфликтах с крестьянами и соседями-помещиками и т. д. Такая информация позволяет восстановить структуру управления хозяйством, его доходность, степень непосредственного подчинения ее вотчиннику. Тот факт, что хозяйство Безобразова принадлежало к группе средних хозяйств русского дворянства, дает возможность считать его типичным и распространять выводы о происходивших в нем процессах на широкий круг вотчинных хозяйств второй половины XVII в.

Особое место в комплексе, как уже говорилось, занимает переписка с москвичами. Она тоже преимущественно касалась тех личных хозяйственных и служебных дел Безобразова, которые он решал в Москве. Это были тяжбы с соседями по поместьям, дела по сыску беглых крестьян, контакты, связанные с попытками Безобразова уклониться от некоторых правительственных поручений. Интересы Безобразова представляли в Москве доверенные лица — приказчики его московского двора. К решению этих дел они привлекали самых раз-

ных людей из столичных управленческих структур — от приказных подьячих до думных людей. И главным связующим звеном Безобразова с миром столичных управленцев был думный дьяк, начальник Разрядного приказа В. Г. Семенов. Безобразов и Семенов состояли в свойстве — судя по документам, они были женаты на сестрах.

Любопытно, что связи в самых вершинах государственных структур использовались Безобразовым не соразмерно существу дела. Так, Безобразов, очевидно, через Семенова, обратился с просьбой к боярину кн. В. В. Голицыну — в начале 1680-х гг. большому вельможе, начальнику Владимирского судного, затем Посольского приказов, человеку из ближайшего окружения царя Федора Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны. Просил Безобразов через правителя Украины гетмана Ивана Самойловича отыскать его, Безобразова, крестьян, убежавших на Украину. И Голицын исполнил эту просьбу. В своей грамотке (т. е. в частном письме, в отличие от грамоты — официального документа) боярин пишет: «...а что ты изволил ко мне писать о беглых людех и крестьянех, и я обо всем учинил по воле твоей, и к гетману писал, и гетман тотчас лист свой послал, и о том обо всем тебе учинят извесно слуги твои, а на сию грамотку не покручинься, писано вскоре, о сем тебе, приятелю своему, челом быю»⁵.

Но, разумеется, чаще всего дела решались на другом уровне — к ним привлекались дьяки и подьячие Разряда и других приказов, которые знали, как составлять специальные документы, знали, как решать дела в приказах и имели возможность и — что не менее важно — знали, когда и каким образом передать прошение влиятельным людям. Любопытно, что связи Безобразова среди приказных пересиливали даже придворные связи некоторых его соперников.

Переписка ярко, подробно, можно сказать, документально фиксирует те неформальные способы решения дел, которые существовали в практике приказного управления. Было бы наивно утверждать, что они находились в полном соответствии с законом. Но эти же документы совершенно явно свидетельствуют о том, что ни в коем случае не стоит впадать и в другую крайность — утверждать, что в приказном производстве, касающемся решения личных дел челобитчиков, господствовало полное, тотальное беззаконие. Всегда существовала какая-то черта, за которую приказные люди отказывались заходить.

Главным сдерживающим фактором в вольном обращении с законом для приказного человека были, прежде всего, государственные финансы и дела обороны. Освободить, скажем, от уплаты налога не мог Безобразов даже глава военного ведомства России, разрядный думный дьяк В. Г. Семенов. Например, Ямской приказ требовал с крестьян Безобразова уплаты полтинных денег — налога на ямскую гоньбу. Приказчик Безобразова Авдей сообщил ему, что из требуемой суммы, 79 руб. 50 коп., выплачено в казну только 9 руб. 50 коп. и что

он «бил челом Василью Григорьевичу (т. е., Семенову. — *О. Н.*) и челобитную подносил». Но «тот отказал: не сделаетца де, и били де челом многие ваша братья, ино де им отказано всем»⁶.

В ноябре 1681 г. В. Г. Семенов сообщает А. И. Безобразову о письме к нему ржевского воеводы князя Тимофея Шаховского, в котором говорится, что по челобитью Безобразова его крепостные пойманы и сидят в тюрьме во Ржеве, но без суда их отдать «немочно». В. Г. Семенов требует соблюдения принятого законодательства: «Изволь кого послать с крепостми, кому в суде быть, а списку не поверят (сам ты у дел был); не смотря на подлинные крепости — которой бы судья мог так учинить? А будет вскоре с подлинными крепостми не пошлешь, и тех людей свободит, и так он, князь Тимофей, в сем деле много терпит, что тех людей в тюрьме держит»⁷. Несмотря на ходатайство могущественного дьяка, ржевский воевода не желает рисковать карьерой и пренебрегать законом, да и сам Семенов не советует родственнику попирать закон.

Не мог Семенов освободить своего родственника и от царского военного смотра, зато мог хотя бы заранее, частным образом, предупредить его об этом. 20 ноября Василий Григорьевич пишет Безобразову: «Да ведомо тебе буди, изволил великий государь вас всех смотреть по списком генваря 1 число, изволь, прибрався, приехать к Москве к празднику Рождества Христова»⁸.

Другой влиятельный приказный деятель, дьяк М. П. Прокофьев, извиняется перед А. И. Безобразовым за то, что не может нарушить закон, но тут же предлагает некоторые «обходные» пути: «А о деле твоём работать вседушно рад, толко преж сего к тебе, государю моему, писал и ныне объявляю, что за превысокими указными словами не можем как пристать и почать; изволь писать друзьям своим, х кому знаешь, и начать сторанье или бить челом имянным челобитьем». После чего он снова заверяет Андрея Ильича в своем совершенном расположении и тут же напоминает об ответной любезности — посодействовать в решении своего дела (из письма нельзя понять, какого именно): «А про меня ведают совершенно, что ты ко мне милостив, и я твоего жалованья искатель. Пожалуй, государь мой, не покинь, о чем милости прасил, и ты ко мне о моем делишке писал, а я на твое приятство надежен, и соседем за меня побей челом. По сем работник твой Мишка Прокофьев челом бьет»⁹.

Еще один круг дел, решавшихся в письмах, был наиболее тесным образом связан с родством Безобразова и главы военного ведомства России В. Г. Семенова. Через Семенова Безобразов, как уже отмечалось, установил связи со многими приказными людьми, а также с крупными вельможами, руководившими приказами (например, с тем же боярином В. В. Голицыным, с окольным И. Т. Кондыревым, боярином М. Г. Ромодановским и др.). В этом круге дел Безобразов

играл роль своего рода передаточного звена, поскольку обращавшиеся к нему с просьбами люди в большинстве случаев уповали на помощь могущественного родственника Безобразова — думного дьяка В. Г. Семенова.

В письмах, отправляемых Безобразову, излагались просьбы, касавшиеся и лично-служебных, и государственно-служебных дел. Судя по данным переписки, решение таких дел с помощью неформальных связей и в XVII в. считалось (и действительно часто оказывалось) более эффективным, чем официальный путь. При этом, как нередко бывает, проблемы личные и государственные переплетались. Так, воевода П. Скрябин из Нижнего Новгорода жаловался: «А по милости, государь, своей изволишь про меня напамятовать, и я в Нижнем в скорби своей лежу шестую неделю, чуть жив, а подьячий, государь, у меня один человек, и тот, государь, робенок молодой; опасен, государь, в государеве казне и в делах чтоб какой порухи не было. И чтоб, государь, мне напрасно не пострадать, естли жив буду, помилуй, государь, милостию своею, не дай мне, бедному, здесь напрасно умереть, виволюки, государь, меня отсюди» — и просит прислать подьячего¹⁰.

Воевода Никита Тинков описывает Безобразову начало своей службы в Карачеве, жалуясь на прижимистость местных жителей: «Бью, Андрей Ильич, карачевским нажитком — рюмкою хрустальною, и тебе б, приятелю моему, кушать из нея водочку на здоровья. А принес ко мне кружечнова двора голова, толька от него видел приносу к себе. Хлопот, государь, тьма, а пожитков, истинна, ничево нет. А как стану наживать, и больши тово буду присылать. А сам ты, государь мой, видел, какавы люди в Карачеве. И я к тебе, приятелю, стану больши таво присылать. Живу пятую неделю, а на приезде и по се число хатя бы гривенку меду прислали. И я ни от ково ничево не видал. И рад бы к тебе прислать, да взять негде». Затем он обращается к Андрею Ильичу с просьбой посодействовать ему в Разрядном приказе, где Тинкову, видимо, все хорошо знакомо: «Пожалуй, приятель мой, государь Андрей Ильич, покланейся за меня Юрью Гавриловичю Ахотницкому (Ю. Г. Охотницкий, подьячий Разрядного приказа. — О. Н.): грамоты государевы присылают указные в струговом деле и о всяких делах, а, зная дело, что на Москве задерживают, долхо их не посылают, а другие грамоты присылают — для чева не пишешь против указу? А они, государь, в одних числех приходят, а описыватца мне об них неколи, потому что в одних числех приходят»¹¹. Речь здесь идет о том, что грамоты из Москвы с указами, посланными в разных числах, и грамоты с нареканиями за то, что воевода не докладывает о получении этих указов, приходят в Карачев одновременно из-за недисциплинированности подьячих или задержек в пути.

Козловский воевода Иван Селунский обращается к Безобразову вообще исключительно по государственному делу, надеясь частным

образом решить то, что никак не решается путем официальным: «Да писал я, Андрей Ильичь, к Василью Григорьевичю (Семенову. — *О. Н.*): пришел околичей князь Константин Осипович Щербатой с полками и стал под Козловым обозом, и от ратных людей ево козловцам во всем разоренье великое, сено и хлеб всякой, и дрова, и городбу всякую ломают и скотину бьют всякую; и ты об етом переговори с Васильем Григорьевичем»¹².

Ну и, разумеется, кроме тех дел, которые решал в своих письмах Безобразов, его родственники и знакомые сообщали ему из Москвы последние новости буквально обо всем — о семейных (свадьбах, болезнях, смертях, рождении) и московских городских событиях (о пожаре, погоде, разливе реки, постройке новых зданий и многом другом, вплоть до цен на капусту и строительные материалы). Очень ценными для Безобразова, сидящего в деревне, были сведения о перестановках в управленческих структурах — и не только высших, думных, чинов, — не менее важными были сведения о приказных подьячих, в руках которых находились реальные нити управления, ведения дел. А потому корреспонденты сообщали Безобразову о том, что такой-то подьячий отправлен в посольство и его не будет 3 месяца, такой-то подьячий переведен из одного приказа в другой, такой-то занят пересчетом казны и вести дело не может, и т. д. В числе таких новостей были и сообщения о жизни государева двора. И точно так же приказчики Безобразова из других вотчин и поместий сообщали ему уездные новости.

Таким образом, в этих письмах, как в ежедневной газете, отражалась и запечатлевалась повседневная жизнь столицы и провинции, причем увиденная не глазами иностранца или представителя правящих кругов, а глазами рядового обывателя.

Значение включенных в публикацию документов далеко не исчерпывается основным их содержанием. Дело в том, что большинство документов составлено не профессиональными писцами, как подавляющая часть документов государственных учреждений. Поэтому переписка А. И. Безобразова представляет собой замечательный источник и по истории русского языка — это совершенно уникальное по полноте собрание образцов обиходной русской речи XVII в., которое отражает как народную сельскую речь, так и речь москвичей — от думных людей до приказных. Значение данных материалов, помимо этого обстоятельства, определяется также и отнесенностью их к обширной территории, включающей, с одной стороны, центральную, средневеликорусскую область (Москва и Подмосковье), с другой — южновеликорусскую (Белевский и Орловский уезды) и северновеликорусскую (например, Вологодский и Нижегородский уезды). Следует подчеркнуть, что состояние говоров многих районов великорусской территории XVII в. сквозь призму памятников такого жан-

ра открывается впервые — исследователи, занимающиеся вопросами образования национального языка, получают в свое распоряжение свежий, надежный и сопоставимый материал из всех основных диалектных областей русского языка XVII в. Важность этих источников трудно переоценить, т. к. до нашего времени дошли лишь памятники южновеликорусской письменности не ранее второй половины XVI в. Все это чрезвычайно ценно для историков русского языка.

Понятно, что в документах содержится немало сведений и этнографического характера.

Таким образом, этот уникальный комплекс документов важен как для историков — содержанием вводимых в научный оборот материалов, так и для лингвистов — заключенным в нем добротным материалом для исследований в области истории русского языка, а потому публикация его не то что желательна, а необходима.

Примечания

¹ *Заозерский А. И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. Пг., 1917.

² Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. I. М.; Л., 1940; Ч. II. М.; Л., 1945.

³ Ближний боярин кн. Никита Иванович Одоевский и его переписка с галицкой вотчиной (1650–1684). Члена-соревнователя Ю. В. Арсеньева // ЧОИДР. Кн. 2. М., 1903.

⁴ Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым / под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905.

⁵ Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия. М., 1965. С. 54.

⁶ Временник МОИДР. Кн. 21. М., 1855. С. 11; Кн. 9. М., 1851. С. 53.

⁷ Памятники... С. 94.

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Там же. С. 83.

¹⁰ Там же. С. 96.

¹¹ Там же. С. 100.

¹² Там же. С. 88.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ X–XVII ВВ.

П. С. Стефанович

Происхождение «права отъезда» на Руси

Известно, что в средневековой удельной Руси бояре и вообще служилые люди могли оставлять службу одному князю и переходить на службу к другому. Ряд случаев такого рода *переходов*, зафиксированных в источниках, происходящих из Северо-Восточной Руси XIV–XV вв., давно отмечен историками и традиционно интерпретируется как свидетельство обладания боярами так называемым правом *отъезда*. Формально-юридическим выражением этого права считается формула, которая встречается во многих межкняжеских договорах XIV — первой половины XVI в.: «а боярам и слугам межи нас вольным воля».

Отталкиваясь от этой формулы, русские историки XIX в. предложили концепцию «вольной» боярской службы, которая подразумевала, что вплоть до объединения русских земель Москвой служба бояр была «вольной» и «бродячей» (в отличие от тяглой других разрядов населения), а принцип обязательности службы установился только постепенно, вследствие «оседания» дружины — процесса, начавшегося уже в домонгольскую эпоху, — и целенаправленной борьбы московских князей с «правом отъезда». Классический вид эта концепция обрела в трудах В. И. Сергеевича. Согласно его высказываниям, указанный пункт договоров «точно» выражал «старинные свободные отношения бояр к князьям». «Предоставляя свободу боярам и слугам, — писал он, — князья предоставляют им тем самым и право свободного перехода от службы князя на службу другого. Это право обозначается в памятниках словом “отъезд”»¹. Сергеевич не разбирал подробно источники до начала XIV в. и сосредоточил внимание на политике московских князей.

В советской историографии концепция «вольной» боярской службы была в общих чертах воспринята, но связана с идеей о том, что отношения князей и представителей служилой знати строились на вассально-ленных принципах, т. е. договор «вольного» боярина

с князем трактовался как «вассальный» на условиях «лена». С этой точки зрения предпринимались попытки уточнить происхождение и сущность «права отъезда». Так, по мнению М. Б. Свердлова, с феодализацией в XI–XIII вв. «дружинный кодекс чести» становится «детерминирован не морально-этическими нормами “верности”, как в родо-племенном обществе», а материальными интересами; среди новых «феодалных форм отношений князя и вассалов» Свердлов называет и «отъезд как разрыв вассальных отношений»².

Тезис о фундаментальном значении «права отъезда» бояр, так или иначе связанного с их «вольностью», в средневековой Руси стал в отечественной историографии общепринятым. Только С. Б. Веселовский высказал серьезные сомнения в обоснованности этого тезиса (в неоконченной статье, которая была опубликована уже после его смерти). Ссылаясь на наблюдения М. П. Погодина³, Веселовский утверждал, что и в XII–XIII вв. служба дружинников князьям была нередко наследственной, а «уже в XIV в. бояре и слуги вольные князей, как общее правило, служили своим князьям наследственно, а отъезды бояр и слуг были редким исключением». Двор московских князей, исследованию которого Веселовский посвятил многие годы и который он был склонен рассматривать как типичный в основных чертах для удельного времени, представлялся ему «медленно складывающимся и крепким организмом, а отнюдь не случайным сбродом случайных людей». В этом организме «место» и «честь» каждого служилого человека были обусловлены заслугами не столько его личными, сколько его рода, и были, таким образом, результатом наследственной службы ряда поколений. Кроме того, служилых людей, особенно не самых знатных, привязывали к определенному княжеству и землевладельческие интересы. В этих условиях, по мнению Веселовского, «право отъезда» не могло иметь того принципиального значения, которое ему приписывается историками.

«Право отъезда» знали также и другие существенные ограничения. Во-первых, оно действовало только между союзными князьями. «Не только в XIV–XV вв., но и раньше, — писал Веселовский, — отъезд к князю, не связанному с покидаемым князем договором, и тем более отъезд к князю враждебному, находившемуся в “розмирье”, т. е. в состоянии войны, всегда считался изменой и навлекал на отъехавшего боярина самые суровые наказания». Во-вторых, Веселовский представлял отъезд как сложную юридическую процедуру. По его мнению, это был «практический вывод из юридического акта — расторжения дружинником договора о службе князю». На это служилый человек шел только тогда, когда у него были очень веские причины («обида») и он был уверен, что за ним нет никакой «вины». Если князь, согласно неписанному «служебному договору», имел право «в вине» боярина «опалиться» на него, наложить на него свой

«гнев» и «казнить» его по своему усмотрению, то боярин имел право прибегнуть — как к крайнему средству — к отъезду⁴. Таким образом, в изображении Веселовского отъезд предстает исключительной мерой, на которую решались очень немногие и только в крайнем случае.

В недавнее время мысль Веселовского поддержал немецкий исследователь Хартмут Рюсс, который, разбирая зафиксированные в источниках XIV–XV вв. случаи боярских отъездов, подчеркнул их исключительный характер и заявил, что «существование абсолютного права знати на свободный отъезд, совершенно независимого от согласия князя и в отрыве от договоренностей с ним — это давний научный миф»; такого права «никогда в русской истории не существовало». По его мнению, «неограниченной вольности знати противостоял принцип верности по отношению к вождю дружины и князю», который он считает возможным возводить к древнейшему периоду русской истории и даже к эпохе славянского единства⁵.

Существующие в историографии представления о праве отъезда складывались, главным образом, на основе материалов XIV–XV вв. Однако вне зависимости от того, каких взглядов придерживаются историки — признают ли важнейшую роль этого права или оценивают его значение скептически, — они часто ссылаются на «исконность» и «традиционность» либо самого права, либо поддерживающих или опровергающих его принципов отношений правителя и знати (вольность или верность). Между тем специальных исследований об отъездах или переходах бояр и дружинников на материалах домонгольского времени в историографии не предпринималось. Были сделаны лишь некоторые наблюдения о преемственности боярской службы, в результате которых выяснилось, что на Руси в X — начале XIII в. были как случаи наследственной службы боярских родов на протяжении нескольких поколений князьям, представлявшим отдельную ветвь династии Рюриковичей, так и случаи, когда один боярин или представители разных поколений одного боярского рода оказывались на службе у князей разных ветвей⁶. Имеющиеся для домонгольского времени (главным образом, в летописях) упоминания фактов «перемены лояльности» представителями знати, т. е. разрыва отношений между князем и знатным человеком и перехода со службы одного князя на службу другого, были обобщены мною в специальной работе с точки зрения того, насколько они соответствуют позднему «праву отъезда»⁷. Некоторые выводы этого исследования излагаются в данной статье.

Начну с общего соображения, которое применимо к домонгольской эпохе: ситуации, когда в принципе применение «права отъезда» было бы возможно, в условиях «расщепленности» верховной власти должны были возникать регулярно. Практически в течение всего домонгольского периода у любого лично свободного человека была

возможность выбора в адресате службы в пределах Руси. Даже в относительно кратковременный период объединения всей территории расселения восточных славян под властью одного князя (в сущности, вся эта территория была объединена лишь в правление Владимира Святославича в 980(978)–1015 гг.) оставалась возможность уйти служить правителю другого государства. В условиях тесных связей с Византией (где всегда был спрос на наемников), интернациональности службы (о чем свидетельствует наличие среди бояр X–XI вв. многих имен неславянского происхождения) и постоянной борьбы князей-Рюриковичей за волости надо исходить в принципе из свободно-договорного характера отношений князя и членов его дружины. Не стоит также забывать, что правовые нормы той эпохи предусматривали ограничения свободы человека только для лично несвободных лиц или по служебным договорам («рядовичи» и пр.), которые явно не распространялись на сферу дружинных отношений.

С этой точки зрения случаи, когда боярин или представители одного боярского рода оказываются на службе у разных князей, не принадлежащих одной ветви, надо расценивать как вполне естественные. Не менее естественным надо считать и то, что в источниках домонгольского времени не упоминаются термины «отъезд» и «переход»: если сам выбор свободного человека, кому и на каких условиях служить, не ставился под сомнение, то, очевидно, в условиях отсутствия систематического права и преобладания обычной или прецедентной юридической традиции специально фиксировать это право выбора не было необходимости. Осмыслению и формулировке должно было подвергаться не это «естественное право», а *ограничения* этого права — то, что было по-настоящему важно и актуально для той стороны, которой принадлежала политическая инициатива и которая опиралась на идеологическую поддержку книжно-церковной традиции, т. е. для князей, по понятным причинам тяготившихся независимостью служащих им людей.

Неслучайно, что эти ограничения и отражены в источниках — это, прежде всего, представления об измене («лести»), а также о «вине» боярина перед князем, за которую боярин подвергается «гневу» и подвергается «казни». В то же время другие понятия, которые эксплицитно формулируются для описания дружинных отношений в более позднее время — «обида» боярина, «исправа», которую ему должен дать князь, и пр. (см. выше в изложении взглядов Веселовского) — так же, как и «отъезд», отсутствуют в древних памятниках. Учитывая логику средневекового права, в данном случае надо предполагать, что фиксировались не те нормы, которые фактически преобладали, а те, которые стремились целенаправленно поддержать, осознавая, что в реальности они ущемляются или их недостаточно последовательно придерживаются. Если позднее в Северо-Восточной Руси начали

оговаривать традиционные и естественные права бояр, то в домонгольское время акцент делался именно на сдерживании независимости служилых людей, подчиненных князю, и подчеркивались его прерогативы, а не их обязанности перед ним.

Неслучайным кажется, что одно из немногих свидетельств, позволяющих судить о содержании межкняжеских договоров в эпоху до середины XIV в., упоминает как раз не права, а обязанности бояр. «Рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужъ у голову», — говорит Святослав Всеволодич, «Ольгович», обращаясь к Роману Ростиславичу, «Мономашичу» (1176 г.)⁸. На первый взгляд может удивить жесткость нормы — за «вину» княжий «муж» отвечает не чем-то, а своей жизнью. Однако надо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, здесь высказан только общий принцип, и не оговаривается, о какой именно вине идет речь. Во-вторых, «в голову» можно понимать не обязательно как постановление о смертной казни, а как указание на то, что судьба «мужа» просто отдается на рассмотрение князя (ср. позднейшую процедуру «выдачи головой»). Наконец, подразумеваемая возможность самой суровой кары (лишение «головы», т. е. жизни) призвана подчеркнуть именно обязанности «княжого мужа», за нарушение которых он теоретически несет самую строгую ответственность, но которые практически, что очень хорошо было известно и самим князьям, как раз могли соблюдаться далеко не последовательно.

Видимо, бывали случаи, когда угроза «высшей меры» наказания воплощалась в реальных действиях. Например, Ярослав Мудрый расправился с новгородским посадником Константином Добрыничем, а «казню злою» был казнен переяславский боярин Станиславич в 40-е годы XII в. Однако все-таки скорее надо предполагать, что на практике эта угроза была больше своеобразным предупреждением, напоминанием о крепости дружинных отношений на случай, если предстояли испытания этих отношений на прочность. Казнь, видимо, могла применяться только тогда, когда «вина» была очевидна или доказана. Тяжбы и разбирательства, посвященные выяснению, кто перед кем и в чем «повинен», известны в среде Рюриковичей, но нечто подобное следует предполагать и для отношений княжеско-боярских. Во всяком случае, один пример судебного разбирательства между князем и боярином зафиксирован — это публичное «обличение» галицкого боярина Жирослава князем Мстиславом галицким («Удатным») в 1226 г.⁹ «Вина» Жирослава состояла в том, что он подозревал князя в злых умыслах относительно других галицких бояр. Однако очень показательно, что хотя «вина» боярина была доказана, о казни «в голову» речь не зашла — князь лишь «отпустил» Жирослава «от себя», т. е. выгнал со своей службы, и это, очевидно, уже считалось достаточным наказанием.

Наконец, самое главное: как бы ни подчеркивались обязанности знати и ее ответственность, практические обстоятельства и здравый смысл должны были подсказывать князьям более мягкое отношение к своим «мужам». Суровые кары могли привести к раздражению и даже открытому возмущению. Именно за «гордость» и непредсказуемость в отношении к своим приближенным поплатился Андрей Боголюбский. Напротив, готовность к прощению провинившихся (т. е. изменивших в верности) шла на пользу князю, привлекая к нему людей.

Ригоризм и строгость не могли быть ведущими принципами в отношении князей к дружине в условиях, когда князья меняли волости и столы, а их люди могли остаться в волости, где прижились, или когда князьям приходилось, заняв город, принимать бояр ушедшего или умершего князя. Уже во времена после смерти Ярослава Мудрого видно, что дружины князей, по крайней мере, тех из них, кто правил в Киеве, включали не только их собственных бояр, но и бояр их отцов и родственников, и что, в то же время, положение, как князя, так и бояр зависело всегда от довольно сложного и неустойчивого баланса сил. Князь полагался, конечно, в первую очередь, на свою дружину, но не только на нее — он был связан также с самыми разными «приятелями» в местах, где он преследовал какие-то свои интересы или где просто когда-то жил и правил. Даже люди, волею судьбы оказавшиеся, например, после смерти своего князя не в дружине сына-наследника, сохраняли связи и симпатию к последнему.

Таким образом, со стороны князей в отношении к служащей им знати прослеживаются стремление поставить на первый план ее обязанности перед ними и подчеркнуть угрозу наказания, но также и осознание необходимости считаться с некоторой ее самостоятельностью и проявлять гибкость.

Со стороны знати тоже наблюдается некоторая двойственность. Вплоть до монгольского нашествия у знати сохранялся устойчивый интерес вполне материального свойства к княжеской службе. Эта служба приносила доступ к власти и гарантированный доход, что было в целом привлекательнее, чем предприятия на свой страх и риск. В этом смысле очень характерны известные слова князя Изяслава Мстиславича, обращенные к его дружинникам, которые вышли с ним из Киевской земли, захваченной Юрием Долгоруким: «вы есте по мне из Рускы[е] земли вышли, своих сель и своих жизни лишився, а язъ паки своя дедины и отчины не могу перезрети, но любо голову свою сложю, паки ли о(т)чину свою налезу и вашу всю жизнь»¹⁰. Эти слова свидетельствуют о том, что многие уходили с князем, пренебрегая оставшимися в Киевской земле селами и имуществом («жизнью»), и что в условиях вражды князей, когда эти имущества, как видно, конфисковывались, обратное их приобретение

целиком и полностью зависело от верности тому князю, с которым человек связал свою судьбу: недаром «налезание» своей отчины и «всей жизни» бояр связывается Изыславом воедино. От князей, конечно, ожидалось разного рода «честь», «милости» и «жалования» за верную службу. Это привязывало к князю и обеспечивало верность. Неудивительно, что с древнейших времен вплоть до середины XIII в. (начиная от известного воеводы князей Игоря и Святослава Свенельда и воеводой Еремеем Глебовичем, убитым татарами) сохраняется верная служба бояр князьям: есть примеры и переходов бояр из земли в землю с князем, и службы от князя-отца к сыну, или наследственной службы боярского рода одной княжеской ветви.

В то же время параллельно этим интересам у знати должно было проявляться стремление к закреплению где-то в одном месте. Обычно это называют «оседанием дружины», которое связывается с развитием боярского землевладения. Этот термин представляется не слишком удачным, т. к. он подразумевает, что когда-то дружина была «бродячей» и «неоседлой» (выражаясь словами С. М. Соловьева) и только в какой-то момент начала «оседать» (как правило, добавляется: «на землю»). На самом деле, желание иметь свой дом и семью в одном месте, сохранять связи с родным городом или селением и т. д. надо признать вполне естественным для любого нормального человека. Бояре X в., наверняка, точно так же хотели «осесть», как и бояре XII или всякого другого последующего столетия. Другое дело, что сделать это не всегда позволяли разного рода жизненные обстоятельства, прежде всего политические. Сила действия этих обстоятельств была в разные исторические периоды разной, но с тех пор, как князья Рюриковичи обосновались в Киеве, их дружинники никогда не были — и не могли быть — в настоящем смысле слова «неоседлыми».

Для X в. у нас нет данных, чтобы рассуждать об оседлости боярства, но в XI в. преемственность в местонахождении демонстрируют, например, бояре Янь Вышатич и Чудин с сыном Иванкой. В XII в. тоже были примеры, когда бояре предпочитали остаться в городе, не связывая свою судьбу с определенным князем: так поступали киевские Иван Воитишич, Улеб и Лазарь в 1146 г., позднее, возможно, Владислав Лях. Однако характерно, что последний из перечисленных бояр, стремясь в Киев, в итоге лишился свободы, став заложником межкняжеских отношений, логика и ход которых оказались сильнее его желаний. Сложное развитие этих отношений накладывало свой отпечаток на судьбы бояр и боярских родов и раньше — так, на рубеже XI–XII вв. братья Чудин и Туки и их сыновья Иванко и Станислав оказались в дружинах князей, представлявших разные ветви рода Рюриковичей. Разумеется, надо предполагать, что перегруппировки знати при смене князей так или иначе кого-то сдвигали с насиженных мест и вовлекали в перемещения из земли в землю. В этих случаях

преемственность в службе и в местонахождении противоречили друг другу.

Эти противоречия и сложности межкняжеских отношений и были, очевидно, главной причиной нарушений в преемственности родовой службы и перемен лояльности («переходов»). В XI в. фиксируются уже «переходы» при жизни князя, дружину которого боярин покидает, или после смерти князя, но не в согласии с «нормальным» порядком перехода к его наследнику. Однако надо подчеркнуть, что все известные по летописи разрывы были связаны с большими политическими проблемами, и надо предполагать болезненность разрыва и его нежелательность для обеих сторон.

В то же время, с древнейшей поры существовало, видимо, некое представление о нормальном порядке преемственности служебных отношений — от князя-отца к князю-сыну и с сохранением проживания в том же городе (или той же земле). Такой порядок видим уже на примере Свенельда, который после смерти Святослава остался в дружине его старшего сына Ярополка в Киеве. Если преемственность власти и местонахождения совпадали и протекали в мирном ключе, то это был наиболее желательный и спокойный вариант для знати, и в этом случае могла осуществляться передача из поколения в поколение не только места в княжеской дружине, но и определенной должности.

Именно такой «нормальный» порядок удовлетворял обе стороны интересов знати — и крепость месту, и доступ к власти. Не случайно, что в Галицкой земле знать прикладывала значительные усилия — и вплоть до конца XII в. успешно — к поддержанию такого порядка, который обеспечивал преемственность власти и единство земли. Однако стабильность власти и территории на протяжении длительного промежутка времени — это было исключением в домонгольской Руси, и неслучайно, что в первой трети XIII в. и в Галицкой земле эта стабильность нарушается.

В этой картине реальных (если угодно, «классовых») интересов знати «право отъезда» присутствует только где-то на заднем фоне. На практике собственно «отъезды», т. е. добровольный уход боярина в индивидуальном порядке из дружины при жизни князя, должны были быть крайне редким явлением. Такого рода уход был не только не в интересах князя, терявшего опору и инструмент власти, но и не в интересах боярина, который одновременно и терял доступ к власти, и крайне осложнял себе жизнь и деятельность в той земле, где оставался покинутый им князь, а если он уходил в дружину к враждебному князю, то подвергал себя риску «злой казни» за измену (не говоря уже о том, что, безусловно, терял всю собственность, которая конфисковывалась в пользу князя). Случайно ли, что, если не считать естественных перегруппировок знати при смене князей на том

или ином «столе», при перемещении их из земли в землю или после их смерти, о таких «отъездах» источники домонгольского времени и не дают никаких данных?

Нет данных об «отъезде» и как юридической процедуре и обряде, хотя об «отпуске» (т. е. изгнании) бояр из дружины и «лести» (измене) упоминается. Поскольку возможность выбора адресата службы не ставилась никем под вопрос и была принята по «старине» и в силу порядка политической «раздробленности», то о ней не говорилось специально. Естественным и само собой разумеющимся было право свободного «мужа» решать свою судьбу, в том числе определять условия и адресат службы, самостоятельно. Можно называть это вольностью или свободой, но совершенно ошибочно считать это исключительной особенностью боярского статуса. Выражением этого права было, например, и право крестьянского «выхода», которое в четких формах фиксируется приблизительно тогда же, когда отливаётся в формулу княжеских докончаний и боярское право отъезда, т. е. к XIV–XV вв. Дифференциация этого права на «выход» и «отъезд», фиксация и повторение его связаны уже с новыми условиями, в которых проходило объединение Северо-Восточной Руси под властью Москвы, и было бы неправильно проецировать эти условия на более раннее время. Право на «перемену лояльности» было естественным и признавалось «по умолчанию» на протяжении всего Средневековья, но просто позднее на нем был сделан акцент, потому что оно начало осознаваться как некая проблема. Причины тому были разные, но главную роль здесь сыграли усиление княжеской власти и развитие вотчинного, а затем и поместного, землевладения. В домонгольское время «проблемными» осознавались другие вопросы во взаимоотношениях князя и служилой знати — прежде всего, как обеспечить выполнение тех обязанностей, которые лежали на каждой из сторон. Настаивать на праве отъезда как *институте*, служившем фундаментом «вольной» боярской службы, ошибочно. Такая логика ведет в итоге к представлению о «бродячих» дружинах и «вольных» «вассалах», поступающих по договору найма на службу к князьям и блюдущих свое «конституционное» право в любой момент покинуть ее, которое С. Б. Веселовский считал неверным для XIV–XV вв. и которое нельзя признать адекватным и для X–XIII вв.

Примечания

¹ Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. СПб., 1909. С. 373, 375.

² Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 215.

- ³ См.: *Погодин М. П.* О наследственности древних санов (1054–1240) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России / изд. Н. В. Калачов. Кн. I. М., 1850. Отд. I. Особ. С. 77–78, 94–95.
- ⁴ *Веселовский С. Б.* Очерк образования московского боярства // *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 466, 468, 469, 471, 476–477.
- ⁵ *Rüss H.* Herren und Diener: Die soziale und politische Mentalität des russischen Adels. 9.–17. Jahrhundert. Köln; etc. 1994. S. 263, 275, 284–285, 275–276.
- ⁶ См. указанную выше работу М. П. Погодина, а также наблюдения С. М. Соловьева в первых двух томах «Истории России с древнейших времен» (впервые вышедших в свет в 1851–1852 гг.): *Соловьев С. М.* Соч. Кн. I. М., 1988. Ср. также более новую работу: *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI–XIII вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1979. Т. XI.
- ⁷ *Стефанович П. С.* Князь и знать: клятва верности и право отъезда // *Горский А. А. и др.* Древняя Русь: очерки социально-политического строя. М., 2008 (в печати).
- ⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 603–604. Можно размышлять по поводу того, в каком смысле здесь употреблено слово «ряд»: в значении «договор» или в более широком — «порядок, устройство» (ср.: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 22. М., 1997. С. 282–284), но в данном случае важно, что речь идет в принципе о договорной системе норм в среде Рюриковичей.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 747–748.
- ¹⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 409–410.

В. А. Кучкин

К характеристике торговли в Москве в XIV — начале XVI в.

В 1880 г., составляя по поручению Московской городской думы план «историко-археологического и статистического описания города Москвы», известный московский историк И. Е. Забелин включил в него раздел о московском торге. В будущем труде должны были быть отражены: «История и статистика Московского торгового места. Местоположение главного торгового места. Гостиные дворы. Торговые ряды. Торговые места по улицам и площадям города. Мелочный торговый становой и ходячий, разносный»¹. В вышедшей через много лет «Истории города Москвы» И. Е. Забелин такого раздела не написал. Причина, видимо, заключалась в том, что в книге была изложена история московского города, т. е. крепости, Кремля, где торговой площади и торговых рядов не было. Но в отдельном очерке о московском посаде, который при жизни автора опубликован не был и увидел свет лишь сравнительно недавно, историк высказал свои соображения о древней топографии и развитии московского торгового места.

По мысли И. Е. Забелина первоначальный московский торговый поместный рынок там же, где и первоначальный посад — на левом берегу р. Москвы, на подоле Кремлевского холма, «где церковь Константина и

Елены»², т. е. в районе современного Васильевского спуска. «От берега реки, — продолжал далее И. Е. Забелин, — поселки этого древнего посада, вместе с тем, первого *торга* Москвы подвигались мало-помалу и в гору, на высоту теперешней улицы Варварки и дальше, к Ильинке. Когда распространение города Кремля с этой торговой стороны закончилось каменной стеною в 1367 г., то и посадский торг стал приобретать ту устойчивость в своем расположении, какую он сохранял и в последующее время. Торговые ж места и раньше XIV столетия должны были распределяться улицами, рядами, направляясь не вдоль берега, а, главным образом, от берега в гору, потому что истоком для их устройства служило все-таки речное *пристанище* как основа самого *торга*. Вместе с тем эти ряды направлялись по линии самих стен Кремля, дабы приблизиться к его воротам, из которых проходили древние дороги из Москвы в другие города»³. Картина развития торговых мест в Москве, нарисованная И. Е. Забелиным, кажется довольно естественной. Во-первых, в самом Кремле, т. е. в крепости, никаких следов торгова археологами до сих пор не обнаружено. Молчат об этом и письменные источники. Следовательно, торг находился за пределами кремлевских стен. Во-вторых, он не мог располагаться далеко от крепости. Обитатели Кремля были самыми богатыми, самыми состоятельными покупателями, и естественно думать, что торг был расположен в удобном для них месте. Поэтому мысль И. Е. Забелина, помещавшего древнейший московский торг на берегу р. Москвы под стенами раннего деревянного Кремля, выглядит как будто логичной. Впрочем, следует заметить, что сам маститый москвовед исходил при этом из других посылок. Он, как видно по приведенной цитате из его труда, считал, что торг непосредственно связывался только с посадом, где жило ремесленное и торговое население. Именно такое население должно было производить предметы повседневного обихода, которые находили постоянный спрос, а потому и предлагались в разных торговых местах Москвы. Добраться же до таких мест проще было по реке. Отсюда и изображенная И. Е. Забелиным картина появления первого московского торгова у речного «пристанища» и дальнейшего его развития «в гору», более навеянная московской торговой топографией XIX в., чем свидетельствами раннего времени. К сожалению, таких древних сведений, подтверждающих утверждения И. Е. Забелина, обнаружить не удастся.

Неверно и представление ученого о тесной связи первоначально московского торгова с речным пристанищем. Последнее — не плод теоретических воображений историка, а вполне достоверная историческая реальность. Такое пристанище впервые фиксируется завещанием Елены Ольгердовны, вдовы серпуховского князя Владимира Андреевича, составленном в 1433 г. В завещании говорилось, что княгиня Елена, ставшая монахиней Евпраксией, пожертвовала московскому

монастырю Рождества богородицы, где должна была быть погребена, «мельницу на оусть Яюзы, да туто жо на пристанищы место Доронькино холопье, да одрины, что мя бла(го)словил князь(ь) мой»⁴. Выясняется, что речь в документе XV в. идет о мельнице, построенной не позднее начала XV столетия при впадении Яюзы в Москву-реку⁵. Вместе с мельницей Рождественскому монастырю передавались и относившиеся к ней места и строения: пристанище, куда, надо полагать, привозили зерно для помола и откуда увозили муку; участок земли, где жил холоп вдовой княгини Доронька (Дорофей), видимо, мельник на яузской мельнице; наконец, одрины — хозяйственные постройки типа сараев, где, скорее всего, хранились запасы зерна и муки⁶. Таким образом, упомянутое в завещании 1433 г. Елены — Евпраксии пристанище располагалось у р. Яюзы, а не у р. Москвы, и было не судоходной пристанью, как, судя по контексту его работы, казалось И. Е. Забелину, а частью устройства водяной мельницы. Поэтому бытование яузского мельничного пристанища в первой трети XV в. не может служить аргументом в пользу раннего существования (до 1367 г.) московского торгового центра на москворецком подножии Кремлевского холма, о чем писал исследователь прошлого Москвы. При принятии мнения И. Е. Забелина возникает еще одно недоумение. Расстояние между пристанищем XV в. и указанным И. Е. Забелиным местом древнейшего московского торгового центра составляет 1,25 км. Зачем надо было устраивать торг в таком отдалении от пристани, куда, по мысли Забелина, подходили речные суда с товарами? Очевидно, утверждения известного московского историка о торговле в Москве и московском торговом центре нуждаются в пересмотре.

Летописи и актовый материал XIV — начала XVI в. очень редко говорят о московской торговле и месте этой торговли. Ранние, хотя и косвенные, сведения о московской торговле сохранились, а о топографии городской торговли, ее организации, ассортименте и цене товаров, других сопутствующих торговле явлениях — нет. В завещаниях Ивана Калиты 1336 и 1339 гг. в статьях 9 и 10 были прописаны положения, из которых можно извлечь данные о торговле в Москве, причем уже развитой: «А из городскихъ волости даю княгини своѣи осмничеѣ»; «А тамгою и иными волостми городскими поделаться с(ы)н(о)ве мои»⁷. Из этих свидетельств душевных грамот Ивана Калиты в первую очередь делается очевидным, что в Москве по меньшей мере в 30-е годы XIV в. существовали некие городские волости. В свое время А. Е. Пресняков полагал, что таким термином обозначались городские доходы⁸. Такое мнение справедливо, но неопределенно. Ведь к городским доходам можно относить судебные штрафы, выплаты за нарушения княжеских распоряжений-заповедей, налог на чеканку серебряной монеты и т. п. Привлечение других источников позволяет конкретизировать мысль А. Е. Преснякова. В душев-

ных грамотах преемников Ивана Калиты «городские волости» уже не упоминаются, но есть ссылки на предсмертные распоряжения Калиты, отраженные в статьях 9 и 10 его завещаний, которые позволяют уточнить, что понималось под «городскими волостями». В душевных грамотах Ивана Ивановича Красного, составленных в 1359 г., в статье 11 были указаны владения его мачехи, второй жены отца великой княгини Ульяны: «А княгини Оульана, по о(т)ца м[оего, князя] великого, грамоте по д(у)ш(е)вной, ведаеть волости, и осмниче, и сел(а) до св[оего живота]»⁹. Выясняется, что в конце 50-х годов XIV в. за Ульяной сохранялись ее земельные владения (волости и села), перечисленные в завещаниях Ивана Калиты, а также право на получение осмнического, зафиксированное в статье 9 этих завещаний. Осмничее в душевных грамотах Ивана Ивановича прямо не причислялось к «городским волостям», но зато явно не смешивалось с сельскими территориально-административными волостями.

Положения статьи 10 душевных грамот Ивана Калиты отразились в статье 3 завещания 1353 г. его старшего сына Симеона: «А в городе на Москве жере[беи] мои тамги»¹⁰. Тамга здесь не соотносилась с «иными волостями городскими», как в завещаниях 1336 и 1339 гг., но при этом ясно указывалось, что она собиралась в городе Москве. В статье 2 завещаний брата Симеона Ивана Ивановича также упоминалась тамга: «А брат(а)ничу моему, княз(ю) Володимеру, на Москве в наместничтве треть, в тамзе, в мытехъ, и в пошлинах городских треть, что к город(у) потягло»¹¹. Благодаря этому свидетельству выясняется, что тамга находилась в тесной связи с мытом и городскими пошлинами, собиравшимися в Москве. Это дает основание в мыте и городских пошлинах видеть «иные волости городские», упомянутые в статье 10 душевных грамот Ивана Калиты. Обобщая приведенные данные, можно заключить, что к «городским волостям», бесспорно, относились собираемые в Москве тамга, осмничее и мыт. Все эти налоги принадлежали к числу торговых. Тамга взималась с продавца за реализацию товара. Осмничее — с покупателя за покупку товара. Мыт представлял собой проездную пошлину с торговца, доставлявшего товар с места производства, или приобретения, до места продажи¹². Сбор в Москве перечисленных налогов ясно свидетельствует о существовании в Москве развитой торговли. Мало того, если такие налоги считались «городскими волостями», т. е. были во власти, владении города, это означает, что их взимание осуществлялось исключительно на городской территории. А это указывает на то, что княжеская власть еще в достаточно ранний период существования Московского княжества разрешала торговлю только в столице. В сельских поселениях, административно подчинявшихся Москве, такая торговля запрещалась, а потому там не собирались ни тамга, ни осмничее.

Мыт и тамга взимались с людей, занимавшихся продажей товаров. Такие люди — профессиональные торговцы — образовывали особую часть населения Москвы. По меньшей мере в XIV в. из этой купеческой части выделяются лица, связанные с международной торговлей. Они делились на две группы. Одна из них, торговавшая с Золотой Ордой, генуэзскими и венецианскими колониями в Крыму и на Азовском море, называлась сурожанами. Название происходило от города Сурож. Так в средневековье назывался город Судак в Крыму. Другая группа торговала со Смоленским княжеством, Литвой, Новгородом и называлась суконниками, поскольку основным видом товара, который ввозился в Москву через Смоленск, Новгород и города Литовского государства, было изготавливавшееся в Западной Европе, главным образом во Фландрии, сукно.

Впервые сурожане упоминаются в Москве в 1356 г. Долгое время ученые пользовались известием Никоновской летописи, составленной в конце 20-х годов XVI в., где говорилось, что в Москву приходил «изо Орды Ирынчей и съ нимъ гости сурожане»¹³. Из этого сообщения можно заключить, что существовала определенная категория купцов — сурожане, приехавшие с ордынским послом в Москву. Но были ли эти сурожане иноземными купцами, сопровождавшими посла, или русскими купцами, вернувшимися в Москву, воспользовавшись преимуществами безопасного пути с представителем ордынского хана, этого выяснить по Никоновской летописи нельзя. Когда в 1922 г. был издан значительно более древний, чем Никоновская летопись, Рогожский летописец, обнаружилось, что там тоже имеется известие об Ирынчее, но оно носит иной характер: «А на Москву приходиль посоль силенъ изъ Орды Ирынъчей на Соурожане»¹⁴. Оказывается, Ирынчей приезжал в Москву не с сурожанами (это интерпретация редактора поздней Никоновской летописи), а на сурожан. Сурожане, следовательно, жили в Москве. Приход на них «сильного», т. е. сопровождаемого крупным военным отрядом ханского посла был вызван, очевидно, какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Или сурожане не заплатили ордынским купцам долги, или в ссоре убили в Орде кого-то, а сами спешно уехали домой. Подобное встречалось в практике купцов разных стран, в частности новгородских и ганзейских торговцев, что фиксировалось в соответствующих актах.

Относительно московских сурожан аналогичных документов раннего времени не сохранилось, поэтому приходится лишь предполагать причины приезда Ирынчя. Однако главное заключается в том, что летописное известие 1356 г. Рогожского летописца прямо указывает на существование тогда в Москве определенной купеческой прослойки — сурожан. Эта прослойка в официальных документах называлась гостями¹⁵ и, по-видимому, занимала высшее место среди московского купечества.

Другая купеческая группа — суконники. Они впервые упоминаются в Москве несколько позже — в 1382 г. По свидетельству Софийской I летописи старшего извода в названном году, во время осады Москвы ордынским ханом Тохтамышем среди осажденных москвичей оказался «един гражанин некто москвитинъ суконникъ именемъ Адамъ, иже бе надъ враты Фроловскими, и приметивъ единого татарина нарочита и славна, еже бе с(ы)нъ некоторого кн(я)зя ордынского, и напя самострель, и испусти напрасно на него стрелу, и ею же уязви его въ с(е)рдце его гневливое, и въскоре см(е)рть ему нанесе»¹⁶. Суконник Адам был жителем Москвы. Летописный рассказ о взятии Москвы Тохтамышем в 1382 г. знает суконников и иных торговцев из других мест, пытавшихся найти спасение в московском Кремле («от стран бояре и сорожане, и суконниковъ, и прочии купцы»¹⁷), и таких же людей-москвичей («и паки другия суще въ граде, сурожане и суконники и купци, их же суть храмы исполнены б(о)г(ат)ства и всякаго тавару, и та вся расхитиша (татары после взятия Москвы. — *В. К.*)»¹⁸). Из приведенных свидетельств становится очевидным, что суконники, упоминаемые после сурожан, составляли вторую по социальной значимости организацию московских торговцев. И сурожане, и суконники были состоятельны. Их хоромы в Москве были наполнены дорогими вещами и товарами. Характерно, что именно эти две прослойки московского купечества, занимавшиеся внешней торговлей, представляли собой определенные организации. Купцы, торговавшие на внутреннем рынке, своей организации не имели¹⁹. Для летописца, например, это были некие «прочии купцы». Очевидно, московская торговля развивалась первоначально как торговля внешняя, удовлетворяя потребности, прежде всего, состоятельного правящего класса.

За недостатком данных сложно судить о деталях построения организаций сурожан и суконников в ранний период их существования. Летописное известие 1479 г. упоминает в Москве церковь Иоанна Златоуста, которая была «изначала церковь гости московских строение»²⁰. Сколь древним было это «изначала» для 1479 г. — приходится только гадать. Но впервые церковь Иоанна Златоуста упоминается в 1412 г.²¹ Стояла она в современном Златоустовском переулке за Лубянской площадью. Существовала ли эта церковь в XIV в., можно решить после будущих археологических раскопок на ее месте. Но в XV в. церковь Иоанна Златоуста была, очевидно, патрональным храмом гостей, т. е., скорее всего, сурожан. Характерна одна из статей соглашения Дмитрия Донского со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, заключенного 25 марта 1389 г.: «А гости, и суконьниковъ, и городьскихъ людии блюсти ны с одиного, а въ службу ихъ не примати»²². Суконники в ней упомянуты, а сурожане — нет.

И причина такого неупоминания заключается в том, что сурожане в этом княжеском договоре названы другим термином — гости.

Дальнейшее развитие московской торговли фиксирует душевная грамота 1410 г. серпуховского князя Владимира Андреевича. Своей жене он завещал «свою трет(ь) тамги московские и восьмее, и гостиное, и весчее, и пудовое, и пересуд, и серебряное литье, и все пошлины московские»²³. Здесь упомянуты новые торговые пошлины, входившие в число московских: гостиное (сбор с приезжих купцов-гостей за постой, вероятно, на специальных гостиных дворах или дворе в Москве, прямо называемых в начале XVI в.²⁴), весчее и пудовое (оплата за взвешивание малых и крупных товаров). Это означает, что в Москве к началу XV в. расширился состав торговцев, увеличилось число приезжих гостей-купцов, ассортимент продаваемых товаров стал разнообразнее. Однако, где именно в Москве собирали торговые пошлины и где производился сам торг, завещание Владимира Андреевича не сообщает.

Первое упоминание торга в Москве относится к 30-м годам XV в. Статья 4 «Московской записи о душегубстве»²⁵ предусматривала получение выplat большому московскому наместнику великого князя и двум наместникам-третникам удельных князей в случае нарушения заповедей: «А оу заповеди, то оу торгу кличить, наместнику болшему с двема третник(и) по третем же...»²⁶ Речь идет о нарушении правил торговли, которые устанавливались княжеской властью²⁷ и объявлялись во всеуслышание на московском торге. С нарушителей взимался штраф, который делился поровну между представителями князей — совладельцев Москвы, вне зависимости от того, какой долей города владел великий князь, а какой — два его удельных родича. К сожалению, «Московская запись о душегубстве» не содержит данных, которые позволили бы определить конкретное местонахождение московского торга.

Такие данные появляются в последней четверти XV в. и содержатся они в путевых записках иностранца. Посланный к персидскому шаху Узун Хасану венецианский посол Амброджо Контарини возвращался на родину кружным путем через русские земли. На Москве Контарини пробыл с 26 сентября 1476 г. по 21 января 1477 г.²⁸ Его рассказ о столице — это описание того, что он сам увидел или услышал от живших в городе людей. Сообщения Контарини о торговле в Москве носят относительно подробный, но главное — уникальный характер. Их следует привести полностью. Оценивая общее хозяйственное состояние Московской земли, Контарини писал: «Край чрезвычайно богат всякими хлебными злаками. Когда я там жил, можно было получить более десяти наших стайев пшеницы за один дукат, а также, соответственно, и другого зерна.

[Русские] продают огромное количество коровьего и свиного мяса; думаю, что за один маркет его можно получить более трех фунтов. Сотню кур отдают за дукат; за эту же цену — сорок уток, а гуси стоят по три маркета за каждого.

Продают очень много зайцев, но другой дичи мало. Я полагаю, что [русские] не умеют ее ловить. Торгуют также разными видами дикой птицы в большом количестве.

Вина в этих местах не делают. Нет также никаких плодов, бывают лишь огурцы, лесные орехи, дикие яблоки...

В конце октября река, протекающая через город, вся замерзает; на ней строят лавки для разных товаров, и там происходят все базары, а в городе тогда почти ничего не продается. Так делается потому, что место это считается менее холодным, чем всякое другое: оно окружено городом со стороны обоих берегов и защищено от ветра.

Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров. В течение всей зимы эти товары не иссякают.

К концу ноября обладатели коров и свиней бьют их и везут на продажу в город. Так цельными тушами их время от времени доставляют для сбыта на городской рынок, и чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки. Таким образом, люди могут есть мясо более чем три месяца подряд. То же самое делают с рыбой, с курами и другим продовольствием...

В город в течение всей зимы собирается множество купцов, как из Германии, так и из Польши. Они покупают исключительно меха — соболей, лисиц, горностаев, белок и иногда рысей. И хотя эти меха добываются за много дней пути от города Московии, больше в областях на северо-востоке, на севере и даже, быть может, на северо-западе, однако все съезжаются в это место, и купцы покупают меха именно здесь»²⁹.

Если оценивать операции на московском торге, отмеченные Контарини, не особенно вдумываясь в особенности его описания, то может возникнуть впечатление, что в Москве в 70-х годах XV в. торговля велась почти исключительно сельскохозяйственными продуктами. Однако такое заключение будет поспешным. Сам Контарини ранее в своих записках отмечал, что в Москву из Астрахани ежегодно идут татарские караваны «и везут с собой шелковые изделия из Иезда и боккасины (тонкие ткани из льна. — В. К.), чтобы обменять их на меха, седла, уздечки и всякие другие нужные им вещи»³⁰. Но о вещах на московском торге он ничего не написал. Венецианец признавался, что при въезде в земли русских «мы едва двигались и дошли до крайнего состояния, так что с трудом держались на лошадях»³¹. Изнуряющее из-за недоедания полуторамесячное путешествие от Астра-

хани до Москвы не прошло бесследно для Контарини. На товары московского торгова он смотрел глазами голодного человека и видел там преимущественно то, что можно было употребить в пищу, что было необходимо для удовлетворения ежедневных потребностей.

Прежде всего его внимание привлекло зерно, именно пшеница, распространенная в Италии, но не очень популярная на Руси, уступавшая здесь первенство ржи и овсу. Далее венецианца поразило количество и разнообразие мяса на московском рынке. Он сообщает о продаже в Москве говядины и свинины, кроме того домашней птицы: кур, уток и гусей, затем мяса диких зверей (зайцев) и птиц, причем самых разных. При этом он почему-то умалчивает о продаже баранины, хотя овцеводство в Москве, московских станах и волостях было распространено и из баранины делали деликатесы³². Упоминает Контарини и рыбу, но, по сути дела, свежемороженную. Далее он говорит об овощах (огурцах) и плодах (лесных орехах и яблоках). Сообщает он о торговле в Москве дровами и сеном, видимо, потому, что ему в осеннее-зимнее время приходилось покупать и дрова для отопления дома, в котором он жил где-то в Замоскворечье, и сено для прокорма лошадей.

Контарини приводит цены на некоторые товары на московском рынке. За 1 маркет, или марчелло, серебряную венецианскую монету весом в 3,26 г можно было купить 3 фунта мяса. Если по свидетельству современника Контарини Иосафата Барбаро очень большой татарский баран весил 12 фунтов³³, то на московском торге за 1 маркет можно было приобрести, по меньшей мере, четверть бараньей туши. Но тушка гуся ценилась дороже. Она стоила 3 маркета. На 1 дукат, венецианскую золотую монету весом в 3,5 г можно было купить примерно 20 кг зерна³⁴. Столько же стоили 100 кур или 40 уток. Цены на съестные припасы на московском внутреннем рынке, указанные Контарини и оцененные им как низкие, еще предстоит тщательно изучать и кропотливо сопоставлять с ценами на другие товары и в разных городах Руси и сопредельных стран. Но, похоже, что они выше цен, приводимых иногда русскими источниками. Так, в 1502 г. рузский князь Иван Борисович зафиксировал сезонные стоимости кур в подмосковной Рузе: «в осенинах двое куров денга, а весне куря по денге»³⁵. Исходя из этих данных можно полагать, что обычной ценой 100 кур на московском рынке осенью была цена в 50 денег. 1 московская серебряная денга в 60–70-е годы XV в. весила 0,37–0,40 г³⁶. Следовательно, русский покупатель 100 кур тратил на них примерно 20 г серебра, а иностранный — 3,5 г золота. Соотношение золота и серебра составит в данном случае 1:5,7. Такое соотношение было низким. Золото было значительно ценнее. Например, в домонгольской Руси цена золота в 12 раз превышала цену серебра³⁷. Очевидно, продавцы кур на московском торге в 1476 г. пытались «уступить» ино-

странцу товар за более чем двойную цену. И, тем не менее, Контарини был прав, говоря о дешевизне московских продуктов. Он знал, что при перевозке морем раба из Таны (Азова) в Константинополь на его пропитание полагался 1 дукат³⁸. Путь из Таны в Константинополь на корабле занимал 4 недели³⁹. Если бы раб во время плавания питался курами, купленными в Москве на 1 дукат, он должен был съесть ежедневно 3,5 курицы и, пожалуй, мог не доплыть до Константинополя, скончавшись от переедания. Несомненно, что в Причерноморье продукты питания стоили дороже.

Весьма ценны указания Контарини на места в Москве, где шла торговля. Оказывается, с конца октября, когда в XV в. наступали холода, она развертывалась на покрывавшейся льдом Москва-реке. Участок реки, где ставились лавки, в которых продавался разный товар, Контарини определяет, как место, окруженное «городом со стороны обоих берегов». Речь, скорее всего, идет о той части реки, что непосредственно омывала Кремль. Именно здесь стояли основные мосты, связывавшие оба берега р. Москвы, и с этих мостов Контарини было удобнее всего разглядывать панораму рынка, следить за строительством лавок, привозом коровьих и свиных туш для продажи, конскими бегами и подобными им увеселениями. Любопытно при этом, что он не отмечает наличия постоянных торговых лавок под стенами Кремля со стороны реки, о чем писал И. Е. Забелин, хотя подчеркивает, что с организацией зимней торговли на льду «в городе тогда почти ничего не продается», указывая на существование и других торговых точек в Москве, причем в городе, а не в Кремле, который он называет замком. Примерно через два с половиной года после отъезда из Москвы Амброджо Контарини, в ночь с 9 на 10 сентября 1479 г. в Москве вспыхнул большой пожар, который подробно описал летописец. «Бяху бо поварни за градом подъ стеною градною, — рассказывал он о начале пожара, — и загореся, глаголеть, поварни те, и от того кровля градная загореся, та же и хоромы, иже в граде, а людем всем спящимъ, и начаша из Заречья кричати: “град горить”. А въ граде не видал нихто»⁴⁰. Выясняется, что пожар начался с поварен, а первыми его увидели жители правобережья р. Москвы — Заречья. Следовательно, поварни примыкали снаружи к кремлевским стенам, спускавшимся к р. Москве. Вынос поварен, как и других производств, опасных в пожарном отношении, за стены крепостей практиковался на Руси с давних времен. Так поступали и в более позднее время. В 1503 г. Иван III, например, из-за частых пожаров в Новгороде Великом «выслаша за городъ хлебниковъ и колачниковъ и кузнецовъ жити на поле»⁴¹. В московском случае поварни были вынесены на берег реки. Никаких торговых лавок в этом месте летописец, как и Контарини, не отмечает. Очевидно, основной московский торг располагался в ином месте.

На это намекает и сообщение Контарини о международной торговле в Москве. По его словам, зимой сюда съезжались польские и немецкие купцы, чтобы приобрести для перепродажи дорогие меха. На первом месте назывались, конечно, соболя. Но где в Москве происходила торговля мехом, Контарини не говорит. Можно только думать, что не на льду Москва-реки.

Скупые летописные известия конца XV — первой четверти XVI в. позволяют указать место московского постоянного торгового места. В 1493 г. в Москве случился три пожара. Пожар в воскресный день 28 июля оказался самым грандиозным. Он опустошил многие районы города. Пострадал и торг. В летописных сводах 1493 и 1495 гг. сохранились подробные описания этого пожара, составленные очевидцами. По словам сводчика 1493 г., «из города торгъ загореся, и оттоле посад выгоре возле Москву до Зачатья на Востром концы и по Васильевъской луг, и по Все святые на Кулишки, и Стретенская улица вся выгоре до Въсполья, и церковь каменная Стретение огоре»⁴². Из приведенного описания следует, что пожар с торгового места перекинулся на посад, близкий Москве-реке, затронув здесь церковь Зачатия Анны на Остром конце, расположенном близко к Кремлю, а затем стал распространяться в восточном направлении вдоль Васильевского луга и до церкви Всех святых на Кулишках. Другим объектом пожара стала Стретенка на всем своем протяжении до незаселенного поля (всполья) и даже каменная Стретенская церковь. Поскольку начало пожару на Стретенской улице положил пожар на торговом месте, делается очевидным, что торг находился в месте, которое граничило с городскими дворами, расположенными по Стретенской улице, а кроме того с дворами, стоявшими в относительной близости от Москвы-реки. Другие летописные свидетельства о московском торговом месте позволяют уточнить его топографию.

В летописном своде 1509 г. (списке Царского Софийской I летописи) отмечен майский пожар 1508 г. в Москве, когда «загореся на Болшом посаде от Панского двора, и Торгъ выгорел, и до Неглины по Пушечные избы и мало не до Устретения»⁴³. Из этого сообщения можно заключить, что торг был связан с Панским двором, находился недалеко от течения р. Неглины и Пушечного двора, а также от упоминавшейся при описании пожара 1493 г. Стретенской улицы и церкви Стретения. Под 1514 г. составитель Уваровской летописи (свода 1518 г.) сообщил, что весной великий князь Василий III решил поручить миланскому архитектору Алевизу Фрязину (Алоизо Коркано) построить несколько церквей. Среди них названа «на Болшом посаде за торгом церковь Введение святыа богородица»⁴⁴. В несколько более позднем Владимирском летописце (своде 1523 г.) сообщается, что 2 июня 1516 г. «князь великий Василии Иванович заложил церковь камену Введенье святыа богородица за Панским двором»⁴⁵. Из при-

веденных определений места основания Введенской церкви вытекает, что Панский двор находился на территории торгового двора. Расположение этого двора известно. От него получил свое название сохранившийся до нашего времени Старопанский переулок, находящийся близ станции метро «Лубянка», к югу от нее. Что касается торгового двора, то еще в начале XVI в. он не достигал Ильинской улицы. Ильинскую церковь Климентий Мужилов закладывал в 1519 г. «за Торгом»⁴⁶. Несколько ранее, в 1514 г., гость Василий Бобр с братьями Федором Вепрем и Юшкою Урвихвостовым поставил «церковь кирпичную Варвару святую»⁴⁷. Церковь дала название Варварской улице. Во Владимирском летописце поясняется, что новая церковь была построена «против Панского двора»⁴⁸. От Варварской улицы до Старопанского переулка по прямой около 400 м. Говорить о том, что новопостроенная церковь была «против» Панского двора, можно было только в том случае, если между церковью и двором лежало пустое пространство, а оба строения были достаточно высокими, чтобы с одного из них видеть другое. По-видимому, Панский двор, был поставлен на краю торгового двора, а потому хорошо просматривался со стороны Москва-реки. В таком случае достаточно четко определяется юго-восточная граница торгового двора. Северо-западная граница подходила, как уже говорилось, к р. Неглиму и к началу Стретенской улицы. На юге торговый двор должен был ограничиваться посадскими дворами, примыкавшими к напольной стороне Кремлевской крепости. На севере за торговым двором лежало пространство, позднее называвшееся Лубянской площадью. Это единственное большое по площади место в Москве, которое не подвергалось сплошной застройке ни в давнем прошлом, ни в недавнем. Свое название Лубянская площадь получила от «луба» — внутренней части древесной коры. Из луба плели лукошки, делали большие и прочные корзины, луб находил применение при строительстве⁴⁹. Но для демонстрации лубяных изделий не нужно было больших площадей. Суть, видимо, заключалась в том, что на Лубянке продавались строительные материалы, от лубов до срубов. Посол императора Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга Сигизмунд Герберштейн, побывавший в Москве в 1517 и 1526 гг., отмечал, что в Можайске «грузят на плоты и доставляют в город Москву материал для постройки домов и других потребностей»⁵⁰. Лубянская площадь связывалась с р. Москвой прямой и короткой дорогой. Возможно, именно она называлась Большой улицей. Если на Лубянке существовал рынок строительных материалов, то это объясняет, где кончались пределы основного московского торгового двора и что мешало развиваться ему на север.

Обрисованная топография московского торгового двора, как она определяется на основании древнейших сохранившихся письменных свидетельств, в корне противоречит тому, что писал о месте торгового двора в Москве И. Е. Забелин. Торговый двор располагался не на берегу р. Москвы, а с наполь-

ной стороны кремлевских укреплений. В 60-е годы XVI в. этот торг, оказавшийся в северной части построенного в 1535–1538 гг. Китай-города⁵¹, признавался самым крупным в городе. В Степенной книге при описании события 1536 г. отмечено, что церковь Варвары стояла «у Великаго Торгу у Паньскаго двора»⁵². Расширение и развитие торга шло не от р. Москвы в гору, к Варварке и Ильинке, а далее по основным московским дорогам-улицам, как казалось маститому московскому историку, а наоборот, с удаленных от воды мест к главной реке города. Из Москвы и в Москву в средние века гораздо чаще ездили, чем приплывали. Сигизмунд Герберштейн обращал особое внимание на большие трудности плавания по р. Москве⁵³. Развитие в Москве речного судоходства приходится на более позднее время.

Сообщая о международной торговле в Москве дорогими мехами, Контарини не указал, где она происходила. Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московии», говоря о русских мехах и особенностях их оценки и продажи, описал одно торговое место в Москве: «Недалеко от крепости есть большой обнесенный стенами дом, называемый двором господ [купцов], в котором купцы живут [и хранят свои товары]», где происходит и торговля⁵⁴. А. Л. Хорошкевич, комментируя данное известие Герберштейна, сначала считала, что «русским источникам этот факт неизвестен»⁵⁵, но затем скорректировала свое мнение, указав, что в Москве было два гостиных двора: один между Ильинской и Варварской улицами, а другой, более старый Панский двор, между Ильинской и Никольской улицами. О каком из них писал Герберштейн, А. С. Хорошкевич не установила⁵⁶. Между тем свидетельство Контарини об активной роли польских купцов на московском меховом рынке, название двора Панским (от польского *pań* — господин, что точно перевел Герберштейн), частые указания в русских источниках конца XV — первой трети XVI в. при упоминаниях московского торга на Панский двор говорят о том, что Герберштейн описал именно Панский двор («двор господ») и что этот двор, скорее всего, существовал уже во времена Контарини.

Замечание последнего, что зимой «в городе тогда почти ничего не продается», намекает на существование и других торговых точек в Москве. Намек оправдывается, но для этого приходится прибегать к более поздним данным. Так, в отводной грамоте, данной в 1503 г. Иваном III своему второму сыну Юрию на село Сущево, описываются границы этого села и участок «через ту Юрьевскую улицу тем же Р(о)-ж(е)ственским переулком до лавок до хлебных, что стоят на той улице, что идет улица *wt* города, мимо Василии с(вя)тыи на Могилицах, к лавкам къ хлебным...»⁵⁷. Речь идет о границах за Высокопетровским монастырем, пересекавших Петровку, Дмитровку и доходивших до Тверской. Здесь, в значительном отдалении от основного московско-

го торгога, стояли хлебные лавки, в которых, судя по душевной грамоте (завещании) Ивана III 1503 г., торговали съестными припасами⁵⁸.

Распоряжения Ивана III относительно торговли в Москве, зафиксированные в его душевной грамоте, резко усилили контроль над нею великокняжеской власти. Согласно этому документу, наследнику Ивана III, его старшему сыну Василию, переходили все права на организацию торговли и на сбор торговых налогов, которыми обладал сам Иван III. В завещании указывалось, что родные братья Василия Юрий, Дмитрий, Семен и Андрей в полученных ими от отца подмосковных селах и городских дворах «*торгов не дрѣжат, ни жытом не велят* торговати, ни лавок не ставят, ни гости с товаром иноземцов и из Московские земли, и из своих уделов въ своих дворех не велят ставити»⁵⁹. Такие прерогативы были оставлены только за будущим великим князем Василием III. Братьям Василия было запрещено оспаривать в дальнейшем это решение Ивана III. Они имели право только предоставлять земельные участки, принадлежавшие им в Москве и под Москвой, под торговые лавки, но с непременным соблюдением двух условий: в лавках могли торговать только съестным, а полавочную пошлину мог собирать только великокняжеский приказчик. Тамга, лавочные деньги, другие торговые налоги и московские пошлины поступали теперь в распоряжение одного великого князя. Удельные князья никакого участия в распределении этих доходов уже не принимали. Взамен их великий князь выплачивал ежегодно каждому из своих братьев по 100 рублей⁶⁰. Эти нормы резко отличались от равного деления штрафов-заповедей между московскими князьями в малолетство Василия Темного, что было отмечено «Московской записью о душегубстве». Существенно отличались они и от установлений самого Василия Темного, который в своем завещании 1461–1462 г. передавал право на сбор одной трети московской тамги своему старшему сыну — преемнику на великокняжеском столе Ивану III, а две трети — своим младшим четырем сыновьям, по одной шестой каждому⁶¹. В итоге получалось, что великий князь собирал тамги в два раза больше, чем любой удельный князь, но вместе удельные князья получали тамги в два раза больше, чем великий князь. Завещание Ивана III положило конец такой практике. Согласно этому документу великий князь становился и единственным обладателем права чеканки монеты. Удельные князья этой регалии лишались. Не могли они и отдавать выпуск монеты на откуп. Право на это имел только великий князь⁶². В целом, проведенная Иваном III реформа торговли и денежного обращения в Москве унифицировала то и другое, покончив со средневековыми локальными нормами, с их взаимными сложностями и противоречиями. В то же время передачей торговли и денежной эмиссии под контроль одного верховного правителя ре-

форма затормозила формирование свободных торговых отношений, отдав их развитие на усмотрение великокняжеской власти.

Примечания

- ¹ *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1905. С. XIV.
- ² *Он же.* История города Москвы: Неизданные труды. М., 2004. С. 261.
- ³ Там же. С. 261–262.
- ⁴ ДДГ. № 28. С. 72.
- ⁵ Впервые эта мельница упоминается в завещании князя Владимира Серпуховского, составленном около 1410 г.: «да мельница кн(я)г(и)ни моеи на усть аузы». См.: ДДГ. № 17. С. 48.
- ⁶ Составитель ДДГ Л. В. Черепнин принял слово «одрины» за название местности. См.: ДДГ. С. 547.
- ⁷ Цитируется последняя душевная грамота Ивана Калиты 1339 г., положения которой должны были вступить в силу после смерти завещателя. См.: *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Вторая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 130. Те же статьи содержались и в более ранней душевной грамоте Ивана Калиты 1336 г. См.: *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 1 (31). С. 107.
- ⁸ *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства: Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. С. 164.
- ⁹ *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Первая душевная грамота великого князя Ивана Ивановича // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 99. Почти тот же текст и во второй душевной грамоте Ивана Ивановича, но там больше механических утрат. См.: Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 96.
- ¹⁰ *Кучкин В. А.* Издание завещаний московских князей XIV в. Душевная грамота великого князя Семена Ивановича // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 3 (33). С. 123.
- ¹¹ Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 4 (34). С. 97; Там же. 2009. № 1 (35). С. 93.
- ¹² *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 308–309, 312.
- ¹³ ПСРЛ. Т. X. С. 288. Под 6864 г.
- ¹⁴ Там же. Т. XV. Вып. I. Стб. 65. Под 6865 г.
- ¹⁵ ДДГ. № 11. С. 32; № 30. С. 77, 80; № 36. С. 102, 104; № 66. С. 216.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. М., 2000. Стб. 476–477.
- ¹⁷ Там же. Стб. 474.
- ¹⁸ Там же. Стб. 479–480.
- ¹⁹ В этом отношении показателен один поздний пример. Во Владимирском летописце сообщается о заложении 11 мая 1519 г. каменной церкви св. Ильи в московском Ильинском монастыре. Ее основателем был Климент Мужило. Строительство каменной церкви требовало немалых средств. Очевидно, Мужило их имел. При отсутствии в Москве в начале XVI в. каких-либо промышленных предприятий, средства Мужило мог получить только в результате торговой деятельности. Тем не менее летописец подчеркнул, что Мужило был «из простых людей», т. е. не состоял ни в какой

- корпорации купцов, занимавшихся внутренней торговлей. См.: ПСРЛ. Т. XXX. М., 1965. С. 144.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 323.
- ²¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. Л., 1925. С. 412.
- ²² ДДГ. № 11. С. 32.
- ²³ ДДГ. № 17. С. 46.
- ²⁴ Там же. № 89. С. 361: «ставятся гости с товаром, иноземци, и из Московские земли, и из ихъ уделов (братъев Василя III. — В. К.) на гостиныхъ дворех, какъ было при мне».
- ²⁵ О ее датировке см.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 273–274. Примеч. 9.
- ²⁶ АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 12. С. 28.
- ²⁷ Ср. требование Ивана III, переведшего торг из Холопьего городка в Мологу: «сын мой Василей и мои дети того торгу на свои земли не сводят, ни заповеди въ своих землях не чинят к тому торгу ездити» (ДДГ. № 89. С. 360).
- ²⁸ Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С. 225, 229 (здесь указано, что Контарини пребывал в Москве с 25 сентября 1476 г.).
- ²⁹ Там же. С. 228–229.
- ³⁰ Там же. С. 220.
- ³¹ Там же. С. 225.
- ³² См. акты 70-х годов XV в. на земли в собственно Московском княжестве, где упоминаются овцы: АСЭИ. Т. I. М., 1952. № 410, 471. С. 300, 357; Т. II. М., 1958. № 347, 352, 353. С. 344, 347, 348. О бараньей ноге, запеченной в яйцах, сообщает Житие Пафнутия Боровского.
- ³³ Барбаро и Контарини о России. С. 149.
- ³⁴ Там же. С. 245. Примеч. 109.
- ³⁵ АСЭИ. Т. II. № 426. С. 466.
- ³⁶ *Гайдуков П. Г.* Русские полуденги, четверетцы и полушки XIV–XVII вв. М., 2006. С. 115–116.
- ³⁷ *Назаренко А. В.* Между арабами и варягами, Западом и Константинополем: древнерусская денежно-весовая система как результат межэтнического и культурного взаимодействия // *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 173.
- ³⁸ Барбаро и Контарини о России. С. 55.
- ³⁹ *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 124.
- ⁴⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 326.
- ⁴¹ Там же. Т. IV. Ч. I. Вып. 3. Л., 1929. С. 611.
- ⁴² Там же. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 294.
- ⁴³ Там же. Т. XXXIX. М., 1994. С. 170.
- ⁴⁴ Там же. Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 348.
- ⁴⁵ Там же. Т. XXX. С. 142.
- ⁴⁶ Там же. С. 144.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 399.
- ⁴⁸ Там же. Т. XXX. С. 141.
- ⁴⁹ Там же. Т. VI. Вып. 2. Стб. 315.
- ⁵⁰ *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 287.
- ⁵¹ ПСРЛ. Т. XX. Ч. II. СПб., 1914. С. 429.
- ⁵² ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. СПб., 1913. С. 631.
- ⁵³ *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 287, 289.
- ⁵⁴ Там же. С. 281.
- ⁵⁵ *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. М., 1988. С. 325. Примеч. 375.

⁵⁶ *Он же*. Указ. соч. Т. II. М., 2008. С. 402–403. Примеч. 449.

⁵⁷ ДДГ. № 92. С. 371.

⁵⁸ Там же. № 89. С. 361.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 359.

⁶¹ Там же. № 61. С. 157.

⁶² Там же. № 89. С. 361.

Л. Е. Морозова

Роль великой княгини Евдокии Дмитриевны в создании московского великокняжеского свода начала XV в.

В исследовательской литературе вопрос о происхождении московского великокняжеского свода начала XV в., под которым Н. М. Карамзин понимал сгоревшую Троицкую пергаменную летопись, до сих пор не решен. Главная причина этого заключается в том, что единственный список летописи был утрачен в 1812 г. и поэтому судить о его содержании можно только по выпискам, сделанным из него до пожара историками XVIII в. и самим Н. М. Карамзиным. Поскольку этих выписок достаточно много, то в первой половине XX в. опытный историк-источниковед М. Д. Приселков предпринял попытку восстановить Троицкую летопись. Большую помощь в этом сложном деле ему оказало обнаружение рукописей Рогожского летописца и Симеоновской летописи, тексты которых в целом ряде годовых статей совпадали с Троицкой, судя по сделанным из нее выпискам¹. Научная общественность высоко оценила труд М. Д. Приселкова. Поэтому в настоящее время считается, что его реконструкция адекватно отражает утраченную летопись².

Впервые восстановленный текст был опубликован в 1950 г. В настоящей работе использовано переиздание 2002 г. Следует отметить, что в нем выписки Карамзина обозначены крупным шрифтом, а восстановленные по другим летописям фрагменты — мелким. Естественно, что первые вызывают больше доверия, поскольку они, вероятнее всего, были в Троицкой летописи. Данные тексты, обозначенные в издании крупным шрифтом, как раз и используются в настоящей работе.

Большинство исследователей единодушны во мнении, что Троицкая летопись является памятником начала XV в. и передает события второй половины XIV — начала XV в. в записях, практически современных им. Это говорит о том, что создатель текста работал над ним не позднее начала XV в.

Завершается памятник описанием нападения на Москву в декабре 1408 г. ордынского полководца Эдигея (Едигея). По мнению Н. М. Карамзина, в это время создатель Троицкой летописи умер. Он также отметил, что «с того времени до самой кончины Василия Дмитриевича все известия кратки и неполны даже в других летописях»³. Данное замечание говорит о том, что после 1408 г. при дворе великого князя Московского Василия I Дмитриевича уже не велось летописные записи. Это означает, что создатель Троицкой летописи действовал не по указанию великого князя, поскольку тот мог найти другого продолжателя летописной деятельности для описания всего своего правления, продолжавшегося до 1425 г. Завершение Троицкой летописи 1408 г. может говорить не только о том, что умер ее создатель, но и о том, что около этого времени скончался и заказчик.

В научной литературе существует несколько мнений о том, кто и по чьему указанию создавал Троицкую летопись. Д. С. Лихачев полагал, что первый московский летописный свод, под которым он понимал Троицкую летопись, был создан по инициативе митрополита Киприана. Он якобы собрал из различных концов Руси местные летописи и объединил их в единый свод. Непосредственным исполнителем воли иерарха, по мнению исследователя, был некий талантливый книжник, «начитанный в летописях, склонный к назидательным отступлениям и широким историческим сопоставлениям»⁴.

Однако данному мнению ученого противоречит далеко не однозначно положительная оценка деятельности самого Киприана в Троицкой летописи. Это заметил Я. С. Лурье, высказавший предположение, что данный памятник создавался при митрополичьем дворе уже после смерти митрополита в 1406 г. На это, по его мнению, указывают «общие промосковские тенденции», хотя к Дмитрию Донскому, изгнавшему Киприана в 1382 г., автор относился с явной недоброжелательностью. При этом он почему-то положительно оценивал его противников, Ольгерда и Михаила Тверского. Его позиция по отношению к Орде весьма осторожна. В целом, по мнению Лурье, создатель Троицкой летописи — довольно искусный писатель, склонный к «плетению словес» и игре слов.

Общий вывод исследователя состоит в том, что Троицкая летопись создавалась при митрополичьем дворе в короткий промежуток с 1406 по 1408 г. каким-то церковным книжником, испытывавшим симпатии к тверским князьям и не любившим Дмитрия Донского⁵.

Однако это предположение вызывает целый ряд недоуменных вопросов: если летопись писалась в короткий промежуток с 1406 по 1408 г., то откуда в ней детальное описание событий второй половины XIV в. с указанием различных подробностей и точных дат? Если летопись тверская, то почему в ней главное внимание уделено все же московским событиям, а тверской конкретики почти нет? К тому же,

как известно, после смерти Киприана московская митрополия оказалась в разорении и запустении. Это был вынужден констатировать прибывший в 1410 г. новый митрополит Фотий. Поэтому вряд ли у кого-либо из церковных деятелей в это время было желание заниматься летописанием. К тому же основное содержание Троицкой летописи носит светский характер, и цель ее состоит в том, чтобы показать, как на великокняжеском престоле укрепилась династия именно московских князей. Кроме того, в ней зафиксирован порядок престолонаследия от отца к сыну, а не к какому-либо старшему родственнику. Это было важно для московских великих князей, поскольку, как известно, после смерти Дмитрия Ивановича Донского между его старшим сыном Василием и двоюродным дядей Владимиром Андреевичем возник конфликт. Некоторые исследователи полагают, что причиной его могли быть претензии дяди, как старшего в роду, на великокняжеский престол.

Все это говорит о том, что заказчика Троицкой летописи следует искать в московской великокняжеской семье. Дмитрий Иванович Донской, умерший в 1389 г. и не слишком хвалебно представленный в летописи, им быть не мог. Не был им и Василий I Дмитриевич, как отмечено выше. Не являлся им и митрополит Киприан, умерший в 1406 г., поскольку отношение к нему в летописи не всегда положительное. К примеру, его «Прощальная грамота» названа «незнаемой и страннолепной» из-за того, что в ней митрополит не только сам всех прощал, но и требовал, чтобы все простили и его самого. Этого, по мнению автора летописи, делать нельзя⁶.

Примеров не самого положительного отношения к Киприану в Троицкой летописи много, а прославления его деяний практически нет. К тому же летописец продолжал работать целых два с лишним года после смерти иерарха, а это было бы уже бессмысленным, если бы тот выступал в роли заказчика. Все это говорит о том, что заказчика Троицкой летописи следует искать среди других лиц.

Еще Д. С. Лихачев высказал мнение о том, что заказчиками летописей могли выступать женщины — жены и матери князей, пытавшиеся путем фиксации важных событий в жизни близких родственников-мужчин обосновать их права на тот или иной престол и земельные владения. Как известно, в Орде русские князья должны были доказывать свои права на конкретное княжество с помощью письменных документов, а ими как раз и могли являться летописи. Лихачев назвал имя одной из таких женщин — ростовская княгиня Марья Михайловна. Созданный при ее участии Ростовский летописец, судя по всему, помог ее маленьким сыновьям сохранить за собой отцовы владения. Потом этот памятник был включен в Лаврентьевскую летопись⁷.

Несомненно, о деятельности Марьи Михайловны знали и другие княгини, в первую очередь великая княгиня московская Евдокия

Дмитриевна, поскольку ей было хорошо известно о существовании Лаврентьевской летописи, переписанной в 1377 г. монахом Лаврентием для ее отца, суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Именно эта летопись, как известно, в качестве начальной части вошла в состав Троицкой. Получается, что Лаврентьевская была привезена в Москву из Нижнего Новгорода для использования ее текста при составлении великокняжеского свода.

Из авторской приписки к Лаврентьевской летописи известно, что создавший ее монах Лаврентий был молод. На свою работу он получил благословение от суздальского епископа Дионисия, которого он назвал «священным и христолюбивым»⁸. Можно заметить, что и в Троицкой летописи этому епископу уделено очень большое внимание: его имя упомянуто на 13 страницах печатного текста несколько раз и всегда исключительно положительно. Кроме того, в тексте летописи помещено похвальное слово Дионисию, говорящее об особо положительном отношении к нему автора памятника. При описании конфликта Дионисия с Дмитрием Донским из-за Михаила–Митяя епископ представлен правым, а великий князь обвинен во вмешательстве в церковные дела⁹.

Все это дает право предположить, что к созданию Троицкой летописи мог быть привлечен и монах Лаврентий, вызванный в Москву по просьбе Евдокии Дмитриевны, поддерживающей связи с суздальско-нижегородскими родственниками. При участии монаха в Троицкую летопись могли быть включены многочисленные известия, связанные с деятельностью суздальско-нижегородских князей, родственников великой княгини.

Эти известия достаточно часто встречаются в летописи. Они начинаются приблизительно с 1355 г., когда умер Константин Васильевич Суздальский (дата его смерти зафиксирована точно и с некоторыми подробностями). Он был дедом Евдокии. После него в Нижнем Новгороде стал править ее дядя Андрей Константинович. По мнению некоторых исследователей, все эти известия попали в великокняжеский свод из нижегородских местных летописцев¹⁰.

С этим мнением можно отчасти согласиться, поскольку иногда московские события буквально переплетаются с нижегородскими. Это касается в первую очередь описания борьбы Дмитрия Ивановича Московского с Дмитрием Константиновичем Суздальским за великое княжение Владимирское, хотя в данном случае суздальский князь осужден за то, что претендовал на престол «не по отчине и не по дедине». Напротив, в сюжете о его соперничестве за Нижний Новгород с младшим братом Борисом он полностью оправдан¹¹. Все это говорит о том, что летописец отнюдь не являлся противником нижегородского князя Дмитрия Константиновича. Он осудил его лишь за

нарушение порядка престолонаследия, который, по его мнению, должен быть незабываемым для предотвращения распрей между ними.

О наслоении нижегородских известий на московские в Троицкой летописи свидетельствует годовая статья 1364 г. о моровом поветрии. В ней перечислены разные города, в которых была эпидемия. Первым назван Нижний Новгород, потом Переславль-Залесский и последней — Москва. В статье 1365 г. сначала сообщено об основании митрополитом Алексием в Кремле Чудова монастыря, потом — о кончине Андрея Константиновича Суздальского и Нижегородского. Аналогичную ситуацию можно обнаружить и в других годовых статьях: под 1370 г. сначала описан поход Дмитрия Ивановича на Брянск, потом — поход Дмитрия Константиновича с родственниками на болгарского князя Осана. В этой же годовой статье достаточно подробно сообщено о нападении Ольгерда на Москву, но в заключительной части есть указание о сходе снега с возвышенного берега Волги у Нижнего Новгорода, который засыпал все дома вместе с людьми. Совершенно очевидно, что об этом знали только местные жители¹².

Однако наличие в Троицкой летописи нижегородских известий вряд ли может свидетельствовать о том, что она писалась в Нижнем Новгороде или была составлена при использовании текста нижегородского летописца. Вполне вероятно, что записи велись московским книжником, а о нижегородских событиях ему становилось известно из присылаемых из этого города грамот, как и из других городов. Характерно, что новгородские и псковские события, зафиксированные в Троицкой летописи, касаются либо взаимоотношений с великим князем Дмитрием Ивановичем, либо связаны с церковью. Они могли быть взяты и из великокняжеской переписки, и из митрополичьей. Некоторые данные нижегородского происхождения, например, о сходе снега, могли быть в личной переписке Евдокии Дмитриевны с родственниками. На факт использования переписки указывает незначительное количество точно датированных событий: с указанием числа, месяца, церковного праздника, а не только года.

Следует отметить, что в Троицкой летописи к числу точно зафиксированных фактов относятся не только наиболее важные в общегосударственном масштабе (осада Москвы великим князем литовским Ольгердом, смерть видных церковных и государственных деятелей), но и те, что были связаны с самой великой княгиней Евдокией Дмитриевной. Так, под 1366 г. подробно описана ее свадьба с Дмитрием Ивановичем Московским: «Тое же зимы месяца генваря в 18 день, на память святых отец наших Афанасиа и Кирила, в неделю промежу говенеи, женился князь великий Дмитрией Иванович у князя у Дмитриея у Константиновича у Суждальскаго, поял за ся дщерь его Овдотью, и бысть князю великому свадьба на Коломне»¹³.

Следует отметить, что это событие зафиксировано и в других летописях XV в. В Рогожском летописце запись полностью совпадает с Троицкой. Однако все остальные сведения о Евдокии Дмитриевне, кроме очень краткого сообщения о строительстве ею храма Рождества Богородицы, отсутствуют¹⁴. В Ермолинской летописи в статье о свадьбе Евдокии и Дмитрия Ивановича нет имени невесты, и в одном из списков неправильная дата — 23 сентября. Все остальные сведения о княгине очень краткие¹⁵. Такие же неполные сведения о Евдокии находятся в Никаноровской летописи, Сокращенном своде 1493 г. и Сокращенном своде 1495 г. В Суздальской летописи с неточной датой зафиксирована только смерть Евдокии Дмитриевны (вместо 7 июня указано 8 число)¹⁶. В Симеоновской летописи, которую некоторые исследователи считают очень схожей с Троицкой, можно обнаружить только одну статью, касающуюся Евдокии Дмитриевны и аналогичную Троицкой. Это известие о ее свадьбе с Дмитрием Московским. Сообщения о строительстве ею храма Рождества Богородицы и смерти княгини очень краткие, а данных о росписи храма Рождества Богородицы Феофаном Греком и Симеоном Черным, как в Троицкой, вообще нет¹⁷. Только в Московском летописном своде конца XV в. сведения о великой княгине почти такие же подробные, как в Троицкой летописи, но в нем нет даты и сведений об ее свадьбе. В кратком варианте представлены и остальные данные о ней¹⁸. Все это говорит о том, что только в Троицкой летописи помещены наиболее обстоятельные сведения о великой княгине Евдокии Дмитриевне, имеющие самостоятельное происхождение.

Общее их количество достаточно велико. Под 30 декабря 1371 г. зафиксировано рождение у нее сына Василия, будущего великого князя Василия I. Под 1374 г. отмечено появление на свет второго сына Юрия и пояснено, что это произошло в Переславле, 26 ноября. Крестил младенца Сергей Радонежский. На празднестве по этому случаю присутствовали родственники Евдокии: отец, мать, братья и дядя, а также другие князья и бояре¹⁹. Под 1379 г., 11 сентября, зафиксирована смерть сына Евдокии Семена. Вероятно, это был только что родившийся младенец, поскольку данных об его появлении на свет нет. Рождение следующего сына Андрея зафиксировано под 14 августа 1382 г., за 9 дней до нападения на Москву Тохтамыша. Петр родился 29 июня 1385 г.²⁰

С многочисленными подробностями в Троицкой летописи сообщено о смерти отца Евдокии Дмитриевны — князя Дмитрия Константиновича. Указана точная дата — 5 июля в 6 часов дня, на память св. Лампада (в 1383 г.). Пояснено, что он был пострижен в чернецы и принял схиму, в крещении носил имя Фома, в монашестве стал Федором, похоронен в Спасском соборе на правой стороне около отца и брата. Отмечено, что всего этот князь прожил 61 год, из них 2 года

был на великом княжении, 19 — в своей отчине²¹. Все эти подробности говорят об особом внимании к Дмитрию Константиновичу создателя Троицкой летописи и его хорошей осведомленности о нем. Ни в одном другом летописном памятнике нет всех этих подробных данных о нижегородском князе.

О рождении дочерей у Евдокии Дмитриевны Троицкая летопись почти не сообщает, зафиксировано лишь появление на свет в 1387 г. Анны. Однако в ней отмечены браки княжон: в 1387 г. — Софьи (ее мужем стал рязанский князь Федор Ольгович), в 1394 г. — Марии (ее мужем стал литовский князь Лугвень Ольгердович) и Анастасии — в 1397 г. (ее мужем стал тверской князь Иван Васильевич Холмский)²². Следует отметить, что в Троицкой летописи почему-то не зафиксировано рождение двух сыновей у Евдокии Дмитриевны: самого старшего Даниила и предпоследнего Ивана. Причина, возможно, была в том, что старший вскоре умер, а Иван был болезненным и принял постриг под именем Иоасафа. В 1393 г. он тоже скончался. Естественно, что оба они не участвовали в разделе имущества после смерти отца. Напротив, другим сыновьям княгини, игравшим заметную роль в стране, уделено повышенное внимание. Так, под 1388 г. зафиксированы сначала тяжелая болезнь княжича Юрия, а потом его благополучное выздоровление²³. Отмечено и появление на свет последнего сына Константина, правда, без указания точной даты, но с пояснением, что крестили его старший брат Василий и Марья, жена бывшего тысяцкого Василия Вельяминова, которая приходилась сестрой Евдокии²⁴.

Следует заметить, что и болезнь Юрия, и рождение Константина неправильно отнесены в летописи к 1388 г. На самом деле это было в 1389 г., когда скончался Дмитрий Донской, муж Евдокии Дмитриевны. Об его смерти в Троицкой летописи сообщено достаточно кратко. Помечено лишь, что на похоронах плакали буквально все, поэтому во время отпевания были слышны только всеобщие рыдания и стенания. При этом в данной годовой статье достаточно подробно описана поездка дяди княгини Бориса Константиновича в Орду, хотя в целом это событие было достаточно незначительным в масштабах страны, по сравнению со смертью великого князя²⁵. Данный факт может свидетельствовать о нижегородском происхождении автора Троицкой летописи. Для него события на родине оказались не менее важными, чем смерть правителя страны. Возможно, поэтому он достаточно сухо описал вступление на престол старшего сына Евдокии Дмитриевны Василия в августе того же 1389 г.

Больше деталей оказалось в сообщении о конфликте нового правителя с дядей Владимиром Андреевичем. При этом весьма знаменательным представляется описание смерти матери Владимира Андреевича, которая являлась монахиней Рождественского монастыря,

расположенного у кремлевской стены в Москве. Вероятно, княгиня-инокия принимала активное участие в конфликте князей, как бы разжигая его. После ее кончины родственники, очевидно, сразу помирились²⁶.

Хотя Василий I Дмитриевич вступил на великокняжеский престол полновластным правителем, Евдокия Дмитриевна заняла при нем одно из самых высоких мест, поскольку он еще не был женат и должен был считаться с мнением матери. Об этом свидетельствует Троицкая летопись. Под 1390 г. в ней отмечено, что вся великокняжеская семья отправилась на Котел (местность в Москве), чтобы приветствовать вернувшегося из Константинополя митрополита Киприана. Во главе встречающих были Василий Дмитриевич с «матерью, с княгиней великой». Вместе с ними были остальные княжичи, бояре и горожане²⁷. Ранее в годовых статьях об участии княгини в публичных мероприятиях никогда не сообщалось. Характерно, что это событие зафиксировано и в Рогожском летописце, и в Симеоновской летописи. Значит, и другие книжники сочли его важным.

Некоторые статьи Троицкой летописи прямо указывают на то, что ее автор не был близок к великому князю Василию I и больше сочувствовал нижегородским родственникам Евдокии Дмитриевны. Он резко осудил московского князя за то, что тот с помощью ордынцев отобрал Нижегородское княжество у законного владельца Бориса Константиновича. По его мнению, это было сделано «на кровопролитие, на погибель христианскую», город был взят не правдою, «а златом и серебром»²⁸.

Можно предположить, что в это время Василий Дмитриевич оказался под влиянием не матери, а стал испытывать большое давление со стороны супруги, властной и энергичной литовской княжны Софьи Витовтовны. Она хорошо знала, что ее отец несколько раз отнимал Смоленск у ее дяди (по линии матери) князя Юрия Святославича под предлогом того, что он, как муж смоленской княжны, также имеет права на этот город. Аналогично Василий I, как сын суздальско-нижегородской княжны, мог в Орде предъявить свои права на Нижний Новгород, предварительно хорошо заплатив хану. Осуждая сына за захват владений ее родственников, Евдокия Дмитриевна, видимо, повелела своему летописцу отразить это на страницах Троицкой летописи.

Можно предположить, что в это время великая княгиня отошла от светских дел и все больше стала интересоваться церковными проблемами. Под 1392 г. в Троицкой летописи сообщено, что в Коломне была расписана Успенская церковь, которая за 10 лет до этого была построена Дмитрием Донским²⁹. Простые подсчеты показывают, что данный храм должен быть возведен в 1382 г. Но могло ли это быть на самом деле? Хорошо известно, что в этом году Москва и близлежа-

щие земли оказались полностью разорены Тохтамышем. Естественно, что Дмитрию Донскому в это время было не до постройки в Коломне каменного храма. Вероятно, он был возведен либо раньше, либо позже. Ясно лишь одно, что украшать этот собор пришлось Евдокии Дмитриевне, поскольку Василий Дмитриевич был занят вопросом о Нижегородском княжестве и, судя по всему, ездил для этого в Орду. Характерно, что в Симеоновской летописи и Рогожском летописце нет данных о том, что Успенский собор построил Дмитрий Иванович за 10 лет до этого. В Московском своде конца XV в. имя великого князя есть, а даты постройки нет³⁰. Все это, вероятно, говорит о том, что указанная в Троицкой летописи дата показалась сомнительной последующим летописцам.

Отмечу, что ни в одной летописи нет данных о том, какие иконописцы расписывали коломенский храм. По этому поводу можно только делать предположения. Наиболее вероятно, что это были русские мастера, например, Симеон Черный и Прохор из Городца. Именно они потом вошли в окружение прославленного мастера Феофана Грека, которому было поручено расписывать кремлевские храмы. Украшение коломенского храма могло помочь им приобрести известность. Потом Феофан создал иконы для Успенского собора в Коломне. Одна из них — Донская Богоматерь — дошла до нас. Вполне вероятно, что все эти работы были оплачены Евдокией Дмитриевной, поскольку вряд ли кто-нибудь другой стал бы заботиться об украшении храма, построенного ее мужем.

Чуть позднее великая княгиня занялась строительством церкви в Кремле. По этому поводу в Троицкой летописи сделана пространная запись: «Того же лета княгини великая Овдотья Дмитриева поставила на Москве церковь камению зело чудну и украси ю сосуды златыми и серебряными... и створила паче всех княгинь великих, разве точю Марья княгини Всеволода, внука Мономахова, иже в Володимири... Бе же то преже церквица мала в том месте древяна святаго Лазаря. Егдже создана бысть каменная, наречена бысть во имя святая Богородицы, честнаго ея Рождества. Уставишеса таковыи праздник праздновать сентября в 8 день. Но и та малая церквица не бе оставлена, но внутрь близ олтаря причинена бысть служба святаго Лазаря... И священа бысть февраля в 1 день в неделю великим священъем Киприаном митрополитом. Ту суцу великому князю и братьям его Юрью и Андрею, и Петру, и Костянтину»³¹. Данный текст был восстановлен в Троицкой летописи по выпискам Н. М. Карамзина, сделанным, судя по отточию, с сокращениями. В остальных летописях, Симеоновской, Воскресенской и других, данный текст значительно короче.

В записи в Троицкой летописи обращает на себя внимание сравнение Евдокии Дмитриевны с владимирской великой княгиней Марией, женой Всеволода Большое Гнездо. Об ее строительной деятельности

известно из Лаврентьевской летописи, в основе которой, по мнению исследователей, лежит Владимирский великокняжеский свод. Поэтому в данном памятнике подробно описано пострижение Марии в основанный ею Успенский монастырь во Владимире и ее кончина. Эти повествования, помещенные под 1206 г., подробны, с указанием точных дат, с перечнем имен лиц, присутствовавших и при пострижении княгини, и на ее похоронах. Самой Марии дана исключительно восторженная характеристика: с детских лет любила правду, воздавала честь духовным лицам, щедро их одаривала, была «нищелюбицей и страннолюбицей», всегда печалилась о больных и убогих. При этом она сама лежала в немощи 7 лет, но никогда не роптала, перенося все страдания с великим терпением³². Все это достаточно пространное повествование было не только повторено в Троицкой летописи, но и к нему было добавлено поучение великой княгини к сыновьям. В нем она якобы просила их жить в мире и любви между собой, уважать священнический чин, заботиться о больных и немощных, не позволять сильным обижать слабых и т. д.³³

Поскольку этого поучения не было в более ранней Лаврентьевской летописи, включавшей современный Марии летописный свод, то напрашивается вывод о том, что оно было сочинено создателем Троицкой летописи. Возникает вопрос: для чего он приписал все эти речи давно умершей владимирской княгине? Ответ может быть такой: он сделал это по указанию Евдокии Дмитриевны, во всем стремившейся подражать своей предшественнице. Поэтому давно умершая княгиня Мария была не только прославлена в Троицкой летописи так же, как в Лаврентьевской летописи, но и в ее уста были вложены те слова, с которыми Евдокия Дмитриевна, очевидно, хотела обратиться к своим сыновьям. Следует отметить, что владимирскую и московскую княгинь объединяло не только занятие церковным строительством, но и наличие многочисленных детей. У первой было 9 сыновей и 4 дочери, у второй — 8 сыновей и 4 дочери.

В Троицкой летописи подчеркнута, что Мария питала особую любовь к старшему сыну Константину. Поэтому она часто беседовала только с ним и давала ему ценные указания о том, как следует относиться к младшим братьям, как управлять подданными и т. д. Всего этого не было в Лаврентьевской летописи. Поэтому опять же напрашивается вывод о том, что под именем Марии выступала сама Евдокия Дмитриевна. Не имея доверительных отношений со старшим сыном Василием I, находящимся под сильным влиянием супруги Софьи Витовтовны, великая княгиня таким образом хотела дать ему наставления, высказать свои пожелания. Конечно, точных данных о том, что именно Евдокия Дмитриевна повелела расширить повествование о Марии и включить его в Троицкую летопись, нет. Однако трудно предположить, что какой-либо книжник по личной

инициативе стал бы прославлять умершую почти два века назад владимирскую великую княгиню Марию. К тому же в повествовании о строительной деятельности Евдокии Дмитриевны прямо указано, что она во всем следовала примеру жены Всеволода Большое Гнездо. В других летописях нет ни сравнения московской великой княгини Евдокии с владимирской Марией, ни особого восхваления последней. В лучшем случае, в них есть запись о смерти Марии. Некоторое исключение представляет Симеоновская летопись, в которой с утратами есть хвалебная характеристика Марии. Но данная летопись считается более поздней, чем Троицкая. Поэтому напрашивается вывод о том, что в ней просто отразился более ранний текст. При этом о строительстве Евдокией Дмитриевной Рождественской церкви в ней сообщено очень кратко. Нет в этой летописи и данных о том, что в 1395 г. церковь Рождества Богородицы начали расписывать Феофан Грек и Семен Черный.

Можно констатировать, что наиболее подробные сведения о Евдокии Дмитриевне, ее семье и деятельности сообщены в Троицкой летописи. Это относится и к известию о росписи Рождественского храма: «Того же лета (1395) июня в 4 день, в четверг, как обедню починают, начата бысть подписывати новая церковь каменная на Москве Рождество святых Богородицы, а мастера бяху Феофан икононик, Гречин философ, да Семен Черный и ученицы их»³⁴. Хотя дата этого события выглядит весьма точной в летописи, на самом деле в 1395 г. 4 июня приходилось на пятницу. Все остальные даты этой годовой статьи правильные. Возможно, летописец просто спутал четвертое число с четвергом.

Данные Троицкой летописи говорят о том, что знаменитый греческий иконописец Феофан Грек был приглашен в Москву именно Евдокией Дмитриевной. Ведь трудно предположить, что кто-либо другой стал заниматься украшением построенной ею церкви. Об этом мастере известно, что в 1378 г. он расписывал новгородскую церковь Спаса на Ильине улице. Далее он, видимо, работал в Нижнем Новгороде по заказу отца Евдокии Дмитриевны или его дяди Бориса Константиновича. Затем по их рекомендации был приглашен в Москву. Данные об этом содержатся в письме известного книжника Епифания Премудрого другу Кириллу, опубликованном И. Грабарем³⁵. Характерно, что греческий мастер работал не один, а с русскими иконописцами, которые хорошо были известны великой княгине. В 1399 г. ему было поручено расписать каменный храм Архангела Михаила в Кремле. На этот раз его помощниками были его собственные ученики. Последней он расписал Благовещенскую церковь, считающуюся домовым храмом великого князя. В этом ему помогали Прохор из Городца и Андрей Рублев³⁶.

Поскольку первой Феофан Грек распisał церковь Евдокии Дмитриевны, то напрашивается предположение, что и остальные храмы он украшал фресками по инициативе великой княгини. Она же, думается, помогла ему собрать талантливых русских мастеров, включая ставшего потом знаменитым иконописцем Андрея Рублева.

Как отмечалось, в Троицкой летописи много данных о близких и дальних родственниках Евдокии Дмитриевны. Под 1393 г., 29 июля, зафиксирована смерть ее сына Ивана, ставшего монахом Спасского монастыря. При этом указано, что его похоронили в притворе монастырского храма рядом с гробом его «бабы, великой княгини Александры Ивановны» (жены Ивана Ивановича Красного)³⁷. Эти похороны, видимо, были организованы по инициативе Евдокии Дмитриевны, поскольку княжич, скорее всего, был еще мальчиком.

Под 1394 г., 6 мая в среду отмечена смерть в Суздале дяди великой княгини Бориса Константиновича. Подчеркнуто, что он умер в своей отчине. Это очевидно было достаточно важным, поскольку ниже сообщалось о бегстве в Орду братьев Евдокии Дмитриевны Василия и Семена, за которыми почему-то была организована погоня. Это сообщение наталкивает на предположение о том, что великий князь Василий I хотел выгнать дядьев и из Суздаля, но те заранее отправились к хану, чтобы получить ярлык на свои родовые земли. В этой же годовой статье сообщено о свадьбе дочери Евдокии Дмитриевны Марии с литовским князем Лугвеном Ольгердовичем, которая была отпразднована в Москве 14 июня³⁸. Под 1395 г. отмечена смерть двоюродной сестры великой княгини, дочери Бориса Константиновича, которая была замужем за Иваном Всеволодовичем Тверским. В 1397 г. Иван Всеволодович переехал в Москву на службу к Василию I и женился на дочери Евдокии Дмитриевны Анастасии. В 1398 г. супруги отправились на княжение в Псков³⁹.

В 1399 г. Евдокии Дмитриевне, по данным Троицкой летописи, пришлось пережить большое горе — 15 мая в Литве скончалась ее дочь Марья, которая всего несколько лет тому назад стала женой Лугвена Ольгердовича. Эта утрата для Евдокии Дмитриевны, видимо, была настолько велика, что она организовала доставку тела дочери в Москву и похоронила ее в приделе Лазаря своей Рождественской церкви⁴⁰. В то время московских княгинь хоронили в храме Спасского монастыря. Об этом можно судить по тому, что именно там была похоронена вдова Симеона Гордого Мария-Фетинья, скончавшаяся в марте этого же года. Для своей любимой дочери Евдокия Дмитриевна сделала исключение.

Хотя в Троицкой летописи достаточно часто фиксировались данные о браках дочерей Евдокии Дмитриевны, о сыновьях таких све-

дений почти нет, кроме женитьбы Василия I на Софье Витовтовне. Причина, видимо, заключалась в том, что великий князь не разрешал братьям жениться, не желая, чтобы у тех были наследники. Их вымороченные владения он, вероятно, хотел прибрать к рукам. Однако ранняя смерть его старшего сына Юрия, вероятно, побудила великого князя позволить жениться среднему брату Юрию. В итоге в 1400 г. в возрасте 26 лет, весьма зрелом для жениха по понятиям того времени, он сыграл свадьбу с дочерью смоленского князя Юрия Святославича Анастасией⁴¹.

В годовой статье 1402 г. содержится интересная информация о брате Евдокии Дмитриевне Семене. Желая его поймать, Василий I сначала приказал схватить его жену Александру с детьми и казной, которые находились в пограничном с Ордой районе. Княгиню ограбили и посадили под стражу в Москве. Это заставило Семена вступить в переговоры с великим князем. В итоге ему было велено с семьей ехать в Вятку, где он вскоре скончался. Автор летописи явно сочувствовал князю и отмечал, что тот претерпел «многие напасти и истомы», пытаясь вернуть свою отчину Нижний Новгород⁴². Естественно, что написать так не мог сторонник Василия I. Этот пример еще раз свидетельствует о том, что Троицкая летопись не являлась великокняжеской и что ее создатель и заказчик выражали явную симпатию к суздальско-нижегородским князьям, вопреки отношению к ним Василия I.

Под 1403 г. в летописи зафиксирована смерть еще одного брата Евдокии Дмитриевны — Василия, который был на княжении в Городец, хотя его отчиной являлся Суздаль, это подчеркнуто в его прозвище — Суздальский. Естественно, что данное событие для московского книжника не могло представлять интереса.

Еще одной особенностью Троицкой летописи является регулярная фиксация смертей различных княгинь, тверских, рязанских, которые перед этим уходили на покой в монастырь. Все они были далеки от политических и междоусобных баталий, поэтому их жизненные вехи вряд ли могли заинтересовать великого князя или духовное лицо, если бы те выступали в роли заказчика данной летописи. Это опять же указывает на отношение к созданию Троицкой летописи Евдокии Дмитриевны.

Несомненно, что княгиню интересовали и ее суздальско-нижегородские родственники, и знакомые княгини, и личная жизнь ее младших сыновей. Поэтому обо всем этом писалось в Троицкой летописи. Так, под 1403 г. в ней отмечена женитьба Андрея Дмитриевича на дочери князя Александра Патрикеевича Стародубского, потом в 1406 г. свадьба Петра и дочери московского тысяцкого Василия

Васильевича⁴³. Обоим княжичам было уже за 20 лет, хотя в то время обычно женились в 16. Это опять же говорит о том, что Василий I долго не позволял им вступать в брак, но частая смерть его собственных сыновей, видимо, заставила его задуматься о будущем московского престола и продолжении династии.

По сообщению Троицкой летописи, В 1407 г. Евдокия Дмитриевна заложила еще одну каменную церковь — в Вознесенском монастыре в Кремле, который она сама основала. Княгиня, возможно, предполагала стать монахиней этой обители, но последовавшая скорая смерть, 7 июня во вторник, помешала этим планам. Ее едва успели постричь под именем Евфросиния⁴⁴. Запись о кончине княгини в Троицкой летописи наиболее точная и подробная: в одних летописях нет данных о закладке ею храма, в других неточна дата и т. д. После смерти Евдокии Дмитриевны летописец, возможно, по инерции вел записи до конца 1408 г. Они заканчиваются нападением Едигея на Москву в декабре. После этого он, возможно, уехал на родину, оставив пергаменную рукопись своей летописи в Москве. Его записи были продолжены при митрополите Фотии, но велась они уже не регулярно. Это наглядно видно по описанию последующих событий в Московском летописном своде конца XV в.

Рассмотренные выше особенности Троицкой летописи дают возможность предположить, что она создавалась по заказу великой княгини Евдокии Дмитриевны. На это указывает, в первую очередь, пристальное внимание к самой княгине и ее многочисленным родственникам, в том числе и к нижегородским, которые достаточно часто враждовали с московскими князьями. Поэтому в данной летописи нет восторженного отношения ни к Дмитрию Донскому, ни к его сыну Василию I, а некоторые их поступки даже осуждаются. Кроме того, в этом памятнике Нижегородской земле уделено довольно большое внимание, но не тогда, когда она оказалась под властью Василия Дмитриевича, а когда ею правил отец Евдокии Дмитриевны Дмитрий Константинович.

В летописи много данных о самой Евдокии Дмитриевне, ее деятельности, членах ее семьи и родственниках. Этот памятник как бы является хроникой самых важных событий в великокняжеской семье. Кроме того на ее страницах, в отличие от аналогичных сочинений, можно найти многочисленные известия о различных женщинах. Особенно прославлены в нем те, которые ушли в монастырь и вели исключительно праведный образ жизни, занимались церковным строительством и т. д. При этом наибольшее внимание уделено владимирской великой княгине Марии, жене Всеволода Большое Гнездо. Более того, деятельность самой Евдокии Дмитриевны сравнивалась с поступками княгини Марии. Троицкая летопись содержит самые

полные сведения об этих двух женщинах. В остальных летописях данных о них существенно меньше.

Есть в этом памятнике и сообщения о церковной жизни Русского государства в это время: взаимоотношения митрополитов с великими князьями, смене различных иерархов, постройке и украшении храмов, привозимых из Византии иконах и различных святынях. Это свидетельствует о том, что создатель летописи был духовным лицом. Можно предположить, что сначала он жил в Нижнем Новгороде и был близко знаком с местным епископом Дионисием Суздальским (его деятельность особенно прославлена). Но потом он оказался в Москве и вошел в окружение Евдокии Дмитриевны. По ее заданию он, скорее всего, и составлял Троицкую летопись. В этом отношении княгиня могла подражать ростовской правительнице Марии Михайловне, которая являлась заказчицей местной летописи для использования ее в качестве документального свидетельства прав своих малолетних сыновей на отцовы и дедовы владенья. О Ростовском летописце Евдокия Дмитриевна могла узнать от монаха Лаврентия, который по заданию ее отца переписал текст с древних ветхих рукописей, названный потом в честь него Лаврентьевской летописью. Как известно, этот монах трудился в 1377 г. по благословию Дионисия Суздальского и заказу Дмитрия Константиновича Суздальского и Нижегородского. Потом по просьбе княгини Лаврентий мог переехать в Москву и продолжить свою деятельность уже в столице.

Поскольку в Троицкой летописи зафиксированы не только московские события, но и нижегородские, тверские, смоленские, частично рязанские и литовские, то напрашивается предположение, что источником для них служила переписка, которую вели великие князья, митрополиты и различные церковные деятели, а также сама Евдокия Дмитриевна. О популярности такого рода связей между людьми в то время свидетельствуют берестяные грамоты, обнаруженные в Новгороде при археологических раскопках. Князья и церковные деятели, конечно, для этого использовали бумагу. Их переписка могла храниться в особых сундуках достаточно длительное время. Потом ее использовали книжники при создании летописей для более точной реконструкции событий прошлого. В итоге в летописях получалось описание самых различных событий с деталями и подробностями, известными только очевидцам. Но такими очевидцами были не авторы этих летописей, а авторы писем, использованных в них.

Думается, что такой многослойный состав имели русские летописи с древнейших времен, и Троицкая летопись в данном случае не стала исключением.

Примечания

- ¹ *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 296; *Лурье Я. С.* Троицкая летопись и московское летописание XIV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1974. Т. 6. С. 79–106.
- ² *Приселков М. Д.* Троицкая летопись (далее — Троицк.). СПб., 2002. С. 7.
- ³ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. V. М., 1993. С. 296.
- ⁴ *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 300–304.
- ⁵ *Лурье Я. С.* Указ. соч. С. 66.
- ⁶ Троицк. С. 462.
- ⁷ *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 292–296.
- ⁸ Лаврентьевская летопись. Рязань, 2001. С. 463–464.
- ⁹ Троицк. С. 377–379.
- ¹⁰ *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 296.
- ¹¹ Троицк. С. 377–379.
- ¹² Там же. С. 379–381, 389–391.
- ¹³ Там же. С. 384.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 83, 164.
- ¹⁵ ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 114, 133, 141.
- ¹⁶ Лаврентьевская летопись. С. 510.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 106, 139, 143, 154.
- ¹⁸ Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000. С. 293.
- ¹⁹ Троицк. С. 393, 397.
- ²⁰ Там же. С. 418, 422, 429.
- ²¹ Там же. С. 426–427.
- ²² Там же. С. 431, 432, 444, 447.
- ²³ Там же. С. 434.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. С. 435.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 439.
- ²⁹ Там же. С. 440.
- ³⁰ Московский летописный свод конца XV в. С. 299.
- ³¹ Там же. С. 443–444.
- ³² Лаврентьевская летопись. С. 403–404.
- ³³ Троицк. С. 289–290.
- ³⁴ Там же. С. 445.
- ³⁵ *Грбарь И. О.* О древнерусском искусстве. М., 1966. С. 78.
- ³⁶ Троицк. С. 450, 459.
- ³⁷ Там же. С. 443.
- ³⁸ Там же. С. 444.
- ³⁹ Там же. С. 447–448.
- ⁴⁰ Там же. С. 450.
- ⁴¹ Там же. С. 453.
- ⁴² Там же. С. 455–456.
- ⁴³ Там же. С. 456, 464.
- ⁴⁴ Там же. С. 465.

Данные о социально-экономическом положении посадских женщин XVI–XVII вв.

Социально-правовой статус, повседневные заботы и экономическая активность рядовых русских горожанок XVI–XVII вв. до сих остаются вне поля зрения историков. Лишь в исследовании Ю. А. Мизиса обобщены немногочисленные материалы XVII в. из городов Центрального Черноземья об участии посадских женщин в торговых операциях¹. Но жизнь женщины не ограничивалась одним лишь товарообменом и нуждается в более полном и всестороннем освещении на протяжении длительного периода и в общерусском масштабе². Очень важно избежать при этом как архаизации, так и модернизации, т. е. при оценке социально-экономического и бытового положения женщины допетровской России учитывать нюансы исторической психологии, исходить из устоявшихся представлений и традиций того времени, отличавшихся от более поздней (и тем более, современной) эпохи. Речь пойдет, прежде всего, о рядовых горожанках — женах черных посадских людей, мелких торговцев и ремесленников. Чем жили, помимо забот о семье и домашнем хозяйстве, рядовые посадские женщины в допетровской России, были ли они все темными и забитыми, имели ли право самостоятельно заниматься торгово-предпринимательской деятельностью, каков был их юридический статус в русском обществе?

Изучение данной проблемы возможно только на основе методики комплексного источниковедения, с привлечением и сравнением широкого круга разноплановых письменных источников. Наибольшую ценность из них представляют законодательные памятники, актовые материалы (прежде всего, челобитные, духовные и рядные грамоты), приказная документация, писцовые, переписные, дозорные, вкладные, кормовые и поминальные книги, записки иностранцев. Вместе с тем гендерный аспект практически не отразился в летописании. Чтобы с максимальной объективностью оценить роль и место женщин из русской торговой среды, представляется целесообразным также использовать аналогичные данные эпохи Средневековья и раннего Нового времени из христианских стран Западной и Центральной Европы, отличавшихся по социально-экономическим и культурно-бытовым традициям от государств Востока, где господствовали иные религии (ислам, буддизм, индуизм и др.) и иные общественные установки.

Каким было правовое положение посадских жен и дочерей в средневековой России? Из древнерусских материалов можно получить лишь отрывочные представления о статусе женщины в обще-

стве. По договору Новгорода с немецкими городами 1191–1192 гг. за срывание головного убора-повязки («повоя») с чужой женщины либо дочери виновный платил штраф «6 гривн старые за сором», а за изнасилование — «40 гривн ветхими кунами»³. Такие инциденты, очевидно, не раз случались и с русскими гостями за рубежом, и с иностранными купцами, приезжавшими на Русь. «Устав князя Ярослава о церковных судах» (XI–XII вв.) различает четыре группы светского населения: 1) «великие бояре»; 2) «меньшие бояре»; 3) «нарочитые (добрые, городские) люди»; 4) «простая чадь» (сельские жители). За насильственный увоз дочери горожанина полагался штраф: ей «за сором рубль, а митрополиту рубль», за изнасилование — «два рубля, а митрополиту два рубля»⁴. В отношении дочери «простой чади» (крестьянки) он составлял 12–13 гривен. В «Правосудье митрополичьем» (около 1390–1420-х гг.) штраф за изнасилование жены либо дочери боярина равнялся 5 гривнам золота, «добрых» людей — 30 гривен серебра, «нарочитых» — 3 рубля⁵.

Законодательство Российского государства охраняло честь горожанок в зависимости от социального и имущественного положения их мужей. Согласно статье 26 Судебника 1550 г. штраф за «бесчестье» полагался «торговым гостем болшим пядесят рублев, а женам их вдвое против их бесчестиа; а торговым людем и посадцким людем и всем середним бесчестиа пять рублев, а женам их вдвое бесчестиа против их бесчестиа... черному городцкому человеку молодчому рубль бесчестиа, а женам их бесчестиа вдвое»⁶. Таким образом, штраф в пользу жены рядового малоимущего горожанина составлял 2 рубля, а супруги зажиточного посадского жителя — 10 рублей. Законодатель оценивал честь представительниц «слабого» пола в два раза выше чести их мужей одного и того же социального положения. Когда на Руси появилась эта судебная норма, отсутствующая в средневековых сводах законов других стран Европы (англо-саксонских правдах, «Саксонском зеркале», Ливонской правде), и сохранилась ли она в последующий период? Упоминание о наказании за «бесчестье» женщин-боярынь встречается еще в дополнительных статьях Пространной Русской Правды, датирующихся XIII–XIV вв., а также в Двинской уставной грамоте московского великого князя Василия I Дмитриевича 1398 г. (за «безшестие» боярина и его слуг)⁷. Очевидно, эта норма наказания за оскорбление жен купцов и посадских людей была впервые оформлена только в Судебнике 1550 г.

Штраф в удвоенном размере за «бесчестье» женщин (в том числе из посадской среды) зафиксирован и в Судебнике 1589 г., который предназначался для северных уездов Европейской части России: «А торговым людем посадцким и всем середним безчестиа петь рублев, а женам их вдвое»⁸. Согласно Соборному Уложению 1649 г. за «бесчестье» жены «лутчих» тяглых посадских людей черных сотен

и слобод могли взыскивать с обидчика штраф в 14 рублей, средних людей — 12 рублей, малоимущих людей и жителей казенных сотен — 10 рублей (в соответствии с чиновным статусом мужей)⁹. Для сравнения: «старикам местным» полагалось денежное возмещение в размере 5 рублей, просвирницам — 3 рублей. Честь дочерей оценивалась в 4 раза больше отцовского оклада¹⁰.

Сохранились сотни дел XVII в. о «бесчестье»¹¹. Чаще всего подвергались изнасилованиям девушки, незамужние одинокие женщины и вдовы, за спиной которых не стояли пользовавшиеся авторитетом и уважением в общине родственники мужского пола¹². Так, в декабре 1691 г. осиротевшая девица Марьяца Петрова шла с товаром в кузовке на сумму 5 рублей, и напавший на нее сзади мужчина не только изнасиловал несчастную, но и отобрал поклажу. Ссылаясь на свидетелей и на телесные повреждения, потерпевшая в челобитной на имя митрополита рязанского и муромского Авраамия обвинила в преступлении посадского человека Максима Скрыина¹³. В источнике, к сожалению, не содержится информация о том, чем же закончилось это дело. Иногда, впрочем, даже случаи сексуального насилия в посадской среде завершались примирением сторон¹⁴.

Имущественные права средневековых русских горожанок отличались гендерной спецификой. Согласно Новгородской судной грамоте (XV в.), представители купечества, подобно боярам и «житьым людям», имели право вести судебные споры не только относительно собственных земельных владений, но и земель, принадлежавших их женам¹⁵. Претендуя на пожню, которой ранее владел торговец-прасол Ананья, «Тимох Иванов холовской рядовитин» с улицы Легошей положил «приданую грамоту жене своей Афросинье да ее детей»¹⁶.

Вот какие правовые гарантии дал купцам перед восшествием на престол в 1606 г. боярский царь В. И. Шуйский: «...у гостей, и у торговых, и у черных, хоти которой по суду и по сыску дойдет и до смертные вины, и после их у жен и у детей дворов и лавок, и животов не отнимати, будет с ними они в той вине не были и невинны...»¹⁷ Как видим, власти не проводили конфискации движимого и недвижимого имущества у домочадцев, чьи главы семейств из торговой среды были осуждены даже за самые тяжкие преступления перед государством.

Вдовы и их дети имели первоочередное право на покупку вотчин, принадлежавших их мужьям и отцам (указ от 16 февраля 1628 г., подтверждавший положения приговора 9 октября 1572 г.)¹⁸. Овдовевшая русская женщина с одним ребенком могла рассчитывать на треть наследства, что было известно даже заезжим иностранцам¹⁹. Митрополичьим указом, принятым не позже 14 марта 1561 г., в дополнение к более раннему указу от 2 января 1557 г., объявлялись недействительными те духовные грамоты женщин, которые удостоверялись одними лишь мужьями без других свидетелей воли душеприказчиц

из числа их родственников («их племя»): «Которая жена умрет, а напишет в духовной мужа своего в приказщики, и тому мужу в приказшиках не быти, а та духовная не в духовную, потому что жена в его воле: что ей велит писати, то она пишет» (1557 г.); «А в которых духовных муж у жены в приказе пишется один, а сторонних людей с ним в той духовной не будет, и тем духовным не верити» (1561 г.)²⁰. Согласно статейному списку из девяти указов, одобренных 3 декабря 1627 г., бездетной вдове после смерти мужа доставались приданое и четверть имущества и недвижимости, за исключением родовых и выслуженных вотчин²¹. Таким образом, законодательство феодальной России ограждало имущественные интересы представительниц «слабого» пола, в том числе из посадской среды, от посягательств мужей и их родичей.

Женщины упоминаются в 5 статьях главы XIX «О посадских людях» Соборного Уложения 1649 г. Согласно статье 21, «которые посадские люди давали дочерей своих девок за волных за всяких людей, и тех волных людей их в черныя слободы не имати». Вместе с тем, если вольный человек женился на тяглой посадской вдове (статья 22) либо переходил после женитьбы в дом супруги, дочери посадского жителя (статья 23), то его причисляли к тяглому посадскому населению²². Посадские девицы и вдовы, вышедшие замуж за беглых кабальных людей, крестьян или бобылей, вместе с мужьями и детьми отдавались владельцам беглецов (статья 37). В иной ситуации, когда отец бежавшей из дома девицы либо вдовы, вступившей без его согласия в брак с подневольным человеком, обращался с челобитной к царю, всю новую семью переводили в состояние тяглового посадского населения (статья 38)²³. Однако имена и прозвища женщин не встречаются ни среди поручителей, ни среди свидетелей («послухов») при составлении разного рода частных актов (купчих, меновых, продажных, рядных грамот, завещаний и др.).

Кажется, не вполне объективно по отношению, по крайней мере, к русским высказывался Михалон Литвин, автор трактата «О нравах татар, литовцев и москвитян» (1550 г.): «Ни татары, ни москвитяне (Mosci) не дают женщинам никакой воли... Они не имеют у них прав²⁴. Даже в странах Западной Европы в эпоху Средневековья женщины, пытавшиеся заниматься предпринимательством, не пользовались равными с мужчинами правами. К примеру, законы Гента (Восточная Фландрия) в XIV в. существенно ограничивали возможности представительниц «слабого» пола в самостоятельном ведении дел путем навязывания опекунов со стороны мужа или других родственников. Мужья контролировали собственность жен (за исключением приданого), могли использовать ее для уплаты собственных долгов. Лишь те, кто добился особого статуса «женщины-торговки», действовали независимо от опекунов. Целие Реббе, став менялой, к концу жизни

сколотила одно из самых больших состояний Гента и даже участвовала в сборе налогов, но, не имея политических прав, не могла заседать в городском совете²⁵. В средневековых городах-коммунах Далмации (Дубровнике, Задаре, Сплите, Трогире) предпринимательская активность женщин, способствовавшая благоденствию семьи и потомства, не считалась чем-то предосудительным и даже поощрялась в общественном мнении. Жены, сестры, матери участвовали вместе с мужьями, братьями, сыновьями в коммерческих операциях разного рода, в том числе в финансировании их дальних торговых экспедиций. Иногда представительницы слабого пола сами вели свои хозяйственные дела в родном городе либо за его пределами, а порой выбирали для этой цели доверенных лиц, в основном из числа родственников²⁶.

Посадские женщины русских городов должны были выполнить за свои умерших мужей (в зависимости от окладов) государеву повинность. Не все, однако, овдовевшие женщины из торгово-ремесленной среды могли справиться с ежегодной уплатой возложенного на них оклада. И отнюдь не случайно в переписной книге Можайска 1595–1598 гг. наряду с владельцами дворов из числа мужчин-ремесленников и мелких торговцев определенной специализации на каждой улице указывались вдовьи дворы²⁷. В 1673 г. вдовам принадлежали 49 из 503 дворов на посаде в Пскове, и посадские люди обращались к воеводе с просьбой освободить вдовьи дворы от тягла²⁸.

Согласно переписной книге (рописному списку) Москвы 1638 г., вдовам не только членов Гостиной сотни, но и простых посадских торговцев вменялось в обязанность выделять со своих дворов вооруженных людей в ополчение, в том числе с проживавших на Никитской улице «вдовы Марья Решетовской, с нево человек с пищалью», «вдовы Тимофеевой жены Судовщикова, с нево человек Ивашко с пищалью». В этом же документе упоминается в приходе храма Рождества Иоанна Предтечи двор «вдовы торговки Дарьи Михайловой дочери», проживавшей без детей и родственников; одинокой пришлось коротать век и Пелагее «Васильевы жены москотильника»²⁹.

Женщины могли не только продавать, но также закладывать и жертвовать принадлежавшие им торговые помещения и другие владения. 13 ноября 1612 г. новгородка «Марья Иванова дочь, вдова, Федоровская жена шапочникова, с Никитины улицы» продала за 5 рублей митрополичьему крестьянину «Онисиму Софонтьеву сыну, прозвище Первому, скорняку» лавку своего мужа с полатами в Ременном ряду³⁰. В сентябре 1612 г. портной Филипп Леонтьев приобрел за 2 рубля 20 алтын у старицы Евфимьины монастыря Евфимьи лавку в Белильном ряду, которая находилась между двумя лавками некоей вдовы Анны. 27 октября 1612 г. «Александра Иванова дочь, Кириловская жена перечникова» продала «Матвею Степанову сыну

олмазнику» за 9 рублей лавочное место своего мужа в Перечневом ряду Великого Новгорода³¹.

4 октября 1639 г. датируется купчая грамота жены Акима Ивановича «Коротановой Василисы Ивановой» с сыном Федором на лавку с подлавочным местом в Большом кожевенном ряду Сольвычегодска, проданную Федору Гавриловичу Звягину³². В 1643/44 г. жена Савина Гоголина Марина Афанасьевна заложила Петру Степановичу Сахарову находившуюся там же лавку³³.

Аксинья, жена посадского человека Костромы Ивана Никитина, пожертвовала в 1569 г. Ипатьевскому монастырю две пожни³⁴.

Кто-то из вдов уходил в монастырь, а кому-то удавалось вторично выйти замуж. Очевидно, перед постригом в 1566/67 г. «Анна Анфимова дочь Дылева» сделала вклад в Троице-Сергиев монастырь «по сыне своем Андрее Бахтияре да по муже своем Иване у Соли Галицкие на посаде двор свой и с огородом, а на дворе хором; две горницы да 2 повалуши, да двои сени, поварня пивная, погреб, сенница изба ветчаная, ледник, сушило дощаное на зарубе с переходы, мыльня с сеньми, конюшня, сенница, да в огороде житница; варницу ватагу на большом колодызе с цреном и со всеми варничным нарядом, да анбар соляной с полатыми в струбех 23 венца, да на реке на Солонице луг повыше посаду»³⁵. Приведенная вкладная запись позволяет представить быт зажиточной семьи, занимавшейся добычей и продажей соли.

В книгах записей купчих приказной избы Владимира под 1692 г. и приказной избы Ростова 1693 г. зарегистрировано несколько случаев продажи женщинами (в основном вдовами), именующимися «продавицами», городских дворов со всеми строениями. В апреле 1693 г. «вдова Дарья Потапова дочь ростовца посадского ч[е]л[о]в[е]ка Алексеевская жена Андреева сна Лапотникова» продала за три с половиной рубля другому жителю Ростова свое лавочное место в Старом Калачном ряду³⁶. Причем, как правило, вместо посадских жительниц в документах расписывались мужчины. Отстаивая свои интересы, русская горожанка могла обратиться и к самому царю. Согласно дозорной книге Софийской стороны Великого Новгорода 1586 г., вдове Марьице Федотовой, переведенной из Прусского заполья, по челобитью было выделено на пустых тяглых местах Прусской улицы поддвора площадью 38 на 7 сажен. Она относилась к числу малоимущих («молотчих») людей города³⁷.

Жительница Кадашевской слободы Москвы получила в качестве наследства в 1654 г. одежду и деньги своего двоюродного брата, кадашевца Д. К. Чекана, умершего во время эпидемии чумы³⁸. И в странах Западной Европы в эпоху Средневековья и раннее Новое время мужья по завещанию обычно оставляли своим женам, помимо приданого, четвертую часть («кварти») всего имущества³⁹.

Женщины из посадской среды (как и представительницы других социальных групп русского общества) могли самостоятельно брать деньги в кредит, а также распоряжаться приданным и родовой недвижимостью. Согласно Статейному списку английского посольства в Россию Дж. Флетчера (1589 г.), англичанин Э. Мерш (Марш) обвинял дьяка Андрея Щелкалова в том, что тот «взял на Смирнове жене Араксалимова по кабале, которая ему была дана, 120 рублей»⁴⁰. Вдовам приходилось отвечать и за долги умерших мужей.

Согласно российскому законодательству, имелись кое-какие нюансы в положении тех, кто устанавливал брачные узы с представителями (представительницами) иной чиновной группы⁴¹. 1 апреля 1655 г. из Земского приказа последовало указание: стольников, стряпчих и дворян московских, женившихся на вдовах и дочерях членов Гостиной, Суконной и черной сотен, «по женам имати в сотни в тягло и дав их на поруки с записьми, что им жить и тягло тянуть в тех сотнях, кто которой сотни возьмет»⁴². Но чаще всего браки заключались в родной посадской среде. В рядной записи от 18 мая 1643 г. жителя Вологды, рыбного прасола Ивана Аверкиевича Девкина «с вологжанкою с посадкою вдовою Огрофеною Ивановою дочерью Мичюрина, а с Федуловскою женою Аверкиева сына Костоусова» он, прежде всего, обязался: «взяти мне, Ивану, у нея, вдовы Огрофены, за себя ея девица Ульяна Федулова доч на срок маия в 24 день нынешнего стопятдесят перваго году». Далее в ней перечислено приданое невесты: «образ пресвятыя Богородицы на золоте», верхняя одежда из сукна, шапка, жемчужное ожерелье, две пары серег с камнями и с жемчугом (с указанием стоимости всех вещей), корова, амбар деда невесты в рыбном ряду, полдвора, огород⁴³. В случае нарушения сговора неграмотный жених, за которого расписался его духовник, обязался уплатить матери невесты 30 рублей.

Не обходилось в сфере брачных отношений и без курьезных случаев. Так, например, посадский человек из Великого Устюга «Митка Емельянов сын Ходутин» жаловался в октябре 1626 г. на Наталью Бовину, задолжавшую ему по кабале 2 рубля, приходившую к его лавке и буквально требовавшую взять ее замуж. Отец Натальи вынужден был оправдываться перед челобитчиком: «Пожалуте, не гледите на нее, что де она без ума»⁴⁴. Еще одного устюжанина, посадского человека Григория Конева очень беспокоило недостойное, на его взгляд, поведение снохи Домны, не желавшей жить с его сыном и угрожавшей покончить с собой (явка от 18 ноября 1626 г.)⁴⁵.

Огромной популярностью пользовался в допетровской России «Домострой» — свод правил общественного, религиозного и семейно-бытового поведения, сохранившийся в 40 с лишним списках и трех редакциях XVI–XVII вв. Содержащиеся в нем нравоучительные наставления отражают представления зажиточных торгово-

ремесленных слоев средневекового русского города. Составители «Домостроя» дают советы, прежде всего, городскому «домовиту человеку, мужу и жене, и у кого поместья и пашни, и сел, и вотчин нет»: закупать заранее на рынке годовой запас зерна и прочих продуктов питания, поддерживать должный порядок в домашнем хозяйстве⁴⁶. Вот, в частности, какое сравнение приводится в главе 20 «Похвала женам» этой средневековой энциклопедии домоводства: «Аще дарует Бог жену добру дражайшии есть камни много ценнаго таковая от добры корысти не лишится, делает мужу своему благожитие, обретши волну (шерсть. — В. П.) и лен сотвори благопотребно рукама своима, бысть яко корабль куплю деючи издалече збирает в себе богатество и восстает из ноши и даст брашно дому и дело рабыням...»⁴⁷

По мнению С. М. Соловьева, «Домострой совершенно прав, предписывая женщине заниматься только хозяйством и говорить только о хозяйстве, ибо другого приличного для нее занятия, другого приличного для нее разговора нет: если она не будет говорить о хозяйстве, то она будет пересмежать, переговаривать; дома она должна постоянно сидеть за работою или распоряжаться работами других, развлечения, каким она может предаться, — все это развлечения постыдные, вредные: пустые, пересмешные разговоры с слугами, разговоры с торговками, женками бездельными, волхвами»⁴⁸.

На почве подозрений в неверности глава купеческой семьи мог безнаказанно избивать свою супругу (а вот за рукоприкладство по отношению к мужьям жены еще с древнерусской эпохи платили денежный штраф в 3 гривны серебра). 2 марта 1627 г. датирована жалоба овдовевшей жительницы Устюга Великой Аксиньи Леонтьевны Гурьевой на своего зятя Якова Югова и его дядю И. С. Югова, дурно обращавшихся с ее дочерью Натальей, женой Якова: «...биют и мучат без вины, а водят нагу и босу, а поят и кормят в урок, скудно, и повсегда насилствуют всяким насильем и угрожают убийством и смертию»⁴⁹. За убийство мужа женщину в допетровской России (независимо от причин и обстоятельств преступления) закапывали живой в землю и она умирала мучительной смертью. Согласно «Новоуказным статьям о татевных, разбойных и убийственных делах» (22 января 1669 г.), если «жена учинит мужу своему смертное убийство, или окормит его отравою, а сыщется про то допряма: и ее за то казнить, живу окопать в землю», даже когда дети либо ближние родственники убитого станут просить о пощаде⁵⁰.

Немало данных об участии женщин в торгово-экономической жизни русских городов отложилось в письменных материалах с конца XV—XVI вв., когда власти стали периодически проводить переписи податного населения. Согласно описанию 1497/98 г. посада Старой Русы, в одном из дворов, принадлежавших Кириллу Тарасьину, проживала «Трясця сводница» с зятем Климкой, платившие налог (по-

зем) в 10 денег⁵¹. В книге упоминаются еще несколько вдов старорусских жителей, но без указания их занятий⁵². В Торопецкой писцовой книге 1540 г. перечислены 20 вдов, одна из которых была дворницей, 2 попадьи (одна из них оспаривала правомерность владения лавочным местом) и 39 незамужних женщин (10 проскурниц, 3 дворницы и 26 монахинь)⁵³. Две из жительниц Каргополя, владевшие за оброк в 3–6 денег загородными пожнями, ставили на них 3–6 копен сена, которое шло на корм скоту⁵⁴. За годовой оброк в 1 гривну четверо женщин (две из них — вдовы), сидя на скамьях в конце Большого ряда, торговали в 1565–1568 гг. в Свяжске хлебом и калачами⁵⁵.

В лавочных книгах Великого Новгорода 1583 г. упоминаются торговые помещения, принадлежавшие женщинам: «Переулоч к государьскому к большому двору поперег сажень с пядью: прилавок Лучкинской жены Овдотьицы сапожниковы с Щитной улицы по затвору... оброку 7 ал.»; «Ряд Сапожной третей к Волхову по правой стороне лавки: полоч Степанка Иванова сына Шепетника да Дарьицы Володимерской жены Игольниковы...» В Серебряном ряду располагалась лавка «Степанидки Ивановы жены с Лубяницы», платившей оброк в 5 алтын. А проживавшая на Черницыне улице жена «корыстовного купчины» Евдокия Васильева предпочла в 1573 г. сбежать из Новгорода Великого в Москву⁵⁶. Женщины могли свободно распоряжаться собственным недвижимым имуществом, в том числе дворами, торговыми помещениями, амбарами. 4 июля 1591 г. «Матрена Федорова дочь, Мосеевская жена щепетникова с Рогатицы», жившая «у Григорья у перечника», продала прилавок своего мужа в Перечном ряду Великого Новгорода «Никите Семенову сыну яблочнику»⁵⁷.

Согласно писцовой книге Пскова 1585–1587 гг., вдова Овдотья Богданова сдавала в наем шелковнику Омеляну два прилавка с полками в Сурожском ряду⁵⁸. Там же зарегистрирована лавка «вдовы Параскавы Игнатъевы жены Лыткина, живет на Москве, оброку полтретья алтына»⁵⁹. На посаде небольшого города-крепости Изборска под Псковом, по данным 1585–1587 гг., одна из двенадцати оброчных лавок находилась во владении «вдовы Агафьицы Юрьевы дочери», которой принадлежала также клеть внутри крепостных стен. Совокупный годовой оброк за эти торговые помещения составлял 15 монет-московок. В Опочке тогда же было зарегистрировано 19 лавок и 31 пустое лавочное место, среди владельцев которых упоминаются овдовевшая Матрена Федорова и проскурница Авдотья⁶⁰.

Из 15 лавок, принадлежавших женщинам и зарегистрированных в сотной грамоте Муромскому посаду 1573/74 г., лишь пять оказались пустыми, а в остальных велась торговля⁶¹. На 1577/78 г. в Коломне всего лишь 5,5 из 379 лавок и 2 из 35 скамей числились за представительницами слабого пола, которые (за исключением одного случая — «лавка Степаниды Лукьяновские жены Крупиникова, а ныне за Са-

вою за рыбником») сами занимались торговыми делами. Правда, не всегда четко указывается, являлись ли они вдовами⁶². В Свияжске, по данным писцовой и межевой книги 1565/66–1567/68 гг., 5 из 27 со-владельцев скамей, продававших хлеб и калачи, являлись женщинами. Вместе с тем в Туле женщинам принадлежали лишь один амбар с солодом и одна лавка⁶³. Несколько жительниц Тулы (в том числе вдов) являлись в 1587–1589 гг. «дворницами» — содержательницами дворов, которыми владели другие люди⁶⁴. В платежной книге 1595–1597 гг. Рязани зарегистрирована лавка вдовы «Марьи пушкоревы Ивановы жены Сурикова с детьми», годовой оброк с которой составлял 4 алтына⁶⁵.

Женским уделом, как свидетельствуют упомянутые выше материалы конца XV–XVI в., в основном являлась мелкая торговля съестными припасами, а также просфирами («проскурами» при храмах. В «Уставе князя Владимира о десятине, судах и людях церковных» проскурница и «вдовица» причисляются к митрополичьим церковным людям⁶⁶.

Еще больше материалов об участии посадских женщин в экономической деятельности относится к XVII в. Судя по записям в расходных книгах 1613–1614 гг., для нужд царского двора у московских торговок и мастериц (иногда в одном лице) закупались в основном различные галантерейные и швейные изделия: в частности, «торговке Степаниде Олексееве» было уплачено за «кружива мишурново кованого», «плетенку мишурново», «кружива немецкого кованого золотного», «кружива золото с серебром рогатого»; «торговке Парасковье Патриной» — за «кружива рогатого, золото с серебром»; «нитнице Оксюхе Иванове» — «за десятину нитей синих»; «Золотново ряду торговке Анне Красной за 10 арш. с полуаршином кружива серебряного, орликами в 20 нитей»; «торочнице Татьянке Петровой дочери» — за изготовление «торочков миткалинных» для нагольных шуб; «Холщевому ряду Ненилке рубашечнице за 2 рубахи да за двои портки»⁶⁷. Среди них были и незамужние женщины, а кое-кто имел лавки-мастерские в торговых рядах (Золотном, Холщевном).

В 1620 г. некая московская «торговка Анютка» искала в Посольском приказе управу на немецкого переводчика, не заплатившего ей за что-то «пяти рублей с полтиною»⁶⁸. В еще одном судебном деле 1623 г. имеется словосочетание «торговка дворянка», смысл которого не вполне ясен: «...Искал в Посольском приказе агличанин торговой человек Ивашка Иванов жемчужново ряду на торговке на дворянке за два перстня золотых тритцати дву рублей, не вершено»⁶⁹. Но, скорее всего, речь здесь идет не о покупательнице-дворянке, не расплатившейся за приобретенные украшения, а о женщине из дворянской среды (быть может, овдовевшей), торговавшей ювелирными изделиями. Термин же «продавица», известный в России с XVII в., при-

менялся по отношению к особам женского пола, продававшим землю и прочую недвижимость, а не к профессиональным торговкам⁷⁰. В деле по извету иноземца Данилы Рябицкого на Афоню Науменка (серебренника, человека И. Стрешнева) в том, что умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну (1642–1643 гг.), отмечалось, как «Офонка для воровства ж приворотил к себе жонку Любку, а сидела де она в тесемном ряду и ныне та жонка с Москвы сошла безвестно»⁷¹.

К рыночной деятельности приобщались в XVII в. многие представительницы слабого пола. В России издавна существовало право раздельной собственности супругов. Не только незамужние, но и замужние женщины из посадской среды могли заключать имущественные сделки, связанные с приобретением либо продажей торговых помещений, дворов. Чаще всего женщины наследовали лавки после смерти мужей. Так, 6 августа 1626 г. в Москве была оформлена «жаловальная грамота вдовы Дарьи Сырейщиковы мужа ее Якова Сырейщикова, на каменную лавку в верхнем Медовом ряду». В Иконном ряду в 1626 г. владели лавками две вдовы и просвириница Евлампия, жена Остафия Команихи. Несколькое торговых помещений принадлежали женщинам также в Завязочном, Котельном, Мыльном, Подошевном и Старом Москотильном рядах Москвы. Немало мелких торговок (причем не только вдов), продававших молоко, сметану, квас, горох, можно было увидеть тогда на скамьях у Пирожного ряда⁷². Судя по переписной книге 1630–1631 гг., торговки встречались и среди населения Кадашевской слободы Москвы⁷³.

Как зафиксировано в росписном списке Москвы 1638 г., в приходе храма Петра митрополита стояла изба одинокой «торговки Овдотьи Колуженки», переселившейся, очевидно, в поисках счастья в столицу России из Калуги⁷⁴. За Яузой, на «белой» земле тогда располагались дворы: «вдовы Овдотьи калачницы», у которой жили два сапожника; «Ивановы крестьянки Бутурлина вдовы Марьицы хлебницы, у ней 2 наймита»⁷⁵. У московской фонарницы Анны, тещи цымбальника Юрия, проживавшей в 1638 г. в Китай-городе, были три лавочных сидельца⁷⁶.

Порой на почве участия посадских женщин в экономической деятельности возникали судебные дела. В мае 1695 г. торговым человеком московского Оконичного ряда, крестьянином из с. Измайлова Никоном Никифоровым обвинялась «того ж ряда торговка Татьяна Яковлева», жена оконного мастера, тяглеца Сретенской сотни Савелия Иванова, в попытке выноса из лавки товара без оплаты. В челобитной на царское имя женщина отвергла обвинение, заявив об уплаченных за «связку» оконного стекла трех рублям и огнятой у нее владельцем лавки за долг мужа покупке⁷⁷. В 1698 г. стольник кн.

И. А. Голицын предъявил вдове Анютке из Мещанской слободы иск в 300 рублей «за взятые за пять алмазных запан в золоте»⁷⁸.

По свидетельству Адама Олеария, у помоста на Красной площади, где стояла Царь-пушка, женщины обычно торговали холстами, а некоторые и своей честью⁷⁹. Один подмастерье, привлеченный к следствию по делу о «Медном» бунте 1662 г., оправдываясь, заявил, что «купил он край мыла у носящей жонки» на Красной площади, у Лобного места⁸⁰. Как отмечал дипломат Бернгард Таннер, посетивший столицу России в составе польского посольства в 1678 г., на Красной площади и торгу «любо в особенности посмотреть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянок: нанесут ли они полотна, ниток, рубах или колец на продажу, столпятся ли так позевать, от нечего делать, — они поднимают такие крики, что новичок, пожалуй, подумает, не горит ли город, не случилось ли внезапно большой беды...»⁸¹.

Массовые свидетельства об участии москвичек в ремесленном производстве дают материалы XVII в. о московских ткацких слободах, особенно о Кадашевской слободе⁸². Как зафиксировано в переписной книге 1630–1631 гг., в 18 из 33 дворов на Перепелкиной улице Кадашевской слободы за «государево дело» отвечали женщины (в том числе 5 вдов)⁸³. Если в 30-х годах XVII в. большинство работ по государственному заказу казны (прядение, тканье, изготовление бели, шитье скатертей, убрусов, утиральников) выполняли жены, вдовы и дочери ткачей-хамовников, то в 1670-х гг. картина меняется за счет повышения производственной активности мужчин⁸⁴. Ткачихи-хамовницы, работавшие как на дому, так и в общих производственных помещениях (в том числе в каменных двухэтажных палатах) в документах именовались «деловицами»⁸⁵. Согласно переписной книге Кадашевской слободы 1669 г., в одной производственной группе работали 2 ткачихи и 10 прях⁸⁶. В 50–60-х годах XVII в. государевой Кадашевской слободой управляла очень энергичная женщина — приказная боярыня Татьяна Шилова. 1656 г. датируется составленная при ней строильная книга Кадашевской слободы, в которой зарегистрировано все ее тяглое население: кадашевыцы и кадашевки, в том числе «старинные» и «новопришлые»⁸⁷. При Шиловой были построены в 1658–1661 гг. каменные двухэтажные палаты Хамовного двора. 17 июня 1661 г. пять жителей Кадашевской слободы поручились «кадашевской приказной Тотяне Шилове да старосте Родиону Иванову по новопришлых людех по Трифоне да по Емельяне Игнатовых» в том, что они будут выполнять государево дело и «над белою казною хитрости никакие и дурна» не учинят, не станут промышлять «никаким воровством» (нелегальным содержанием корчмы, игрой в зернь, продажей табака, хранением и сбытом краденого)⁸⁸. Если жительница Кадашевской слободы выходила замуж за ее пределами (как дочь

Степана Тиханова, вступившая к 1656 г. в брак с членом Суконной сотни Василием Шиловцевым), то принадлежавший ей двор в Кадашах изымался и продавался новопришлomu хамовнику⁸⁹.

Взрослые ткачи и ткачихи передавали свой опыт ученикам и ученицам⁹⁰. Правда, ремесленное ученичество в XVII в. охватывало в большей степени мальчиков, нередко страдавших от произвола и издевательств хозяев-мастеров⁹¹.

В росписном списке 1638 г. Москвы можно встретить и хлебницу, и повивальную бабку⁹². Кое-кто из горожанок врачевал, и не только в качестве повитух. Овдовевшая жена лекаря из Мещанской слободы Москвы в 1670–1680-х гг. сама занималась врачеванием людей: «а промысел ее лекарство»⁹³. В 1671 г. некая «дохтур литовка» служила при царице Наталье Кирилловне⁹⁴. В перечне вкладчиков, вложивших свыше 50 рублей, в Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря 1674 г., упоминается «лекарица» Ульяна⁹⁵.

Рассмотрим далее, в какой степени участвовали в экономической деятельности в XVII в. женщины из провинциальных городов России. В Ветошном ряду Новгорода Великого в 1612 г. находилась лавка Ирины, «вдовы скупницы», занимавшейся скупкой и перепродажей подержанной одежды. У Волхова располагалась лавка Марьи Громолихиной, серебряницы (1612 г.)⁹⁶. Женские имена встречаются порой среди владельцев лавок и других оброчных заведений в Белоозере (1617/18 г.) и Романове (1621 г.), где большинство вдов в основном огородничали либо подторговывали пирожками и прочими съестными припасами⁹⁷. Согласно писцовой книге 1623–1626 гг., лишь 11 из 203 лавок Великого Устюга принадлежали вдовам. Они составляли 8 % от 124 посадских жителей города, промышленавших на тот момент торговлей⁹⁸. Овдовевшие женщины занимались главным образом выпечкой и продажей хлеба, именуясь «хлебницами»; некоторые из них производили на рынок толокно, крупу, рукавицы. Несколько представительниц женского пола, в том числе старица Софья Скамейкина, содержали харчевные избы (харчевни)⁹⁹. В Ярославской писцовой книге 1619 г. зафиксирован двор «посадцкой вдовы Марьицы соленицы», заготовлявшей и продававшей соления (но не соль)¹⁰⁰.

В писцовой книге Великого Устюга 1623–1626 гг. упоминаются 72 женщины — 70 овдовевших и 2 незамужние. Там указаны следующие источники существования 50 из 70 вдов: нищенство (38), хлебница (8), крупеница (1), масленица (1), прянишница (1), рукавишница (1), толоконница (1), торговка (1)¹⁰¹. Причем рукавишница «вдова Офимьица Михайловская жена» являлась складчицей хлебника Ефрема Кузьмина¹⁰².

В 1646 г. в Вязьме из 36 вдов только «Оксиница Гавриловская жена Перепечина» при помощи малолетних сыновей Кирюшки и Сеньки торговала «мелочью», а «Овдотьица Олексеевская жена

Смирново» промышляла «щепетинным товаром». Остальные овдовевшие посадские жительницы кормились в основном «черной работой»¹⁰³. Переписная книга Великого Новгорода 1646 г. содержит сведения о 38 представительницах «слабого» пола: 32 вдовах, одной девице и 5 незамужних женщинах. В ней указаны средства к существованию 19 из 32 вдов, среди которых перечисляются квасница, квашенница, крупеница, 4 проскурни, 2 свечницы и 10 нищенок¹⁰⁴. По данным 1678 г. в Великом Новгороде вдовам принадлежали 46 (5,2 %) из 874 посадских дворов¹⁰⁵.

Тремя лавками владела в 1691 г. «нижегородка вдова Карповская жена Зоина Анна Минина дочь». На нижегородском посаде тогда существовал даже Женский торговый ряд, располагавшийся у Калачного ряда¹⁰⁶. В книгах записей купчих приказной избы Владимира под 1692 г. и приказной избы Ростова 1693 г. зарегистрировано несколько случаев продажи женщинами (в основном вдовами) городских дворов со всеми строениями. В апреле 1693 г. «вдова Дарья Потапова дочь ростовца посадцкого человека Алексеевская жена Андреева сна Лапотникова» продала за три с половиной рубля другому жителю Ростова свое лавочное место в старом калачном ряду¹⁰⁷.

Не так уж много женщин сами торговали в принадлежавших им лавках в южных уездах Европейской части России. В Курске, например, лишь одна вдова, Овдотья Можайкина, платила в 1641, 1649, 1652 и 1653 гг. оброк за свое торговое помещение¹⁰⁸. Также овдовевшая Татьяна Венеvitина, проживавшая в Воронеже, с 1636 г. на протяжении 18 лет, вплоть до своей кончины, владела лавкой. Вместе с тем ни одна из вдов, владевших лавками по оброчной книге Козлова 1648 г., не сумела сохранить их за собой к 1657/1658 г. Всем им приходилось платить оброк за любую постоянную торговую точку (лавку, полку, скамью, «место горшечное», харчевню). Иногда женщины владели лавками вместе с компаньонами мужского пола. В большинстве случаев вдовам не удавалось удержать торговые помещения, которые, как правило, передавались наследникам по мужской линии либо продавались другим лицам¹⁰⁹.

Русскими традициями не поощрялось прямое и активное участие женщин в торгово-предпринимательской деятельности, считавшейся уделом мужчин. Но жизнь вносила свои коррективы, ведь никто, кроме самих вдов, не мог позаботиться о сохранении определенного достатка их семей после смерти кормильца.

За весьма редкими исключениями представительницы «слабого» пола занимались мелочной внутригородской торговлей, а не крупным межобластным товарообменом. Из 10 овдовевших женщин Великого Устюга, владевших в 1623–1626 гг. лавками, только «вдова Офросиница Семеновская жена Клеунова да сын ее Баженко» торговали «отъезжими товарами» с Сибирью¹¹⁰. В таможенной книге Устю-

га Великого 18 августа 1676 г. сделана следующая запись: «...Козьмина мати Стефанида Леонтиева дочь отпустила к Архангельскому городу на судне у Игнатя Шапочникова устюжской поупки муки пшеничной 30 кулей, круп овсяных 30 кулей...» Выше там же зарегистрированы торговые операции с хлебом ее сына устюжанина Кузьмы Семеновича Норицына¹¹¹. 9 августа 1677 г. в таможенной книге сделана следующая запись: Иван Михайлов, приехавший из Холмогор, предъявил на таможе Устюга Великого 400 пудов соли, приобретенные «на посыльные явленные деньги устюжанки Марьи Васильевы дочери, а Ивана Маслова бывшей жены»¹¹². В феврале 1694 г. в записной книге мелочных товаров московской Большой таможи было зарегистрировано: «Явила нижегородка Агрпена Павлова дочь Ивакина по нижегородцкой отпускной выписи 205 ар. пестреди русской, в 7 пестредях, десять штанов пестрединных русских. По досмотру 5 рубак пестрединных, 2 холста белых. Цена всему одиннатцеть рублей». Далее приказной человек таможенной службы по привычке записал в мужском, а не в женском роде, что она «платил п[ошлин] 18 ал. 2 д.»¹¹³.

Близкая по характеру ситуация прослеживается и в средневековых городах Западной и Центральной Европы. Женщины-мастерицы Страсбурга, находившиеся в зависимости от местного епископства, могли в конце XII в. беспошлинно продавать собственноручно изготовленные изделия¹¹⁴. Позже, в XV в., женщины в Страсбурге занимались посредничеством при покупке-продаже зерна. Мать и жена Микеле Ландо, одного из организаторов восстания «чомпи» 1378 г. во Флоренции, промышляли продажей глиняной посуды¹¹⁵. В XIV–XV вв. прядильницам-надомницам там запрещалось пользоваться изготовленной ими шерстью в собственных целях и продавать ее на сторону¹¹⁶. В то же время мастерицам франкфуртского монастыря пресвятой Девы Марии разрешалось «ткать сукно с каймой и продавать его в розницу»¹¹⁷.

В Кельне в XV в. существовали четыре чисто женских цеха — бумагопрядильный, золотопрядильный, шелкопрядильный и шелкоткацкий. Кроме того, женщины входили в качестве полноправных членов в ряд других городских цехов (ткачей полотна, ткачей шерстяных изделий, вышивальщиков гербов, кошелечников, поясников, заготовщиков кожи, золотых дел мастеров, золотобитов, игольщиков, бочаров, портных, скорняков, пекарей, пивоваров, рыботорговцев, мясников. На основе так называемого вдовьего права вдовы могли продолжать дело покойных мужей и в остальных цехах (за исключением цеха панцырников)¹¹⁸. Согласно 3-му цеховому уставу ткачих шелковых изделий Кельна (1469 г.), «если продавщица или ученица этого цеха произведет у хозяев хищение стоимостью в 2 кельнские марки, то она лишается права заниматься этим ремеслом», но чаще

всего торговали готовым шелком мужья мастериц. Причем кельнским лавочникам и лавочницам запрещалось продавать шелковые материи и шнуры, «не сработанные главными мастерицами» города¹¹⁹. В докладе, представленном Кельнскому совету купцом и общественным деятелем Гергардом фон Везелем (1490–1491 г.), отмечалось: «Многие лица, принадлежащие к шелкоткацкому женскому цеху, вступают одновременно в цех розничных торговцев сукном, пользуясь таким образом двойным источником пропитания... Эти бедняки, а также посредницы разносят по городу такого рода мелочный товар, продавая его с убытком, чем чинят подрыв розничной торговле сукном...»¹²⁰ В допетровской России же часть мастериц и торговок была распределена не по цехам, а по торговым рядам либо государевым слободам.

Варшаве, Гданьске, Кракове, Познани и других городах Польши женщины в XVI–XVII вв. занимались в основном мелкой, розничной торговлей, а также кредитованием. В польских документах того времени нередко можно встретить специальные термины, обозначающие женщин, которые участвовали в торгово-предпринимательской деятельности («крамарки», «буднички», «крупнички», «масларки» и др.) «Хлебницы» упоминаются в жалованной подтверждающей грамоте великого литовского князя Сигизмунда киевским мещанам от 8 декабря 1506 г.¹²¹

Если в 1545 г. в Кракове пошлину за торговлю с рук внесли в городскую казну 85 женщин (57 % от общего числа налогоплательщиков), то в 1598 г. число таких торговок достигло 65 %, а в 1629 г. — почти 70 %. На самых разных условиях (до достижения совершеннолетия старшим из сыновей, до вторичного замужества) вдовы могли сохранять членство в ремесленных цехах (сапожников, ювелиров и др.) после смерти супруга. В 609 (72 %) из 846 случаев выдачи мелких кредитов в Гданьске в первой половине XVII в. в роли кредиторов выступали женщины¹²².

Представительницам «слабого пола», занимавшимся торговлей, также приходилось нередко сталкиваться со злоупотреблениями местных властей. В 1580 г. мещанка из Ковеля Хоня Лавриновая тщетно добивалась возврата товаров своего сына Данилы, который с четырьмя слугами «ехал до Волох с торговлею», но был задержан и арестован луцким старостой и городничим Александром Жоравницким. В сентябре 1581 г. с жалобой на лендвойта Якуба Климашовского, незаконно собиравшего мытную пошлину с местных и приезжих купцов на луцкой ярмарке, обратились 100 мещан Луцка, в том числе три женщины: Барбара из Львова, Завадская из Кракова и Богданавая Половчиха. «Уляна Станиславовая Кравцовая, мещанка з Дубнеи» в декабре 1603 г. жаловалась на владими́ро-волы́нского арендатора корчем Аврамку, чьи слуги незаконно конфисковали у нее 9 полубочек пива, привезенных во Владимир-Волинский на продажу¹²³. Вме-

сте с тем ни одна женщина не входила в выборный орган купеческого самоуправления Вильнюса, состоявший на 1629 г. из 60 членов, а в списке из 300 вильнюсских купцов, упомянутых в записях таможенных книг Великого княжества Литовского в 1600–1616 гг. и выявленных Ю. Кяупене, присутствует единственная представительница женского пола — «Билдзюкова Николаева» (т. е. супруга Николая Билдзюка)¹²⁴. В росписи товаров, закупленных жителями Полоцка с 1 сентября 1661 г. по 22 января 1662 г. для поставки рижским купцам зарегистрирована лишь одна торговая операция с участием особы женского пола, оцененная в 1200 рублей: «Полоцкая мещанка Федоровская, жена Запечина, сказала у себя сала говяжьего топленого 6 бочек, а в бочке по 20 пуд на полоцкой вес, итого 120 пуд. А взял де сын ее Аврамко в Риге у немчина у Избердана на тот товар — на сало товары ж: соль, сельди, табак и в том де у немчина на сына ее есть кабала»¹²⁵.

Иное дело — розничная торговля на городских рынках. В Киеве, по наблюдениям Павла Алеппского (1656 г.), «женщины продают на красивых базарах и в отличных лавках все необходимое из материй, соболей и пр.; они нарядно одеты, заняты своим делом, и никто не бросает на них нахальных взглядов»¹²⁶. Мелких рыночных торговков можно увидеть на картинах Йоахима Бекелара «На рынке» (1564) и «Зеленой рынок» (1569), Винченцо Кампи «Торговка фруктами» (вторая половина XVI в.), Бартоломеуса ван дер Хелста «Новый рынок в Амстердаме» (1666)¹²⁷.

Как видим, интересы рядовых горожанок эпохи Средневековья и раннего Нового времени не ограничивались только семейными и хозяйственными заботами. В XVI–XVII вв. женщины из посадской среды отличались не только рачительным ведением домашнего хозяйства, но порой, овдовев, сами торговали в лавках и занимались ремеслом. К продаже съестных припасов и собственноручно изготовленных ремесленных изделий приходилось прибегать как замужним, так и одиноким представительницам «слабого» пола, с которых (наравне с мужчинами) взимали налоги. Главой семьи и основным налогоплательщиком-тяглом считался мужчина. Поэтому в писцовых и переписных книгах русских городов конца XV–XVII вв. преобладают мужские имена. Гораздо реже среди тех, кто владел дворами либо торговыми помещениями, встречаются женские имена. Они принадлежат, как правило, вдовам или (гораздо реже) незамужним женщинам, которые самостоятельно вели хозяйство и выполняли государевы повинности. Поскольку материалов описаний городов явно недостаточно для всесторонней характеристики социально-экономического положения посадских женщин Московского царства, необходимо привлекать другие источники, главным образом частные акты.

Конечно, богатым купчихам, прежде всего, супругам гостей и членов Гостиной сотни (даже овдовевшим), которые в социально-бытовом отношении приближались к феодальной аристократии, не приходилось, в отличие от женщин из рядовой посадской массы, часами сидеть в лавках и на торговых скамьях, заниматься физическим трудом.

В допетровской России участие женщин в общественной жизни вообще не выходило за сугубо церковные рамки. В памятниках феодального законодательства (Судебник 1550 г., Судебник 1589 г., Соборное Уложение 1649 г.) женская честь оценивалась выше мужской. И вряд ли в этом можно усмотреть элементы какой-то дискриминации. Далеко не всякая женщина могла выдержать искушение впасть в греховную связь во время частых и длительных отлучек мужа по торговым делам, тянувшихся от нескольких месяцев (и это в лучшем случае) до нескольких лет. Женская доля в допетровской России не была совсем уж бесправной. Вместе с тем юридическое, экономическое и бытовое положение женщин из посадской среды (как, впрочем, и из других социальных групп российского общества) нельзя назвать равноправным с мужчинами. Они не привлекались к участию в выборных органах (в земских соборах, местном самоуправлении), за единичными исключениями не входили в состав привилегированных купеческих корпораций, почти не обучались грамоте, были вынуждены подчиняться строгому диктату хозяина — главы семьи, несли более суровую уголовную ответственность за убийство супруга. Многие, конечно, зависело также от социального и имущественного положения и происхождения женщин, субъективных черт их самих и мужей.

Примечания

¹ Мизис Ю. А. Женщины в городской торговле на Юге России в XVII в. // Женская повседневность в России в XVIII–XX вв.: Материалы Международной научной конференции. Тамбов, 2003. С. 21–24; *Он же*. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 393–396; См. также работы автора, посвященные зажиточным женщинам из купеческой среды: *Перхавко В. Б.* История русского купечества. С. 381–388; *Он же*. Купчихи допетровской России // ВИ. 2009. № 1. С. 148–151.

² В зарубежной историографии основное внимание уделяется экономическим правам женщин допетровской России и их семейной жизни. См.: *Levy S.* Women and the Control of Property in Sixteenth–Century Muscovy // *Russian Review*. 1983. № 10. P. 201–212; *Kleimola A. M.* In Accordance with the Canons of the Holy Apostles: Muscovite Dowries and Women's Rights // *Russian Review*. 1992. № 2. P. 204–229; *Weichhardt G.* Legal Rights of Women in Russia, 1100–1750 // *Slavic Review*. 1996. № 1. P. 1–23.

³ ГВНИИ. М.; Л., 1950. № 28. С. 55–56; ПРП. М., 1953. Вып. 2. С. 125, 129.

⁴ Древнерусские княжеские уставы. М., 1976. С. 86–88, 110, 116.

- ⁵ АСЭИ. 1964. Т. III. № 8. С. 23.
- ⁶ Из Судебника 1550 г. эта норма попала в Сводный судебник 1607 г. См.: ПРП. М., 1956. Вып. 4. С. 500 (грань 5, глава 26); Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1985. Т. 2. С. 101.
- ⁷ Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1985. Т. 1. С. 73, 113, 126–127; Т. 2. С. 181, 183; ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 498; См. также: *Коллман Н. Ш.* Объединенные чести. Государство и общество в России раннего нового времени. М., 2001. С. 77–80.
- ⁸ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 382.
- ⁹ ПСЗ. СПб., 1830. Т. 1. С. 26; Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 111, 296.
- ¹⁰ Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 112.
- ¹¹ *Коллман Н. Ш.* Указ. соч. С. 83–85; *Eiusdem.* Honor and Dishonor in Early Modern Russia // *Forschungen.* 1992. Bd. 46. P. 131–146.
- ¹² Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984. № 185. С. 203–204.
- ¹³ Там же. № 194. С. 213–214.
- ¹⁴ Там же. № 193. С. 212.
- ¹⁵ Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 305–306, 314; См. также о правовом и экономическом положении женщины в эпоху Средневековья в Великом Новгороде: *Levin E.* Women in Medieval Nowgorod X–XV Centuries. Bloomington, 1983.
- ¹⁶ Писцовые книги Новгородской земли (ПКНЗ). Т. I: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги Новгородского дворца 1530-х гг. / сост. К. В. Баранов. М., 1999. С. 344.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 213.
- ¹⁸ Законодательные акты Российского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. С. 56, 142–143. № 37, 174; Законодательные акты Российского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Комментарий. Л., 1987. С. 163–164.
- ¹⁹ *Флетчер Джильс.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 112.
- ²⁰ Законодательные акты... С. 44, 45, 54, 56. № 21, 35.
- ²¹ Там же. С. 134. № 161.
- ²² Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. С. 205–206.
- ²³ Там же. С. 207; Соборное уложение 1649 г. Л., 1987. С. 308; *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 142.
- ²⁴ *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 91.
- ²⁵ См.: *Nicholas D.* The Domestic Life of a Medieval City: Woman, Children and the Family in Fourteenth-century Ghent. Lincoln; London, 1986.
- ²⁶ *Акимова О. А.* На стыке культур: женщины в славянском городе и его округе // Средневековая Европа глазами современников и историков. Книга для чтения. Ч. III. Средневековый человек и его мир. М., 1994. С. 343–364.
- ²⁷ *Большаков А. М., Рожков Н. А.* Хрестоматия по истории хозяйства России. Вып. 1. Л., 1925. С. 195–198.
- ²⁸ Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века. М., 1990. С. 364.
- ²⁹ Переписная книга города Москвы 1638 г. М., 1881. Стб. 55–56, 91, 108.
- ³⁰ АЮБ. СПб., 1864. Т. 2. № 150. Стб. 438–439.
- ³¹ Там же. Стб. 437–438.
- ³² РГАДА. Ф. 141. «Приказные дела старых лет». Д. 4 (1594 г.). Л. 11.
- ³³ Там же. Л. 19.
- ³⁴ Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 107.
- ³⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 227.

- ³⁶ Памятники деловой письменности... № 89–90. С. 126–135, 137–139.
- ³⁷ Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сб. документов. СПб., 2001. С. 110.
- ³⁸ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. С. 161.
- ³⁹ См.: *Абрамсон М. Л.* Семья в реальной жизни и в системе ценностных ориентаций в южнонотальянском обществе X–XIII вв. // *Женщина, брак, семья до начала нового времени: Демографические и социокультурные аспекты.* М., 1993. С. 41, 42.
- ⁴⁰ *Временник МОИДР.* 1850. Кн. 8. II. Материалы. С. 71.
- ⁴¹ См.: *Маньков А. Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998.
- ⁴² Там же. С. 116.
- ⁴³ Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина. М., 1896. Ч. 1. С. 90–91.
- ⁴⁴ РИБ. Т. 25. СПб., 1908. № 22. Стб. 23.
- ⁴⁵ Там же. № 26. Стб. 27.
- ⁴⁶ Домострой. СПб., 2001. С. 51, 116.
- ⁴⁷ Там же. С. 98.
- ⁴⁸ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 7. М., 1989. С. 174.
- ⁴⁹ РИБ. Т. 25. № 34. Стб. 36.
- ⁵⁰ ПСЗ. Собр. 1. 1830. Т. 1. № 441. С. 796.
- ⁵¹ ПКНЗ. Т. 1. С. 124.
- ⁵² Там же. С. 126.
- ⁵³ Торопецкая книга 1540 года // АЕ 1963. М., 1964. С. 279–288.
- ⁵⁴ Северный археографический сборник. Вып. 2. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. Вологда, 1972. С. 297, 299.
- ⁵⁵ Города России XVI века... С. 386.
- ⁵⁶ *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911. С. 168.
- ⁵⁷ Великий Новгород во второй половине XVI в. С. 184, 189.
- ⁵⁸ Сб. МАМЮ. М., 1913. Т. V. С. 17.
- ⁵⁹ Там же. С. 49.
- ⁶⁰ Там же. С. 295–301, 395–404.
- ⁶¹ *Кучкин В. А.* Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Муром 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г. // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 304–309).
- ⁶² Города России XVI века... С. 40–41, 44, 46, 48, 54.
- ⁶³ Там же. С. 276, 279, 281, 386–387.
- ⁶⁴ Города России XVI века... С. 255–257.
- ⁶⁵ Рязань. Материалы для истории города XVI–XVII столетий. М., 1884. С. 1.
- ⁶⁶ Древнерусские княжеские уставы... С. 16, 20.
- ⁶⁷ РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 4–5, 52, 106–107, 111, 116–118, 122–123, 132–133, 143.
- ⁶⁸ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977. С. 407.
- ⁶⁹ Там же. С. 411.
- ⁷⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1995. Вып. 20. С. 116.
- ⁷¹ Московская деловая и бытовая письменность... С. 258.
- ⁷² *Забелин И. Е.* Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Т. 2. М., 1891. Стб. 1101, 1104, 1111, 1116, 1118, 1127–1128, 1131–1134, 1144, 1149–1150.
- ⁷³ Крепостная мануфактура в России. Ч. III. Л., 1932. С. 16.
- ⁷⁴ Переписная книга города Москвы 1638 года... Стб. 90.
- ⁷⁵ Росписной список Москвы 1638 года // Труды Московского отдела императорского Русского военно-исторического общества. Т. 1. М., 1911. С. 242, 245.
- ⁷⁶ Там же. С. 15.

- ⁷⁷ *Зерцалов А. Н.* Объезжие головы и полицейские дела в Москве в XVII столетии // ЧОИДР. 1894. Кн. 3. С. 7–10.
- ⁷⁸ *Богоявленский С. К.* Московская Мещанская слобода в XVII в. // *Богоявленский С. К.* Научное наследие. О Москве XVII в. М., 1980. С. 52.
- ⁷⁹ *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 153.
- ⁸⁰ Восстание 1662 г. в Москве: Сб. документов. М., 1964. С. 164.
- ⁸¹ ЧОИДР. 1891. Кн. 3. С. 62.
- ⁸² См.: *Базилевич К. В.* Кадашевцы, дворцовые ткачи полотна в XVII в. // Труд в России. 1924. № 2. С. 5–6 и др.; *Якобсон А. Л.* Ткацкие слободы и села в XVII веке (Кадашево, Хамовники, Брейтово и Черкасово). М.; Л., 1934.
- ⁸³ Крепостная мануфактура... Ч. III. С. 1–2.
- ⁸⁴ *Якобсон А. Л.* Ткацкие слободы... С. 33.
- ⁸⁵ Крепостная мануфактура... Ч. III. С. 57; *Якобсон А. Л.* Ткацкие слободы... С. 24–26. Рис. 1.
- ⁸⁶ Там же. С. 161; *Он же.* Ткацкие слободы... С. 42–45.
- ⁸⁷ Строильная книга Кадашевской слободы приказной Татьяны Шиловой (1656 г.) // Крепостная мануфактура... Ч. III. С. 17–37.
- ⁸⁸ Московская деловая и бытовая письменность... С. 171–172.
- ⁸⁹ Крепостная мануфактура... Ч. III. С. 35.
- ⁹⁰ Там же. С. 53.
- ⁹¹ *Тальман Е. М.* Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // ИЗ. Т. 27. С. 67–95; *Бахрушин С. В.* Ремесленные ученики в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 101–117.
- ⁹² Росписной список Москвы 1638 года. С. XXII–XXIII, 66.
- ⁹³ *Богоявленский С. К.* Московская Мещанская слобода... С. 43.
- ⁹⁴ Московская деловая и бытовая письменность... С. 286.
- ⁹⁵ *Кириченко Л. А., Николаева С. В.* Кормовая книга Троице-Сергиева монастыря 1674 г. (Исследование и публикация). М., 2008. С. 252.
- ⁹⁶ АЮБ. Т. 2. СПб., 1864. № 150. Стб. 438–439.
- ⁹⁷ *Тимохина Е. А.* Торговля, ремесло и промыслы по городским дозорным книгам первой трети XVII века // Российская реальность конца XVI — первой половины XIX в.: экономика, общественный строй, культура: Сб. статей к 80-летию Ю. А. Тихонова. М., 2007. С. 55, 62–63.
- ⁹⁸ *Мерзон А. И., Тихонов Ю. А.* Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960. С. 134. Табл. 9.
- ⁹⁹ Описание Великого Устюга в Устюжской писцовой книге «Письма и меры Микиты Вышеславцова да подьячего Агея Федорова 131 и 132 и 133 и 134 году» // Бысть на Устюже... Историко-краеведческий сб. Вологда, 1993. С. 163, 176, 181–183, 213–220, 222.
- ¹⁰⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М., 2004. С. 126.
- ¹⁰¹ Описание Великого Устюга... С. 163–232.
- ¹⁰² Там же. С. 182.
- ¹⁰³ Акты писцового дела (1644–1661 гг.). М., 1977. № 63. С. 173, 177.
- ¹⁰⁴ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. СПб., 2003. С. 66–117.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 182.
- ¹⁰⁶ Нижний Новгород в XVII веке. Сб. документов. Горький, 1961. № 181. С. 260–262, 302.
- ¹⁰⁷ Памятники деловой письменности... № 89–90. С. 126–135, 137–139.

- ¹⁰⁸ Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001. С. 113, 310.
- ¹⁰⁹ Мизис Ю. А. Женщины в городской торговле... С. 21–24; *Он же*. Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 393–396.
- ¹¹⁰ Описание Великого Устюга... С. 163.
- ¹¹¹ Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 3. М.; Л., 1951. С. 58.
- ¹¹² Там же. С. 224.
- ¹¹³ Нижний Новгород в XVII веке... С. 318.
- ¹¹⁴ Хрестоматия по истории средних веков: в 3 т. Т. II. М., 1963. С. 464.
- ¹¹⁵ Там же. М., 1938. Ч. 1. С. 172.
- ¹¹⁶ Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Челябинск, 2004. С. 272–274.
- ¹¹⁷ Немецкий город XIV–XV вв.: Сб. материалов. М., 1936. С. 36.
- ¹¹⁸ Там же. С. 25. Прим. 1.
- ¹¹⁹ Там же. С. 26, 29–30.
- ¹²⁰ Там же. С. 33.
- ¹²¹ АЗР. Т. 2. СПб., 1848. № 3. С. 2.
- ¹²² См.: *Bogucka M.* Women and economic life in the Polish cities during the 16th–17th centuries // *La donna nell' economia secc. XIII–XVIII.* Prato, 1990. P. 185–194; *Karpinski A.* The woman on the market place. The scale of feminization of retail trade in Polish towns in the second half of the 16th and in the 17th century // *La donna nell' economia secc. XIII–XVIII.* Prato, 1990. P. 283–292.
- ¹²³ Торговля на Україні. XIV – середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина. Київ. 1990. № 135, 137, 174. С. 179–181, 185–188, 237–238.
- ¹²⁴ *Кяупене Ю.* К вопросу о купеческой общине Вильнюса в первой половине XVII века // От Древней Руси к России нового времени. М., 2003. С. 303–306.
- ¹²⁵ Белоруссия в эпоху феодализма. Минск, 1960. Т. 2. С. 332.
- ¹²⁶ *Павел Алеппский.* Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Вып. 2. М., 1897. С. 76.
- ¹²⁷ *Соколов М. Н.* Бытовые образы в западноевропейской живописи XV–XVII веков. М., 1994. С. 139–140. Илл. 78–79, 87, 96.

Д. М. Володихин

Когда была отменена опричнина?

Историческая наука не располагает указом Ивана IV об отмене опричнины. Поэтому иногда вспыхивают дискуссии о времени и содержании этого указа; более того, о том, насколько правомерно говорить о единовременном упразднении опричных порядков.

Б. Н. Флоря и Р. Г. Скрынников указали на ценнейший источник по хронологии опричнины — письмо черныбыльского старосты Филона Кмиты от 3 ноября 1572 г., обращенное к Н. Радзивиллу¹. У Кмиты, видимо, от лазутчиков, появились данные о ликвидации опричнины. В частности, он пишет: «Князь великий з землею своею умирил и опричнину зламал, и за тыми своими и князми и паны и со всеми бояры и всеми землями своими впокоил, з митрополитом

и владыками угодился и прощавмися». Датировка предыдущего письма Кмиты в его переписке с Радзивиллом не указана.

Таким образом, что известно историкам? В начале ноября 1572 г. опричнины уже не существовало. Не известно: во-первых, каков хронологический промежуток от ее отмены до того момента, когда Ф. Кмита решил донести об этом Н. Радзивиллу; во-вторых, произошла ли разовая «ликвидация» всех опричных порядков, или же демонтаж опричнины длился долго, и под занавес осталось лишь стереть ее имя?

Ответа на первый вопрос нет. Отделяла ли отмену опричнины от письма Кмиты неделя, или, может быть, месяц, три месяца, — неизвестно. Каким быстродействием обладали информаторы, услугами коих пользовался Кмита, и сколь быстро он обязан был докладывать о полученных данных Н. Радзивиллу, также неизвестно. Более того, сообщение Генриха Штадена (см. ниже) показывает: строгое наказание за разговоры об опричнине могло воспрепятствовать скорому распространению информации о ее отмене.

Наиболее продуктивным, думается, было бы видеть в опричнине сумму нескольких элементов и соответственно определять момент падения опричнины сроками ликвидации каждого из них.

Итак, опричные порядки характеризуются, прежде всего:

- наличием боевого опричного корпуса как самостоятельной организации, отдельной от земской армии; более узкого военно-административного ядра, выступавшего в походы в составе государева полка;
- опричного землевладения;
- опричной Боярской думы;
- квазирелигиозной организации, которую можно условно называть «Слободским орденом»;
- специфической одеждой членов опричного братства, показывавшей их строгое отделение от земщины.

Другие признаки, как-то: привилегии опричников в судебной сфере, позволение им совершать преступные деяния в отношении земцев и опричные массовые репрессии не могут быть строго определены и не являются исключительными чертами в истории Московского государства XVI–XVII столетий.

Когда же прекратил существование опричный военный корпус? В данном контексте ряд вопросов ставит разрядная запись выхода опричников под Тарусу. Эта запись относится к 7080 (1571/72) г.² Она свидетельствует о хронологически самой поздней крупной самостоятельной операции опричного воинства. С зимы 1571–1572 гг. нет ни единого значительного похода, о котором можно было бы твердо сказать, что командный состав набирался исключительно из опричников, без участия земских воевод. Общие действия опричных ратей

и земских встречаются уже с 1569 г., когда З. И. Плещеев-Очина был направлен с опричным отрядом на поддержку земской армии воеводы М. Я. Морозова, чтобы совместно отбить Изборск. Но до середины 1571 г. разряды четко отделяли участвующие в крупной операции соединения опричников от соединений земцев. А с зимы 1571–1572 гг. начинается расписывание опричных и земских воевод в один и тот же полк без обозначения их принадлежности к опричнине и земщине.

Итак, текст Тарусской разрядной записи 7080 г.:

«Того же году в Торусе из опришнины воеводы были по полком:

В большом полку воеводы князь Михайло Темрюкович Черкасский да князь Иван Васильевич Темкин.

В правой руке воеводы князь Микита Романович Одоевский да князь Ондрей Петрович Хованской.

В передовом полку воеводы князь Василей Иванович Борбашин да окольных Микита Васильевич Борисов.

В сторожевом полку воеводы князь Василей Иванович Телятевский да князь Иван Охлябинин.

В левой руке князь Иван да князь Дмитрий Щербатые».

Запись присутствует только в сокращенной редакции разрядной книги. Информация, содержащаяся в ней, использовалась исследователями, в частности, В. Б. Кобрин учел ее при составлении списка опричников. Однако очень сомнительно, что этот выход опричного корпуса мог состояться. Во всяком случае, он не мог пройти при том составе воевод, который приведен в разрядной книге. Прежде всего, князь М. Т. Черкасский был казнен после прорыва хана Девлет-Гирея к Москве. Казнь состоялась в конце мая — начале июня 1571 г.³ Возможно, его имя попало в заготовку разряда, предназначенного для выхода полков осенью 1571 г. Когда эта заготовка составлялась, приказные люди еще не знали о смерти Черкасского. В этом случае возможны два варианта. Либо поход к Тарусе все-таки состоялся, но без участия покойного князя (это могло произойти только осенью 1571 г., поскольку названные в записи воеводы — князя Д. Щербатый, Н. Одоевский, И. Охлябинин и А. Хованский — участвовали зимой, весной и летом 1572 г. в других походах: к Новгороду Великому, «на берег», а также в оборонительной операции против очередного набега Девлет-Гирея), либо похода не было, хотя заготовка и вошла в состав разрядной книги⁴.

В пользу второго варианта говорит почти полная идентичность этой записи и другой, составленной за год до того, для похода опричного корпуса туда же, к Тарусе. На всех воеводских постах стоят те же персоны, лишь последняя строка звучит иначе: «В левой руке князь Иван Черкасской, да князь Дмитрий Щербатой»⁵. Но и эта разница может объясняться одной только оплошностью писца: случайно про-

пустив слово «Черкасской» он мог создать ошибочное впечатление, что в состав разряда введен князь Иван Щербатый.

Необыкновенное сходство двух разрядов носит уникальный характер: небывалое дело, чтобы разрядные записи, составленные с хронологической дистанцией в год, при совершенно разных обстоятельствах, тем не менее, во всем или почти во всем повторяли друг друга. Вероятнее всего, переписчик дважды ввел в состав разрядной книги одну и ту же запись. Но тогда сама возможность похода опричной армии к Тарусе выглядит крайне сомнительно. Пользоваться данными Тарусского разряда 7080 г. для определения состава опричной военной элиты означает делать источниковедчески неоправданный шаг.

В этом случае дата последней крупной операции опричного корпуса как самостоятельного соединения должна быть перенесена на более раннее время. Осенью 1570 г. его вывели к Тарусе, плюс еще два значительных отряда опричников были развернуты под Калугой и у Сенькина перевоза⁶. Большая часть этих сил была сконцентрирована в мае 1571 г. для крупной оборонительной операции. Во всяком случае, когда против Девлет-Гирея, рвущегося к Москве, стали собирать полки, то полковые воеводы были назначены в основном из числа тех, кто был выставлен охранять южный рубеж еще осенью⁷. Против крымцев опричники и армия земщины действовали в условиях раздельного командования и притом крайне неудачно⁸. Большая часть опричного корпуса покинула поле боя вместе с царем, а оставшиеся жестоко пострадали, пытаясь отстоять столицу. Результатом же стал общий разгром вооруженных сил Московского государства и сожжение татарами столицы. Видные опричные военачальники, участвовавшие в походе как полковые воеводы, подверглись смертной казни: князь М. Т. Черкасский, князь В. И. Темкин-Ростовский, В. П. Яковлев. Больше опричный корпус как самостоятельная боевая сила не собирался. Видимо, летом 1571 г. военная организация опричнины рухнула.

После дискредитации данных Тарусского опричного разряда 7080 г. остается констатировать: в распоряжении историка нет данных, которые доказывали бы участие опричного боевого корпуса даже в обороне южных рубежей Московского государства осенью 1571 г., хотя в 1567–1570 гг. опричные полки регулярно несли «береговую» службу на Оке. Для того, чтобы отменить ежегодный осенний выход опричников на Оку, требовалось особое решение государя и оно, как видно, было тогда принято.

25 декабря 1571 г. из Орешка вышло против шведов войско под руководством земского воеводы большого полка Ивана Михайловича Большого Морозова, у которого в подчинении находились два опричных военачальника — князь Дмитрий Михайлович Щербатый и Яков Федорович Волынский-Попадейкин (соответственно воеводы

передового и сторожевого полков)⁹. Зимой 1571–1572 г. в Новгороде Великом концентрируется большая русская армия под командой самого Ивана IV для действий против шведов. В ее составе опричные и земские воеводы перемешаны на уровне командования отдельными полками: командный состав одного полка мог включать как опричников, так и земцев.

Итак, у историка есть достоверные данные о существовании военной организации опричнины за период неполных шести лет с октября 1565 по май 1571 г.

Как долго существовало опричное землевладение? Во многом ответ на вопрос о том, когда опричное земледелие начало разрушаться, зависит от датировки свидетельств немца-опричника Генриха Штадена. Он довольно долго жил на территории Московского государства и, во всяком случае, провел здесь всю первую половину — середину 70-х годов XVI столетия. Из России Штаден бежал лишь в 1576 г. Отмена опричнины затронула его лично, поскольку он был военным служащим опричного боевого корпуса¹⁰.

Штаден пишет: «С этим пришел опричнине конец (*darmit nam Aprisnay ein Ende*), и никто не смел поминать опричнину под следующей угрозой: [виноватого] обнажали по пояс и били кнутом на торгу. Опричники должны были возвратить земским их вотчины. И все земские, кто [только] оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками»¹¹. Позднее он добавляет: «Когда эта игра (*dis Spil*) была кончена, все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. Великий князь долее не мог без них обходиться. Опричникам должны были быть розданы взамен этих другие поместья. Благодаря этому я лишился моих поместий и вотчин»¹².

Остается определить, к какому времени относятся неопределенные отсылки Штадена: «С этим пришел опричнине конец», «когда эта игра была кончена». Со времен С. Б. Веселовского большинство исследователей датирует данные события августом или, может быть, осенью 1572 г.¹³ Именно тогда, в июле–августе Девлет-Гирей подвергся разгрому в многодневном сражении у Молодей и, по мнению многих историков, успешные совместные действия опрично-земской армии привели царя к выводу о необходимости отменить общественный институт, изживший себя. Эта концепция восходит еще к Н. М. Карамзину¹⁴.

Но так ли это? Обратимся к тексту самого Штадена. В первом случае отрывку о конце опричнины, действительно, предшествует сообщение о нашествии Девлет-Гирея. Но не о том, которое произошло в августе 1572 г., а о другом, случившемся на год раньше — в мае 1571 г. Тогда русская столица подверглась страшному пожару, причем в огне погиб и большой, хорошо укрепленный опричный двор.

Сразу после слов о гибели этого двора Штаден сообщает: «С этим пришел опричнине конец...» и т. п.

Во втором случае опять рассказывается об оборонительной операции русских войск против Девлет-Гирея. И вновь речь идет о майском набеге 1571 г. Чтобы доказать это, имеет смысл привести предшествующий отрывок, довольно значительный. Итак, Штаден рассказывает о большом пожаре, долго разрушавшем Москву, но, в конце концов, закончившемся, а затем добавляет:

«На другой день, когда войско великого князя собралось у Оки, каждый должен был помогать при постройке гуляй-города соответственно размеру своих поместий, равно как и при постройке укреплений по берегу реки Оки — посажению. Я не соглашался на это. Когда [крымский] царь подошел к реке Оке, князь Дмитрий Хворостинин — он был воеводой передового полка — послал меня с 300 служилых людей (*Knesen und Boiaren*). Я должен был дозировать по реке, где переправится царь. Я прошел вверх несколько миль и увидел, что несколько тысяч всадников крымского царя были уже по сю сторону реки. Я двинулся на них с тремя сотнями и тотчас же послал с поспешением ко князю Дмитрию, чтобы он поспевал нам на помощь. Князь Дмитрий, однако, отвечал: “Коли это им не по вкусу, так они сами возвратятся”. Но это было невозможно. Войско [крымского] царя окружило нас и гнало к реке Оке. Моя лошадь была убита подо мной, а я перепрыгнул через вал и свалился в реку, ибо здесь берег крутой. Все три сотни были побиты насмерть. [Крымский] царь со всей своей силой пошел вдоль по берегу. И я один остался в живых»¹⁵.

События, таким образом, логично реконструировать в следующей последовательности: Генрих Штаден встречал крымских татар на Оке в качестве командира одного из передовых отрядов. При переправе крымцев он завязал с ними бой, проиграл его и не получил помощи от своего прямого непосредственного начальника, воеводы князя Хворостинина. В результате отряд Штадена погиб, а он сам потерял лошадь, но уцелел. Позднее он оказался в Москве и испытал на себе все ужасы пожара (об этом подробно рассказывается в его записках). На другой день после пожара войско вновь собралось у Оки и занялось строительством оборонительных сооружений. Это, кстати, полностью подтверждается данными разрядов.

Так, майский разряд 1571 г. сообщает: «И после отходу крымского царя... в Серпухове по росписи были воеводы по полком...»¹⁶ Далее следует воеводский список, из которого видно, что в результате московской катастрофы остатки земской оборонительной армии из пяти полков пришлось свести в три полка. Но лично Генрих Штаден уклонился от участия в строительных работах и, возможно, от самого выхода на Оку с русскими полками. По всей видимости, его задел тот факт, что когда Девлет-Гирей форсировал Оку, он не полу-

чил никакой поддержки по своему зову, потерял отряд и коня. Тогда он и лишился своих земельных владений — то ли в наказание за отказ участвовать в строительных работах, то ли в результате того, что опричников лишили привилегированного статуса, а вместе с ним и поместий¹⁷. Но все названные события относятся к 1571 г. и непосредственно примыкают к неудачной оборонительной операции русской армии в мае под Москвой.

Можно, конечно, увидеть в рассказе Штадена, который описывал все происходившее в 1571–1572 гг. несколько лет спустя, хронологическую путаницу. Теоретически немец-опричник мог смешать в своих мемуарах события двух разных лет, связанные с набегами Девлет-Гирея. Тогда предположение о том, что опричный военный корпус и опричное землевладение начали разрушаться не в 1571, а именно в 1572 г., получит какую-то почву. В этом случае выход на Оку, от которого Штаден отказался¹⁸, должен был произойти не через день, а через год и два месяца после катастрофического московского пожара, и это был выход войск для встречи Девлет-Гирея, окончившийся разгромом крымцев у Молодей. Но насколько правдоподобно такое предположение?

Думается, оно крайне сомнительно. В «Записках...» Штадена есть подробный рассказ о его участии в Молодинской баталии, который в целом соответствует свидетельствам собственно русских источников — разрядов, Соловецкого летописца¹⁹. Почему же бывший опричник должен был столь грубо перепутать в уме события, непосредственно предшествовавшие сражению? Такой ход мыслей выглядит необоснованным.

В «Записках...» Генриха Штадена упомянут князь Д. И. Хворостинин, крупный полководец второй половины XVI столетия. Действительно, он участвовал в оборонительной операции против Девлет-Гирея летом 1572 г. — в качестве второго воеводы передового полка²⁰. Но и во время майской оборонительной операции 1571 г. против Девлет-Гирея он также числился в передовом полку по опричине — третьим воеводой (после ареста и казни князя М. Т. Черкасского де-факто стал вторым, а не третьим)²¹.

Таким образом, начало разрушения специфически опричного землевладения могло быть положено в 1571, а не в 1572 г. Штаден говорит об этом отчетливо. Что же касается документов, прямо связанных с процессом возврата вотчин их прежним владельцам, то их известно очень мало. Кроме того, видно, что этот процесс растянулся на многие годы. Так, А. П. Павлов пишет: «Процесс возврата вотчин растянулся на многие десятилетия, причем значительной части вотчинников так и не удалось вернуться на свои места. Возвращения вотчин целиком зависели от воли государя и рассматривались как жалование, часто как вознаграждение за службу»²². Чаще всего цитируется данная гра-

мота вотчинников Переяславского уезда Таратиных, где сказано, что их государь пожаловал, «...велел... тое вотчину отдати в 80-м году»²³. Следовательно, вотчина вернулась к Таратиным между началом сентября 1571 и концом августа 1572 г., что никак не опровергает Штадена. А. А. Садилов и Р. Г. Скрынников привели ряд документов, иллюстрирующих возврат вотчин в послеопричную эпоху и относящихся к 1572–1575 гг.²⁴ Но это говорит лишь о длительности работы по восстановлению прав землевладельцев, нарушенных в опричный период, и ничего не сообщает о начальной точке этой работы. А она, отталкиваясь от свидетельства Штадена, могла начаться летом или осенью 1571 г.

Английский дипломат Джильс Флетчер, побывавший в Московском государстве при Федоре Ивановиче, в конце 1580-х гг., писал об опричнине, что она продлилась всего семь лет: «...свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судебными местами или законом, продолжавшаяся семь лет, послужила к обогащению первой партии (опричников. — Д. В.) и царской казны...»²⁵ Если отсчитывать начало опричнины от момента отъезда Ивана IV в Александровскую слободу, то ровно через семь лет наступил бы декабрь 1571 г. А если считать от указа о введении опричных порядков, то семилетний «юбилей» пришелся бы на январь 1572 г. Если бы опричина была отменена в августе, или даже в осенние месяцы 1572 г., то получалось бы, округляя, восемь, а не семь лет. Таким образом, если опираться на свидетельство Флетчера, то опричина завершила свое существование не позднее зимних месяцев 1571–1572 гг.

Когда опричина упоминается в русских источниках последний раз? Разрядный список воевод весеннего (майского) 1572 г. похода Ивана IV²⁶, когда русская армия вновь концентрировалась в Новгороде Великом для действий против шведов²⁷, сообщает о присутствии в царской свите трех бояр «из опришнины»: князей П. Д. и С. Д. Пронских, а также князя В. А. Сицкого; кроме того, почти все «именные» должности государева полка занимают персоны, известные как опричники по более ранним источникам (несколько десятков человек)²⁸. Что же касается командного состава армии, то в нем опять, как зимой 1571–1572 гг., перемешаны земские и опричные военачальники, притом опять — на уровне отдельных полков²⁹. И так, в мае 1572 г. опричного боевого корпуса примерно год как не существует, опричное землевладение, видимо, находится в стадии демонтажа, от опричнины осталась лишь Боярская дума, отличная от земской, и часть Государева двора — ближайшие советники да охранники, т. е. служилая корпорация, в больших походах составлявшая государев дворовый полк.

Таким образом, ликвидация опричнины шла поэтапно. Основным событием, которое повлияло на это решение Ивана IV, было

поражение земско-опричной армии в мае 1571 г. от Девлет-Гирея и сожжение Москвы. После этого, летом–осенью 1571 г. произошло расформирование опричного боевого корпуса и начался процесс раздачи земель, приписанных к опричнине, их прежним владельцам — земцам. Таков первый этап. И его-то имел в виду Флетчер, сообщая о 7 годах опричнины.

С конца мая до второй половины августа Иван IV находится в Новгороде Великом, к концу августа он возвращается в столицу, узнав о разгроме крымской орды в битве у Молодей, а 21 сентября отправляется в поход на Пайду; следовательно, между концом августа и концом сентября 1572 г. он мог нечто отменить внутри полуразрушенной опричнины. Что именно? Скорее всего, речь идет об опричной Боярской думе, с гораздо меньшей долей вероятности, — о Слободском ордене³⁰ и, возможно, о самом слове «опричина»³¹. Вот, собственно, и все. Служилая корпорация государева дворового полка продолжила свое существование, поскольку в списках участников осенне-зимнего похода 1572–1573 гг. подавляющее большинство видных опричников остается на «именных службах» в составе этого воинского соединения и позднее будет присутствовать в подобных списках. Но ассоциировать ее со всей огромной машиной опричнины или хотя бы с опричным боевым корпусом, существовавшим до мая 1571 г., невозможно, это различные явления. Что же касается Боярской думы, то у Ивана IV в 1575 г. вновь появится «особая» дворовая Дума, и она продолжит существовать вплоть до его кончины в 1584 г. Однако состав ее сильно изменится по сравнению с опричными временами: те же князья С. Д. Пронский и В. А. Сицкий, например, окажутся в составе земской Думы. Следовательно, как минимум одно можно утверждать с большой долей вероятности: в августе–сентябре царь распустил опричную Боярскую думу. Это и было основным содержанием второго этапа отмены опричнины.

Примечания

¹ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 461, 465. Дано со ссылкой на указание Б. Н. Флори.

² Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 86–87.

³ Р. Г. Скрынников придерживается мнения, согласно которому князь М. Т. Черкасский «между 16 и 23 мая 1571 г. был зарублен опричными стрельцами на дороге между Москвой и Серпуховом» (*Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 434).

⁴ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 69.

⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. М., 1982. С. 271–272.

⁶ Там же. С. 277–278.

⁷ Там же. С. 291.

- ⁸ Там же. С. 292–293. Кажется, Л. М. Сухотин первым заметил пропажу того деления армии на опричную и земскую части, какое было еще в мае 1571 г. (*Сухотин Л. М.* К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1931. С. 21).
- ⁹ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 45.
- ¹⁰ *Шокарев С. Ю.* Предисловие // *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002. С. 10–11.
- ¹¹ *Штаден Г.* Указ. соч. С. 10–11, 70.
- ¹² Там же. С. 10–11, 116.
- ¹³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 194–195 (у него речь идет о 1572 г., точнее дата отмены опричнины не указана); *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 477; *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 460; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 2003. С. 283. Д. Н. Альшиц полностью отрицает отмену опричнины в 1572 г. и отказывает этому известию Штадена в достоверности. Историк считает, что произошло лишь формальное упразднение опричнины, но основные механизмы, введенные ею в государственный быт, сохранялись и развивались (*Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 231–232). Однако его мнения о недостоверности сведений Штадена и «формальном» характере упразднения опричнины были аргументированно оспорены (*Кобрин В. Б.* Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды. М., 2008. С. 15; *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 60–61, 461–462; *Воллодихин Д. М.* Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006. С. 173–174).
- ¹⁴ *Карамзин Н. М.* История Государства Российского: в 12 т. Кн. 3 (Т. IX–XII). М., 2004. С. 118–119.
- ¹⁵ *Штаден Г.* Указ. соч. С. 115.
- ¹⁶ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 71–72. Возможно, в состав сводной рати попали также остатки опричного отряда, пострадавшего от пожара в Москве наряду с земцами.
- ¹⁷ Более того, местные крестьяне попытались его убить, приняв за татарина, и Штаден едва избег позорной гибели. При цитировании этот отрывок «Записок...» пришлось опустить, поскольку для уяснения сути дела он ничего не дает.
- ¹⁸ *Штаден Г.* Указ. соч. С. 70–72.
- ¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 311–314; *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 238.
- ²⁰ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 85.
- ²¹ Там же. С. 74.
- ²² *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 200.
- ²³ *Веселовский С. Б.* Указ. соч. С. 199.
- ²⁴ *Садиков А. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 137–143; *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 460–461.
- ²⁵ *Флетчер Дж.* О Государстве Русском. СПб., 1906. С. 40–41.
- ²⁶ Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 341–343.
- ²⁷ А также для охраны государя, который не решился тогда выйти против Девлет-Гирея, предоставив оборону Москвы князю М. И. Воротынскому и отбыв с семьей в Новгород.
- ²⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. II. С. 302, 305.
- ²⁹ В первой половине августа, пребывая еще в Новгороде, Иван IV утопил в Волхове многих дворян-опричников, что заметил еще Р. Г. Скрынников (*Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 458).
- ³⁰ Автору этих строк уже приходилось писать о том, что Слободской орден, скорее всего, существовал недолгое время в 1570–1571 гг. и распался не позднее первых меся-

цев 1571 г., когда подверглось казням опричное руководство, в том числе «келарь» ордена князь А. И. Вяземский. Тогда же, вероятно, пропала и особая форма опричников, отделявшая их ото всех прочих подданных Ивана IV (*Володихин Д. М.* Указ. соч. С. 150–153).

³¹ Разрядная книга 1559–1605 гг. С. 89–93; *Станиславский А. Л.* Труды по истории государственного двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 44, 46.

А. В. Виноградов

Посольский дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов и дипломатические отношения русского государства с Крымским ханством в 70–90-х годы XVI в.

Андрей Яковлевич Щелкалов возглавил Посольский приказ в 1570 г. и пробыл на этой должности до лета 1594 г. В бурные годы правления царя Ивана Васильевича Грозного и в не менее беспокойное время первых лет правления его сына, Федора Ивановича, Андрей Яковлевич сумел не только сохранить свой пост, но и выдвинуться в первые ряды московской политической элиты.

На переговорах с крымским посольством бека («князя») Ен Магметя Ширинского в январе 1594 г. посольский дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов весьма емко обрисовал свои полномочия: «Посольские дела по государеву указу у меня, а я доношу об них царского величества шурина и слуги конюшого боярина и воеводы дворового наместника Казанского и Астраханского до Бориса Федоровича Годунова, а Борис Федорович доносит до государя»¹. Таким образом, А. Я. Щелкалов четко определил для себя к тому времени свое место в осуществлении внешнеполитического курса Русского государства.

Исак Масса вложил в уста Б. Ф. Годунова следующую характеристику Андрея Яковлевича: «Я никогда не слыхал о таком человеке и полагаю, весь мир был бы для него слишком мал, ему было бы прилично служить Александру Македонскому»². Конечно, это явное преувеличение, но фигурой А. Я. Щелкалов был, без сомнения, незаурядной. Впечатляет сам факт многолетнего руководства им, помимо Посольского приказа, Разрядным приказом, Казанским, Нижегородским и Мещерским дворцами.

И. Масса обратил внимание, что, «не имея покоя ни днем ни ночью, работая как безгласный мул, он еще был недоволен тем, что у него мало работы и желал еще больше работать»³. Н. М. Рогожин отметил, что А. Я. Щелкалов — типичный приказной человек, бюрократ, обязанной своей карьерой собственной предприимчивости, опытности, природным способностям, а также благоволению вышестоящего боярства или царя»⁴. Тем не менее по уровню квалификации в

посольских делах к моменту воцарения Федора Ивановича Андрей Яковлевич в Москве не имел себе равных.

Несомненно, что с конца 1680-х гг. Годунов к мнению А. Я. Щелкалова прислушивался, в том числе и по «крымскому делу». Квалификация А. Я. Щелкалова в «ссылках» с Крымом была неоднократно продемонстрирована во время переговоров. Он четко ставил вопрос о титулатуре московских государей, апеллируя к традициям русско-крымских дипломатических связей. Андрей Яковлевич любил при переговорах с крымцами обращаться к временам русско-крымских отношений столетней давности. Он неоднократно напоминал различным крымским дипломатам об обоюдной выгоде союза для Ивана III и Менги-Гирея I. При переговорах с посольством бека («князя») Ен Магметя Ширинского развернутые ответы Щелкалова на претензии крымской стороны относительно титулатуры московских государей поражают знанием всех тонкостей обращения друг к другу крымских ханов и великих князей на протяжении длительного исторического периода. Впечатляет и подробное изложение Щелкаловым истории выработки, ратификации (принесение «шерти» ханом и «крестоцелование» московского государя) и ввода в действие русско-крымских договоров, начиная с эпохи Менгли-Гирея I. Сам посольский дьяк, впрочем, без ложной скромности отмечает, что он «человек старый и все шертные грамоты чел»⁵.

Конечно, рост квалификации в крымских делах А. Я. Щелкалова, так же, как и становление его в качестве крупного дипломата происходили постепенно. В начале своей службы в Посольском приказе он выполнял только церемониальные функции — при приеме государем 26 февраля 1564 г. посольства Ян-Болдуя (Джан-Болды) и крымских гонцов он вместе с казначеем Н. Фуниковым встречал крымцев «в сенях»⁶.

Впервые А. Я. Щелкалов участвовал в переговорах с крымцами в 1570 г. Уже в качестве посольского дьяка, вместе с казначеем кн. В. В. Масальским и печатником Б. Сукиным, он принял (18 декабря 1570 г.) крымского гонца Б. Черкашенина — последнего ханского эмиссара, прибывшего в Москву до знаменитого крымского нападения 1571 г.⁷ Собственно это и явилось первым выступлением Андрея Яковлевича в роли посольского дьяка. По положению он пока явно уступал своим партнерам по переговорам. Показательно, что прием осуществлялся в ведомстве казначея — на Казенном дворе. Это был поворотный момент в русско-крымских отношениях: хан Девлет-Гирей I устами своего гонца потребовал уступки Крыму «мусульманских юртов» — завоеванных Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств. Реально речь шла об Астрахани, которую хан «просил» передать одному из своих сыновей. Требование было отвергнуто, и вскоре крымские орды появились под стенами Москвы.

В декабре 1571 г. мы видим А. Я. Щелкалова принимающим «грамоты»⁸ у крымских гонцов во главе с Ян Магметем (Джан Мухаммедом) на аудиенции в Братошине⁹. В феврале 1572 г. А. Щелкалов ведет ответственные переговоры с крымским посолом Ян-Болдуем (Джан-Болды) и гонцом Ян-Магметем (Джан-Мухаммедом)¹⁰. Во время этих переговоров русская сторона фактически отказалась выполнять крымские требования об «уступке мусульманских юртов». Именно Андрей Яковлевич в своей «речи» «озвучил» этот отказ. Однако в ответной комиссии он явно был подчинен Малюте Скуратову-Бельскому и М. В. Черкмисову.

Только в ответной комиссии, направленный к крымскому гонцу Мустафе 31 января 1574 г., А. Я. Щелкалов начинает играть первую роль, хотя формально ее возглавлял В. И. Умной-Колычев¹¹. Именно тогда Щелкалов впервые выступает «в связке» с младшим братом Василием. Впрочем, Мустафа собственно и не является официальным ханским гонцом, а имел нечеткий статус «человека».

Это было время неопределенности в русско-крымских дипломатических связях. Разгром при Молодях летом 1572 г. «подвел черту» над притязаниями крымского хана Девлет-Гирея I об «уступке астраханского юрта» и о непомерных суммах «поминок». Крымская сторона в этих условиях пошла на отпуск «не прежним обычаем» давно задерживаемых посольств — А. Ф. Нагого в Крыму и Ян-Болдуя в Москве — без обмена новыми посольствами, что и было сделано осенью 1573 — летом 1574 г.

Ситуация изменяется в 1576 г., когда, устрешенный слухами об избрании Ивана Грозного или его сына Федора на польско-литовский престол, хан по собственной инициативе стал отправлять в Москву своих гонцов. В это время А. Я. Щелкалов был уже опытным руководителем Посольского приказа, но это не давало ему возможности участвовать в формировании внешнеполитического курса государства, т. к. он не был вхож в ближайший круг советников государя. После возвращения из десятилетнего посольства из Крыма А. Ф. Нагой стал играть все более важную роль в окружении Ивана Грозного. Это был незаурядный дипломат и государственный деятель. Особенно компетентен Афанасий Федорович был «по крымскому делу». Вплоть до смерти Ивана Грозного, после которой клан Нагих был сметен с политической сцены, Андрею Яковлевичу пришлось работать под фактическим руководством А. Ф. Нагого.

При приеме крымских гонцов во главе с Девлет-Килдеем в Братошине (октябрь 1576 г.) А. Я. Щелкалов являет крымские «поминки» и принимает «грамоты»¹². Он же ведет с гонцом Девлет-Килдеем переговоры в составе ответной комиссии, но уступает при них лидирующую роль А. Ф. Нагому¹³.

Повышение статуса А. Я. Щелкалова явно проявляется в конце 1577 г. при приеме дипломатических представителей нового хана Мухаммед-Гирея II. При приеме гонца Халиля-Челеби он вместе с братом Василием «распрашивает» его о цели миссии в Посольском приказе¹⁴. На состоявшейся на следующей день аудиенции А. Я. Щелкалов принимает у Халиля-Челеби и других гонцов «грамоты»¹⁵. На отпусковой аудиенции 20 декабря 1577 г. произносит «речь»¹⁶.

Наконец, в сентябре 1578 г. при прибытии крымского посольства Араслана-мурзы Сулешева А. Я. Щелкалов определенно выдвигается на первый план. 10 сентября он принимает «грамоты» от посла и от всех ранее прибывших крымских гонцов — Куремши, Есенчи и Айдара¹⁷. Главное заключается в том, что с 18 сентября А. Я. Щелкалов фактически возглавляет при переговорах ответную комиссию, в которую входит его брат Василий и формально возглавлявший ее В. Г. Зюзин¹⁸. В ходе переговоров А. Я. Щелкалов внес существенный вклад в бескомпромиссный отказ русской стороны на крымские требования об «уступке мусульманских юртов». Тем не менее политическую линию в отношении Крыма определял лично государь вместе с А. Ф. Нагим.

Вовлеченный Портой в войну с Ираном, хан Мухаммед-Гирей II отказался от курса на конфронтацию с Москвой, не приняв предложения короля Стефана Батория о союзе против Русского государства. Существенное значение имели начавшиеся в Крыму распри хана с братьями, принявшие к 1584 г. характер междоусобной войны, в которую оказалась втянута и Порта.

Воцарение государя Федора Ивановича привело к серьезным изменениям в руководстве внешней политикой Русского государства — реальный контроль за ней сосредоточился в руках Бориса Федоровича Годунова. Опала и ссылка знатока «крымских дел» и вообще одного из главных советников Грозного по посольским делам Афанасия Федоровича Нагого окончательно вывели на первые роли в «ссылках» с Крымом Андрея Яковлевича. Уже в 1584–1585 гг. определились формы сотрудничества А. Я. Щелкалова с Б. Ф. Годуновым. Он лично докладывал всеосильному «государеву шурину» все посольские дела, в том числе и крымские, на что обратил внимание исследовавший деятельность Андрея Яковлевича в те годы В. И. Савва¹⁹, который сделал ценный вывод о том, что «сношения Московского государства с Крымом велись Посольским приказом, перестав быть в ведении казначеев»²⁰.

Между тем в «Крымском юрте» начались события, открывшие огромные возможности для русской дипломатии. Смута, последовавшая после свержения и гибели хана Мухаммед-Гирея II (1584), вскоре привела к тому, что его сыновья попросили политической и военной поддержки Москвы для возвращения своего «юрта». При

приеме крымских дипломатических представителей, направленных в Москву ханом Ислам-Гиреем II (1584–1588) уже к государю Федору Ивановичу, роль Андрея Щелкалова окончательно становится определяющей. При приезде крымских гонцов во главе с Джанпашой мурзой летом 1585 г. посольский дьяк предписывает принять меры к их предварительному «расспросу», принимает у них «грамоты» на аудиенции 30 июля и после доклада Б. Ф. Годунову осуществляет меры для задержания крымцев на неопределенный срок²¹. При отпуске гонцов А. Щелкалов произносит «речи» от имени государя на аудиенции 21 декабря 1585 г.²² Аналогичная картина повторяется при приеме следующих гонцов хана Ислам-Гирея II — Иссея (прием грамот на аудиенции, произнесение речей от имени государя на отпусковой аудиенции 1 декабря 1586 г.²³) и Асан-мурзы (прием «грамот» на аудиенции 10 февраля 1588 г., произнесение «речи» от имени государя на отпусковой аудиенции 24 марта 1588 г.²⁴).

А. Я. Щелкалов принимал активное участие и в сложных взаимоотношениях Москвы с «царевичами» — сыновьями свергнутого в 1584 г. хана Мухаммед-Гирея II. 24 мая 1586 г. он вместе с боярином кн. А. И. Шуйским, оставленным «на Москве» в отсутствие государя, принимал в Посольском приказе послов от царевича Саадет-Гирея, Шамхала и бия Большой Ногайской Орды Уруса²⁵. Имеются послания А. Я. Щелкалову от брата признанного Москвой в качестве крымского «царя» Сеадет-Гирея Мурад-Гирея, отправленного «на сиденье» в Астрахань, и ответные грамоты дьяка в Астрахань²⁶. В осуществлении «астраханского проекта» А. Я. Щелкалов, судя по всему, играл далеко не последнюю роль. Правда, русское правительство так и не приняло окончательного решения — содействовать ли походу Мурад-Гирея на Крым, бросать ли его вместе с признавшими его власть Большими Ногаями на Речь Посполитую, или создавать во главе с ним на Нижней Волге некое зависимое от Москвы государственное образование. Во всяком случае, весной 1587 г. Андрей Яковлевич, ведший трудные переговоры с польско-литовским посольством о перспективах избрания московского государя на престол Речи Посполитой, указывал следующее. В случае элекции наследника шведского престола Сигизмунда Вазы «на первый час которым было из Астрахани и из-за Волги ногайским людям и казанским идти на Крым... и тех в тот же час повернут на Литовскую землю»²⁷.

Ход событий привел к водворению в Крыму после загадочной смерти хана Ислам-Гирея II весной 1588 г. не лояльных Москве «царевичей», а их дяди — Гази-Гирея, брата ханов Мухаммед-Гирея II и Ислам-Гирея II.

Расцвет активности А. Щелкалова на «крымском направлении» приходится на годы первого правления Гази-Гирея II (1588–1596). Именно с его дипломатическими представителями Щелкалов ведет

наиболее трудные и сложные переговоры. Суть проблемы заключалась в настойчивых «просьбах» нового хана отпустить к нему Мурад-Гирея («царь» Сеадет-Гирей к тому времени умер) как условия заключения русско-крымского мирного «докончания». Правительство Федора Ивановича, возглавляемое Б. Ф. Годуновым, не спешило выполнять эту «просьбу». Настойчиво подчеркивался «добровольный» отказ Мурад-Гирея возвращаться в Крым, а для убедительности под руководством А. Я. Щелкалова организовывались встречи крымских гонцов с представителями «царевича».

При приезде первого гонца от нового хана Апсоллом Моллы в августе 1588 г. А. Я. Щелкалов ведет с ним предварительные переговоры («распрашивает»), причем изымает у него «грамоты» государю²⁸. При приезде второго гонца Гази-Гирея II, Казан Али, А. Щелкалов принимает у него и у остальных гонцов «грамоты» на аудиенции 26 декабря 1588 г. и произносит «речь» от имени государя на отпускной аудиенции 23 марта 1589 г.²⁹ А. Щелкалов организовывал прием крымских гонцов, прибывших в Москву в августе 1589 г. Он руководит их «распросами», т. е. ведет предварительные переговоры, после чего докладывает их результаты Б. Ф. Годунову, а на аудиенции 7 сентября у государя он произносит «речь»³⁰.

Осенью того же, 1589 г. А. Щелкалов организовывал совместную аудиенцию у государя представителей «царевича» Мурад-Гирея и вновь прибывших крымских гонцов во главе с Аллаш Богатыром. На аудиенции 4 ноября 1589 г. он принимал у гонцов «грамоты»³¹. В тот же день, после аудиенции, под руководством А. Я. Щелкалова произошла встреча ханских представителей с людьми Мурад-Гирея. На отпускной аудиенции он вновь говорил «речь» от имени государя³². При приезде гонцов во главе с Аллобердеем (июль 1590 г.) А. Я. Щелкалов принимал у него «грамоты»³³. Наконец, при приезде гонца Иссея А. Щелкалов вновь принимал «грамоты» на аудиенции 28 января 1591 г.³⁴ Таким образом, до кризиса в русско-крымских отношениях 1591 г., когда состоялся поход Гази-Гирея II на Москву, А. Щелкалов являлся одной из центральных фигур при организации приема крымских представителей. Политическая линия в отношении Крыма определялась Б. Ф. Годуновым, а А. Я. Щелкалов был ее исполнителем, но следы его самостоятельной позиции чувствуются в русской посольской документации по связям с Крымом.

Это особенно заметно после того, как при возобновлении русско-крымских дипломатических связей в конце 1591 г. роль А. Щелкалова становится главной; в его руках сосредотачивается ведение деловой и церемониальной части приема крымских дипломатов. При приезде крымских гонцов Ибрагима Ази и Ямгурчей аталыка А. Щелкалов руководит их «расспросом» в Посольской палате 10 декабря 1591 г. и в тот же день лично докладывает о его результатах Б. Ф. Годунову³⁵.

На аудиенции 20 декабря 1591 г. он являет гонцов, принимает у них «грамоты» и произносит ответную «речь» от имени государя³⁶. Таким образом, проведение аудиенции впервые сосредотачивается в руках Посольского дьяка, без традиционного участия казначея. Это, без сомнения, отражало исключительное значение переговоров с эмиссаром Гази-Гирея II после военного конфликта, происшедшего несколькими месяцами ранее.

А. Я. Щелкалов на этих переговорах проявил себя опытным и компетентным дипломатом. Он жестко отверг объяснения причин крымского нападения слухами об «отравлении» русскими приказными людьми «царевича» Мурад-Гирея в Астрахани, четко обозначил требования Москвы по нормализации дипломатических отношений. А. Я. Щелкалов быстро выяснил, что один из крымцев (Ямгурчей аталык, бывший приближенный «царевича» Мурад-Гирея в Астрахани) имеет «тайные грамоты» хана к Б. Ф. Годунову. По его просьбе А. Я. Щелкалов организовал его личную аудиенцию у «государева шурина», на которой, однако, не присутствовал.

При последующих переговорах с крымцами и рассмотрении их хода в правящих кругах роль А. Щелкалова оставалась лидирующей. Он являл гонцов на второй аудиенции (3 февраля 1592 г.), докладывал Боярской думе (вместе с братом В. Щелкаловым и дьяком П. Дмитриевым) о ходе переговоров 7 февраля³⁷. На следующей день по приговору государя «з бояры» он «вычитывает неправды царя Казы-Кирея» крымцам в Посольском приказе³⁸. 11 февраля по докладу приставов А. Щелкалову он сообщал Б. Ф. Годунову просьбу гонцов об аудиенции и передавал им «отказ»³⁹. 22 февраля А. Щелкалов вел (вместе с П. Дмитриевым) переговоры с крымцами в Посольской палате⁴⁰. Наконец, 24 февраля на заключительной аудиенции у государя посольский дьяк вновь являл гонцов⁴¹. Лидирующее положение А. Щелкалова сохраняется и при приеме (в начале 1593 г.) следующего эмиссара Гази-Гирея II — Джан-паши-мурзы — и сопровождающих его младших гонцов. Он вел с крымцами переговоры, являл гонцов на аудиенции 13 февраля 1593 г., принимал у них грамоты, являл крымские «поминки»⁴². На отпускной аудиенции 25 марта А. Щелкалов также являл гонцов⁴³.

Посольский дьяк был ближайшим сотрудником Б. Ф. Годунова в трудных переговорах о посольском размене летом—осенью 1593 г. с ханским посланником Ямгурчеем аталыком. Ситуация осложнялась соперничеством крымских кланов, стремившихся добиться согласия Москвы на прием в качестве посла представителя именно их рода. В переговорах участвовали, помимо ханского посланника, гонцы от крымской знати. В конечном счете послом стал представитель рода Ширинов, посольский размен на Ливнах хан поручил проводить Ахмед-паше Сулешеву, а сроки размена должен был определить пред-

ставитель клана Кулюковых. С июля по ноябрь 1593 г. «крымское направление» было приоритетным в деятельности Андрея Яковлевича.

От имени Годунова он вел предварительные переговоры с крымцами на Посольском дворе 31 июля⁴⁴. Он же являл гонцов на состоявшейся в тот же день аудиенции у государя, принимал у крымцев грамоты и являл крымские «поминки»⁴⁵. Посольский дьяк вел далее переговоры с крымцами на Посольском дворе 27 августа, 4 и 10 сентября⁴⁶. После завершения основных переговоров А. Щелкалов в присутствии Б. Ф. Годунова и ближней думы «сказывал крымские речи государю»⁴⁷. После «приговора» государя с боярами об условиях размена А. Щелкалов излагал их крымцам на Посольском дворе 16 октября⁴⁸. Наконец, в конце октября Посольский дьяк принял активное участие в приеме плененного крымского вельможи Ибрагим-паши-мурзы Сулешева — брата ответственного за посольский размен Ахмед-паши, в связи с его отпуском накануне посольского размена. А в начале декабря вел переговоры с посланником беком («князем») Баубеком. В канун прибытия в Москву крымского посольства бека («князя») Ен Магметя Ширинского и принимал у этого крымского эмиссара «грамоты» на аудиенции у государя⁴⁹. Переговоры с Баубеком А. Щелкалов вел и после прибытия посольства бека («князя») Ширинского, причем, четко следуя указаниям Б. Ф. Годунова, которому докладывал их содержание⁵⁰. Одновременно Посольский дьяк вел многочисленные рабочие переговоры и с посольством бека («князя») Ен Магметя Ширинского, также постоянно докладывая об их ходе лично Б. Ф. Годунову⁵¹. Обращает на себя внимание тот факт, что в данном случае все переговоры с крымцами Андрей Яковлевич вел единолично, начиная с 16 декабря перед первой аудиенцией у государя⁵². На ней А. Я. Щелкалов, помимо всего прочего, принимал у крымцев «грамоты»⁵³. Все переговоры с крымцами А. Я. Щелкалов производил только после согласования с Б. Ф. Годуновым⁵⁴. Роль А. Я. Щелкалова в успешном проведении посольского размена (ноябрь 1593 г.), в подготовке отправления в Крым посольства кн. М. А. Щербатова, в переговорах с крымскими дипломатами в Москве весьма значительна. Вообще с осени 1593 по весну 1594 г. Щелкалов играл центральную роль в переговорах с крымцами. Однако именно в этот период и заканчивается его карьера. Символично, что последняя «служебная деятельность» Андрея Яковлевича в качестве главы Посольского приказа связана именно с пребыванием посольства бека («князя») Ен Магметя Ширинского. А. Я. Щелкалов вел переговоры с крымцами в Посольском приказе 1, 2 и 8 января 1594 г.⁵⁵ Они шли очень трудно, т. к. крымская сторона ставила условием заключения русско-крымского договора выплату так называемых запросных денег, — в весьма значительной сумме (10 тыс. руб.), сверх уже отправленных в Крым «поминок». К тому же, в правящих верхах Крыма

продолжалась грызня из-за «приоритета» в получении «жалования» из Москвы за «содействие» в заключении договора. 15 апреля Андрей Яковлевич принимал ханского эмиссара бека («князя») Баубека Киятского, который вел свою политическую игру, конкурируя с посольством⁵⁶. Тот потребовал личной аудиенции у Б. Ф. Годунова; А. Я. Щелкалов доложил эту просьбу «государеву шурину» и передал отказ. Это последнее упоминание Андрея Яковлевича в качестве главы Посольского приказа. После прибытия следующего крымского гонца (Казан Аги) на его аудиенции у государя вместе с послом Ен Магметем Ширинским 30 июня 1594 г. «грамоты» принимал в качестве Посольского дьяка уже Василий Яковлевич Щелкалов⁵⁷.

Причины опалы Андрея Яковлевича до сих пор остаются предметом дискуссий в отечественной историографии. С. Ф. Платонов видел их в «тайных сношениях» с имперским послом Н. Варкочем⁵⁸. А. А. Зимин полагал, что, «возможно, большой дьяк просто состарился»⁵⁹. Н. М. Рогожин видит причины опалы Щелкалова в его сложных отношениях с Б. Ф. Годуновым, который «в любом случае не хотел видеть на своем пути к трону влиятельного и слишком много знающего думного посольского дьяка»⁶⁰. На первый взгляд, русская посольская документация, по крайней мере, посвященная «ссылкам с Крымом», демонстрирует четкое исполнение Посольским дьяком своих обязанностей в русле полной лояльности Б. Ф. Годунову. Он оперативно и без промедлений докладывает Борису Федоровичу о ходе переговоров с крымцами; информирует «государева шурина» о желании крымцев получить у него аудиенцию. Посольский дьяк постоянно ссылается на авторитет Бориса Федоровича при рассмотрении «челобитий» крымцев, всякий раз отмечая, что решение тех или иных вопросов зависит исключительно от его воли. Немаловажно отметить, что в ряде случаев А. Я. Щелкалов лично докладывал «государеву шурину» и исключительно конфиденциальную политическую информацию, добытую у крымских дипломатов при их «распросах» младшими дьяками Посольского приказа.

И все же Борис Федорович Годунов, который «был весьма расположен к этому дьяку» (И. Масса), судя по косвенным признакам, имеющимся в русской посольской документации по связям с Крымом, не до конца доверял Щелкалову. Так, ответственные переговоры с доверенным лицом хана Гази-Гирея II Ямгурчеем аталыком «государев шурином» Годунов проводил у себя на подворье лично и без участия Посольского дьяка. Заметны и намерения Б. Ф. Годунова примерно с 1593 г. частично передоверить «ссылки» с Крымом другим лицам, в частности, казначею.

Для нас небезынтересен вопрос о том, в какой степени деятельность А. Я. Щелкалова на крымском направлении привела его к опале.

Как и многие его предшественники в должности Посольского дьяка, Андрей Яковлевич вступает в переписку с крымскими должностными лицами. Причем в ситуациях, когда по соображениям престижа грамоты от имени государя и «государева шурина» им отправляться не могут, Андрей Яковлевич брал на себя изложение наиболее острых вопросов. Известны (в пересказе содержания в «речах» русских гонцов) его послания Моллы Аллею атальку, «первому министру» хана Гази-Гирея II.

В отечественной историографии, правда, традиционно считается, что особо доверительными были отношения А. Я. Щелкалова с политической элитой Речи Посполитой. Это соответствует действительности, однако, как и в ситуации с опалой и гибелью Ивана Васильевича Висковатого, могло иметь место именно сочетание конфиденциальных отношений с партнерами на двух основных внешнеполитических направлениях. Если к этому добавить находившиеся «на пересечении» крымского и польского направлений русской внешней политики отношения с австрийскими Габсбургами, где Андрей Яковлевич играл не просто огромную роль, а выступал как формальный инициатор секретных переговоров на щекотливые династические темы и вдобавок вел переписку с эрцгерцогом Максимилианом, то причин для отставки «слишком много знающего» думного дьяка у Бориса Федоровича Годунова было даже в избытке. Андрея Яковлевича сменил на посту Посольского дьяка родной брат Василий Яковлевич, с 1577 г. бессменно возглавлявший Разряд, и вместе с тем, активный участник крупнейших посольств и приемов. Впрочем, его деятельность во главе Посольского приказа и, в частности, его роль в «ссылках» с Крымом — тема отдельного рассказа.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 123. «Сношения России с Крымом». Оп. 1. Д. 21. Л. 144 об.

² *Масса И.* Краткое известие о Московии. М., 1997. С. 40.

³ Там же.

⁴ *Рогожин Н. М.* «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 72.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 21. Л. 148.

⁶ Там же. Д. 10. Л. 341.

⁷ Там же. Д. 13. Л. 330.

⁸ То есть послания (мохаббат-наме) от хана и послания (ярлык) от «царевичей» Гиреев и крымской знати.

⁹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 33.

¹⁰ Там же. Л. 64.

¹¹ Там же. Л. 192 об.

¹² Там же. Л. 301–302.

¹³ Там же. Л. 324 об.

- ¹⁴ Там же. Д. 15. Л. 65 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 70 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 155 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 16. Л. 361, 358, 369.
- ¹⁸ Там же. Л. 410 об.
- ¹⁹ *Савва В. И.* Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. М., 1983. Ч. 2. Кн. 2. С. 230.
- ²⁰ Там же. С. 229.
- ²¹ РГАДА. ф. 123. Оп. 1. Д. 16. Л. 28, 33 об., 34.
- ²² Там же. Л. 42.
- ²³ Там же. Л. 78, 88 об.
- ²⁴ Там же. Л. 143, 159 об.
- ²⁵ Там же. Ф. 127. «Сношения России с ногайскими татарами». Оп. 1. Д. 7. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Д. 13. Л. 4–7, 49–50; Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–80.
- ²⁷ Там же. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Д. 17. Л. 337 об.
- ²⁸ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 17. Л. 75–75 об., 76.
- ²⁹ Там же. Л. 190, 205 об.
- ³⁰ Там же. Л. 330–331, 348.
- ³¹ Там же. Л. 401 об.
- ³² Там же. Л. 421 об.
- ³³ Там же. Д. 18. Л. 233 об.
- ³⁴ Там же. Д. 19. Л. 15 об.
- ³⁵ Там же. Л. 133 об., 140.
- ³⁶ Там же. Л. 141, 141 об., 142 об.
- ³⁷ Там же. Л. 167, 175 об.
- ³⁸ Там же. Л. 175 об. — 176.
- ³⁹ Там же. Л. 181.
- ⁴⁰ Там же. Л. 191.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. Л. 321, 322, 323 об.
- ⁴³ Там же. Л. 366 об.
- ⁴⁴ Там же. Д. 20. Л. 18.
- ⁴⁵ Там же. Л. 25 об., 26, 27.
- ⁴⁶ Там же. Л. 53 об., 64 об., 71 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 75.
- ⁴⁸ Там же. Л. 138 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 497, 506.
- ⁵⁰ Там же. Д. 21. Л. 156.
- ⁵¹ Там же. Л. 97, 114 об., 141 об., 152 об. и др.
- ⁵² Там же. Л. 97.
- ⁵³ Там же. Л. 101.
- ⁵⁴ Там же. Л. 113–114, 156–157 и др.
- ⁵⁵ Там же. Л. 114 об., 141 об., 152 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 156.
- ⁵⁷ Там же. Л. 325 об.
- ⁵⁸ *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в смутное время. М., 1995. С. 145–146.
- ⁵⁹ *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 194.
- ⁶⁰ *Рогожин Н. М.* Указ. соч. С. 90.

**Патриаршая область в первой половине XVII в.
(к вопросу о территориальной компетенции
Патриаршего Казенного приказа)***

Одним из самых запутанных вопросов при изучении приказного строя России в XVI–XVII вв. продолжает оставаться вопрос о территориальной компетенции каждого из этих органов управления. В общем виде можно говорить о том, что компетенция приказов в России складывалась из ведения нескольких видов дел: административно-финансовое управление определенной территорией (в том числе и сбор налогов), управление подведомственной социальной группой, судопроизводство. Однако территориальные границы, в которых эти полномочия распространялись, могли быть самыми причудливыми. Ярким примером в данном случае может служить территориальная компетенция четвертных приказов, Разрядного или Посольского приказов.

В рамках данной проблематики особый интерес вызывает вопрос о территориальной компетенции Патриарших приказов. Окончательное оформление этой группы приказов (Казенный, Дворцовый и Разрядный) как административного звена Патриаршего дома происходит в конце 1610-х гг.¹ В 1649 г. ряд церковных земель переходит в ведение вновь созданного Монастырского приказа². В связи с этим наибольший интерес при исследовании территориальной компетенции Патриарших приказов представляет первая половина века — с конца 1610-х до 1649 г. Круг источников, касающихся данного периода, немногочислен, но довольно разнообразен. Во-первых, это законодательный и актовый материал: царские жалованные грамоты, правовые грамоты и решения судебных дел, купчие, меновые грамоты³. Вторую и наиболее содержательную группу источников составляют делопроизводственные документы Патриарших Казенного и Дворцового приказов — приходные, расходные, описные книги⁴.

В самом общем приближении можно сказать, что ведению Патриарших приказов подлежали Патриаршая область и домовые земли Патриаршего дома, имевшие сложный состав и разный правовой статус. Предметом рассмотрения в рамках данной статьи является территория Патриаршей области, находившаяся в ведении Патриаршего Казенного приказа⁵.

---

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых. Проект МК-574.2011.6.

Официальное оформление территории Патриаршей области после Смуты произошло в 1625 г. Царь Михаил Федорович дал патриарху Филарету Никитичу жалованную грамоту на Патриаршую область. В грамоте отмечалось, что власть Патриарха распространяется на территории Патриаршей области, «опричь митрополичьих и архиепископских и епископских десятин»⁶. Грамота определяет в ведение Патриарха следующие территории: «в городех и десятинах <...> в нашем царствующем граде Москве и в Московском уезде, в Володимере, в Переславле Залесском, в Юрьеве Польском, на Костроме, на Плесе, в Юрьевце Повольском, в Нижнем Новгороде и в Нижегородских пригородех и в уездах, на Болахне, на Кинешме, в Луху, в Гороховце, в Ядрине, и в уездах тех городов, в Галиче и в Галицких пригородех, и в Арзамасе, и на Алатаре, на Курмыше, в Темникове, на Вятке, с пригороды, в Кайгородке, на Пинеге и в Кевроле, и в Мезени, во Ржеве Володимеровой, в Торопце, в Боровску, в Звенигороде, в Рузе, в Волоку Ламском, в Можайску, в Мосальску, в Дмитрове, в Серпухове, во Брянску, в Корачеве, в Севску и во всей Комаритцкой волости, в Путивле, в Курску, в Рыльску, на Осколе, в Белгороде, на Волуйке, в Медужской, и в Пехрянской, и в Белозерской десятинах»⁷. Приходная книга Патриаршего Казенного приказа 1626/27 г. позволяет дополнить этот список территориями Вохонской, Хотунской, Радонежской, Селецкой, Загороцкой десятин Московского уезда, Карашской волости Ростовского уезда, сел Горице и Стоянца Кашинского уезда, а также вотчинами Троице-Сергиева, Серпуховского Высоцкого и Ипатьевского Троицкого монастырей⁸. Таким образом, грамота подтвердила и оформила уже сложившийся состав Патриаршей епархии.

Несмотря на наличие царской грамоты на все земли главной русской епархии, в Патриаршем архиве продолжали бережно храниться и документы, подтверждающие права на каждую из десятин: царские и княжеские жалованные грамоты XVI — начала XVII в. В самой ранней из сохранившихся описей домово́й Патриаршей казны 1633/34 г. упомянуто 24 таких грамоты, из них 13 царских жалованных грамот, одна князя Владимира Андреевича Старицкого на Дмитровскую и Ржевскую десятины⁹. Второй по значению группой были грамоты правые, меновые вотчинные, межевые домовых монастырей, учужные, а также выписки из решений судебных земельных дел¹⁰. Так, в 1640-х гг. Патриаршая кафедра судилась в Сибирском приказе с боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым об оставшковских водах. Результаты судебного дела были оформлены «записью мировой с боярином князем Борисом Михайловичем Лыковым об оставшковских водах за руками человека его Моисея Рылеева 7153 (1644/45 г.)» и «правой грамотой... об оставшковских водах за

государственной печатью и за приписью дьяка Осипа Пустынникова 7155 (1646/47 г.), 9 февраля»¹¹.

В XVII в. Патриаршая область находилась в непрерывной динамике: до середины века ее размеры растут, а во второй половине века начинают сокращаться за счет выделения новых епархий. И. Покровский отмечал, что «одним из излюбленных приемов» в деле расширения Патриаршей области было присоединение новых городов, возникающих по окраинам Северо-Восточной Руси¹². Наиболее подробные сведения о периоде роста Патриаршей области содержат книги Патриаршего Казенного приказа, который занимался сбором налогов с этих земель. В 1630–1640-е гг. в состав Патриаршей области были включены новые города, основанные в ходе строительства засечных черт и продвижения на юг границы Русского государства¹³. Так, в 1640-х гг. по сравнению с 1625 г. прибавились города: Усерд, Козлов, Нижний и Верхний Ломовы, Верхососенск, Новый Оскол, Яблонов¹⁴.

Расширяясь за счет вновь осваиваемых земель, Патриаршая область не была компактным образованием. В первой половине XVII в. в России было 13 епархий, чьи владения клиньями врезались в пределы епархии Патриарха. Например, Суздальская архиепископия со всех сторон была окружена территорией Патриаршей епархии. Территория Патриаршей области не всегда совпадала с границами государственных административно-территориальных округов, в ее состав могла входить лишь часть какого-либо уезда (например, Юмохотцкая волость Суздальского уезда)¹⁵.

В Патриарший Казенный приказ поступала церковная дань с вотчинных территорий двух крупных монастырей — Троице-Сергиева и Ипатьевского Троицкого, владения которых были разбросаны по десяткам уездов страны (упоминаются во всех сохранившихся приходных книгах приказа). В состав собственно Патриаршей области, входили и домовые феодальные владения Патриаршего дома. В приходных книгах Патриаршего Казенного приказа постоянными являются разделы: села Горице и Стоянец Кашинского уезда, Карашская волость Ростовского уезда и некоторые другие. Наконец, особое место занимали Патриаршие домовые монастыри — по подсчетам С. Б. Веселовского, до 30 % территории Патриаршей области находилось во владении и управлении домовых монастырей¹⁶. Они вели собственное хозяйство, но Патриарший Казенный приказ периодически (чаще всего при смене игумена) производил описание их имущества¹⁷, хранил выписи с писцовых книг на земли домовых монастырей. Например, в описи домовой казны упоминается «книга писменная Благовещенского монастыря на вотчины»¹⁸.

Патриаршая область делилась на небольшие административные единицы — десятины, выделяемые, как правило, по числу приходов.

Эта схема ориентировалась на древние церковные традиции, а не на принятые в государстве единицы административно-территориального управления.

Таким образом, можно отметить особенность Патриаршей епархии как объекта управления Патриаршего Казенного приказа: она не соответствует границам государственного деления, включая в себя отдельные уезды и земли.

На территории Патриаршей области ведению Патриаршего Казенного приказа, как отмечалось в царской грамоте, подлежали «городов в пригородах и в уездах монастыри, и соборные церкви, и ружные, и приходские храмы»¹⁹. Объектами управления на территории Патриаршей епархии являлись церкви и церковные земли — жилые и пустые. С них в Патриаршую казну поступала дань и некоторые другие сборы²⁰. Запустевшие церковные земли кафедра сдавала на оброк. Единственным видом фиксированных сборов, который охватывал всю территорию Патриаршей области, была церковная дань. Организацией и сбором дани с церковью Патриаршей епархии ведал Патриарший Казенный приказ. Примерное количество податных объектов (церквей) в 1628/29 г. можно установить по промежуточным итогам, которые подводились в приходных книгах Патриаршего Казенного приказа 1620 г. — начала 1630-х гг. по каждой десятине с указанием количества церквей и размера собранной с них дани. Всего по сведениям приходной книги 1628/29 г. получается жилых данных церквей, оплативших в текущем году свои дани — 2553 церкви в Патриаршей области, а вместе с новопробылыми за этот год — 2576²¹. Патриаршую власть в десятинах представляли десятильники из детей боярских. Они с помощью выборных старост поповских осуществляли сбор пошлин с церквей и контроль над деятельностью духовенства.

Первым этапом обложения была перепись земель, церквей и лиц, которые должны были платить дань в Патриарший Казенный приказ. Масштабная перепись во всем государстве была проведена вскоре после возвращения Филарета из плена. В 1619–1623 гг. была проведена и наиболее крупная перепись Патриаршей епархии. По данным приходных книг 1627/28 и 1628/29 гг. этот дозор осуществлялся 12 дозорщиками, которые описали 29 десятин Патриаршей области²².

В дальнейшем для контроля за текущими изменениями проводились менее масштабные переписи или дозоры, как по инициативе приказа, так и с мест. Чаще всего они охватывали границы одной десятины или даже волости, например, в 1622/23 г. Патриарший сын боярский Кузьма Рагозин производил «письмо и дозор» города Путивля²³. По-видимому, сразу наладить сбор дани со всех десятин было весьма сложно, поэтому в 1620-е гг. небольшие дозоры весьма часто упоминаются в приходных книгах²⁴. В конце 1620-х гг. контроль

перешел к старостам поповским и Патриаршим чиновникам, среди обязанностей которых было наблюдение за возникновением новых данных церквей в их округе.

Сведения о состоянии церковных приходов поступали в Патриарший Казенный приказ и по другим каналам. Например, приказ организовывать «сыск и переписку» церквей. Подобные мероприятия проводились при запуске какой-либо церкви для анализа возможностей соседних церквей по перекладке на них части оклада с выбывшей церкви²⁵. Сбавить оклад с церкви могли и в случае построения новой церкви в том же приходе²⁶. При обнаружении действующей церкви, с которой по каким-либо причинам не поступала дань, приказ предписывал десятильникам или старостам поповским на местах «сыскать сколь давно поставлена» для внесения новой единицы в оклад и сбора с нее недоимок за истекшие годы²⁷. Патриарший Казенный приказ выдавал разрешения на строительство новых церквей. Так, в 1641/42 г. русские посадские люди подали в Патриарший Казенный приказ челобитную о строительстве церкви²⁸.

На основе переписных книг в Патриаршем Казенном приказе составлялись окладные книги, которые рассылались по десятинам²⁹. Грамоты Патриарха Филарета игумену Антониево-Сийского монастыря Ионе 1620–1621 гг. позволяют проследить схему управления. Патриарший Казенный приказ 7 июля 1621 г. направил Ионе грамоту, предписав собирать церковную дань по новым писцовым книгам. Книги, составленные Андреем Трусовым за приписью дьяка Максима Одинцова, также были отправлены Ионе. Спустя 20 дней — 28 июля — в приказ привез деньги «архангельского города стрелец», о чем была сделана соответствующая запись на обороте грамоты³⁰. Сохранились также грамоты 1621, 1625, 1629 гг., предписывающие собирать дань с особыми указаниями на текущий год. Например, грамота сентября 1621 г. сообщает о необходимости собирать дани вдвое и принимать меры по охране интересов Патриаршей казны³¹. Возможно, сбор дани ежегодно начинался с рассылки Патриаршим Казенным приказом грамот ко всем наиболее крупным монастырям в десятинах, и отправки на места десятильников с наказами и книгами, заверенными дьяком Патриаршего Казенного приказа.

Организация делопроизводства в Патриаршем Казенном приказе была построена по территориальному (десятинному) принципу. Приходные книги Патриаршего Казенного приказа делились на главы по десятинам Патриаршей области. Однако, в 1620–1630-е гг. наблюдается постепенное изменение порядка глав в книгах. Анализ этих изменений показал, что первоначально хаотичное распределение десятин постепенно приближается к формированию их в определенные блоки: замосковные, северские, украинные. Процесс этот

занял достаточно длительное время. В 1627/28 г. была предпринята первая попытка сформировать блоки городов, до того практически отсутствующие. Например, северные Вятку, Кайгородок, Пинегу и Кевроль, раздробленные в книге 1626/27 г. городами подмосковных десятин, соединили в один блок³². В книге 1628/29 гг. к этой группе присоединили и Галич, до того отделенный от других северных городов записями о доходе со средневожских десятин Арзамаса, Темникова и Курмыша³³. Аналогичные изменения происходили и с группами других городов.

Следующий этап в формировании окладной части приходной книги Патриаршего Казенного приказа можно предполагать, т. к. книги за середину 1630-х гг. не сохранились. Суть его заключалась в том, что уже сформированным блокам была придана «правильная» последовательность. Книгу открывали Москва и десятины Московского уезда (Вохонская, Пехрянская, Радонежская, Селецкая, Загородская, Хотунская), затем шли внутренние, старые и поволжские города (Владимир, Переславль Залесский, Дмитров, Звенигород, Руза, Волок Ламский, Боровск, Алексин, Вышгород, Ярославец Малый, Можайск, Серпухов, Мосальск, Нижний Новгород с пригородами, Арзамас, Алатерь, Курмыш, Темников, Юрьев Польской, Лух, Балахна, Кинешма, Кострома, Плесо, вотчины Троице-Ипатьевского монастыря). Далее следовала группа северских, украинских или городов севского полка (Брянск, Севск, Рылск, Путивль, Курск), города по черте и за чертой (Белгород, Оскол, Валуйка). Новые города, входившие в состав Патриаршей области (Верхний и Нижний Ломовы, Козлов, Усерд и др.) — записывались после всех старых статей³⁴. Такая группировка городов была принята в делопроизводстве московских (государевых) приказов, например, в практике Разрядного приказа³⁵.

Таким образом, Патриаршая область, находившаяся в ведении Патриаршего Казенного приказа, имела ряд особенностей. Во-первых, ее территориальное деление на церковные десятины, не совпадало с единицами государственного деления. Патриаршая область представляла собой разрозненный конгломерат земель, находившихся в разных районах страны. Во-вторых, она была неоднородна по правовому статусу земель, входивших в ее состав: церкви в городах и уездах, в вотчинных землях крупных монастырей (Троице-Сергиева, Троице-Ипатьевского), в домовых селах и монастырях Патриарха. Можно говорить, что на территории Патриаршей области в большей степени, нежели на любой другой территории Русского государства в первой половине XVII в., пересекались три принципа территориального деления и управления — государственный, церковный и феодальный.

Примечания

- ¹ В отечественной историографии время возникновения Патриарших приказов датируют по-разному: от конца XVI в. (*Неволин К. А.* Образование управления в России от Ивана III до Петра Великого // *Неволин К. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1959. Т. VI. С. 133, 202, 203; *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 428–437; *Рыбалко Н. В.* Дьяческий аппарат Патриаршего и Монастырского приказов в конце XVI — начале XVII вв. в России // Мир православия: Сб. научных статей. Вып. 6. Волгоград, 2006. С. 242–251) до 1623–25 гг. (*Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский.* История русской церкви. Период Патриаршества 1589–1720. Рига, 1847. Т. 4. С. 10–11; *Каттерев Н. Ф.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874. С. 192; *Шимко И. И.* Патриарший казенный приказ // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1894. Кн. 9. С. 4; *Малаидин В. В.* Церковь и государство в Патриаршестве Филарета: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 16; *Олевская В. В.* Формирование системы Патриарших приказов Русской православной церкви и ее специфика в период подготовки и проведения синодальной реформы // 2000-летию Рождества Христова посвящается (Сборник). М., 2002. С. 249).
- ² См.: Соборное уложение 1649 года: Текст и комментарии. Л., 1987. Гл. 13.
- ³ ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 164; Т. 4. СПб., 1836. № 323, 325, 326; АИ. Т. 3. СПб., 1841. № 82, 133; *Горчаков М. И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, Патриархов и св. Синода (988–1738 гг.). Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. С. 328–335; Акты Сийского монастыря. Вып. 1. Грамоты Патриарха Филарета (1619–1633 гг.). Архангельск, 1913. № 1–51; Столбцы бывшего архива Оружейной палаты. Описал архивариус общего архива Министерства императорского двора Александр Успенский. Вып. 1. М., 1912. С. 51. № 146; Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней Руси. Киев, 1860. Т. 1. № 93; *Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». Вып. 4. М., 1917. № 641, 693, 945, 1224, 1252, 1266, 9318.
- ⁴ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 1–26; Ф. 236. Оп. 1. Д. 1–9.
- ⁵ Подробнее о компетенции Патриарших приказов см.: *Устинова И. А.* Книги Патриарших приказов 1620–1649 гг. как исторический источник. М., 2011. С. 63–88.
- ⁶ ААЭ. Т. 3. № 164. С. 231.
- ⁷ Там же. С. 231.
- ⁸ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 2.
- ⁹ Там же. Д. 4. Л. 4–8 об., 11–12; Д. 7. Л. 17–23, 25 об. — 28 об.; Д. 24. Л. 15 об. — 30 об.; царская жалованная грамота Патриарху Филарету «на все государевы Патриарховы десятины» от 20 мая 1625 г. (Д. 4. Л. 7 об.) опубликована: ААЭ. Т. 3. № 164.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 24. Л. 210–207 об.
- ¹¹ Там же. Л. 201.
- ¹² *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Казань, 1897. Т. 1. С. 171.
- ¹³ Подробнее об основании новых городов в первой половине XVII в. см.: *Водарский Я. Е.* Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 49–50.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 26.
- ¹⁵ Там же. Д. 25. Л. 265, 1214.
- ¹⁶ *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1, ч. 2. С. 442.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 24. Л. 350.

¹⁸ Там же. Д. 24. Л. 150.

¹⁹ ААЭ. Т. 3. № 164. С. 231.

²⁰ Подробнее о сборах Патриаршей казны см.: *Шимко И. И.* Указ. соч. С. 112–215.

²¹ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4; *Шимко И. И.* Указ. соч. С. 121.

²² Там же; *Маландин В. В.* Церковь и государство в Патриаршество Филарета: Дисс. ... канд. ист. наук. С. 79.

²³ РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 2.

²⁴ Там же. Д. 2. Л. 57 об.; Д. 5. Л. 124.

²⁵ Там же. Д. 14. Л. 563.

²⁶ Там же. Д. 23. Л. 290 об.

²⁷ Там же. Д. 19. Л. 29.

²⁸ Там же. Д. 14. Л. 341.

²⁹ Акты Сийского монастыря. № 31.

³⁰ Там же. № 7.

³¹ Там же. № 11.

³² РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 2. Л. 82–93, 99–109 об.; Д. 4. Л. 267–289.

³³ Там же. Д. 4. Л. 207–235, 267–289; Д. 5. Л. 223–279 об.

³⁴ Там же. Д. 17. Л. 836–842; Д. 20. Л. 865–876; Д. 21. Л. 887–897; Д. 23. Л. 941–948 об.; Д. 26. Л. 973–982.

³⁵ *Новохатко О. В.* Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001. С. 8–9, 58–59.

Б. А. Куенков

Персональная специализация «старых» подьячих Посольского приказа и структурирование ведомства в 30–40-е годы XVII в.

Первым в отечественной историографии вопрос о структуре Посольского приказа поставил С. А. Белокуров. Он пришел к выводу, что эта структура сводилась к специализации подьячих, на основе которой затем возникли подразделения ведомства — повытья: «Занятия между ними (подьячими. — *Б. К.*) с начала XVII в. распределены были по специальностям: по крайней мере, денежную часть еще в первой половине XVII в. вел особый подьячий, и, кажется, тогда уже были повытья. Но, во всяком случае, эти “повытья”-департаменты существовали в самом начале второй половины XVII столетия (1654 г.) и существовали в том самом количестве, что и в последующее время (1665, 1670 гг. и далее) и в начале XVIII в. (1702 и 1710), — именно 5. Во главе повытий были “старые подьячие” — директора департаментов»¹.

Компетенцию повытий С. А. Белокуров определял, основываясь на конкретных указаниях, обнаруженных им в материалах второй половины XVII в.: «Из одной записи, недостаточно полной, видно, что в 1646 г. дела распределялись между подьячими так: 1) Кизыльбаши, Дания, Голландия; 2) Бухары, Юргенч, Индия, Крым; 3) Молдавия,

Швеция, Греческие власти, Киевский митрополит; 4) Литва, Султан»². Действительно, четыре группы дел совпадают с числом «старых» подьячих, служивших в приказе в 1646 г. Это были А. Корепанов, И. Хрипков, А. Немиров, Е. Юрьев.

Другое обнаруженное Белокуровым указание на компоновку дел по повытьям относится к апрелю 1677 г. Согласно этой записи, все дела приказа были распределены между четырьмя «старыми» подьячими. Они «ведали: 1) Максим Бурцов: аглинское, датское, свейское, галанцы и амбурцы, вольные города; 2) Иван Волков: папа, цесарское, польское, персичкое, армянское, индейское, подьяческий список; 3) Прокофий Возницын: гишпанское, французское, турецкое, крымское, греческое, грузинское, китайское, юргенское, бухарское, сибирское, калмыки, московские торговые иноземцы; 4) Дмитрий Симоновский: горские черкасы, калмыцкие тайши (сбоку против обоих: «Отослать в Казанской дворец»), донские казаки и вся тамошняя служба, волоское, мултянское, Мещанская слобода»³. Как уже отмечено, Белокуров считал число повытий строго соответствовавшим числу «старых» подьячих, и он же установил, что последних во второй половине XVII в. неизменно было пять. Мог возникнуть вопрос, почему в таком случае запись 1677 г. фиксирует только четыре повытья. Белокуров объяснил это «временным отсутствием пятого “старого подьячего”», вследствие чего дела пришлось разделить на четверых.

Таким образом, факты, приведенные С. А. Белокуровым, свидетельствуют, что повытье не являлось «департаментом» в традиционном смысле слова — постоянно существующим структурным подразделением приказа с постоянной же компетенцией. Напротив эти структурные подразделения формировались как личные канцелярии «старых» подьячих, и состав дел, ведавшихся в каждом повытье, был неустойчивым, текучим.

Исследователи, труды которых затрагивали те или иные аспекты деятельности Посольского приказа, но не изучавшие его структуру специально, — В. И. Гальцов, Н. Ф. Демидова, М. П. Лукичев, В. В. Похлебкин, А. В. Беляков, — считали существование повытий в первой половине XVII в. фактом, не вызывающим сомнений. Их мнение основывалось на выводах С. А. Белокурова и подкреплялось данными Описи архива Посольского приказа 1626 г., где указано, что каждый из «старых» подьячих имел в приказном архиве отдельный ящик с документацией, а это воспринималось, как показатель персональной специализации подьячих по тем или иным вопросам, а она, в свою очередь, как доказательство существования в ведомстве структурных компонентов — повытий.

Наблюдения относительно структуры Посольского приказа в изучаемый нами период сделал В. И. Гальцов, диссертационное исследование

дование которого посвящено приказному архиву. Он полагал, что за каждым из подьячих «были закреплены определенные обязанности, связанные, прежде всего, с ведением документации, относящейся к отношениям России с одним государством или группой государств»⁴. К середине XVII в., считает В. И. Гальцов, архивные дела были разделены на пять групп: три группы дел по связям с европейскими странами, две — с азиатскими. «Такая группировка дипломатической документации по государствам, — подчеркивает он, — была сделана в соответствии с распределением служебных обязанностей среди старых подьячих, оформившемся к середине XVII в. в виде пяти структурных единиц приказа — повытий»⁵. Таким образом, в основе структуры ведомства, по мнению В. И. Гальцова, лежала личная служебная нагрузка каждого из «старых» подьячих.

Н. Ф. Демидова, рассматривая в своей монографии структуру государственных учреждений Московской Руси, затронула вопрос о структуре Посольского приказа. Она различает ведомства с двухчастным делением (на столы и повытья) и одночастным (только на повытья). В Посольском приказе, отмечает Н. Ф. Демидова, существовало одночастное деление, и его структурной единицей было повытье, причем «это разделение, однако, не было последовательным и постоянным»⁶.

М. П. Лукичев в очерке, посвященном думному дьяку Г. В. Львову, упомянул, как об известном факте, о существовании в Посольском приказе «подразделений (столов, повытий)». Проследив по данным Описи 1626 г. должностные функции Г. В. Львова, он счел, что они вытекали из компетенции вверенного ему «подразделения»⁷.

В. В. Похлебкин в своем справочнике повторил мнение, что структурной единицей Посольского приказа являлось повытье. Не рассматривая путей образования повытий, он попытался объяснить правила подбора дел в ведении каждого из них. Распределение дел, считал Похлебкин, «зависело на каждом историческом этапе от конкретного состояния международных отношений», и «структура повытий... никогда не была постоянной, а менялась и формировалась путано и бессистемно»⁸. Дела компоновались в повытьях отнюдь не по региональному критерию. По мнению Похлебкина, рубрики, объединяющие дела по связям с той или иной страной, группировались в повытьях в зависимости от качественного состояния отношений этих стран с Московским государством. Это позволяло в каждом повытье «выработать и культивировать определенный дипломатический язык, определенную... форму обращения при составлении дипломатических документов»⁹ и обеспечить стабильность форм работы подьячих.

Вопрос о внутренней организации Посольского приказа второй половины XVII в. затронул в своем диссертационном исследовании

А. В. Беляков. Он отметил как существование повытий в изучаемый им период, так и изменчивость приказной структуры. Некоторые мнения С. А. Белокурова этот автор оспорил: «Полного разграничения посольских дел на западные и восточные не произошло, хотя тенденции к этому явно прослеживаются. Утверждение С. А. Белокурова о существовании трех европейских и двух азиатских повытий основано на недостаточной информации». Беляков отметил, что при поручении дел в ведение подьячим соблюдалась упорядоченность и последовательность: «Когда кто-то из старых подьячих отправлялся в посылку, его дела распределялись между оставшимися... Передача дел от одного подьячего к другому происходила по челобитью истцов в случае смерти, отставки или посольской посылки».

Вышеупомянутые авторы приходят к выводу, что компетенция подразделений приказа была неустойчивой. Из работ С. А. Белокурова, В. И. Гальцова, А. В. Белякова следует, что структурные компоненты приказа — повытья — формировались применительно к функциям «старых» подьячих. Доводами в пользу этой гипотезы служат соответствие числа повытий числу «старых» подьячих и изменчивость состава подведомственных им дел — данные, основанные на прямых указаниях Описей архива Посольского приказа 1626 и 1677 гг., переписной книги 1632 г. и росписей дел в повытьях 1646 и 1677 гг. Непосредственное исследование делопроизводственных материалов, особенно дипломатической документации, позволит проверить эту гипотезу применительно к периоду 1613–1645 гг.

Есть прямые указания на преемственность обязанностей подьячих в приказе. В одной из ведомостей на выплату жалованья говорится: «На Родионово место Юрьева взят в Посольской приказ подьячий Михайло Волошенинов»¹⁰. Эту запись можно понять в том смысле, что М. Волошенинова взяли в штат, когда со смертью Р. Юрьева появилась вакансия. Но точно известно, что М. Волошенинов был зачислен в приказ в январе или феврале 1635 г., тогда как Р. Юрьев умер только 7 мая 1635 г. В таком случае запись скорее означает, что М. Волошенинов принял дела, которыми ранее ведал Р. Юрьев, причем последний остался служить в приказе. Когда сам М. Волошенинов ушел на повышение в 1643 г., его дела принял Т. Васильев.

Греческий переводчик в челобитной говорит, что в 1627 г. его дело разбирал подьячий А. Шахов, а после долгого перерыва в 1632 г. — подьячий Т. Никитин, ввиду того, что он «сидел» на месте А. Шахова¹¹. В этой челобитной прямо указана связь между «местом» и служебным поручением. Сам Т. Никитин накануне своего ухода из приказа (1638 г.) в челобитной рекомендовал передать дела, которые прежде ведал он, Третьяк, в ведение подьячего М. Фокина, поскольку тот «у твоих государевых дел списан был со мною в товарищех»¹². Таким образом, из челобитной следует, что у «старого» подьячего Т. Ники-

тина была в приказе определенная специализация, а подьячий второй статьи М. Фокин являлся его напарником. Понятие «места» подьячего, которое в случае его ухода переходило к другому лицу, может обозначать определенный круг обязанностей, закрепленных за этим подьячим персонально.

В переписной книге Посольского приказа 1632 г. есть следующая запись: «В Посолском же приказе в государеве казне денег на месяц октябрь по... число нынешнего 141-го году прииму подьячих Григорья Львова да Олексея Корепанова да Родиона Юрьева 6131 рубль 17 алтын 3 деньги»¹³. Книга денежных выплат подьячим (1632–1635) содержит записи, относящиеся к осени 1633 г.: «Лета 7142-го, сентября в 15 день. Взять для жалованья в месячной корм для солдат под Смоленск. ...Григорьева столу Львова 798 рублей 22 алтына и отдать подьячему Гарасиму Степанову»; «У подьячево у Олексея Корепанова отчол Помесново приказу подьячей Герасим Степанов ево Олексева приходу денег две тысячи восьмьсот один рубль одинатцать алтын две денги. ...У Олексея Корепанова есчо Холпья приказа подьячей Юрьи Тютчев отчол пятсот рублей. ...У подьячево у Родиона Юрьева отчол подьячей Юрьи Тютчев ево Родионова приему тысячу семьсот рублей. Да у Родиона ж принял подьячей Герасим Степанов его ж Родионова приему триста двацать восьмь рублей шесть алтын пять денег, да Григорьева столу Львова четьреста девятнацать рублей двацать шесть алтын три денги да четьреста пятьдесят два рубля, которые остались от немецких кормов, у подьячего у Третьяка Никитина. И всего тысячу двесте рублей у Родиона Юрьева. ...Иван Прикаскин у Родиона Юрьева взял тысячу четьреста рублей»; «У Родиона же Юрьева отчол Помесного приказу подьячей Иван Прикаскин его же Родионова столу тысячу четьреста рублей»¹⁴.

В Описи архива Посольского приказа 1673 г. упоминаются «столпы расходные» за 152 г. Т. Васильева и М. Волошенинова¹⁵. Г. Львов, А. Корепанов, Р. Юрьев, Т. Никитин в октябре 1632 — сентябре 1633 гг., М. Волошенинов и Т. Васильев в начале 1640-х гг. состояли в «большой» статье подьячих. То, что у них «отчитывались» денежные суммы, что они вели «расходные столпы» и «счетные списки», свидетельствует, что в распоряжении каждого из них находились какие-то денежные средства. Это предполагает определенную автономию служебного положения каждого из «старых» подьячих.

Записи свидетельствуют, что в 1632–1633 гг. собственную бухгалтерию вели четверо из пяти «старых» подьячих, а в 1642–1644 гг. — двое из четырех. То, что нет подобных сведений относительно Д. Одинцова и И. Хрипкова, еще не дает оснований считать, что они не пользовались финансовой автономией и не имели должностной специализации. Последняя подтверждается данными других источников, которые рассмотрены ниже.

Как сказано выше, Описи архива Посольского приказа 1626 и 1673 гг. содержат сведения, позволяющие яснее представить разделение обязанностей между «старыми» подьячими. Как показатель персональной должностной специализации «старых» подьячих можно оценивать их «именные» ящики в приказном архиве. В Описи 1626 г. упоминаются несколько ящиков, каждый из которых был помечен именем того или иного «старого» подьячего; в них хранилась документация, прошедшая через его руки, дела, которые были им технически подготовлены. Это были, так сказать, личные архивы этих лиц. Примечательно, что тематических совпадений в росписях содержания ящиков не наблюдается, а это свидетельствует о четком разграничении компетенции между подьячими. В Описи 1626 г. отмечены ящики А. Шахова, Г. Львова, Т. Никитина, Д. Одинцова¹⁶. Все эти лица в 1626/27 г. составляли «большую» статью. Таким образом, ящики для хранения «своих» дел были выделены всем «старым» подьячим без исключения. В подборке дел в ящиках явно прослеживается политико-географический принцип (страны Востока в ящике Д. Одинцова, страны протестантской Европы в ящике Г. Львова и т. д.).

Таким образом, собственная бухгалтерия «старых» подьячих, их «именные» ящики в архиве, преемственность «места» в приказе свидетельствуют, что специализация — разделение обязанностей между «старыми» подьячими — соблюдалась. Это означает, что за каждым из них был закреплен определенный набор дел. Допуская специализацию, можно предположить и существование в приказе своеобразных «департаментов»-повытий. Именно к такому выводу пришли В. И. Гальцов и М. П. Лукичев, в данных Описи 1626 г. увидевшие подтверждение выводов С. А. Белокурова. Но в документах исследуемого периода термин «повытье», обнаруженный С. А. Белокуровым в материалах второй половины XVII в., не встречается ни разу. Зато четыре раза встречается такое понятие, как «стол». В записях об изъятии денежных сумм, приведенных выше, упомянуты столы Г. Львова (дважды) и Р. Юрьева. В мае 1640 г. встречается еще одно упоминание о столе: отписка ливенского воеводы о возвращении заемных денег крымских арбачеев находилась «у подьячево у Олексея Корепанова в Крымском столе»¹⁷. В трех случаях из четырех столы называли по имени «заведующего», в одном — в соответствии с его компетенцией. Вероятнее всего, «старые» подьячие Р. Юрьев и Г. Львов в 1633 г., А. Корепанов в 1640 г. действительно имели в качестве рабочего места отдельные столы в помещении ведомства.

Проследить специализацию возможно, изучив справки, сделанные «старыми» подьячими на оборотах подготовленных ими документов. Наиболее эффективным способом исследования структуры Посольского приказа представляется анализ справ подьячих. Много-

численные документы по текущим кадровым и хозяйственным делам, вопросам обеспечения дипломатических акций содержат справки — подписи чиновников, подготовивших («справивших») тот или иной документ: «Справил подьячей Дорогойко Одинцов», «Справил подьячей Гришка Львов», «Справил подьячей Тренка Васильев». За период до 1626 г. архивной документации сохранилось немного. Лучшая сохранность материалов конца 1620 — начала 1640-х гг. позволяет с большей достоверностью проследить службу подьячих тех лет.

Бумаги справляли только «старые» подьячие, в 1627–1645 гг. их служило десять, и справки всех десяти обнаружены в рассмотренных нами материалах. Иногда справки делали и «средние» подьячие, но крайне редко, и только те, чей оклад был не меньше 30 руб. Одним из них был М. Фокин, остававшийся во второй статье до самой смерти. Он прослужил в приказе 22 года, но все шесть его справ относятся к последним годам его службы и жизни (1639–1643).

Кроме справ, специализацию подьячих позволяют уточнить данные записных «всяких дел» книг приказа (от всего изучаемого периода сохранилась только одна), в которые заносились поступавшие с мест воеводские отписки. Иногда там указывалось, к кому какие отписки поступали: донесение из Ливен (с Крымского рубежа) взял А. Корепанов, три грамоты из Астрахани — И. Хрипков.

Специализацию подьячих можно также проследить, выяснив, документы по каким именно вопросам они справляли. Необходимо сопоставлять дату той или иной справки со временем поступления ее автора в «большую» статью. В 1627–1645 гг. в «большой» статье служили:

1. Львов Григорий Васильевич. Он впервые появляется с окладом «старого» подьячего в 1625 г.; в апреле 1635 г. его взяли ко двору для обучения грамоте царевича Алексея Михайловича, и в Посольский приказ он вернулся уже в чине дьяка (1637). Обнаружено 30 его справ за 1628–1637 гг.

2. Никитин Третьяк. Подписывался как «Тренка Никитин». Служил в «большой» статье в 1627–1638 гг. Обнаружено 5 его справ (1631, 1638).

3. Одинцов Дорогой Петрович. Зачислен в «большую» статью подьячих в 1624/1625 г., выбыл из приказа в начале 1633 г., не позднее 15 марта. Обнаружено 32 его справки (1627–1632).

4. Юрьев Родион. Зачислен в «большую» статью в июле 1631 г., умер «скорою смертью» 7 мая 1635 г.¹⁸ Обнаружено 12 его справ (1631–1634).

5. Волошенинов Михаил Дмитриевич. Взят в «большую» статью в январе или феврале 1635 г., в сентябре 1643 г. был пожалован в дьяки¹⁹. Обнаружено 24 его справки (1636–1642).

6. Корепанов Алексей Лукич. Зачислен в «большую» статью в 1627/1628 г. и прослужил там до своей смерти (1648). Обнаружено 26 справ (1630–1645).

7. Никитин Третьяк Васильев. Именуется в официальных документах Третьяком Никитиным, сам всегда подписывался как «Тренка Васильев». В «большую» статью был зачислен осенью 1639 г.²⁰, летом 1645 г. пожалован в дьяки²¹. Обнаружена 31 справа (1643–1645).

8. Сахаруков Яков. Зачислен в приказ в начале 1638 г., 28 апреля 1639 г. умер²². Обнаружено 12 справ (1638).

9. Хрипков Иван Прокофьевич. Был зачислен в приказ в первую статью в конце 1639 г. и служил до конца исследуемого периода. Обнаружено 18 справ (1639–1645).

10. Немиров Андрей. «Старый» подьячий с 1644 г. Он сделал справки о жалованье касимовской царевне, живущей в Ярославле, и ярославским кормовым татарам²³.

Идеальным подтверждением гипотезы, что справа подьячего — показатель его специализации, был бы непрерывный ряд справ одного лица в делах одной рубрики (Крымские, Шведские, Турецкие дела и т. д.) на протяжении всего периода, когда оно служило в «старых» подьячих; притом, желательно, чтобы они присутствовали более чем в одном деле, и чтобы этот ряд не нарушали справки иного лица. Чаще всего справки подьячего исчезают из документов тогда, когда сам он выбывает из «большой» статьи. Но в ряде случаев в документах появляются «чужие» справки, даже когда прежний справщик остается в «большой» статье.

В Датских делах за 1631–1646 гг. обнаружено 19 справ, сделанных четырьмя лицами. Одна справа Т. Никитина, за которой следует 10 справ Г. Львова, сделанных в период с октября 1631 по июль 1634 г.; 5 справ М. Волошенинова (1642), 3 справки И. Хрипкова (1644–1646). Вероятнее всего, Г. Львов, М. Волошенинов, И. Хрипков по очереди ведали Датскими делами. Впрочем, здесь надо сделать оговорку: «старый» подьячий Т. Никитин в годы, когда дела справлял Г. Львов, отнюдь не выбыл из приказа, продолжал служить, а все 5 справ М. Волошенинова относятся к одному делу — об отпуске в Данию посольства С. М. Проестева, и сделаны они в апреле–мае 1642 г. Дело о посольстве Проестева, безусловно, вел подьячий Волошенинов, но это еще не доказывает, что ему были поручены вообще все Датские дела. Надо отметить, что эти моменты отнюдь не опровергают гипотезу, но делают ее уязвимой, дают основания для сомнений.

В Шведских делах за период с декабря 1630 по 3 августа 1633 гг. найдено 9 справ, из них четыре принадлежат Г. Львову и пять Т. Никитину; их справки чередуются друг с другом. Кроме справ, есть и другие факты, подтверждающие специализацию и Г. Львова, и Т. Никитина по Шведским делам. Известно, что Г. Львов доставил «ответные

грамоты» на подворье к шведским послам А. Мониеру и Ю. Бенгарту в апреле 1629 г.²⁴ Фактов, доказывающих причастность к Шведским делам Т. Никитина, гораздо больше. В декабре 1626 г. он отнес письменный ответ на подворье шведским послам Ю. Бенгарту и А. Рубцову; в феврале 1630 г. — ответную грамоту шведскому послу А. Мониеру²⁵. В ноябре 1634 г. запрос с приказом для справки «отписать на сем же столпце», кто из новгородских подьячих принимал питье для людей шведского посла А. Спирина, «писал Тренька Никитин»²⁶. В записной книге «всяких дел» приказа говорится об изъятии «у подьячево Третьяка Микитина, что осталось венгерского посла у Якова Руселя и у немец и у греческово затворника, как был в 142 году отпущен, 42 рубли 20 алтын»²⁷. Ж. Руссель, посол трансильванского князя Г. Бетлена, появился в России в качестве, прежде всего, шведского дипломатического агента.

Опись архива Посольского приказа 1626 г. свидетельствует, что в ящике Т. Никитина хранились два списка договора М. В. Скопина-Шуйского с Я. П. Делагарди о найме «немецких ратных людей», восемь дел по размежеванию русско-шведской границы²⁸. Перед началом Смоленской войны Т. Никитин ведал набором наемных войск:

— 7 февраля 1632 г. он справил память в Устюжскую четь о выдаче 2360 руб. «на наем неметцким ратным людем» полка А. Лесли;

— 6 апреля 1632 г. — памяти в Устюжскую четь о жалованье кн. В. Бярятинскому и дьяку В. Ключареву, отправленным в Новгород «для прииманья неметцких ратных людей», кн. Н. Гагарину, С. Языкову и дьяку П. Внукову, посланным в Архангельск для того же;

— 11 сентября 1632 г. — в Устюжскую четь об учинении оклада служилому иноземцу А. Борецкому²⁹;

— 26 октября 1633 г. он взял деньги, предназначенные на корм наемным солдатам капитана Я. Фарбека из полка А. Лесли³⁰. Наем иноземцев проводился так же в рамках связей со Швецией.

Таким образом, напрашивается вывод, что Шведские дела были предметом совместной компетенции Г. Львова и Т. Никитина, работавших в паре. Подобная практика имела место — позднее были «списаны в товарищех» тот же Т. Никитин и М. Фокин. Справа Т. Никитина, относящаяся к 1638 г., может свидетельствовать, что он продолжал ведать Шведскими делами и после ухода Г. Львова (1635), пока не выбыл из приказа сам.

В Голландских делах есть всего две sprawy Г. Львова в 1631 и 1633 гг.; кроме того, он дважды доставлял «ответные грамоты» на подворье к голландскому послу в 1631 г.³¹

В Крымских делах за период с февраля 1630 по 30 октября 1644 г. обнаружено 19 справ, из них семнадцать принадлежат А. Корепанову. Не вызывает сомнения, что А. Корепанов ведал Крымскими делами. Это подтверждается также тем, что:

— по записи в переписной книге 1632 г. ему был отдан столбец с приездом в Москву крымского посла в Швецию Ханбердея и отпуском шведского посла в Крым Б. Барона и крымского посла Муралея³²;

— в его ящике в архиве Посольского приказа хранилась «выписка по челобитью Посольского приказа подьячих о прописке в крымскую посылку, что не послано против прежней росписи з Григорием Нероновым»³³;

— у него находились «остаточные за кормами крымских гонцов» деньги³⁴;

— он в 1643 г. в Седелном ряду закупал вещи для «лехких поминок» в Крым³⁵.

Наконец, как сказано выше, тем, что источники прямо упоминают Крымский стол А. Корепанова. Возникновение в Посольском приказе постоянного подразделения, специализирующегося исключительно по Крымским делам, было обусловлено спецификой отношений России с Крымским ханством.

Этот ряд нарушают две sprawy Р. Юрьева, одна из которых относится к 1631/32 г., а вторая — к 30 сентября 1633 г. Следующая по времени справа А. Корепанова относится к апрелю 1634 г., а Р. Юрьев умер 7 мая 1635 г. Следовательно, А. Корепанов вновь стал справлять Крымские дела не в связи с его смертью. Можно предположить, что какое-то время Р. Юрьев заменял А. Корепанова.

В Турецких делах за 1630–1645 гг. обнаружено 20 справ, сделанных пятью лицами. Это семь справ Д. Одинцова (июль 1630 — 11 сентября 1632 г.), пять справ Р. Юрьева (1632–1634), две sprawy М. Волошенинова (1637, 1643), шесть справ Т. Васильева (1643–1644). Известно также, что Т. Васильев в 1643 г. принял дела выбывшего М. Волошенинова. Видимо, Турецкие дела находились в постоянной компетенции этих лиц. Две sprawy Г. Львова от 11 февраля 1634 г. воспринимаются как неожиданность. Это, во-первых, единственный случай, когда Г. Львов справил документы по связям со странами Востока. Во-вторых, единственный случай, когда в одном архивном деле — об отпуске в Турцию посольства И. Коробьина и С. Матвеева — присутствуют sprawy двух подьячих. Во всех известных нам случаях одно дело от начала и до конца вел один подьячий. Скорее всего, эти две памяти по Турецким делам были справлены Г. Львовым в порядке исключения в связи с какими-то чрезвычайными обстоятельствами.

В Персидских делах за 1632–1648 гг. обнаружено 16 справ. Из них пять сделаны Д. Одинцовым (1632), одна — М. Волошениновым (1637), шесть — Я. Сахаруковым (не ранее 1 сентября 1637 — декабрь 1638 г.), четыре — И. Хрипковым (1641–1648). Специализацию И. Хрипкова по Персидским делам подтверждает также тот факт, что

к нему поступали все отписки в Москву астраханских воевод, а связи с Персией осуществлялись через Астрахань. В 1639 г. он забрал к себе отписки «о шахове после о Асан-беке», «о шахове гонце Али беке», о приезде на Терек Сурхай-мурзы Тарковского³⁶, в мае 1640 г. сделал справу о жалованье «за степной проезд» и о поденном корме в Москве астраханскому гонцу Л. Бухарову³⁷.

Пять справ в делах Большой Ногайской орды за 1630–1633 гг. принадлежат Д. Одинцову.

В Донских делах за 1630–1640 гг. 28 справ сделали шесть подьячих. Справщики здесь меняются часто, и может показаться, что их замена проводилась без какой-либо упорядоченности. Обнаружены три справы Д. Одинцова (1630–1632); пять справ А. Корепанова (ноябрь 1635 – сентябрь 1636 г.). Затем следуют три справы М. Волошенинова (декабрь 1636, январь и март 1637 г.) и одна – Г. Львова (январь 1637 г.); пять справ Я. Сахарукова (февраль–июль 1638 г.); вновь две справы М. Волошенинова (сентябре 1639 г.); девять справ И. Хрипкова (ноябрь 1639 – март 1640 г.); кроме того, в 1639 г. именно к нему поступила отписка «о Донских вестях»³⁸. А. Корепанов и М. Волошенинов (дважды), «исчезнув» из Донских дел, продолжали службу в «большой» статье, а подобная практика была редкостью. Донские дела на первый взгляд кажутся рубрикой без постоянного заведующего, «кочующей» из рук в руки. Трудно объяснить, почему один из документов справил Г. Львов, к тому времени только что пожалованный в дьяки. Это его единственная справа по Донским делам и вообще единственная известная нам справа, сделанная дьяком. Вероятно, это было разовое поручение, вызванное какими-то неподвижными обстоятельствами.

В Польских делах за 1634–1645 гг. обнаружено 10 справ, сделанных тремя лицами: две справы Г. Львова (1634), одна – М. Волошенинова (1639), семь – Т. Васильева (1644–1645). Известно также, что к Г. Львову поступали «листы» по Литовским делам, и что он готовил наказания межевым судьям при размежевании русско-польской границы.

Рубрика, объединяющая все дела посольских подьячих, а также сторожей и золотописцев, в росписи повытий 1677 г. упомянута под названием «подьяческий список». По делам подьяческого списка за 1631–1645 гг. обнаружено 24 справы. В 1631–1634 гг. чередуются справы Д. Одинцова (одна), Г. Львова (четыре), Р. Юрьева (четыре). Затем до 1643 г. обнаружена только одна справа М. Волошенинова (1636), затем – 12 справ Т. Васильева (декабрь 1643 – январь 1645 г.) и две справы И. Хрипкова (лето 1645 г.). С 1646 г. все документы по делам подьячих стал справлять недавно принятый в приказ Е. Р. Юрьев³⁹, но И. Хрипков остался служить в «большой» статье; следовательно, заведование «подьяческим списком» было для

него временным поручением. В 1631–1634 гг. подьячие Д. Одинцов, Г. Львов, Р. Юрьев состояли в «большой» статье одновременно⁴⁰. Их sprawy чередуются хаотично, и проследить какую-то систему в поручении дел о подьячих тому или иному чиновнику трудно. Но есть запись, показывающая, что в 1635 г. вопросы службы подьячих находились в ведении Р. Юрьева: «Да в нынешнем в 143-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по челобитным и по выпискам печатника и думного диака Ивана Тарасьевича Грамотина да думного диака Ивана Гавренева роздал подьячей Родион Юрьев из доходов Посольского приказу своего прииму подьячим государева жалованья на нынешней на 143-й год другую половину, да в приказ диаку Максиму Матюшкину подьячим и золотописцу и сторожом празнишних денег для Светлого Христова Воскресения и для праздника государя царевича князя Алексея Михайловича ангела, а в расходную книгу он тех денег не записал, а мая в 7 день его не стало скорою смертью»⁴¹.

В делах переводчиков и толмачей за 1627–1645 гг. найдена 41 справа. В 1627–1632 гг. Д. Одинцов справил 11 документов по делам переводчиков и толмачей, в том числе ведомости на выдачу им годового жалованья за 1630/31 и 1631/32 гг. Но его sprawy не образуют непрерывного ряда, т. к. в те же годы пять справ сделал Г. Львов, две — А. Корепанов, одну — Р. Юрьев; объяснение столь частому чередованию подьячих-справщиков найти трудно. Девять справ М. Волошенинова (1639–1643) и шесть справ Т. Васильева (1644–1645) представляют почти непрерывные ряды с единичными вкраплениями справ А. Корепанова, и создается впечатление, что М. Волошенинов и Т. Васильев получили дела переводчикам и толмачам в постоянное ведение.

Могло сложиться впечатление, что исследователь на основе неполных данных сделал слишком смелый вывод, и на самом деле практики поручения подьячим целой рубрики в постоянное ведение не было. Вместо этого им давались разовые поручения — вести конкретное дело (приезд или отпуск того или иного посольства и т. д.). В большинстве случаев дела одной и той же рубрики доверялись одному и тому же лицу, но это было «деловым обыкновением», а не правилом, закрепленным административным распоряжением приказа.

Многое проясняет недавно обнаруженная роспись, составленная в апреле или начале мая 1635 г.: «Роспись государьствам и делам, как в прошлом в 142-м году по помете на росписи дьяка Максима Матюшкина ведали меж себя Посольского приказу подьячие Литовское и Запорожские черкасы, Цесарево, Аглинское, Датцкое, Галанское и вольных городов Немецких, романовские мурзы и татарова, юргенской царевич Авган. А ведал те дела Григорей Лвов. А ноне у тех дел на Григорьеве месте подьячей Михайло Волошенинов. Свейское, Французское, Голстенское, Бухарское, Юргенское, греческие и ли-

товские старцы, московские и ярославские и ростовские кормовые царевичи и мурзы, московские торговые и служилые немцы. А веда-ет ныне те дела по-прежнему подьячей Третьяк Никитин. Турское, Кизылбашское, Донские казаки, горские черкасы, Кумытцкое, касимовские и романовские доходы. Ведал те дела подьячей Родион Юрьев. Крымские, Ногайские, Колматцкое, Грузинское, Алтын-царь, касимовской царевич. А ведает ныне те дела по-прежнему подьячей Олексей Корепанов»⁴².

Эта роспись, во-первых, доказывает, что дела поручались «старым» подьячим в постоянное ведение; во-вторых, подтверждает, что справа, сделанная подьячим, в большинстве случаев действительно является свидетельством его специализации. Сопоставив рубрики справленных документов, данные Описи приказного архива и прямые указания росписей 1635 и 1646 гг., можем с большей точностью определить эту специализацию.

В ведении Г. Львова находились Датские, Голландские, Польские дела, а также Английские и Цесарские дела. Последнее, кроме данных росписи 1635 г., подтверждается рядом фактов: в его ящике в приказном архиве был отпуск и опасная грамота для англичанина А. Ди (Дия); он подготовил жалованную грамоту английским купцам с разрешением не платить пошлин в 1631 г.⁴³; в 1632 г. готовил дело о приезде «цесарева посла»⁴⁴.

Т. Никитин отвечал за связи с Восточными православными церквями: он вел дело выезжего греческого клирика, взятого в переводчики Посольского приказа⁴⁵, в его ящике в архиве Посольского приказа хранилось письмо греческого митрополита Сергия к патриарху Филарету «о милостыни»⁴⁶. О подведомственности ему Шведских дел прямо говорит роспись, но в этих Шведских делах 1630–1633 гг. на четыре его sprawy приходятся три sprawy Г. Львова. Возможно, Шведские дела сначала находились в «Григорьевом столе Львова», а Т. Никитин был «списан у государевых дел» с Г. Львовым так же, как позднее М. Фокин был «списан» с ним самим. Видимо, затем Шведские дела были особо поручены Т. Никитину ввиду их возросшего объема: начало 1630-х гг. было временем русско-шведского сближения.

Многочисленные sprawy Д. Одинцова свидетельствуют, что он заведовал Турецкими (7 справ), Персидскими (5 справ), Ногайскими (5 справ) делами. Этот вывод подтверждается Описью архива Посольского приказа 1626 г., согласно которой в ящике Д. Одинцова хранились переписка с астраханскими воеводами, дела по сношениям с Персией, Крымом, Большой Ногайской ордой, Бухарским ханством,

Запорожьем, «столп касимовский о всяких делах»⁴⁷. В годы, когда в приказе служил Д. Одинцов, никто из его товарищей по «большой» статье — Г. Львов, Т. Никитин, Р. Юрьев, А. Корепанов — не справил ни одного дела по сношениям со странами Востока. Роспись документации ящика Д. Одинцова включает Крымские дела, между тем, ни одной его sprawy в этой рубрике не обнаружено. Следует учесть, что Опись составлена в 1626 г., тогда как А. Корепанов — многолетний специалист по сношениям с Крымским ханством — зачислен в приказ в 1627 г., и Д. Одинцов действительно мог ведать Крымскими делами до его прихода.

Справы М. Волошенинова по Датским (четыре, 1642), Турецким (две, 1637 и 1643), Персидским (одна, 1637) и Польским (одна, 1639) делам могут свидетельствовать, что в разное время он отвечал за связи с Польшей, Турцией, Персией. Эти предположения нуждаются в дополнительных доказательствах и уточнениях. Как указано ниже, подьячий Т. Васильев, во-первых, ведал Польскими и Турецкими делами; во-вторых, принял дела М. Волошенинова; вот еще один довод в пользу того, что М. Волошенинов действительно заведовал сношениями с Польшей и Турцией. В приходно-расходной книге 1644 г. говорится, что 22 сентября 1643 г. «остаточных денег две тысячи семьсот восемьдесят два рубли семь алтын з деньгою Михайло Волошенинов отдал подьячому Третьяку Васильеву, потому что ему Михайлу по государеву указу велено быть в дьяцех, а приход и расход велели думной диак Григорей Львов и он Михайло ведать подьячому Третьяку Васильеву»⁴⁸. Из этого сообщения можно сделать два вывода. Во-первых, Т. Васильев-Никитин был назначен на место Волошенинова; во-вторых, Волошенинов до своего повышения ведал приказными финансами и вел приходно-расходные книги; последнее было обязанностью первого подьячего. В пользу этого свидетельствует также запись, что в 1641/42 г. М. Волошенинов принял в Посольском приказе и записал в приход 5 руб., доправленные в Астрахани у выкупившегося крымского полоняника Л. Ермолова⁴⁹. Это согласуется с выводом А. В. Белякова применительно ко второй половине XVII в.: «Казна находилась в руках одного человека, по-видимому, первого в списке подьячих»⁵⁰.

Я. Сахаруков, служивший в «большой» статье около года в 1638–1639 гг., ведал Персидскими (пять справ за 1638 г.) и Донскими (пять справ за 1638 г.) делами.

И. Хрипков, служивший в «большой» статье с 1639 г. и до конца исследуемого периода, предположительно ведал Датскими (три sprawy, 1644–1645) и Персидскими делами (четыре sprawy, 1641–1645). Последнее подтверждает то, что он в 1639 г. забрал к себе две отписки «об отпуске» — «о шахове после о Асан-беке» и «о шахове гонце Али

беке», отписку о приезде на Терек Сурхай-мурзы Тарковского⁵¹, в мае 1640 г. сделал справу о жалованье «за степной проезд» и поденном корме в Москве Л. Бухарову, присланному с отписками от астраханских воевод⁵². Таким образом, все дела по связям со странами Востока, идущие через Астрахань, направлялись к И. Хрипкову. В 1645 г. он принял от выбывшего Т. Васильева дела подьячих, сторожей и золотописцев, чтобы вскоре передать их новому в приказе человеку — Е. Юрьеву.

На основании многочисленных справ Т. Васильева-Никитина можно утверждать, что в 1643/44 г. ему поручили ведать делами подьячих, сторожей, золотописцев, а также толмачей и переводчиков; он отвечал за Турецкие (шесть справ за 1643–1644 гг.) и Польские дела (семь справ за 1644–1645 гг.). Примечательно, что сочетание дел в повытьях на 1646 г., выявленное С. А. Белокуровым по данным записи о распределении дел между подьячими, совпадает с нашими выводами. По данным Белокурова, в 1646 г. Датские и Персидские дела были скомпонованы в одном повытье, Турецкие и Польские дела — тоже в одном. И это согласуется с предположением, что подьячий И. Хрипков одновременно справлял Датские и Персидские дела; подьячий Т. Васильев — Турецкие и Польские дела.

В исследованных материалах обнаружен только один факт, проясняющий роль «старого» подьячего-справщика в подготовке конкретных дел. Г. В. Львов в челобитной, поданной в 1637 г., сообщает, что «государевым межевым судьям государевы четыре наказа... в Путивль, во Брянск, на Луки Великие, в Вязьму, готовил он же, Григорий»⁵³. Съезды межевых судей в указанных городах прошли в 1634–1636 гг., Г. Львов в то время еще не был дьяком, а состоял в «большой» статье подьячих. Таким образом, отсюда следует, что именно он — «старый» подьячий — являлся непосредственным составителем текстов наказов. Но это — единичный факт, который не дает основания для обобщений.

С. А. Белокуров, основываясь на прямых указаниях 1677 г., считал, что в подчинении «у каждого из старых подьячих находилось по 4 подьячих “средних и молодых” — делопроизводителей»⁵⁴. Мы не имеем прямых подтверждений существованию подобной практики в исследуемый период. Если даже распределение подьячих младших статей в подчинении у «старых» и существовало, оно не прослеживается по документам.

Данные столбцов проливают свет на участие в обработке посольской документации «средних» и «молодых» подьячих. В черновых вариантах наказов или записей «сидения в ответе» боярских комиссий на оборотах листов нередко указывались имена чиновников, которым поручалось переписывать набело какую-то часть дела. На-

пример, в столбце шведского посольства Ф. Шейдинга (1634) материалы заседания 10 сентября обрабатывал И. Хоненев, 17 сентября — И. Трофимов⁵⁵. Наказ посольству в Турцию переписывал Г. Лавров⁵⁶. Текст наказа для великого посольства А. М. Львова в Речь Посполитую (1644) переписывали четыре подьячих: И. Хоненев, Ф. Кашкин, С. Михайлов, О. Дмитриев⁵⁷. В столбце о приезде и отпуске в 1631 г. датского посла М. Юля на оборотной стороне листов стоят имена пяти подьячих: «Григорью Львову», «Ивану Федорову», «Филипу Никитину», «Дорогому с Третьяком»⁵⁸; в наказе великому посольству Ф. И. Шереметева на Поляновский съезд: «Степан», «Над Степаном Филип» (С. Ушаков и Ф. Никитин)⁵⁹.

Может возникнуть предположение, что «молодые» и «средние» подьячие, занимавшиеся технической подготовкой каждого дела, являлись постоянными подчиненными «старого» подьячего, ведавшего соответствующей рубрикой. Но более внимательное рассмотрение приведенных выше данных не позволяет сделать такой вывод.

Г. Львов и Д. Одинцов, вместе переписывавшие Датский стол, оба являлись «старыми» подьячими, каждый со своей специализацией. Последний был специалистом по Востоку и не справил ни одного дела по сношениям с европейскими странами. В подготовке наказа посланнику в Турцию А. Совину участвовал М. Фокин — «товарищ» Т. Никитина, отвечавшего за «европейские» дела⁶⁰. В расходной книге за 1629/30 г. записано: «Того ж дни (23 июля 1630 г. — Б. К.) подьячему Третьяку Никитину двенадцать алтын, что он дал корму подьячим Дорогому с товарищи девяти человеком по осми денег, сидели за турским отпуском»⁶¹. Трудно представить, что из 11 чиновников, служивших в приказе в 1630 г., восемь были подчиненными Д. Одинцова. Следовательно, к обработке документации по любому делу привлекались все посольские подьячие, и какого-то разделения труда «по столам» между чиновниками младших статей не существовало.

В Посольском приказе не выявлено стабильных структурных элементов. Несколько раз упоминаемые столы (столы Г. Львова, Р. Юрьева, Крымский стол А. Корепанова) таковыми не являлись. Постоянных подразделений с устойчивой специализацией, не менявшейся при смене заведующего, в ведомстве не существовало, наоборот, подразделения формировались вокруг подьячего-справщика, и его персональная компетенция становилась компетенцией его стола, или «приема». «Стол» представлял собой технический орган при «старом» подьячем. Каждый подьячий, введенный в «большую» статью, получал право справлять документы и обеспечивался соответствующей служебной нагрузкой — в его ведение поступали какие-то рубрики приказного делопроизводства. Вероятно, по этой причине мы иногда наблюдаем перераспределение служебных обязанностей —

передачу той или иной группы дел от старослужащих специалистов к вновь принятым в приказ «старым» подьячим (например, Персидских и Донских дел Я. Сахарукову от М. Волошенинова; возможно, Крымских дел Р. Юрьеву от А. Корепанова). В большинстве же случаев компетенция одного чиновника переходила к другому, старослужащему или «новику», в связи с уходом «предшественника» из «большой» статьи. Состав подведомственных дел мог меняться. Так, круг вопросов, которыми занимался И. Хрипков, расширялся по мере того, как он принимал дела выбывших: Персидские и Донские — от умершего (1639) Я. Сахарукова, Датские — от ушедшего на повышение (1643) М. Волошенинова.

Текущность кадрового состава и практика перераспределения полномочий порождали неустойчивость внутренней организации приказа, но было бы ошибкой считать, что она складывалась абсолютно хаотично, без какой-либо логической обоснованности. Так, в начале 1630-х гг. рубрики по связям с теми или иными странами распределялись в ведении «старых» подьячих по политико-географическому принципу: все дела по связям с европейскими государствами справляются Г. Львовым и Т. Никитиным, дела по связям со странами мусульманского Востока (кроме Крыма) — Д. Одинцовым. Ни тот, ни другой не вторгались в сферу компетенции друг друга. С конца 1630-х гг. этот порядок компоновки дел меняется: и Польские, и Турецкие дела объединялись в руках М. Волошенинова, и в том же составе перешли к Т. Васильеву. Донские дела «кочевали» из рук в руки, и найти в этом какую-то логику трудно: за 6 лет они переходили четыре раза, причем в трех случаях из четырех бывшие справщики Донских дел оставались в штате приказа. Но все же можно отметить некую последовательность: из пяти подьячих, справлявших Донские дела, трое (Д. Одинцов, Я. Сахаруков, И. Хрипков) одновременно отвечали за связи с Персией. Сношения с Крымским ханством почти постоянно находились отдельно от других «дипломатических» рубрик, и стол занимавшегося ими подьячего-справщика прямо назван Крымским столом. Существование этого стола как постоянного «департамента» в Посольском приказе можно считать доказанным. К концу изучаемого периода специализация трех «старых» подьячих совпадала в основных контурах с компетенцией повытий Посольского приказа по росписи 1646 г.: совместно ведаются Польские и Турецкие дела (Т. Васильев), Датские и Персидские (И. Хрипков), отдельно — Крымские (А. Корепанов). Таким образом, в ряде случаев наблюдается более или менее устойчивое сочетание рубрик в одном ведении, которое могло какое-то время сохраняться и при переходе из одних рук в другие.

Подводя итоги, можно констатировать, что некая упорядоченность при разделении полномочий между чиновниками и относи-

тельная преемственность специализации прослеживаются. Но и то, и другое проявляется как тенденция, а не правило. С. А. Белокуров считал, что, исходя из анализа «рописи» вытятий 1677 г., подьячие «средней» и «меньшой» статей были распределены в подчинение между «старыми» подьячими, образуя постоянный кадровый состав каждого вытья. Подтверждений этой гипотезы применительно к исследуемому периоду не найдено, и, если такой порядок и существовал, то при технической подготовке дипломатических материалов он, видимо, не соблюдался. Справной подьячий, обрабатывая документацию по подведомственным ему делам, мог привлечь к работе весь штат служащих, т. е. какой-либо специализации между подьячими младших статей не наблюдается. Это подтверждает мнение Н. Ф. Демидовой о «старых» подьячих как об «основной исполнительной силе приказов»⁶². Таким образом, принцип структурирования Посольского приказа применительно к персональной специализации «старых» подьячих представляется доказанным.

Примечания

¹ Белокуров С. А. О посольском приказе. М., 1906. С. 51, 53.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 53.

⁴ Гальцов В. И. Переписная книга архива Посольского приказа 1632 года как исторический источник // Проблемы источниковедения и историографии: Сб. научных трудов. Калининград, 1999. С. 20.

⁵ Гальцов В. И. Архив Посольского приказа в XVII веке (опыт изучения Описей Посольского архива): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 142.

⁶ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 155.

⁷ Лукичев М. П. Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 314–315.

⁸ Похлебкин В. В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах: Справочник. Вып. 1. Ведомства внешней политики и их руководители. М., 1992. С. 177.

⁹ Там же. С. 178.

¹⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1635 г. Д. 26. Л. 10.

¹¹ Там же. Ф. 52. Оп. 1. 1632 г. Д. 8. Л. 48.

¹² АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 91.

¹³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 3. Л. 347 об.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. 15. Л. 140, 142, 159.

¹⁵ Опись архива Посольского приказа 1673 г. (далее — Опись 1673 г.). Ч. 1. М., 1990. С. 457, 484, 487.

¹⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 г. (далее — Опись 1626 г.). Ч. 1. М., 1978. С. 31, 387, 400, 402, 404.

¹⁷ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.

- ¹⁸ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. Л. 164; Ф. 138. Оп. 1. Д. 15. Л. 271.
- ¹⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
- ²⁰ АИ. Т. 3. СПб., 1841. С. 363, 365.
- ²¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
- ²² Там же. Д. 2. Л. 14.
- ²³ Там же. Д. 1. Л. 154 об., 166 об.
- ²⁴ *Штаевский Е. Д.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Ч. 1. Киев, 1913. Приложения. XXVIII.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 19. Л. 205; Д. 2. Л. 231.
- ²⁶ Там же. Д. 7. Л. 432.
- ²⁷ Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- ²⁸ Опись 1626 г. Ч. 1. С. 402, 403.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 77. Л. 88 об., 126 об., 127 об., 177 об.
- ³⁰ Там же. Ф. 137. Д. 5. Л. 467.
- ³¹ Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. Л. 333 об.; Д. 3. Л. 398.
- ³² Там же. Ф. 138. Оп. 2. Д. 3. Л. 319 об.
- ³³ Опись 1673 г. Ч. 1. С. 415.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- ³⁵ Там же. Д. 3. Л. 89.
- ³⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 369, 369 об., 408 об.
- ³⁷ Там же. Оп. 1. 1640 г. Д. 4. Л. 9 об.
- ³⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 369 об.
- ³⁹ Там же. Д. 1. Л. 10 об., 65 об., 110 об.
- ⁴⁰ Д. Одинцов до начала 1633 г., Г. Львов до апреля 1635 г., Р. Юрьев в июле 1631 — мае 1635 г.
- ⁴¹ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1. Л. 163 об. — 164.
- ⁴² ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Барсова). Д. 82. Л. 69–71.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 79. Л. 82 об.
- ⁴⁴ ПДС. Т. 3. СПб., 1854. Стб. 41, 42; РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 77. Л. 94 об.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 8. Л. 48.
- ⁴⁶ Опись 1626 г. Ч. 1. С. 403–404.
- ⁴⁷ Там же. С. 400–401 / Л. 718–722 об.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22. Л. 336 об. — 337.
- ⁵⁰ *Беляков А. В.* Посольский приказ в царствование Алексея Михайловича и Федора Алексеевича. Персональный состав, финансовое положение служащих (источниковедческое исследование). М., 2001.
- ⁵¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 1. Л. 369, 369 об., 408 об.
- ⁵² Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об.
- ⁵³ Цит. по: *Лукичев М. П.* Указ. соч. С. 317.
- ⁵⁴ *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 53.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. Л. 57 об., 125 об.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 210.
- ⁵⁷ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 3. Л. 264 об., 281, 355 об., 387 об., 418 об., 517 об.
- ⁵⁸ Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 193 об., 199 об., 205 об., 520 об.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 6. Л. 171 об., 179 об.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.
- ⁶¹ Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 1-а. Л. 39.
- ⁶² *Демидова Н. Ф.* Указ. соч. С. 171.

О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа)

Если в истории русской колонизации, как подметил еще в начале прошлого века профессор Московского университета М. К. Любавский, исследователей более всего привлекает занятие и заселение русским народом Сибири¹, то в истории колонизации самой Сибири самыми популярными, несомненно, являются сюжеты, связанные с походом дружины Ермака.

Один из таких сюжетов — судьбы ермаковых казаков, оставшихся в живых после завершения казачьей экспедиции за Урал. Интерес историков к их судьбе понятен и оправдан. Ведь речь в данном случае идет о непосредственных участниках «Сибирского взятия», которые, в отличие от большинства своих соратников, пережили трагические перипетии похода, вернулись «на Русь», затем снова оказались в Сибири, в составе правительственных войск завершили ее покорение, смогли своими глазами увидеть начало активного освоения края русскими людьми (и, стало быть, понять, «за что боролись») и, в добавок ко всему, положили начало сибирскому летописанию.

Из сотни уцелевших сподвижников «покорителя Сибири» нам известно лишь два десятка имен, чья принадлежность к легендарной дружине находит хоть какие-то документальные подтверждения. Это, конечно, немного, и скудость источниковой базы не позволяет надеяться на крупные успехи в дальнейшем изучении судеб ермаковых казаков. Но оказывается и с прочтением напрямую касающихся их документов порой возникают серьезные проблемы. Особенно досадно, когда помехой в исследовании является торопливость и поверхностное ознакомление с уникальным документальным материалом. Наглядный пример тому — капитальная монография известного дореволюционного историка, харьковского профессора П. Н. Буцинского².

После «отца сибирской истории» Г. Миллера Буцинский, по сути, первым обратился к изучению массового архивного материала и тем самым внес весомый вклад в изучение истории Сибири. Харьковский профессор поставил перед собой амбициозную задачу: по его мнению, прежде чем писать общую историю Сибири, надо на основе еще не изученного архивного материала провести всестороннее монографическое исследование всех сибирских уездов. Но эта задача оказалась непосильной для одного человека даже в очерченных Буцинским для себя довольно узких хронологических (до 1645 г.) и территориальных (лишь часть Западной Сибири) рамках. Слишком громаден и неподъемен оказался сохранившийся архивный материал.

Еще в 1927 г. выдающийся сибиревед С. В. Бахрушин, отметив, что Бучинский сделал «крупный шаг» вперед в деле изучения сибирской истории, обратил внимание и на серьезные недостатки его работ: «Автор не успел произвести более или менее глубокого обследования, не исчерпал имевшихся в его распоряжении архивных данных; он скользнул по документам, ознакомился урывками с отдельными из них, ограничился примерными и случайными цитатами... Спешность громоздкой работы не позволяла достаточно тщательно вникать в существо изучаемого материала. Отсюда... небрежность цитат; отсюда нередко ошибки вследствие невнимательного чтения текстов»³.

Эта характеристика была дана без конкретных примеров, но мне на собственном опыте пришлось убедиться в ее справедливости. Так, касаясь в упомянутой монографии Тобольска первой половины XVII в., П. Н. Бучинский написал следующее: «Относительно служилых людей здесь считаем нужным сообщить, что между ними в это время были еще сподвижники славного Ермака: они служили в пеших казаках и составляли “старую сотню” под начальством атамана. Несмотря на свою давнюю службу и прежние заслуги, эти казаки не пользовались никакими особыми привилегиями... Но когда, именно в 1632 г., Михаил Федорович указал быть над ними начальником тобольскому боярскому сыну Богдану Аршинскому в качестве головы, а не атаману, то они были слишком этим недовольны и отправили царю челобитную... Казаки старой сотни просили Михаила Федоровича, чтобы он их пожаловал, “за прежние их службы и за кровь велел ведать их по-прежнему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому...” Может быть, казаки старой сотни потому еще не хотели служить под началом Аршинского, что последний был по происхождению литвин, сосланный за разбой в Тобольск в 1617 г. Во всяком случае, им было почетнее служить под началом своего собрата Гаврилы Ильина, который, как видно из одной его челобитной Михаилу Федоровичу, был одним из старейших казаков старой сотни, который служил еще с Ермаком “в поле 20 лет и 50 лет в Сибири”. Челобитная казаков была уважена»⁴.

Заинтригованный столь ярко описанным П. Н. Бучинским кипением страстей, я при первой же возможности обратился к процитированному им источнику, благо сноски на него в монографии имелась. Это челобитное дело представляет собой сложный конгломерат документов, состоящий из упомянутой челобитной, фрагментов подготовительных материалов для официального ответа и черновика самого ответа, по большей части с перепутанными при склейке листами. Разобравшись в их хитросплетении, я сразу же вспомнил приведенные выше слова С. В. Бахрушина. Оказалось, что Бучинский не только допустил мелкие ошибки и неточности в пересказе дела, но и не вполне понял его суть.

Во-первых, как явствует из подлинника процитированного выше документа, подразделение тобольских казаков, отправивших челобитную в Москву, называлось не «сотня», а, по-казацки, «станция». Пусть это не принципиально, но все же — неточность. Во-вторых, и это главное, челобитчики действительно называли свою станицу «старой», но вовсе не потому, что это было ее официальное или обиходное название, и не потому, что она состояла из одних лишь сподвижников Ермака. Все было проще. В Тобольске долгое время имелась всего одна станица (сотня) пеших казаков. А к сентябрю 1630 г. (как явствует, правда, уже из других документов⁵) Григорием Шестаковым в Вологде, Тотме, Устюге Великом и Сольвычегодске были «прибраны» для службы в Тобольске в пеших казаках «из гулящих из вольных людей» 500 человек, которые и составили в сибирской столице к 1631/32 г. еще пять станиц. Они первое время назывались в городе «новыми», а прежняя станица, соответственно, звалась «старой». Конфликт же разгорелся из-за того, что, несмотря на наличие у всех этих станиц (как «новых», так и «старой»), своих атаманов, администрация решила объединить их в один «приказ» (т. е. свести в один полк) — обычная практика в гарнизонах XVII в. Возглавить этот «приказ» должен был тобольский сын боярский Богдан Аршинский. Вопреки мнению Буцинского, казаков «старой» станицы он не устраивал не потому, что заменял их атамана Гаврилу Ильина (Ильин свой пост сохранял): ветеранам не нравилась перспектива двойного подчинения (и Ильину, и Аршинскому), поэтому они и обратились в Москву с просьбой сохранить их в ведении лишь своего атамана.

Из самой челобитной казаков ясно видно, что их станица вовсе не являлась сосредоточием одних лишь соратников Ермака. Об этом свидетельствует указание челобитчиков на продолжительность их службы «великому государю». «Служим мы... в Сибири в Тобольском городе от Ермакова взятья лет по сороку и по пятидесят», — пишут казаки, а челобитная их помечена 10 июля 7145 (т. е. 1637) г. Не трудно посчитать, что те челобитчики, которые прослужили к этому времени 40 лет, начали свою службу лишь в 1597 г., т. е. намного позднее не только взятия столицы Сибирского ханства (1582 г.), но и основания самого Тобольска (1587 г.). Кроме того, надо отметить, что в Тобольском гарнизоне помимо пеших казаков были и другие воинские подразделения, и в них, согласно все той же челобитной, тоже служили ветераны «Сибирского взятья». П. Н. Буцинский почему-то обошел вниманием следующие слова челобитчиков: «А которые, государь, старые холопи твои тебе... в Тобольском от Ермакова взятья с нами ж вместе служат, литва, и конные казаки, и стрельцы, и нынеча... по-прежнему у литвы рохмистр, а у конных казаков голова, а у стрельцов сотник, и у тех, государь, старых статей холопеи твоих, то не огнято»... И этим ошибки П. Н. Буцинского относительно

ермаковых казаков не исчерпываются. Так, он полагал, что атаман Гаврила Ильин «был одним из старейших казаков старой сотни» (и это мнение, кстати, закрепилось в историографии⁶), но из именных книг тобольского гарнизона, следует, что до 1630 г. Г. Ильин служил в составе совсем другого подразделения — в конных казаках, причем рядовым⁷.

Вполне возможно, что большинство уцелевших соратников Ермака осело именно в столичном тобольском гарнизоне (как в «старой» станице пеших казаков, так и в других подразделениях), однако работами ряда исследователей (А. А. Преображенского, В. А. Александрова, Д. Я. Резуна) выяснено, что некоторые из ермаковых сподвижников оказались в гарнизонах других сибирских городов — Березова, Верхотурья, Пельма, Томска, Туринска, Тюмени⁸. Уже этого достаточно, чтобы понять несостоятельность представлений о тобольской «старой сотне» как средоточию уцелевших казаков Ермака, ведь после «Сибирского взятия» всех их было не более сотни⁹.

Тем не менее, миф о тобольской «старой сотне» оказался на редкость живуч. Видимо, многим историкам казалась вполне правдоподобной идиллическая картина, нарисованная П. Н. Буцинским: в старом русском городе, столице Сибири Тобольске несут «государеву службу» уцелевшие после «Сибирского взятия» соратники Ермака, объединенные в одно подразделение, крепко спаянные, горой стоящие друг за друга и за остатки былой вольности... Эту далекую от реальности картину в той или иной мере воспроизводили в своих работах: историограф Сибирского казачьего войска генерал Г. Е. Катанаев, прямо ссылавшийся на П. Н. Буцинского (1908 г.); бывший сотрудник Института истории СССР АН СССР Н. Г. Аполлова, ссылавшаяся уже на Г. Е. Катанаева (1976 г.); подвергший П. Н. Буцинского беспощадной критике за «реакционно-националистическую позицию» видный специалист по историографии Сибири «домарксистского периода» В. Г. Мирзоев (1970 г.); сибирский историк Д. И. Копылов (1989 г.); глубоко уважаемый мною крупнейший специалист по истории Сибири, бывший сотрудник Института этнографии РАН В. А. Александров (1991 г.) и, что особенно прискорбно, известный петербургский историк Р. Г. Скрынников, выпустивший в последнее время целую серию книг о Ермаке. При упоминаниях о «старой сотне» Скрынников опирался вроде бы на архивные материалы, но в основных заключениях следовал за П. Н. Буцинским, а на Скрынникова, в свою очередь, ссылаются другие исследователи (тот же В. А. Александров, например). Повествуя о ермаковых казаках, наши историки порой «творчески развивают» Буцинского, добавляя со ссылкой на него или вообще без каких-либо ссылок новые штрихи к коллективному портрету «старой сотни»¹⁰. А некоторые вообще ни на кого не ссылаются, видимо уже считая существование в Тобольске

ермаковской «старой сотни» чем-то совершенно очевидным и общепризнанным, да при этом еще и «как известно» пишут...

В меру сил и возможностей я давно и неоднократно пытался внести относительную ясность в вопрос о месте ермаковых казаков в тобольском гарнизоне. Еще в монографии «Служилые люди в Западной Сибири» я в одной из сносок дал соответствующее разъяснение, но оно либо не было замечено коллегами, либо не произвело на них должного впечатления. Подробнее я остановился на этом вопросе в работе «Начало казачества Сибири» и еще более подробно — в статье о соратниках Ермака¹¹. Тоже без видимого результата. И вот теперь предпринимаю еще одну попытку довести до научной общественности истинное положение вещей с тобольской «старой сотней».

Вообще же, поднятый мною здесь вопрос не сводится только к исправлению конкретных ошибок конкретных авторов. Он гораздо шире, и суть его в том, как при написании трудов, особенно обобщающих, относиться к фактическому материалу, который приходится брать из работ своих предшественников. Все перепроверять по первоисточникам? Это нереально. Слепо доверять? Тоже не выход.

В свое время я сам не раз повторял мелкие ошибки некоторых корифеев исторической науки (таких, например, как С. В. Бахрушин или М. И. Белов), когда писал, опираясь на их труды, обобщающие работы о сибирских землепроходцах, а узнавал об этих ошибках много позднее, имея дело уже с соответствующими источниками¹². Но все не перепроверишь. Поэтому, хоть и банально это будет выглядеть, но я все же хочу обратиться к коллегам с призывом внимательнее изучать попавшие им в руки архивные материалы, а не «скользить» по ним, как профессор Буцинский, а также более продуманно соотносить свое стремление как можно шире охватить источники с возможностями их исследования. Допускаемые нами по невнимательности или небрежности ошибки имеют свойство многократно повторяться и даже усугубляться в трудах следующих за нами поколений историков.

Примечания

¹ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909. С. 289.

² Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889.

³ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. III, ч. 1. С. 69.

⁴ Буцинский П. Н. Указ. соч. С. 108–109.

⁵ РГАДА. Ф. 214. «Сибирский приказ». Кн. 31. Л. 9 об. — 10, 19 об. — 20.

⁶ Так, по утверждению Р. Г. Скрынникова, Гаврила Ильин являлся атаманом тобольской «старой сотни» еще в начале XVII в. (*Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 16, 187.*)

⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 27. Л. 72 об.

⁸ Преображенский А. А. У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 378–382; Александров В. А. Русское население Сибири XVII–XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 80; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 80–83; Резун Д. Я. Новое об ермаковских казаках // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 7–9; Русское население Сибири эпохи феодализма. Новосибирск, 2003. С. 26–28.

⁹ См.: Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 262.

¹⁰ Катанав Г. Е. Западно-Сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. Вып. 1 (конец XVI и начало XVII столетий). СПб., 1908. С. 58–59; *Его же*. Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908. С. 8; Алоллова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX в. М., 1976. С. 71–72; Мирзоев В. Г. Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 23; Александров В. А., Покровский Н. Н. Указ. соч. С. 80; Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 16–17; Копылов Д. И. Ермак. Иркутск, 1989. С. 181–182 (по мнению этого автора, «старая сотня» в Сибири была не одна: так вообще назывались «казачие формирования, в которых продолжали служить ермаковцы после присоединения Сибири»).

¹¹ Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 211 (сн. 97); *Его же*. Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 12; *Его же*. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье: Сб. научных трудов. Екатеринбург, 2001. С. 73–74.

¹² Так, в своей книге «Сибирская эпопея XVII века» (М., 1987) я вслед за авторитетными исследователями назвал известного землепроходца Михаила Стадухина десятником применительно уже к 1641 г., когда он десятником еще не был, а Семена Дежнева упомянул как единоличного главу оставленного на Колыме русского отряда, хотя на самом деле это не соответствовало действительности (с. 33). Ошибки были мною учтены лишь в 1999 г. при издании другой книги — «Землепроходец Семен Дежнев и его время».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Материалы дела по челобитью пеших казаков старой станицы тобольского гарнизона Остафия Антонова, Ивана Лукьянова и др. об их выводе из ведения головы Богдана Аршинского. 1637 г.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси быют челом холопи твои, дальние твои государевы отчины из Сибири Тобольска города пешие казаки старые станицы атамана Гаврила Ильина пятидесятничиска Осташка Антонов, да Ивашко Лукьянов, да десятничиска Ларка Сысоев, Дружинка Васильев, Фомка Баибородин, Пашко Ерохин и во всех товарищев своих место ста человек.

Служим мы, холопи твои, тебе государю в Сибири в Тобольском городе от Ермакова взятия лет по сороку и по пятидесят с атаманы, а

не з головами, а нынеча, государь, бил челом тебе государю на Москве Богдан Аршинской в головы в Тобольском городе на Григорьев прибор Шестакова, а нас, холопеи твоих, старую станицу, ему ж, Богдану, велено ведать, а не по нашему челобитью. А которые, государь, старые холопи твои тебе, государю, в Тобольском от Ермакова взяты с нами ж вместе служат, литва, и конные казаки, и стрельцы, и нынеча, государь, по-прежнему у литвы рохмистр, а у конных казаков голова, а у стрельцов сотник, и у тех, государь, старых статеи холопеи твоих то¹ не отнято.

Милосердныи государь, царь и великий князь Михаило Федорович всеа Руси, пожалуй нас, холопеи своих, за прежние наши службишка и за кровь, вели, государь, нас ведать, холопеи своих, по-прежнему нашему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому, чтоб мы, холопи твои, от Богданова гоне[н]ия² и впредь не погибли, и врознь не розбрелись, и твои царской службы не отстали. Царь государь смилуися, пожалуй.

*На обороте (другим почерком): 145-г(о), июля в 10 де(нь), выписать.
РГАДА. Ф. 214. Стб. 68. Л. 88.*

* * *

...О чем государю (*титул*) сибирские Тобольского города пешие казаки старые станицы атамана Гаврила Ильина пятидесятники и десятники Осташко Онтонов, Ивашко Лукьянов и в товарищеи своих ста человек место бьют челом.

И в Сибирском приказе выписано.

В прошлом во 141-м году по государеву (*титул*) указу и по челобитью Тобольского города сына боярского Богдана Аршинского велено ему, Богдану, быти в Тобольску у пеших у старых казаков у 305³ человек да у новоприборных пеших же казаков у 500 человек в головах, а государева жалованья велено давать оклад тот же, что был в детях боярских, по 22 рубли, а велено ему, Богдану, у старых и у новоприборных казаков быти в головах вновь, а до него у тех казаков были у всякого у ста человек по атаману, да и ныне у тех сотен атаманы есть же.

РГАДА. Ф. 214. Стб. 68. Л. 89.

* * *

[От ца]ря (*титул*) в Сибирь в Тоболеск стольнику нашему [и воеводе кня]зю Михаилу Михайловичю Темкину [Ростов]скому, да Ондрею Васильевичю Волынскому, [да дь]яком нашим Дорофею Пу-

стынникову [да Г]ригорью Протопопову. Били нам челом [си]бирские Тобольского города пешие старые¹ казаки⁴ Гавриловы⁵ станицы¹ Ильина пятидесятники и десятники Осташко Антонов, Ивашко Лукьянов и в товарищеи своих ста человек место, а сказали:

Служат де они нам в Сибири в Тобольску от Ермакова взятъя лет по сороку и по пятидесяти с атаманы, а не з головами, а ныне бил нам челом Богдан Аршин[скои] в головы х казаком на Григорьев прибор Шестакова, а их старую станицу велено ведать ему ж Богдану, а их де о том, что их ведать Богдану Аршинскому, челобитья не бывало. А которые де конные литва, и казаки, и стрельцы служат с ними в Тобольску вместе, и у тех де служилых людей у литвы ротмистр, а у конных каза[ков] голова, а у стрельцов сотник. И нам бы их пожаловати, за прежние их службы и за [кровь] велети ведать их по-прежнему атаману Гаврилу Ильину, а не Богдану Аршинскому, чтоб им вперед нашей службы не отбыть и врознь не роз // брестися.

И будет так, как нам сибирские Тобольского города пешие казаки⁶ пятидесятники и десятники Осташко Антонов, Ивашка Лукьянов [и] в товарищеи своих место били челом, и как [к в]ам ся наша грамота придет, а наперед [сего] тех сибирских пеших старых казаков⁷ пятидесятников [и] десятников Осташ[ка] Антонова, Ивашка Лукьянова [с тов]арыщи сто человек будет ведал один [атама]н Гаврило Ильин, а головы их не ве[дали, и вы] б⁸ тое станицу потому ж [веле]ли ныне ведать⁹ одному атаману Гаврилу Ильину, а голове Богдану Аршинскому тое¹⁰ Гавриловы станицы вперед ничем ведать¹¹ не велели.

Писан(а) на Москве, лета 7145-го, августа в 24 де(нь).

РГАДА. Ф. 214. Стб. 68. Л. 74, 224.

Примечания

¹ Слово вписано над строкой.

² Здесь и далее текст, помещенный в квадратные скобки, в рукописи утрачен и воспроизводится по смыслу или аналогичному тексту в других документах.

³ Описка: надо 105.

⁴ Далее зачеркнуто: старые станицы атамана.

⁵ Исправлено из Гаврила.

⁶ Далее зачеркнуто: атамана Гавриловы станицы Ильина.

⁷ Далее зачеркнуто: старую станицу.

⁸ Далее зачеркнуто: и ныне.

⁹ Далее зачеркнуто: ныне.

¹⁰ Далее зачеркнуто: станицы.

¹¹ Далее зачеркнуто: ни в чом.

Коломенские челобитчики в 1662 г.: к вопросу о практике подачи и рассмотрения челобитных грамот

В правовом сознании людей XVII в. бытовало представление о возможности личного челобитья царю и нежелательности обращения к приказным людям¹. Как показал П. В. Седов, практика подачи челобитных царю была чрезвычайно распространена во второй половине XVII в.² Конфликтные ситуации, возникавшие во время подачи челобитных, позволяют выявить некоторые особенности этой практики. Особую ценность представляет комплекс судебно-следственных документов, созданных в ходе расследования Московского восстания 1662 г.

Во время него в Коломенском оказалось значительное число челобитчиков. Они пришли бить челом по разным вопросам, не связанным с требованиями гилевщиков: священник бил челом «о церковном строении, потому что церковь сгорела»; даточный Вятского Успенского монастыря — о замене «худых» монастырских лошадей, солдаты и рейтары — «о своих нуждах», о поместье и жалованьи; жилец — о пропавшей чужой лошади, иноземец-рейтар — о сбежавшей жене, прапорщик — о пожаловании в головы за «полонное терпение» в Крыму, цивильский татарин — о соли, рейтар — о том, чтобы на нем не «правили» розданного в 1659/60 г. ружья, когда он был подьячим в Туле³. Безусловно, некоторые из этих лиц могли ссылаться на подачу челобитной, чтобы не быть обвиненными в причастности к бунтовщикам, поэтому при анализе их показаний следует обратить внимание, прежде всего, на то, что они считали правдоподобным, а именно: приход в дворцовое село с целью подачи челобитной.

Показания этих лиц свидетельствуют о разных практиках составления челобитных. Одни составляли свои челобитные в Москве, как, например, рейтар Е. Лаврентьев, который, однако, во время допроса не смог назвать человека, написавшего его челобитную⁴. Другие отправились в Коломенское без челобитных. Даточный Вятского Успенского монастыря Д. Иванов объясняет это тем, что «челобитной они написать не успели»⁵. Очевидно, челобитчики рассчитывали воспользоваться помощью площадных подьячих.

Институт гражданского нотариата, возникший в городах⁶, был довольно распространен в крупных вотчинах XVII в. В наибольшей степени известно о его функционировании в монастырской вотчине⁷. Земские дьячки и площадные подьячие упоминаются также в дворцовых селах второй половины XVII в.: площадные подьячие находились в селах Измайлове⁸ и Мурашкине⁹; значительное число земских дьячков трудились в селе Воздвиженском¹⁰. Функции нотариата вы-

полняли сопровождавшие царя лица, например, государев певчий дьяк, государев сытник, подъячий Сытного двора¹¹. Из показаний коломенских челобитчиков следует, что нотариальные услуги также предоставляли стрельцы: челобитную М. Пурского и Р. Локстанова, солдат полка Д. Крафорта, написал стрелец Пашка Степанов «у церкви» (очевидно, имеется в виду церковь Вознесения Господня на Вознесенской площади перед Государевым двором)¹².

Многие челобитчики пришли заранее и ночевали в Коломенском, ожидая удобного момента подачи челобитной. Некоторые из них спали на улице. Гуляющий человек И. Н. Никифоров, пришедший к благовещенскому протопопу Лукьяну, сообщал, что «в селе де Коломенском начевал он у церкви Вознесения Господня на паперти». Даточного Вятского Успенского монастыря «в ночном часу поймали под колокольнею», где он, очевидно, ночевал. Солдаты собирались переночевать в «стану» у стрельцов, у которых они оставили свою епанчу¹³. Некоторые челобитчики могли разойтись по крестьянским дворам, где могли ночевать сопровождавшие государев поезд лица¹⁴.

Как правило, челобитчики советовались с приютившими их хозяевами или покровителями о благоприятном времени подачи челобитной. Упомянутые солдаты полка Даниила Крафорта, которые «пристали в стану у стрельца у десятника Яковлева приказу Салавцова у Евтишки Федорова», советовались с ним о времени подачи челобитной, и он отговорил их подавать во время бунта, за что был похвален¹⁵. Судебно-следственные документы второй половины XVII в. подтверждают, что челобитчики нередко подолгу ожидали государя в дворцовых селах. Так, например, дворцовый крестьянин А. Семенов, который был сослан в Белгород за сопротивление переводу из села Дмитровского Колдомской волости Костромского уезда в подмосковное дворцовое село Измайлово, самовольно пришел в Москву «бить челом великому государю» и около недели прожил в Покровском, очевидно, ожидая царского приезда¹⁶.

Многие челобитчики прибыли в Коломенское либо накануне, либо в день именин царевны Анны Михайловны — 25 июля. Возможно, они рассчитывали ударить челом во время раздачи именных пирогов на переднем крыльце дворца¹⁷. Привлечение тягловцев Басманной и Огородных слобод и дворцовых крестьян для «стряпни» и ношения пирогов позволяет предполагать, что пироги пеклись в большом количестве¹⁸. Нет точных данных о том, кто допускался к получению именных пирогов. Даже если челобитчиков не пускали на Государев двор, они могли дожидаться руководителей приказов перед Передними воротами.

Место подачи челобитных указано только в допросных речах костромитина рейтара Д. Е. Заворотникова, который свою «челобитную подал во дворец того же числа; а кому подал, того не знает». Следствие

приняло эту версию, и его челобитную безуспешно искали во дворце¹⁹, поэтому можно считать, что челобитчики действительно допускались во дворец для подачи своих челобитных. Более точно место принятия челобитных можно определить, исходя из того, кто их принимал. Рейтар иноземец Н. Долинский сообщил, что «челобитную подал у розпросу бояром», а прапорщик А. Ф. Фаранов, по собственным словам, «челобитную тое бояром подал»²⁰. Примечательно, что в показаниях не названы имена принимавших челобитье. Челобитчики могли и их не знать, как упомянутый рейтар Д. Е. Заворотников. В показаниях только один раз указан принимавший челобитье: благовещенский протопоп Лукьян сообщал, что рейтар И. Никулин до 1662 г. уже подавал челобитную окольному Б. М. Хитрово о том, чтобы на нем не «правили» розданного в 1659/60 г. ружья²¹. Хитрово, возглавлявший в то время, с 1659/60 по 1662 г., Оружейную палату, а также Ствольный приказ и Новую четь и обычно сопровождавший царя в походах, часто принимал челобитные грамоты²².

План Коломенского дворца в 1662 г. неизвестен. В царском тереме Коломенского дворца, выстроенного в 1667–1672 гг., было только два помещения, куда бояре могли входить без приглашения царя: сени перед передней комнатой и сени перед столовой палатой. Для приема челобитчиков, скорее всего, использовались вторые сени. Именно в них бояре вели следствие по делу стольника Семена Кропотова в 1679 г.²³ Комплекс следственных материалов 1662 г. не позволяет определить, допускались ли во дворец крестьяне для подачи своих челобитных. Котошихин был убежден, что крестьяне в царский дворец не входили (2; 14).

Показания коломенских челобитчиков не содержат сведений о рассмотрении их челобитных. Эта практика недавно была реконструирована П. В. Седовым на основе изучения монастырских отписок²⁴. Даже если челобитная попадала к царю, он передавал ее руководителю Челобитного приказа или другому «ближнему человеку». Решалась челобитная либо в том приказе, в чьей компетенции находился вопрос, либо небольшой группой думных людей. Котошихин, говоря о Челобитном приказе, отмечал, что «челобитные, которые люди подают царю в походах и на праздники, и тех челобитен царь слушает сам и бояре, и по которой челобитной доведетца быть указу или отказу, и на тех челобитных подписывают думные дьяки»²⁵. Упомянутые показания коломенских челобитчиков позволяют усомниться в том, что царь действительно слушал все челобитные. Чаще бояре рассматривали челобитные без участия царя. Конечно, многие челобитчики, подобно двоим солдатам полка Д. Крафорта, надеялись подать челобитную лично государю и потому вошли на Государев двор во время бунта.

Важную роль в рассмотрении челобитных играл верховой дьяк. Его обязанности не были предметом специального исследования²⁶. В представлении современников цари не занимались таким «мирским надлежащим суетным делом», как приказное делопроизводство: «на то у них, великих государей, учинены думные и простые дьяки»²⁷. Для делопроизводственной работы дьяки вызывались «в Верх», т. е. в царский терем. Это следует, в частности, из государева пожалования дьяку Приказа Золотого дела Богдану Силину, которого царь «для своих верховых дел и для его старости не велел в розрядном списке имени его в Верх в ночи и на выезды и на пример в посылки писать и колодников давать»²⁸.

Наиболее исследована деятельность верховых дьяков во время военных походов²⁹. Царь Алексей Михайлович в письме к окольному князю И. И. Лобанову-Ростовскому упоминает практику такой работы в связи с тем, что окольный не прислал царю отписки, оправдываясь отсутствием подьячего: «Хощеши ли своими словами прав быти, что у тебя подьячих нет, а в полках рейтарском и в салдацких ротные писари есть, за что не взять на время и отписки им написать и к нам, великому государю, прислать». Отговорки в отсутствии подьячих Алексей Михайлович квалифицировал следующим образом: «и так отговаривающа ябедники и обышняя людишка в приказах на суде, кождо с своим братом перед непутным же судьей, которой Бога не боится и нашего государева страху не имеет»³⁰.

В обязанности верховых дьяков входило не только составление документов, но и работа с челобитными, которые подавались государю. Дьяк Посольского приказа Е. И. Украинцев в 1682 г. сообщал своему руководителю боярину князю В. В. Голицыну о том, что вынужден сидеть за рассмотрением челобитных ежедневно: «А мы по вся дни с утра и после обеда за челобитными сидим и несть нам восклонения. И есть ли, государь, определения вновь какова не будет, то не для чего нам и в приказах сидеть будет, что все государство обратилось в Верх с челобитиями, только одних лишь приставных памятей не подают»³¹. Это письмо свидетельствует о том, что в моменты социальной напряженности челобитчики особенно рассчитывали на обращения к государю.

В показаниях коломенских челобитчиков не упоминается практика словесного челобитья, которая была достаточно распространена в то время. Так, 11 октября 1673 г. крестьянин села Воздвиженского Д. Емельянов в дворцовом шатре, т. е. шатре Приказа Большого дворца, устно пожаловался на детей боярских «царицына чина», которые «потравили» его овес³². Словесные челобитья принимали судьи тех приказов, в ведении которых находились либо ответчики, либо ист-

цы, и подьячие³³. Упомянутое дело Д. Емельянова решал присутствующий в шатре глава Приказа Большого дворца Б. М. Хитрово. Неизвестно, рассчитывали ли коломенские челобитчики на словесное челобитье.

Подача челобитных в загородных резиденциях ускоряла принятие решений. Если челобитная попадала царю, то он, передавая ее боярам или в приказ, мог в той или иной степени контролировать ее прохождение. Руководители приказов отчитывались по некоторым челобитным, а иногда в своих докладах государю дословно излагали их содержание. Последнее было принято, когда челобитчики жаловались на должностных лиц³⁴. Поэтому обвинявшиеся в превышении должностных полномочий старались воспрепятствовать встрече челобитчиков с царем. Так, челобитчики дворцовой Комарицкой волости, требовавшие восстановления выборности старост и целовальников, каждый раз встречали противодействие севских воевод, стремившихся сохранить за собой управление дворцовой волостью. Комаричане говорили, что «бити челом великому государю нельзя, потому что челобитчиков их бьют и за решетку сажают»³⁵. Рассмотрение челобитной боярами, т. е. руководителями приказов, позволяло миновать нижестоящих приказных лиц и таким образом сократить приказную волокиту. Безусловно, челобитчики знали, что часто с государем находились приказные чины, занимавшие более высокий чин, чем остававшиеся в Москве³⁶.

Практика подачи и рассмотрения челобитных отражает особенности взаимодействия норм Уложения 1649 г. и обычного права. Уложение запрещало обращаться к царю как к судье в первой инстанции (10, 20) и предоставляло право подавать ему челобитье в кассационном порядке (10, 20–21), но не во время богослужения (1, 8–9). Вместе с тем Уложение сохранило следы древнего права челобитья царю, выразившегося в многократном употреблении словосочетания «бити челом государю». Г. К. Котошихин также упомянул о возможности «бити челом царю самому» (8, 6), заметив, что простые люди пользовались ей достаточно редко: «кто может всегда блиско приходи к царю и видети часто от простых людей?» (7, 38). Таким образом, практика рассмотрения челобитных, зафиксированная в следственных делах 1662 г., представляла собой альтернативную форму управления и суда, которая способствовала деbüroкратизации властных коммуникаций, организации их на основе опыта личных контактов, актуализации патронажных отношений и информационному обеспечению процессов управления. Компенсируя недостатки приказной системы, эта форма управления и суда в то же время поддерживала в обществе царистские иллюзии и провоцировала конфликты с приказными людьми.

Примечания

- ¹ См., например: *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII в. М., 2000. С. 25–26, 62, 80.
- ² *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 21–30.
- ³ Восстание 1662 г. в Москве: Сб. документов / отв. ред. А. А. Новосельский; сост., авт. введения, источниковедческого обзора и комментариев В. И. Буганов. М., 1964. С. 62, 90, 93–99, 114–119.
- ⁴ Там же. С. 115.
- ⁵ Там же. С. 90.
- ⁶ *Злотников М. Ф.* Подьячие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси // Историческое обозрение: Сб. ст., посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. Пг., 1916. С. 80–86.
- ⁷ См., например: *Черкасова М. С.* К изучению монастырского дьячества XV–XVII вв. (по архиву Троице-Сергиевой лавры) // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 245–247.
- ⁸ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 512. Ч. 1. Л. 3–8; *Заозерский А. И.* Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. 2-е изд. просм. и испр. М., 1937. С. 74.
- ⁹ *Черкасова М. С.* Указ. соч. С. 257.
- ¹⁰ *Кириченко Л. А.* Писцы троицкий грамот 1584–1641 гг. (Часть I. Социальный состав и именной список) // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. 2005. М., 2006. С. 51.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Восстание 1662 г. в Москве. С. 93–94.
- ¹³ Там же. С. 90, 94, 140.
- ¹⁴ Например, дети боярские «царицына чина» ночевали у крестьянина на гумне (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 44 285. Л. 1).
- ¹⁵ Восстание 1662 г. в Москве. С. 93–94.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 599. Л. 171.
- ¹⁷ Выходы государей, царей и великих князей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича всея Руси самодержцев. М., 1844. С. 292, 557, 558, 602, 603, 673, 674.
- ¹⁸ Восстание 1662 г. в Москве. С. 102, 123, 124, 127–133.
- ¹⁹ Там же. С. 96, 114.
- ²⁰ Там же. С. 98, 99.
- ²¹ Там же. С. 117.
- ²² См. по указателю: *Седов П. В.* Закат Московского царства.
- ²³ *Седов П. В.* Походы царя Федора Алексеевича в село Коломенское // Коломенское: Материалы и исследования / под общ. ред. Л. П. Колесниковой. М., 2011. Вып. 13. С. 73.
- ²⁴ *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 21–30.
- ²⁵ *Koto ixin G.* O Rossii v Carstvovanie Alekseja Mixajlovi a / text and commentary A. E. Pennington. Oxford, 1980. P. 124.
- ²⁶ П. В. Седов, приводя цитату из монастырской отписки, в которой отмечалась важная роль думного дьяка Л. Т. Голосова в рассмотрении челобитных, говорит: «Нет никаких сведений о его особой роли при государе, и в данном случае его функции непонятны» (*Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 28).
- ²⁷ Цит. по: *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 24.
- ²⁸ АМГ. Т. 3. СПб., 1901. С. 558. № 668.

- ²⁹ См., например: *Савосичев А. Ю.* Пером и саблей: приказная бюрократия на войне в последней четверти XVI в. // NOBLESSE OBLIGE: Праздничная и повседневная жизнь господствующих слое Европы XVI–XX столетий: Материалы науч. конф., 15–17 мая 2002 г. / под ред. С. Т. Минакова и О. Я. Ноздрина. Орел, 2003. Вып. 1. С. 4–9.
- ³⁰ Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 744.
- ³¹ Восстание в Москве 1682 г.: Сб. док. / сост. Н. Г. Савич. М., 1976. С. 63.
- ³² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 44 285. Л. 1.
- ³³ См., например: *Акты Московского государства*. Т. 3. С. 12, 162, 540, 554–555. № 4, 185, 644, 665. Последнее из перечисленных челобитий названо «словесным заручным челобитьем».
- ³⁴ См., например: *Заозерский А. И.* Указ. соч. С. 57–60. Об отношении центральной власти к челобитным на должностных лиц см.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь XVII в. Новосибирск, 1991. С. 226–271.
- ³⁵ *Новосельский А. А.* Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 75.
- ³⁶ Переписка приказных людей, находившихся в Москве и в Коломенском, опубликована в: *Забелин И. Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М., 2003. Т. 3: Материалы. С. 746; Восстание в Москве 1682 г. С. 73–79.

С. В. Черников

Боярская аристократия и реформы Петра Великого

Несмотря на то, что эпоха правления Петра I до сих пор остается в историографии одним из самых востребованных периодов, специальных работ, раскрывающих состав петровской элиты, сравнительно немного. Среди них следует особо отметить исследования Дж. ЛеДона, Р. Крамми, Б. Михан-Уотерс, П. Бушковича и Е. В. Анисимова.

Важнейшим в этой связи остается вопрос: какую роль играла традиционная элита Московского государства в формировании правящей верхушки России первой четверти XVIII в. — времени реформ Петра Великого. Для решения этой проблемы необходимо выделить те фамилии, представители которых входили в правящие структуры страны в 1701–1725 гг.

К этому слою нами были отнесены следующие категории лиц¹.

- 1) Члены «консилии министров» (по данным на 1707–1708 гг.).
- 2) Сенаторы за 1711–1725 гг., а также высшие сенатские чины.
- 3) Президенты и вице-президенты коллегий (1717–1725 гг.), руководители других центральных государственных учреждений.
- 4) Высшая губернская администрация (1708–1725 гг.) — губернаторы, вице-губернаторы, а также лица, фактически управлявшие губерниями.
- 5) Генералитет — сухопутные и морские чины 1–5 классов Табели о рангах.
- 6) Обработка «Писем и бумаг Петра Великого» позволила выявить наиболее активных корреспондентов царя². В общей слож-

ности нами было учтено 187 лиц. Из них 132 человека³ имели русское происхождение⁴. Рассмотрим эту категорию подробно.

В первую очередь, следует определиться с употреблением широко распространенного в историографии термина «боярская аристократия». Это понятие является достаточно условным, но в целом требует выявления тех родов, которые из поколения в поколение занимали в Боярской думе высшие чины бояр и окольничих⁵.

С практической точки зрения, применительно к исследуемой проблеме, в качестве боярских, аристократических (*первая группа*) нами выделяются те фамилии, члены которых служили в чинах боярина и окольничего до 1613 г. и смогли сохранить это высокое положение при Романовых. Из общего списка русских фамилий (93 рода), представители которых входили в элиту петровского периода, указанным критериям отвечают только 18: рюриковичи кн. Репнины, кн. Долгоруковы, кн. Ромодановские, гедиминовичи кн. Голицыны, кн. Куракины, кн. Трубецкие, кабардинские кн. Черкасские и ряд нетитулованных родов — Бутурлины, Вельяминовы, Волынские, Головины, Измайловы, Колычевы, Плещеевы, Ржевские, Салтыковы, Сукины, Шереметевы⁶. В данный перечень нами внесены изменения: исключены Измайловы, Ржевские и Сукины (итого — 15 фамилий). Ржевские добились окольничества только в начале XVII столетия. При Романовых два представителя рода также получили этот чин (в 1677 и 1683 г.). Но в обоих случаях пожалование происходило из чина думного дворянина, что говорит о недостаточном высоком, даже по меркам второй половины XVII в., положении фамилии. Измайловы и Сукины имели своих представителей в высших думных чинах как до, так и после 1613 г. Однако обе фамилии не были занесены в «Государев родословец», и это не позволяет нам отнести их к категории аристократии. Из 15 боярских фамилий в правящую верхушку в 1-й четверти XVIII в. входило 39 человек.

Во *вторую группу* включены те фамилии, которые достигли лютого из четырех думных чинов с 1613 до 1689 г. Это Апраксины, кн. Борятинские, кн. Волконские, Глебовы, Головкины, Дашковы, Домнины, Зотовы, Ивановы, Леонтьевы, Лихаревы, Лихачевы, Лодыженские, кн. Львовы, Матвеевы, Матюшкины, Мусины-Пушкины, Нарышкины, Павловы, Панины, кн. Прозоровские, Самарины, Сухотины, Толстые, Хитрово, кн. Хованские, Чириковы. Кроме того, сюда отнесены Ржевские, Измайловы, Сукины, Яковлевы и Стрешневы. Яковлевы имели своих представителей в высших думных чинах до 1613 г., но они не могут быть причислены к «боярской аристократии», поскольку при Романовых добились только чинов думного дворянина. Стрешневы вошли в Думу в начале XVII в., однако до 1613 г. ни один член фамилии не служил в окольничих или боярах. Таким образом, во второй группе в общей сложности насчитывается 32 рода, делегировавших в состав петровской элиты 42 человека.

Наибольшее представительство в верхних эшелонах власти (из состава 2-й группы) при Петре имело дворянство, вошедшее в Думу в течение достаточно непродолжительного времени (1676–1689 гг., т. е. 13 лет) — 40 % лиц. Потомков служилых людей, получивших думные чины при двух первых Романовых, было меньше — 26 % и 33 %, соответственно. Это не удивительно, поскольку придворная борьба Нарышкиных и Милославских, развернувшаяся после смерти Алексея Михайловича, открыла двери в Думу многим неродовитым фамилиям.

В *третью группу* выделены те фамилии, представители которых были дворянами или принадлежали к верхушке приказных служителей (дьяки), но не входили в Боярскую думу до начала правления Петра I. Это Апухтины, Бартеневы, Бибиковы, Винусы, Воейковы, Волковы, кн. Гагарины, Глебовские, Дмитриевы-Мамоновы, Елагины, Ершovy, Кикины, Клокачевы, Корчмины, Кошелевы, Кропотовы, Кудрявцевы, Левашевы, Мануковы, Мельницкие, кн. Мещерские, Мякинины, Новосильцевы, Олсуфьевы, Петровы-Солово, Племянниковы, Полонские, Порошины, Римские-Корсаковы, Румянцевы, Сенявины, Скорняковы-Писаревы, Стремоуховы, Ушаковы, Фамендины, Чекины, Чернцовы, Чернышевы, Шуваловы, кн. Юсуповы. Всего 40 фамилий, из которых в правящую верхушку при Петре I вошло 45 лиц.

Четвертая группа самая малочисленная. Сюда нами отнесены недворяне: Исаевы, Курбатовы, Макаровы, кн. Меншиковы, Скляевы и Шафировы (6 родов). Из их числа в петровскую элиту вошло только 6 человек.

Общие данные относительно представительства четырех вышеперечисленных групп сведены в табл. 1.

Таблица 1

Русские фамилии в составе правящей элиты 1701–1725 гг.

Группа	Всего в составе элиты 1701–1725 гг.			В т.ч., по фамилиям, имевшим в составе элиты 1701–1725 гг. более одного представителя	
	фамилий *	лиц *	в среднем, лиц из одной фамилии	фамилий **	лиц **
I	15 (16 %)	39 (30 %)	2,6	10 (67 %)	34 (87 %)
II	32 (34 %)	42 (32 %)	1,3	8 (25 %)	18 (43 %)
III	40 (43 %)	45 (34 %)	1,1	4 (10 %)	9 (20 %)
IV	6 (6 %)	6 (5 %)	1,0	0 (0 %)	0 (0 %)
всего	93 (100 %)	132 (100 %)	1,4	22 (24 %)	61 (46 %)

* В скобках указана доля от общего числа фамилий и лиц во всех четырех группах.

** В скобках указана доля от числа фамилий и лиц в данной группе.

Как видим, практически все русские фамилии, имевшие своих членов на высших государственных постах в 1701–1725 гг., были в конце XVII столетия дворянскими (I–III группы, 94 % родов). Выходцы из низов (IV группа) находились в абсолютном меньшинстве.

Если рассмотреть карьерный рост этих 87 дворянских фамилий в 30–80-е годы XVII в., окажется, что к столичному дворянству в конце 20-х годов относилось 56 родов (15 — из первой, 23 — из второй, 18 — из третьей групп). Остальные — 31 фамилия (9 — из второй, 22 — из третьей групп) в данный период или вообще не входили в состав «московского списка» или по преимуществу служили с «городом». Следовательно, существенная часть петровской элиты рекрутировалась из слоев, которые при первом Романове составляли верхушку городского дворянства, а в последующее время поднялись до столичных чинов.

При Петре I лица из достаточно узкого круга аристократии (I группа) являлись значительно более востребованными для службы на высших государственных должностях по сравнению с представителями других слоев дворянства (II–III группы), а тем более — выходцами из низших слоев общества (IV группа). Родовитые боярские кланы (1/6 от общего числа всех русских фамилий) дали около трети всех представителей (без учета иностранцев) правящей верхушки эпохи петровских реформ. Из них 10 родов имели в составе элиты от двух до семи членов.

«Кадровая политика» Петра преимущественно ориентировалась на традиционную элиту Московского государства: 81 человек (61 %) происходил из 47 фамилий (51 %), сидевших в Боярской думе в XVI — конце XVII в. (I–II группы). Наиболее широкое представительство в правящих структурах петровского времени имели кн. Долгоруковы (7 человек), кн. Голицыны (5), Головины (4), Салтыковы (4), кн. Волконские (4).

Для сравнения отметим, что в 1689–1700 гг. 89 % лиц (без учета иностранцев) из ближайшего окружения царя были выходцами из круга боярской знати и тех родов, которые имели своих представителей в Боярской думе XVII в.⁷ Таким образом, за время петровского правления в руководстве страны произошло снижение доли тех людей (с 89 до 61 %), которые генетически были связаны с думными чинами XVI–XVII вв.

Таблица 2 иллюстрирует соотношение представителей четырех групп в руководстве различных центральных и губернских учреждений, а также в генералитете.

Социальное происхождение руководства высшей гражданской администрации и генералитета 1701–1725 гг., %

	I гр.	II гр.	I и II гр.	III гр.	IV гр.
«Консилия министров»	32	59	91	9	0
Сенат и его учреждения, в том числе:	31	41	72	21	7
сенаторы	32	45	77	14	9
коллегии и др. центр. учреждения	35	26	61	26	13
губернская администрация	36	31	67	28	6
генералитет	30	26	56	41	4

Исходя из представленных показателей, наиболее знатной по составу была «консилия министров», работавшая в Москве до 1711 г. (91 % лиц из I и II групп). Этот совет включал в себя руководителей важнейших приказов, канцелярий и осуществлял координацию работы центрального и местного аппарата в условиях войны. Фактически, «консилия министров» была создана по образцу боярских комиссий XVII в., функционировавших во время отсутствия государя в столице⁸. В новых органах власти, появившихся в результате реформ Петра I, также преобладали потомки боярских фамилий и тех родов, которые сидели в Думе в XVII в. Однако по сравнению с элитой 1689–1700 гг. и «советом министров» 1707–1708 гг. их состав был менее родословным (61–72 % лиц из I и II групп). Самым аристократичным являлся состав сенаторов (77 %).

Данные, содержащиеся в табл. 1–2, приводят нас к однозначному выводу. Главной целью Петра I было сделать уже существующую элиту более эффективной и квалифицированной, а не заменить ее представителями более низких слоев общества. Основными методами разрешения этой задачи стали обязательные государственная служба и обучение. Формальная монополия боярской знати в сфере власти была ликвидирована, вышла из практического применения старая лестница чинов, исчез и сам орган ее олицетворявший — Боярская дума. Однако люди остались теми же, и потомки аристократических родов в новых условиях «конкурентной борьбы» за высшие государственные должности имели существенное преимущество перед менее знатными фамилиями, а тем более перед представителями непривилегированных социальных групп. Традиции управления государством, крупные состояния, родственные связи (в том числе, с царствующим домом), а с начала XVIII в. и новый, европейский, уровень образования — все это давало возможность выходцам из старой элиты успешно занимать первые места в чиновной иерархии.

Подчеркнем, что в эпоху кардинальных реформ российского общества Петру I мешала не старая элита, как таковая. Препятствием

являлся нерациональный (исходя из новых задач, стоявших перед государством) принцип ее комплектования, базирующийся на приоритете родовитости перед личными заслугами. Необходимость перемен стала очевидна уже в конце XVII в. Реальное управление страной сосредотачивается в руках небольшой группы людей (как из состава Боярской думы, так и извне), формировавшейся в соответствии с личными предпочтениями царя и принципом «служебной годности». Активное расширение государева двора и Боярской думы в последней четверти столетия, их пополнение «новичками» продемонстрировали архаичность старого подхода к чиновничеству. Полная отмена местничества стала важнейшим фактом в истории служилого класса. По всей вероятности, именно эти факторы позволили царю сравнительно легко, без видимого сопротивления, создать новую систему высших государственных учреждений. Тем более, что преобладающая часть кадров была унаследована от предыдущих структур — Боярской думы и государева двора. В рамках новой служилой иерархии «низкое происхождение» способного человека, попавшего в поле зрения Петра, не было препятствием для успешной карьеры (по крайней мере, формально). Однако таких людей среди приближенных царя встречается очень мало.

Как видим, в петровское время имела место интеграция представителей новых фамилий в состав традиционной элиты. Полного контроля старых боярских родов над государственным аппаратом или, тем более, противоположного процесса — вытеснения аристократических кланов из правящей верхушки страны — не было. Поэтому изменения в составе высшего чиновного слоя России точнее всего можно охарактеризовать терминами «преемственность» и «эволюция». Для первой четверти XVIII в. нет оснований преувеличивать противостояние «боярских фамилий» и представителей «новой элиты». Более того, многие «новички» приобретали необходимых покровителей и с течением времени вступали в брачные союзы с выходцами из тех семей, которые уже находились у власти.

Оценивая изменения, которые произошли в составе и структуре российской элиты в правление Петра I, нельзя не обратить внимание на характер взаимоотношений верховной власти и того слоя, который составлял ближайшее окружение государя. Российская аристократия начала трансформироваться в служилую еще задолго до петровского царствования⁹. Американский исследователь Р. Крамми точно подметил, что положение российской аристократии XVII в. сочетало в себе черты, свойственные элитам западноевропейских и восточных стран¹⁰. Как и на Западе, она доминировала в землевладельческой сфере, сохраняла прочные родственные связи и наследственность своего статуса (точнее, преимущественное право на получение высоких думных чинов, которое основывалось на традиции). С восточ-

ными элитами ее сближала обязательная государственная служба, слабое политическое и экономическое влияние в регионах, личная и имущественная зависимость от верховной власти, недостаток корпоративных прав и привилегий.

При Петре процесс превращения аристократии (уже как органической части дворянства) в служилый класс получил свое логическое завершение. Системообразующими элементами этого типа взаимоотношений самодержавия и элиты стали обязательная служба, необходимость получения образования и закон о единонаследии. В 1722 г. была издана Табель о рангах. В соответствии с законодательным актом карьера любого дворянина зависела от его служебной «годности» и личных заслуг перед монархом. Родовитость, «отечество» перестали быть основой иерархии внутри правящей верхушки, а самодержавная власть получила еще большую свободу при выдвижении и перемещениях должностных лиц. В результате петровских реформ также усилились личная и имущественная зависимость российской элиты от монарха.

Самодержавие сумело устранить последние препятствия, стоявшие на пути полного контроля над традиционной элитой московского периода. Ее модернизация, обучение, а также расширение правящего слоя за счет выходцев из других групп служилого класса, иностранных специалистов и отдельных представителей низов общества позволили Петру I сформировать социальную опору для подготовки и реализации своих реформаторских замыслов.

Примечания

¹ Основными источниками послужили: Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1–13. СПб. (Л.); М., 1887–2003; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. I–VI. СПб., 1880–1901; История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. Т. 5. СПб., 1911. С. 109–161; Русский биографический словарь: в 25 т. М., 1896–1918; *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. Т. 1. М.; Л., 1945; *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997; *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 415–467.

² К их числу отнесены все лица, получившие от Петра I или отправившие на имя царя 25 и более писем.

³ Гр. П. М. и Ф. М. Апраксины, В. А. Апухтин, Ф. О. Баргенов, И. И. Бибииков, кн. И. Ф. Борятинский, И. И. и И. И. Бутурлины, С. Л. Вельяминов, А. А. Виниус, И. Л. и П. Л. Воейковы, М. Я. Волков, кн. А. Г., Г. И., Г. С. и М. А. Волконские, А. П. Вольнский, кн. В. И. и М. П. Гагарины, Ф. Н. Глебов, П. С. Глебовской, кн. Б. А., Д. М., М. М., П. А. и П. М. Голицыны, А. А., И. М., М. А. и гр. Ф. А. Головины, гр. А. Г. и Г. И. Головкины, А. И. Дашков, И. И. Дмитриев-Мамонов, кн. А. Г., В. В., В. Л., Г. Ф., Л. Ф., М. В. и Я. Ф. Долгоруковы, Л. А. Домнин, А. Н. Елагин, В. С. Ершов, В. Н. и

Н. М. Зотовы, А. И. Иванов, А. П. и П. В. Измайловы, И. И. Исаев, А. В. и П. В. Кирины, С. Т. Клокачев, С. А. Колычев, В. Д. Корчмин, Г. И. Кошелев, Г. С. Кропотов, Н. А. Кудрявцев, кн. Б. И. Куракин, А. А. Курбатов, В. Я. Левашев, М. И. Леонтьев, И. М. Лихарев, А. Т. Лихачев, П. Е. Лодыженский, кн. П. Л. Львов, А. В. Макаров, Ф. С. Мануков, гр. А. А. Матвеев, М. А. Матюшкин, Н. П. Мельницкий, кн. А. Д. Меншиков, кн. С. Ф. Мещерский, гр. И. А. Мусин-Пушкин, А. А. Мякинин, К. А. Нарышкин, В. Я. Новосильцев, М. Д. Олсуфьев, В. К. Павлов, А. И. и И. В. Панины, А. К. Петров-Солово, Г. А. Племянников, А. Л. и И. Н. Плещеевы, Я. В. Полонский, В. И. Порошин, кн. П. И. Прозоровский, кн. А. И. Репнин, В. А. и Ю. А. Ржевские, Я. Н. Римский-Корсаков, кн. И. Ф., М. Г. и Ф. Ю. Ромодановские, А. И. Румянцев, А. П., П. С., С. А. и Ф. С. Салтыковы, М. М. Самарин, И. А., Н. А. и У. А. Сенявины, Ф. М. Склеяев, Г. Г. Скорняков-Писарев, В. Ф. Стремоухов, Т. Н. Стрешнев, С. И. Сукин, М. А. Сухотин, И. А. и гр. П. А. Толстые, кн. И. Ю. и Ю. Ю. Трубецкие, А. И. Ушаков, И. А. Фамендин, П. С. Хитрово, кн. П. И. Хованский, Ф. Г. Чекин, кн. А. М. и М. А. Черкасские, А. Г. Чернцов, Г. П. Чернышев, Л. С. Чириков, бар. П. П. Шафилов, В. П., гр. Б. П., гр. М. Б. Шереметевы, И. М. Шувалов, кн. Г. Д. Юсупов, П. И. Яковлев.

⁴ Здесь и далее речь идет не о национальной принадлежности, а о месте рождения и конфессиональном статусе. К иностранцам мы относим лиц, родившихся за пределами России. Потомки выходцев из других стран, проживавшие на территории России уже в XVII в., считаются русскими только в случае наличия сведений о их переходе в православие до начала царствования Петра I.

⁵ *Crummey R. Peter and the Boyar Aristocracy, 1689–1700 // Canadian-American Slavic Studies. 1974. Vol. 8. № 2. P. 276; Ibid. Aristocrats and Servitors: the Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. P. 14.*

⁶ Классификация по группам выполнена на основании следующих работ: *Зимин А. А. Состав Боярской Думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 41–87; Он же. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988; Кобрин Б. В. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 16–91; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969; Он же. Исследования по истории опричнины. М., 1963; Водарский Я. Е. Правящая группа светских феодалов в России в XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 70–107; Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 153–193; Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004; *Crummey R. Aristocrats and Servitors; Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992; Bogatyrev S. The Sovereign and His Counsellors: Ritualised Consultation in Muscovite Political Culture, 1350s–1570s. Helsinki, 2000; Poe M. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1–2. Vammala, 2004; Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII вв. СПб., 2006.**

⁷ Для подсчетов использовался список, составленный Р. Крамми. Лиц русского происхождения в нем насчитывается 46 человек (*Crummey R. Peter and the Boyar Aristocracy. P. 279*).

⁸ *Анисимов Е. В. Указ. соч. С. 22–28.*

⁹ *Павлов А. П. Государев двор... С. 200–203; Он же. Земельные переселения в годы опричнины // История СССР. 1990. № 5. С. 89–104.*

¹⁰ *Crummey R. Aristocrats and Servitors. P. 168–174.*

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ XVIII–XX ВВ.

А. Н. Медушевский

Российский абсолютизм в сравнительном освещении

Проблематика изучения великих империй прошлого актуализируется в современной историографии по ряду причин. В условиях глобализации и связанных с ней процессов размывания национальной идентичности она позволяет лучше понять интеграционные процессы. Кроме того, данная тема, наряду с изучением революций — традиционно является одной из классических при объяснении становления современного демократического общества. Наконец, она представляет безусловный методологический интерес для отработки междисциплинарных и сравнительных подходов в современной историографии.

В интернациональной научной литературе сохраняется существенное различие методологических подходов и отсутствует единое определение феномена абсолютизма. В историографии сформировались три основных направления интерпретации абсолютизма:

— юридический подход (центральным для него является понятие монархического суверенитета);

— социологический подход (абсолютизм как социальный строй, система политических институтов и механизм власти);

— исторический подход (рассмотрение абсолютизма как определенной исторической эпохи в развитии общества и государства)¹. Синтез этих подходов и выработка адекватной научной терминологии представляет актуальную исследовательскую задачу.

Абсолютистские империи нового времени есть форма становления современных национальных государств, имеющих как простой, так и сложный состав: наряду с доминирующим национальным ядром в него могут входить многочисленные этно-национальные образования, находящиеся на разных стадиях развития и формирования собственной национальной идентичности. Степень их интеграции в единую гражданскую нацию определяется рядом факторов: развитием национального самосознания, культурной гомогенностью

общества, выражаемой в конфессиональных и светских, социальных и общественно-политических ценностях; наличием единой правовой системы (единого кодекса гражданского права); степени развитости коммуникаций, рыночных отношений и урбанизации, культуры национализма и индивидуализма, всеобщего образования и грамотности; единства военного и гражданского управления, формированием рациональной бюрократии. Данная социальная система противостоит в истории, с одной стороны, традиционному сословному обществу, характеризовавшемуся инкорпорацией индивидов в иерархическую и корпоративистскую систему, отсутствием национальной идентичности, сословными или локально ориентированными правовыми и политическими интересами. С другой стороны, — гражданскому обществу и политической системе, основанной на конституционных ограничениях власти, даже если последние имеют нестабильный и иллюзорный характер².

Переход от одного типа общественной организации к другой происходит постепенно, занимает длительный промежуток времени и характеризуется интеграционными процессами, образованием больших многонациональных государств — империй, генетически связанных с абсолютистско-монархической формой правления³. Этим понятием определяются хронологические рамки изучаемого явления (XVI — начала XX в.); его типология (различие политических режимов в рамках единой правовой формы неограниченной монархии), а также определение его социальных функций (все абсолютистские государства ориентированы на национальную унификацию и модернизацию и в этом смысле являются незавершенными).

В соответствии с этим подходом могут быть реконструированы характерные черты изучаемого явления (исходной классической моделью которого признается французский абсолютизм). Во-первых, формирование нации (национального ядра в многонациональных государствах) и национального самосознания как устойчивой совокупности социально-психологических установок и значимой мотивации социального поведения и политики государства. В истории крупнейших абсолютистских империй этот процесс был связан с формированием границ империй как основы территориального суверенитета. Географические параметры связаны с естественными пределами формирования национальных государств, а затем колониальных империй: абсолютистские государства формируются первоначально на Западе Европы (Англия, Испания, Франция XVI–XVII вв.); затем в Восточной Европе — Россия, Австро-Венгрия, Германия (XVIII–XIX вв.)⁴.

В геополитической перспективе соотношение центра и периферии не оставалось постоянным. Существовало два основных вектора экспансии: на Запад — к Америке и на Восток — к Сибири. Раздел

мира между великими державами стал в конечном счете результатом этого процесса (соперничество Англии и России в Средней Азии). Фактор внешней угрозы приобретал самостоятельное значение для формирования многонациональных империй в Восточной Европе (Оттоманская империя как постоянный соперник для России и Австро-Венгрии). Другими факторами стали поиск культурной идентичности (по конфессиональным, а затем светским параметрам); установление контроля над стратегическими коммуникациями (до изобретения авиации — выход к морям). Проблема границ и их перемещения решалась не только сознательными усилиями, но также спонтанным движением масс населения из центра на окраины (так называемая народная хозяйственная колонизация). В этом смысле наиболее показателен факт российской аграрной колонизации окраин (стимулировавшийся бегством крестьян от крепостного права), а также вывозом избыточной рабочей силы и криминального элемента из метрополий в колонии (Британская империя).

В более узкой трактовке абсолютизм рассматривается как определенная фаза формирования национальных централизованных государств западного общества и в этом смысле противопоставляется предшествующему этапу феодализма. При таком подходе абсолютизм предстает как целостная социально-политическая система, которая, несмотря на специфику в отдельных странах, обладает рядом устойчивых признаков — наличием определенного уровня национального самосознания, экономической и социальной интеграции (система налогообложения), единой (хотя и не вполне унифицированной) системой правовых и политических институтов, характеризуется централизованным порядком управления, значительной ролью регулярной армии и рационализированной бюрократии в консолидации политической власти, наконец, господством идеологически закрепленного принципа монархического суверенитета. В России сравнительное исследование этих проблем было представлено трудами П. Н. Ардашева, Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, Н. П. Павлова-Сильванского⁵. Особое направление историко-социологических исследований разрабатывает преимущественно проблемы инфраструктуры правящих режимов, ставя в центр внимания механизм власти и управления, те социальные слои, которые осуществляют властные решения (аристократическая элита, бюрократия, лидеры).

Решение проблемы типологии связано с различием моделей абсолютистских режимов и критериев, положенных в основу классификации. Эти критерии подразделяются на культурно-правовые (романский и германский типы абсолютизма), геополитические (островной и континентальный, западноевропейский и восточноевропейский типы); социологические (феодалный и буржуазный абсолютизм); стадийные (выделяющие фазы традиционного и просвещенного

абсолютизма); политико-юридические (монархический и деспотический абсолютизм)⁶. Преодоление европоцентризма и расширение исследовательских подходов на другие регионы мира поставило проблему типологии значительно шире, приведя к постановке вопроса о соотношении абсолютистских империй западного типа и восточных империй (традиционно определявшихся в европейской литературе как «азиатский деспотизм»)⁷.

Типология империй, представленная в современной литературе вопроса, основана на выделении доминирующих факторов их возникновения и поддержания могущества. С этих позиций было представлено их деление на военные, политические, экономические, идеологические. Однако этот набор факторов, по мнению критиков, во-первых, не является исчерпывающим (к ним добавляют демографические и географические факторы, говоря о морских и сухопутных империях, а в ряде случаев специально подчеркивают конфессиональную составляющую); во-вторых, эти факторы действуют во всех империях и их бывает трудно разделить; в-третьих, соотношение факторов меняется в каждой из империй с течением времени.

Тем не менее констатируется, что наличие доминирующего фактора определяет индивидуальный профиль каждой империи и позволяет лучше понять причину ее крушения: империя Моголов была воплощением военной силы, Британская империя — финансовой и экономической мощи, империя Габсбургов — результатом политических и дипломатических конструкций. Соответственно, утрата или резкое ослабление действия доминирующего фактора ведет к дезинтеграции империи. В конечном счете, это приводит ряд исследователей к отказу от единой типологии, которая заменяется конструированием типологий различного уровня или введением интегрированного понятия дизайна империи или стиля управления, различавшимся от одной империи к другой и неодинаковым в разные исторические эпохи⁸.

Наряду со статическими моделями абсолютизма предложены динамические — рассматривающие его в перспективе аграрных революций и реформ нового и новейшего времени. Данная постановка вопроса восходит к А. де Токвилю, считавшему, что революция, в сущности, продолжает программу преобразований, начатую, но не завершённую абсолютизмом⁹. При таком подходе центральной проблемой является конфликт в рамках единой абсолютистской системы между привилегированным классом землевладельцев и бюрократией, составляющий основу различных модификаций абсолютизма — от монархической власти, добившейся консенсуса между социальными силами в ходе реформ до одномерных крепостнических режимов, не способных к структурной перестройке, а потому обреченных на революционное свержение¹⁰.

В связи с анализом особенностей исторических традиций российской государственности актуально обращение к концепции государственной или юридической школы русской историографии, давшей целостное объяснение специфики отношений общества и государства в России, формирования сословного строя и роли политической власти и бюрократии в определении стратегии социальных преобразований по модернизации и европеизации страны. Констатируя особый тип отношений общества и государства в русском историческом процессе, теоретики государственной школы (Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский, В. И. Сергеевич) отметили ведущую роль государства в формировании сословного строя, а утверждение абсолютизма в новое время связывали с изменением положения сословий (прежде всего дворянства) по отношению к политической власти в условиях растущей конкуренции национальных государств. Из этого анализа выводилась особая концепция служилого государства допетровского периода, его трансформации в новое время путем государственных реформ — закрепощения и раскрепощения сословий государством, причем абсолютизму отводилась в целом позитивная роль в развитии традиционного общества¹¹. Данная концепция сохраняет объясняющее значение и остается востребованной в современной интернациональной историографии российского абсолютизма¹².

Стабильное существование всякого национального государства возможно при соблюдении трех важнейших условий: во-первых, создание единства правового пространства (отмена внутренних таможен, возможность перемещения товаров и услуг, единство правовых норм и судебной практики, т. е. преодоление сословных и феодальных ограничений). В частности, необходимо преодоление различий в региональных юридических нормах (особенно четко данная потребность проявилась в Австрийской империи, но и в России — принятием особых законов для таких регионов как Прибалтика, Польша, Финляндия, особых норм для бродячих инородцев); во-вторых, преодоление правового дуализма (постепенное сближение гражданских прав привилегированных и непривилегированных сословий после отмены крепостного права) в том числе через судебную практику; в-третьих, тенденция к унификации прав гражданства (в рамках концепции подданства, а затем и гражданства).

Первая задача решалась абсолютистскими государствами XVIII—XX вв. путем кодификации права. Именно в эпоху абсолютизма идея создания общего национального кодекса становится важным политическим императивом¹³. Сравнительный анализ права таких стран как Россия, Пруссия, Австрия, других государств Центральной и Восточной Европы позволил выявить ряд крупных законодательных инициатив, имеющих принципиально общие черты. Рассматривая

крупные кодификационные инициативы как вехи на пути реформирования социальных отношений с помощью политики права, можно выделить ряд основных этапов законодательных работ в эпоху расцвета абсолютизма XVIII в. Это начало кодификационных работ (Уложенные комиссии Петра I 1700, 1714 и 1721 гг., в Австрии — комиссия 1709 г., в Пруссии — 1713 г.); их новая активизация в середине XVIII в. (Уложенные комиссии Елизаветы и Екатерины II в России 50–60-х годов XVIII в., комиссия 1747 г. в Пруссии и 1753–1755 гг. в Австрии); третий этап кодификации права, который приходится на период после Французской революции (Прусское земское Уложение 1794 г., Австрийское гражданское уложение 1811 г. и кодификационные проекты начала царствования Александра I в России). В данной перспективе кодификационная программа русского абсолютизма выступает как попытка целенаправленного использования законодательства, правовой политики для реформирования и модернизации социальных отношений. Прослеживается несомненное сходство побудительных мотивов кодификации (систематизация источников права и рационализация его с помощью перестройки общественных отношений), сходство условий кодификации (проходившей в странах с абсолютистскими системами), а также методов их проведения (путем создания бюрократических комиссий). Сходными в принципе оказывались и результаты их деятельности, характеризовавшейся незавершенностью, которая в свою очередь объяснялась стремлением приспособить западноевропейское право к сословным структурам стран Восточной Европы. Это вполне справедливо и в отношении Уложенных комиссий русского абсолютизма, особенно в области регулирования владельческих прав правящего класса¹⁴.

Существует параллелизм и последующих кодификационных работ второй половины XIX — начала XX в. Так, перед составителями проекта русского Уложения рассматриваемого периода стояла непростая задача согласования положений различных правовых систем — нового и традиционного, кодифицированного и прецедентного права, норм писаного и обычного права, — как между собой, так и с российским законодательством, прежде всего — Гражданскими законами (Свод законов. Т. X, ч. 1) и судебной практикой (решениями и разъяснениями Кассационных департаментов Правительствующего Сената).

Другим направлением унификации права являлось преодоление правового дуализма — т. е. признанного существования двух правовых систем. Специфика правовой системы пореформенной России (как, впрочем, и других крупных империй — Австро-Венгерской и Германской) определяется понятием правового дуализма. Им обозначается сосуществование в пореформенной России двух правовых систем — позитивного права (все больше находившего выражение в

рецепции норм западного происхождения) и обычного (в основном, норм неписаного крестьянского права или норм, имеющих выраженные региональные особенности), которое лишь частично было отражено в действующем законодательстве, но составляло реальную основу правового самосознания подавляющей части населения страны¹⁵. Проблема кодификации гражданского права стала, поэтому, одной из центральных в пореформенной России второй половины XIX — начала XX в. На этой основе (сопоставления двух типов права) возможно раскрытие конфликта старого и нового права; причин и параметров кризиса легитимности той концепции земельной собственности, которая была зафиксирована в позитивном праве (Своде законов гражданских). В центре внимания юристов и политиков той эпохи находится попытка преодоления правового дуализма, связанная с модернизацией правовой системы страны, рационализацией и модернизацией традиционных норм российского поземельного права¹⁶. Она получила выражение в проекте Гражданского Уложения Российской империи. Особое внимание уделялось проблеме правового регулирования традиционных форм земельной собственности в новых условиях, а также переходных форм собственности, владения и пользования землей. Данная постановка вопроса позволяет по новому интерпретировать научные дискуссии рассматриваемого периода, в частности, смысл использования ряда категорий римского и западного права для выражения сложной реальности поземельных отношений пореформенной России. Преодоление правового дуализма оказывалось возможно тремя способами — путем постепенного вытеснения одного типа легитимности (и соответствующих правовых норм и практики) другим (через кодификацию права и судебную практику); достижения компромисса между ними (законодательного реформирования исторически сложившейся модели собственности); путем ускоренной модернизации социальных институтов, осуществляемой на правовой или даже неправовой основе в виде так называемой революции сверху (которая во многом является атрибутом абсолютизма).

Третьим направлением унификации права становилось распространение гражданских прав на новые категории населения. Существование социального конфликта нового времени выражалось в сравнительной перспективе в переходе от подданства к гражданству. В Российской империи до февральской революции 1917 г. существовало юридическое понятие подданства. Оно определялось как юридическое отношение между государством и личностью и означало совокупность прав и обязанностей лица по отношению к данному государству. Объем понятия включал установленную юридически совокупность прав и обязанностей — пребывание в пределах государства, право на защиту на территории государства и за его пределами, обязанность

подчиняться законам государства не только на государственной территории, но и за ее пределами, трактовка как измены действий, направленных во вред государству. Приоритет государственной власти над подданными выражался, в частности, в том, что свобода перехода в подданство другой страны (принятая в европейских государствах XIX в.), не признавалась в России. Переход от подданства к гражданству поэтому не формальный момент: он влечет ряд важных социальных последствий и непосредственно связан с изменением политического строя страны путем признания личных прав (на неприкосновенность личности и собственности, свободное передвижение, свободу мысли и вероисповедания, право собраний и сообществ, право петиций к верховной власти)¹⁷. Гражданство и подданство составляют часть более общей проблемы — отношения индивида и государства в различных политических системах — в абсолютистско-монархическом (самодержавном) государстве с одной стороны, и в системе правового государства — с другой. Исторические параметры процесса перехода от подданства к гражданству связаны с динамикой национальной государственности нового времени: в широком смысле — от формирования централизованных государств до распада империй (а в известном смысле до настоящего времени, поскольку сознание принадлежности к имперскому типу государственности живо в исторической памяти масс в соответствующих государствах).

В этом контексте самостоятельным фактором является эволюция идеологии и практики абсолютизма. В основе абсолютистской доктрины лежат две концепции — суверенитета и монархии, образующие понятие монархического суверенитета (в отличие от народного суверенитета демократических государств). Наибольший вклад в теорию абсолютизма на Западе внесли Т. Гоббс, Ж. Боден, С. Пуффендорф, а также их либеральные критики — Д. Локк, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. В России теория абсолютизма (или абсолютного монархического суверенитета) представлена наиболее полно в сочинении Ф. Прокоповича «Правда воли монаршей». Она получила закрепление в Воинском уставе 1716 г., и сохранялась до конца существования монархии. «Его величество, — гласит формула закона, — есть самовластительный монарх, который никому на свете в своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет, свои государства и земли яко христианнейший государь по своей воле и благомнению управляет». Свод основных государственных законов в новой редакции от 23 апреля 1906 г. формулирует существо самодержавия следующим образом: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, сам бог повелевает». Таким образом, российское самодержавие (периода империи) следует признать одной из историче-

ских разновидностей абсолютизма, учитывая, разумеется, его историческую специфику возникновения, легитимации и эволюции.

Отметим сходство этапов развития государственности крупных абсолютистских империй Центральной и Восточной Европы: начало — утверждение абсолютизма; развитие — Просвещенный абсолютизм; рубеж XVIII — нач. XIX в. — реформы, осуществлявшиеся после Французской революции; этап либеральных реформ — вторая половина XIX в., трансформация абсолютизма в дуалистическую монархию, начавшаяся в XX в. и закончившаяся его свержением. Утверждение абсолютизма в России рассмотрено в историографии в сравнительно-исторической перспективе: в сравнении с предшествующим типом государственности, в перспективе последующего развития и, наконец, в сравнении с другими странами на определенном этапе их развития.

Эпоха нового времени внесла существенные изменения в процесс рационализации управления. В это время, когда в силу экономических, географических, технических и культурных открытий мир все более становится единой цивилизацией, отставание в темпах развития, рационализации становится угрозой суверенитету государства. Организация государственного устройства передовых стран выступает в этих условиях в качестве модели желательного переустройства. На этой основе возникает необходимость избрать путь догоняющего развития и модернизации. Все эти модификации процесса рационализации — догоняющее развитие, радикальные реформы государственного управления и европеизация — впервые нашли свое полное выражение в ходе утверждения абсолютизма — преобразованиях Петра Великого первой четверти XVIII в., а затем его последователей в России, в ее крупнейших реформах. Административные реформы Петра Великого состояли в создании новой системы государственных учреждений в России — Сената и коллегий, образованных в 1717 г. по шведскому образцу вместо традиционных учреждений (приказов и Боярской думы), изменении структуры и принципов административно-территориального управления (губернская реформа). Особенность коллегий как административных учреждений заключалась в том, что дела решались несколькими лицами большинством голосов. В России коллегии были подчинены Сенату, затем — преобразованы в министерства. Завершением реформ стало создание нового правящего слоя и рационализированной бюрократии, статус которых определялся в сводном документе — Табели о рангах. Сравнительный анализ показывает, что административные реформы Петра, отвечая задачам догоняющего развития и модернизации, были первыми в ряду подобных системных преобразований нового времени, обнаружив ряд устойчивых признаков, которые затем прослеживаются в реформах абсолютистских и вообще автори-

тарных режимов — Пруссии, Австрии, Дании, Турции, Египта, Японии и других развивающихся стран Нового и Новейшего времени¹⁸.

Важной исторической модификацией абсолютизма в Новое время является Просвещенный абсолютизм — историческая модификация абсолютизма, связанная с распространением просветительских идей и попыткой их использования во внутренней политике европейских монархий XVIII в., которая в современной науке интерпретируется как существенный шаг в направлении правового государства. Просвещенный абсолютизм означает стремление государства провести модернизацию традиционного сословного общества путем правовых и административных реформ и активного вмешательства бюрократии в социальную жизнь. Средством для этого служит регламентация социальных отношений, усиление их регулирования с помощью права (выражением чего становятся попытки кодификации, унификации и рационализации гражданского права). Данная модель интерпретируется также как полицейское государство, в котором существует жесткая правовая и административная регламентация всех сторон жизни, однако сама верховная власть не ограничена правом. Эпохой Просвещенного абсолютизма считают период от вступления на престол Фридриха II (1740) до Французской революции 1789 г. Наиболее видными ее представителями являются Фридрих II в Пруссии, Иосиф II в Австрии и Екатерина II в России¹⁹. В современной историографии присутствует и более широкая трактовка феномена Просвещенного абсолютизма, распространяющая это явление на весь XVIII в. и начало XIX в. (программа либеральных реформ начала царствования Александра I и деятельности М. Сперанского). Ключевым элементом идеологии Просвещенного абсолютизма (отличающим его от предшествующего типа абсолютных монархий) следует считать стремление опереться на фундаментальные законы, способные ограничить произвол правителя. В этом смысле данный тип государственности является шагом вперед в направлении правового государства²⁰. Одним из следствий политики Просвещенного абсолютизма стало формирование дворянской интеллектуальной элиты, ориентированной на решение задач модернизации и европеизации общества²¹.

В начале и особенно во второй половине XIX в. существовала устойчивая (хотя и неровная) тенденция к постоянному расширению объема регулирования социальных прав²². Она достигла высшего развития при Александре II, время правления которого вошло в историю как эпоха Великих реформ. Они включали радикальные преобразования всех сторон жизни русского общества. Крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. освобождала крестьян от крепостной зависимости с земельными наделами. Земская реформа, введенная Земским положением 1 января 1864 г., предоставляла населению губерний и уездов всех сословий посредством выборных представителей осуществлять

управление местными хозяйственными делами (сборами, дорогами, образованием, здравоохранением и др.). Городовое положение 1870 г. создавало институты внутреннего городского самоуправления с участием всех сословий. Судебные уставы, утвержденные 20 ноября 1864 г., вводили независимое судопроизводство, отделив суд от других институтов государственного управления, гласный и состязательный порядок осуществления правосудия, избираемых населением мировых судей и адвокатуру. Устав о воинской повинности 1874 г. вводил равенство всех сословий по отношению к воинской повинности, установив сокращенные сроки службы лишь по критерию образования. Университеты по новому уставу получили самоуправление посредством коллегии профессоров и избрания ими ректора. Для женщин учреждались специальные Высшие курсы, работавшие по университетским программам. Печать по правилам 1865 г. получила большую свободу от цензурных ограничений, начали развиваться провинциальные газеты.

Эти реформы стимулировали широкое общественное движение, направленное на демократизацию общества посредством развития земского самоуправления и предоставления его представителям места в общегосударственной деятельности. Особенностью Великих реформ следует признать их научную разработку, тщательную юридическую подготовку и планомерное осуществление²³. В истории России это уникальный пример успешного проведения масштабных социальных преобразований с сохранением социального консенсуса и правовой преемственности. В этом смысле анализ опыта данных реформ имеет непреходящее значение и представляет актуальность для всех обществ переходного типа. Поступательное движение видно в направлениях рецепции римского и европейского права. В России доказательством существования данной тенденции является динамика предложения проектов аграрных²⁴ и политических реформ²⁵.

Однако трансформация самодержавия в направлении правового государства (в форме конституционной монархии), начавшаяся после Манифеста 17 октября 1905 г., была непоследовательной. Тот вид конституционной монархии, который начал утверждаться в России после 1905 г., всего более напоминает германскую, позаимствовав у нее основную идею — монархический принцип. На это обращали внимание как русские, так и германские (М. Вебер, О. Хинтце)²⁶ исследователи. В правовой и политической литературе (Гессен В. М., Котляревский С. А., Кокошкин Ф. Ф., Лазаревский Н. И., Милюков П. Н., Муромцев С. А.) обсуждался вопрос о том, в какой степени самодержавие стало ограниченной монархией и каковы тенденции его развития. Если для одной группы исследователей ограничения самодержавной власти, введенные в основное законодательство, означали переход к дуалистической конституционной монархии, то

для другой — определялись скорее как мнимый конституционализм²⁷. Если либеральные оппоненты самодержавия отстаивали идеал дуалистической конституционной монархии, то правительственные круги ориентировались на модель монархического конституционализма, дававшую монарху неограниченные преимущества перед парламентом. Еще важнее в условиях переходного периода была практика политического режима, сводившего на нет и те зыбкие правовые гарантии, которые были провозглашены.

В результате выяснилось, что в рамках одной формы правления — «конституционной монархии», скрываются совершенно различные политические режимы, радикально отличные между собой по социальной природе, политико-правовому оформлению и последующей исторической судьбе. Наряду с парламентарными и дуалистическими монархиями Западной и Центральной Европы, эта типология позволяет выявить особый тип — монархического конституционализма. В конце XIX — начале XX в. он получил развитие в Восточной Европе — Германии, Австро-Венгрии и России, а также в государствах Азии (прежде всего — Японии эпохи Мейдзи). Его принципиальные особенности отражены в его названии — это именно «монархический» конституционализм (в отличие от конституционной монархии). Основными признаками данного политического режима являются октроированный (дарованный) характер конституции, крайне непоследовательное проведение разделения властей (как в теории, так и на практике), отсутствие ответственности правительства перед парламентом (при сохранении полного контроля над ним со стороны монарха), сохранение за монархом полного контроля над армией и вообще силовыми структурами, наконец, исключительно большие законодательные полномочия монарха, которые в чрезвычайных условиях становились практически абсолютными (что делало возможным спор о самом существовании парламента). Данная система объективно тяготела к трансформации первоначально провозглашенного разделения властей (которое было известным шагом в направлении дуалистической монархии) в фактический режим личной власти монарха, а затем (после свержения монархии) — диктатора. Это был, таким образом, политический режим, который вполне соответствует его интерпретации как мнимого конституционализма²⁸. Исключительно важным фактором поддержания стабильности данной системы в переходный период было сохранение легитимности самого института монархии (именно института, а не персонального носителя монархической власти). Эта легитимность в рассматриваемый период несомненно перевешивала легитимность представительных учреждений. Именно этим обстоятельством объясняется крайне слабая поддержка населением России Государственной думы в условиях ее конфликтов с самодержавием.

В сравнительной перспективе можно констатировать сходство целей (модернизация права) и результатов (неполная реализация) политики абсолютистских государств.

Принципиальная составляющая процесса модернизации и реформ — бюрократизация управления. Известно, что абсолютизм как политическая система представляет собой новое качество в сравнении с традиционными феодальными монархиями. Традиционной организации власти и управления в мировой истории противостоит рационалистическое их устройство. Процесс рационализации управления, проявляющийся в реформах, охватывает при этом самые разные стороны жизни — экономику, социальные отношения, политику, сферу культуры. Однако наиболее четко он проявляется в организации государственного управления — перестройке административного аппарата, правящего класса и бюрократии. Исходя из этого, становится более понятной логика реформ и контрреформ в русском историческом процессе, выдвинутые модели общественного переустройства²⁹.

История России дает три модели реформ (и их идеологического обоснования), направленных на модернизацию социальных отношений. Первая из них состоит в ускоренном догоняющем развитии, осуществляемом исключительно путем административного регулирования, нацеленного на быстрое достижение стратегических целей. Поскольку в общественном сознании место державы в мировой политической системе стереотипно определялось военным потенциалом, данный вариант модернизации часто бывает нацелен на достижение соответствующих результатов именно в этой области. Лучшим примером этого служат реформы Петра, в короткие сроки создававшего промышленность, налоговую систему, образование, армию и флот. Выбору подобного варианта способствует ряд исторически сложившихся предпосылок — слабость общества, авторитет государственной власти, не имеющей противовеса в виде сословно-представительных институтов, развитый бюрократический тип управления³⁰. При таком варианте быстрых реформ государство до предела напрягает общественные ресурсы, полностью перекрывая для этого механизмы социального контроля. Это приводит в свою очередь к отчуждению власти от народа и уже в силу этого порождает огромный резерв для контрреформ. Более того, проведение такой модернизации, подавляя демократические начала саморегуляции общества, в длительной перспективе ведет к обратному результату.

Другая модель модернизации представлена реформами 60-х годов XIX в., опиравшимися на поддержку более широких кругов общества, которым присуще осознание необходимости преобразований. Главной отличительной особенностью данной модели реформ являлось то, что она сразу законодательно провозгласила коренное социальное переустройство, что способствовало вовлечению в реформационный

процесс всех слоев общества. Реформа открыла возможности для участия общества в преобразованиях, имевших целью создание гражданского общества и правового государства. Ликвидация крепостничества, введение земского самоуправления, демократические реформы в области суда, образования и печати служили реальным основанием постепенной рационализации и европеизации общественных отношений, освобождения от традиционных институтов.

Третья модель связана с формированием достаточно широко социального движения, способного инициировать проведение реформ в направлении гражданского общества и правового государства. Анализ российского либерализма и конституционализма конца XIX — начала XX в. с этой точки зрения показывает, что они формируются в рамках определенной более широкой социальной системы, являясь в то же время ее важной самостоятельной частью и стабилизирующим фактором. Политическая философия русского либерализма и конституционализма представляла собой теоретическую парадигму, которая давала объяснение этого процесса и потому не утратила своего значения. Основными компонентами данной теории стали — обоснование возможности выхода из фундаментального социального конфликта не путем революции, а радикальных социально-экономических и политических реформ, целенаправленно осуществляемых государством; разработка модели перехода от авторитарного правления к современной плюралистической демократии при сохранении преемственности власти и легитимности правления; установление специфики теоретических оснований, стратегии и тактики конституционализма в условиях ускоренной политической модернизации³¹. Специфика российской ситуации по сравнению с государствами Западной Европы усматривается в сочетании аморфного общества и сильного государства, которая таит в себе большой конфликтный потенциал, но в то же время содержит инструмент выхода из кризиса. Им является государство, осознавшее свою историческую миссию социальных преобразований.

В контексте мировых процессов модернизации обращает на себя внимание сходство реформ и их идеологического обоснования в России с преобразованиями того же времени в странах Восточной Европы и Азии — Пруссии Бисмарка, Австрии в период «Компромисса» 1867 г., Оттоманской империи, Японии Мейдзи и Китае периода «100 дней реформ». Исследователи уже давно обратили внимание на тот факт, что по механизму проведения реформы 60-х годов XIX в. в России, а также сопутствующий им конфликт в общественной мысли, имеют много общего с преобразованиями эпохи Танзимата в Турции и Мейдзи в Японии, где правящая элита в своем стремлении к модернизации наталкивалась (как и в России) на значительные пережитки

традиционной культуры и вынуждена была считаться с существованием мощной консервативной оппозиции.

Процесс развития бюрократии, как показано в русской политико-правовой литературе, исторически связан повсюду с формированием современных национальных государств и отражает особенности их становления. В России рассматриваемого периода он представлен следующими фазами: эволюционное формирование приказной бюрократии в системе служилого государства³²; введение принципов рациональной бюрократии в период утверждения абсолютизма и реформ государственного строя XVIII в.³³; развитие бюрократии как особого социального слоя Нового времени, связанное с попытками движения в направлении гражданского общества и проведением либеральных реформ XVIII–XIX вв.³⁴ Наконец, заключительный этап формирования российской бюрократии связан с ограничением абсолютизма в период конституционных преобразований начала XX в.³⁵

В условиях разворачивавшегося конфликта между обществом и государством, реформ XVIII и особенно XIX в., бюрократия становилась важнейшим элементом, от позиции которого зависел в конечном счете поворот политики в направлении либеральных реформ или контрреформ. Это проявилось в ключевой роли «просвещенной» бюрократии в подготовке и проведении Великой реформы 1861 г., а затем — консервативной бюрократии в сворачивании процесса реформ после гибели императора Александра II в 1881 г. Особая роль государства и бюрократии в ходе реформ четко отражена в идеях и сочинениях основных политических деятелей — монархов от Петра Великого до Александра II, а также ключевых инициаторов реформ — М. М. Сперанского, П. Д. Киселева, П. А. Валуева, Я. И. Ростовцева, Н. А. Милютина, М. Т. Лорис-Меликова, С. Ю. Витте, П. А. Столыпина, цель которых состояла в превращении бюрократии в рациональный инструмент построения гражданского общества³⁶.

Тот факт, что бюрократия выступала не только инициатором, но и основным источником дисфункции при проведении реформ, делал необходимым преобразование самой административной службы. Концепция рациональной администрации (действующей на основании правовых норм, а не собственных предпочтений) — важный конструктивный элемент либеральных проектов административных реформ в России XIX в. Эта концепция включала пересмотр общего места бюрократии в политической системе (преодоление сращивания власти и собственности, высшей администрации с придворной средой, а фактически всем привилегированным классом землевладельцев); расширение социального контроля (в том числе на уровне местного земского самоуправления); правовое регулирование положения чиновничества; увеличение его независимости, с одной стороны, и ответственности с другой.

Можно констатировать сходство причин кризиса и крушения империй абсолютистского типа в начале XX в. Для объяснения целесообразно обратиться к социологической модели конфликта двух типов социальной интеграции — механической и органической (она была выдвинута Г. Спенсером и Э. Дюркгеймом). Для первой (механической интеграции) характерно стремление к достижению устойчивости за счет предельно централизованной системы управления, основанной на жесткой иерархической вертикали власти, таких ее параметрах как армия, полиция и бюрократия. Для второй (органической интеграции) характерна устойчивость, образуемая путем взаимодействия (и перекрестного наложения) многочисленных подразделений общества, при которой индивид оказывается включен в многообразные сети социальных отношений, ролей и статусов. Если первый тип интеграции кажется внешне более прочным, то это обманчивое впечатление. Именно второй тип имеет более устойчивый характер в силу большей гибкости и вариативности способов приспособления к изменению внешней среды. Если использовать этот теоретический подход к анализу европейских империй (для которых был характерен не органический, а именно механический тип интеграции), то становится понятно: основной причиной их кризиса и дезинтеграции стала невозможность приспособиться к быстро изменившимся условиям развития (все они погибли в условиях Первой мировой войны и революционных переворотов). Для Германской, Австро-Венгерской и Российской империй в равной мере оказалось невозможным осуществить бесконфликтный переход от одного типа интеграции к другому: во всех трех империях национализм выступил как новый доминирующий фактор социального развития (о его силе говорит тот факт, что он продолжает действовать до настоящего времени, причем независимо от форм политического устройства). Другой фактор дезинтеграции — эрозия монархической легитимности в условиях перехода к демократии. Третий фактор — внешний (война и распад государств под влиянием извне). Крушение абсолютистских империй имело, следовательно, системный характер. Эта участь постигла, однако, и пришедшие им на смену демократические правительства³⁷.

Таким образом, абсолютизм как форма становления и развития национальных государств — важная часть социально-политического и культурного наследия Европы. Практический интерес исследований данной проблемы состоит в том, чтобы выявить опыт больших империй, ставших основой и выдающимся проявлением интеграционных процессов в Европе. Мы видели, что они не только способствовали становлению современных национальных государств, но стремились поддерживать определенный консенсус в обществе, не закрывая при этом путей к его правовому и политическому просвещению.

Суммируем позитивный опыт абсолютистских империй: наднациональный характер власти (социальный арбитраж), оказавшейся способной длительное время поддерживать существование больших многонациональных государств; социально-политическая стабильность, которой иногда недостает современным демократиям; специфические механизмы разрешения конфликтов (сочетание легитимного применения государственного насилия с поиском консенсуса); в целом позитивная динамика развития абсолютистских систем в направлении гражданского общества и правового государства путем бюрократических реформ; наконец, значительный вклад монархических государств в мировую культуру (некоторые связывают его с высокими культурными запросами аристократической элиты, уровнем спонсорской деятельности, недостижимым при демократии, а также сохранением такого уровня интеллектуальной свободы для привилегированного слоя, который был утрачен в последующее время).

Проявлениями данной социальной функции абсолютистских государств становились — консолидация власти, унификация правовой системы, расширение и укрепление границ (в условиях естественной борьбы государств за выживание), стремление обеспечить подданным (гражданам) стабильное устойчивое развитие. Анализ правовых инициатив (кодификаций), а также систематических административных реформ показывает, что они стремились обеспечить правовое и рациональное управление. Абсолютизм определяется исходя из уровня национального самосознания, расстановки социальных сил в переходную эпоху от традиционного общества (феодализма или сословного общества) к гражданскому (демократии или массовому обществу), из присущего данной системе административно-правового регулирования (полицейское государство), структуры и функций бюрократического аппарата, из идеологии самого абсолютизма как неограниченной власти монарха во имя достижения «общего блага». Все эти подходы не исключают, но, скорее, дополняют друг друга в определении места абсолютистского режима при переходе от сословно-иерархического к гражданскому обществу. Указанные параметры, в принципе присущие всякой абсолютистской системе, реализуются в различной степени в национальных вариантах абсолютистских государств. Более конкретно — время существования империй связано с нахождением у власти крупнейших европейских династий — Бурбонов, Габсбургов, Романовых, Гогенцоллернов. Сравнительное исследование крупных империй выявляет сходство основ, стадий и форм развития. Оно позволяет указать на общие параметры кризиса этого типа государств.

Европеизация предстает как общий вектор развития абсолютизма в Новое время (в отличие от предшествующих и последующих стадий). Движение к гражданскому обществу и правовому государству

выступает как важная и осознанная элитой цель (за исключением периодов монархического произвола). Именно этим определяется такая характерная тенденция, как заимствование правовых норм с Запада или из римского права. Другой стороной того же процесса является отказ от религиозной нетерпимости. Следует подчеркнуть выраженный космополитический характер правящих династий и элитных групп (международные браки, путешествия, знание иностранных языков и чтение книг).

Эти позитивные стороны государственности имперского типа становятся очевидны при сравнении с той социальной катастрофой, которой сопровождалось крушение империй и последующее революционное разрушение цивилизационных основ общества.

Примечания

¹ Европейские монархии в прошлом и настоящем. М., 2001.

² *Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005.

³ Национализм в мировой истории. М., 2007.

⁴ *Beloff M.* The Age of Absolutism. 1660–1815. London, 1966; *Anderson P.* Lineages of the Absolutist State. London, 1974; *Mousnier R.* La Monarchie Absolue en Europe du V-e siècle a nos jours. Paris, 1982; *Dukes P.* The Making of Russian Absolutism 1613–1801. London, 1989.

⁵ *Ардашев П. Н.* Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902; *Кареев Н. И.* Западно-европейская абсолютная монархия XVI–XVIII вв. СПб., 1908; *Он же.* Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1908; *Ковалевский М. М.* История монархии и монархических доктрин. СПб., 1912; *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988.

⁶ *Hartung F., Mousnier R.* Quelques problemes concernant de la monarchie absolue // *Relazioni internazionale di science storiche.* Roma, 1955; *Mandrou R.* L'Europe «absolutiste». Raison et raison d'état. 1649–1775. Paris, 1977; *Meinecke F.* Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München, 1960; *Der Aufgeklärte Absolutismus.* Köln, 1974; Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964.

⁷ Дискуссия по этому вопросу была инициирована книгой: *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism. New Haven, 1957.

⁸ *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 637.

⁹ *Токвиль А. де.* Старый порядок и революция. М., 1905.

¹⁰ *Skocpol T.* States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1980.

¹¹ *Чичерин Б. Н.* Курс государственной науки. М., 1894–1896; *Кавелин К. Д.* Бюрократия и общество // *Собр. соч.* Т. 2. СПб., 1904; *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. СПб., 1903; *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права // *Собр. соч.* Т. 7–9. СПб., 1901–1904; *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. СПб., 1893.

¹² *Raeff M.* Comprendre l'Ancien Regime Russe. Etat et Societé en Russie Imperiale. Paris, 1982; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993; *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.

¹³ *Цвейгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. 1–2. М., 2000.

- ¹⁴ Пахман С. В. История кодификации гражданского права. Т. 1–2. СПб., 1876; Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России XVIII столетия. СПб., 1887; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1900.
- ¹⁵ Медушевский А. Н. Правовой дуализм в России и попытка его преодоления: Сравнительный анализ проекта гражданского уложения Российской империи // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 1 (50). С. 183–193.
- ¹⁶ Анненков К. Система русского гражданского права. СПб., 1894; Мейер Д. И. Русское гражданское право. СПб., 1910; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Казань, 1910.
- ¹⁷ Vom Untertan zum Staatsbürger: Das russische Modell // Staatsbürgerschaft in Europa. Hamburg, 2001.
- ¹⁸ Подробнее: Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
- ¹⁹ Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
- ²⁰ Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.
- ²¹ Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII в. М., 2008.
- ²² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1–2. СПб., 2003.
- ²³ Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. I–VI. М., 1911; Джанишев Г. А. Эпоха великих реформ. СПб., 1907; Корпилов А. А. Курс истории России XIX в. М., 1993.
- ²⁴ Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России XVIII — начала XXI в. М., 2005.
- ²⁵ Конституционные проекты в России XVIII — начало XX в. М., 2000.
- ²⁶ Stahl F. J. Das Monarchische Prinzip. Eine Staatsrechtlich–politische Abhandlungen zur Allgemeinen Verfassungsgeschichte. Göttingen, 1982; Hintze O. Das monarchische Prinzip und die konstitutionelle Verfassung // Hintze O. Gesammelte Abhandlungen. Bd. 1. Göttingen, 1962.
- ²⁷ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997; Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908; Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912; Герье В. И. О конституции и парламентаризме в России. М., 1906; Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1917; Милоков П. Н. Республика или монархия? Париж, 1929.
- ²⁸ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
- ²⁹ Модели общественного переустройства. М., 2004.
- ³⁰ Базер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.
- ³¹ Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М., 1998; Либеральный консерватизм: история и современность. М., 2001; Российские либералы. М., 2001.
- ³² Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- ³³ Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в.: формирование бюрократии. М., 1974.
- ³⁴ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- ³⁵ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. СПб., 1996.
- ³⁶ Общественная мысль России. Энциклопедия. М., 2005; Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996.
- ³⁷ Медушевский А. Н. Причины крушения демократической республики в России 1917 г. // Отечественная история. 2007. № 6. С. 3–27.

Феномен двуглавого орла: реальность и семантика

Государственность России не мыслится без ее символов. Главными символами России, как и любого другого государства, являются герб, флаг и гимн. Еще тридцать лет назад они были объектом изучения специальных (вспомогательных) исторических дисциплин — геральдики, сфрагистики, вексиллологии и т. д. с соответствующими историческими выводами и заключениями. В современных же исследованиях наблюдается интегрированность проблем символики, прежде всего государственной, в иные области научного знания — в политологию, философию, социологию, психологию. Политологи, например, считают, что государственные символы «выполняют важные политические и социальные функции, воплощая фундаментальные идеи, нормы и ценности... и, таким образом, являясь неотъемлемой частью политической культуры, удовлетворяя потребности в социальной ориентации граждан, в формировании гражданской идентичности. Благодаря их мобилизационному, легитимирующему и сплачивающему сообщество потенциалу, эти символы имеют значительное политическое влияние»¹.

Некоторые западные политологи применяют по отношению к разным (визуальным) политическим символам такие дефиниции, которые определяют их исключительно как категорию власти: «Политические (государственные) символы — это те, которые имеют значение для функционирования власти»². С данным определением можно согласиться, если учитывать адекватность восприятия государственных символов властью и обществом, что обусловливается, прежде всего, своеобразной «прозрачностью» знаков власти. И значимость государственных символов для общества в целом в большой степени зависит от того, насколько граждане идентифицируют себя с ними. Символика страны Советов, принятая большевистским руководством, утверждаясь в формах, соответствующих идеологическим конструкциям нового государства, была визуально доступна трудовому народу, а ее «прозрачность» «апеллировала к архетипам и ожиданиям масс»³.

Как показывает мировой опыт, хотя уже давно нет советского государства и символа его суверенитета — герба, переkreщенные серп и молот в качестве знака всевозможных левых движений, в том числе молодежных, участвуют в демонстрациях, маршах протеста — типа антиглобалистских — во всех странах света. Следует отметить, правда, что форма знака — это не изобретение большевиков. Они заимствовали его (в силу соответствия провозглашенных ими идей графическому изображению советского герба) в европейском

социал-демократическом движении⁴. В мирное протестное движение этот знак и вернулся.

В конце XX в. перед нашим обществом возникла дилемма выбора новых знаков государственного суверенитета, дважды в течение одного столетия подвергшихся изменениям в соответствии со сменой политических реалий. Герб, флаг и гимн новой России несмотря на то, что в декабре 2000 г. они утверждены законодательным путем, все еще неоднозначно оцениваются обществом, являясь предметом дискуссий, а иногда и более серьезных противостояний.

В настоящей статье речь пойдет о главном символе «триединства» — гербе, основу которого составляет двуглавый орел.

Введение новых государственных символов происходит почти одновременно в ряде европейских стран (бывшие, так называемые страны народной демократии). Легитимность новой символики обусловливается упрочением национальной идентичности, становящейся в 1989–1991 гг. актуальной в современном мире в силу процессов глобализации и интеграции. Последние способствуют «размыванию» идентичности, с одной стороны; с другой — подталкивают к восстановлению исторических корней. В результате бывшие, так называемые страны народной демократии, или вернулись к прежним, «досоветским» символам или создали новые политические знаки, в том числе и символы суверенитета своих стран на основе традиционности, сконструированных заново представлений о государственности и т. д.⁵ Иностранные ученые, анализирующие символику этих стран, отмечают, что не только в новых государствах, но и в реструктурированных, может возникнуть глубокий кризис в отношении политических символов⁶. К последним они относят Россию.

Вопрос о символах новой демократической России при всей кажущейся простоте — возвращение к старине, к традициям остается сложным, даже можно сказать, не совсем понятным для общества. Он «завязан» на российской событийности 90-х годов прошлого века, «нулевых» годах века нынешнего, на личностях, возглавлявших наше государство в это время, на их «командах», последователях, преемниках и противниках⁷.

Первый президент России Б. Н. Ельцин 30 ноября 1993 г. подписал Указ «О Государственном гербе Российской Федерации». В политизированном обществе начала 90-х годов XX в. всякое нововведение объяснялось прежде всего политикой. Этой точки зрения придерживались депутаты Государственной думы, которые должны были принять закон о государственных символах, в том числе и о гербе — двуглавом орле. Так, депутат В. В. Семаго на одном из заседаний, посвященных государственным символам, в частности, заявил: «Речь идет об обыкновенной политике. Была волна антикоммунизма, нужно было заменить те символы, которые были ненавистны людям,

сегодня приведшим (страну. — *Н. С.*) к ее нынешнему положению, и они сделали самое оптимальное из того, что могли»⁸.

Что же касается простых избирателей, то новый герб на заре возрождаемой суверенной России воспринимался многими по двуглавному орлу не иначе как символ Российской империи. На страницах газет и журналов читатели выражали к «царскому символу» в основном негативное отношение. Первоначально выбор демократов пал на двуглавого орла без монархических атрибутов. Эта «модель» пропагандировалась в СМИ в качестве проекта отличительного знака Российской Федерации. К сожалению, до телезрителей и читателей не доводились какие-либо сведения об этой эмблеме. А ведь она была одобрена Временным правительством менее чем через месяц после отречения от власти последнего российского императора, когда остро встал вопрос о создании печати нового правительства, исходящие от которого документы требовали легитимности. К решению вопроса о новом символе для печати были привлечены специалисты по геральдике и сфрагистике, художники. Один из них — Иван Яковлевич Билибин, член художественного объединения «Мир искусства», оформивший множество детских книг и сказок, прекрасный график, вместе со своим учеником Г. И. Нарбутом сотрудничавший в отечественных геральдических изданиях, нарисовал двуглавого орла для печати Временного правительства. Этого орла до сих пор называют «билибинским».

Изданные недавно «Журналы заседаний Временного правительства» свидетельствуют о дискуссии по поводу нового герба России, о намерении отложить окончательное решение вопроса о гербе до созыва Учредительного собрания. Сами геральдисты не были едины в выборе главной фигуры герба новой свободной России, однако настоятельная необходимость изготовления печати заставила их временно остановиться на двуглавом орле без каких-либо атрибутов ушедшей в небытие царской власти.

Высокохудожественно выполненный, как и все рисунки И. Библина, в условиях современной действительности орел приобрел гротескный характер. На страницах газет и журналов его называли «цыпленком табака», «чернобыльским мутантом» и т. д. Даже среди специалистов не было единства взглядов на данную эмблему. Одни видели в двуглавом орле «птичку с опущенными крыльями», тогда как другие считали ее великолепной «свободной, гордой и мощной птицей»⁹. Идея исторической преемственности, патриотизма, восхищения деяниями предков нашла отражение в новой форме двуглавого орла, которому «вручили» скипетр и державу, головы увенчали тремя коронами, а на грудь поместили Дракоборца. Однако эта форма герба, как, впрочем, и все другие варианты, вызвала недоуменные вопросы: «А зачем орлу три короны? Что они означают?», «Почему у

орла две головы?», «Почему в республиканском гербе присутствуют символы монархической власти — скипетр и держава?» И так далее... К сожалению, ответы должностных лиц, дававших интервью в период, когда вводился новый герб, были достаточно невразумительны и даже фантастичны. Например: «Три короны символизируют единство трех властей — законодательной, исполнительной и судебной»¹⁰. На что следовал новый вопрос: «А какая власть выше? Короны же расположены не на одном уровне?» О двух головах орла можно было прочесть, что орел смотрит в Европу и Азию, а скипетр и держава символизируют просто власть.

Постепенно, несмотря на все дискуссионные баталии, российское общество «смирилось» с новым государственным гербом, который становится неотделимым от его жизни. Все меньше насмешек над ним, столь характерных для 90-х годов XX в. Все больше он воспринимается как символ новой России. Его славят графоманы: «Россияне просто обязаны гордиться гербовым двуглавым орлом. И любить его не только за боевую славу, но и за то, что он — свой, исконный для всех — неславян и славян — общий. Настоящий символ Великой Державы»¹¹. Он украшает многие реконструируемые здания, например, здание Большого театра в Москве, и даже здание КГБ–ФСБ в Кирове как имперский символ¹². С ним каждодневно встречаются все жители России, ибо он изображен на монетах и бумажных купюрах¹³.

Хотя любой новодел не вызывает слишком сильных ностальгических чувств, однако визуальная пропаганда золотого двуглавого орла на красном поле — герба современной России — достигает позитивного отклика в обществе. Вспомним хотя бы реакцию на поднятие из воды подлодки «Курск» с изображением на носовой части золотого двуглавого орла на красном поле, который воспринимался как символ поднимающейся «со дна» России. «Пришлись по душе» воинские знаки различия, знамена частей и соединений российской армии, несущие изображение двуглавого орла, а также использование золотого двуглавого орла в системе государственных наград.

«Войти в смысл» средневековых символов, к числу которых относится двуглавый орел, современному человеку нелегко. Если бы с введением герба новой России в средствах массовой информации было обосновано появление двуглавой птицы возрождением традиций, о которых российский народ попросту забыл за семьдесят лет, следовало бы объяснить и некоторые геральдические особенности российского герба. Например, указать, что двуглавый орел Российской Федерации, строго говоря, выполнен по мотивам Малого герба Российской империи, а не повторяет его. Ибо прежний двуглавый орел был черным на золотом поле, а теперь — золотой на красном поле. По правилам геральдики перемена цветов свидетельствует о разных гербах. Три короны над головами орла появились в XVII в.

и означали они «три великих царства» — Казанское, Астраханское и Сибирское (так повелевал их трактовать послам, отправляемым в зарубежные страны, царь Алексей Михайлович). В это же время в лапах орла появляются скипетр и держава. Что касается формы крыльев двуглавого орла, их изменений на протяжении веков («число перьев в хвосте орла», по насмешливому замечанию знаменитого нумизмата А. В. Орешникова), степени раскрытости клювов, то эти детали связаны с манерой работы художников, резчиков матриц для печатей, монетных штемпелей. Заметные же отличия — количество корон над головами орла, наличие в его лапах «заменителей» скипетра и державы — венка, лент, стрел-молний, встречающихся в XVIII–XIX вв. на монетах¹⁴ и печатях, вызваны отсутствием (до середины XIX в.) государственного канона, регламентирующего как форму крыльев двуглавого орла, так и единство в компоновке всех атрибутов государственного герба.

Подробно вопрос об изменении конфигурации главной гербовой эмблемы Российской империи, времени и причинах появления отдельных компонентов герба на протяжении столетий рассмотрен в специальных работах¹⁵. Следует подчеркнуть, что существенное значение для развития российского государственного герба имеют два момента. Один — указ царя Алексея Михайловича 1667 г., в котором определяется двуглавый орел как «герб державный»¹⁶ в отличие от свидетельств ряда иностранцев, побывавших в «Московии» и приписывающих ей в качестве герба всадника, колющего копьем дракона. Второй основополагающий момент — высочайше утвержденные в XIX в. гербы Российской империи — Большой, Средний и Малый, с подробнейшим описанием гербов и соответствующих им печатей¹⁷. Помпезность этих гербов и несколько устрашающий, если говорить о хищно раскрытых клювах двуглавого монстра, вид орла вызывал скептическую оценку россиян.

Но все же современники, как правило, с большим пиететом относились к имперскому гербу; особенно патриотический экстаз усилился после реформ середины XIX в. в преддверии 400-летия его существования (официально — по печати великого московского князя Ивана III Васильевича 1497 г.). Один из авторов, например, прославляя российский государственный символ, писал, что герб в своей «пространной» форме «является эмблемой не только основных идей несокрушимого в своих устоях отечества нашего, а еще эмблематично изображает собою также и всю обширную государственную территорию, все земли, нераздельно составляющие государство Русское»¹⁸.

В официальных изданиях первых лет советской власти герб царской России, напротив, оценивался исключительно негативно: «Прежний государственный герб стал не только эмблемой русского империализма, но и наглядным доказательством порабощения от-

дельных народностей и земель (территориальные эмблемы вокруг и на крыльях двуглавого орла. — *Н. С.*) и свидетельством их позора и унижения»¹⁹.

Вторая половина XX в. характеризуется возрастанием интереса к вспомогательным историческим дисциплинам в целом, а в частности к геральдике. Среди различных направлений изучения отечественной геральдики высвечивается тема государственного герба Российской империи. Одной из первых работ этого времени, посвященных российскому двуглавному орлу, которая привлекла к себе внимание пафосом и необычным подходом, является эссе В. С. Новикова «Русский государственный орел. Мистерия 445-летней исторической эволюции».

Владимир Саввич Новиков, капитан российской императорской армии, награжденный Георгиевским оружием и орденом Святого Владимира 4-й степени, был тяжело ранен в Первую мировую войну и эмигрировал после 1917 г. сначала в Германию, а затем в Америку, где занялся художественной и писательской деятельностью. О российском гербе — двуглавым орле он начал писать еще в Германии, закончив работу в Америке. Рукопись привезли в Европу, и она была издана в Париже в 1966 г. В 1991 г. работа опубликована в России. Автор увидел мистические трансформации двуглавого орла, с его точки зрения необъяснимые. Тем не менее он интерпретировал судьбу России в том же мистическом ключе, что и изменение формы (клюва, крыльев, корон, хвоста и т. д.) двуглавой птицы. Безусловно, интересны, пусть и бессистемные, рисунки двуглавого орла, отсчет которого в русской жизни автор начинает с Ивана III.

Вопросы, связанные с происхождением герба, Новикова не слишком интересовали. Его труд не производит впечатления научной работы, хотя пафос патриотизма в отношении российского герба превалирует по сравнению с другими моментами и выглядит вполне искренне.

Этот «пафос патриотизма» сохраняется в работах, скажем так, ненаучного плана, посвященных двуглавному орлу, в особенности после 1993 г., когда указом Б. Н. Ельцина двуглавый орел в модифицированном варианте занял место герба Советского Союза. К таким произведениям можно отнести книгу художника В. А. Лебедева, книги типа брошюр Н. Н. Лысенко, Ю. Л. Кучера и др.²⁰ Материал в них вторичен, достаточно подражателен, например, в работе Лебедева даны рисунки, изображающие двуглавого орла в разных вариантах (подобно книге Новикова), которые к сути проблемы значимости двуглавой птицы в российской истории имеют мало отношения, хотя, как следует из патриотического кредо автора, изучать историю необходимо «с национальной точки зрения»²¹, а всякие источниковедческие экскурсы (типа: сравнение государственных печатей, идеоло-

гических концепций, властной атрибутики Российского и соседних государств), по-видимому, по мнению автора, антинациональны и непатриотичны.

В этом плане сугубо «патриотичной» выглядит концепция С. Е. Рассадина («Гнездо двуглавого орла»). Рассадин считает: «Образ двуглавого орла на территории России присутствовал на протяжении, по крайней мере, нескольких тысяч лет. Ее коренное население, как славянское, так и неславянское, издавна этот образ знало и почитало. И как раз с территории России, этой подлинной Страны Орлов, они разлетелись по всему миру»²². Вторым феноменальным «открытием» Рассадина (здесь у него имеются предшественники из числа авторов журнала «Гербовед») является теория о заимствовании двуглавого орла Византией «от народов Балтийского субрегиона». Он без должной критики цитирует не совсем разумные высказывания одного из них: «Этот факт, видимо, связан с появлением в 988 г. в Константинополе варяжской дружины. Ее воины могли нести на своих щитах раннегеральдические изображения, среди которых находилась и эмблема жертвенной птицы»²³ (рассеченная тушка сокола, ворона и т. д. — *Н. С.*).

Между тем проблема реконструкции национальной идентичности, ключевым моментом которой является воссоздание объективной картины исторического прошлого нации, занимает все более прочные позиции в современном гуманитарном знании. Некоторые авторы отмечают значительную роль государственной символики в процессе поисков истоков национальной идентичности, подчеркивая наличие и особую значимость у символов древней истории²⁴.

Проблема двуглавого орла является одной из важнейших, когда речь идет о научном исследовании символов власти России. Как главный элемент российского герба он впервые появляется на печати 1497 г. великого московского князя Ивана III Васильевича. Эта своеобразная точка отсчета его значимости для нашего государства позволяет подчеркнуть несколько аспектов, из которых можно выделить наиболее спорные: является ли двуглавый орел гербом Византии; из Византии ли Московия заимствовала эмблему двуглавого орла, поместив его на государственной печати, а затем сделав основной фигурой герба; какова история возникновения эмблемы в виде двуглавого орла, время превращения ее в гербовую фигуру в разных странах света²⁵.

Российский ученый Н. П. Кондаков еще в начале XX в. заметил, что «двуглавый орел имеет свою иконографию религиозного происхождения, идущую из глубокой древности переднеазиатских государств»²⁶. Его высказывание относится к эмблеме — двуглавному монстру. Другой известнейший российский ученый Н. П. Лихачев анализировал высказывания соотечественников относительно заим-

ствования великим князем Московским Иваном III государственной печати, а вместе с тем и двуглавого орла из Византии. Он считал, что «московское правительство не могло заимствовать непосредственно из Византии того, что та не имела»²⁷. Основную причину появления печати с двуглавым орлом в Московии Лихачев видел в установлении контактов Ивана III с императорами Священной Римской империи, которые к тому времени обладали подобной печатью. В Византии же согласно исследованиям крупнейшими учеными (Ф. Дэльгер, Карайяннопулос Й.) византийских актов печатей с двуглавым орлом обнаружено не было.

Аналогичная мысль была высказана американским ученым Г. Эйлифом, который включил вопрос о появлении на Руси двуглавого орла в контекст своего труда, посвященного происхождению московского самодержавия²⁸. По его мнению, ни женитьба на Софье Палеолог (1472 г.), ни осторожные попытки принять императорский титул не вызвали использование в качестве государственного атрибута двуглавого орла.

Только в результате контактов с правителями из дома Габсбургов (конец 1480 — начало 1490-х гг.), которые посылали ему грамоты, скрепленные императорской печатью с двуглавым орлом, Иван III, отчаянно борющийся, по свидетельству Эйлифа, за императорский титул как внутри страны, так и за ее пределами, причем еще до женитьбы на византийской принцессе, начал употреблять печать с двуглавым орлом — императорским знаком первого европейского монарха.

В 40–80-е годы XX в. историки разных стран включают вопрос о двуглавом орле в контекст исследований по российской истории XV–XVI вв. (П. Э. Шрамм, М. Хеллманн, Ф. Кэмпфер, Г. Штёкль, П. Ниче — ФРГ, Г. Эйлиф, Н. И. Ульянов — США, К. Хойницк — Польша и др.). Практически все они отрицательно относились к версии получения Иваном III (через брак с Софьей) государственного герба — двуглавого орла из Византии. Многие подчеркивали, что «византийская культура не знала геральдики и гербов и, следовательно, двуглавый орел никогда не был гербом византийского императора». К тому же многие сомневались в якобы большом влиянии Софьи Палеолог на ее мужа — Ивана III. Подобные сомнения высказывались и отечественными историками (Н. П. Лихачев, В. Савва, К. В. Базилевич) еще в начале и первой половине XX в.

Неизменный интерес вызывает не только возникновение российского герба в виде двуглавого орла, но и сама история эмблемы. Начиная с середины XX в. ряд европейских ученых (А. В. Соловьев, Дж. Герола, Э. Корнемани, М. Хеллманн, П.-Э. Шрамм, Г. Штёкль и многие другие²⁹) тщательно анализировали истоки ее появления, семантику функции. В результате сложилась следующая схема су-

ществования данной эмблемы в контексте мировой истории. Появление и использование двуглавой «расплющенной» птицы характерно для культур ранних обществ, о чем свидетельствуют изображения двуглавых птиц (не только орла, но и уток, петухов — в культурах сибирских народов) в разных регионах мира (двуглавые хищные птицы известны даже у древних народов Центральной Америки). Изображение в клювах орла солнечных дисков свидетельствует об отнесении двуглавого орла (как и одноглавого) к солнечному культу. Этим объясняется утверждение двуглавой птицы, прежде всего в странах, связанных с древнейшими цивилизациями, как традиционного элемента их культуры, переданного народам иных культур и сопредельных территорий. Переход от сакральности к декоративности подобных изображений отмечают многие исследователи. Однако представления о соотношении орла с вершиной Мирового дерева («древа жизни», «космического древа», представляющего собой образ мифопоэтического сознания, воплощающий универсальную концепцию мира), с «высшим началом», по-видимому, выводит его из чисто декоративных рамок, делая своеобразным властным атрибутом: одноглавый римский орел может восприниматься как символ империи, когда увенчивает скипетр Карла Великого; двуглавый орел как властный символ изображался на месопотамских печатях, на монетах мусульманских правителей XII–XIII вв. В Византии двуглавый орел известен с эпохи Комнинов прежде всего в виде рисунка на тканях, воспринимавшегося как элемент восточного орнамента. А. В. Соловьев³⁰ особо подчеркивал, что эта двуглавая птица не несет геральдического смысла. Однако он допускал, что Палеологи, которым удалось объединить всю Морею, ставшую накануне падения Византии ее оплотом, продлившим на какое-то время существование государства, действительно использовали в качестве герба двуглавого орла. Этот факт, по мнению исследователя, и служит отправным пунктом мифа о гербе Византийской империи в виде двуглавого орла, объясняет превращение его в некий символ национальной греческой идеи, ее бессмертия и надежды на возрождение.

Со времени широкого распространения в Западной Европе гербов (XIII–XIV вв.) в балканских странах и Византии двуглавый орел известен как неофициальная эмблема. Он помещается на мелких болгарских и византийских монетах, в 1970 г. найдена болгарская бронзовая матрица печати с двуглавым орлом, двуглавый орел украшает надгробие болгарского царя Ивана Александра, капитель из дворца Великого Тырнова и т. д.³¹ Известен он и на Руси: на мелких монетах тверского и московских князей, как декоративный элемент дверей Суздальского Рождественского собора XIII в. Двуглавого орла встречаем также на монетах Артукидов XIII в., на мелких золотоордын-

ских монетах и на мелких же серебряных западноевропейских монетах XIII–XIV вв. и т. д.

Установление турецкого владычества на Балканах сделало двуглавого орла своеобразным символом борьбы, придав эмблеме, хоть и неофициально-геральдическое, но значение объединительного знака в Болгарии, Сербии, Румынии, Албании. В эпоху Возрождения создается миф о двуглавом орле как гербе Византийской империи (система гербов в Западной Европе к этому времени утвердилась, и создать этот миф как противовес турецким притязаниям обстоятельства позволяли).

Развитие герботворчества в Западной Европе способствовало упрочению и узаконению государственных гербов во многих странах. Как предполагают исследователи, личным знаком императора Священной Римской империи Фридриха I с XII в. становится одноглавый орел, в XIII в. источники упоминают о гербе империи — также одноглавом орле. Вместе с тем уже в XIII–XIV вв. широкое распространение как гербовая фигура в дворянских и городских гербах получает двуглавый орел, который в начале XV в. известен как герб императора Священной Римской империи, а в начале XVI в. становится гербом этого государства³². Черный двуглавый орел в конце XV в. как лично-государственная эмблема привлек внимание великого московского князя Ивана III.

Семантические метаморфозы поистине космической эмблемы, каковой является двуглавый орел, требуют более тщательного анализа, чем те исследования, в которых двуглавый орел выступает в гербовой «ипостаси». «Догербовая» семантическая сущность двуглавого монстра может быть раскрыта при помощи специфической методики, которую продемонстрировала известный археолог М. А. Дэвлет в ряде недавно опубликованных статей³³. Исследуя наскальные изображения (на оленных камнях), она выделила изображения знамен с драконом или в форме дракона (так называемые драконовы знамена), проследив форму подобного знака, его происхождение и функции у различных народов в разные времена — от Китая до Германии и Великобритании.

В подобном ракурсе эмблема двуглавого орла изучалась, например, болгарскими учеными Б. Филовым и особенно В. Ангеловым³⁴. Воссоздать целостную картину феномена до конца неразгаданной эмблемы представляется возможным, исследуя ее в двух параметрах: территориальном — от Северного Китая, Индии, Ирана, Ирака, Турции, Южной Сибири, Закавказья до Балкан и Западной Европы³⁵ и хронологическом — от III тысячелетия до н. э. до XX в.³⁶, что и предстоит еще сделать.

Примечания

- ¹ *Зверев А. Л.* Государственный символизм в образе современной России // *Образы государств, наций и лидеров.* М., 2008. С. 87.
- ² *Морис-Георгица Г.* Политические символы // *Элементы теории политики.* Ростов н/Дону, 1991. С. 346.
- ³ *Соболева Н. А.* Из истории советской политической символики // *Отечественная история.* 2006. № 2. С. 109.
- ⁴ См. об этом: *Соболева Н. А.* Из истории советской политической символики.
- ⁵ *Osteuropa.* 53 Jg., 7/2003. S. 909–1014.
- ⁶ *Ibid.* S. 1010.
- ⁷ Подробнее об этом см.: *Соболева Н. А.* Символика России 90-х гг. XX в. — начала XXI в. в государственной политике и общественном дискурсе // *Historical Yearbook.* Vol. VIII. Bucharest, 2011. P. 1–30.
- ⁸ Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 69. 1994. 7 декабря. С. 43.
- ⁹ Народный депутат. 1991. № 5. С. 78.
- ¹⁰ Их ответы публиковались на страницах центральных и местных газет. См., например: *Тысячелетие двуглавого орла (без подписи)* // *Российская газета.* 3.12.1993.
- ¹¹ *Рассадин С. Е.* Гнездо двуглавого орла. Минск, 2008. С. 94.
- ¹² *Вятский культурный журнал «Бинокль».* 13.06.2004. С. 1–2.
- ¹³ В настоящее время двуглавый орел без корон, скипетра, державы, других атрибутов трактуется как эмблема Банка России.
- ¹⁴ *Узденников В. В.* Геральдическое оформление российских монет. 1700–1917. М., 1998. С. 19–28.
- ¹⁵ *Соболева Н. А., Артамонов В. А.* Символы России. М., 1993; *Соболева Н. А.* и др. Гербы городов России. М., 1998. С. 83–136.
- ¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее — ПСЗ). СПб., 1830. Т. I. № 421.
- ¹⁷ ПСЗ–2. СПб., 1858. Т. XXXII. Отд. I. № 31 720; ПСЗ–3. СПб., 1886. Т. II. № 1035, 1159; Т. III. № 1402.
- ¹⁸ *Воронец Е. Н.* Четырехсотлетие российского государственного герба. Харьков, 1898. С. 38.
- ¹⁹ *Дунин-Борковский К.* Герб // *Энциклопедия государства и права.* М., 1925. Т. I. Вып. 2. С. 576.
- ²⁰ *Лебедев В. А.* Двуглавый орел России. М., 1995; *Лысенко Н. Н.* Русская государственная символика. Л., 1990; *Кучер Ю. Л.* Государственные символы и награды Российской Федерации. М., 1999.
- ²¹ *Лебедев В. А.* Указ. соч. С. 24.
- ²² *Рассадин С. Е.* Указ. соч. С. 35.
- ²³ Цит. по: *Рассадин С. Е.* Указ. соч. С. 82.
- ²⁴ *Зверев А. Л.* Указ. соч. С. 89.
- ²⁵ Самый известный геральдист современности Мишель Пастуро (Франция), связывающий возникновение гербов и формирование их облика исключительно с западноевропейской историей, подчеркивает, что «орел — единственная звериная фигура, которую позволительно изображать двуглавой. Наиболее известен двуглавый орел в гербе Священной Римской империи германской нации, окончательно утвердившемся в царствование императора Сигизмунда» (*Пастуро М.* Геральдика. М., 2003. С. 58).
- ²⁶ *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 116.

- ²⁷ *Лихачев Н. П.* Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М., 1911. С. 43.
- ²⁸ *Alef G.* The Origins of Muscovite Autocracy the Age of Ivan III // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte.* В. 39. Berlin, 1986.
- ²⁹ Обзор этих работ см.: *Соболева Н. А.* Печать 1497 г. — историко-художественный памятник Московской Руси // *Труды Института российской истории РАН.* 1999–2000. Вып. 3. М., 2002. С. 34–38, 50.
- ³⁰ *Solovjev A. V.* Les emblème heraldiques de Byzance et les Slaves // *Seminarium Kondakovianum.* Praha, 1935. VII. P. 132.
- ³¹ *Миятев Кр.* Една надгробна скулптура от двореца в Търново // *Сборник в чест на Г. Кацаров.* Т., П., 1955. С. 345 и далее; *Попов А.* Царски монограми и хералдически изображения от Търновград (XIII–XIV век) // *България 1300.* Институции и държавна традиция. Т. II 1982. С. 334–351.
- ³² *Hye F.-H.* Der Doppeladler als Symbol für Kaiser und Reich // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung.* Bd. 81. H. 1. Wien; Graz, 1973.
- ³³ *Дэвлет М. А.* Щит и знамя // *Археологические материалы и исследования Северной Азии древности и средневековья.* Томск, 2007; *Ее же.* Щиты и их изображения на оленных камнях // *Проблемы современной археологии.* М., 2008. С. 108–111.
- ³⁴ *Филов Б.* Старобългарското искусство. София, 1924. С. 10–11; *Ангелов В.* Семантичните метаморфози на двуглавия орел // *Български фолклор.* София, 4/1991. С. 23–36; *Его же.* Мит и фолклор. София, 1999. С. 178–193.
- ³⁵ С образом двуглавого орла исследователи встречаются в современном государстве Шри Ланка: *Краснодембская Н. Г.* Птица в быденном и сакральном пространстве в культуре сингалов (Шри Ланка) // *Азиатский бестиарий.* СПб., 2009. С. 137. Массоны знакомы с ним в Шотландии («Двуглавый орел служит эмблемой древнего и принятого шотландского ритуала»): *Соловьев О. Ф.* Массонство. М., 2001. С. 281.
- ³⁶ Известны изображения двуглавого орла в Хеттском царстве и городах Шумера от III тыс. до н. э., а как художественный элемент — в церквях Болгарии (резьба, рельефы) даже в XIX в. См.: *Ангелов В.* Указ. соч.

А. Б. Каменский

К вопросу о становлении русской исторической науки

Примерно с середины XIX в., когда русскими историками были сделаны первые попытки осмыслить накопленный опыт, сложилось представление о возникновении исторической науки в России в начале XVIII в., т. е. тогда же, когда в ходе петровских преобразований наука вообще впервые появляется как самостоятельная сфера человеческой деятельности, а с основанием в 1725 г. Императорской академии наук приобретает институциональный характер. За своего рода точку отсчета была взята деятельность В. Н. Татищева, которого принято считать первым русским ученым-историком. Подобные представления об истории русской исторической науки преобладали и в советское время, хотя уже на его излете были сделаны попытки связать ее начало с именами живших во второй половине XVII в. Андрея Лызлова, Игнатия Римского-Корсакова и др.¹ В наши дни, од-

нако, многие исследователи, работающие в рамках науковедческих подходов, придерживаются точки зрения, согласно которой «становление истории как полноценной науки» в современном ее понимании не только в России, но и в мире в целом происходит не ранее середины–конца XIX столетия, когда утверждаются общественные науки «с собственными предметными областями» (психология, социология, антропология, политология, экономика) и одновременно происходит «возведение истории в ранг науки»². Одним из важнейших показателей появления истории как науки считают возникновение в университетах исторических факультетов. В связи с этим сегодня исследователи осторожно говорят о XVIII в. как о времени перехода «от накопления исторических знаний к научному освоению исторического материала», отличающемуся «от предшествующего более научным подходом к истории»³.

Вполне очевидно, что за этими разногласиями стоит различное понимание существа науки и ее отличия от иных форм знаний о прошлом. Столь же очевидно и то, что становление исторической науки — это длительный процесс, связанный с формированием научных представлений о прошлом и выработкой научных методов его изучения. Сама идея создания исторического факультета не может возникнуть без представления об истории как самостоятельной науке, о ее объекте и предмете, ее методе, без сложившихся исследовательских практик. Представляется, что окончательное разделение истории и естествознания, а также выделение иных социальных наук можно трактовать как завершающий этап процесса превращения истории в полноценную науку, истоки которого применительно к России вполне оправданно искать в начале XVIII в.

Связывая начало русской исторической науки с деятельностью Татищева и других его современников, исследователи традиционно и совершенно справедливо отмечали, что им принадлежат первые авторские труды по русской истории, имеющие признаки научного исследования, поскольку, в отличие от предшествующей летописной традиции, эти труды были основаны на изучении и сравнительном критическом анализе различных исторических источников. Действительно, научное знание о прошлом тем в первую очередь и отличается от иных его форм, что находится исключительно в рамках того, что историк обнаруживает в источниках. С этой точки зрения достаточно очевиден и вклад в начало научного изучения русской истории Г. Ф. Миллера. Ему не только принадлежат первые в историографии труды по целому ряду проблем отечественной истории, положившие начало нескольким важнейшим направлениям, но весьма значительна и его роль в расширении источниковой базы исторических исследований за счет привлечения делопроизводственных и актовых

документов, а также источников иностранного происхождения. Собственно именно Миллер был первым исследователем, обратившимся с научными целями к архивным документам. Само слово «источник» в знакомом нам значении было впервые употреблено именно в его трудах. Хорошо известна и роль ученого в институциональном становлении исторической науки в России⁴.

Однако наука не сводится лишь к содержательной части знания и даже к научно обоснованным методам. Наука — это еще и определенные, принятые научным сообществом практики, формы представления и распространения результатов исследования, их апробации и оценки в соответствии с определенными критериями — формальными, либо неформальными, но также принятыми коллегами по цеху. Именно с этой точки зрения в данной статье и предлагается предложить посмотреть на деятельность Миллера и его вклад в становление российской исторической науки. Но прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению этой темы, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Как известно, Миллер — одна из самых спорных фигур отечественной историографии. Его оценки как историка были чрезвычайно популярными не только в советское время, но и до революции, когда на эти оценки не влияли идеологические мотивы. Если К. Н. Бестужев-Рюмин называл Миллера «отцом русской истории»⁵, то в работах С. М. Соловьева, П. Н. Милюкова и др. историк предстает своего рода ремесленником, чернорабочим от истории, не способным подняться до вершин аналитических обобщений⁶. По-видимому, дело в том, что единственный историк того времени, кто не только не создал, но даже не пытался создать крупный обобщающий труд по истории России, подобный сочинениям Татищева и Щербатова, и таким образом предложить собственную концепцию русской истории, — Миллер очевидно проигрывает на фоне своих современников. За исключением многотомной «Истории Сибири», он не создал крупных исследований, а основным видом его научной продукции были тематические статьи, в лучшем случае небольшие монографии, посвященные отдельным историческим сюжетам. Однако в этом смысле он оказывается гораздо ближе к современным историкам со свойственной им специализацией, чем те же Татищев или Щербатов. Но если в наше время историки специализируются, как правило, по определенным периодам русской истории, а чаще даже по конкретной тематике в рамках этих периодов, работая при этом в одном из направлений исторической науки, то специальностью Миллера была история России как таковая. Это естественно, поскольку сам объем накопленных исторических знаний был еще минимален, а проблемное поле русской истории не разработано. К тому же само историческое знание

еще носило целостный характер, и еще не произошло разделения на социальную, политическую, экономическую историю и т. д.

От современников Миллера отличало и еще одно обстоятельство: в России XVIII в. он был единственным, для кого занятия историей были работой, за которую он получал жалованье, а не увлечением. В этом смысле, хотя Миллер и не получил непосредственно исторического образования, о нем можно говорить, как о первом русском профессиональном историке. При этом изначально историк оказался в уникальной и идеальной для исследователя ситуации: перед ним был предмет исследования, о котором у него не было практически никакого предварительного знания. Не существовало и историографии, которую необходимо было бы изучить, и на которую можно было бы опереться. Но зато был необъятный массив неизученных источников, и нужно было лишь время для того, чтобы приобрести опыт и выработать приемы работы с ними.

Только с учетом этого можно правильно оценить и резкие суждения о Миллере-историке, принадлежащие Н. Н. Оглоблину, который обвинил Миллера в небрежном копировании документов во время путешествия по Сибири и таким образом поставил под сомнение его источниковедческие достижения⁷. Однако эта критика не учитывала как раз то, что никакого опыта подобного рода работы у Миллера, как, впрочем, и ни у кого другого в России того времени еще не было, как не существовало еще никаких правил и археографических приемов. Им только предстояло быть выработанными в ходе практической деятельности. Миллер к тому же, приступая к этой деятельности, еще не владел русским языком, и документы для него первоначально копировали служащие местных сибирских учреждений. Между тем, по словам С. В. Бахрушина, «в 1733 г., из Петербурга выезжал еще новичок, приступавший лишь к работе над историческими источниками. Через десять лет Миллер вернулся уже выдающимся специалистом не только в области истории, но и географии и этнографии... десять лет Камчатской экспедиции создали Миллера как ученого европейского масштаба»⁸.

Второе обстоятельство, которое необходимо принять во внимание, рассматривая вклад Миллера в становление русской исторической науки, связано с общими тенденциями развития исторического знания рассматриваемого времени. Начиная с Эпохи Возрождения трудами ряда французских, немецких, итальянских и др. авторов была постепенно разрушена целостность образа европейской истории и на основании древности отдельных европейских народов выражены претензии на их первенство. Обосновывалось место этих народов в Истории, сами они признавались *историческими*, а историческое знание становилось средством легитимации политических претензий, а

также формирующейся идеи нации и национальной идентичности⁹. В России начала XVIII в. соответствующих текстов еще не существовало, а сама потребность в них возникла и была осознана после петровских реформ, изменивших статус страны и ее место в мире, а главное — сформировавших представление о государстве, как самостоятельном субъекте, отделенном от государя и, по словам самого Петра, «врученном» ему для управления. Но одновременно с этим в XVIII столетии завершается отделение гражданской истории от церковной, и важнейшей приметой исторического знания в Европе становятся рационализм и стремление к объективности. Появляются сочинения, «свидетельствующие об упрочении аналитического подхода к истории», причем «сама идея просвещения с неизбежностью усиливала прагматический компонент исторического знания»¹⁰.

Возникшая в ходе петровских реформ Российская империя, созданная на основе идеи рационального регулярного устройства, нуждалась, как уже сказано, в легитимации, в том числе средствами истории. Опоры в виде исторических знаний требовал также начавшийся заново, на новой основе процесс формирования национальной идентичности, но знаний уже иного, чем прежде, секулярного и верифицируемого характера. По мере формирования на протяжении столетия национального самосознания интерес к прошлому все более усиливался, а на смену свойственной соратникам Петра гордости за «Россию молодую» приходила характерная для эпохи Екатерины Великой гордость за многовековую историю страны. Причем это было не просто обретение заново собственной истории, утерянной в ходе радикальной трансформации. Это было содержательно новое знание, в фокусе которого была уже не история отдельных родов, необходимая для местнических счетов, и даже не история только правящей династии, но собственно история страны, хотя и ориентированная преимущественно на историю русской государственности. Наконец, в отличие от летописной традиции предшествующих веков, стимулом к познанию прошлого было не стремление зафиксировать события земной жизни для отчета на Божьем суде¹¹, а сочетание осознания утилитарного значения истории для политических и воспитательных целей с характерной для эпохи Просвещения жадной жаждой знания как такового. Иначе говоря, формирующаяся заново версия прошлого России, так же как в Европе в целом, должна была иметь гражданский, секулярный характер, что полностью соответствовало и духу петровских преобразований.

Будучи человеком своего времени, Миллер разделял характерные для него взгляды на значение исторического знания и уже в своем проекте Исторического департамента Академии наук в 1746 г. писал: «Каждому человеку... в истории необходимая нужда есть; она обыкновенно называется зеркалом человеческих действий, по которому

о всех приключениях нынешних и будущих времен, смотря на прошедшие, рассуждать можно»¹². За годы жизни в России Миллер несомненно, как свидетельствовал А. Л. Шлецер¹³, стал патриотом своей второй родины, а приобретенный здесь опыт научил его тому, что «историческая правда» может быть политически опасной. Однако в том, что касалось научных исторических изысканий, Миллер стоял на, очевидно, объективистских позициях, утверждая, что историк «должен казаться без отечества, без веры, без государя... все, что историк говорит, должно быть строго истинно, и никогда не должен он давать повод к возбуждению к себе подозрения в лести»¹⁴. Собственно тут и крылось основное расхождение между Миллером и Ломоносовым. Как верно заметил А. С. Мыльников, в дискуссии Ломоносова с Миллером 1749–1750 гг. «столкнулись два методологических подхода — один, представленный Миллером, восходящий к рационалистической критике раннего немецкого Просвещения, и другой, представленный Ломоносовым, сочетавший просветительские представления с элементами поэтики русского барокко, сцементированные идеями национального патриотизма»¹⁵. Настаивавший на различении исторического исследования и «панегерической речи» и считавший, что негативные примеры из прошлого имеют не меньшее воспитательное значение, чем положительные, Миллер, вместе с тем, в отличие от своего оппонента, очевидно, не ставил перед собой цель создания национального исторического дискурса, рассматривая свою задачу не как политическую или патриотическую, но как сугубо научную, исследовательскую, связанную с производством нового знания.

С этой позицией Миллера, думается, связан и его отказ от попыток написать историю России, подобную «Истории» Татищева и, таким образом, предложить собственную концепцию русской истории в целом. Знакомый с «Историей Российской» Татищева по рукописям, хранившимся в Академии наук, и позднее сделавший много для ее издания, Миллер сознавал, что для того, чтобы подняться на новый уровень обобщения и осмысления прошлого, необходимо было прежде определить, чем и как следует заниматься, освоить иные виды источников, разработать методику их поиска, изучения, публикации и интерпретации. Необходимо было определить круг вопросов, поиск ответов на которые следовало вести в первую очередь и без разрешения которых любой сводный труд по русской истории стал бы лишь новой компиляцией так или иначе уже известных сведений и подражанием Татищеву. Еще в 1732 г., имея минимальный опыт занятий историей, он писал, что «история Российского государства и принадлежащих к нему стран представляет столько трудностей, что написать о ней систематическое сочинение едва ли можно надеяться в двадцать и даже более лет»¹⁶.

Еще одно обстоятельство, на которое следует обратить внимание, это, конечно, то, как Миллер был подготовлен к занятиям русской историей. Закончив гимназию в родном Герфорде, будущий историк России поступил в университет Ринтельна, а затем продолжил образование в университете Лейпцига, где в 1725 г. получил степень бакалавра. Здесь он учился у Иоганна Бурхарда Менке, который в свою очередь был сыном Отто Менке — основателя и издателя первого германского научного журнала — «Acta eruditorum». После смерти отца Менке-сын продолжил его дело, а с 1715 г. он также издавал на немецком языке «Новые ученые ведомости» («Neue Zeitungen von Gelehrten Sachen»). Менке имел звание саксонского историографа и являлся автором сочинения «Писатели германской истории, особенно саксонской» («Scriptores rerum Germanicarum, praecipue Saxonicarum»), впрочем, вышедшего в свет уже спустя несколько лет после отъезда Миллера в Россию. Помимо этого, Менке писал стихи и был основателем местного поэтического общества («Deutschübende poetische Gesellschaft»), но более всего он прославился в качестве автора серии лекций «De Charlataneria Eruditorum», явившихся первыми в раннем немецком просвещении сатирическими сочинениями, направленными на борьбу с лжеучеными¹⁷. Менке был также обладателем обширной библиотеки, которой Миллер имел возможность пользоваться.

По мнению С. С. Илизарова, в студенческие годы на историка России могли оказать влияние еще два человека — Иохан Кристоф Готтшед и Даниэль Георг Морхоф¹⁸. Первый из них, впоследствии прославившийся как писатель, критик, теоретик литературы и издатель журналов, появился в Лейпциге в том же 1724 г., что и Миллер, в качестве домашнего учителя детей Менке и в том же году защитил диссертацию. С Готтшедом Миллер, несомненно, был знаком и позднее состоял в переписке. О влиянии на него Морхофа — немецкого писателя и ученого XVII в., автора сочинения «Полигистор...» («Polyhistor, sive de auctorum notitia et rerum commentarii») — своего рода энциклопедии знаний и учености того времени, упоминал сам Миллер¹⁹.

Канадский биограф Миллера Джером Блэк называет еще одно имя — ученика Лейбница, Иоганна Якоба Маскофа, автора 10-томного сочинения «Geschichte der Teutschen bis zu Anfang der frankischen Monarchie». Блэк особо подчеркивает, что Маскоф «использовал критические методы для определения достоверности источников, цитировал их в точности, как в оригинале и, хотя относился к ним с уважением, как к реликтам минувших веков, опроверг многие распространенные легенды»²⁰.

Следует заметить, что Лейпцигский университет был одним из лучших и наиболее известных университетов Германии того времени,

однако чему именно учился там Миллер и, в частности, чему он учился у Менке, не вполне ясно. Очевидно, что учился он на философском факультете, который в то время давал общее образование энциклопедического типа. В связи с этим вряд ли прав был П. Н. Милюков, указывавший на отсутствие у Миллера «строгой школы и серьезной ученой подготовки»²¹. Во многих российских биографиях историка упоминается, что Миллер слушал курс Менке по журналистике, но происхождение этих сведений не вполне понятно, как неясно и что представлял собой этот курс. С. С. Илизаров в новейшей биографии Миллера уточняет: «Миллер прослушал первый в Германии курс *истории журналистики*» (курсив мой. — А. К.), не сообщая, однако, источник этих сведений²².

Не исключено, что подобная версия возникла под влиянием знаний о журналистской деятельности Менке, тем более что и сам Миллер внес существенный вклад в развитие русской журналистики. В 1728 г. он основал первый русский журнал «Примечания к Ведомостям», а несколько позднее и первый исторический журнал — «Sammlung Russischer Geschichte»²³. С 1755 по 1764 г. под редакцией Миллера выходил журнал Академии наук «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», ставший образцом для ряда новых журналов и явившийся, по сути, первым русским «толстым журналом».

Следует заметить, что основание Миллером первого русского журнала²⁴ произошло спустя лишь несколько десятилетий после возникновения научной журналистики в Западной Европе. Между тем появление первых научных журналов, в свою очередь, ознаменовалось рождением нового научного жанра — журнальной статьи исследовательского характера. До этого основными научными жанрами были трактат, диалог и письмо.

В России первые научные статьи были опубликованы именно в «Примечаниях к Ведомостям». В основном это были статьи профессоров Академии наук по математике, астрономии, химии, естествознанию, палеонтологии и т. д. Были здесь и публикации по истории²⁵. Среди них и написанное Миллером редакционное предисловие к «Примечаниям к Ведомостям» 1729 г., в котором он приводит краткие исторические сведения по истории европейской журналистики. По мнению С. С. Илизарова, это был «первый в своем роде исторический очерк на русском языке», который «был сочинен в 1728 г., то есть на заре формирования русского научного языка»²⁶. Однако очевидно, что изначально предисловие было написано Миллером по-немецки, а затем переведено на русский язык, поскольку сам историк русским языком в это время еще не владел. Во-вторых, по жанру это не статья, а именно предисловие, да к тому же достаточно краткое, занимающее в современной публикации лишь две страницы, из которых только

одна посвящена непосредственно истории журналистики²⁷. Но что самое главное: это сочинение Миллера не носит исследовательский характер.

Другим, уже сугубо научным изданием²⁸ были начавшие издаваться в том же 1728 г. на латинском языке «*Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae*», где печатались труды петербургских академиков, обозначавшиеся как «диссертации» и «мемуары». Первый том этого издания был переведен на русский язык и вышел под названием «Краткое описание Комментариев», в которое вошли и три сочинения Г. З. Байера по древней истории. Впоследствии, однако, «*Commentarii...*» на русский язык уже не переводились и издавались только на латыни (до 1751 г.). При этом по своей сути это был не журнал, а, согласно современной терминологии, скорее, продолжающееся издание, носившее характер своего рода отчета Академии наук о своей работе²⁹.

В первом же томе нового журнала была опубликована статья Миллера «О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя». Стоит при этом отметить, что данная статья — едва ли не единственная из многочисленных трудов Миллера, опубликованных в «Ежемесячных сочинениях», которая не была издана по-немецки в «*Sammlung Russischer Geschichte*», но появилась только на русском языке. Эта небольшая по объему статья занимает в современном издании 10 страниц печатного текста. Начинается она с небольшого введения, в котором автор определяет значение труда Нестора, отмечает его уникальность, говорит о необходимости издания его летописи, а также «Истории» Татищева, а затем формулирует цель собственного «исследования»: «объявить о преподобном Несторе и о тех, кои летопись его продолжали». Обращает на себя внимание тот факт, что свою статью Миллер определяет словом «исследование». Согласно «Словарю русского языка XVIII века», это слово в значении «научное сочинение» еще не получило в это время широкого распространения. Словарь приводит лишь два примера: название переводного сочинения А. Д. Кантемира, относящегося к началу 1740-х гг., и публикацию в «Санкт-Петербургском журнале» 1798 г.³⁰ Статья же Миллера, напомним, вышла в 1755 г.

Сопоставляя далее тексты Киево-Печерского патерика, Четых миней и самой Начальной летописи, Миллер переходит к доказательству авторства Нестора. Следующий вопрос, которым он задается, — дата рождения Нестора. Историк устанавливает ее опять же путем сравнения различных сведений самой Начальной летописи с житиями Феодосия и Антония Печерских. Затем Миллер ставит вопрос, ставший впоследствии одним из ключевых в истории русского летописания, — о том, «сколь долго Нестор жил и как далеко дошел в сочинении своей летописи». В поисках ответа на этот вопрос историк

идет тем же путем, что и все последующие исследователи: он анализирует текст самой летописи и вступает в связи с этим в полемику с Татищевым — своим единственным предшественником. Наконец, заключительная часть статьи содержит краткий обзор истории русского летописания вплоть до XVII в. В завершение Миллер возвращается к вопросу об издании Несторовой летописи, на сей раз уже на иностранных языках, «дабы тем скоряе... другие европейские народы... могли оным пользоваться и сим способом выти из той темноты, в которой они по сие время в разсуждении древней Российской истории находятся». Стоит отметить, что в тексте статьи имеются цитаты из анализируемых источников, некоторые из них вынесены в подстрочные примечания. В самом начале статьи автор обозначает, что пользуется изданием Киево-Печерского патерика 1702 г., хотя лишь один раз указывает страницу, на которой находится цитируемый им текст.

Статья Миллера «О первом летописателе Российском преподобном Несторе» была первой специальной работой, посвященной истории русского летописания и, таким образом, положила начало одному из важнейших направлений отечественной историографии. Но по существу это была и первая журнальная статья исследовательского характера по истории на русском языке. Между тем нетрудно заметить, что она содержит фактически все компоненты, ставшие впоследствии обязательными для этого жанра научной работы и, следовательно, задала своего рода образец формата исследовательской статьи.

Совершенно очевидно, что обоснование проблемы и ее значимости, определение цели исследования в наше время являются обязательными компонентами не только научной статьи по истории, но и вообще всякого научного исследования. Однако современное историческое исследование, в том виде, как оно сложилось в отечественной традиции, имеет особый компонент, только для него носящий обязательный характер, — обзор источников. Первая попытка подобного рода была сделана В. Н. Татищевым в его «Предъизвещении» к «Истории Российской». «Отец русской истории» перечисляет довольно значительное число различных, в основном нарративных источников — летописи, хронографы, степенные книги, свадебные разряды, жития святых, а также авторские сочинения А. Палицына, А. Курбского, А. Лызлова, С. Медведева, А. А. Матвеева и др. Упоминает он и «дипломатические» документы, скопированные им в архивах Казани, Астрахани и Сибири. Некоторым из источников Татищев дает краткие характеристики относительно степени их достоверности. Порядок перечисления им использованных источников выглядит следующим образом: 1) Повесть временных лет; 2) Хронограф; 3) «Синописис» И. Гизеля; 4) летописи; 5) «дипломатические» документы; 6) авторские сочинения; 7) свадебные разряды; 8) агио-

графическая литература³¹. Этот перечень весьма далек от какой-либо систематизации источников, соотносимой с принятой в современном источниковедении.

Миллер посвятил обзору источников несколько страниц своего предисловия к «Истории Сибири». Однако, упомянув в нем о найденных в Сибири архивных документах и высоко оценив их значение, главное внимание историк уделил сибирским летописям, довольно подробно остановившись на характеристике различных списков. Спустя несколько лет после завершения работы над «Историей Сибири», в 1761 г. Миллер продолжил «Историю Российскую» Татищева своим «Опытом новейшая истории о России». Обзор источников в этом сочинении свидетельствует об определенной эволюции Миллера как ученого.

Основная часть «Опыта» была опубликована по-немецки в четырех выпусках пятого тома «Sammlung Russischer Geschichte», а первая часть — в том же году в трех номерах «Ежемесячных сочинений». «Опыт» начинается пространным авторским обоснованием избранной темы. Миллер приводит два основных резона. Во-первых, он считал необходимым продолжить «Историю» Татищева «для приведения в некоторое совершенство всея Российской Истории». Во-вторых, он указал на воспитательное значение истории: «Когда вся история должна из примеров показывать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки, то не токмо похвальные дела производят сие действие, но и рассказывание о порочных, безрассудных, дерзновенных, изменнических и безчеловечных делах в себе содержат толь много полезного, что еще казаться может сомнительным, имеют ли в том преимущество благополучнейшие и достохвальнейшие случаи, что касается до пользы в нравочении и политике. Человеку сродно взирать на доброе дело... яко на обыкновенное, без великаго возторга. Но злое возбуждает ужас, когда живо изображается. Пускай порок примет вид добродетели, сколь долго может; время делает оной известным и мерским»³².

Покончив с общими рассуждениями, Миллер переходит к обзору источников, оговаривая при этом, что он посвящен только русским источникам. Их обзор Миллер строит в следующей последовательности: 1) летописи; 2) хронографы; 3) степенные книги; 4) «Летопись о многих мятежах»; 5) «Ядро Российской истории» А. И. Манкиева; 6) родословные и разрядные книги; 7) «архивные письма», т. е. делопроизводственные документы. Каждому из этих видов источников историк дает краткую критическую характеристику, включающую его происхождение, сведения о различных списках и различиях между ними с точки зрения характера и полноты информации. Так, например, характеризуя списки Степенной книги, Миллер отмечает, что большинство известных ему списков насчитывает 17 степеней,

некоторые включают и 18-ю, т. е. правление царя Федора Иоанновича, а другие содержат и сведения более позднего времени, но «без числа степеней». Поскольку основной объем информации в Степенной книге связан с церковными делами, а «о светских делах иное пропускали», историк делает вывод о составлении книги представителями церкви. Говоря о разрядных книгах, Миллер впервые в историографии определяет их назначение как местнических справочников, а заодно дает характеристику самому местничеству как важнейшему социальному институту и рассказывает о его отмене, сопровождавшейся уничтожением разрядных книг. Что же касается «архивных писем», то автор «Опыта» поясняет, что речь идет о документах, найденных им в местных сибирских архивах и, в первую очередь, в архиве Чердыни. Далее Миллер выражал надежду на то, что еще более ценные документы будут найдены в московских архивах, и признавался, что именно обнаружение этих документов в архивах Сибири побудило его к написанию «Опыта»³³. Стоит заметить, что Миллер в это время, по-видимому, еще не знал о московском пожаре 1626 г., уничтожившем значительную часть документов Смутного времени, что впоследствии дало повод известному русскому археографу П. М. Строеву патетически воскликнуть: «Что бы было с временами Лже-Дмитриев и смутного правления бояр в Междоцарствии... если б Миллер, один Миллер, не восстановил их актами, кои он открыл в пыли городских архивов Сибири»³⁴.

Присмотревшись к обзору источников в «Опыте» Миллера, нетрудно заметить, что по составу и построению он очень близок к принятой в современной науке классификации письменных источников по истории России XVI–XVII вв. Единственная «ошибка», с этой точки зрения, это помещение Миллером между «Летописью о многих мятежах» и разрядными книгами авторского сочинения Манкиева. Однако и тут прослеживается определенная логика: и «Летопись», и «Ядро Российской истории» историк рассматривает как нарративные источники, по своему авторскому характеру примыкающие к летописям, хронографам и Степенной книге и отличающиеся от вышедших из стен государственных учреждений родословных и разрядных книг, а также делопроизводственных документов.

Статья о летописании и «Опыт» были далеко не единственными сочинениями Миллера, опубликованными в «Ежемесячных сочинениях» в течение десяти лет их существования. Как уже говорилось, журнал сыграл существенную роль в развитии русской журналистики. Влияние публикаций в этом журнале, а также многочисленных сочинений Миллера, написанных в московский период его жизни (1765–1783), исследователи обнаруживают в творчестве таких деятелей русской культуры, как Я. Б. Княжнин, А. Н. Радищев, Н. И. Новиков и др. Но несомненно, что они оказали влияние и на историков

следующего поколения. «Скрытые цитаты» из трудов Миллера можно обнаружить не только у Н. М. Карамзина, но даже у жившего много позже В. О. Ключевского. Гораздо сложнее определить влияние этих трудов на становление научных жанров русской исторической науки, закрепление форм представления и распространения результатов исторических исследований. Однако можно утверждать, что к уже признанным заслугам Миллера перед русской исторической наукой нужно добавить и его вклад в профессионализацию в России самого, по выражению М. Блока, «ремесла историка», превращение истории из литературы в науку и формирование научной среды, в которой «известия» о прошлом из познавательного и назидательного рассказа постепенно превращались в предмет научного исследования и обсуждения.

Примечания

- ¹ См.: *Чистякова Е. В., Богданов А. П.* «Да будут потомкам явлено»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988; *Богданов А. П.* Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994.
- ² *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т. 1: Конструирование прошлого. С. 292–295; *Они же.* Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы историю. М., 2008. С. 21.
- ³ *Дворниченко А. Ю.* О периодизации и содержании курса русской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. История. Вып. 4. С. 32. Выражение «более научный подход» вряд ли можно признать удачным: подход может быть либо научным, либо ненаучным.
- ⁴ См. подробнее: *Каменский А. Б.* Судьба и труды историографа Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 374–415.
- ⁵ *Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 210.
- ⁶ *Соловьев С. М.* Герард Фридрих Мюллер (Федор Иванович Миллер) // Современник. 1854. № 9; *Милоков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.
- ⁷ *Оглоблин Н. Н.* Герард Миллер и его отношение к первоисточникам // Библиограф. 1889. № 1; *Он же.* К вопросу об историографе Миллере // Библиограф. 1889. № 8–9.
- ⁸ *Бахрушин С. В. Г. Ф.* Миллер как историк Сибири // *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 17.
- ⁹ См.: Национальная идея в Западной Европе в Новое время: Очерки истории / отв. ред. В. С. Бондарчук. М., 2005.
- ¹⁰ *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Знание о прошлом: Теория и история. СПб., 2006. Т. 2: Образы прошлого. С. 535.
- ¹¹ См. об этом: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 40–41; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- ¹² *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России: Избранное. С. 355.

- ¹³ Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь. СПб., 1875. С. 25–26.
- ¹⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 148–149; Пекарский П. П. История императорской Академии наук. Т. 1. СПб., 1870. С. 381. Ср. с замечанием Щербатова, на взгляды которого Миллер оказал значительное влияние: «Не состоит должность историка самому повествование писателей, из которых выбирает деяния историческая, переменить. Может он учинить некоторые размышления по случаям обстоятельств бывших дел, но никогда до самых дел для того, что они благопристойнее и сходственнее были бы с обстоятельствами, касаться не может, ибо сие было бы писать роман, а не историю» (Письмо кн. Щербатова, сочинителя Российской Истории, к одному приятелю с оправданием на некоторые сокрытые и явныя охуления, учиненныя его Истории от г-на генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древняя и нынешняя России г-на Леклерка. М., 1789. С. 29–30).
- ¹⁵ Мыльников А. С. Славянская тема в трудах Татищева и Ломоносова: опыт сравнительной характеристики // Ломоносов: Сб. статей и материалов. Т. 9. СПб., 1991. С. 35.
- ¹⁶ Цит. по: Белковец Л. П. Россия в немецкой исторической журналистике XVIII в.: Г. Ф. Миллер и А. Ф. Бюшинг. Томск, 1988. С. 65.
- ¹⁷ См.: Gombosz I. De Charlataneria eruditorum: Iohann Burkhard Mencke as a forerunner of the enlightened satire // Daphnis: Zeitschrift für Mittlere Deutsche Literatur. 1999. Vol. 28. № 1. P. 187–200.
- ¹⁸ Илизаров С. С. Герард Фридрих Миллер (1705–1783). М., 2005. С. 19–20.
- ¹⁹ «С моей юности и до моего возвращения из поездки в Англию, Голландию и Германию, я был под влиянием полигистории самое большое морховского типа: ученой истории, познаний, которые добываются в библиотеке» (Миллер Г. Ф. История императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // Миллер Г. Ф. Избранные труды. М., 2006. С. 644).
- ²⁰ Black J. L. G.-F. Muller and the Imperial Russian Academy. Kingston; Montreal, 1986. P. 5.
- ²¹ Милоков П. Н. Указ. соч. С. 67.
- ²² Илизаров С. С. Указ. соч. С. 17, 22.
- ²³ Относительно определения данного издания как исторического журнала среди исследователей, впрочем, нет единства (см.: Мохначева М. П. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. Кн. 1. М., 1998. С. 255–257).
- ²⁴ Его полное название было «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях».
- ²⁵ См.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 64–72.
- ²⁶ Илизаров С. С. Указ. соч. С. 23.
- ²⁷ Миллер Г. Ф. Благосклонный читателю // Миллер Г. Ф. Избранные труды. С. 711–712.
- ²⁸ «Примечания к Ведомостям» определяются историками русской журналистики как научно-популярный журнал.
- ²⁹ См.: Берков П. Н. Указ. соч. С. 72–76.
- ³⁰ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. СПб., 1997. С. 145.
- ³¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1. М.; Л., 1962. С. 79–92.
- ³² Миллер Г. Ф. Опыт новейшая истории о России // Миллер Г. Ф. Избранные труды. С. 158–159.
- ³³ Там же. С. 159–163.
- ³⁴ Цит. по: Барсуков А. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 69.

Закон и гражданин (К истории политического сознания в России второй половины XVIII в.)*

Актуальность и продуктивность использования исследовательских приемов *Begriffsgeschichte* или *History of Concepts*¹ давно уже признана многими специалистами. Методы *понятийной истории* позволяют глубже проникнуть в текст источника и получить результаты, которые сложно было заранее спрогнозировать.

В данной статье предпринята попытка анализа смыслового содержания таких важнейших понятий русского языка XVIII столетия, как *закон* и *гражданин*. Семантическое исследование этих понятий позволит углубить представления о механизме и результативности действия социального контроля престола, самоидентификации власти, ценностных приоритетах и повседневной жизни высшего сословия. В работе учитывались не только ясно артикулированные определения слов *закон* и *гражданин* в официальных источниках и документах, исходящих из наиболее образованной среды, но и обстоятельства «бытования» этих понятий, т. е. некоторые социальные практики, так или иначе, с ними связанные. Сравнительное сопоставление терминологии различных по своему авторству, социальным функциям и видовой принадлежности источников еще раз подтвердило, что язык является и индикатором, и катализатором глубинных процессов, происходящих в общественном сознании, которые не всегда прочитываются при иллюстративном использовании документов. Тем не менее несколько прояснившаяся картина оказалась достаточно противоречивой и даже парадоксальной.

Закон в «регулярном государстве»

Понятие *закон* в русском языке XVIII столетия было многозначно и имело отношение к социальной, религиозной, духовной сферам жизни современников. На основании словаря русского языка XVIII в. можно выделить целый ряд определений, демонстрирующих богатейшее смысловое наполнение этого понятия. В рассматриваемый период различали *гражданский, криминальный, всемирный, откровенный, обычный закон; закон христианский, магометанский, еврейский, идо-*

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

лопоклоннический; закон чести, закон Моисеев, закон движения, закон математический и т. д.²

Для понимания внутреннего мира человека XVIII столетия особое внимание следует обратить на соотнесение *закона государственного и Божественного*. В «Генеральном плане московского воспитательного дома» так и провозглашалось — «человек живет по законам государственным и Божественным»³. Однако анализ частной переписки, воспоминаний и публицистики обнаружил слабую корреляцию между религиозной верой и правовым сознанием на уровне повседневной практики. Зато в законодательных актах апелляция к догматам Нового и Ветхого Завета встречалась довольно часто. Содержание исходящих от престола указов свидетельствовало, что власть прагматично использовала авторитет веры для усиления идеологической составляющей своих указов. Так, например, многочисленные обращения к священному писанию содержались в обширной «Сентенции о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников». Аргументация необходимости жестокого наказания была усилена цитатами из Книги Премудрости Соломона, четвертой книги Моисеевой, Евангелия от Марка, Матвея, Иоанна, послания апостола Павла к римлянам и первого послания апостола Павла к коринфянам. В результате следовал очевидный вывод — «наистрожайшая смертная казнь предписывалась вам Божественными и гражданскими законами и вечная мука по священному писанию»⁴.

Христианские ценности в правовых актах использовались как мощное дисциплинирующее орудие и в то же время средство для смягчения нравов. Неслучайно «Устав благочиния или полицейский» начинался с изложения «правил добронравия», сформулированных в прямом соответствии с заповедями Нагорной проповеди: «не чини ближнему, чего сам терпеть не хочешь; блажен кто и скот милует, буде скотина и злодея твоего спотыкнется, подыми ее»⁵. Однако, несмотря на провозглашенный в «Присяге депутатам, вступающим в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения» тезис о том, что «правосудие истекает из правил богоугодных, человеколюбие вселяющих и добронравие»⁶, Екатерина предостерегала от смешения «оснований, долженствующих управлять людьми»⁷.

Понятие *закон*, так или иначе восходящее к высоким теософским смыслам пятикнижия Моисея и Нового Завета, в рассматриваемый период имело, разумеется, не только духовное, но и исключительно светское содержание и осознавалось современниками как главное орудие управления государством и главная прерогатива самодержца. В официальном и панегирическом контексте эта персона именовалась помазанником Божиим или Божиим министром и располагалась на самой вершине сословной пирамиды. Высочайшие решения реа-

лизовались с помощью *государственного закона*⁸, который получил как бы второе издание своего возвышенного смысла, но уже через сакрализованный образ светского правителя.

Политическая теория абсолютизма отличалась убежденностью в особой силе *регулярного* или *благоустроенного* государства, призванного установить разумный миропорядок. В рассматриваемый период сложился свой идеальный образ монарха, черты которого в той или иной степени должны были воплощаться в персонах реальных правителей. Одной из наиболее ярких эталонных характеристик венценосной особы века Просвещения считался дар успешного преобразователя, приобщающегося одновременно к искусствам и рациональным знаниям⁹.

Политическое мышление XVIII в. образ монарха-законодателя связывало не с безграничной властью, а с талантом верховного правителя. Еще современники главную заслугу Екатерины II видели в укреплении силы «российского главного права» и введении «непреложных законов», которые и составляют «тело государства»¹⁰.

Большая часть исследователей придерживается мнения, что именно с правления Петра I главным источником права становится *закон*, на протяжении XVIII в. подчиняющий своей регламентирующей силе все более обширное пространство социальной жизни. Теряющий значимость *обычай* продолжает оказывать еще осязаемое влияние лишь в среде крестьянства и сельской общины¹¹. В связи с этим в историографии выдвигается тезис об охранительном характере опирающегося на традицию законодательства в Московском государстве и реформаторской сущности правовой политики власти в XVIII столетии.

Действительно еще в 1722 г. был издан именной Указ «О хранении прав гражданских, о невершении дел против регламентов и имени сего указа во всех судебных местах на столе». В этом документе формулировались положения, гарантирующие полный приоритет закона в правовой сфере. Все чиновники строжайшим образом должны были опираться в своих действиях на регламенты, знать и точно понимать их содержание. О случаях неизбежно возникающих противоречий между казусом и законом, когда «такое дело, что на оное ясного решения не положено», предписывалось отправлять доношение в Сенат. В свою очередь от Сената и коллегий требовалось обобщать поступающие с мест данные и составлять «мнения», которые становились основой нового указа, скрепляемого именем императора и включаемого в единую систему регламентов. Иными словами, отрицалась традиционная система, когда «законы писались всеу, их не хранили или играли как в карты, прибирая масть к масти»¹². Очевидно, что в этом указе отразился факт возникновения нового правового пространства, которое будет развиваться на протяжении всего

XVIII столетия и основываться на следующих принципах: строгое следование законам, действующим на основе преемственности, целенаправленное устранение пробелов в нормативных актах, правовое просвещение должностных лиц и т. п.

Тем не менее единственным источником законов о «государственных генеральных делах» на протяжении всего столетия оставался самодержавный монарх: законодательство определялось волей императора и являлось ее выражением. Этот тезис сохранял свою актуальность на протяжении всего XVIII столетия и в практике принятия новых правовых актов, и в сфере общественного сознания, и в отношении самооценки верховной власти. Абсолютный правитель являлся главным субъектом законотворчества, поскольку право издания новых законов принадлежало только императору, а Сенат, Синод, коллегии и другие учреждения могли лишь обращаться к нему с предложениями. Подданные воспринимали решения самодержца как закон, что еще более возвышало образ монарха и препятствовало формированию собственно правового мышления у современников¹³.

В официальной доктрине вполне логично аргументировалось тождество воли монарха и закона, авторитет которого гарантировался «самодержавною, от Бога данною властью»¹⁴. «Общество не может быть без правления, — провозглашалось в «Генерал-прокурорском наказе при Комиссии о составлении проекта нового Уложения», — <...> соединение всех особенных сил составляет то, что называют состоянием государственным. Сия общая сила в России вручена одному и то есть ее естественное положение. <...> Империя перестала бы быть могущественна, если б инако управляема была»¹⁵. Несмотря на то что в первых строках Наказа Россия была провозглашена «европейской державой»¹⁶, официальная идеология постоянно настаивала на принципиальной особенности империи, определяемой ее громадной территорией. В документах, исходящих от престола, неоднократно отмечалось, что в «столь обширном» государстве возможно лишь единоличное самодержавное правление и крайне опасно любое «раздробление и ослабление» власти¹⁷. В данном контексте указывалось, что и Петр Великий понимал, насколько условия, обычаи и традиции России отличаются от «всех прочих европейских государств, кои он видел». Именно поэтому первый император «с удивительным разума своего прониканием узнал», что следует «ему самому всем управлять»¹⁸. Все усилия и Петра, и Екатерины II направлялись на «пользу Империи», «ибо сохранение в целости Государства есть самый высочайший закон»¹⁹.

Перу Екатерины принадлежит и собственная «Правда воли монаршей», которую она назвала «О преимуществе Императорского Величества»²⁰. Этот документ императрица тщательно прописала в черновом варианте, а затем подготовила беловую рукопись. Не-

опровержимые «преимущества» самодержавного правления были сформулированы в записке предельно четко: в руках монарха сосредоточена неограниченная власть, дающая ему исключительное право «чинить мир и войны», «посылать послов», «жаловать достоинство, чины, имение» «кому заблагорассудит», «простить вины» и помиловать.

Вслед за Петром, провозгласившим — «Его Величество есть Самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен»²¹, Екатерина столь же властно подводит в своей записке черту — император «отчету же в делах на сем свете не подвержен», а дает отчет и «благодарение Единому Творцу Нашему Богу»²². Однако подобная бесконтрольность оказалась обременительной прежде всего для абсолютной власти.

Монаршее слово и непрелюбые законы

На протяжении XVIII в. российские императоры сами неоднократно пытались разграничить любое «государево слово» и закон. Устные распоряжения противопоставлялись «письменным и зарученным» указам еще по Генеральному регламенту 1720 г. В традициях петровского законодательства параграф IV «Об исполнении указов» сопровождался доходчивым толкованием. Пояснялось, что словесные приказы пригодны только для подготовки письменных²³.

После смерти Петра I ставилось под контроль, прежде всего, содержание повелений, объявляемых от лица монарха, собственное же высочайшее слово не подлежало регламентации и имело силу закона. Однако определялись наиболее важные государственные дела — «выдача сверх штату денег и прочее тому подобное, что регламентам противно» — решение по которым должно приниматься только на основании указов, лично подписанных либо императрицей, либо членами Верховного тайного совета²⁴.

При Анне Иоанновне действие устных высочайших указов было ограничено лишь придворной сферой, «что до строения домов и садов наших надлежит». В масштабе же всей страны именной указ признавался действительным только за подписанием самой императрицы, или трех кабинет министров²⁵. В царствование Елизаветы Петровны слово монарха получает еще более жесткую регламентацию. В 1743 г. императрица предписала «в Сенат никаких предложений <...> без письменных наших указов за нашу рукою в действие не производить»²⁶. Петр III из компетенции устных распоряжений изъяснял решения о «лишении живота, чести и имения», «раздачу денежных сумм свыше 10 000 рублей», «награждение деревнями и чинами свыше подполковника». Также объявлялось, что словесные повеления императора не должны противоречить уже принятым законодатель-

ным актам и могут доводиться до сведения подданных лишь сенаторами, генерал-прокурором и президентами первых трех коллегий. Более того, император потребовал еженедельно предоставлять ему копии его же словесных распоряжений с «надлежащею отметкою об исполнении»²⁷.

3 июля 1762 г. Екатерина II практически полностью воспроизвела содержание этого указа, лишь через несколько месяцев включив генерал-адъютантов и правящего Кабинетом Ее Величества в круг государственных лиц, имеющих право объявлять словесные повеления высочайшей персоны. В начале 1763 г. список чиновников, провозглашающих государеву волю был дополнен за счет духовного ведомства обер-прокурором и членами Синода²⁸.

Так постепенно формировалось представление о законе как о воле государя, соответствующим образом зафиксированной и оформленной. При этом специфика законодательства как источника, рассчитанного не просто на провозглашение, а прежде всего на неукоснительное исполнение, определила характер наиболее важных нормативных актов. Особой значимостью были наделены именные своеручно подписанные указы, устанавливающие новые юридические нормы и доводимые до сведения всего населения, поскольку «закон силу свою приемлет от того времени, когда получен и обнародован будет»²⁹. Подобная тенденция в направлении разграничения слова императора и закона повышала ответственность венценосной особы за принимаемые решения и стимулировала рост уважения подданных именно к законодательному акту, а не к любой прихоти монарха³⁰.

По всей видимости, Екатерина сама признавала обязанность высочайшей персоны следовать установленным правилам. В Наказе было заявлено, что «воля государева» должна быть наблюдаема «сходственно с законами, во основание положенными, и с государственным установлением»³¹. Приблизительно к этому же времени относятся и признания императрицы, сделанные в «Собственноручном черновом проекте манифеста о престолонаследии», где она писала: «Испытав сердце наше, нашли мы во глубине оною твердое и *всегдашнее* желание исполнять <...> *все части законодательства нашего*, которому мы с 1766 года благополучное *начало положили* открытием комиссии об уложении»³². Неслучайно и французский посол Луи Филипп Сегюр отмечал, что «Екатерина никогда не действовала так произвольно, как ее министры. Особенно Потемкин миловал и наказывал помимо законов, даже таких, которых строгое исполнение необходимо для общественной пользы»³³. С точки зрения некоторых современников, своеволие вельмож отчасти ограничивалось примером императрицы, имеющим, как свойственно любой монархии, значительное влияние на подданных. Так камер-юнкер при дворе Екатерины II кн. Федор Николаевич Голицын в своих воспоминаниях точно подме-

тил: «Люди портятся без сомнения, но портятся от дурных примеров. Сии рассуждения опять меня обращают к Императрице. Во время ее царствования все было важно, почтено. Она умела себя так вести, что каждый вельможа ее почитал и любил и старался также на нее походить. Вольтер написал:

Когда Август пил, вся Польша была пьяна.

Вот как сильно действует над подданными пример государя! <...> Верховная власть не должна бы никогда выходить из круга, предписанного законами»³⁴.

Законодательство было главным каналом обращения престола к населению империи и потому наделялось не только контролирующей, но также и мощной воспитательной силой, что приводило к неожиданному соединению регулирующего и назидательного начала в текстах высочайших указов. Кабинет Екатерины II и Сенат обрушивали на подданных нескончаемый поток *манифестов, регламентов, учреждений, наставлений, уставов, инструкций* и т. д. Все эти правовые акты объединялись словом *указ* и были обязательны для неукоснительного исполнения. Но, в то же время, жанровая размытость законодательных документов второй половины XVIII в.³⁵ не мешала современникам придавать понятию *закон* более высокий и общий смысл, чем слову *указ*. Анализ языка, как официальных источников, так и источников личного происхождения свидетельствует, что человек XVIII столетия повиновался именно «законам», «поступал по точной силе закона», а иногда действовал «в ущерб закону» и за это нес наказание «по всей строгости закона»³⁶.

Императрица в свою очередь пыталась упорядочить запутанную юридическую терминологию. «Под словом *законы*, — писала Екатерина, — разумеются все те установления, которые ни в какое время не могут перемениться. <...> Имя *указы* заключает в себе все то, что для каких-нибудь делается приключений, и что только есть случайное и может со временем перемениться»³⁷. В данном контексте сближение понятий *закон* и *указ* происходило, если слово *указ* сопровождалось знаковыми определениями — *непременный, неперемняемый, фундаментальный* и даже *священный*³⁸. В Наказе созданной в 1767 г. Уложенной комиссии непосредственно было сказано — указы могут быть *завению преданные, вредные, темные*, и для того, чтобы знать «каким указам должно повиноваться», существуют *законы, основание державы составляющие, твердые и неподвижные*³⁹.

Непременные фундаментальные государственные законы и власть, и фрондирующая элита, следуя за догматами века Просвещения, наделяли особой силой, способной установить разумный порядок и привести к всеобщему благоденствию. Но если престол видел в них залог устойчивости самодержавного правления, то оппозиционно на-

строенная аристократия — определенную страховку от *самовластия*, когда «Государь <...> не может ознаменовать ни могущества, ни достоинства Своего иначе, как постановя в государстве своем правила непреложные, <...> которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным Государем». Так понятие *закон* постепенно превращалось и в орудие политического дискурса.

В общественно-политической лексике XVIII в. понятия *самовластие* и *самодержавие* имели разное, иногда даже противоположное значение⁴⁰. *Самовластие* отождествлялось с *беззаконием*, *деспотизмом* и очень часто с *фаворитизмом*, ненавистным для правящей элиты и дворянской родовой аристократии. Характерно, что последние наставления своему воспитаннику великому князю Павлу Петровичу граф Никита Панин выдержал в присущей ему стилистике семиотических сравнений.

Канцлер противопоставил такие понятия как: *просвещенный монарх*, располагающий *неограниченной властью*, или *самодержеи*, и *государственные законы*, с одной стороны, и *самовластие*, *тиранство*, *деспотическое правление*, *государев любимец* или *фаворит*, с другой. «Просвещенный МОНАРХ, облекшись в неограниченную власть, сам тотчас ощутит, что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла [...] ГОСУДАРЬ Самовластнейший на недостатке Государственных законов чаёт утвердить СВОЕ самовластие. Порабощен одному или нескольким рабам Своим, почему он САМОДЕРЖЕЦ? Разве потому, что САМАГО держат в кабале недостойные люди? [...] тщетно пишет Он новые законы: новые законы Его будут ни что иное как новые обряды, запутывающие старые законы, народ все будет угнетен, дворянство унижено, и несмотря на собственное Его отвращение к тиранству, правление Его будет правление тиранское, [...] все частные интересы, раздробленные существом деспотического правления, не чувствительно в одну точку соединятся. В таком развращенном положении, злоупотребление самовластия восходит до невероятности, и уже престаёт всякое различие между Государственным и ГОСУДАРЕВЫМ, между ГОСУДАРЕВЫМ и любимцовым»⁴¹.

Канцлер был убежден, что *фундаментальные законы*, составленные самим *самодержцем*, но *непременные* и для него самого, оградят страну от *деспотической тирании* или *самовластия*. Картина политического неблагополучия складывалась для Никиты Панина также из отсутствия действенных *новых законов*, *угнетения народа* и *унижения дворянства* как сословия, для которого особое значение имело представление о чести и достоинстве⁴². Завещание канцлера, записанное другом свободы Фонвизиним, через племянника писателя, будущего декабриста, станет вдохновляющим фактором для отважных моло-

дых людей Александровского правления, поддерживаемых мыслью, что и «отцы» мечтали о конституции. Однако в словах Панина, неопубликованных, необнародованных, доверенных перед смертью другу, и адресованных воспитаннику, речь идет вовсе не конституции, а об идее «самоограничения власти», которая как единственный монополюсный источник закона, собственно одна и может себя ограничить, а вернее ограничить свои пристрастия и зависимость от капризов любимцев. Данный тезис о законодательном «самоограничении» прерогатив императора был в целом самодержавным по своему пафосу.

«Где произвол одного есть закон, нет граждан»

Авторы правовых документов, а иначе говоря, *законоискусники*, в роли которых часто выступал сам *законоположник*, всемерно стремились повысить эффективность исполнения законов и усилить их регулирующую функцию социального контроля. Власть не просто жестко требовала исполнять всенародно объявленные указы, чтобы «неведением никто не отговаривался». Престол воспитывал у подданных уважение к закону, непосредственно связывая правовые акты с непререкаемым авторитетом правящей императрицы и акцентируя преемственность «подлежащих вечности законов» с указами предшествующих правлений. Екатерина пристрастно следила за четкими формулировками и ясным слогом законов, а также не допускала отмены уже провозглашенных указов. Она исходила в своих постановлениях из «здорового смысла», «природной склонности» подданных и «мыслей просвещенной части народа». Однако способность императрицы «уведывать» «мысли просвещенной части народа» точнее будет назвать умением манипулировать настроениями политической элиты, на которую собственно и была рассчитана регулятивная функция законодательства. Что же касается податных людей, составляющих большую часть населения империи, то закон для них был императивом без каких-либо толкований, а сами они сливались в безликую массу, обязанную поставлять рекрутов «по три человека с 500 душ».

Однако не только тот факт, что, как писал Радищев, «земледельцы и дондесь в законе мертвы»⁴³, но и целый ряд других обстоятельств придавали понятию *закон* в русском языке второй половины XVIII в. несколько умозрительный и идеальный смысл. Прежде всего в силу своих функций любой правовой акт отражает не столько реалии развития общества, сколько представление власти о том, каким оно должно быть. «Одной из основных особенностей русской культуры послепетровской эпохи, — пишет Ю. М. Лотман, — было своеобразное двоимирие: идеальный образ жизни в принципе не должен был совпадать с реальностью. Отношения мира текстов и мира реально-

сти могли колебаться в очень широкой гамме — от представлений об идеально высокой норме и нарушениях ее в сферах низменной действительности до сознательной правительственной демагогии, выражавшейся в создании законов, не рассчитанных на реализацию (Наказ), и законодательных учреждений, которые не должны были заниматься реальным законодательством (Комиссия по выработке нового уложения)»⁴⁴. «Сознательной правительственной демагогией», о которой упоминал Лотман, можно назвать репрезентативную функцию законодательства, призванного не только осуществлять социальный контроль, но и поддерживать величественный образ престола в восприятии подданных и позитивный образ империи в глазах европейского общественного мнения.

Кроме того, простая истина, что объявление указа «во всенародное известие» еще не означает его реализацию, придавало правовым актам оттенок некой идеальной абстракции, к которой необходимо стремиться. Неоднократное издание на протяжении правления Екатерины законов одного содержания свидетельствовало о сбое в их исполнении. Так с 1762 по 1796 г. было опубликовано более двадцати именных и сенатских указов, увещающих чиновников «воздерживаться от лихоимства», содержащих «меры к прекращению взяток», наказывающих за «корысть и отягощение народа поборами»⁴⁵. Как известно «сребролюбие» продолжало процветать, но при этом нельзя сказать, что закон был бессилён — настойчивость власти, осуждающей «гнусную наживу», задавала определенную нравственную планку и формировала систему предпочтений.

Особенности функционирования имперской бюрократической машины лишь усиливали размытость смыслового содержания понятия *закон*. Историк XIX в. А. Г. Брикнер в биографии немецкого теолога и педагога пастора А. Ф. Бюшинга воспроизвел разговор проповедника и основателя Московского воспитательного дома И. И. Бецкого. «Бецкой пригласил к себе Бюшинга, и, между прочим, обратился к нему с несколько щекотливым вопросом, как он думает об указах императрицы. “Эти указы, — замечает Бюшинг, — были наполнены общими размышлениями (*raisonnir*ende *Ukasen*)”. Ему было очень неловко ответить на вопрос Бецкого, однако с свойственной ему смелостью он сказал: “Указы отличны и делают честь ее величеству; нельзя, однако, не сожалеть о том, что они во всяком случае останутся бесплодными”. Бюшинг говорил о недостаточном развитии народа, о необходимости подвинуть вперед дело народного воспитания, об учреждении школ и проч.»⁴⁶.

Многие государственные чиновники плохо знали правовые акты, иногда «превратно» их толковали, порой следовали уже отменённым указам и даже позволяли себе собственное законотворчество⁴⁷. Непосредственным свидетельством превращения закона в некий

неосязаемый фантом являются практически ежегодно «объявляемые во всенародное известие» указы о «предоставлении рапортов об исполнении именных и сенатских указов». Все присутственные места обязаны были составлять реестры неисполненных указов и иметь в канцеляриях «записки» о поступивших из столиц правительственных бумагах, чтобы «непрестанно в памяти было». «Нерачительных» чиновников, допускающих «беззаконную волокиту», наказывали в соответствие со специально разработанной системой штрафов⁴⁸ или вообще отрешали от дел. Для канцелярий, коллегий и контор устанавливались сроки отчетов о получении высших распоряжений, сроки предоставления рапортов о ходе дел и окончательном исполнении указа, оговаривались случаи «вторичного указа» и даже ситуации, когда Сенат или кабинет императрицы вынуждены были отправлять «третий принудительный указ». Вспоминая о первых годах своего правления, императрица писала: «Сенат, хотя посылал указы <...> в губернии, но тамо так худо исполняли <...>, что в пословицу почти вошло говорить: «ждут третьего указа», понеже по первому и по второму не исполняли»⁴⁹.

Вообще «партикулярный» человек из среды высшего сословия скептически относился к возможности торжества закона в собственной жизни. Анализ прошений на высочайшее имя, которые, кстати сказать, могла позволить себе только политическая элита, обнаружил стоическую веру подданных лишь в милосердие императрицы⁵⁰. И. М. Булгаков, отправляя своему сыну, знаменитому дипломату Якову Ивановичу Булгакову, копию «с учиненного в Сенате о деревнях матери твоей беззаконного определения», писал: «Не можно ли к ее императорскому величеству послать письмо, дабы не царствовала неправда над правдою!» Во время препирательств с генерал-прокурором А. А. Вяземским по поводу оклада директора Академии наук Е. Р. Дашкова писала Екатерине II: «Смею просить Ваше Величество, дайте полную свободу Вашему великодушию в отношении меня, и я вполне уверена, что тогда мне окажут полную справедливость и даже впредь будут защищать от проявлений незаслуженного мною гонения»⁵¹. Попытка защиты собственных прав на основании закона была оправдана лишь в отношении других представителей политической верхушки, но никак не монарха. Поэт А. П. Сумароков мог гневно заявлять, что «фельдмаршал подчиняется законам, а не законы ему», «он полномочие имеет; однако полномочие его под законом, а не над законом», но при этом смиренно добавлял «я подданный ваш, а не его, всенижайший и преданнейший раб»⁵².

Никакой корреляции между существованием закона, правосудием, гарантированными привилегиями высшего сословия, с одной стороны, и надеждой на справедливость, с другой, в сознании дворянина не существовало. Высшие сановники, сенаторы, авторы много-

численных указов и манифестов, в случае необходимости даже не помышляли об апелляции к закону, а уповали только на высочайшую милость, расположение фаворита, а если повезет, и непосредственное обращение. В своих записках Державин, вспоминая о подготовке помещений Сената к заседаниям, воспроизвел сцену, в которую как поэт-классик вложил метафорический смысл. «[В] зал[е] общего собрания <...> между прочими фигурами была изображена скульптором Рашеттом Истина нагая, и стоял тот барельеф к лицу сенаторов; то когда изготовлена была та зала и генерал-прокурор князь Вяземский осматривал оную, то, увидев обнаженную Истину, сказал эзекутору: “Вели ее, брат, несколько прикрыть”. И подлинно, с тех почти пор стали более прикрывать правду в правительстве, потому что князь Потемкин не весьма любил повиноваться законам»⁵³.

Так ряд этимологических смыслов понятия *закон* замыкался в некий неразрывный круг, вращающийся вокруг слов *самодержавие, самовластие, произвол, подданные, государство* из знаменитого высказывания Панина-Фонвизина. «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей»⁵⁴. Кажется, преодолеть это завораживающее вращение можно было лишь через новый взгляд на понятие *гражданин*.

Гражданин и подданный

В русском языке XVIII в. термин *гражданин* выражал, прежде всего, взаимоотношения государства и личности и встречался в законодательстве, публицистике, а также в художественной и переводной литературе. На основании словарей XVIII в. можно было бы сделать вывод, что первоначальное значение слова *гражданин*, подразумевающее жителя города (града), сохраняло свою актуальность и в рассматриваемое время⁵⁵. Однако в данном случае словари отражают более раннюю языковую традицию. Неслучайно в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. жители городов именуются не просто «гражданами», а «верноподданными гражданами городов наших», которые по терминологии официальных документов Екатерининского царствования объединялись в неопределенную по своему социальному составу группу «в городе живущих», включающую «дворян», «купцов», «именитых граждан», «среднего рода людей», «городских обывателей», «мещан», «посадских» и т. д.⁵⁶ Показательно, что Павел I с тем чтобы выхолостить из понятия *гражданин* все в той или иной степени опасные для самодержавия смыслы, вынужден был волей императорского указа возвращать содержание

этого термина к своему первоначальному значению. В апреле 1800 г. приказывалось не употреблять слова «гражданин» и «именитый гражданин» в донесениях на высочайшее имя, а писать «купец или мещанин» и соответственно «именитый купец или мещанин»⁵⁷.

На мой взгляд, важнейшим этапом углубления смыслового значения понятия *гражданин* в русском языке второй половины XVIII в. стал «Наказ» Уложенной комиссии, в котором только этот термин, без учета таких выражений, как «гражданская служба», «гражданская свобода» и т. п., встречается более 100 раз, в то время как упоминаний слова «подданный» насчитывается лишь 10. Для сравнения следует отметить, что в законодательных актах второй половины XVIII в. это соотношение выглядит приблизительно как 1 к 100 и свидетельствует о достаточно редком употреблении понятия *гражданин* в официальных документах рассматриваемого периода. В «Наказе», лишенном жестких регламентирующих функций и основанном на трудах Монтескье, Беккариа, Бильфельда и других европейских мыслителей, возникал абстрактный образ «гражданина», имеющего в отличие от «ревностного российского подданного» не только обязанности, но и права. «Имение, честь и безопасность» этого отвлеченного социального субъекта, проживающего в некоем «благоустроенном умеренности наблюдающем государстве», охранялись одинаковыми для всех «сограждан» законами⁵⁸. Гигантское расстояние между социальной утопией «Наказа» и реальностью не умаляет тем не менее принципиального воздействия юридических штудий императрицы на образ мыслей образованной элиты. Сам факт присутствия в документах, исходящих от престола, пространных рассуждений о «гражданской вольности», «равенстве всех граждан», «спокойствии гражданина», «гражданских обществах» и т. п., подспудно стимулировал усложнение смыслового содержания этих понятий в языке и сознании современников.

Контекст употребления понятия *гражданин* в официальных текстах обнаруживает всю специфику его смыслового содержания в русском политическом языке XVIII в. Обращает на себя внимание полное отсутствие конфликтного противопоставления терминов *гражданин* и *подданный*. В книге о «Должностях человека и гражданина» в обязанности каждого вменялось «твердо уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно»⁵⁹. В законодательстве о *гражданине* упоминалось, как правило, лишь когда в именных указах императрицы цитировался «Наказ»⁶⁰ или когда речь шла о «состоянии граждан Республики Польской, отторгнутых от анархии и перешедших во владение Ее Величества» на «правах древних подданных»⁶¹. В общественной публицистике нередко были случаи прямого отождествления понятий *гражданин* и *подданный*. Так Новиков полагал, что в учении розен-

крейцеров нет ничего «противного христианскому вероучению», а орден «требует от своих членов, чтобы они были лучшими подданными, лучшими гражданами»⁶².

Подобное словоупотребление свидетельствовало, прежде всего, о том, что в середине XVIII в. и для власти, и для большинства современников понятие *гражданин* не было символом противостояния абсолютизму. Этот термин часто употреблялся с тем чтобы акцентировать не только существование всеобщей зависимости подданных от престола, но и наличие так называемых горизонтальных отношений между жителями империи, которые в данном случае именовались *согражданами*. Так, собравшиеся для составления нового Уложения депутаты, с одной стороны, «представляли всех Ее Величества верноподданных», а с другой — были «избраны от сограждан»⁶³. В книге «О должностях человека и гражданина» непосредственно указывалось, что «подданный» имеет обязанности перед государством, а «гражданин» перед «другими согражданами», «державствующие» же защищают «своих подданных» «от внешних неприятелей и от обид других сограждан»⁶⁴.

Права *гражданина*, заявленные на страницах высочайшей публицистики, ограничивались лишь сферой имущества и безопасности, абсолютно не затрагивая область политики. При этом не реже, чем о правах, упоминалось об обязанностях *истинного гражданина*, которые ничем не отличались от обязанностей *истинного подданного*.

В таких документах, как «Генеральный план Московского Воспитательного дома», а также высочайше утвержденный доклад И. И. Бецкого «О воспитании юношества», основные идеи которого были практически дословно воспроизведены в XIV главе «Наказа» «О воспитании», заявлялось, что «Петр Великий создал в России людей: <императрица Екатерина II> влагает в них души». Иными словами, престол второй половины XVIII в. разрабатывал «правила, приуготовляющие» быть «желаемыми гражданами» или «прямыми отечеству подданными», что полностью отождествлялось. Наименование *новых граждан* и *истинных подданных* означало высокий порог ожиданий власти, что предполагало «любовь к отечеству», «почтение к установленным гражданским законам», «трудолюбие», «учтивость», «отвращение от всяких предрозстей», «склонность к опрятности и чистоте». На «полезных членов общества» налагалась обязанность «паче прочих подданных исполнять Августейшую волю». Определенная политическая зрелость и приверженность «общему благу» должна была проявляться у *гражданина* в ясном понимании необходимости сильного самодержавного правления или «нужды иметь Государя»⁶⁵. Так объективная экономическая потребность России в ведущей роли государственной власти и способность ее осознания

трансформировались в официальной идеологии в высшую добродетель *гражданина и подданного*.

«Не дорого ценю я громкие права»

Возвращаясь к уже приводимой цитате из проекта Н. И. Панина «О фундаментальных законах», который сохранился в записи его друга и единомышленника Дениса Фонвизина, можно утверждать, что некоторые представители образованной элиты осмелились противопоставить понятие *подданный* понятию *гражданин*. В этом политическом трактате смысловое содержание слова *гражданин* конфликтно сталкивалось и с такими антонимами, как *деспот, пристрастное покровительство, злоупотребления власти, прихоть*, а также углублялось с помощью синонимического ряда, включающего понятия *закон, прямая политическая воля нации, свободный человек*. Таким образом, в общественном сознании второй половины XVIII в. постепенно складывалась иная, альтернативная официальной, трактовка слова *гражданин*, в котором высшая политическая элита дворянства начинала видеть человека, защищенного *законом* от своеволия самодержца и его личных высочайших пристрастий. Спустя несколько лет после появления проектов Панина-Фонвизина новый канцлер А. А. Безбородко напишет: «Да истребятся все способы потаенные и где кровь человека и гражданина угнетается вопреки законов»⁶⁶.

Мыслящий дворянин ожидал от *истинного гражданина*, коим почитал и себя, определенной политической зрелости и чувства личной ответственности за Отечество, но не за самодержавное государство. Не случайно в проекте Панина-Фонвизина отчетливо прозвучало мнение, что понятие *Отечество* не исчерпывается образом абсолютной монархии Екатерины. Вспоминания о конфликте императрицы и частного издателя, мыслителя и розенкрейцера Новикова, Н. М. Карамзин писал: «Новиков как гражданин, полезный своею деятельностью, заслуживал общественную признательность; Новиков как теософический мечтатель по крайней мере не заслуживал темницы»⁶⁷. Наконец, в текстах некоторых представителей дворянской элиты понятие *гражданин* сопоставлялось с понятием «человек». Следуя за взглядами Руссо «о переходе от состояния естественного к состоянию гражданскому»⁶⁸, Радищев полагал, что «человек рождается в мир равен во всем другому», соответственно «государство, где две трети граждан лишены гражданского звания», не может назваться «блаженным» — «земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека»⁶⁹.

Следует отметить, что в целом понятие *гражданин* довольно редко употреблялось в художественных произведениях и публицистике второй половины XVIII столетия, а в частной переписке и вовсе

почти не встречалось. Как ни странно, наибольшей популярностью этот термин пользовался у «просвещенной императрицы». В рамках же всего комплекса привлеченных к работе текстов⁷⁰ понятие *гражданин* употреблялось не спорадически, а для целенаправленной характеристики отношений личности и государства лишь в проектах Панина-Фонвизина и «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. В первом случае, *гражданин* становился символом монархии, где престол окружают не фавориты, а защищенная *законом* государственная элита, во втором же — право на политическую дееспособность признавалось и за крепостным, имеющим «одинакое от природы сложение»⁷¹. Данные идеи нельзя признать уникальными и существующими лишь в сознании упомянутых авторов — подобные мысли были весьма характерны для оппозиционно настроенного дворянства, однако далеко не всегда выражались с помощью термина *гражданин*⁷². Так М. Н. Муравьев, показывая свое отношение к крестьянину, использовал антитезу *простой—знатный*: «В тот же самый день простой крестьянин внушил в меня почтение, когда я взирал с презрением на знатного, недостойного своей породы. Я почувствовал всю силу *личного достоинства*. Оно одно принадлежит человеку и возвышает всякое состояние»⁷³. И даже Фонвизин в собственных литературных произведениях довольно редко обращался к понятию *гражданин*, которое вообще не встречается в его «Опыте российского словника», а в размышлениях о положении крепостных используются другие термины: «Человек бывает *низок* состоянием, а *подл* душою. В *низком* состоянии можно иметь благороднейшую душу, равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек. Слово *низость* принадлежит к состоянию, а *подлость* к поведению»⁷⁴.

Самовластие в России второй половины XVIII в. будет ограничено не *гражданином*, требующим гарантированных законом прав, а личностью с независимой духовной жизнью, и не в области политики, а в сфере внутреннего мира фрондирующего дворянина. Начавшееся ослабление союза образованной элиты и государства применительно к данному периоду проявится на уровне оценочных реакций и терминологических предпочтений. Преодоление непререкаемого авторитета самодержавного правления будет заключаться в поиске иных сфер реализации личности, относительно независимых от имперского аппарата, престола, светской массы. Наиболее думающая и остро чувствующая часть интеллектуалов отдалится от верховной власти и все более настойчиво будет пытаться осуществить себя на социальной периферии, удаленной от эпицентра действия официальных ценностей. Этот по-своему уникальный для европейской истории процесс, в силу неоднозначности проявлений приобретший в литературе целый репертуар наименований — возникновение общественного мнения, самоопределение интеллектуальной аристократии, эманси-

пация культуры, формирование интеллигенции⁷⁵ — начнется уже в царствование Елизаветы и завершится в первой половине XIX столетия. Суть его будет выражена в строках «Из Пиндемонти»:

Не дорого цену я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
.....
Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
— Вот счастье! вот права...

Целенаправленная работа с терминологией исторического документа может рассматриваться как инструмент изучения источника, облегчающий путь от понимания текста к пониманию внетекстовой действительности. Исследователь при этом вступает в зону особого напряжения, которое неизменно возникает между документом и реальной жизнью и несет информативный заряд большой силы. Эволюция языка может быть уподоблена барометру, способному уловить самое начало глубинных социальных сдвигов, когда у историка создается впечатление, что понятие возникает раньше того или иного явления. С другой стороны, в обществе часто происходят процессы, которые не имеют словесной идентификации и осмысливаются лишь спустя несколько поколений. Язык эпохи постоянно эволюционирует под влиянием многих обстоятельств и в то же время сам является индикатором изменений в обществе, фактором, влияющим на сознание современников, действенным орудием социального контроля со стороны политической власти и средством политического дискурса.

Примечания

¹ Ведущими представителями этого направления в развитии исторической науки считаются Р. Козеллек, К. Скиннер, М. Покок: *Koselleck R. Historische Semantik und Begriffsgeschichte*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1979; *Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought*. Cambridge: Cambridge U. P., 1978; *Polock J. G.A. Politics, Language and Time: Essays in Political Thought and History*. London: Methuen, 1972. Подроб-

- ное историографическое исследование так называемого лингвистического поворота предпринял в своей обобщающей монографии Н. Е. Копосов: *Копосов Н. Е.* Как думают историки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 284–294.
- ² См., например: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. СПб., 1992. С. 244–251.
- ³ Там же. Собрание 1-е. СПб. 1830. Т. XVIII. № 12 957. С. 311, 317. 1767 11 августа.
- ⁴ Там же. Т. XX. № 14 233. С. 1–15. 1775 10 января.
- ⁵ Там же. Т. XXI. № 15 379. С. 464–465. 1782 8 апреля.
- ⁶ Там же. Т. XVIII. № 12 945. С. 181. 1767 24 июля.
- ⁷ Там же. Т. XVIII. № 12 950. С. 281. 1767 30 июля.
- ⁸ *Государственные законы* иногда также определялись как *светские* или *гражданские* (см.: ПСЗ. Т. XVIII. № 13 095. С. 505. 1768 8 апреля).
- ⁹ См., например: Записка о воспитании детей, тут же писанная императрицей Екатериной II копия наставления, данного прусским королем Фридрихом-Вильгельмом подполковнику Рохову касательно воспитания старшего сына его величества 1779 г. (РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113).
- ¹⁰ См., например: Речь, говоренная от лица депутатов маршалом Ее императорскому величеству с признательностью за данный для сочинения Уложения Наказ (ПСЗ. Т. XVIII. № 12 978. С. 349–355. 1767 27 сентября); Неизвестный автор. Правило трактатов (РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 1. Д. 162. Л. 264–265^р).
- ¹¹ См., например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 270; *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Вых. данные? Т. 2. С. 137. Однако следует отметить, что общепринятое в исследованиях по истории права мнение о кардинальном изменении соотношения *обычая* и *закона*, за которым утвердился полный приоритет к началу XIX столетия, несколько огрубляет представление о реальной политике российской монархии. Достаточно заметить, что во время правления Екатерины II, когда шло стремительное расширение границ империи, был провозглашен принцип следования местным традициям при главенстве только фундаментальных государственных законов на период введения нового административного управления присоединенных территорий.
- ¹² Там же. Т. VI. № 3970. С. 656–657. 1722 17 апреля.
- ¹³ А. Н. Медушевский вообще полагает, что «ключ к пониманию Просвещенного абсолютизма — борьба за введение власти в пределы законности; в этих попытках выявляется граница, которая отделяет монархию от деспотии, просвещенный абсолютизм от непросвещенного, законную монархию от полицейского или регулярного государства» (*Медушевский А. Н.* Проекты политических реформ в России XVIII в. (К становлению либеральной историографии) // *Classical Russia. 1700–1825.* 2006. № 1. Р. 91–110).
- ¹⁴ ПСЗ. Т. XXII. № 16407. С. 617. 28 июня 1786.
- ¹⁵ Там же. Т. XVIII. № 12950. С. 282. 30 июля 1767.
- ¹⁶ Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 2.
- ¹⁷ См., например: Наказ императрицы Екатерины II. С. 3–5; Секретнейшее наставление князю Александру Вяземскому // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–5; *Безбородко А. А.* Записка для составления законов российских // Чтения ОИДР. 1858. Кн. 3. С. 137 и др.
- ¹⁸ См., например: Генеральный план Московского Воспитательного дома // ПСЗ. Т. XVIII. № 12957. С. 311, 317. 1767 11 августа. В этом же документе с детской наивностью специально для воспитанников объяснялось, что без законов государя «истребили бы нас неприятели наши, растерзали бы нас *дикие звери* в жилищах наших» (Там же. С. 316).
- ¹⁹ ПСЗ. Т. XVIII. № 12 950. С. 283. 30 июля 1767.

- ²⁰ Записка императрицы Екатерины «О преимуществе Императорского Величества» // РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 1–4^г. Кроме того, в черновых бумагах императрицы была обнаружена неотредактированная записка «О роде и наследии Императорского Величества», которая включала отдельные комментарии «Правды воли монаршей» и собственные соображения Екатерины по поводу назначения наследника престола правящим монархом, а также некоторые другие законодательные акты на английском и французском языках (РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 325). Для сравнения см.: Устав о наследии престола // ПСЗ. Т. VI. № 3893. С. 496–497. 1722 5 февраля; Правда воли монаршей // ПСЗ. Т. VII. № 4870. С. 602–643. 1726 21 апреля.
- ²¹ См., например: Воинский устав // ПСЗ. Т. V. № 3006. С. 324. 1716 30 марта.
- ²² РГАДА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 324. Л. 4–4^г.
- ²³ ПСЗ. Т. VI. № 3534. С. 141–160. 1720 28 февраля.
- ²⁴ Там же. Т. VII. № 4862. С. 596–597. 1726 28 марта; № 4945. С. 684–685. 5 августа 1726.
- ²⁵ Там же. Т. IX. № 6745. С. 529. 1735 9 июня; № 6773. С. 548. 1735 16 июля.
- ²⁶ Там же. Т. XI. № 8695. С. 753. 1743 10 января.
- ²⁷ Там же. Т. XV. № 11411. С. 889–890. 1762 22 января.
- ²⁸ Там же. Т. XVI. № 11 592. С. 9–10. 1762 3 июля; № 11 704. С. 107. 1762 7 ноября; № 11746. С. 152. 1763 3 февраля.
- ²⁹ Там же. Т. XVII. № 12 710. С. 875. 1766 31 июля; Т. XXII. № 15 320. С. 376–377. 1782 10 января и др.
- ³⁰ Неслучайно в предназначенной для будущего императора Павла «Записке о государственном казенном правлении и о производстве дел, по свойству их рассмотрения и распоряжения его зависящих», авторство которой принадлежит братьям Никите и Петру Паниным, особым образом оговаривалась процедура оформления устных распоряжений монарха. «Получив от государя приказание на доклады сделанное или особое его повеление, словесное или письменное, в назначенный журнал об именных повелениях вписано быть должно, письменные повеления и резолюции на доклады подлинниками приобщаются в книгу указов, словесные повеления государственным казначеем в ту книгу запишутся» (РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 54).
- ³¹ Наказ императрицы Екатерины II. С. 6–7.
- ³² Отрывок собственноручного чернового проекта манифеста Екатерины II о престолонаследии // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 382. В подлиннике фразы, данные курсивом, специально выделены и вынесены на поля рукописи (РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 1).
- ³³ Записки графа Сегюра. СПб., 1865. С. 320.
- ³⁴ Голицын Ф. Н. Записки // Русский архив. 1874. Кн. 1. Стб. 1292–1294.
- ³⁵ «Вопрос о существовании у нас различия между законами и высочайшими указами, — писал историк права XIX в. Н. М. Коркунов, — представляется спорным. В XVIII столетии и вплоть до учреждения в 1810 году Государственного совета у нас не было никакой определенной отличительной формы законодательных актов» (Коркунов Н. М. Указ и закон. СПб., 1894. С. 309. См. также: Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии, сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1: Основные государственные законы. Киев, 1886. С. 186–187; Ланто-Данилевский А. С. Собрание и Свод Законов Российской Империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 71 и др.).
- ³⁶ См., например: Державин Г. Р. Записки. 1743–1812. М., 2000. С. 10, 21, 87, 98–99 и др. Слово *указ* часто употребляли в значении *инструкция* или *учреждение*. Так в указе о процедуре доведения до сведения населения новых постановлений говорилось о «присланных высочайших указах, узаконениях, учреждениях» и проч. (ПСЗ. Т. XXI. № 15 612. С. 777. 1782 13 декабря).

³⁷ Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

³⁸ См., например: указ о напечатании и обнародовании нового устава Кадетскому сухопутному корпусу (ПСЗ. Т. XVII. № 12 741. С. 973. 1766 11 сентября); начертание о приведении к окончанию комиссии проекта нового уложения (ПСЗ. Т. XVIII. № 13095. С. 503–512. 1768 8 апреля); Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими рассуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, непререкаемые на все времена никакою властью. РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 26–31.

³⁹ Наказ императрицы Екатерины II. С. 5.

⁴⁰ Примечательно, что и молодой Пушкин писал именно о «самовластительном злодее» и «обломках самовластия».

⁴¹ Проект Н. И. Панина о фундаментальных государственных законах (в записи Д. И. Фонвизина) // Император Павел I. Жизнь и царствование / сост. Е. С. Шумигорский. С. 4–13. Авторская маркировка слов в тексте сверена и откорректирована по первоисточнику: РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 5–17^г.

⁴² Общепризнанность подобных идей среди политически активной знати отразилась и в записках М. М. Щербатова «О самовластии», где князь ставил под сомнение вообще возможность назвать *самовластие* «именем правления»: «[При самовластии] нет иных законов и иных прав окромя безумных своесправ деспота (самовластителя). Место, что в монархии государь есть для народа, в самовластном правлении народ является быть сделан для государя» (*Щербатов М. М.* Разные сочинения. М., 1860. С. 37–48). См. также: Рукописи историка Щербатова, полученные П. И. Бартевым у А. П. Заблоцкого, 1785–1790 гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 27^г–32^г). Благодарю С. В. Польского за ценную информацию о рукописном наследии Щербатова.

⁴³ *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву // *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 227, 248, 279, 293, 313–315, 323; и др.

⁴⁴ *Лотман Ю. М.* В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 295.

⁴⁵ См., например: ПСЗ. Т. XV. № 11 616. С. 22–23. 1762 18 июля; Т. XVII. № 12 537. С. 473–474. 1765 31 декабря; Т. XX. № 14 769. С. 726–727. 1778 27 июня и др. См. также на эту тему: *Писарькова Л. Ф.* Российская бюрократия в эпоху Петра I // Отечественная история. 2004. № 2. С. 12–14; *Black J. L.* Citizens for the Fatherland. Education, Educator and Pedagogical Ideals in 18th-Century Russia. Boulder; N. Y., 1979.

⁴⁶ *Бюшинг А.-Ф.* Автобиография (Изложенные отрывки А. Г. Брикнера) // Исторический вестник. 1886. Т. 25. № 7. С. 17. Несколько позже английский посланник при русском дворе лорд Гаррис Мальмсбери доносил из Петербурга: «Свод законов, мастерски начертанный самой императрицей, до сих пор еще не был рассмотрен; он сохраняется в Академии, и по многим причинам приведение его в действие невозможно» (Денеша Гаррис Д. Мальмсбери герцогу Суффолку. 1778 июнь // Русский архив. 1874. Кн. I. № 6. Стб. 1499).

⁴⁷ Неслучайно один из персонажей И. А. Крылова вообще искренне полагал, что большинство людей живет не по закону, а по давно устоявшемуся порядку, и что особенно интересно — этим человеком был судья Тихокрадов. «В свете, — заявляет он за именинным столом купца Плутареца, — введенные обыкновения столь же сильны, как и самые законы; сказанные же мною выгоды статского человека издавна между людьми вошли в обычай, и ныне они столько же употребительны и извинительны, сколько простительно придворному не платить своих долгов, а купцу иметь окороченный аршин и неверные весы» (*Крылов И. А.* Почта духов // *Он же.* Полн. собр. соч. М., 1945. Т. 1. С. 66–73). Благодарю В. Б. Перхавко за подсказанную информацию и ценные сведения по истории самосознания купечества.

- ⁴⁸ Оставить без внимания сенатский или именной указ стоило 10 руб., вторичное «неисполнение от слабости и небрежения» оценивалось в 20 руб., третий указ приходил в канцелярию уже за счет чиновников и штраф на них накладывался в 30 руб. (ПСЗ. Т. XVII. № 12 710. С. 871–876. 1766 31 июля). Для сравнения подобные расселянные чиновники во времена Петра I назывались «преступники и указа ослушатели» и подлежали «разорению, ссылке или лишению живота» (ПСЗ. Т. V. № 3333. С. 681. 1719 19 марта).
- ⁴⁹ Рассказ императрицы Екатерины II-й о первых пяти годах ее царствования // Русский архив. 1865. Стб. 479–489.
- ⁵⁰ Низшим слоям доступ к престолу в царствование Екатерины был перекрыт окончательно. Отчасти поэтому и возник феномен, который можно условно назвать «фольклорным законотворчеством». «Ложные пасквили» содержали сведения об отмене крестьянской неволи вслед за «Манифестом о вольности дворянства», о готовности «матушки-императрицы» взять на себя все недоимки и наказать «злонамеренных бояр», о поголовной записи в казачество, и, подобно мечте Богучаровских мужиков и Дрона старосты, о переселении в теплые края.
- ⁵¹ Письмо И. М. Булгакова Я. И. Булгакову. Москва 1785 декабрь // Русская старина. 1881. Т. 31. № 6. С. 290; Письмо Е. Р. Дашковой Екатерине II. [1783] // Чтения ОИДР. 1867. Кн. 1. Январь–март. Отд. V. С. 32. См. также, например, письмо В. Неронова С. М. Козьмину. М., Б.г. // Переписка и черновые бумаги состоявшего при Кабинете императрицы Екатерины II Сергея Матвеевича Козьмина (РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1031. Ч. 1. Л. 3).
- ⁵² См. письма А. П. Сумарокова: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 129–132.
- ⁵³ *Державин Г. Р.* Записки. С. 86–87.
- ⁵⁴ Письма с приложением графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к Государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / сост. Е. С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 4; см. также: Бумаги графов Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к вел. кн. Павлу Петровичу) 1784–1786 гг. // РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17.
- ⁵⁵ См.: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Ст. 577; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. II. С. 380–381; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 117–118; Словарь Академии Российской. Ч. I. Ст. 1234.
- ⁵⁶ См., например: ПСЗ. Т. XX. № 14 490. С. 403. 1776 4 августа; Т. XXXIII. № 17 006. С. 287. 1791 23 декабря.
- ⁵⁷ Русская старина. 1872. Т. 6. № 7. С. 98.
- ⁵⁸ «Равенство всех граждан, — гласил “Наказ”, — состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам». См.: Наказ императрицы Екатерины II. С. 1–2, 7–9, 14–15, 24, 27–28, 102.
- ⁵⁹ О должностях человека и гражданина. Книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи // Русский архив. 1907. № 3. С. 347. В этом контексте показательное сравнение текста данного вольного переложения работы Пуффендорфа и оригинала философского трактата немецкого мыслителя. В частности, в главе «Обязанности граждан» Пуффендорф пишет не о полном подчинении поданных самодержавию, которому доступно исключительное знание о сущности «гражданского общества», а об обязанностях гражданина или «подданного гражданской власти» в равной степени и перед государством и его правителями, и по отношению к другим «согражданам». См.: *Pufendorf S.* De Officio Hominis Et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo. N. Y., 1927. P. 144–146.
- ⁶⁰ См., например: ПСЗ. Т. XXIII. № 17 090. С. 390. 1792 8 декабря.

- ⁶¹ См.: Там же. Т. XX. № 14 271. С. 74. 1775 15 марта.
- ⁶² Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1954. С. 616–617. В журнале «Трутенъ» Новиков также утверждал, что «добросердечный сочинитель» «хвалит сына отечества, пылающего любовью и верностью к государю, изображает миролюбивого гражданина». См.: Там же. С. 44.
- ⁶³ См., например: «Акт, подписанный Департаментами, избранными от всех званий Российского народа, к сочинению нового Уложения» // ПСЗ. Т. XVIII. № 12 978. С. 349–355. 1767 27 сентября. Для сравнения можно привести слова Ж.-Ж. Руссо, который в трактате «Об Общественном договоре или Принципы политического права» писал, что все жители того или иного государства «в совокупности получают имя народа, а в отдельности называются гражданами как участвующие в верховной власти и подданными как подчиняющиеся законам Государства». См.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 162.
- ⁶⁴ О должностях человека и гражданина. С. 349.
- ⁶⁵ См.: Наказ императрицы Екатерины II. С. 103–105; ПСЗ. Т. XVI. № 11 908. С. 346, 348, 350. 1763 1 сентября; № 12 103. С. 670; Т. XVIII. № 12 957. С. 290–325. 1767 11 августа; О должностях человека и гражданина. С. 349. Ср.: Pufendorf S. De Officio Hominis Et Civis Juxta Legem Naturalem Libri Duo. P. 115–118, 123–126, 152–154.
- ⁶⁶ Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив. 1877. Кн. I. № 3. С. 297–300.
- ⁶⁷ Карамзин Н. М. Записка о Н. И. Новикове // Он же. Избранные сочинения в двух томах. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 232. Фонвизин упоминал в письмах к П. И. Панину о «патриотических» чувствах «истинного гражданина», всем сердцем радеющего за военные победы России: «Патриотические о мире рассуждения ваши, милостивый государь, конечно, не найдут противоречия ни от кого из истинных граждан. Ваше сиятельство <...> имеете причины радоваться тому, что все уже устроено к трактованию о мире». См.: Письмо Д. И. Фонвизина П. И. Панину. 1772 г., май // Фонвизин Д. И. Собр. соч. в двух томах. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 383.
- ⁶⁸ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 164.
- ⁶⁹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 227, 248, 279, 293, 313–315, 323 и др.
- ⁷⁰ Источниковая база работы включает более 3 тыс. писем дворянства, около 50 художественных и публицистических произведений XVIII столетия, а также все законодательные акты, опубликованные в ПСЗРИ, и несколько сотен архивных текстов.
- ⁷¹ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. С. 314.
- ⁷² Например, Новиков не случайно выбрал в качестве эпиграфа своего журнала «Трутенъ» слова: «Они работают, а вы их хлеб едите». В 1773 г. он заметил в одном из писем: «Хлеб <...> нужнейшая вещь для продолжения человеческой жизни, вот истинное <...> всего государства богатство». См.: Письмо Н. И. Новикова Г. В. Козицкому. 1773 г., май // Письма Н. И. Новикова. С. 7. Однако в своих размышлениях к понятию «гражданин» он не прибегал практически никогда.
- ⁷³ Муравьев М. Н. Обитатель предместья // Муравьев М. Н. ПСС. СПб., 1819. Т. 1. С. 101.
- ⁷⁴ Фонвизин Д. И. Опыт российского словника // Фонвизин Д. И. Собр. соч. в двух томах. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 225–226.
- ⁷⁵ См., например, об этом: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994; Smith D. Working the Rough Stone: freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia. DeKalb., 1999. P. 53–90; Wirtschafter E. The Play of Ideas in Russian Enlightenment Theater. DeKalb., 2003 и др.

Художественная промышленность Москвы во второй половине XVIII–XIX в.: золотое и серебряное дело

В формировании промышленности в России во второй половине XVIII–XIX в. значительная роль принадлежит различным видам художественных производств, однако до сих пор они остаются слабо изученными. Необходимость реконструкции их конкретно-исторического содержания связана с недостаточной степенью комплексной разработки истории одной из важнейших отраслей промышленности и закономерности взаимосвязанного развития экономики и культуры России.

Москва являлась базой высокой художественной культуры, сложившейся в предшествующие столетия, где развивались различные ремесла и промыслы, в том числе золотое и серебряное дело, на основе которых в XVIII–XIX вв. появились различные формы художественной промышленности. «Художественная промышленность» — термин, вошедший в российскую действительность лишь в XIX в. (нем. *Kunstgewerbe*, близкое к нему франц. *arts appliqués* характеризуют художественные промыслы как прикладное искусство, в котором художественная форма соединяется с полезными свойствами). На предприятиях этого вида промышленности осуществлялся выпуск предметов, служащих тем или иным утилитарным целям, но «одухотворенных художественным творчеством»¹.

Российская художественная промышленность в значительной мере выросла на основе художественного ремесла, широко распространенного в Древней Руси (резьба по дереву, ювелирные работы, золотое шитье, кружева и пр.). Верхушка русской знати уделяла этому особое внимание. В Москве Царский двор обслуживали Царская мастерская и Оружейная палаты (конкретные исполнители различных художественных вещей — Золотая и Серебряная палаты, мастерская Коношленного приказа, мастерская Патриарших палат, Царицына мастерская). В Москве, где золотое и серебряное дело занимали особое место, имелось множество мастерских, занятых различными производствами: ювелирным, изготовлением предметов декоративно-прикладного искусства для интерьера, посуды, а также сусального (листового) золота и серебра, канители (золотые и серебряные нити, которыми расшивали светскую и церковную одежду, конскую упряжь, футляры царского и наградного оружия и пр.).

Европеизация придворной жизни радикально изменила запросы Двора. Церемониалы, приемы посольств, выезды царя, появление новых чинов — все это потребовало значительных перемен как в интерьере, так и официальной форме одежды. Многие предметы костюма,

в домашней и, тем более, в официальной обстановке, стали определением статуса человека в сословной иерархии. Различные привилегии закреплялись особыми знаками отличия. Все это обусловило необходимость развития таких отраслей, как золотое и серебряное дело, художественное ткачество, фарфорофаянсовое, камнерезное, стекльно-хрустальное и другие производства, что вылилось в появление ремесленных мастерских, мануфактур и фабрик, которые могли производить предметы прикладного искусства, в XVIII в. нередко обозначавшиеся таким термином как декоративно-прикладная «роскошь».

Распространение роскоши и ее негативные последствия отмечались и современниками. М. М. Щербатов писал, что при Анне Иоанновне «умножены стали придворные чины, серебро и золото на всех придворных возблистало, и даже ливрея царская серебром была покровенна... Великолепие, введенное у Двора, понудило вельмож, а подражая им, и других умножить свое великолепие. Оно уже в платьях, столах и других украшениях начинало из меры выходить; так что самую императрицу Анною примечено было излишнее великолепие, и изданным указом запрещено было ношение золота и серебра на платье, а токмо позволено было старое доносить... Не токмо сей роскошь виден был на торжественных одеяниях придворных и других чинов людей; но даже мундиры гвардии офицеров оной ощущали; а паче мундиры конной гвардии, которые тогда были синие с красными обшлагами, выкладены петлями и по швам широким золотым галуном...»². Стереотипы общественного сознания, связанные с пониманием роскоши как показателя высокого социального статуса, рост буржуазии, имеющей значительные средства, определенные культурные веяния и мода способствовали быстрому развитию художественной промышленности. Специфика этой отрасли заключалась в том, что она, с одной стороны, имела организационные формы хозяйствования, технологий, в определенной мере и законодательное регулирование как и все прочие отрасли промышленности. Но, с другой стороны, ее продукция — это мир художественной культуры, художественно-утилитарных предметов, производство которых осуществлялось в контексте развития сферы декоративно-прикладного искусства. Одновременно декоративно-прикладная роскошь являлась в плоскости самоидентификации знати, обозначая пространство повседневности привилегированных слоев населения и, в первую очередь, императорского двора, дворянства и верхушки буржуазии. Художественная ценность, декоративность (и как следствие — дороговизна) обусловили и особую специфику работы предприятий этой отрасли с привлечением высококвалифицированных специалистов, декораторов, художников и особый учет материалов (золота и серебра), используемых ими.

Однако XVIII в. внес много нового во все отрасли художественных производств. Строгая регламентация в первую очередь золотого и серебряного ремесла началась с именного Указа Петра I от 13 февраля 1700 г. «Об учинении для пробы золотых и серебряных вещей пробных клейм, о переписке золотых и серебряных рядов и лавок, о выборе старост для надзора за торговыми и мастеровыми людьми, для клеймения золотых и серебряных вещей, со взятием пошлины»³. В указе были обозначены четыре золотые и четыре серебряных пробы, в основу которых были положены немецкие стандарты (так, 96 золотников равнялись 96 пробе). Этот документ положил начало государственной монополии на добычу золота и серебра, жесткому контролю за производством изделий из них. Указ имел непосредственное отношение к ювелирному делу, к производству плющильного, волочильного и сусального золота и серебра и, в некоторой степени, к тем отраслям, где использовались золотые и серебряные нити (парчовое и позументное производства). Первоначально исполнение указа отслеживали старосты, избираемые из мастеров Серебряного ряда в Москве. С 1707 г. контроль над оборотом драгоценных металлов был передан в Морское ведомство, спустя несколько лет эти функции были возложены на Монетную контору. Строгий контроль за использованием драгоценных металлов был необходим — правительство стремилось к накоплению денежной массы, золото и серебро нужны были для чеканки денег. За нарушение предписанных правил (изделия, изготовленные «против проб») полагались немалые штрафы. Попавший за неподчинение закону в третий раз подвергался телесным наказаниям и отправлялся в ссылку (с полной конфискацией имущества). Новшества внедрялись очень медленно; в последующие годы пробы неоднократно уточнялись, устанавливались новые стандарты качества металла, клеймения золотых и серебряных изделий, предпринимались попытки снижения штрафов за нарушение законодательства. Москва как центр русского золотого и серебряного дела в первой четверти XVIII в. пережила не только полное переустройство организации работ, но и перенос столицы в Петербург, куда отъехала значительная часть мастеров, и перемены в стиле жизни определенной части населения.

С 1722 г. мастера золотого и серебряного дела должны были записываться в обязательном порядке в учрежденные цехи, в обязанности которых входил и контроль золотого и серебряного дела. В московский Серебряный цех записалось 390 человек. В 1732 г. были установлены территории пробирных округов, оформлена система пробирных учреждений, в компетенцию которых входило не только клеймение золотых и серебряных изделий, сбор пошлин, но и контроль за производством, в том числе, надзор за качеством ювелирных изделий⁴. К 70-м годам XVIII в. государственная монополия в сфере продажи и

производства изделий из драгоценных металлов имела уже твердую законодательную основу. В Москве контроль за качеством и клеймением изделий осуществляла Пробирная палата. Последующие, наиболее значительные изменения стандартов качества золотых и серебряных изделий произошли при Екатерине II и Павле I.

К середине XVIII в. документы отмечают появление первых крупных мастерских серебряного и золотого дела, носивших название «фабрик». Одно из таких московских предприятий, основанное в 1751 г. купцом В. М. Кункиным, приобрело монополию на производство церковной утвари из драгоценных металлов. В 1752 г. на ней уже работало около 70 человек вольнонаемных «мастеров и работных людей». Это заведение просуществовало до смерти Кункина, последовавшей в 1761 г.⁵ После его закрытия в изготовлении церковной утвари последовали значительные перемены — оно было выведено из-под контроля государства Указом от 23 августа 1762 г. «О дозволении во всех городах делать записным в цех мастерам церковные из золота и серебра вещи»⁶.

С этого времени золотое и серебряное дело начинает развиваться в различных формах производства и профильных направлениях. Особенно быстрыми темпами распространялись сусальное и волоочильное виды производства. Развитие товарно-денежных отношений, повлекших за собой широкую специализацию, связанную во многом с потребностями городского рынка, обусловили их формирование на мануфактурной основе. Это означало, что изготовление канители и волооченного золота превратилось в самостоятельную отрасль, отделившуюся от производства изделий из золота и серебра⁷. Плющильные, сусальные, волоочильные предприятия, где золото выработывалось в виде пленок, тончайших пластинок, нитей, шнуров, стали характерным явлением для XVIII в. Однако и они находились под строгим контролем государства.

Одним из первых крупных предприятий этого профиля была плющильная и волоочильная «фабрика» Ильи Докучаева, возникшая в 1735 г. и имевшая привилегию, по которой только ей разрешалось «производить плющенья и волоченья золота и серебра», на других же «ни на каких безуказных и потаенных фабриках производить запрещено». На предприятие Докучаева серебро отпускалось из Монетной канцелярии, поступления его из других мест были категорически запрещены («под лишением живота и под потеряннием всего имения»). Так, для выпуска своей продукции Докучаев мог использовать в год не более 100 пудов серебра⁸.

И лишь в начале 1750-х гг. в сфере волоочильно-канительного производства произошли некоторые изменения. Указом Сената от 12 августа 1752 г. было выдано разрешение Миллеру, Рихтеру и Милютину на заведение фабрик, связанных с производством различной

серебряной продукции, и позволялось им приобретать на Монетном дворе серебро в таком количестве, которое было потребно для предприятий⁹. Расширению производства плющильного и волочильного серебра способствовала и протекционистская политика. В русле ее в 1754 г. последовал указ Сената, запрещающий ввоз этого вида иностранного полуфабриката в Москву и прочие города России¹⁰. При этом контроль над производством и оборотом ценных металлов в этом виде золотосеребряного производства не ослабевал. Об этом свидетельствует и указ 1758 г. Елизаветы Петровны: «Понеже для порядочного произведения золотого и серебряного волоченана и плащенана и сусального мастерств, учреждены в России особые фабрики, дабы чрез то миновать всяких вымыслов и фальши в доброту вещей, на которые дело и золото и серебро тех фабрик компанейщикам и фабриканам повелено сплавливать при монетных дворах, а кроме тех указных фабриканов другим людям того мастерства никому не производить, а ежели кто будет оное мастерство производить, кроме них указных фабриканов, у таковых сысканое золото и серебро и инструменты отбирать безденежно»¹¹.

Вплоть до конца 60-х годов XVIII в. исключительное право на производство золотой канители, сусального золота, изделий из золотых и серебряных нитей сохранялось за привилегированными компаниями, которых насчитывалось до десяти. Однако Екатерина II отменила все привилегии в отношении производства сусального золота и канители¹², что способствовало быстрому росту предприятий этого профиля.

По состоянию на 1775 г. в Москве существовало уже несколько мануфактур с четко выраженной специализацией (с использованием золота и серебра), которые можно было отнести к предприятиям художественной промышленности: мануфактура волоченного и плащенного золота и серебра близ Варварских ворот уже упоминаемого Ильи Докучаева «с товарищи» (капитал 100 тыс. руб.) «сусальная листового золота и серебра» Михаила Шорина (капитал 35 тыс. руб.), расположенная за Земляным валом, и четыре так называемых мишурных мануфактуры (производство золотых, серебряных и латунных нитей и изделий на их основе). Из них самой крупной была «Егора Солодовникова наследников Ивана Петрова и Василья Мамонова» (капитал 14 тыс. руб.). Действовало и небольшое галунное (позументное) предприятие Алексея Плавилщикова (капитал 2 тыс. руб.). Обслуживали эти производства разные категории работников (приписные, покупные, вольные)¹³.

В 1795 г. возникло предприятие И. П. Колобова, оснащенное 33 прядильными станками, 3 станами, прядильной машиной, которые обслуживали 35 человека. Продукция — пряденое золото и серебро с шелком; в первый год работа была оценена в 52 860 руб. Спустя три

года появилась еще одна мануфактура (35 работников), владельцем которой был И. Е. Сытов. Оборудование его производства: 2 горна, плавильная печь, наковальня, 3 верстака, 8 тисков, 20 прядильных станков, 25 ткацких станков. Она имела более широкий ассортимент продукции: серебряный галун, золотая парча, серебряная и золотая канитель. Кроме того, Сытов занялся и изготовлением церковной утвари: паникадил, серебряных подсвечников, лампад, серебряных крестов и пр. (на 63 646 руб.)¹⁴.

Характерной особенностью производства работ в сфере московского золотосеребряного дела было широкое привлечение иностранных мастеров, которых насчитывалось к середине XVIII в. более 50 человек. Часть их трудилась в московских цехах («цех золотого и ювелирного мастерства», «ювелирный алмазный цех», «цех золотого табакерошного дела»), некоторые мастера Немецкой слободы работали по заказам и на рынок — на Серебряный и прочие ряды Москвы, открывали собственные мастерские¹⁵.

В конце XVIII столетия в сфере художественной промышленности произошло еще одно примечательное событие — начала свою работу фирма по выпуску золотых и серебряных изделий П. Ф. Сазинова, искусного гравера, мастера серебряных дел.

Во второй половине XVIII в. золотосеребряное дело в Москве постепенно стало выходить из кризисного состояния, что сказалось на ювелирном производстве, изготовлении церковной утвари, серебряной посуды и золотой парчи. При изготовлении различных видов изделий мастера использовали множество техник, накопленных русской художественной культурой: чеканку, эмаль, чернь, резьбу, литье, скань, широко применяли декоративные мотивы и приемы, распространенные в прикладном искусстве Востока и Западной Европы. На новую стилистику художественной обработки изделий особое влияние оказала книга «Символы и Емблемата», появившаяся в 1705 г. в Амстердаме, переизданная в России в 1719, 1788, 1811 гг. На серебряные изделия стали переноситься изображения с гравюр и различных иллюстраций. В связи с распространением нового стиля — русского классицизма (после барокко и рококо) — на серебряных чарках, стопах, стаканах, солонках, подносах появляются изображения, отражающие эстетические идеалы и образы античной классики (архитектурные мотивы, руины, боги, амуры, фигуры, задрапированные в античные одежды, чаши). Наметилось зарождение исторического и бытового жанра. К концу XVIII в. декор все чаще приобретает черты светского характера (сцены с дамами и кавалерами)¹⁶.

XIX в. ознаменовался быстрым ростом московского художественного производства — росло число крупных мастерских, расширялась их механизация, хотя ручной труд оставался преобладающим. Ювелирное дело по-прежнему было ограничено рамками цеховой органи-

зации. Его главные центры — Москва и Петербург — были под постоянным контролем правительства. В связи с этим совершенствование законодательства выразилось в разработанном и опубликованном в 1840 г. «Положении о пробирных палатках для испытания и клеймения золота и серебра». Оно окончательно превратило ювелирное искусство в ценовое ремесло под контролем государства. Новые пробирные уставы появлялись и впоследствии — в 1861, 1882 и 1896 гг.

В Москве существовали Серебряный, Ювелирный и Позументный цеха, в то же время действовали привилегированные компании по производству плющильного, волочильного и сусального золота и серебра. На 1804 г. Е. Ф. Зябловский приводит следующие данные: позументных, плющильных и волочильных фабрик — 37, из них 24 — в Московской губернии, 11 — в Санкт-Петербургской и 2 — в Ярославской¹⁷.

В руках ремесленников в первой половине XIX в. были сосредоточены основные работы по отделке интерьеров, производству парадной посуды, украшению одежды, изготовлению ювелирных изделий и множество других предметов, наделенных художественными свойствами, призванных удовлетворять «новые потребности в предметах, служащих к удобству и приятности жизни»¹⁸.

По состоянию на 1826 г., в ювелирном цехе Москвы, который включал всех ремесленников, имевших отношение к золотому и серебряному делу, числилось 98 человек. Их учет велся по административно-территориальным частям Москвы. Самое значительное число ремесленников было зафиксировано в центре — в Тверской части — 16 человек, за ней следовала Мясницкая часть — 11 человек, в Мещанской, Рогожской и Суцевской — по 9 человек, в Серпуховской, Якиманской, Хамовнической и Новинской — по 2 человека и в Лефортовской — всего 1 ремесленник¹⁹. Среди них оказалось 12 иностранцев, 18 мещан, 11 цеховых, значительная группа дворовых (17 человек) разных владельцев (князей Вяземского, Голицына, Юсупова, графа Головкина и др.), 16 крестьян (большинство помещичьих) и всего три московских купца. Большинство ремесленников являлись жителями Москвы, остальные имели постоянное местожительство в Петербурге, Риге, Калуге, Киржаче, Переславле-Залесском и др. Самым большим числом работников располагал рогожский ямщик А. Пырин — 7 взрослых и 2 мальчика. У значительной части других владельцев мастерских было по 5–6 работников и по 2–3 ученика²⁰.

Большинство ремесленников занимались «галантерейным мастерством» («галантерейный товар» — от франц. нарядный, щепетильный — кольца, перстни, серьги, цепочки, запонки и пр.)²¹. Значительное число (25 человек), имело стразовое производство, получившее название по имени изобретателя, стеклоvara и ювелира конца XVIII в. Ж. Страсса (страз — искусственный камень, изготов-

ляемый из хрусталя с примесью свинца и имитирующий драгоценный камень)²². Стразами украшали серьги, броши, кулоны и т. п. Около 15 человек занимались непосредственно ювелирными работами. В Мясницкой части имелось два гравера²³.

В 30-е годы XIX в. Е. Ф. Зябловский сообщает новые цифры количества названных канительных «фабрик» — 21. При этом он замечает: «Позументное и вместе с сим золотошвейное и вышивное мастерства доведены у нас до такого совершенства, что едва ли можно ожидать по сей части дальнейших улучшений. Неоспоримо, что фабрики сих изделий находятся у нас в избыточном состоянии»²⁴.

В первой половине XIX в., несмотря на кризис феодальной системы, появление новых хозяйственных отношений, которые стали постепенно обозначаться в различных отраслях промышленности, незначительно отразилось на организации золотого и серебряного дела. Крупные производственные объединения в художественной промышленности, с развитием существенных структурных изменений, оставались малочисленными.

По состоянию на 1856 г., ремесленники, занятые обработкой золота и серебра, были сосредоточены в Серебряном, Ювелирном и Позументном цехах. Наибольшее количество входило в Серебряный цех: вечно-цеховых (постоянных) 40 мастеров, 30 подмастерьев, 5 учеников; временно-цеховых 198 мастеров, 622 подмастерья, 104 ученика. В Ювелирном работало вечно-цеховых 25 мастеров, 54 подмастерья, 10 учеников; временно-цеховых 164 мастера, 384 подмастерья, 124 ученика. Наименьшее количество работников насчитывал Позументный цех: вечно-цеховых 8 мастеров, 10 подмастерьев; временно-цеховых 122 мастера, 340 подмастерьев, 29 учеников²⁵.

Для Москвы этого периода характерно лишь одно крупное, широко известное производство — Московско-Петербургская фирма «Сазиков», основанная в 1793 г. купцом Павлом Федоровичем Сазиковым, искусным гравером и владельцем мастерской серебряных изделий. В 1812 г. на базе мастерской была создана фабрика по производству изделий из серебра. После кончины П. Ф. Сазикова в 30-х годах XIX в. дело в Москве продолжил его сын, Игнатий Павлович Сазиков (1793–1868), придворный фабрикант с 1837 г. В 1842 г. им был открыт филиал фирмы в Петербурге. После смерти И. П. Сазикова (1868 г.) дело продолжили его сыновья. Фабрики (в Москве и Петербурге) и магазины Сазиковых существовали до начала 1887 г., затем перешли фирме Хлебникова. С 1851 г. фирма Сазиковых была постоянным участником всероссийских и всемирных художественно-промышленных выставок, имела многочисленные награды (в том числе высшую награду Московской выставки 1882 г. — «Государственный герб»), являлась поставщиком Двора, одновременно выполняя и многочисленные заказы из-за границы. Ассортимент производства

был чрезвычайно широким: столовые приборы, подносы, столовые и чайные сервизы, домашняя и церковная утварь. Особое развитие получила техника чеканки и литья, что особенно ярко проявилось в серебряной скульптуре малых форм, прежде всего, в ее декоративных видах. Но для Лондонской выставки 1851 г. Сазиковы подготовили скульптурное произведение, отражавшее историческую тематику (скульптурная группа с фигурой Дмитрия Донского — серебряный канделябр высотой 2 м, весом 130 кг). В работе над ней принимали участие скульпторы В. Клодт и академик Ф. Солнцев. По данным 1881 г., на Московской фабрике работало 46 человек (в этот год было обработано 58 пудов серебра на сумму 127 тыс. руб.)²⁶.

Условия развития и сама основа золотосеребряного производства делали жизнеспособными разнообразные типы предпринимательства. Ювелирным, стразовым и прочими производствами занимались цеховые и вольные мастера, имевшие небольшие, а подчас и довольно крупные мастерские. Часть мастерских, выросших на основе купеческого капитала, превращались в фабричные предприятия. Особый слой предпринимательства составляли представители профессиональной «золотосеребряной» элиты. Чаще всего это были наследники (2–3 поколения) первых предпринимателей, открывших свое дело.

К концу первой половины XIX в. в художественной промышленности стали появляться первые ростки капиталистического уклада, что заметно влияло на убавление темпов развития и ремесленного золотосеребряного дела. Как отметил В. Зомбард, стал постепенно воспитываться новый контингент производителей, оставляющих далеко за собой ремесленника «старого пошиба». Дифференциация отдельных самостоятельных работ вызывала в жизнь недюжинных специальных рабочих и проч. Но были негативные стороны этого процесса: поручая исполнение своих моделей другим, художник (ремесленник, превращавшийся в предпринимателя, хозяина крупного предприятия) тем самым отказывался от крупнейшего преимущества ремесленного производства — возможности непосредственного проникновения творческой мыслью самого произведения, от индивидуальной целостности творчества²⁷. И в Москве недостатки цеховой организации в связи с развитием капиталистических отношений постоянно проявляли себя и тормозили развитие ряда известных художественных производств. Многим мастерам и владельцам мелких и средних мастерских было трудно выдерживать конкуренцию с крупными предприятиями. Им приходилось работать на крупные фирмы, теряя самостоятельность. В Серебряный цех можно было уже поступать не только мастерам, работавшим с драгоценными металлами, но и тем мастерам, которые имели профессии часовщиков, слесарей, медников и пр. С первой четверти XIX в. начинается процесс укрупнения мастерских золотых и серебряных изделий. Растет число фабрик,

оснащенных новейшей техникой, нередко заграничных образцов. Владельцы этих предприятий пытались сосредоточить в своих руках значительную часть производства изделий из драгоценных металлов и наладить сбыт, прежде всего, в собственных магазинах, где могли осуществлять и торговлю продукцией, приобретенной в различных мастерских²⁸.

До середины XIX столетия в Москве, помимо названной фирмы Сазикова, не возникло ни одного крупного предприятия по производству золотых и серебряных изделий. И лишь в 1851 г. (по другим источникам — в 1854 г.) серебряных дел мастер, Павел Акимович Овчинников (1820–1887), основал в Москве фирму (торгово-производственный комплекс — фабрика и магазины), впоследствии ставшей одной из самых лучших в России. Фабрика П. А. Овчинникова к началу 1870-х гг. имела в своем составе уже 150 рабочих. Ассортимент ее производства — церковная утварь, столовые приборы, кабинетные вещи. С 1865 г. Овчинников стал поставщиком двора цесаревича Александра Александровича, в 1872 г. получил звание «Поставщик Двора Его Императорского Величества», с 1878 г. — поставщик двора великого князя Михаила Николаевича. В 1871–1875 гг. при фирме была создана специализированная школа для подготовки мастеров — исполнителей ювелирного и серебряного дела на 130 человек. В 1888 г., после смерти основателя фирмы, дело продолжили его сыновья: Михаил, Александр, Павел и Николай. Фирма прекратила свое существование лишь в 1917 г.²⁹

В 60–70-е годы XIX в. в Москве существовало 15 фабрик по обработке золота и серебра, в ассортименте продукции которых были изделия не только светского характера, но и церковная утварь. Самые известные среди них принадлежали С. И. Сазикову, П. А. Овчинникову, А. М. Постникову, И. П. Хлебникову, Д. И. Орлову. Среди прочих предприятий особо выделялись ювелирные производства В. А. Адлера, А. И. Зевакина, А. А. Зенгбуша, О. А. Крумбюгеля, И. Д. Чичелева³⁰.

Среди процветающих производств, работающих с драгоценными металлами, особое место занимала фирма Ивана Петровича Хлебникова. Возникновение ее в Москве А. Е. Фелькерзам относил к 1869 г., другие исследователи полагали, что купец 1-й гильдии И. П. Хлебников до 1867 г. работал в Петербурге, а в 1870 г. основал фирму в Москве³¹. Сам Хлебников писал, что открыл фабрику в 1871 г. По всей вероятности, до ее возникновения он имел лишь торговое заведение³². После смерти И. П. Хлебникова (1881 г.) его сыновьями Михаилом, Николаем, Алексеем и купцом 1-й гильдии В. Н. Сувориным было образовано в 1888 г. акционерное общество, получившее название «Товарищество производства серебряных, золотых и ювелирных изделий И. П. Хлебникова сыновья и К°». Участвовал в делах фирмы

и младший сын Владимир. Сразу же после открытия на ней работало 120 человек, среди которых 20 иностранцев. В начале 80-х годов XIX в. на фабрике работало уже до 200 человек, годовой оборот производства составлял до 300 тыс. руб. При этом обрабатывалось до 500 пудов серебра, 10 пудов золота, бриллиантов и камней на сумму до 600 тыс. руб.³³ Фирма Хлебниковых имела магазины в разных местах: в Москве — на Кузнецком мосту, на Ильинской улице, в Серебряном ряду; в Петербурге — на Невском проспекте, на Нижегородской ярмарке — на главной линии. С 1869 г. Хлебников поставлял свои изделия двору императора и великим князьям, а с 1872 г. — он уже официально числится «Поставщиком Двора Государя великого князя Константина Николаевича», с 1877 г. — «Поставщик Двора великого князя Владимира Александровича»; с 1873 г. фирме стали поступать заказы «для гардероба Ее Величества», с 1879 г. она получила право иметь на вывеске изображение государственного герба. После образования акционерного общества фирма вновь получила права именоваться «Поставщиком Высочайшего Двора» и иметь на вывеске изображение государственного герба в 1898 г. Мастерам приходилось постоянно выполнять и заказы австрийского императора Франца Иосифа I, а также «двора Е. В. короля датского, Е. В. короля Нидерландского, Е. В. короля Сербского и Е. В. князя Черногорского»³⁴. Ассортимент поставляемых изделий был широк: братины, шкатулки, ларцы, столовые и чайные сервизы, в декоре которых использовались самые различные техники. По кремлевским заказам мастера изготавливали декоративные блюда, предназначенные для подношения хлеба и соли во время коронаций, торжественных встреч, юбилеев. Наряду с английской фирмой «Никольс и Плинке», предприятиями И. Морозова и П. Овчинникова, фирма Хлебникова занималась заменой старых серебряных дворцовых сервизов и приборов, поновляла отдельные предметы широко известных сервизов XVIII в. «Золоченый», «Орловский», подаренный Екатериной II графу Г. Орлову и др. Особое внимание уделялось изготовлению церковной утвари. Известен крест, выполненный мастерами по проекту А. В. Щусева и заказанный княгиней З. Н. Юсуповой для Марфо-Мариинской обители. Фирма выпускала и продукцию, рассчитанную на широкие слои населения: столовое серебро — обеденные, чайные, кофейные приборы, хлебницы, солонки, дорожные приборы и пр.

С начала 1880-х гг. фабрика Хлебникова превратилась в многопрофильное ювелирное производство, оснащенное вальцевальными (для прокатки серебра и золота в листы больших размеров), гильоширными, сверлильными, шлифовальными машинами и прессами. Имелась кузница, слесарная мастерская и паровая машина. При фабрике были открыты школы: рисовальная и скульптурная. В этот период вместе с другими ювелирами — П. А. Овчинниковым, А. М. Постни-

ковым, С. И. Чичелевым — фирма Хлебникова выполняла крупный заказ для храма Христа Спасителя (изготовление культовых изделий — потиров, дарохранительниц, водосвятных чаш, кадил, лампад и пр.). Неоднократно фирме поступали крупные кремлевские заказы на монументально-декоративные работы по оформлению интерьеров кремлевских соборов, что несомненно являлась свидетельством высокого авторитета предприятия, качества его изделий и производственных мощностей. Так, в 1896 г. был успешно выполнен заказ на изготовление иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля³⁵.

За успехи своего производства И. П. Хлебников был пожалован многочисленными знаками отличия и наградами: бронзовой медалью на Аннинской ленте, пятью золотыми медалями для ношения на шее (на Станиславской, Аннинской, Владимирской и Александровской лентах). Отмечен был наградами и его старший сын — Михаил (в 1881 г. получил орден Станислава третьей степени, а в 1883 г. ему присвоили звание почетного гражданина Петербурга)³⁶. С 1887 г. его братья вошли в сословие почетных граждан.

После смерти И. П. Хлебникова фирма продолжала расширять свое производство, в 1887 г. поглотив значительную часть производства Сазиковых. На производстве четко соблюдалось разделение труда по определенным профессиям: серебряники, медники, чеканщики, золотари, галантерейщики, эмальеры, филигранщики. В двух магазинах — в Москве и Петербурге был «полный выбор всевозможных изделий из серебра, золота, ювелирных вещей, жемчуга и часов на разные цены». Фирма являлась постоянным участником всероссийских и международных выставок (1875 г. — Митава, 1876 г. — Филадельфия, 1878 и 1879 гг. — Париж, 1882 г. — Москва, 1883 г. — Ницца, 1884 г. — Рига и др.). Во время Первой мировой войны «Товарищество И. П. Хлебникова сыновья и К^о» выполняло военные заказы. 24 июня 1917 г. фирма прекратила свое существование. В 1918 г. основное предприятие было преобразовано в Московский платиновый завод³⁷.

Собрание изделий ювелирной фирмы И. П. Хлебникова в Музее-заповеднике «Московский Кремль» состоит из 209 произведений. Часть его находится в Благовещенском и Успенском соборах Кремля, хранится в фондах серебра, отдельные изделия экспонируются в Оружейной палате.

Нельзя не упомянуть еще два крупных предприятия художественной промышленности Москвы — А. М. Постникова и Г. Г. Клиngerта. Фабрика золотых, серебряных и бронзовых изделий купца Андрея Михайловича Постникова была основана в 1868 г. В 1870 г. на ней уже было рабочих: мужчин — 63, малолетних детей — 24; годовой оборот составлял 250 тыс. руб. При фабрике действовала специальная школа по подготовке мастеров-ювелиров на 47 человек. С 1877 г.

А. М. Постников уже «Поставщик Высочайшего Двора», Двора великого князя Владимира Александровича, великой княгини Марии Павловны и английского короля. В 1886 г. на базе фабрики организовано товарищество с основным капиталом в 330 тыс. руб. Предприятие являлось многократным участником всероссийских и всемирных художественно-промышленных выставок³⁸.

Густав Густавович Клингерт (Klingert) (1836–1921, Москва), предприниматель, коллекционер, прусский подданный, основавший в 1866 г. в Москве мастерскую серебряных изделий, выпускавшую столовое серебро и выполнявшую специальные заказы (в т. ч. изготовление коронационных блюд). Фабрика располагалась в собственном доме (в М. Сыромятническом пер., с 1912 г. — на Елоховской пл.). С 1905 г. организовал ювелирное производство — фабрику золотых и серебряных изделий. Продукция отмечена медалями на международных выставках в Лондоне и Эдинбурге (1886), Париже (1889, 1890), Чикаго (1893), Антверпене (1894). Клингерт увлекался нумизматикой, собрал ценную коллекцию русских монет XVIII в. С 1898 г. являлся действительным членом Московского нумизматического общества. В октябре 1917 г. продал свою фабрику за 600 тыс. руб. двум рижским предпринимателям³⁹.

Во второй половине XIX в., помимо предприятий, занятых выпуском золотосеребряных изделий, продолжало функционировать канительное производство, сосредоточенное в основном в Москве, в Московском, Бронницком, Подольском, Богородском и Дмитровском уездах Московской губернии. Кроме того, канительные предприятия существовали в Санкт-Петербурге, Корчевском уезде Тверской губернии и на Кавказе. Семь самых крупных механизированных производств с паровыми машинами находились в Московском пробирном округе⁴⁰. По состоянию на 1872 г. в Москве было зафиксировано 4 канительных предприятия (владельцы А. В. Алексеев, Н. Л. Иванов, А. Н. Крючкова, С. Ф. Мадаев). Их ассортимент: серебряная плаценка — с позолотой, ординарная, цветная, пряденая на шелку — с позолотой, листовое золото, канитель позолоченная и серебряная, а также золотые и серебряные гасы, позолоченная мишурная проволока, посеребренная мишурная проволока, лигатурная проволока, мишурно-пряденая и пр. Самое крупное производство имел Алексеев — 82 рабочих, выработка товара на сумму 785 тыс. руб., второе по величине у Н. Л. Иванова — 57 600 руб.⁴¹

В 1880-е гг. золотосеребряная промышленность пополнилась многочисленными мастерскими, т. к. по Пробирному Уставу 1882 г. изготовление золотых и серебряных вещей перестало быть цензовым ремеслом.

В этот же период отмечено 13 золотопрядильных, золотогасовых, золотокружевных и позументных предприятий. Среди них самым

значительным по числу работников и суммы производительности (60 человек, 145 500 руб.) было предприятие Ивана и Семена Петровичей Вишняковых. Второе место по этим показателям занимало производство Д. Н. Арбузова (53 работника, 137 500 руб.). На остальных предприятиях число работников варьировалось от 20 до 35 человек. Среди них самый большой доход — 63 646 руб. — имел И. Е. Сытов (оборудование его производства: 20 прядильных и 25 ткацких станков, 2 горна, плавильная печь, 3 верстака, 8 тисков, наковальня). Ассортимент названных предприятий: галун серебряный, парча золотая, бахрома, канитель серебряная и золотая, офицерские и гражданские погоны, эполеты золотые, серебро пришивочное, плащаницы, вышитые золотом, газет, сетки серебряные и золотые⁴².

Всего по состоянию на 1893 г. в России существовала 21 фабрика, на которых работали с золотом и серебром. Обслуживали производство 763 человека. Среди фабрик наибольшее количество золотопрядильных и канительных — 8 (1 741 700 руб.), золотокружевных и церковной утвари — 6 (260 586 руб.). Остальные фабрики — сусального золота и серебра (золотобойные), золото-серебро-газовые и позументные, серебропрокатные, накладного серебра и гальванопластичные⁴³. В этот год по данным Министерства финансов было изготовлено продукции из золота и серебра на 7 млн руб., импорт этих товаров составил сумму на 809 тыс. руб. Внутренняя потребность России в золотых и серебряных изделиях удовлетворялась собственным производством на 94 %⁴⁴.

XIX в. внес некоторую механизацию в приемы обработки драгоценных металлов, которая привела к упрощению, удешевлению и ускорению обработки и значительным изменениям облика изделий московской работы. Вместо кованного от руки серебра с мягким переливчатым блеском, широко входит в употребление полученное механическим путем гладкое серебро, которое полируют до зеркального блеска. Трудоемкая чеканка, придававшая каждому элементу изображения неповторимость, начинает вытесняться механической штамповкой. Прокаткой или вальцовкой быстро выполняются длинные полосы мелкого рельефного орнамента с повторяющимся раппортом. Мастера напаивают эти полосы на венцы стаканов, кружек, молочников, на края подносов и сухарниц.

Позолота (при примеси в золото значительного количества меди) плохо гармонировала с голубоватым оттенком серебра и в XIX в. лучшие изделия делают большей частью целиком серебряными, а если и золотят, то сплошь с внутренней стороны. После 1840 г. вместо «золочения через огонь» при помощи ртутной амальгамы начинают применять золочение гальваническим способом⁴⁵.

Во второй половине XIX столетия в России сложились две художественные школы в декоративно-прикладном искусстве — одна

в Петербурге, вторая в Москве. В столице сохранялась ориентация на западноевропейскую культуру и моду, в Москве в этот период зарождались национальные формы искусства, что и отражалось на произведениях золотосеребряных предприятий. Мастера XIX в. заимствовали формы, декоративные мотивы, цветовую гамму богатого наследия московского золотосеребряного дела. Отражением национальных традиций и демократических тенденций, присущих русской художественной культуре второй половины XIX в. стал в серебряном деле бытовой жанр. Уже в начале XIX в. Императорский фарфоровый завод, частные заводы Ф. Я. Гарднера и А. Г. Попова начали выпускать знаменитые серии фигурок народов России, а также мелкую пластику, в которой нашли отражение жанровые сцены из крестьянской жизни и отдельные типажи. Этот опыт мастеров фарфора, русских скульпторов, создавших целое жанровое направление в малых формах, мастеров серебряного дела П. Ф. Сазикова и П. А. Овчинникова широко использовался в крупных мастерских и фирмах. Так, на фирме Хлебникова с 1870-х гг. создавали многочисленные изделия серебряной пластики в русском стиле — с преобладанием крестьянских, былинно-сказочных и фольклорных мотивов (кушцы, одетые в национальную одежду, кулачные бои, шахматные фигурки и пр.), которые подавались в несколько идеализированном виде. Использование национальных мотивов способствовало совершенствованию специальных приемов обработки металла — литья, чеканки, резьбы. Многие мастера могли великолепно обработать резцом поверхность серебра в виде плетения из лыка (кофейник), воспроизводили фактуру ткани (сахарница).

На развитие русского стиля при изготовлении различных предметов из серебра оказали влияние и произведения «абрамцевского круга» — В. Васнецова, М. Врубеля, Е. и В. Поленовых, которые, в частности, увлекались мозаикой и витражными композициями, что способствовало появлению в ювелирной промышленности оконной или витражной эмали (использовали ее в различных предметах — вазочки для конфет и пр.)⁴⁶.

В ювелирном искусстве четко обозначилось стремление создать свой национальный стиль и, прежде всего, в чеканных изделиях. Так, приборы для вина нередко выполнялись в форме больших ковшей или братин с чарками и черпаками, повторявшими формы и орнаментацию древнерусской утвари. Ювелирное искусство высветило еще одно оригинальное направление — воспроизводство в серебре фактуры различных материалов — меха, кожи, ткани, дерева. Изделия, имитирующие эти материалы, получили широкое распространение в 1860–1880-е гг.

Особенно высокого качества изделия с применением техники черни выпускала фабрика В. С. Семенова (серебряные предметы — сто-

ловые и чайные приборы, кофейные чашки, портсигары, табакерки, подстаканники, солонки, стаканчики). В конце XIX — начале XX в. изделиями, в которых ярко проявился стиль «модерн», заявила о себе фирма Курлюкова⁴⁷.

Таким образом, на протяжении второй половины XVIII–XIX вв. во всех видах золотосеребряной промышленности появились крупные предприятия и произошли значительные качественные изменения, касающиеся не только техники, технологии производства, но и художественной стороны продукции. О высоком признании достижений этого вида промышленности свидетельствовали высокие награды на многочисленных общероссийских и международных выставках и постепенное наращивание объема вывоза предметов искусства за рубеж.

Примечания

- ¹ *Зомбард В.* Собр. соч.: в 3 т. СПб., 2005. Т. 1. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека. С. 536.
- ² О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и путешествие А. Радицева. Факсим. изд. М., 1983. С. 51–53.
- ³ ПСЗ-1. Т. IV. № 1752.
- ⁴ Там же. Т. VIII. № 5928. Ювелирное ремесло, изготовление церковной утвари, драгоценных предметов домашнего обихода, кабинетных вещей по своему правовому положению были отнесены к ценовому ремеслу.
- ⁵ *Постникова-Лосева М. М., Платонова Н. Г., Ульянова Б. Л.* Золотое и серебряное дело XV–XX вв. (Территория России, СНГ и Ближнего Зарубежья). СПб., 2003. С. 123–124.
- ⁶ ПСЗ-1. Т. XVI. № 11652.
- ⁷ *Гольдберг Т. Г.* Очерки по истории серебряного дела в первой половине XVIII века // Труды ГИМ. М., 1947. Вып. XVIII. С. 50.
- ⁸ ПСЗ-1. Т. IX. № 6554.
- ⁹ Там же. Т. XIII. № 10018.
- ¹⁰ Там же. Т. XIV. № 10193.
- ¹¹ Там же. Т. XV. № 10811.
- ¹² Там же. Т. XVI. № 11652.
- ¹³ *Индова Е. И.* О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Историческая география России. XVII — начало XX в. М., 1975. С. 261–271.
- ¹⁴ *Матисен Н.* Атлас мануфактурной промышленности Московской губернии. М., 1872. С. 126.
- ¹⁵ *Костина И. Д.* Произведения московских серебряников первой половины XVIII века: Каталог. М., 2003. С. 476–482.
- ¹⁶ *Постникова-Лосева М. М. и др.* Указ. соч. С. 72–80.
- ¹⁷ *Зябловский Е. Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии. СПб., 1808. С. 58–59.
- ¹⁸ *Гизе М.* Очерки истории художественного конструирования в России XVIII — начала XX в. СПб., 2008. С. 505.
- ¹⁹ ЦИАМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 205. Л. 5–8.

- ²⁰ Там же. Л. 5–8 об.
- ²¹ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 341.
- ²² Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 582.
- ²³ ЦИАМ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 205. Л. 5–8 об.
- ²⁴ *Зябловский Е. Ф.* Российская статистика. СПб., 1832. С. 132.
- ²⁵ *Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 113.
- ²⁶ *Иванов А. Н.* Мастера золотого и серебряного дела в России (1600–1926): Руководство для экспертов-искусствоведов. Т. 2. М., 2002. Стб. 3679.
- ²⁷ *Зомбард В.* Указ. соч. Т. 1. С. 587–589.
- ²⁸ *Постникова-Лосева М. М. и др.* Указ. соч. С. 124–125. Однако по состоянию на 1893 г. в Москве еще продолжали функционировать Серебряный (323 мастера, 452 подмастерья) и Позументный (116 мастеров, 149 подмастерьев) цехи (См.: *Пажитнов К. А.* Указ. соч. С. 184–185).
- ²⁹ *Иванов А. Н.* Указ. соч. Стб. 3065–3068.
- ³⁰ *Матисен Н.* Указ. соч. С. 124–125.
- ³¹ *Фелькерзам А. Е.* Описи серебра двора Его Императорского Величества. СПб., 1907. С. 97; *Постникова-Лосева М. М. и др.* Указ. соч. С. 230.
- ³² *Коварская С. Я.* Произведения Московской ювелирной фирмы Хлебникова: Каталог. М., 2001. С. 8.
- ³³ *Скурлов В. В., Смородинова Г. Г.* Фаберже и русские придворные ювелиры. М., 1992. С. 109.
- ³⁴ *Коварская С. Я.* Указ. соч. С. 9–10.
- ³⁵ Проканфаренная поверхность шестиярусного бронзового золоченого иконостаса была декорирована высокорельефной чеканкой и разноцветной эмалью детально разработанного сложного узора, состоящего из мотивов, характерных для русского искусства XVII в.: спиралевидных побегов, листьев, цветов, гирлянд, «ананасов», «дынек», «снопиков», виноградных лоз. В колонках иконостаса использованы эмали, излюбленных в средневековой Руси цветов: белого, голубого, коричневого. *Коварская С. Я.* Указ. соч. С. 15–20.
- ³⁶ Справочная книга о лицах, получивших купеческое звание и промысловое свидетельство. М., 1888. С. 56.
- ³⁷ *Иванов А. Н.* Указ. соч. Стб. 4548.
- ³⁸ Там же. Стб. 3376, 3377.
- ³⁹ Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. Т. 1. С. 995.
- ⁴⁰ *Скурлов В. В., Иванов А. Н.* Клеймение русских золотых и серебряных изделий на рубеже XIX–XX веков: Сб. архивных материалов. СПб., 2001. С. 54.
- ⁴¹ *Матисен Н.* Указ. соч. С. 127.
- ⁴² Там же. С. 128.
- ⁴³ ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 393. Л. 1–1 об.
- ⁴⁴ Там же. В начале XIX в. (по состоянию на 1803 г.) в Россию было ввезено «золота и серебра в посуде» всего на 102 384 руб. и на 86 464 руб. «галантерейных товаров», в изделиях которых отмечалось наличие драгоценных металлов.
- ⁴⁵ *Постникова-Лосева М. М. и др.* Указ. соч. С. 80–82.
- ⁴⁶ *Коварская С. Я.* Указ. соч.
- ⁴⁷ *Постникова-Лосева М. М. и др.* Указ. соч. С. 84–88.

«Земледельческий журнал» (1821–1840) как источник по аграрной истории дореформенной России

Материалы российской экономической печати XIX в. уже не раз становились объектом исследования отечественных ученых. При этом в центре внимания, как правило, оказывались либо вопросы, связанные с эволюцией тех или иных периодических изданий¹, либо различные аспекты аграрно-промышленной и социокультурной модернизации как страны в целом, так и ее отдельных регионов².

Выделим группу работ, посвященных периодическим изданиям, которые выходили под эгидой Императорского Московского общества сельского хозяйства (ИМОСХ) — крупнейшего российского сельскохозяйственного общества³. Исследователи подробно проанализировали издательскую деятельность ИМОСХ в 1820–1917 гг.⁴, проблему аграрных традиций и новаций в помещичьей рационализации дореформенного периода (по материалам периодических изданий общества)⁵, специальные хозяйственные журналы ИМОСХ⁶ и другие вопросы.

Вместе с тем в отечественной историографии нет работ, посвященных комплексному источниковедческому анализу материалов «Земледельческого журнала» — главного печатного органа Императорского Московского общества сельского хозяйства в дореформенную эпоху⁷. Попробуем восполнить этот пробел, рассмотрев содержание журнала в контексте аграрного и социокультурного развития дореформенной России.

«Земледельческий журнал» являлся специализированным сельскохозяйственным печатным органом ИМОСХ и издавался с разной периодичностью (от трех до шести номеров в год) в Москве в 1821–1840 гг. Редактором журнала все это время был секретарь (с 1833 г. — «непременный секретарь») ИМОСХ, известный экономист, общественный деятель и просветитель Степан Алексеевич Маслов (1793–1879), игравший огромную (по существу, определяющую) роль в деятельности общества в дореформенный период⁸.

Главная цель рассматриваемого нами печатного издания заключалась в том, чтобы «сообщать полезные сведения, опыты и наблюдения, касающиеся до земледелия, скотоводства и вообще до сельского хозяйства»⁹. По мнению учредителей журнала, который должен был «соответствовать ожиданиям благомыслящих соотечественников», именно помещики-дворяне, «пользующиеся лучшим образованием и лучшими способами к приобретению основательных сведений в науке сельского хозяйства», имеют возможности «всякое полезное изобретение, сделанное в чужих государствах, или в Отечестве, при-

норовлять к свойствам земли и к обычаям народа, научая тому примером своим и управителей и самих крестьян своих»¹⁰. Поэтому, «дабы основательные сведения, полезные изобретения и удачные опыты не оставались неизвестными и могли быть повсюду распространяемы», ИМОСХ приглашало «всех помещиков и хозяев» принять участие «в составлении сего Земледельческого журнала и сообщать оному свои наблюдения и замечания, до хозяйства относящиеся»¹¹.

Как мы видим, появление нового печатного издания было обусловлено целым рядом причин, прежде всего, связанных с необходимостью усовершенствования рутинного ведения сельского хозяйства и переходом от экстенсивного к интенсивному природопользованию. Уже к концу XVIII в. становится очевидным мощное ускорение социально-экономического развития страны; быстрыми темпами развивается всероссийский аграрный рынок. Введение в обиход новых сельскохозяйственных культур (картофеля, сахарной свеклы, подсолнечника и др.) требовало расширения хозяйственного кругозора крестьянина¹². Поэтому в начале XIX в. на передний план выступают задачи, связанные с подготовкой квалифицированных кадров: и опытных помещиков-рационализаторов, и управляющих именьями, и работников-крестьян¹³. Решить же эти сложные задачи можно было лишь путем свободного обмена накопленным практическим и теоретическим опытом, — в первую очередь, на страницах общероссийского аграрного печатного органа.

Журнал состоял из четырех отделений. В первом — «Земледелии» — публиковались статьи, «относящиеся до обрабатывания земли», а также рассматривались вопросы скотоводства, пчеловодства¹⁴, лесоводства и «сельских строений». Во втором — «Опытах и наблюдениях» — помещались статьи о различных хозяйственных экспериментах, «наблюдения из натуральной истории»; сведения о химических, механических и технологических опытах; здесь же размещалась информация о предлагавшихся сельскохозяйственным обществом экономических задачах и ответах на них. Третий раздел — «Выписка из журналов» — включал выдержки из иностранных книг, извещения о переводах на русский язык зарубежной экономической литературы и их обзоры. Четвертый раздел содержал переписку ИМОСХ с российскими и зарубежными членами общества¹⁵, а также с представителями императорской семьи¹⁶. В конце каждого номера публиковались протоколы о заседаниях Императорского Московского общества сельского хозяйства, отчеты о его деятельности.

Главное место на страницах «Земледельческого журнала» занимала проблема выбора путей и средств усовершенствования традиционной аграрной экономики Центральной России, которая в последние десятилетия существования феодально-крепостнического режима испытывала заметные трудности, прежде всего, обусловленные со-

хранением рутинной системы экстенсивного ведения сельского хозяйства. Для того чтобы решить эту сложную задачу (или, хотя бы, ослабить ее остроту) читатели (преимущественно «сельские хозяева») регулярно получали сведения как о результатах практической аграрно-рационализаторской работы в отдельных губерниях и уездах России, так и о важных открытиях западноевропейской аграрной науки и сельскохозяйственной практики. Поскольку лидерами аграрного сектора всей Европы в этот период выступали рационализаторы и ученые Германии, Великобритании и Франции¹⁷, их богатейшему опыту отводилось на страницах журнала центральное место. Основным акцент делался на практических хозяйственных достижениях и особенностях внедрения различных аграрных новаций¹⁸.

Кроме того, отметим информацию об аграрных и просветительских достижениях Нидерландов, Бельгии и Швейцарии, которую также оперативно получали подписчики «Земледельческого журнала». Отечественные помещики и предприниматели стремились не только расширить свои знания о хозяйственном опыте этих государств, но и, по возможности, использовать их для рационализации российских имений.

Особое внимание привлекал опыт аграрного развития одной из нидерландских провинций — Фландрии. «Песчаные равнины, сделавшиеся плодородными полями, доказывают неутомимое, врожденное трудолюбие фламандского сельского хозяина, — отмечал в 1839 г. помещик И. Безсомыкин. — Какого бы свойства ни была земля, он сделает ее плодородною. Для сельских хозяев... поучительно знать, каким образом фламандцы постепенно улучшили свою почву»¹⁹. С этой целью автор подробно описал успешно применяемые во Фландрии традиционные методы удобрения и обработки почв с помощью навоза, извести, древесной золы и мергеля. Для помещиков Центральной России эти сведения имели большое хозяйственное значение. Безсомыкин подчеркивал, что фламандский сельский хозяин «в земледелии и огородничестве постоянно имеет в виду двоякую цель: собирать большие урожаи, и в то же время не истощать почвы для последующих посевов»²⁰. Тем самым в сознание российских помещиков постепенно закладывались идеи о необходимости перехода от экстенсивных методов ведения хозяйства к интенсивным, а, вместе с ними — и понимание того, что о восстановлении природных ресурсов следует заботиться. Большое внимание уделялось в работе Безсомыкина ценнейшему фламандскому опыту борьбы с сорными травами, а также методам «глубокого удобрения полей»²¹.

Что же касается губерний Центрально-Нечерноземной России, то наибольшее значение для развития сельского хозяйства в этом регионе имела публикация в «Земледельческом журнале» ряда статей известных ярославских помещиков-рационализаторов И. И. Сама-

рина²² и Е. С. Карновича²³, в которых доказывались преимущества введения многопольного хозяйства с травосеянием; пропагандировался передовой аграрный опыт Германии²⁴.

Острой и аргументированной критике подвергались в «Земледельческом журнале» архаичные культурно-хозяйственные традиции как крестьянского двора, так и помещичьей усадьбы: трехполье, чересполосица, применение устаревших земледельческих орудий, общинные переделы земель, а также многочисленные суеверия и предрассудки, как правило, связанные со стереотипами массового сознания²⁵. По существу, обо всем этом шла речь в каждом номере рассматриваемого нами печатного органа.

Во второй половине 1830-х гг. в журнале появляются новые рубрики: «Сельская промышленность», «Библиография»²⁶, «Смесь» («любопытные сведения о новых открытиях по сельскому хозяйству»)²⁷.

На страницах журнала, помимо новейшего аграрного опыта, пропагандировались и успешно зарекомендовавшие себя на практике способы и приемы народной агрокультуры, в том числе возделывание ржи, пшеницы, овса и других сельскохозяйственных культур²⁸. Выделяются также содержательные материалы о таких аграрных отраслях, как шелководство²⁹, свеклосахарная промышленность³⁰, рыболовство³¹, виноделие³² и др.

Отметим еще один важный момент: предпринятую в «Земледельческом журнале» попытку комплексного подхода к решению насущных аграрных проблем. Выдающийся российский ученый-аграрник и педагог М. Г. Павлов³³ отмечал, что учиться сельскому хозяйству «можно тройным образом, а именно: как ремеслу, как искусству и как науке»³⁴. Он подробно изложил на страницах издания «науку сельского хозяйства»³⁵, уделив главное внимание необходимости осторожного и постепенного внедрения аграрных новаций³⁶, а также пропаганде в России плодопеременного земледелия. Эти работы (М. Г. Павлов опубликовал в журнале шесть статей) стали одним из первых важных звеньев в развитии, как отечественной аграрной науки, так и процесса постепенной модернизации сельского хозяйства нашей страны.

Обращает на себя внимание содержательная работа известного рационализатора и писателя Д. П. Шелехова, опубликованная в журнале в 1825 г. и посвященная сравнительному анализу трехпольного и плодопеременного хозяйства³⁷. Автор раскрыл недостатки архаичной трехпольной системы земледелия³⁸; показал преимущество плодопеременного севооборота. Отвечая на упреки противников плодоперемена, сущность которых сводилась к тому, что «в России климат не позволяет вводить земледелия по сему новому способу», Шелехов подверг эти доводы аргументированной критике, заключив ее следующим выводом: «В России климаты многообразны, споспешество-

ватели же земледелия трудятся для блага всего Отечества»³⁹. Что же касается «северной полосы России» (включающей в себя ряд губерний Центрального Нечерноземья), то для нее, по его мнению, новый севооборот «соответствует совершенно», поскольку здесь «свободно растут и совершенно созревают плоды, в том севообороте принятые, как то: картофель, жито и овес, пшеница, кормовой горошек, рожь и горох»⁴⁰. В целом же, как эта, так и другие работы Д. П. Шелехова⁴¹ способствовали преодолению ошибочных взглядов ряда российских рационализаторов и ученых, преувеличивавших роль климата в процессе преобразования отечественного сельского хозяйства и соответственно недооценивавших роль хозяйственных, социальных и культурных факторов⁴².

Из других работ, опубликованных на страницах «Земледельческого журнала», необходимо, прежде всего, выделить сочинения И. Я. Вилькинса и В. П. Андросова.

Помещик-рационализатор Тверской губернии И. Я. Вилькинс (1779–1852)⁴³ опубликовал в 30–40-х годах XIX в. на страницах сельскохозяйственной печати (главным образом, в «Земледельческом журнале») ряд содержательных статей о состоянии сельского хозяйства в центральных губерниях Нечерноземной России⁴⁴. Выступая за сохранение традиционных для дореформенной России отношений деревенского патернализма, он отмечал постепенный распад патриархального крестьянского семейно-бытового уклада в результате стремления к автономии представителей молодого поколения больших крестьянских семей. Еще в 1843 г.⁴⁵ Иван Яковлевич обратил внимание на «обычай нынешних крестьян жить с самой ранней молодости *на своей воле* (здесь и далее — выделено в источнике. — С. К.)», отчего, как он был твердо убежден, «по необходимости слабеют все семейные связи, теряется должное повиновение к старшим, возбуждается эгоизм и стремление к независимости»⁴⁶. Главной причиной «расстроенного положения» крестьянских хозяйств И. Я. Вилькинс считал *«неумеренное раздробление их семейств»*, являющееся следствием «нынешнего направления умов», а также недооценки национальных аграрных традиций и неумеренного индивидуализма⁴⁷.

Признавая определенную справедливость подобных оценок, сделанных человеком, хорошо знавшим повседневную крестьянскую жизнь⁴⁸, отметим, что И. Я. Вилькинс все же явно недооценивал отрицательное воздействие архаичных общинных внутрисемейных норм не только на хозяйство, но и на личность крестьянина. Нельзя забывать о том, что на уровне семьи традиционная власть домохозяина «большака», зачастую опиравшаяся на произвол и самодурство, оказывалась сопряженной с многочисленными злоупотреблениями (систематическими избиениями других членов семьи, «снохачеством»⁴⁹ и др.). Все это усиливало внутренние противоречия в кре-

стьянской семье, в основе которых лежало стремление «младших» ее членов вырваться из-под власти «большака» и завести собственное хозяйство⁵⁰. Нередко им это удавалось, что вызывало гневное осуждение со стороны как ориентированных на «старину» общинников, так и владельцев вотчин, чье мнение в данном случае и выражал И. Я. Вилькинс.

В своем сочинении «Мысли о возможности рационального хозяйства в России»⁵¹, во многом опираясь на труды выдающегося немецкого ученого-аграрника А. Тэера⁵², И. Я. Вилькинс подробно охарактеризовал практические возможности усовершенствования помещичьих и крестьянских хозяйств. При этом автор отметил необходимость тщательного учета традиционного крестьянского уклада (хозяйственные обычаи) и психологии сельских тружеников в процессе аграрной рационализации. В этом вопросе он выступил как предшественник известного ученого-рационализатора пореформенной эпохи А. Н. Энгельгардта, который пропагандировал во многом схожие с ним культуртрегерские хозяйственно-просветительские начинания⁵³.

Заслуги И. Я. Вилькинса были по достоинству оценены отечественными учеными и рационализаторами⁵⁴. В 1834 г. он был награжден ИМОСХ серебряной медалью «за написание ряда статей для сельских хозяев» и перевод книги А. Тэера, а в 1844 г. — и золотой медалью общества «за капитальное хозяйственное сочинение»⁵⁵.

Другой сотрудник журнала — видный статистик, агроном и педагог В. П. Андросов (1803–1841)⁵⁶. Он тесно сотрудничал с московскими литературными и научными журналами, в том числе в 1824–1838 гг. — с «Земледельческим журналом», в котором впервые выступил как автор научных работ; опубликовал ряд статей и переводов на хозяйственные темы⁵⁷. Отметим, что в этих трудах были подвергнуты острой критике архаичные стороны традиционного культурно-хозяйственного уклада и общественного строя крепостной России.

С журналом сотрудничал и выдающийся отечественный ученый, просветитель и рационализатор А. Т. Болотов (1738–1833), являвшийся почетным членом ИМОСХ и опубликовавший в этом печатном издании общества целый ряд сочинений⁵⁸, прежде всего, посвященных его любимой отрасли сельского хозяйства — садоводству⁵⁹.

Авторитет «Земледельческого журнала» среди рационализаторов России был весьма высок. В 1834 и 1840 гг. в нем опубликовал две статьи на хозяйственные темы⁶⁰ известный экономист и просветитель Н. С. Мордвинов (1754–1845)⁶¹. Он оказывал большую помощь российским предпринимателям в организации экономических и сельскохозяйственных обществ. Таким образом, внимание Н. С. Мордвинова

к журналу было обусловлено как его экономическими взглядами⁶², так и просветительской деятельностью⁶³.

Отметим и уникальный для крепостной эпохи пример, когда с «Земледельческим журналом» весьма продуктивно сотрудничала женщина — костромская помещица Е. А. Готовцева (одна из немногих женщин-рационализаторов того времени), организовавшая в своем хозяйстве «подражательный хутор» с целью «поощрить крестьян к рациональному сельскому хозяйству»⁶⁴.

Будучи доступен, прежде всего, дворянам-землевладельцам, журнал был довольно дорог. Так, во второй половине 30-х годов XIX в. цена за годовую подписку, увеличившись за десятилетие на 5 руб., составляла в Москве 15 руб. ассигнациями («с пересылкою в другие города» — 17 руб. ассигнациями).

В 1828 г. редакция «Земледельческого журнала» с заслуженной гордостью отмечала: «В продолжении осми лет сего издания Общество получало от хозяев самые приятные доказательства того, что Земледельческий журнал приносит им существенную пользу, самым опытом при улучшении их хозяйства подтверждаемую»⁶⁵. При этом объем содержания третьего отделения печатного органа («выписка» из иностранных журналов и книг) постепенно сокращался, уступая место разнообразным материалам об «опытах и наблюдениях», производимых в России⁶⁶.

Авторы журнала занимали ярко выраженные патриотические позиции. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что, выступая за использование в России передовых зарубежных аграрно-просветительских достижений, они тем не менее отнюдь не считали их некоей панацеей, а, напротив, стремились к творческому синтезу сельскохозяйственных традиций и новаций, включая обращение к богатейшему опыту национальной истории и культуры⁶⁷.

Вместе с тем нельзя забывать и о том, что «Земледельческий журнал» издавался задолго до отмены крепостного права в России. Поэтому на его страницах отразились многие типичные черты крепостной эпохи, включая и стереотипы дворянского воспитания⁶⁸, и широко распространенные среди всех слоев населения империи патерналистские взгляды. Наиболее ясно позицию «патерналистов-крепостников» выразил действительный член ИМОСХ помещик П. А. Кикин, который в 1834 г. писал: «Сколь ни полезно и необходимо знать отношения наши к крестьянам, но конечно не для изменения их, а для большей токмо расчетливости и правильности в действиях наших, а потому, чем ближе и проще к цели, тем удобнее достижение оной»⁶⁹. Помещиков, прежде всего, интересовали вопросы, связанные с оценкой имения, включая «сколько помещик имеет в крестьянах капитала силы и во что сия сила ему обходится»⁷⁰. Сохранение жесткого контроля за выполнением крестьянами хозяйственных работ

оставалось бесспорным приоритетом. «Основание русского хозяйства заключается в положении крестьян, и где им не худо, там токмо и помещику постоянно хорошо, — отмечал Кикин, — из чего и следует, что главное и неусыпное попечение требуется в надзоре за ними, а затруднение сего составляет всю невыгоду в сравнении хозяйств наших с иностранными»⁷¹. Таким образом, отношения патернализма понимались читателями журнала (в основном, владельцами вотчин), главным образом, сквозь призму помещичье-дворянских корпоративных интересов⁷². Исключение составляли лишь отдельные рационализаторы: Е. С. Карнович, Д. В. Гаврилов⁷³, А. И. Чихачев⁷⁴ и др.

В последние годы издания меняется и структура журнала. Раздел «Земледелие» сменили новые разделы: «Сельское хозяйство» (в котором помещались и отчеты об отдельных хозяйствах рационализаторов⁷⁵) и «Сельская промышленность». Появился раздел «Библиография», в котором публиковались обстоятельные аналитические статьи о новых отечественных хозяйственных сочинениях⁷⁶, а также справочно-статистические материалы⁷⁷.

Важное практическое значение для российских рационализаторов приобрела в середине — второй половине 1830-х гг. информация, содержащаяся еще в одной новой рубрике журнала — разделе «Хозяйственные ошибки» (был не в каждом номере)⁷⁸.

В условиях николаевской эпохи — времени жесточайшей цензуры⁷⁹ — встречались лишь отдельные примеры, когда в русской провинциальной прессе редакторы проявляли известную свободу при определении программы своего печатного органа. В результате был опубликован ряд содержательных материалов, в том числе и о крестьянском культурно-хозяйственном укладе⁸⁰. На этом фоне резко выделяется деятельность редактора «Земледельческого журнала» С. А. Маслова, пользовавшегося полным доверием со стороны властей и реализовавшего эти возможности максимально эффективно — и для пропаганды «науки сельского хозяйства», и для изучения народных агрокультурных традиций. Отметим, что он же опубликовал на страницах журнала и наибольшее количество трудов по самым разнообразным хозяйственным и просветительским вопросам — по нашим подсчетам, 254 работы, включая 42 перевода статей с иностранных языков, а также библиографические обзоры новейшей сельскохозяйственной литературы⁸¹.

В 1821 г. число подписчиков «Земледельческого журнала» составляло всего 400 человек, однако, уже к 1825 г. оно возросло более чем в два раза (в 1825 г. номера журнала за первые два года выпуска даже были отпечатаны вторым изданием — редчайший случай для периодического печатного органа)⁸². Другие сведения о подписчиках в источнике отсутствуют, но несомненно, что круг читателей журнала год от года расширялся (в основном, за счет увеличения числен-

ного состава ИМОСХ). Вплоть до 1830 г. журнал издавался за счет сельскохозяйственного общества⁸³, а с 1830 г. — на средства редактора С. А. Маслова.

В дальнейшем, в связи с эволюцией характера печатного органа и по просьбам самих членов ИМОСХ, «Земледельческий журнал», будучи соединенным с «Журналом для овцеводов», изменил свое название (и, соответственно, содержание): в 1841–1850 гг. — «Журнал сельского хозяйства и овцеводства»⁸⁴, в 1851–1859 гг. — «Журнал сельского хозяйства», и в 1860–1862 гг. — «Сельское хозяйство».

«Земледельческий журнал» сыграл значительную роль в пропаганде различных аграрных новаций, являясь в рассматриваемый период единственным специальным сельскохозяйственным журналом на всей территории России. Во многом благодаря именно этому печатному органу Императорского Московского общества сельского хозяйства, а также «Земледельческой газете»⁸⁵ произошел своего рода «ментальный переворот» в массовом сознании русских сельских хозяев, которые наглядно убедились «в пользе науки сельского хозяйства»⁸⁶. Это изменение стало результатом регулярного информирования отечественных помещиков о передовых достижениях аграрной науки и практики, — в первую очередь, на основе разнообразных материалов, посвященных внутреннему развитию отдельных российских губерний⁸⁷. В то же время, нельзя преуменьшать и значимость информации, связанной с новейшим аграрным опытом западноевропейских стран: зачастую именно она являлась мощным исходным импульсом для отдельных помещиков в нелегком многолетнем пути хозяйственного преобразования⁸⁸.

Итак, материалы «Земледельческого журнала» содержат ценнейшие сведения, касающиеся ключевых проблем аграрной истории России первой половины XIX в. Это позволяет современным исследователям-аграрникам творчески использовать их (вместе с информацией из других архивных и опубликованных источников) для разработки целого ряда вопросов, относящихся к хозяйственному и социокультурному развитию нашего Отечества в дореформенную эпоху.

Примечания

¹ *Акопов А. И.* Отечественные специальные журналы. 1765–1917. Ростов н/Д, 1986. С. 80–104; *Мохначева М. П.* Агрономические листки, ручные и карманные книжки: журнальный тип издания «Практических наставлений» сельским домохозяевам XVIII — середины XIX вв. // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 1999. С. 164–174; *Козлов С. А.* «Русское сельское хозяйство» // Экономическая история

- России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2 т. (далее — ЭИР). Т. 2. М., 2009. Т. 2. С. 568–569; *Его же*. «Сельский хозяин» // Там же. С. 643–644.
- ² *Мохлачева М. П.* И. В. Вернадский и его журнал «Экономический указатель» о развитии фермерских хозяйств в России // *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы*. Вологда, 2001. С. 172–182; *Козлов С. А.* Вопросы аграрной рационализации Центрально-Нечерноземной России на страницах журнала «Сельский хозяин» (конец XIX — начало XX в.) // *Северо-Запад в аграрной истории России: Межвузовский сб. научных трудов*. Калининград, 2003. С. 123–135; *Его же*. Российская экономическая печать о развитии сельского хозяйства Подмосковья в 1861–1894 гг. // *Проблемы истории Московского края: Тезисы докладов 4-й региональной научной конференции, посвященной 75-летию образования Московской области (Москва, 25 февр. 2004 г.)*. М., 2004. С. 68–70; *Его же*. Аграрная рационализация Центрально-Нечерноземной России на страницах отечественной экономической печати 60-х гг. XIX в. // *Связь веков: Исследования по источниковедению истории России до 1917 г.: Памяти профессора А. А. Преображенского: Сб. статей*. М., 2007. С. 344–381; *Его же*. Вопросы аграрной модернизации Центрально-Нечерноземной России на страницах «Земледельческой газеты» XIX — начала XX в. // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. статей*. М., 2009. С. 231–251.
- ³ См. также об истории ИМОСХ: *Козлов С. А., Гребенкина З. П.* 175 лет Императорскому Московскому обществу сельского хозяйства // *Отечественная история*. 1997. № 1. С. 208–210; *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (Центрально-Нечерноземные губернии). М., 2002. С. 344–383; *Его же*. Аграрная рационализация в Центрально-Нечерноземной России в пореформенный период (по материалам экономической печати). М., 2008. С. 274–294, 320–325; *Дударев М. И.* Московское общество сельского хозяйства // ЭИР. Т. 1. М., 2008. С. 1443–1447; *Галас М. Л.* Трансформация Московского общества сельского хозяйства в первое двадцатилетие XX в. // *Сельская Россия: прошлое и настоящее*. Вып. 3. М., 2004. С. 249–255.
- ⁴ *Нохрина В. А.* Издательская деятельность Московского общества сельского хозяйства (1820–1917 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990.
- ⁵ *Козлов С. А.* Традиции и новации в сельскохозяйственной помещичьей рационализации дореформенной эпохи (по материалам Московского общества сельского хозяйства) // *Аграрные технологии в России IX–XX вв.* С. 175–183.
- ⁶ *Нохрина В. А.* Первые отечественные журналы по овцеводству // *Овцеводство*. 1991. № 2. С. 37.
- ⁷ Так, в упомянутой нами ранее работе А. И. Акопова имеется лишь краткое упоминание о «Земледельческом журнале» (*Акопов А. И.* Указ. соч. С. 94).
- ⁸ Подробнее о нем см.: *Краснопевков А. А.* Воспоминания о С. А. Маслове. М., 1888; *Телицын В. Л.* Маслов Степан Алексеевич // ЭИР. Т. 1. С. 1302.
- ⁹ Предупреждение // *Земледельческий журнал* (далее — ЗЖ). 1821. № 1. С. III.
- ¹⁰ Там же. С. V.
- ¹¹ Там же. С. V–VI.
- ¹² См.: *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 149.
- ¹³ Чье национальное и социальное самосознание в ходе Отечественной войны 1812 г. фактически пробудилось от многовекового сна (подробнее см.: *Буганов А. В.* Русская история в памяти крестьян XIX в. и национальное самосознание. М., 1992. С. 148–172. См. также: *Преображенский А. А.* «Веков связующая нить...» Преемственность

- военно-патриотических традиций русского народа (XIII – начало XIX в.). М., 2002. С. 162–164).
- ¹⁴ Огромное практическое значение для развития отечественного пчеловодства имела публикация на страницах журнала 32-х статей выдающегося пчеловода П. И. Прокоповича (подробнее см.: *Козлов С. А.* Прокопович Петр Иванович // ЭИР. Т. 2. С. 393–395; *Его же.* Пчеловодство // Там же. С. 448. См. также: *Прокопович П. И.* Избранные статьи по пчеловодству. М., 1960).
- ¹⁵ Земледельческая физика // ЗЖ. 1824. № 12. С. 435–464; *Шульце.* О состоянии овцеводства и сельского хозяйства в Прусской Померании в 1827 г. // ЗЖ. 1828. № 32. С. 149–161. Отметим среди этой группы работ публикацию сочинения выдающегося французского ученого и рационализатора Ш.-Й.-А. Домбаля (*Домбаль.* О переходе из трехпольного хозяйства в плодoperеменное // ЗЖ. 1826. № 18. С. 447–462). Этот труд сыграл важную роль в пропаганде среди русских сельских хозяев идеи о необходимости перехода к более прогрессивному плодoperеменному севообороту (см. также: *Правила перехода от трехпольного хозяйства к плодoperеменному* // ЗЖ. 1822. № 6. С. 413–425).
- ¹⁶ Письмо от имени Ея Императорского Величества Государыни Марии Федоровны // ЗЖ. 1823. № 9. С. 439–440.
- ¹⁷ Подробнее о научно-практическом вкладе этих государств в дело европейской аграрной рационализации первой половины XIX века см.: *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации... С. 195–233.
- ¹⁸ Замечания о заведениях Таера в Меглине // ЗЖ. 1821. № 3. С. 387–391; [*Гагарин С. И.*, кн.] Замечания о состоянии земледелия в Саксонии, Богемии и Франции // ЗЖ. 1822. № 4. С. 72–84; *Шубин Н.* Замечания о состоянии земледелия во Франции // Там же. № 6. С. 395–404; Письмо п. ч. Пера Франции Морель де Винде // ЗЖ. 1824. № 10. С. 51–52.
- ¹⁹ [*Безсомыкин И.*]. О фламандском сельском хозяйстве // ЗЖ. 1839. № 48. Сельское хозяйство. С. 3.
- ²⁰ Там же. С. 17.
- ²¹ См.: Там же. С. 17–18.
- ²² *Самарин И. И.* Ясное доказательство, сколь полезно ввести травосеяние крестьянам Ярославской губернии, не имеющим достаточного количества сенокосов // ЗЖ. 1826. № 16. С. 9–24; *Его же.* О заведении травосеяния крестьянами в чрезполосном имении // ЗЖ. 1829. № 25. С. 109–112. См. также: *Козлов С. А.* Самарин Иван Иванович // ЭИР. Т. 2. С. 613.
- ²³ *Карнович Е. С.* Хозяйственные записки из путешествия в Германию // ЗЖ. 1834. № 19. С. 641–700; *Его же.* Сравнение голштинского хозяйства с трехпольным русским // ЗЖ. 1835. № 24. С. 483–510. См. также: *Козлов С. А.* Карнович Ефим Степанович // ЭИР. Т. 1. С. 949–950.
- ²⁴ Эти работы заслужили высокую оценку специалистов. Так, в 1833 г. И. И. Самарин был награжден серебряной медалью ИМОСХ «за введение многопольного хозяйства с травосеянием у крестьян Ярославской губернии». А опубликованные Е. С. Карновичем в «Земледельческом журнале» статьи о хозяйственном опыте Германии, по свидетельству С. А. Маслова, были восприняты читателями «с особенным уважением», поскольку по своей содержательности вполне могли быть поставлены в один ряд с сочинениями ведущих европейских ученых-агрономов А. Юнга и А. Тэера (ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 1. Д. 201. Л. 17).

- ²⁵ См., например: *Стахович М.* Народные приметы в отношении к погоде, земледелию и домашнему хозяйству // Вестник Русского географического общества. Вып. 2/3. Кн. 6. СПб., 1851. С. 1–14.
- ²⁶ Из опубликованных в этой рубрике материалов отметим следующие содержательные аналитические статьи: Лексикон городского и сельского хозяйства // ЗЖ. 1836. № 24. С. 455–459; Народное руководство в сельском хозяйстве, соч. Д. Шелехова // ЗЖ. 1838. № 41. С. 461–468.
- ²⁷ См., например: О возделывании картофеля // ЗЖ. 1839. № 47. С. 455–458; *Токарев.* Об употреблении овсяной муки в хлебе // ЗЖ. 1840. № 52. С. 330–331; Об опытах над посевом новых хлебных растений // Там же. № 53. С. 473–477.
- ²⁸ *Мертваго С.* Примечания, относящиеся к хлебопашеству Оренбургской губ. // ЗЖ. 1822. № 6. С. 319–332; [*Бурнашев*]. О состоянии земледелия в округе Нерчинска // ЗЖ. 1824. № 10. С. 58–66.
- ²⁹ *Маслов С.* О шелководстве в Москве // ЗЖ. 1837. № 35. С. 393–400.
- ³⁰ *Он же.* О возделывании свекловицы // ЗЖ. 1825. № 14. С. 169–182.
- ³¹ *Кузмищев П.* О хозяйственной промышленности и особенно о ловле и заготовлении рыбы в Камчатке // ЗЖ. 1828. № 24. С. 359–380. Эти материалы существенно расширяют современные научные представления о развитии отечественного рыболовства (см. также: *Козлов С. А., Шамина И. Н.* Рыболовство // ЭИР. Т. 2. С. 580–581).
- ³² *Хрецацкий.* О состоянии виноделия на Дону // ЗЖ. 1826. № 18. С. 341–375.
- ³³ Директор Земледельческой школы ИМОСХ (с 1822 г.), М. Г. Павлов воспитал несколько поколений специалистов-аграрников (подробнее см. о нем: *Козлов С. А.* Павлов Михаил Григорьевич // ЭИР. Т. 2. С. 216–217).
- ³⁴ *Павлов М.* О способе ученья сельскому хозяйству // ЗЖ. 1821. № 2. Отд. 1. С. 162.
- ³⁵ См.: Там же. С. 171–185 (ср.: *Маслов С.* Взгляд на науку сельского хозяйства // ЗЖ. 1836. № 21. С. 353–356); *Его же.* О главных системах сельского хозяйства с принаровлением к России // ЗЖ. 1836. № 3. Отд. 1. С. 362–386; *Его же.* Речь о побудительных причинах совершенствовать сельское хозяйство в России // ЗЖ. 1823. № 8. С. 155–178 (отд. изд. — М., 1823).
- ³⁶ «Ни одна из всех известных систем всюду господствующую быть не может», — подчеркивал он, а сделать правильный выбор поможет лишь «наука сельского хозяйства и, озаренная светом ея, опытность» (*Павлов М.* О главных системах сельского хозяйства с принаровлением к России. С. 385).
- ³⁷ *Шелехов.* Сравнительный расчет доходов и работ обыкновенного 3-польного и нового плодопеременного 7-польного хозяйства // ЗЖ. 1825. № 15. С. 333–380.
- ³⁸ Там же. С. 373–376.
- ³⁹ Там же. С. 379.
- ⁴⁰ Там же. С. 380.
- ⁴¹ См. также о его роли в рационализации сельского хозяйства дореформенной России: *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации... С. 271–278.
- ⁴² Как отмечал костромской помещик А. Захаров, выражая мнение большинства рационализаторов крепостной эпохи, «всякая местность представляет выгоды и удобства, лишь только умей обойтись с ней осторожно и со вниманием» (*Захаров А.* О возможности улучшения сельского хозяйства Костромской губернии в Галицком уезде, с кратким взглядом на существующее там земледелие // ЗЖ. 1838. № 2. Сельское хозяйство. С. 64).
- ⁴³ Ученый-аграрник и писатель, с 1832 г. являвшийся действительным членом ИМОСХ, принимал активнейшее участие в деятельности общества. С 1844 по октябрь 1845 г. он руководил Бутырским учебно-опытным хутором ИМОСХ, а в 1845 г. издавал еженесячную газету «Листок с хутора» при «Журнале сельского хозяйства и овце-

- водства», перенявшего своего рода «просветительскую эстафету» от «Земледельческого журнала».
- ⁴⁴ Вилькинс И. Замечания на статью П. А. Кикина «Взгляд на настоящее положение дворянских достояний» // ЗЖ. 1832. № 26; *Его же*. Что собственно нужно помещи-челу издельному крестьянину для безбедного содержания себя с семейством в нечерноземных северных губерниях? // Там же. № 27 (отд. изд. — М., 1832).
- ⁴⁵ За столетия до того, как эта проблема окажется в центре внимания отечественных специалистов.
- ⁴⁶ Вилькинс И. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности в замосковских к северу губерниях // Журнал сельского хозяйства и овцеводства (далее — ЖСХО). 1843. № 8. С. 50.
- ⁴⁷ Там же. С. 52.
- ⁴⁸ См. также: Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- ⁴⁹ Общепринятый обычай сексуального насилия главы семьи над своими невестками.
- ⁵⁰ См. также: Чернышевский Н. Г. Исследования о внутренних отношениях народной жизни // Чернышевский Н. Г. Избранные экономические произведения. М., 1948. Т. 1. С. 171.
- ⁵¹ *Он же*. Мысли о возможности рационального хозяйства в России // ЗЖ. 1832. № 27; 1833. № 29, 30, 31.
- ⁵² Главные труды которого он перевел на русский язык (*Тэер А.* Описание новейших и общепользных земледельческих орудий / пер. с нем. И. Вилькинса. М., 1834; *Его же*. Сельский хозяин. XIX в. / пер. с нем. И. Вилькинса. М., 1837).
- ⁵³ См. также: Козлов С. А. Рационализаторская деятельность А. Н. Энгельгардта в области землепользования: социально-хозяйственные аспекты // Землеведение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Калуга, 2003. С. 184–193.
- ⁵⁴ См. также: Маслов С. А. Иван Яковлевич Вилькинс (Некролог) // Московские ведомости. 1853. № 43.
- ⁵⁵ См.: Вилькинс И. Мысли и наблюдения о положении земледельческой промышленности в замосковских к северу губерниях // ЖСХО. 1843. № 8–10, 12.
- ⁵⁶ Организатор Земледельческой школы ИМОСХ и действительный член общества с 1828 г.; один из ведущих овцеводов дореформенной России, являлся секретарем Главного московского общества улучшенного овцеводства в 1832–1841 гг. В 1827 г. первый опубликованный научный труд В. П. Андросова, написанный по заказу ИМОСХ и посвященный хозяйственной статистике России, получил признание отечественных ученых и был «удостоен поднесения Государю».
- ⁵⁷ См.: Козлов С. А. Андросов Василий Петрович // ЭИР. Т. 1. С. 90–91.
- ⁵⁸ Болотов А. Опытные замечания, относящиеся до скотоводства // ЗЖ. 1822. № 4. С. 109–113; *Его же*. О прочных спусках на небольших деревенских прудах // Там же. № 5. С. 197–213; *Его же*. О запашке ржи бороздами // ЗЖ. 1825. № 14. С. 271.
- ⁵⁹ Болотов А. О плодовых деревьях, повреждаемых морозами // ЗЖ. 1825. № 14. С. 251–256; *Его же*. О споспешествовании лучшему росту и плодородию яблонь // Там же. С. 257–267. Полный список трудов А. Т. Болотова, опубликованных им в «Земледельческом журнале» (10 статей) см.: Труды членов Общества, помещенные в Земледельческом журнале // Историческое обозрение действий и трудов Императорского Московского общества сельского хозяйства. М., 1850. Прил. С. 202. Отметим среди них и малоизвестную даже современным специалистам болотовскую работу, в которой он обращается к историческому аграрному опыту Петра I: «Новое доказательство заботливости Петра I о введении в России кошения ржи», 1833 (см. также: Львов А. Попытка Петра I к распространению среди русского народа науч-

- ных сельскохозяйственных знаний // ЧОИДР. 1892. Кн. 1. Отд. III. Исследования. С. 1–11).
- ⁶⁰ См.: *Мордвинов Н. С.* Некоторые замечания для управителей земельных поместий // ЗЖ. 1834. № 32. С. 235–253 (отд. изд. — СПб., 1834); [*Его же.*] Описание печи гр. Н. С. Мордвинова // ЗЖ. 1840. № 51. С. 21–24.
- ⁶¹ Государственный и общественный деятель, Н. С. Мордвинов возглавлял (1823–1840) Императорское Вольное экономическое общество. Почетный член ИМОСХ (с 1828 г.), граф сам изобрел плужок, скоропашку и каток; стал автором ряда хозяйственных сочинений (см., например: *Мордвинов Н. С.* О причинах всегда скудных и часто несовершенных урожаев в России как хлеба, так и корма для скота. СПб., 1839; *Его же.* Избранные произведения. М., 1945). О деятельности Н. С. Мордвинова и его взглядах см. также: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 61–102; *Козлов С. А., Семенкова Т. Г.* Мордвинов Николай Семенович // ЭИР. Т. 1. С. 1397–1398.
- ⁶² Они вполне резонно оцениваются А. Н. Медушевским как «прагматизм... выражающийся в стремлении найти наиболее адекватные социальные формы для быстрого экономического роста» (*Медушевский А. Н.* Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI в. М., 2005. С. 76).
- ⁶³ Не случайно именно по инициативе этого незаурядного государственного деятеля с 1832 г. в России организовались первые публичные лекции по сельскому хозяйству. Под его эгидой в стране издавалась литература, посвященная в основном вопросам внедрения аграрно-технических новаций.
- ⁶⁴ См.: *Готовцева Е.* Опыт воспитания телят к улучшению скотоводства // ЗЖ. 1822. № 4. С. 57–58; [*Ее же.*] Письмо костромской помещицы Е. А. Готовцевой в Императорское Московское общество сельского хозяйства // Там же. № 5. С. 303–304; *Ее же.* Замечательные опыты над улучшением сенокосов // ЗЖ. 1835. № 21. С. 148–149. См. также о многолетней подвижнической деятельности Готовцевой: *Козлов С. А.* Аграрные традиции и новации... С. 352–353.
- ⁶⁵ [*Маслов С. А.*]. О продолжении Земледельческого журнала в 1829 г. // ЗЖ. 1828. № 24. С. 515.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ См., например, о попытке использования на практике хозяйственных и социальных традиций русского артельного коллективизма, предпринятой известным рационализатором Н. Стремоуховым ([*Стремоухов Н.*] Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человеческой и на древних российских обычаях // ЗЖ. 1829. № 25. Отд. 1. С. 3–27; *Его же.* Нечто о древнем народосчислении и взимании податей в России: Сокращенная выписка из Сошного листа 1685 г. // Там же. № 26. Отд. 1. С. 193–197; *Его же.* Описание хозяйственного распорядка, основанного на общественном, или соединенном, хозяйстве // Там же. С. 28–74. См. также: *Струве П. Б.* Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. С. 178–203).
- ⁶⁸ См.: *Худушина И. Ф.* Царь. Бог. Россия: Самосознание русского дворянства (конец XVIII — первая треть XIX в.). М., 1995; *Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. М., 1995.
- ⁶⁹ *Кикин П.* Замечания на статью г. Вилькинса о возможности рационального русского хозяйства // ЗЖ. 1834. № 33. Хозяйственные ошибки. С. 466.
- ⁷⁰ Там же. С. 464.
- ⁷¹ Там же. С. 466.
- ⁷² См. также: *Дружинин Н. М.* Декабрист Никита Муравьев // *Дружинин Н. М.* Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 24–31.
- ⁷³ См.: *Козлов С. А.* Гаврилов Дмитрий Владимирович // ЭИР. Т. 1. С. 485–486.

- ⁷⁴ См.: *Чихачев А.* У всякого свой способ хозяйничать // *Земледельческая газета*. 1845. № 82 (12 окт.). С. 653; *Бодэ А.* Средство заслужить уважение, любовь и доверенность крестьян // *Эконом*. 1846. № 47. С. 371–372. См. также об А. И. Чихачеве: *Головина Т.* Из круга чтения помещиков средней руки (по документам 1830–1840-х годов из усадебного архива) // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 93.
- ⁷⁵ Отчет д. чл. Н. А. Буннина о ходе его хозяйства в 1838 г. // *ЗЖ*. 1838. № 44. С. 352–362; О ходе хозяйства д. чл. А. И. Коренева // Там же. С. 363–376.
- ⁷⁶ См., напр.: *Руководство к управлению имениями*, соч. Г. Вонляр-Лярского // *ЗЖ*. 1840. № 53. С. 467–471.
- ⁷⁷ Отчет по Министерству уделов за 1839 г. // *ЗЖ*. 1840. С. 461–466.
- ⁷⁸ См., например: *Поздюнин*. От чего может произойти бедность крестьянина // *ЗЖ*. 1835. № 23. С. 465–482; О замечаниях книги «Опыт сельского благоустройства или полиции» Г. Майера // *ЗЖ*. 1836. № 25. С. 307–314; *Семенов*. Хозяйственные ошибки от неурожая // *ЗЖ*. 1840. № 53. С. 443–450.
- ⁷⁹ См.: *Добровольский Н. М.* Запрещенная книга в России. 1825–1904: Архивно-библиографические разыскания. М., 1962. С. 216.
- ⁸⁰ Подобные случаи имели место, например, во «Владимирских губернских ведомостях» (неофициальная часть), а также в губернских ведомостях Астраханской и Казанской губерний (см.: *Smith-Peter S.* The Russian provincial newspaper and its public, 1788–1864. Pittsburgh, 2008. P. 17–19. См. также: *Демутбева В. В.* Губернские ведомости как исторический источник для изучения социально-экономического развития предреформенной России (На материалах ведомостей верхневолжских губерний). Ярославль, 1981. Деп. в ИНИОН АН СССР 22.02.1982, № 9342. С. 71–125).
- ⁸¹ См. огромный список трудов и переводов С. А. Маслова: Труды членов Общества, помещенные в *Земледельческом журнале*. С. 166–183.
- ⁸² *Маслов С. А.* 1-й период действия Общества, с 1820 по 1826 гг. // Труды членов Общества, помещенные в *Земледельческом журнале*. С. 41.
- ⁸³ Чистая прибыль которого от продажи журнала составила с 1820 по 1830 г. 17 906 руб. (Там же. С. 60).
- ⁸⁴ Как отмечали издатели, тем самым члены двух обществ — ИМОСХ и Общества овцеводства — получили возможность найти в одном журнале «статьи по всем предметам, относящимся до сельского хозяйства, овцеводства и свеклосахарной промышленности» (Об издании в 1841 г. Журнала сельского хозяйства и овцеводства // *ЗЖ*. 1840. № 53. С. 333).
- ⁸⁵ См.: *Козлов С. А.* «Земледельческая газета» // *ЭИР*. Т. 1. С. 824–827.
- ⁸⁶ *Маслов С.* Предисловие // *ЗЖ*. 1840. № 51. С. 4.
- ⁸⁷ Согласно моим подсчетам, за все годы издания в «*Земледельческом журнале*» было опубликовано всего 12 статей, принадлежащих перу иностранных членов ИМОСХ (см.: Труды членов Общества, помещенные в *Земледельческом журнале*. С. 205–206).
- ⁸⁸ Истоки этой тенденции берут начало с событий, связанных с Отечественной войной 1812 г. и заграничными походами русской армии, в ходе которых на многих солдат и офицеров произвело сильное впечатление знакомство с высокоразвитым сельским хозяйством немецких государств и бытом местных крестьян. Оставшийся неизвестным калужский помещик писал в 1821 г. в «*Земледельческом журнале*»: «Последняя война и заграничные походы убедили нас верить, что прежнее понятие о мнимых недостатках и нищете иностранных поселян... ложным оказалось. Храбрые воины наши и до днесь еще помнят о изобилии, найденном ими особенно в Саксонии...» (Послание калужского помещика к членам Московского общества сельского хозяйства // *ЗЖ*. 1821. № 1. С. 212. См. также: *Раевский А.* Воспоминания о походах 1813 и 1814 гг. Ч. 2. М., 1822. С. 63).

Поэт Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия 1917 г.

Поэт и революция — вечная тема мировой культуры, истории. Достаточно только вспомнить Андре Шенье, автора «Марсельезы», революционного гимна Франции, и Александра Блока, автора поэмы «Двенадцать», поэмы «гибели и воскресения». Первый закончил свой жизненный путь на гильотине. Второй, в вихре революционных дней, стремился услышать еще слабые раскаты приближающейся новой бури.

Все дальше отходят от нас события и люди 1917 г. Мы тем не менее по прошествии почти 100 лет, вновь и вновь обращаемся к свидетельствам того времени, более внимательно вчитываемся в них, более объективно смотрим на лица тех, кто был творцом или свидетелем этих событий. Выявление новых материалов дает возможность по новому взглянуть на старые, что, в свою очередь, формирует более трезвое, не предвзятое мнение. Потребовались годы страданий и лишений, чтобы осознать это.

Большое значение в связи с этим имеют публикации 20-х годов, появившиеся на страницах эмигрантского издания «Архив русской революции» (далее — АРР). С 1921 по 1937 г. в Берлине вышло 22 тома¹. В 1991–1993 гг. был осуществлен репринтный выпуск всех томов в России. Издателем АРР был Иосиф Владимирович Гессен (1866–1943), известный юрист, член ЦК партии кадетов, член второй Государственной думы. В 1919 г. он эмигрировал в Германию, где основал и возглавил в Берлине издательство «Слово»; совместно с В. Д. Набоковым (отцом известного писателя), редактировал газету «Руль». Гессен был автором воспоминаний «В двух веках», вошедших в состав АРР (т. XXII) и «Годы изгнания: Жизненный отчет» (Париж, 1979).

На страницах сборников отложился огромный живой материал. Каждый том АРР преподносил читателям очередную сенсационную изюминку. Так, первый его выпуск открывался большой статьей В. Д. Набокова о деятельности Временного правительства. Вскоре, внимание читателей, как в Советской России, так и за рубежом, привлекла статья А. А. Блока «Последние дни старого режима»². Публикаторы этого материала в Берлине отметили вторичность его издания, чего, в свою очередь, не заметили рецензенты в эмиграции. Данная работа Блока первоначально была опубликована в Советской России известным историком и издателем П. Е. Щеголевым³. Через два года здесь же вышло второе издание под заглавием «Последние дни императорской власти»⁴. В этот текст книги не вошли характер-

ристики отдельных лиц, представляющие собой яркие, по преимуществу психологические зарисовки.

Издание 1921 г. заключало шесть приложений: 1) письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II от 25 декабря 1916 — 4 февраля 1917 г.; 2) записка, составленная в кружке А. А. Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Н. Д. Голицыным в ноябре 1916 г.; 3) объяснительная записка по поводу предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова; 4) письмо Н. А. Маклакова, заключенного в крепость, к Николаю II во второй половине декабря 1916 г.; 5) совещание членов Прогрессивного блока с А. Д. Протопоповым, устроенное на квартире М. В. Родзянко 19 октября 1916 г. и 6) последний Всеподданнейший доклад М. В. Родзянко от 10 февраля 1917 г. При внесении этой работы в собрание сочинений Блока (Л., 1936. Т. 8. С. 151–228) эти приложения были опущены, хотя они и представляют большой интерес для понимания обстановки в столице в предфевральские дни 1917 г.

Новая публикация работы Блока была предпринята в 1978 г. парижским издательством «Librairie de Sialsky», которая, в свою очередь послужила основанием для третьего издания в 1991 г. в Минске, опять же без каких-либо комментариев, как и предшествующее второе издание. Совершенно непонятно, почему в Минске пренебрегли отечественными публикациями.

Чем же был вызван этот интерес к статье Блока тогда, и чем объяснить его сегодня?

Основу этих двух вышеназванных публикаций составляют мысли и наблюдения Блока во время его работы в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В отечественной историографии деятельности комиссии⁵, участию в ней Блока⁶ и историческим взглядам поэта⁷ посвящен ряд публикаций.

С 7 июля 1916 г. до февраля 1917 г. Блок, при содействии своего товарища В. А. Зоргенфрея⁸, работал табельщиком в 13-ю инженерно-строительную дружину Союза земств и городов, созданного в начале войны либеральными кругами промышленников и землевладельцев в помощь фронту, что избавляло от солдатчины и обеспечивало, в сущности, официальное положение. Дружина находилась в полосе Пинских болот, где располагались запасные позиции для войск Западного фронта. В январе 1917 г. в дружину с ревизией приезжает офицер, им оказывается не кто иной, как А. Н. Толстой. Он был в недоумении, что конторские книги ему предъявляет всем известный поэт. На вопрос писателя об иных занятиях, поэт коротко ответил: «Нет, ничего не делаю»⁹.

Из дружины Блок выехал 17 марта 1917 г. в месячный отпуск и 19 марта прибыл в Петроград. Столица кипела революционными страстями: Николай II отрекся от престола, монархия пала, и было

объявлено об образовании Временного правительства. Блок с восторгом поддался общему настроению, ликование, что нашло отражение в его письме к матери: «Все происшедшее меня радует. Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала». Через три дня, в следующем письме к матери, он снова делится своими впечатлениями: «Никогда никто из нас не мог думать, что будет свидетелем таких простых чудес, совершавшихся ежедневно... Необыкновенная величественная вольность... Ходишь по городу как во сне... Картина переворота для меня более или менее ясна: нечто сверхъестественное, восхитительное»¹⁰. Но вскоре градус восторгов сменяется серьезными раздумьями. Посылая очередное письмо матери, поэт пишет: «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как волею судьбы я поставлен свидетелем великой эпохи. Волею судьбы (не своей слабой силой) я художник, т. е. свидетель...» Но видит Блок и обратную сторону событий, когда в столице громят полицейские участки, учреждения политического сыска, когда практически целиком уничтожены документы фонда Петроградского жандармского управления. Потрясенный увиденным, он писал матери: «Выгорели дотла Литовский замок и окружной суд, бросается в глаза вся красота их фасадов, вылизанных огнем, все мерзоство, безобразившее их изнутри, выгорело»¹¹.

Для него ясно одно — надо немедленно заняться «своим делом», и судьба подарила ему такую возможность.

4 марта Временное правительство объявило о создании «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданских, так и военных и морских ведомств». Это решение было опубликовано в «Вестнике Временного правительства» от 5 марта. А. Ф. Керенский, в то время министр юстиции, выступая перед Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, оправдывая свое вступление в состав Временного правительства, говорил: «В моих руках находились представители старой власти, и я не решился выпустить их из своих рук...» и принял «сделанное мне предложение войти в состав Временного правительства в качестве министра юстиции»¹². Проявив инициативу в этом деле, Керенский считал комиссию своим детищем, что и подтверждается свидетельством Н. П. Карабчевского, известного петербургского юриста¹³. Работа самой комиссии началась несколько позже. Через несколько дней ее председателем, с правами заместителя министра юстиции, был назначен известный юрист, московский адвокат, Николай Константинович Муравьев (1870–1936). Карабчевский вспоминает, что Керенский как-то заметил, что выбор кандидатуры был определен лично им, и основанием для этого послужило то обстоятельство, что если в свое время Муравьев-Виленский,

беспощадно расправился с польским восстанием 1863 г., то теперь и «наш Муравьев нагонит трепета»¹⁴.

Был определен и состав членов комиссии: сенатор С. В. Иванов, генерал-майор, военный прокурор В. А. Апушкин, прокурор С. В. Завадский (которого вскоре заменил харьковский прокурор Б. Н. Смитский), прокурор Московского окружного суда Л. П. Олышев, прокурор Виленской судебной палаты А. Ф. Романов, доктор философии, член ЦК партии социалистов-революционеров В. М. Зензинов, историки С. Ф. Ольденбург, Е. В. Тарле и П. Е. Щеголев, правовед Д. Д. Grimm, от Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, юрист, социал-демократ Н. Д. Соколов (автор «печальной» памяти «Приказа № 1»), а также Ф. И. Родичев, член ЦК партии кадетов, юрист, депутат I–IV Государственной думы, министр Временного правительства. Член Комиссии полковник С. А. Коренев называет еще и Л. М. Карахана, добавляя — «тогда еще меньшевик»¹⁵, позже известный советский дипломат, большевик. Кроме того, были созданы специальные комиссии, как, например, Морская и Военная. В качестве подсобного органа функционировала под председательством П. Е. Щеголева комиссия для рассмотрения деятельности Департамента полиции.

7 мая Блок с воодушевлением принял предложение быть редактором стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии. Дело в том, что вначале стенограммы вел Ф. А. Червинский¹⁶, который 2 июня вышел из состава комиссии, после чего Муравьев и предложил Блоку заняться этими материалами. Блок, надеясь, таким образом, приобщиться к тайнам павшего режима, попытаться нащупать и раскрыть трагические повороты в истории великой страны, принял это предложение. Дело оказалось, на первых порах, живым, интересным, предстояло присутствовать при допросах. Работа считалась секретной и оглашению не подлежала. Допросы производились в зале Зимнего дворца или в Петропавловской крепости, в старом Командантском доме, где когда-то допрашивали декабристов.

Комиссии предстояло рассмотреть деятельность бывших царских сановников, принадлежавших по «Табели о рангах», к первым трем классам. На царя и его семью эти полномочия не распространялись. В общей сложности было заведено 700 дел, проведено 88 допросов, некоторые лица допрашивались неоднократно. Из 59 допрашиваемых было 20 министров, из них 4 бывших премьер-министра (И. Л. Горемыкин, В. Н. Коковцов, Б. В. Штюрмер и последний председатель Совета министров Н. Д. Голицын). Любопытная деталь. Было известно, что существовало два протокола допроса Коковцова. Щеголев сумел опубликовать лишь первый, а второй был потерян, но обнаружен полвека спустя в фондах ЦГАОР и вскоре был опубликован А. Л. Сидоровым¹⁷. Многие министры, хотя и были арестованы, содержались

под следствием и допрашивались, но постепенно освобождались. Те же министры, которые пытались сотрудничать со следствием, вообще не арестовывались. Суду также давали показания 10 товарищей министров и сенаторов, 11 чинов полицейских и жандармских органов, 10 общественных деятелей — от черносотенца Маркова 2-го, до социал-демократа Н. Е. Чхеидзе, два министра Временного правительства (А. И. Гучков и П. Н. Милоков), два генерала — Н. И. Иванов (посланный в феврале Ставкой для подавления революции в Петрограде) и бывший командующий Петроградским военным округом С. С. Хабалов.

Но у комиссии, по положению, не только не хватило смелости допросить Николая II и императрицу Александру Федоровну, но даже обыск у царя и царицы был решительно опротестован большинством членов комиссии¹⁸. В допросах ссылки на царя встречались часто, но и допрашивающие и допрашиваемые старались представить Николая II в роли пассивного «носителя власти», испытывавшего постоянное давление со всех сторон и не проявлявшего собственной воли. Словом, «царь не при чем», виновато его окружение.

Бесспорно, определяющим в привлечении к дознанию царя и царицы, было пресловутое выступление Милокова в Думе 1 ноября 1916 г. с заявлением: «Глупость или измена?» Подозрение в измене пало на царскую семью. А было ли это на самом деле? В связи с этим уместно привести свидетельство И. А. Ильина. В своем эссе «Встречи и беседы» он ссылается на разговор в 1917 г. с П. Б. Струве и свой вопрос к нему: «А что, Следственная комиссия... нашла в делах царской семьи что-нибудь подозрительное или обличительное в смысле государственной измены?» Задавая этот вопрос, Ильин уже знал от членов и сотрудников этой комиссии, что «следствие опровергло все клеветы и слухи, распускавшиеся в этом направлении». Степун ответил однозначно: «Нет, ничего, решительно ничего; полная реабилитации!» Ильин задает следующий вопрос: а на каком же тогда основании Милоков в Думе бросил обвинение в измене царю и царице? На что Струве отреагировал, при этом, по словам Ильина, «слегка замаявшись»: «Видите ли... У него тоже не было никаких оснований... Но в то же время центральный комитет К[онституционно]-д[емократической] партии считал, что в *настоящий момент* против Царской семьи *политически показывается инсинуация*». И как заключает Ильин: «От негодования я не мог продолжать этот разговор»¹⁹.

Не привлеченными оказались и иерархи высшего духовенства и, прежде всего, митрополит Питирим, входивший в окружение Распутина. Кроме этого, в числе допрашиваемых были дворцовый комендант В. Н. Воейков, фрейлина А. А. Вырубова, известный провокатор О. К. Лахтина, князь М. М. Андронников, журналист И. Ф. Манасевич-Мануйлов и др.

В советских изданиях почему-то отсутствуют упоминания о показаниях В. И. Ленина 26 мая в Чрезвычайной комиссии по делу о провокаторе Р. В. Малиновском²⁰, хотя в литературе имеются прямые указания на этот факт²¹.

Все допрашиваемые старались изобразить дело так, что в «политику» они не вмешивались. Когда председатель следственной комиссии спрашивал, что они понимают под «политикой», то отвечали, что политика есть дело императора, императрицы и... Распутина».

В результате допросов вырисовывалась картина функционирования правительственного аппарата, его внутренней и внешней политики за 12 лет (с 1905 г.), методы действия «темных сил», окружавших трон, поведения лидеров буржуазных партий, тайн охранного отделения, «святая святых» российского самодержавия. В результате, по выражению Блока, был «открыт паноптикум печальный».

Сразу же следует заметить, что многие исследователи пользуются характеристиками поэта на то или иное лицо, отложившимися в его письмах или записных книжках. Эти характеристики, как правило, зачастую очень резкие, что является результатом его первых непосредственных впечатлений, когда Блок стремился зафиксировать все то, что происходило на его глазах. Совсем другая картина предстает в очерке «Последние дни старого режима». Здесь поэт более сдержан в своем эмоциональном порыве, что более отвечает его стремлению дать «политический очерк», который написан «протокольно-деловым тоном» и выдержан в строго объективном стиле. Автор «воздерживается от личных характеристик», особенность, отмеченная К. В. Мочульским, известным литературным критиком и поэтом Русского зарубежья²². Многомесячная работа в Чрезвычайной комиссии убедила Блока в том, что не следует преувеличивать персональное значение каждого из допрашиваемых. Он отвергает все анекдотическое, «все бульварно-маящее».

Первая глава Отчета или очерка «Последние дни старого режима» озаглавлена «Состояние власти», где намечены такие темы, как «Болезнь государственного тела России», «Царь, императрица, Вырубова, Распутин», «Великие князья», «Двор», «Кружки; Бадмаев, Андронников и Манасевич-Мануйлов», «Правые», «Правительство; Совет Министров; Штюрмер, Трепов и Голицын», «Отношение правительства к Думе», «Гр. Игнатъев и Покровский», «Беляев», «Н. Махлаков и Белецкий», «Протопопов».

Автор констатирует, что государственный организм России «поражен болезнью», которая не может быть излечима обычными средствами. Россию с неминуемостью ждет потрясение, первый период которого прошел «сравнительно безболезненно» (имеется в виду февральская революция).

Непосредственным толчком к развитию кризиса системы, по мысли Блока, явилась Первая мировая война, расшатавшая государственный организм, обнажив всю его «ветхость», а самое главное, лишившая его «последних творческих сил». Далее Блок дает характеристики действующим лицам этой громоздкой системы государственной власти, во главе которой стоит император Николай II.

Николай II и его жена, императрица Александра Федоровна, которые, как известно, не были привлечены к допросам, но фигурируют в очерке Блока при его понимании причин российской катастрофы, и непосредственной причастности этих лиц к одной. Как замечает поэт, Николай II — человек «упрямый» и в то же время «безвольный, нервный», «задерганный» и «осторожный», а потому «изверившийся в людях», по сути дела «сам себе не хозяин». Характеристика психологически очень емкая, что дает возможность объяснить многие причины болезни всего российского государственного организма.

Что касается русской императрицы, то Блок полагает, что Александра Федоровна, принцесса Гессенская, «самолюбивая женщина», не любившая Россию и русский народ, которую многие находили «умной и блестящей», на самом деле, обладая «более твердым характером», нежели ее муж, уже давно сумела направлять «волю царя». Будучи всецело под влиянием Распутина, называвшего ее Екатериной II, она «действительно управляла Россией». Это все косвенные характеристики, отнюдь не основанные на личном восприятии человека, а лишь итог внутренних убеждений.

Следует заметить, что это мнение было широко распространено и даже нашло свое воплощение в пьесе А. Н. Толстого и П. Е. Щеголева (соратника Блока по Чрезвычайной комиссии) «Заговор императрицы»²³. Суть заговора авторы видели в стремлении Распутина внушить Александре Федоровне мысль стать Екатериной II и отстранить от престола мужа.

Царь, царица, двор и весь правительственный круг прекрасно знали и видели, что государственный корабль неумолимо идет ко дну, но их «безволие, слепота и истеричность» сделали то, чего не могли бы сделать никакие «темные силы» вместе взятые. Некоторые деятели пытались что-то исправить. Так, великие князья, находившиеся в оппозиции к царю, в своих неоднократных к нему письмах (в частности великий князь Александр Михайлович) обращали внимание Николая II на то обстоятельство, что его политика идет вразрез с желанием народа и что необходимо дать свободу «общественным силам». Но царь не внял всем этим призывам, ибо слушал других наставников и, прежде всего, Распутина, который, воздействуя на Николая II, сумел постепенно устранить великокняжеское влияние на царскую семью. Царь оставался глух ко всем этим призывам, ибо он, по существу, уже не владел инициативой.

Другая картина предстает перед читателем, когда дело касается личных впечатлений Блока.

Первой в этом ряду стоит приближенная к императрице фрейлина А. А. Вырубова, которая заведомо ничего важного комиссии сообщить не могла. При первом знакомстве с нею, которое состоялось в камере Петропавловской крепости, Блок увидел «пышную даму 33 лет», которая «стояла у кровати, подперев широкое (изуродованное) плечо костылем...», что было следствием железнодорожной катастрофы 1915 г. Далее Блок записывает, что у Вырубовой были «все данные, чтобы быть русской красавицей, но все чем-то давно и непоправимо искажено, затаскано»²⁴. Позже, Блок еще вернется к этой теме и, подытожив свои впечатления, скажет, что «в показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды, хотя она сама лгала только там, где нельзя узнать (Распутина нет на свете), или там, где это быть нужно для ее любимого знакомого семейства. Как ужасно самое существование таких женщин: они столь же отвратительны, сколь очаровательны; но переведа это на язык будущего, на честный язык демократии, опоясанной бурей, надо сказать: как же очаровательность может соединиться с отвратительностью? Вырубова была только отвратительна»²⁵. Есть и более неличеприятный о ней отзыв: «Эта блаженная потаскушка и дура»²⁶.

И та же Вырубова в «Последних днях...» «наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы», «покорная Распутину», бывшая, по словам Протопопова, «фонографом его слов и внушений»²⁷. Членам комиссии стало ясно, что ее показания оказались совершенно ничтожны по своему значению.

Не мог быть привлечен к следствию и «старец» Григорий Распутин по той простой причине, что был убит в декабре 1916 г., но «слава» и «значимость» этой фигуры в российской действительности была столь огромна, что не высказать о нем своего мнения Блок просто не мог, основываясь на многократности высказываний других лиц. Для одних это был «мерзавец», бывший «связью власти с миром», «обдeldывавший» свои дела, для других — это «удобная педаль для немецкого шпионажа» и так далее и тому подобное. Но, как справедливо замечает Блок, все эти нелестные для «старца» отзывы исходили от тех, кто в свое время, в той или иной степени, «зависели от него», «молились на него», а потому и искали любую возможность его уничтожить. Пуля Феликса Юсупова, прикончившая Распутину, по образному выражению Блока, «попала в самое сердце царствующей династии»²⁸. обстоятельно эта проблема освещена А. Л. Сидоровым²⁹.

Вот самое первое впечатление Блока от председателя Совета министров И. Л. Горемыкина: «Породистый, сапоги довольно высокие, мягкие, стариковские... заказные. Хороший старик. Большой нос,

большие уши. Тяжко вздыхает. Седые волосики. Палка черная, с золотым колечком. Хороший сюртук, брюки в полоску». И далее, как бы, через эти внешние детали к сущности образа: «Говорит еле слышно почти всегда. Случайно припоминает... Кожа местами ярко-сизая... Стекланные глаза. Постоянный ответ: “Массу перезабыл, уже не владею памятью...” и затем вдруг: “Очень трудно различить, что законно и что незаконно. Могут быть разные толкования”». Как будто бы все ясно — перед нами очевидная немощь, и вдруг, что Блок не без юмора тонко подмечает: «Представление кончилось, однако, тем, что Горемыкин хитренько намекнул, что ему, как особе I класса, хотелось бы видеть следователя у себя на квартире»³⁰. Все эти наблюдения понесли Блоку для окончательной емкой характеристики Горемыкина в «Последних днях»: «Опытный, но окончательно одряхлевший бюрократ»³¹.

Этого очевидного «рамолика» сменил на посту премьер-министра Б. В. Штюрмер. Первое впечатление самое неприятное: «Мерзостный... большая тоскливая развалина, все еще хитро (и глупея) воздевает на нос черепаховые очки»³². Окончательная характеристика лишена бытовых деталей, зато прощупывается истинная суть этого деятеля: «Штюрмер имел весьма величавый и хладнокровный вид» и сам аттестовал свои руки, как «крепкие руки в бархатных перчатках». На деле, он был только «футляром», в котором скрывался хитрый обыватель, делавший все «под шумок», с «канцелярскими уловками»; он был игрушкой в руках Манасевича-Мануйлова, «старикашка на веревочке», как выразился о нем однажды Распутин, которому «случалось и прикрикнуть на беспамятного, одержимого старческим склерозом и торопившегося, как бы только сбить с рук дело, премьера»³³.

Министерская «чехарда», все более набирающая силу, привела к очередной смене «караула». Штюрмер уступил место министру внутренних дел А. Ф. Трепову, на долю которого «выпала непосильная задача — взять твердый курс в ту минуту, когда буря началась». Но все было напрасно, «все уловки только подливали масла в огонь», и новый министр, «недостаточно сильный», ничего не успел изменить за 48 дней своего «премьерства»³⁴. Первоначальное знакомство также не располагало в пользу этого государственного деятеля, борца против «германского засилия». Заниматься с ним, по признанию Блока, «противно и интересно вместе. Вот придворные помои, гнусные сенсации, жизнь подонков общества во всей ее наготе»³⁵. В результате, и «Трепов пал, побежденный Протопоповым, которому удалось уловить его на предложении отступного Распутину (чтобы последний не мешался в государственные дела)»³⁶.

А. Д. Протопопов, также бывший, как и его предшественник, министром внутренних дел, заявлял, что готов спасти династию, а также

заменить ликвидированного «старца». Блок при этом замечает, что должность министра Протопопов получил «при помощи старца».

Но какое же впечатление он произвел при первой встрече: «Поднятые плечи, худоба, седая подстриженная бородка, брючки короткие и туфельки... Смотрит “снизу вверх” — я бы сказал — немного по детски... и просит дать вопросы; потом сказал: “это будет сделано”»³⁷. И новое свидетельство, когда члены комиссии посетили Протопопова в камере, когда он также «по-детски», глядя «снизу вверх», отрешенно свидетельствовал: «А, знаете, я убедился в том, какой я мерзавец»³⁸. Протопопову было совершенно непонятно, как можно обвинять его в беззаконии, когда законы были ему подчинены: ведь Департамент полиции состоит в Министерстве внутренних дел, а государь все его решения одобряет — о каких еще законах может идти речь? Позже, когда Блок познакомился с переданными ему самим Протопоповым собственноручными записками, он напишет матери: «Когда-нибудь я тебе скажу, кого мне страшно напоминает этот талантливый и ничтожный человек...»³⁹

Но, так или иначе, именно этот человек «неожиданно для всех и несколько неожиданно для самого себя» и был назначен вначале министром внутренних дел. Этот человек, «с присущим ему легкомыслием» и «манией величия», задался планами спасения России, которая все чаще представлялась ему «царской вотчиной». Протопопову с первых шагов удалось «возбудить к себе нелюбовь и презрение общественных и правительственных кругов». Его личность и деятельность, по мнению Блока, «сыграли решающую роль в деле ускорения разрушения царской власти... Он принес к самому подножию трона весь истерический клубок своих личных чувств и мыслей... Он внес развал в кучу порядливо расставленных, по видимости устойчивых, а на самом деле шатких кегель государственной игры». И «в этом смысле Протопопов оказался действительно роковым человеком»⁴⁰. В итоге, Протопопов для Блока интересная личность всего лишь с точки зрения «психологической», исторической, но вовсе «не интересная политически».

Н. Д. Голицын, последний премьер-министр, давно стоявший вдали от всяческих дел, неожиданно для себя был назначен на этот высокий пост. И этот «старый аристократ», называвший народ «черню», «не твердо знакомый с делопроизводством Совета министров», вряд ли мог справиться «с претившими ему ставленниками Распутина» и, прежде всего, Протопоповым⁴¹.

Министерский круг дополняет последний военный министр М. А. Беляев, человек «с неврастенической спазмой в горле, плачущий...»⁴², сыгравший большую роль в февральских событиях, которого Родзянко, по замечанию Блока, считал «порядочным человеком»⁴³. И рядом генерал-адъютант, адмирал К. Д. Нилов, как

иронически замечает Блок — это старый «морской волк», «пьяница», которого оказывается «можно любить за грубость». Тем не менее он был последним, кто откровенно говорил с царем о Распутине и, в результате, получив отпор, как и все, смирился и говорил лишь одно: «Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре, все равно»⁴⁴.

Ближний круг царской семьи представляет барон В. Б. Фредерикс, многолетний (с 1897 по 1917 г.) министр императорского Двора, «старый», «временами вовсе выживающий из ума», к которому, тем не менее, «царь питал большую привязанность»⁴⁵.

Фредерикс был тестем В. Н. Воейкова, другой знаковой фигуры дворцовой камарильи. Будучи генерал-майором свиты и дворцовым комендантом, этот «ловкий коммерсант», владелец минерального источника Куваки ближе всех стоял к царской семье. По выражению Блока, это довольно «ничтожное... существо»⁴⁶. Он откровенно «убог умом и безличен, как и его язык, приправленный иногда лишь хвастливыми и пошловатыми гвардейскими словечками. Он так ничтожен, что совсем не способен возвыситься до понимания того, о чем его спрашивают и что интересует спрашивающих. Он может сообщить ряд анекдотов и фактов, интересных в бытовом отношении, но обобщить что бы то ни было не способен»⁴⁷.

Довольно обстоятельно представлен Блоком круг других царских сановников и, особенно, тех, кто олицетворял Министерство внутренних дел. Это, прежде всего, С. П. Белецкий, с которым Блок впервые увиделся 12 мая в Петропавловской крепости: это «умный директор департамента полиции, недавний, на чьей совести есть преступления, а все кажется, будто это так обыкновенно, все стирается серыми обоями». «В нем нет никакой культуры. Откуда же ему быть не таким, “деловым”. Он все время намекает и напирает на то, что он “рядовой”. Короткие пальцы, желтые руки и лицо маслянистое, сильная седина, на затылке черные волосы... Острый черный взгляд припухших глаз. Нос пипкой. ”Мужичок”». Тем не менее, когда «заходит речь о морали, о преступлении: его лицо «делается равнодушным». Блок отчетливо подмечает очевидную «непростоту» подследственного: «Умеет вовремя незаметно остановиться, когда его перестают слушать. Хитрый, много умеет... Вообще умный, оборотень (?)... Нет, все-таки его воля не подавлена, он рассказал много интересного, но не признался ни в чем... Верит ли он в бога? Нет, ни во что не верит»⁴⁸. Окончательный вывод: это «выдающийся в свое время директор департамента полиции, едва ли не ставший обер-прокурором синода», это был «человек практики, услужливый и искательный, который умеет всюду “втереться”»⁴⁹.

Недавно в фонде Чрезвычайной следственной комиссии была обнаружена записка Александра Блока от 6 июля 1917 г., зафиксировавшая его разговор с С. П. Белецким⁵⁰.

Здесь и генерал-лейтенант П. Г. Курлов, бывший командир отдельного корпуса жандармов, а в 1909–1911 и 1916 гг. — товарищ министра внутренних дел, «возбуждающий особую к себе и к своему прошлому ненависть в общественных кругах»⁵¹, «некогда сыгравший роль в убийстве Столыпина»⁵².

Галерею полицейского руководства дополняют К. Д. Кафаров и А. И. Спиридович. Первый — бывший вице-директор департамента полиции, «восточный человек с бараньим профилем, который все время дрожит и плачет, что сойдет с ума и, как замечает при этом Блок — «глупо и жалко»⁵³. Всесильный Спиридович, бывший в свое время начальником киевского охранного отделения, а в 1906–1916 гг. начальником личной охраны императора, в сию минуту представляет жалкое зрелище: «похож на пристава», «нелепо мужиковатый» генерал, который «вдруг повернулся спиной к солдатам и, неслышно всхлипывая, заплакал», жалостливо молит об амнистии, не считая себя ни в чем виноватым»⁵⁴.

Особую группу представляет круг людей, связанных с Распутиным, творящих политику из-за кулис. Это — Джемсаран Бадмаев, бурят, «умный и хитрый азиат, у которого в голове был политический хаос, а на языке шуточки», и который умудрялся заниматься «кроме тибетской медицины», и «бурятской школой», также и «бетонными трубами». Он «дружил с Распутиным и Курловым». При помощи кружка Бадмаева пост министра внутренних дел смог получить Протопопов⁵⁵.

В петербургских кругах известна была роль «ловкого и умного журналиста» И. Ф. Манасевича-Мануйлова, сотрудника газеты «Новое время», много лет вдохновлявшей и пугавшей правительство⁵⁶. Именно в руках этого дельца был премьер-министр Штюрмер, «игрушка», по выражению Блока⁵⁷.

И наконец, «темная личность», князь М. М. Андронников, бывший чиновник особых поручений при обер-прокуроре св. Синода, реакционный журналист и подозрительный по своим «немецким связям». Блок дал выразительный портрет этого «черносотенного Фигаро», «адыютанта господ Бога». Это — «мерзость, сальная морда, пухлый животик, новый пиджачок»⁵⁸. И Блок задается вопросом: каким образом подобная личность могла быть «в связи с министром, с Витте»? Объяснение одно — «задобрение лиц, входивших в сферу»⁵⁹. «Задобрение» осуществлялось всевозможными способами. Так, например, с помощью Белецкого Андронников смог «изящно издать юбилей Горемыкина»⁶⁰. Итоговая характеристика: князь Андронников, «вертевшийся в придворных и правительственных кругах, подносящий иконы министрам, цветы и конфеты их женам, знакомый с царскосельским камердинером», сам характеризует себя, как «человек, гражданин, всегда желавший принести как можно больше пользы»⁶¹.

В результате допросов комиссии стало совершенно ясно, что она имеет в их лице дело с обыкновенными проходимцами.

Завершают этот «паноптикум», так называемые, «идеологические столпы режима», прославившиеся гонением всяческой «либеральной крамолы», истовые ревнители самодержавия, а потому и считавшие себя «истинно русскими людьми». Это Марков 2-й, лидер фракции «правых» в III и IV Государственной думе, известный своими громными выступлениями. Сейчас он «щиплет бороду и гладит усы», «скалит белые зубы», говорит тоном, «подходящим к нахальному». У него широкое лицо. «Харя»⁶². Рядом знаменитый доктор А. И. Дубровин, черносотенец, председатель печальной памяти «Союза русского народа». Сейчас он «всхлипывает» и бросается «целовать руку Муравьева», а затем «с рыданием упал на койку (гнусные глаза у старика)»⁶³. Также «трясется от слез» генерал-майор В. Н. Орлов, бывший помощник начальника военно-походной канцелярии императора. Он долго говорит с прокурором, постоянно плачет. Его речь «иногда переходит в хриплый шепот», которая вновь прерывается «рыданиями»⁶⁴.

Месячная работа, которой поэт отдается полностью, чтобы попытаться «сквозь жар души, сквозь хлад ума» постичь суть происходивших в России событий. О своем первом впечатлении от увиденного и услышанного, Блок 14 мая поведал своей жене Л. Д. Блок-Менделеевой: «Я вижу и слышу теперь то, чего почти никто не видит и не слышит, что немногим приходится наблюдать раз в сто лет...»⁶⁵ Но увиденное и услышанное приводит Блока к мысли, что в происшедшем совершенно отсутствуют какие-либо «тайнства», к тому же трагедийного характера. Блок и члены комиссии убедились, что расследуя деятельность «темных сил», в политике партии Двора политическая идея была лишь ширмой для устройства своих личных дел. Все это является следствием элементарной обыденности, бездарности, характерных для последних дней дома Романовых. Эти убеждения нашли свое обобщенное представление в дневниковой записи от 16 июня: «Пустые поля, чахлые поросли, плоские — это обывательщина. Распутин — пропасть, а Штюрмер (много чести) — плоский выгон, где трава сгладана коровами (овцами?)... Только покойный Витте был если не герой, то возвышенностью; с его времени в правительстве этого больше не встречалось: ничего “высокого”, все “плоско”, а рядом глубокая трещина (Распутин), куда все и провалилось»⁶⁶.

Во втором разделе «Настроение общества и события накануне переворота» автор использует доклады петербургского охранного отделения, которые доставлялись также товарищу министра внутренних дел, градоначальнику, Главнокомандующему Петроградским военным округом и дворцовому коменданту. Это очень ценный ис-

точник, и, по словам Блока, департамент полиции оставался единственно живым организмом, учитывающим внутривластную ситуацию России и степень ее опасности для разваливающегося государственного организма. Но умирающая власть не слышала, да и не хотела слышать тех исполненных тревог докладов охранного отделения, характеризующих общественное настроение. Блок использовал данные этих рапортов в своей работе, благодаря тесному контакту с К. И. Глобачевым, начальником Петроградского охранного отделения. Будучи уже в эмиграции, Глобачев положительно оценил книгу Блока «Последние дни императорской власти»⁶⁷.

Блок останавливается на обстоятельствах ареста Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, охарактеризовано настроение общественных и светских кругов, а также и армии. Особое внимание обращено на последний всеподданнейший доклад М. В. Родзянко⁶⁸ и открытие сессии законодательных палат.

Третий раздел, под заглавием «Переворот», излагает события с 23 февраля и до 3 марта 1917 г., до отречения уже великого князя Михаила Александровича. Несомненным достоинством отмечена пунктуальность изложения событий тех дней и, прежде всего, пути следования царского поезда из Могилева в столицу⁶⁹. Следует тут же отметить, что этот хронометраж был использован в последующих исследованиях, а позже был и несколько уточнен⁷⁰. Данный раздел отличается наибольшим обилием выписок из документов.

Эта работа представлялась ему важной гражданской миссией, долгом перед народом. 17 мая 1917 г. он отмечает в записной книжке: «Я вижу уже, что следственная комиссия стоит между наковальной закона и молотом истории. Положение весьма революционное... Явствует из этого, что комиссия, отработав весь материал, какой она получит, должна представить его на разрешение представителей народа»⁷¹.

20 июня он записывает: «Комиссия в определении своем носит понятие чрезвычайности. Поэтому и отчет должен быть чрезвычайным. Он должен соединять в себе деловую точку зрения с революционным призывом. Отчет, пользующийся тщательно проверенным материалом, добытым в течение работы комиссии, должен быть проникнут с начала до конца русским революционным пафосом, который отразил бы в себе всю тревогу, все надежды и весь величавый романтизм наших дней»⁷². Блок прекрасно понимал, что редактируемый им материал представляет собой не только обвинительный акт против царизма, но и источник по истории самодержавного строя, для будущего, для истории. Этим он и объяснял свое личное участие в деятельности Комиссии.

Реализации этой задачи Блок отдается полностью. В уже упомянутом письме от 14 мая к жене поэт пишет: «У меня очень напряжены

мозги и нервы, дело мое страшно интересно, но оно действительно трудное и берет много времени и *все силы*»⁷³. Эта работа должна была раскрыть, по его твердому убеждению, «тайну» краха царизма, объяснить тот факт, как династия, правившая страной 300 лет и только что отметившая этот юбилей, рухнула и распалась за несколько дней. Поэт «изнутри» мог увидеть «историю этого бесконечного рода русских Ругон-Маккаров или Карамазовых», прочесть этот увлекательный роман «с тысячью действующих лиц и фантастических комбинаций в духе всего Достоевского»⁷⁴. Объясняя свою заинтересованность в работе Комиссии, Блок говорил, что он «никак не мог убедить себя» в том, что весь старый уклад — «один сплошной мираж», вот почему, ему так хотелось проверить это настроение на непосредственном опыте. «Но опыт этот привел его к результату еще более крайнему, что все это было не только миражом, но какой-то тенью от тени, каким-то голым и пустым местом»⁷⁵. Вот почему, для него центр тяжести был не в юрисдикции, но в истории и психологии поведения людей.

Стенограммы допросов практически с самого начала предназначались к изданию, к тому же в срочном порядке, и их черновики к июню достигли уже порядка 2000 страниц. Литературными редакторами были приглашенные Блоком писатели и переводчики: Л. Я. Гуревич, М. П. Миклашевский (псевд. *Неведомский*) и В. Н. Княжнин (наст. фам. *Ивойлов*); скончавшийся во время блокады Ленинграда.

Редактирование Блока не влияло ни на букву, ни на смысл, ни на стиль показаний. Его участие не шло дальше устранения несомненных описок, орфографических и пунктуационных ошибок, работа «безэмоциональна, стилистически аскетична»⁷⁶. Как свидетельствует сам Блок — он делает минимум исправлений, совершенно необходимых и «нейтральных» в отношении «смысла»⁷⁷. Тем не менее, позже, уже в эмиграции, член президиума Чрезвычайной комиссии А. Ф. Романов пытался опорочить стенограммы допросов и бросить тень на их редактирование. «Будущий исследователь должен... отнестись к этим стенограммам с особой осторожностью... Они никем не подписывались, никому из допрашиваемых предъявлены не были и редактировались четырьмя литераторами, в числе которых был Блок, впоследствии певец большевизма»⁷⁸. Автор передергивает несомненные факты. Он забыл отметить, что допрашиваемые были обязаны подписывать протокол допроса. Одновременно возникает законный вопрос — если он вспомнил об этих процессуальных нарушениях тех лет, то почему не указал на это своевременно, именно в 1917 г.?

Но к этому времени Блок с чуткостью стал отмечать в атмосфере Комиссии очевидное понижение революционного тона, постепенное сползание к стилю дореволюционного департамента: «Белецкий левее, председатель правее (это, конечно, парадоксально сказано, но доля правды есть)»⁷⁹. Он уловил намерение буржуазных кругов

умерить размах и глубину критики старого режима, целый ряд «полезных» черт которого ей хотелось бы сохранить. «В нашей редакционной комиссии революционный дух не присутствовал, — в отчаянии констатирует поэт... Революция там не ночевала»⁸⁰. Следственной комиссии присущи черты, свойственные Временному правительству, — нерешительность, двойственность, колебания.

Блок с горечью и тревогой подмечает «синхронность» событий в Комиссии с признаками усиливающегося общественного напряжения: «В городе откровенно поднимают голову юнкера-ударники, империалисты, буржуа, биржевики». Фактов подобного положения дел довольно много. Дело доходит до того, что офицеры Николаевского кавалерийского училища пьют за здоровье уже отрекшегося от престола Николая II, и есть все основания принять на веру слухи о готовящемся черносотенном заговоре⁸¹. Блок предвидит перспективу в виде корниловщины, на знамени которой провозглашено: «Продовольствие, частная собственность, конституция не без надежды на монархию, ежовые рукавицы»⁸². И он с тоской записывает: «Неужели? Опять — в ночь, в ужас, в отчаянье? Неужели революция погубила себя?»⁸³

Несмотря на подобное состояние, Блок считает необходимым продолжать начатое дело. В июле он пишет матери: «Вообще, если бы не работа, я был бы совершенно издерган нервно. Работа — лучшее лекарство; при всей постылости, которая есть во *всякой* работе, в ней же есть нечто спасительное. *Все* является в совершенно другом свете, многое смывается работой»⁸⁴.

В августе Блок приступает к работе непосредственно над рукописью, которая рассматривалась как вводная часть будущего отчета Чрезвычайной комиссии. Блок считал необходимым издание стенографических отчетов. Он доказывал, что уже имеющиеся в распоряжении комиссии материалы не укладываются в жесткие рамки собственно юридического рассмотрения, а оказывается неожиданно ярким с точки зрения бытовой, психологической, литературной, даже с точки зрения языка. Эти показания «бывших людей», слагаются в блестящую, в чисто литературном отношении, картину разложения старого строя. Как стало очевидно, это был материал громадной саморазоблачительной силы.

Вот почему, Блоку мыслился не просто деловой отчет, но, прежде всего, политический очерк, который должен стать обвинением против старого строя в целом. Заботясь о доступности отчета, Блок вместе с тем считал возможным, не прибегая к «дешевой популярности», сделать его средством воспитания, способным поднять массы до себя.

Свои соображения Блок высказал в записке от 4 июня на имя председателя комиссии Муравьева, который, в свою очередь, переслал все это 16 июня С. Ф. Ольденбургу. «Соображения об издании

стенографических отчетов» являются одним из важных свидетельств глубоко демократических настроений Блока в это время, приведших его впоследствии к созданию «Двенадцати» и «Интеллигенции и революции». Но путь этот не был прямолинейным.

Как и следовало ожидать, его идеи не встретили не только сочувствия, но даже и понимания у юристов, относившихся к делу формально, узко практически и увидевших свою задачу лишь в том, чтобы выявить в деятельности министров и высших сановников, привлеченных к дознанию, нарушения буквы старых царских законов. По признанию Блока, лишь П. Е. Щеголев «стоит на реальной почве», но и он, к сожалению, «думает только о себе»⁸⁵. Тем не менее вся дальнейшая работа проходила именно с ним, что и привело к публикации очерка Блока «Последние дни старого режима» именно в журнале «Былое», редактируемом Щеголевым.

На эту публикацию откликнулся известный историк русского революционного движения С. Я. Штрайх, который писал, что «умело использовать такой глубоко драматический материал, как документы о конвульсиях издыхающего царизма, не всякому под силу. А. А. Блок счастливо избег самых больших опасностей для историка такой богатой событиями эпохи — он сумел сжать свой очерк и выбрал почти одно только типичное для характеристики отжившего строя, отверг все анекдотическое, все пестро-глумящее, все бульварно-манящее»⁸⁶.

Эту особенность подметил в эмиграции рецензент, выступивший под криптонимом «Н. Н.». В своем отклике на перепечатку в «Архиве русской революции» статьи Блока из «Былого» (чего он, кстати, не заметил), рецензент особо отметил тот факт, что автором этой «печальной повести» о круге лиц, окружавших Николая II в последнее время и его «шатающийся трон», явился «не ординарный кропатель сенсационных бульварных романов», а «известный поэт». Автор особо отмечает, что вся фактическая часть работы Блока основана на показаниях привлеченных к дознанию бывших министров, а потому «всем фактам, с которыми нас знакомит покойный поэт, мы обязаны верить и само исследование имеет не только литературный, но и исторический интерес»⁸⁷.

Рецензент отмечает, что многие авторы, как правило, правого толка и, прежде всего, монархисты пытаются объяснить причины политического кризиса в стране лишь как результат действия «каких-то темных сил слева», закрывая глаза на «собственные дефекты». В связи с этим, главная задача — «мы сами должны проанализировать свои собственные недостатки, после чего найти способ их исправить»⁸⁸.

Достоинство работы Блока, как особо отмечает «Н. Н.», это наличие великолепных характеристик на то или иное должностное лицо, начиная с императорской четы и кончая низовыми исполнителями.

Рецензент подчеркивает, что «левые силы общества» в своем анализе складывающейся в стране ситуации и выхода из нее, судя по результатам, были ближе к истине, нежели «левая буржуазия», уверявшая что все образуется, когда правительственная власть вынуждена будет пойти на уступки и передать всю полноту своих функций в руки кадетской партии. В результате, страна «превратится в свободное от царизма государство, которое будет построено на новых социальных основах»⁸⁹.

Большую помощь в этой работе оказал Блоку П. Е. Щеголев, их связывали старые дружеские отношения. Еще в 1915 г. Щеголев способствовал публикации в журнале «Отечество» (редактируемом им и З. И. Гржебиным) «Стихов о России» поэта. Кроме того, Блок был дружен и с женой Щеголева, Валентиной Андреевной Щеголевой (Богуславской), знакомство с которой состоялось в 1906 г., когда она была актрисой театра В. Ф. Комиссаржевской. В 1908–1910 гг. поэт посвятил ей три стихотворения: «Все помнят о весле вздыхающем...», «Черный ворон в сумраке снежном...» и «Знаю я твое лыстивое имя...»

Чрезвычайная следственная комиссия не завершила свою работу, и ее отчеты, как мы знаем, были опубликованы уже после смерти Блока. Эту работу довел до конца также П. Е. Щеголев⁹⁰. Выход в 1921 г. очерка Блока «Последние дни императорской власти» был встречен неоднозначной критикой. Так, М. М. Пришвин писал, что в этой книге: «По-видимому, нет ничего блоковского, и только опытный читатель узнает в ней поэта в изысканной отчетливости выступающих фактов»⁹¹.

Более резко отреагировал историк В. Н. Сторожев⁹². Он полагал, что эта книга едва ли может быть рассчитана «на читателя серьезного и критически направленного». Это журнальная статья, написанная для «Былого» «наспех», и этот материал, по мнению Сторожева, «подобран без достаточной полноты», к тому же многое требует дополнений. Он делает вывод: «Применять к последнему серьезную критическую мерку, конечно, нельзя». Рецензент рассматривает публикацию, как своего рода «занятный материал» для чтения о моменте, история которого еще не изучена достаточно полно и «не поддается простому описанию без анализа и суровой критики». Он сетует, что нет «характеристики лиц или целого эпизода». Можно только удивляться, как маститый историк всего этого не заметил и, что он в таком случае вообще имел в виду.

Положительно оценен очерк Блока в современной западной историографии. Так, русский историк Д. Анин, давно работающий на Западе, считает, что Блок написал «интересную» и «весьма импрессионистическую работу»⁹³.

Чрезвычайная комиссия не успела закончить всей работы. В начале июля Блок фиксирует в своем дневнике: «Муравьев высказал вчера, что Чрезвычайная следственная комиссия изживает свой век, пожелал ей закончиться естественным путем и сказал, что естественным пределом ее работы будет созыв Учредительного собрания»⁹⁴. Но самоликвидация комиссии затянулась, и последний протокол был помечен 18 ноября 1917 г. Фактически комиссия перестала функционировать уже в начале октября. Октябрьская революция довершила эту агонию. Как вспоминал С. А. Коренев, комиссия, заседавшая 25 октября 1917 г. рядом с Временным правительством, решила «удрать, пока еще не поздно»⁹⁵. Как видим, эта работа была завершена публикациями Блока и Щеголева. Остался неосуществленным и замысел Блока написать очерк «Протопопов».

Работа А. А. Блока увидела свет почти 100 лет тому назад, но ценна она и поныне, ибо содержит массу ценнейшего материала и весьма тонких наблюдений. Все это дает основание для размышлений, как для современных историков, так и многочисленных читателей. Поэт уловил «связь времен». Он представил глубоко драматический материал и выбрал из него наиболее типическое, характерное для отжившего строя. Как уже говорилось, новая публикация работы Блока была предпринята в 1978 г. парижским издательством «Librairie de Sialsky», и в свою очередь послужила основанием для третьего издания в 1991 г. в Минске, опять же без каких-либо комментариев, как и второе издание. Совершенно непонятно, почему в Минске пренебрегли отечественными публикациями.

Блок выступил и как историк-профессионал. Им был собран обширный документальный материал, который, в должной мере не оценен и поныне.

Примечания

¹ Том XXII был напечатан в США (Стэнфордский университет), хотя на обложке и был указан Берлин.

² См.: АРР. Берлин, 1922. Т. IV. С. 5–54.

³ См.: Былое. Пг., 1919/1920. № 15.

⁴ См.: Последние дни императорской власти. По неизданным документам собрал Александр Блок. Пб.: Алконост, 1921.

⁵ См.: *Сидоров А. Л.* Материалы о свержении царизма в фонде Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посвященных 75-летию С. Н. Валка. М., 1964. С. 139–149; *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. 1990. Т. 118. С. 72–101.

⁶ См.: *Иоффе Г. З.* А. Блок — историк крушения царизма // История и историки. Историографический ежегодник. 1979. М., 1982. С. 176–195; *Он же.* Александр Блок как историк падения монархии. К 90-летию Февральской революции // Новый журнал.

- Н.-Й., 2007. № 246. С. 234–252; *Ливчак Б. Ф.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства глазами Блока // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 111–123.
- ⁷ См.: *Черепнин Л. В.* Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1963. С. 336–369.
- ⁸ Зоргенфрей Вильгельм Александрович (1882–1938), инженер-технолог, поэт, переводчик, мемуарист. Автор единственного сборника стихов «Страстная суббота» (Пб., 1922) и воспоминаний: Александр Александрович Блок (По памяти за пятнадцать лет. 1906–1921 гг. // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 128–154. См. также: Александр Блок. Pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников: Антология. СПб., 2004.
- ⁹ См.: *Новиков В.* Александр Блок. М., 2010. С. 291 (Серия: «Жизнь замечательных людей»).
- ¹⁰ *Блок А. А.* Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 8. С. 479, 480.
- ¹¹ *Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920. М.; Л., 1965. С. 316. Следует иметь в виду, что записные книжки сохранились не полностью, а частично были уничтожены самим автором. Кроме того, в советское время, при их публикации редакторами самовольно изымались суждения автора, не соответствовавшие официальной точке зрения и выражавшие его общественную позицию.
- ¹² Русское слово. Пгг., 1917. 3 марта.
- ¹³ *Карабчевский Н. П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 123.
- ¹⁴ Там же. С. 123.
- ¹⁵ См.: АРР. Т. VII. С. 15.
- ¹⁶ Червинский Федор Алексеевич (1864–1917), юрист, поэт.
- ¹⁷ См.: Интересная находка («Дело Коковцова») // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 94–111; № 3. С. 95–117.
- ¹⁸ Об этом см. также: *Завадский С. В.* На великом переломе: отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг. // АРР. 1923. Т. XI. С. 49, а также: *Руднев В. Д.* Правда о царской семье // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 39; *Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство // Там же. С. 1–38.
- ¹⁹ *Ильин И. А.* Собр. соч. Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999. С. 320.
- ²⁰ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. Март–октябрь 1917 г. С. 196.
- ²¹ *Щеголев П. Е.* В. И. Ленин на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства // Труд. Л., 1924. 7 ноября (№ 255). Более подробные данные по этому делу сообщил С. А. Корнев (1883–1941), военный следователь, член Петроградского военно-окружного суда, член Комиссии // АРР. 1922. Т. VII. С. 25–26.
- ²² *Мочульский К. В.* Александр Блок. Париж, 1948. С. 395.
- ²³ Об этом см.: *Емельянов Ю. Н.* Историк и писатель (к истории творческого содружества П. Е. Щеголева и Алексея Толстого) // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России. Н. Новгород, 2008. С. 146–151.
- ²⁴ *Блок А. А.* Записные книжки, 1901–1920. М.; Л., 1965. С. 338.
- ²⁵ *Блок А. А.* Собр. соч. Т. 6. С. 446.
- ²⁶ Там же. Т. 8. С. 494.
- ²⁷ АРР. Т. IV. С. 6.
- ²⁸ Там же. С. 6–7.
- ²⁹ См.: Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 117–133; № 12. С. 90–103; 1965. № 1. С. 98–110; № 2. С. 103–121.
- ³⁰ *Блок А. А.* Записные книжки. С. 427–428.

- ³¹ АРР. Т. IV. С. 9.
- ³² Блок А. А. Записные книжки. С. 350.
- ³³ АРР. Т. IV. С. 9.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Блок А. А. Записные книжки. С. 350.
- ³⁶ АРР. Т. IV. С. 9.
- ³⁷ Блок А. А. Записные книжки. С. 337.
- ³⁸ Блок А. А. Собр. соч. С. 260.
- ³⁹ Там же. С. 551.
- ⁴⁰ АРР. Т. IV. С. 11–12.
- ⁴¹ Там же. С. 9.
- ⁴² Идентична и реакция Коренева: «Щуплый, белесоватый генерал, с пугливой походкой, весь съездившийся, растерянный» (АРР. Т. VII. С. 15).
- ⁴³ АРР. Т. IV. С. 9.
- ⁴⁴ Там же. С. 7.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Блок А. А. Собр. соч. Т. 8. С. 493.
- ⁴⁷ Там же. Т. 6. С. 443.
- ⁴⁸ Блок А. А. Записные книжки. С. 324, 325.
- ⁴⁹ АРР. Т. IV. С. 10.
- ⁵⁰ См.: *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000. С. 239. Здесь впервые опубликован автограф поэта.
- ⁵¹ АРР. Т. IV. С. 11.
- ⁵² Там же. С. 8.
- ⁵³ Блок А. А. Записные книжки. С. 338.
- ⁵⁴ Блок А. А. Собр. соч. С. 253, 259.
- ⁵⁵ АРР. Т. IV. С. 8.
- ⁵⁶ Позже П. Е. Щеголевым (под псевдонимом *П. Павлов*) в соавторстве с И. Я. Кобецим, в издательстве «Былое», была издана книга «Русский Рокамболь: (Приключения И. Ф. Манасевича-Мануйлова)». Л., 1925; 2-е изд. — Л., 1927.
- ⁵⁷ Там же. С. 8, 9.
- ⁵⁸ Блок А. А. Собр. соч. Т. 8. С. 493.
- ⁵⁹ Блок А. А. Записные книжки. С. 335.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ АРР. Т. IV. С. 8.
- ⁶² Блок А. А. Записные книжки. С. 379.
- ⁶³ Там же. С. 350.
- ⁶⁴ Блок А. А. Собр. соч. Т. 7. С. 260.
- ⁶⁵ Там же. Т. 8. С. 491.
- ⁶⁶ Там же. Т. 7. С. 262.
- ⁶⁷ См.: *Глобачев К. И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009.
- ⁶⁸ Позже, все «записки» были опубликованы. См.: *Родзянко М. В.* Крушение империи: Записки председателя Государственной думы // АРР. 1926. Т. XVII. С. 50–169.
- ⁶⁹ См.: *Щеголев П. Е.* Последний рейс Николая II. М.; Л., 1928.
- ⁷⁰ См.: *Мельгунов С. П.* Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1951.
- ⁷¹ *Шабельская Г.* Новое о Блоке // Вопросы литературы. 1962. № 1. С. 193.
- ⁷² Блок А. А. Записные книжки. С. 365.
- ⁷³ Блок А. А. Собр. соч. Т. 8. С. 491.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ См.: Памяти Александра Блока. М.; Л., 1932. С. 50.

- ⁷⁶ Новиков В. Указ. соч. С. 295.
- ⁷⁷ Блок А. А. Записные книжки. С. 342.
- ⁷⁸ Романов А. Ф. Император Николай II и его правительство. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 37.
- ⁷⁹ Блок А. А. Записные книжки. С. 336.
- ⁸⁰ Блок А. А. Собр. соч. Т. 7. С. 268.
- ⁸¹ Там же. С. 268, 300.
- ⁸² Там же. С. 306.
- ⁸³ Там же. С. 268.
- ⁸⁴ Там же. С. 507–508.
- ⁸⁵ Там же. С. 268.
- ⁸⁶ Жизнь искусства. 1920. 5 октября.
- ⁸⁷ Историк и современник. Берлин, 1922. Т. I. С. 314.
- ⁸⁸ Там же. С. 315.
- ⁸⁹ Там же. С. 316.
- ⁹⁰ См.: Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголев. М.; Л., 1924–1927. Т. 1–7; 2-е изд. — М.; Л., 1926. Т. 1. Кроме того, П. Е. Щеголев опубликовал статью «Царские сановники под следствием в 1917 году // Вечерняя Москва. 1927. 15 марта.
- ⁹¹ См.: Альманах «Феникс». М., 1922. Кн. 1. С. 177.
- ⁹² См.: Печать и революция. М., 1922. С. 243–244.
- ⁹³ Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С. 22.
- ⁹⁴ Блок А. А. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 286.
- ⁹⁵ АРР. Т. VII. Берлин, 1922. С. 32.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ В. И. БУГАНОВА (1928–1996)*

Диссертационные исследования

1954 г.

Разрядные книги последней четверти XV — первой половины XVII вв. как исторический источник. Канд. дисс. М., 1954. Машинопись.

1968 г.

Московское восстание второй половины XVII в.: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1968. Машинопись.

Опубликованные труды

1955 г.

1. Разрядные книги последней четверти XV — первой половины XVII вв. как исторический источник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГИАИ, 1955. — 16 с.

1956 г.

2. Ценное пособие // ИА. 1956. № 2. С. 234–237.

Рец. на кн.: Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI–XVI вв. / сост. В. Н. Шумилов; под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1954. — 304 с.

1957 г.

3. «Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х гг. XVI в. // История СССР. 1957. № 5. С. 220–231.

4. Описание Московского восстания 1648 г. в Архивном сборнике // ИА. 1957. № 4. С. 227–230.

5. Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова: Записи в разрядной книге // ЗОР ГБЛ. М.: Соцэкгиз, 1957. Вып. XIX. С. 167–186.

6. Рец. на кн.: *Окунь С. Б.* Очерки истории СССР: Конец XVIII — первая четверть XIX вв. Л.: Учпедгиз, 1956 // ВИ. 1957. № 4. С. 146–150. (совм. с М. Г. Вандалковской).

---

* Сост. А. И. Плигузов; исправлено и дополнено И. А. Устиновой, А. В. Топычкановым.

1958 г.

7. Грамота ливенскому воеводе Ивану Осиповичу Полеву, 1595 г.: Из истории организации сторожевой и станичной службы на юге России в конце XVI в. // ЗОР ГБЛ. М.: Соцэкгиз, 1958. Вып. 20. С. 177–185.

8. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV – начала XVII в. // ПИ. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Сб. VI. С. 152–219.

9. Разрядная книга Д. М. Пожарского (как исторический источник) // ЗОР ГБЛ. М.: Соцэкгиз, 1958. Вып. 20. С. 90–101.

10. Сокращенная редакция разрядных книг 1559–1605 гг. // АЕ за 1957 г. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 88–101.

1959 г.

11. Разрядные книги последней четверти XV – первой половины XVII вв.: Уч. пособие / [ред. А. А. Зимин]. М.: АН СССР, 1959. – 49 с. Ротапринт.

12. «Государев разряд» первой половины XVII в. // ПИ. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. VIII. С. 361–371.

13. Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // ИА. 1959. № 4. С. 166–183.

14. К вопросу о Московском восстании 1662 г. // ВИ. 1959. № 5. С. 160–175.

15. Новые источники о Московском восстании 25 июля 1662 г. // ПИ. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. VII. С. 348–356.

16. Разрядные книги как памятник русской культуры // ВИМК. 1959. № 6. С. 105–111.

17. Следствие о московском восстании 1662 г. // ИЗ. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 65. С. 278–302.

18. Московское восстание 1648 г.; Московское восстание 1662 г. // МСЭ / гл. ред. Б. А. Введенский. 3-е изд. М.: Большая сов. энциклопедия, 1959. Т. 6: Минёры – Первомайка. Стб. 245–246 (Без указания автора).

19. Подгот. публ.: ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. – 414 с. (совместно с Т. Н. Протасовой, М. Н. Тихомировым, при участии М. В. Щепкиной).

Рец.: *Арциховский А. В.* // Сов. археология. 1961. № 2. С. 313–314; *Зимин А. А.* // ВИ. 1960. № 9. С. 136–138; *Носов Н. Е.* // История СССР. 1960. № 5. С. 189–190; *Bogdan D. P.* // Analele rom no-sovietice. Seria istorie. București, 1961. № 1. P. 169–173; *Keenan E. L.* // Kritika. Cambridge, 1966. Vol. 3. № 1. P. 1–13; *Poppe A.* // Stadia źródłoznawcze: Commentationes. Warszawa; Poznań, 1961. Т. XI. № 1. S. 172–173.

20. Рец.: Документы о русско-индийских связях в XVII в. // ВИМК. 1959. № 4. С. 186–192.

Рец. на кн.: Русско-индийские отношения в XVII в.: Сб. документов. М.: Изд-во вост. литературы, 1958.

21. Рец.: Сборник документов об отношениях России и Китая в конце XVII – начале XX вв. // ВИМК. 1959. № 5. С. 139–144.

Рец. на кн.: Русско-китайские отношения. 1689–1916: Официальные документы. М.: Изд-во вост. литературы, 1958.

1960 г.

22. Записки современника о московских восстаниях 1648 и 1662 годов // АЕ за 1958 г. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 98–113.

23. Методы работы В. И. Ленина над статистическими источниками // ВИ. 1960. № 7. С. 44–58.

24. О социальном составе участников Московского восстания 1662 г. // ИЗ. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 66. С. 312–317.

25. Раскол // МСЭ / гл. ред. Б. А. Введенский. 3-е изд. М.: Большая сов. энциклопедия, 1960. Т. 7: Первомайск — Рубе. Стб. 910–911 (без указания автора).

26. Сибирское ханство; Соловецкий монастырь; Стрелецкие бунты; Судебники // МСЭ / гл. ред. Б. А. Введенский. 3-е изд. М.: Большая сов. энциклопедия, 1960. Т. 8: Рубежное — Сферолиты. Стб. 455, 740–741, 1164, 1215 (без указания автора).

27. Подгот. публ.: Засечная книга 1638 г. // ЗОР ГБЛ. М.: Соцэкгиз, 1960. Вып. 23. С. 181–253.

28. Подгот. публ.: Поход на Югру в 1499 г. (из Разрядных книг) // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. / под ред. М. Н. Тихомирова; сост. Л. В. Милов, А. И. Рогов, М. Н. Тихомиров. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. С. 599–600.

29. Рец.: К изучению папской политики на Руси в X–XV в. // СВ. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Вып. XVIII. С. 248–256 (совместно с С. А. Асиновской).

Рец. на кн.: *Рамм Б. Я.* Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 283 с.

30. Рец. на кн.: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1958. — 516 с. // История СССР. 1960. № 4. С. 170–176.

1961 г.

31. «Государев разряд» 1584 г. по списку Библиотеки Академии наук СССР // Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. V. С. 167–174.

32. Редакции «Государева разряда» 1585 г. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского / ред. Н. В. Устюгов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 242–246.

33. Сокращенная редакция Разрядных книг 1550–1636 г. // ПИ. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Вып. IX. С. 270–279.

34. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1961. Т. 1: Аалтонен — Аяны.

Из содерж.: «Акты Археографической экспедиции». Стб. 314; «Акты исторические». Стб. 315–316; «Акты Кавказской Археографической комиссии». Стб. 317; «Акты Московского Государства». Стб. 317 (без указания автора); «Акты Южной и Западной России». Стб. 318–319; «Акты юридические». Стб. 319 (без указания автора); «Акты юридического быта». Стб. 320 (без указания автора); Археографические экспедиции. Стб. 809–810; «Архив историко-юридических сведений». Стб. 843 (без указания автора); «Архив исторических и практических сведений». Стб. 843 (без указания автора).

35. Новые материалы о московских восстаниях XVII в. // ИА. 1961. № 1. С. 144–153 (совместно с В. А. Кучкиным).

1962 г.

36. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII вв. / отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Из-во АН СССР, 1962. — 263 с.

Рец.: *Милов Л. В.* // ВИ. 1963. № 6. С. 132–133; *Stjoklj G.* // Jahrbücher der Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1964. Bd. 12. H. 4. S. 629; *Vodoff V.* // Revue des Études Slaves. Paris, 1979. Т. III.

37. Земская статистика крестьянского хозяйства в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» // ПИ. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Вып. X. С. 19–49.

38. О Городовом приказе в России XVI в. // ВИ. 1962. № 10. С. 211–214.

Рец.: *Каштанов С. М.* Еще раз о Городовом приказе XVI века // ВИ. 1963. № 11. С. 211–213.

39. О некоторых приемах научного исследования статистических источников о мелкой промышленности в работах В. И. Ленина 1890-х годов // АЕ за 1960 г. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 112–128.

40. Послание Ивана Грозного 1573 г. // ИА. 1962. № 3. С. 221–223.

41. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1962. Т. 2: Баал – Вашингтон.

Из содерж.: Бархатная книга. Стб. 144–145 (без указания автора); Башмаков Дементий Минич. Стб. 192 (без указания автора); Битяговский Михаил. Стб. 471 (без указания автора); Ближняя дума. Стб. 487 (без указания автора); Бояре. Стб. 658–659; Боярская Дума. Стб. 659–662; Боярские книги. Стб. 665 (без указания автора); Василий I Дмитриевич. Стб. 993–994 (без указания автора); Василий II Васильевич. Стб. 994–995 (без указания автора); Василий III Иванович. Стб. 995.

42. Документы о Ливонской войне // АЕ за 1960 г. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 264–272.

43. Новый документ о ссылке участников «Медного бунта» 1662 г. // ИА. 1962. № 4. С. 233–234.

44. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // АЕ за 1961 г. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 259–275.

45. Подгот. публ.: Хрестоматия по истории СССР. XVI–XVII вв. / под ред. А. А. Зимина; сост. В. А. Александров, В. И. Корецкий. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1962.

Из содерж.: Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. С. 182–185; Восстание в Москве 1662 г. (по описаниям Г. Н. Собакина и неизвестного автора). С. 448–454; Летописец 1624–1691 гг. об участии холопов в стрелецком восстании 1682 г. в Москва. С. 470; Борьба дворцовых группировок и восстание стрельцов 1682 г. (по летописцу 1624–1691 гг.). С. 509–513.

46. Рец. на кн.: *Тихомиров М. Н., Епифанов П. П.* Соборное уложение 1649 года: Уч. пособие для высш. школы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. — 444 с. // ВИ. 1962. № 11. С. 153–154 (совместно с В. И. Лебедевым).

То же на рум. яз.: *Analele rom no-sovietice. Ser. istor.* București, 1963. № 2. P. 142–144.

47. Рец. на кн.: *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 184 с. // Москва. 1962. № 9. С. 216–217 (без указания автора).

1963 г.

48. Исаак Уриелевич Будовниц (1897–1963) // ИЗ. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 74. С. 286–297 (совместно с Н. В. Устюговым).

49. Источниковедение в трудах академика М. Н. Тихомирова: (к 70-летию со дня рождения) // ПИ. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. XI. С. 514–523.

50. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV — начала XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей в честь 70-летия акад. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. С. 158–165.

51. Сыские дела о Московском восстании 1662 г. // ПИ. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. XI. С. 322–337.

52. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1963. Т. 3: Вашингтон — Вячко.

Из содерж.: Верстание. Стб. 372; «Вечный мир» [1686 г.]. Стб. 412; Висковатый Иван Михайлович. Стб. 504 (без указания автора); Владимирский Буданов Михаил Флегонтович. Стб. 534; Воротынский Михаил Иванович. Стб. 714–715; Выговский Иван Евстафьевич. Стб. 909.

53. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1963. Т. 4: Гага — Двин.

Из содерж.: Гваньини Александр. Стб. 125 (без указания автора); Гирей. Стб. 453 (без указания автора); Голицын Василий Васильевич. Стб. 486–487 (без указания автора); Голова. Стб. 499 (без указания автора); Городовой приказ. Стб. 588 (без указания автора); Грибоедов Федор Иоакимович. Стб. 783; Гуляйгород. Стб. 882 (без указания автора); Даточные люди. Стб. 1015–1016 (без указания автора).

54. Рец.: Документы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина // ВИ. 1963. № 8. С. 128–132.

Рец. на кн.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 1–3. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1962.

55. Рец. на кн.: Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья: (Авторский конспект и записи слушателей). М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 240 с. // История СССР. 1963. № 1. С. 201–202 (совместно с Н. А. Денисовой).

56. Рец.: Новое исследование о Булавинском восстании // ВИ. 1963. № 12. С. 124–127 (совместно с В. И. Лебедевым).

Рец. на кн.: Подьяпольская Е. П. Восстание Булавина. 1707–1709. М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 216 с.

1964 г.

57. Московское восстание 1662 г. / АН СССР, Ин-т истории; отв. ред. А. А. Новосельский. М.: Наука, 1964. — 136 с.

Рец.: *Hoffman P.* // *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas.* Berlin, 1964. Bd. 10. S. 403–405; *Neubauer H.* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Wiesbaden, 1966. H. IV. № 1. S. 114–115.

58. К вопросу о русском феодальном землевладении в Прибалтике в годы Ливонской войны // Тезисы докладов и сообщений Седьмой (Кишневской) сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Кишнев (октябрь, 1964 г.). Кишнев, 1964. С. 53–55.

59. Про деякі методи роботи В. І. Леніна над джерелами в праці «Імперіалізм, як найвища стадія капіталізму» // Український історичний журнал. 1964. № 4. С. 87–93.

60. Письмо в редакцию журнала «История СССР» [о состоянии научно-справочного аппарата в ЦГАДА] // История СССР. 1964. № 2. С. 242–243 (совместно с В. А. Александровым, Н. Г. Аполловой, Ф. А. Грекулом, А. А. Зиминим, М. О. Косвенном, Н. И. Павленко, М. Я. Волковым, Н. Б. Голиковой, Л. А. Голь-

денберг, А. Н. Копыловым, Р. Ю. Клейман, Л. В. Миловым, М. Д. Рабиновичем, Ю. А. Тихоновым, С. М. Троицким, С. О. Шмидтом).

61. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1964. Т. 5: Двинск — Индонезия.

Из содерж.: «Дворцовые разряды». Стб. 18; Девлет-Гирей. Стб. 32–33; Десятни. Стб. 136 (без указания автора); Дети боярские. Стб. 140–141; Джанибек. Стб. 154 (без указания автора); Жильцы. Стб. 550–551 (без указания автора); Зборовский договор 1649 г. Стб. 638 (без указания автора); Золотаренко Василий Никифорович. Стб. 699 (без указания автора); Золотаренко Иван Никифорович. Стб. 699 (без указания автора); Иван I Данилович Калита. Стб. 728–729; Иван IV Васильевич Грозный. Стб. 730–732; Золотая Орда. Стб. 700–703.

62. Как погиб К. Булавин // Рыбинская правда. 1964. 2 апр.

63. Как погиб К. Булавин // Тувинская правда. 1964. 3 апр.

64. Кто был вожаком «Медного бунта» // Ленинское знамя. 1964. 21 нояб.

65. Кто был вожаком «Медного бунта» (1662 г.) // Правда Востока. 1964. 28 февр.

66. Сост., автор введения, источниковедческого обзора и комментариев: Восстание 1662 г. в Москве: Сб. документов / АН СССР, Институт истории; отв. ред. А. А. Новосельский. М.: Наука, 1964. — 306 с.

Рец.: *Hoffmann P.* // *Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas*. Berlin, 1967. Bd. 10. S. 403–405; *Neubauer H.* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1966. H. IV. S. 114–115; *F. V.* // *Slovansky prehled*. 1974. № 2; *Курсков Ю. В.* // ВА. 1965. № 1. С. 95–96; *Дубровский А. М.* // ВИ. 1982. № 5. С. 119–121; *Курсков Ю. В.* // В мире книг. 1965. № 8; Морозов С. А. Сборники документов городских восстаний второй половины XVII века // История СССР. 1982. № 2. С. 170–172.

67. Новый источник о Московском восстании 1682 г. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященных 75-летию проф. С. Н. Валка. М.; Л.: Наука, 1964. С. 318–324. (Труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР; Вып. 7).

Рец.: *Jonescu-Nicov I.* // SRI. 1970. Т. 23. № 1. Р. 191–193.

1965 г.

68. Ελλάδα και Σοβιετική Ένωση: Πολιτική-οικονομική Ερευνα. Αθήνα, 1965.

69. URSS. Mexiko, 1965 (в соавторстве).

70. URSS. Montevideo, 1965 (в соавторстве).

71. Novedades de la Unión Soviética. Buenos Aires, 1965 (совместно с Ю. Н. Жуковым и др.).

72. Источниковедческий анализ документов о Московском восстании 1682 года // ВА. 1965. № 1. С. 52–55.

73. Кто был главным предводителем «Медного бунта» 1662 г. в Москве? // ВИ. 1965. № 3. С. 209–210.

74. Новейшая советская литература о крестьянских и городских движениях в России: (XI–XVIII вв.) // ВИ. 1965. № 3. С. 127–140 (псевдоним: В. И. Кириллов).

75. Загадки генеалогии // ВИ. 1965. № 2. С. 212–219 (псевдоним: В. И. Викторов).

76. Источники разрядных книг последней четверти XV — начала XVII вв. // ИЗ. М.: Наука, 1965. Т. 76. С. 216–229.

Рец.: *Капитанов С. М.* // История СССР. 1957. № 5. С. 159.

77. Михаил Николаевич Тихомиров // Изд. М.: Наука, 1965. Т. 76. С. 292–307.

78. Памяти М. Н. Тихомирова // История СССР. 1965. № 5. С. 217–232.

79. Histoire brève de la Russie et de l'U. R. S. S. // Études soviétiques. 1965. № 207–213. [1]: De l'antiquité de l'âge de pierre à Ivan le Terrible // № 207. P. 48–53; [2]: L'époque des guerres paysannes // № 208–209. P. 54–64; [3]: Trois generations de revolutionnaires // № 210. P. 56–62; [4]: Une periode de temp tes et d'assaut // № 211. P. 55–61; [5]: De la victoire de la revolution socialiste au triomphe du socialisme // № 212. P. 42–52; [6]: La grande guerre nationale et les Vingt ans d'apres guerre // № 213. P. 54–63.

80. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1965. Т. 6: Индра — Каракас.

Из содерж.: Ислам-Гирей III. Стб. 339 (без указания автора); История. Стб. 577–590 (совместно с М. Я. Волковым, М. И. Кузнецовым); Казанские походы 1547–1552 гг. Стб. 779–780; Казанское ханство. Стб. 781–782; Калайдович Константин Федорович. Стб. 835–836 (без указания автора); Калка. Стб. 858 (без указания автора).

81. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1965. Т. 7: Каракеев — Кошакер.

Из содерж.: Касим-хан. Стб. 85.

82. Переписка Городового приказа с воеводами ливонских городов в 1577–1578 годах // АЕ за 1964 г. М.: Наука, 1965. С. 290–315.

83. Рец.: Важное научное издание Археографической комиссии // ВИ. 1965. № 1. С. 120–129 (совместно с В. И. Шунковым, В. И. Корецким).

Рец. на кн.: Археографический ежегодник за 1957–1962 годы / под ред. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во АН СССР (Наука), 1958–1963.

84. Рец.: Сборник статей по источниковедению // История СССР. 1965. № 1. С. 157–161 (совместно с В. В. Фарсобиным).

Рец. на кн.: Труды МГИАИ. М., 1963. Т. 17: Вопросы источниковедения истории СССР / под ред. Е. А. Луцкого. — 465 с.

1966 г.

85. В преображенских застенках // ВИ. 1966. № 5. С. 216–218 (псевдоним: В. И. Домов).

86. Московские восстания последней четверти XVII в. в дореволюционной и советской историографии // История СССР. 1966. № 2. С. 105–115.

87. К истории Московского восстания 1682 г. // Города феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова / ред. Н. М. Дружинин. М.: Наука, 1966. С. 319–327.

88. К 60-летию Николая Николаевича Улащика // История СССР. 1966. № 3. С. 227.

89. Ономастика // Неделя. 1966. 9–15 окт. № 42. С. 8–9.

90. Русское летописание в советской историографии // ВИ. 1966. № 12. С. 143–155.

91. «Слово и дело государево» // ВИ. 1966. № 3. С. 215–218 (псевдоним: В. И. Марьин).

92. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1966. Т. 8: Кошала — Мальга.

Из содерж.: Кривонос Максим. Стб. 151; Куликовская битва 1380 г. Стб. 266–268; Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич. Стб. 422–423; Ледовое побоище

1242 г. Стб. 523–526; Лихачевы. Стб. 742–743; Мартовские статьи 1654 г. Стб. 154 (без указания автора); Мейерберг Августин. Стб. 295 (без указания автора); Менгли-Гирей. Стб. 349 (без указания автора); Милославские. Стб. 446 (без указания автора); Московское восстание 1682 г. Стб. 746–747 (без указания автора).

93. Подгот. текста, ввводн. ст. и ред.: Разрядная книга. 1475–1598 гг. / АН СССР, Ин-т истории; отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.: Наука, 1966. — 614 с.

Рец.: *Alef G.* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Wiesbaden, 1967. Н. 4. S. 614–615.

94. Вступ. статья, ред.: История СССР с древнейших времен до наших дней: в 2 сер., в 12 т. М.: Наука, 1966. Сер. 1: С древнейших времен до Октябрьской социалистической революции / гл. ред. Б. А. Рыбаков. Т. II: Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XVII вв. Образование единого русского государства. — 632 с. (совместно с М. Н. Тихомировым (отв. ред.), Л. Г. Бескровным, А. А. Зиминным).

Рец.: *Мавродин В. В.* // История СССР. 1967. № 5. С. 180–183; *Сахаров А. М.* // История СССР. 1967. № 5. С. 184–186; *Удальцова З. В., Щапов Я. Н.* Изучение истории феодальной формации советскими историками в 1966 г. // История СССР. 1967. № 4. С. 213; *Clarkson J. D.* // *American Historical Review.* Richmond, 1968. № 5. P. 1578–1579; *Historie a vojenství.* Praha, 1969. № 2. S. 378; *Slessarev Vs.* // *Canadian Slavic Studies.* Montreal, 1968. № 3. P. 426–427.

95. Рец. на кн.: Источниковедение истории советского общества: Сб. статей. М.: Наука, 1964. [Вып. 1]. — 376 с. // История СССР. 1966. № 1. С. 164–168.

96. Рец. на кн.: *Копыцкий З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Минск: Наука и техника, 1966. — 227 с. // *Вестці АН БССР. Серыя грамадскіх навук.* 1966. № 3 (совместно с Л. Л. Муравьевой).

1967 г.

97. *La Historia de la URSS, en dibujos.* Mexiko, 1967. — 64 p. (совместно с Ю. Н. Жуковым и др.).

98. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 2 сер., в 12 т. М.: Наука, 1967. Сер. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / гл. ред. Б. А. Рыбаков. Т. III.

Из содерж.: Глава 4: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. С. 84–98; Глава 5: Накануне преобразований. § 1–3. С. 114–127.

99. Летописные известия о Московском восстали 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти М. Н. Тихомирова. М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1967. С. 310–319.

100. Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Ученые записки Казанского пед. ин-та. Казань, 1967. № 50. Кафедра истории СССР. Вопросы историографии и источниковедения: Сб. 2. С. 3–13 (совместно с А. А. Зиминным).

101. Тайная канцелярия XVIII в. // ВИ. 1967. № 12. С. 205–209 (псевдоним: В. И. Кириллов).

102. Эпиграфика // Неделя. 1967. 12–18 февр.

103. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1967. Т. 10: Нахимсон — Пергам.

Из содерж.: Овчина-Оболенский-Телешнев Иван Федорович. Стб. 215–218 (совместно с Г. Д. Бурдеем); Обьезжие головы. Стб. 457–458 (без указания автора); Олеарий Эльшлегер. Стб. 527; Ордынский выход. Стб. 604–605; Орлов

Александр Сергеевич. Стб. 615; Патриарх. Стб. 924; Первое ополчение 1611 г. Стб. 1018–1019.

104. Новый источник о волнениях крестьян Ростовского уезда в 1682 г. // Труды ЛОИИ. М.; Л.: Наука, 1967. Вып. 9: Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей памяти И. И. Смирнова. С. 329–332.

Рец.: *Jonescu-Niçcov I.* // SRI. 1970. Т. 23. № 1. Р. 191–193.

105. Повесть о Московском восстании 1682 года // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. Посвящается Н. К. Гудзю / отв. ред. О. А. Державина. М.: Наука, 1967. С. 317–354 (Исследования и материалы по древнерусской литературе).

1968 г.

106. Московские восстания второй половины XVII в.: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1968. — 49 с. Ротапринт.

107. Из истории Московского восстания 1682 г. // Славяне и Русь: [Сб. статей] к 60-летию акад. Бориса Александровича Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 261–265.

Московские «бунтари» 1682 г. // Прометей. М., 1968. Т. 5. С. 157–158.

108. О некоторых вопросах истории Второй Крестьянской войны в России // ВИ. 1968. № 7. С. 36–51 (совместно с Е. В. Чистяковой).

109. Освободительная война украинского и белорусского народов в середине XVII в. против иноземного угнетения. Воссоединение с Россией // Страницы боевого прошлого: Очерки военной истории России / АН СССР, Ин-т истории; [отв. ред. Л. Г. Бескровный]. М.: Наука, 1968. С. 56–72.

110. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1968. Т. 11: Пергам — Ренуен.

Из содерж.: Пискаревский летописец. Стб. 166; «Полное собрание русских летописей». Стб. 282; Поляновский мир 1634 г. Стб. 939; Православная церковь. Стб. 504–510 (совместно с В. И. Корецким); Путные бояре. Стб. 714 (без указания автора); Путь. Стб. 714 (без указания автора); Разрядные книги. Стб. 855; Разрядный приказ. Стб. 855–856; Разряды. Стб. 856 (без указания автора).

111. Документы о Московском восстании 1682 г. // СА. 1968. № 5. С. 56–65.

112. Подгот. публ.: Летописец 1619–1691 гг. // ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории. М.: Наука, 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII века. С. 180–205.

113. Ред. и авт. предисловия: ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории. М.: Наука, 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII века. — 264 с.

Из содерж.: Предисловие. С. 3–9.

Рец.: *Demény L.* // Studii: Revist de istorie. București, 1970. Anul 23. № 1. Р. 190–191; *Кузьмин А. Г.* // История СССР. 1971. № 1. С. 187–188; *М. Н.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1970. № 1; *Hoffmann P.* // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1971. Jg. 19. N. 3. S. 453–454.

114. Чл. редкол.: Охрана памятников истории и культуры: Сб. декретов и постановлений, 1917–1967 гг. М., 1968. Ротапринт.

115. Чл. редкол.: Славяне и Русь: [Сб. статей] к 60-летию акад. Бориса Александровича Рыбакова. М.: Наука, 1968. — 472 с.

1969 г.

116. Московские восстания конца XVII в. / отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука, 1969. — 440 с.

Рец.: *Корецкий В. И.* // НМ. 1970. № 10. С. 273–279; *Волков М. Я.* // ВИ. 1971. № 1. С. 156–159; *Павленко Н. И.* Об оценке стрелецкого восстания 1682 г.: (По поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII в.») // История СССР. 1971. № 3. С. 77–94; *Crummey R. O.* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Wiesbaden, 1971. Bd. 19. № 2. S. 292–293; *Hoffmann P.* // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas.* Berlin, 1974, 17/1; *Serban C.* // *Studii și materiale de istorie medie.* București, 1974. Vol. VII. P. 416–418; *F. V.* // *Slovansky prehled.* Praha, 1974. № 2; *Dejiny SSSR.* Praha, 1982. S. 598.

117. О некоторых вопросах издания русских летописей // Конференция по вопросам археографии и изучения древних рукописей. Тбилиси, 3–5 ноября 1969 г.: Тезисы докладов. Тбилиси: Мецниереба, 1969. С. 5–6. Ротапринт.

118. Приемы работы В. И. Ленина над материалами бюджетных обследований крестьянских и кустарных хозяйств России и Германии // АЕ за 1967 г. М.: Наука, 1969. С. 193–206.

119. Стрелецкие восстания 1698 г. и начало ликвидации стрелецкого войска // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX вв. М.: Наука, 1969. С. 45–53.

120. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1969. Т. 12: Репарации — Славяне.

Из содерж.: Рюрик — Синеус — Трувор. Стб. 430; Самозванцы в России. Стб. 515–516; Скорина Франциск. Стб. 962.

121. «Взятие полоцкое Литовские земли» — описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // ЗОР ГБЛ. М.: Книга, 1969. Вып. 31. С. 213–224.

1970 г.

122. Материалы ЦГАДА как источник по истории управления Прибалтикой в годы Ливонской войны // АЕ за 1968 г. М.: Наука, 1970. С. 349–353.

123. Советская литература о приемах работы В. И. Ленина с источниками // ВИ. 1970. № 9. С. 129–135.

124. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1970. Т. 3: Бари — Браслет.

Из содерж.: Бархатная книга. С. 24 (без указания автора); Башмаков Дементий Минич. С. 68 (без указания автора); Битяговский Михаил С. 401 (без указания автора); Ближняя дума. С. 420 (без указания автора); Бояре. Стб. 610; Боярская дума. С. 610–611; Боярские книги. С. 611 (без указания автора); С. 24, 68, 401, 420, 611 (без указания автора).

125. Рец.: Ценное исследование по истории западноевропейского крестьянства и проблемы аграрных отношений на Востоке Европы // История СССР. 1970. № 1. С. 162–167 (совместно с Ю. В. Бромлеем, В. И. Корецким).

Рец. на кн.: *Сказкин С. Д.* Очерки истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968. — 376 с.

1971 г.

126. Древнерусский календарь // Вечерняя Москва. 1971. 25 дек.

127. «Канцлер» предпетровской поры // ВИ. 1971. № 10. С. 144–156.

128. Летопись народной борьбы: Труды советских историков о крестьянских войнах в России // Правда. 1971. 21 авг. С. 3.

129. Степан Тимофеевич Разин: К 300-летию Второй Крестьянской войны в России // История СССР. 1971. № 2. С. 62–74.

Реф. статьи: Биография, восстановленная по крупичам // Наука и жизнь. 1971. № 8. С. 78–79.

130. «Записка» И. Д. Беляева об издании разрядных книг // АЕ за 1969 г. М.: Наука, 1971. С. 236–241.

131. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 4: Брасос — Веш.

Из содерж.: Василий I Дмитриевич. С. 321 (без указания автора); Василий II Васильевич. С. 321–322 (без указания автора); Василий III Иванович. С. 322; Верстание. С. 549 (без указания автора); «Вечный мир» 1686 г. С. 599.

132. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 5: Вешин — Газли.

Из содерж.: Висковатый Иван Михайлович. С. 101 (без указания автора); Выговский Иван Евстафьевич. С. 520.

133. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6: Газлифт — Гоголево.

Из содерж.: Гваньини Александр. С. 151–152 (без указания автора).

134. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 13: Славяноведение — Ся Чэн.

Из содерж.: Славяно-греко-латинская академия. Стб. 32; Соборное уложение 1649 г. Стб. 102–103; Соловецкий монастырь. Стб. 325–326; Софья Алексеевна. Стб. 362–363; Стольник. Стб. 850; Сторожев Василий Николаевич. Стб. 851–852; Стрелцкое восстание 1698 г. Стб. 866–867; Строгановы. Стб. 869–870; Сыские приказы. Стб. 1004.

135. Неизвестный Московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ // ЗОР ГБЛ. М.: Книга, 1971. Вып. 32. С. 127–167 (совместно с В. И. Корецким).

136. Ред.: *Муравьева Л. Л.* Деревенская промышленность центральной России второй половины XVII в. М.: Наука, 1971. — 207 с.

137. Рец.: Книга об удивительном открытии // НМ. 1971. № 4. С. 260–264.

Рец. на кн.: *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М.: Наука, 1969. — 438 с.

138. Рец.: Новый труд о русских летописях // НМ. 1971. № 1. С. 270–273.

Рец. на кн.: *Насонов А. Н.* История русского летописания X — начала XVIII века. М.: Наука, 1969. — 553 с.

1972 г.

139. Breve storia dell'URSS. Dai tempi più antichi ai nostri giorni. Roma, 1972. — 341 p. (Краткая история СССР: С древнейших времен до наших дней).

140. Об издании русских летописей // АЕ за 1971 г. М.: Наука, 1972. С. 17–28.

141. Об источниковедческом анализе документов по истории крестьянских войн в России XVII в. // Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Гродно, сентябрь 1972 г.). М., 1972. Вып. I. С. 81–83.

142. «Преславная победа» // ВИ. 1972. № 8. С. 215–218 (совместно с Г. Д. Бурдей).

143. Борьба русского народа с интервенцией польско-литовских и шведских феодалов в начале XVII в.: Национально-освободительная борьба украинского и белорусского народов в 1648–1654 гг. // Страницы боевого прошлого народов нашей страны: (IX–XIX вв.): Хрестоматия для учащихся восьмого класса по про-

граммному курсу факультативных занятий / сост. В. И. Буганов и А. И. Назарец. М.: Просвещение, 1972.

144. Petru cel Mare: 300 ani de la nastere (1672–1972) // Magazin-istorik. București, 1972. № 5.

145. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 7: Гоголь — Дебит.

Из содерж.: Голова. С. 20–21 (без указания автора); Грибоедов Федор. С. 321 (без указания автора); Даточные люди. С. 557 (без указания автора).

146. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 8: Дебитор — Евкалипт.

Из содерж.: Девлет-Гирей. С. 10; Десятни. С. 139 (без указания автора); Дети боярские. С. 148 (без указания автора); Джанибек. С. 192 (без указания автора).

147. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 9: Евклид — Ибсен.

Из содерж.: Зборовский договор 1649 г. С. 405 (без указания автора); Золотаренко Иван Никифорович. С. 560 (без указания автора); Золотая Орда. С. 561–562.

148. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 10: Ива — Италики.

Из содерж.: Иван I Данилович Калита. С. 6; Иван IV Васильевич Грозный. С. 6–7; Ислам-Гирей III. С. 487 (без указания автора).

149. Сост.: Страницы боевого прошлого народов нашей страны: (IX–XIX вв.); Хрестоматия для учащихся восьмого класса по программному курсу факультативных занятий. М.: Просвещение, 1972. — 263 с. (совместно с А. И. Назарец).

Рец.: *Прасолов Г. Т.* // ПИШ. 1973. № 4. С. 105–108.

150. Рец.: Предания и были русской старины // НМ. 1972. № 2. С. 268–271.

Рец. на кн.: *Рыбаков Б. А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971. — 293 с.

1973 г.

151. А была ли княжна? // Советская Россия. 1973. 20 авг.

152. Военное искусство в Походах Степана Разина // ВИЖ. 1973. № 12. С. 80–86.

153. Об оценке Московского восстания 1682 г.: по поводу рецензии Н. И. Павленко // История СССР. 1973. № 2. С. 236–244.

154. Об идеологии Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России // Научная конференция, посвященная 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Оренбург, 15–16 окт. 1973 г.: Тезисы докладов. Оренбург, 1973. С. 10–12.

155. От имени к фамилии // Советская Россия. 1973. 24 июля.

156. Правда о бунте // Советская Россия. 1973. 16 нояб.

157. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1973. Т. 11: Италия — Кваркуш.

Из содерж.: Казанские походы 1547–1552 гг. С. 138; Казанское ханство. С. 140–141; Калайдович Константин Федорович. С. 191 (без указания автора); Калка. С. 217–218 (без указания автора); Касим-хан. С. 496–497 (без указания автора).

158. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1973. Т. 13: Конда — Кун.

Из содерж.: Кривонос Максим. С. 421–422 (без указания автора); Куликовская битва 1380 г. С. 587.

159. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т. 14: Куна — Ломами.

Из содерж.: Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич. С. 163; Ледовое побище 1242 г. С. 262–263.

160. СИЭ / Гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1973. Т. 14: Таанах — Фелео.

Из содерж.: Текстология. Стб. 177–178; Тимковский Роман Федорович. Стб. 221; «Труды отдела древнерусской литературы». Стб. 481; Тягло. Стб. 633–634; Урочные лета. Стб. 867.

161. Чл. редкол.: Научная конференция, посвященная 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Оренбург, 15–16 окт. 1973 г.: Тезисы докладов. Оренбург, 1973. — 58 с.

162. Чл. редкол.: Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов. М.: Советская Россия, 1973. — 191 с.

1974 г.

163. «Враждотворное» местничество // ВИ. 1974. № 11. С. 118–133.

164. В борьбе за землю и волю: К 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России // Советская Калмыкия. 1974. 23 янв.

165. Крестьянская война в 1773–1775 гг. — крупнейшее событие классовой борьбы XVIII в. // Участие народов в Крестьянской войне 1773–1775 гг.: Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции. Уфа, 3–5 июня 1974. Уфа, 1974. С. 3–6.

166. Крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева и ее место в истории освободительного движения народов России // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Сер. историческая. 1974. № 11. С. 96–112.

167. Крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева: Конференции в Москве, Оренбурге, Уральске // Вестник АН СССР. 1974. № 2. С. 176–180.

168. Крестьянские войны — высший этап в истории классовой борьбы в России периода феодализма // Тезисы докладов и сообщений XV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 7–13 сентября 1974 г. М., 1974. Вып. 1. С. 79–82.

169. Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. // Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г.: Посвящен памяти А. Н. Насонова. М.: Наука, 1974. С. 338–346.

170. Материалы по историографии и источниковедению истории СССР (период феодализма) // Методические материалы по истории СССР и всеобщей истории для IV курса. М., 1974.

171. М. Н. Тихомиров как исследователь русского летописания // АЕ за 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 173–177.

172. Новое о русских летописях // ПИШ. 1974. № 6. С. 18–26.

173. Об идеологии участников крестьянских войн в России // ВИ. 1974. № 1. С. 44–60.

174. Описание списков разрядных книг XVII в. // АЕ за 1972 г. М.: Наука, 1974. С. 276–282.

175. Под знаменем восстания // Советская Башкирия. 1974. 2 июня.

176. Прокламации С. Т. Разина и его сподвижников — памятник идеологической борьбы в годы Второй Крестьянской войны в России // Крестьянские вой-

ны в России XVII–XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения: Сб. статей. М.: Наука, 1974. С. 287–306.

177. Публикации летописных источников по истории Сибири и Урала // Уральский Археографический ежегодник за 1971 г. / Уральский гос. ун-т имени А. М. Горького. Свердловск: Уральский рабочий, 1974. С. 18–22.

178. Советская историография Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева // Вестник АН СССР. 1974. № 9. С. 75–85.

179. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 15: Ломбард — Мезитол.

Из содерж.: Мартовские статьи 1654 г. С. 424.

180. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 16: Мезия — Моршанск.

Из содерж.: Мейерберг Августин. С. 12 (без указания автора); Менгли-Гирей. С. 66 (без указания автора); Милославские. С. 263 (без указания автора).

181. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 17: Моршин — Никиш.

Из содерж.: Московское восстание 1682 г. С. 50–51.

182. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 18: Никко — Отолиты.

Из содерж.: Обьезжие головы. С. 259 (без указания автора); Овчина-Оболенский-Телепнев Иван Федорович. С. 281 (без указания автора); Олеарий Адам. С. 370; Ордынский выход. С. 499.

183. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 15: Феллахи — Чжалайнор.

Из содерж.: Филатьевы. Стб. 78–79; Хованский Андрей Иванович. Стб. 605 (без указания автора); Хованский Иван Андреевич. Стб. 605.

184. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики «Смутного времени» // ТОДРЛ. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. Т. XXVIII: Исследования по истории русской литературы XI–XVII вв. / отв. ред. Д. С. Лихачев. С. 231–254 (совместно с В. И. Корецким, А. Л. Станиславским).

185. Отв. ред.: Методические рекомендации по подготовке Свода памятников истории и культуры СССР / АН СССР, Ин-т истории СССР и др. М., 1974. Вып. 6: [Памятники истории и культуры Москвы]. — 144 с. Ротапринт.

186. Подгот. публ.: Разрядная книга 1613–1614 гг.; Разрядная книга 1637–1638 гг. // Разрядная книга. 1559–1605 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; [отв. ред. В. И. Буганов; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина]. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1974. С. 180–344.

187. Отв. ред., авт. предисловия: Разрядная книга. 1559–1605 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; [сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина]. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1974. — 436 с. Ротапринт.

Из содерж.: Предисловие. С. 3–13.

188. Отв. ред., сост., вводная статья к публ.: Разрядные книги 1598–1638 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; [сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина]. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1974. — 398 с. Ротапринт.

189. Вступ. статья, ред. (совм. с Б. В. Левшиным): *Веселовский С. Б.* Ономастикон: Имена, прозвища, фамилии Древней Руси. М.: Наука, 1974. — 382 с.

Рец.: Бочков В. Н. // ВИ. 1975. № 10. С. 158–160.

190. Зам. отв. ред.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1973 г.: Посвящен памяти А. Н. Насонова. М.: Наука, 1974. — 376 с.

191. Чл. редкол.: Вестник НИИЯЛИ при Совете министров Калм. АССР. 1974. № 11.

192. Чл. редкол.: Участие народов в Крестьянской войне 1773–1775 гг.: Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции. Уфа, 3–5 июня 1974 г. Уфа, 1974. — 76 с.

193. Рец.: Сердце всей России // Вечерняя Москва. 1974. 15 нояб.

Рец. на кн.: История Москвы: Краткий очерк / АН СССР, Ин-т истории СССР; [А. А. Преображенский, А. А. Зимин, Ю. Н. Кирьянов и др.]; Отв. ред. С. С. Хромов. М.: Наука, 1974. — 515 с.

194. Рец.: Армия и флот России в XIX в. // НМ. 1974. № 2. С. 270–272.

Рец. на кн.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в.: Военно-экономический потенциал России. М., 1973. — 616 с.

195. Рец. на кн.: *Сахаров А. Н.* Степан Разин: (Хроника XVII века). М.: Мол. гвардия, 1973. — 319 с. (Жизнь замечат. людей. Серия биограф. Вып. 1 (522)) // ПИШ. 1974. № 3. С. 109–112.

1975 г.

196. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1975. — 344 с.

Рец.: *Чистякова Е. В.* // ПИШ. 1976. № 3. С. 106–108; *Паушто В. Т.* «Се бо суть реки, напаяюще вселенную...» // НМ. 1976. № 8. С. 272–274; *Fennel J.* // Russian Review. 1976. Vol. 35. № 3. P. 337–338; *Мирзоев В. Г., Пронштейн А. П.* // ВИ. 1977. № 2. С. 161–164; *Азбелев С. Н.* // История СССР. 1977. № 2. С. 168–169; *Grabmüller H.-J.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1978. Bd. 26. № 2. S. 263–265; *Wolle S.* // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1978. Bd. 22/1. S. 207–209.

197. Вопреки фактам [По поводу статьи Ю. Черниченко об Иване Сусанине «Уравнение с известными» (Звезда. 1974. № 4)] // ВИ. 1975. № 2. С. 203–206.

198. Городские восстания в России XVII в. и коммунальные движения в Западной Европе // К вопросу о смене социально-экономических формаций и типах социальных революций: Уч. пособие. М.: Молодая гвардия, 1975. Ротапринт.

199. К вопросу о географии Второй Крестьянской войны // Историческая география России XII — начала XX вв.: Сб. статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1975. С. 97–103.

200. К изучению состава «Государева двора» XVI в. // Общество и государство в феодальной России.: Сб. статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М.: Наука, 1975. С. 55–61.

201. Любомир Григорьевич Бескровный // История СССР. 1975. № 5. С. 234–235 (совместно с А. Л. Нарочницким, Л. В. Черепниным).

202. Л. Г. Бескровный: Творческий путь // Историческая география России XII — начала XX вв.: Сб. статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1975. С. 3–14.

203. О некоторых вопросах истории крестьянских войн [в России] // Известия АН КазССР. Серия обществ. наук. 1975. № 6. С. 44–50.

204. О «повстанческом архиве» главного войска С. Т. Разина // СА. 1975. № 5. С. 82–89.

205. Сила народного духа: К 200-летию окончания Великой Крестьянской войны // Сельская жизнь. 1975. 24 янв.

206. Труды А. Н. Насонова о русском летописании // АЕ за 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 235–240.

207. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 19: Отоми — Пластырь.

Из содерж.: Патриарх. С. 281; Первое ополчение 1611 г. С. 360–361 (без указания автора); Пискаревский летописец. С. 568.

208. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 20: Плата — Проб.

Из содерж.: «Полное собрание русских летописей». С. 235–236 (без указания автора).

209. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 21: Проба — Ременсы.

Из содерж.: Путные бояре. С. 241 (без указания автора); Путь. С. 242 (без указания автора); Разрядные книги. С. 433; Разрядный приказ. С. 433; Разряды. С. 433 (без указания автора).

210. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1975. Т. 22: Ремень — Сафи.

Из содерж.: Рюрик — Синеус — Трувор. С. 459.

211. Отв. ред.: Именной и географический указатель к Ипатьевской летописи / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. Л. Л. Муравьева, Л. Ф. Кузьмина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1975. — 112 с. Ротапринт.

Рец.: *Лимонов Ю. А.* // СА. 1975. № 1; ВИ. 1976. № 5. С. 182.

212. Отв. ред., авт. введения: Разрядная книга. 1550–1636 г. / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. Л. Ф. Кузьмина. М.: Наука, 1975. Т. I. Ч. 1. С. 1–240; Ч. 2. С. 241–492. Ротапринт.

213. Ред. (совм. с Б. В. Левшиным), авт. введения: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. / АН СССР, Отд-ние истории, Архив АН СССР. М.: Наука, 1975. — 607 с.

214. Зам. отв. ред., предисловие: Историческая география России XII — начала XX вв.: Сб. статей к 70-летию профессора Любомира Григорьевича Бескровного / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1975. — 347 с.

215. Зам. отв. ред.: ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1975. Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтинская, и Быховца; Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырского / [сост. Н. Н. Улащик]. — 234 с.

216. Чл. редкол.: Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773–1774 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; Центр. гос. архив древних актов; отв. ред. Р. В. Овчинников. М.: Наука, 1975. — 524 с.

217. Чл. редкол.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1975. Вып. 3. — 319 с.

218. Рец.: *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV — начала XVI века. [М.: Наука, 1974. — 111 с.] // ПИШ. 1975. № 5. С. 114–116.

1976 г.

219. Крестьянская война в России начала XVII в. М.: Просвещение, 1976. — 144 с. (Пособие для учащихся).

220. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1976. — 223 с. (АН СССР. Сер. «История нашей Родины»).

Рец.: *Маньков А. Г.* // ПИШ. 1977. № 3. С. 111–113; *Парасунько О. А., Путро О. И., Шевченко Ф. П.* // Украинський історичний журнал. 1977. № 9. С. 143–

145; Мининков Н. А. Новое о крестьянских войнах в России // Вестник Ленинградского университета. 1977. № 8. История, язык, литература. Вып. 2. С. 147–149; Hoffmann P. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1982. Н. 9. S. 854–855; J. V. // Slovanský p ehled. Praha, 1977. Č. 6. S. 173; P. K. // Československý asopis historický. Praha, 1978. Č. 4. S. 607; Molnár L. // Századok. Budapest, 1979. № 2. Old. 52.

221. Второй коллоквиум советских и американских историков в США [Стенфорд, 30–31 августа 1975 г.] // История СССР. 1976. № 3. С. 207–209.

222. XXV съезд КПСС и задачи изучения отечественной истории // ИСССР. 1976. № 2. С. 3–29 (совместно с А. Л. Нарочницким, В. П. Шерстобитовым).

223. XXV съезд КПСС и советская историческая наука на современном этапе // СА. 1976. № 5. С. 3–15.

224. «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. // АЕ за 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 252–258.

225. Источник сомнителен // Неделя. 1976. 16–22 авг. № 33.

226. К изучению Крестьянских войн в России // ВИ. 1976. № 11. С. 138–142.

227. «Книги разрядные» («подлинники») 1613–1636 гг. // ИЗ. М.: Наука, 1976. Т. 97. С. 290–303.

228. Крестьянские войны в России — итоги и перспективы исследований // Будущее науки: Международный ежегодник. М.: Знание, 1976. С. 253–267.

229. Л. Г. Бескровный как археограф и источниковед: К 70-летию со дня рождения // АЕ за 1975 г. М.: Наука, 1976. С. 172–177.

230. М. Н. Тихомиров и отечественное летописеведение // Летописи и хроники: Сб. статей. 1975 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 5–11.

231. Н. Н. Улащик — источниковед и археограф // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1975. М.: Наука, 1976. С. 365–374.

232. Об идеологии участниов Крестьянской войны 1773–1775 гг. // Героические страницы истории народов нашей Родины: Доклады Всесоюзной научной конференции, посвященной 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. (октябрь 1973 г.). Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. С. 35–50.

233. Основные направления исследований по источниковедению отечественной истории дооктябрьского периода // История СССР. 1976. № 6. С. 224–227.

234. Sub Steagul lui Emelian Pugachov // Magazin Istoric. 1976. № 9.

235. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1976. Т. 24. Кн. 1.: Собаки — Струна.

Из содерж.: Соборное уложение 1649 г. С. 9; Соловецкий монастырь. С. 155–156 (без указания автора); Софья Алексеевна. С. 214; Стольник. С. 535 (без указания автора); Стрелецкое восстание 1698 г. С. 561; Строгановы. С. 573–574.

236. СИЭ / гл. ред. Е. М. Жуков. М.: Сов. энциклопедия, 1976. Т. 16: Чжан Вэнь-Тянь — Яштун.

Из содерж.: Шапка Мономаха. Стб. 126; Язычество. Стб. 849–850; Яковлев Корнилий. Стб. 863; Якубовский Александр Юрьевич. Стб. 867; Ямгурчей. Стб. 886–887; Ярило. Стб. 977; Ярыжные люди. Стб. 990.

237. Краткий московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 283–293.

238. Отв. ред., авт. предисловия; комментарии (совместно с Н. Г. Савич): Восстание 1682 г. в Москве: Сб. документов / АН СССР, Институт истории СССР. М.: Наука, 1976. — 348 с.

Из содерж.: Предисловие. С. 3–8.

Рец.: *Miller D. H.* // *American Historical Review*. 1978. Vol. 78. № 1. P. 229–230; *Дубровский В. М.* // *ВИ*. 1982. № 5. С. 119–121; *Морозов С. А.* // *История СССР*. 1982. № 2. С. 170–172; *Neubauer H.* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1979. Bd. 27. S. 398–399.

239. Отв. ред.; введение (совместно с Ф. А. Грекулом): Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв.: [Сборник] / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. Ф. А. Грекул. М.: Наука, 1976. — 152 с.

240. Отв. ред.: Разрядная книга 1550–1636 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. Л. Ф. Кузьмина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1976. Т. II. Вып. 1–2. С. 242–492. Ротапринт.

241. Отв. ред.: Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. Ю. А. Лимонов. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1976. — 127 с. Ротапринт.

242. Зам. отв. ред.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. — 360 с.

Рец.: *Nodzyńska L.* // *Slavica Wratislaviensia*. 1979. № 16. S. 94–97.

243. Чл. редкол.: Героические страницы истории народов нашей Родины: Доклады Всесоюзной научной конференции, посвященной 200-летию Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (октябрь 1973 г.) / АН СССР, Ин-т истории СССР; Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры. Оренб. обл. отд-ние; отв. ред. Л. В. Черепнин. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1976. — 153 с.

244. Чл. редкол.: История и историки: Историографический ежегодник. 1974 г. М.: Наука, 1976. — 359 с.

245. Чл. редкол.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М.: Наука, 1976. — 376 с.

246. Чл. редкол.: Методические рекомендации к описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР / АН СССР, Ин-т истории СССР; Археогр. комис.; отв. ред. Л. П. Жуковская. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1976. — 484 с. Вып. 2. Ч. I. — 256 с.; Ч. II. С. 257–484. Ротапринт.

247. Рец. на кн.: *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1973. — 256 с.; *Он же.* Из мира религиозного сектантства: Встречи, беседы, наблюдения. М.: Политиздат, 1974. — 255 с. // *ВИ*. 1976. № 6. С. 146–149 (псевдоним: В. И. Викторов).

248. Рец.: Народ и история // *Известия АН СССР. Сер. географическая*. 1976. № 4. С. 132–135.

Рец. на кн.: *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет: (XVI — начало XX в.). М.: Просвещение, 1973. — 159 с.

249. Рец. на кн.: *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVIII века: (30–40-е годы). Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1975. — 248 с. // *История СССР*. 1976. № 3. С. 178–180 (псевдоним: В. И. Викторов).

1977 г.

250. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР // *ВИ*. 1977. № 3. С. 3–15 (совместно с Г. А. Труканом).

251. Историография отечественного источниковедения и археографии в трудах С. Н. Валка: [Выступление на заседании Археографической комиссии АН СССР и Центрального партийного архива Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС, посвященном памяти С. Н. Валка] // АЕ за 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 302–305.

252. Источниковедение и специальные исторические дисциплины: (дооктябрьский период) // Северный археографический сборник. Сыктывкар: Изд-во Коми филиала АН СССР, 1977. Вып. IV: Археография и источниковедение. С. 23–36.

253. Итоги и задачи изучения крестьянских войн в России // Народы в Крестьянской войне 1773–1775 гг.: [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т истории СССР, Башк. филиал, Ин-т истории, яз. и литературы. Уфа: Башк. респ. изд., 1977. С. 3–17.

254. Мнимая «Древнейшая летопись» // ВИ. 1977. № 6. С. 202–205 (совместно с Л. П. Жуковской, Б. А. Рыбаковым).

255. Об издании и изучении русских летописей // Конференция по истории средневековой письменности и книги. К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции: Тезисы докладов. 25–27 октября 1977 г. / Археогр. комиссия АН СССР; Ин-т древн. рукоп. им. Маштоца — Матенадаран при Сов. мин. Арм. ССР. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1977. С. 12–13.

256. Проблемы реформационных движений и общественно-политической мысли России в трудах А. И. Клибанова // ИЗ. М.: Наука, 1977. Т. 98. С. 257–275.

257. Bauernaufstände und Bauernkriege in Ost-, Mittel- und Westeuropa in der Feudalzeit // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1977. Bd. 21/2. S. 131–144.

258. Der Klassenkampf in Russland in der Epoche der Bauernkriege im 17. und 18. Jahrhundert // Klassenkampf und revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution: Anfängen bis zur Oktoberrevolution / Hg. v. V. I. Buganov. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. S. 49–70.

259. Walka klasowa chłopów w Rosji od XI do XVIII wieku // Kwartalnik Historyczny. 1977. № 4 (совместно с Е. И. Индовой, А. А. Преображенским).

260. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1977. Т. 26: Тихорецк — Ульяново.

Из содерж.: Тягло. С. 418 (без указания автора).

261. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1977. Т. 27: Ульяновск — Франкфорт.

Из содерж.: Урочные лета. С. 87 (без указания автора); Филатьевы. С. 391 (без указания автора).

262. Советская военная энциклопедия. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны СССР, 1977. Т. 4: «К–22» — линейный.

Из содерж.: Летописи русские. С. 627–628.

263. Ред. (совместно с Б. В. Левшиным) и авт. вводн. статьи: Акты писцового дела: (1644–1661 гг.) / АН СССР, Отд-ние истории, Архив АН СССР; сост. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1977. — 287 с.

264. Отв. ред.: Народы в Крестьянской войне 1773–1775 гг.: [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т истории СССР, Башк. филиал, Ин-т истории, яз. и литературы. Уфа: Башк. респ. изд., 1977. — 138 с.

265. Отв. ред.: *Klassenkampf und revolutionäre Bewegung in der Geschichte Russlands: von den Anfängen bis zur Oktoberrevolution: Studien und Aufsätze*. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. XII + 336 s.

Рец.: *Thomas L.* // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. Berlin, 1980. Bd. 28. S. 577–578; *Grau C.* // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*. Berlin, 1982. Bd. 26/2. S. 190–191; *Вандалковская М. Г., Пушкарева И. М., Хорошкевич А. Л.* // *ВИ*. 1982. № 5. С. 158–161.

266. Ред., авт. предисловия: *Разрядная книга 1475–1605 г.* / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1977. Т. I: в 3 ч. / сост. Н. Г. Савич. Ч. I. С. 1–188; Ч. II. С. 189–407.

267. Зам. отв. ред.: *Международные отношения и внешняя политика СССР: История и современность: [Сб. статей]*. М.: Наука, 1977. — 326 с.

268. Зам. отв. ред.: *ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отделение*. М.: Наука, 1977. Т. 33: *Холмогорская летопись; Двинской летописец* / сост. Я. С. Лурье, К. Н. Сербина. — 252 с.

269. Чл. редкол.: *Северный археографический сборник*. Сыктывкар: Изд-во Коми филиала АН СССР, 1977. Вып. IV: *Археография и источниковедение*.

270. Чл. редкол.: *Вопросы источниковедения истории Первой русской революции: Сб. статей / АН СССР, Ин-т истории СССР*; отв. ред. М. С. Волин. М.: Наука, 1977. — 307 с.

271. Чл. редкол.: *Источниковедение отечественной истории: Сб. статей*. 1976. М.: Наука, 1977. — 271 с.

272. Чл. редкол.: *История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований: [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т истории СССР*; [отв. ред. и авт. предисл. Н. И. Павленко]. М.: Наука, 1977. — 288 с.

273. Чл. редкол.: *Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора*. М.: Знание, 1977. Вып. 5. — 318 с.

1978 г.

274. XXV съезд КПСС и задачи изучения отечественной истории // *Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС / АН СССР, Ин-т истории СССР*; отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1978. Вып. 1: *Советский период*. С. 5–39 (совместно с А. Л. Нарочницким, В. П. Шерстобитовым).

275. *Документальные богатства государственных архивов СССР и их значение для развития советской исторической науки* // *СА*. 1978. № 3. С. 35–42.

276. *К изучению «повстанческого архива» Второй Крестьянской войны в России* // *Проблемы аграрной истории: в 2 ч.* / отв. ред. В. Л. Янин. Минск: Наука и техника, 1978. Ч. 1: *С древнейших времен до XVIII в. включительно*. С. 46–56.

277. *К 70-летию Бориса Александровича Рыбакова* // *История СССР*. 1978. № 3. С. 230–232 (совместно с Ю. В. Бромлеем, А. П. Окладниковым, И. Д. Ковальченко, Т. В. Николаевой).

278. *О некоторых проблемах историографии отечественной истории дооктябрьского периода* // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки. Калинин, 1978. Ч. 1. С. 34–40.

279. *Развитие источниковедения отечественной истории дооктябрьского периода в 1970–1975 гг.* // *Советская историческая наука между XXIV и XXV съездами КПСС / АН СССР, Ин-т истории СССР*; отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1978. Вып. 2: *Дооктябрьский период*. С. 209–220.

280. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 29: Чаган — Экс-ле-Бен.

Из содерж.: Шапка Мономаха. С. 287 (без указания автора); Якубовский Александр Юрьевич. С. 489 (без указания автора).

281. БСЭ / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1978. Т. 30: Эклибрис — Яя.

Из содерж.: Ямгурчей. С. 506 (без указания автора); Ярило. С. 551 (без указания автора); Ярыжные люди. С. 561 (без указания автора).

282. Подгот. к печати: Московский летописец // ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. С. 221–237 (совместно с В. И. Корецким).

283. Отв. ред.: *Беликов Т. И.* Ф. И. Дербетев — сподвижник Е. И. Пугачева. Элиста: Калм. респ. изд-во, 1978. — 104 с.

284. Отв. ред.: *Лимонов Ю. А.* Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. Л.: Наука, 1978. — 272 с.

285. Ред. (совместно с Б. В. Левшиным), вводная статья: *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма / АН СССР, Отд-ние истории, Архив АН СССР. М.: Наука, 1978. — 343 с.

286. Ред.: Разрядная книга 1475–1605 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР, 1978. Т. I: в 3 ч. / сост. Н. Г. Савич. Ч. III. С. 407–610. Ротапринт.

287. Зам. отв. ред.: История и историки: Историографический ежегодник. 1975. М.: Наука, 1978. — 367 с.

288. Зам. отв. ред., ред. тома (совместно с В. И. Корецким), авт. предисловия: ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. — 304 с.

Из содерж.: Предисловие. С. 3–7.

Рец.: *G. H.-J.* // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1980. Bd. 28. H. 4. S. 628.

289. Чл. редкол.: Актуальные проблемы советской историографии Первой русской революции: Сб. статей. М.: Наука, 1978. — 317 с.

290. Чл. редкол.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС: в 2 вып. / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1978. Вып. 1. Советский период. — 343 с.; Вып. 2. Дооктябрьский период. — 253 с.

291. Чл. редкол.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1978. Вып. 6. — 352 с.

292. Чл. редкол.: Охрана памятников истории и культуры в России XVIII — начала XX вв.: Сб. документов. М., 1978. — 339 с.

293. Чл. редкол.: Советская историография аграрной истории СССР: (до 1917 г.) / Отд-ние истории АН СССР; Ин-т истории АН МССР; Кишин. гос. ун-т им. В. И. Ленина; отв. ред. В. Л. Янин. Кишинев: Штиинца, 1978. — 262 с.

1979 г.

294. Источниковедение отечественной истории дооктябрьского периода: Некоторые итоги и перспективы развития // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тез. докладов III Всесоюзной конференции, Новороссийск, 1979 г. /

АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР и др.; отв. ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979. Ч. 1.

295. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. // Предводители крестьянских войн в России XVII–XVIII вв.: Страницы биографий. Рек. указ. литературы / [сост.: Г. Д. Ушакова, Н. Б. Шабуров, В. С. Шишкина]. М.: Книга, 1979. С. 5–8.

296. Основные проблемы изучения русского летописания // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тез. докладов III Всесоюзной конференции, Новороссийск, 1979 г. / АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР и др.; отв. ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979. Ч. 1 (совместно с Б. М. Клоссом и др.).

297. Некоторые проблемы истории крестьянства СССР дооктябрьского периода // История СССР. 1979. № 3. С. 49–70 (совместно с В. А. Александровым, А. М. Анфимовым, И. А. Булыгиным, Л. В. Даниловым, Е. И. Индовой, Ю. А. Красновым, Т. В. Осиповой, А. А. Преображенским; рук. авт. коллектива).

298. [Образование и развитие единого Русского государства] // Moscow News. 1979. 18 nov. № 46.

299. Описание и факсимильное издание русских летописей // Всесоюзная научная конференция «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности». Ленинград, 14–16 февраля 1979 г.: Тез. докладов / отв. ред. М. В. Кукушкина и С. О. Шмидт. Л., 1979. С. 10–11.

300. Русские документы конца XV–XVIII вв. в хранилищах Парижа // ВИ. 1979. № 3. С. 137–141.

301. [Русь при феодальной раздробленности: Борьба с ордынским игом] // Moscow News. 1979. 21–28 oct. № 41.

302. Moskau vom 12. bis zum beginnenden 18 Jh. // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1979. Bd. 23/2. S. 9–23.

303. Подгот. публ.: Акты Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. в Парижской Национальной библиотеке // СА. 1979. № 4. С. 34–43.

304. Отв. ред., авт. предисловия («От редактора»): Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: в 2 ч. / Центр. гос. архив древних актов; сост., подгот. текста и вступит. ст. С. П. Мордвинова, А. Л. Станиславского. М.: ГАУ, ЦГИА, 1979. Ч. 1. — 341 с.; Ч. 2. — 185 с. (Памятники отечественной истории; Вып. 2).

305. Отв. ред., авт. предисловия: Посольская книга по связям России с Англией, 1613–1614 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; подгот. текста и вступит. ст. Н. М. Рогожина. М.: Ин-т истории СССР, 1979. — 244 с. Ротапринт.

Из содерж.: Предисловие. С. 3–6.

Рец.: К. S. // Przegląd historyczny. 1981. T. 72. Z. 2. S. 361–362; Гальцов В. И. // СА. 1986. № 5. С. 76–78.

306. Науч. ред.: Предводители крестьянских войн в России XVII–XVIII вв.: Страницы биографий. Рек. указ. литературы / [сост.: Г. Д. Ушакова, Н. Б. Шабуров, В. С. Шишкина]. М.: Книга, 1979. — 56 с.

307. Зам. отв. ред.: История и историки: Историографический ежегодник. 1976. М.: Наука, 1979. — 399 с.

308. Чл. редкол.: Актовое источниковедение: Сб. статей. М.: Наука, 1979. — 272 с.

309. Чл. редкол.: Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах: Тез. докладов

III Всесоюзной конференции. Новороссийск, 1979 г. / АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР и др.; отв. ред. И. Д. Ковальченко. М., 1979. Ч. 1–2.

310. Чл. редкол.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1979. Вып. 7. — 351 с.

311. Чл. редкол.: Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVII вв.: Сб. статей / Комис. историков СССР и ПНР; Ин-т славяноведения и балканистики; Ин-т истории СССР; под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1979. — 392 с.

312. Чл. редкол.: Советская историография февральской буржуазно-демократической революции: Ленинская концепция истории Февраля и критика ее фальсификаторов / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. В. П. Наумов. М.: Наука, 1979. — 318 с.

313. Чл. редкол.: Татищев В. Н. Избранные сочинения / под общ. ред. С. Н. Валка. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. — 463 с.

314. Чл. редкол., подгот. текста, авт. предисловия и части комментариев: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание: [Избр. труды] / отв. ред. серии С. О. Шмидт; подгот. к печати под ред. В. А. Александрова (отв. ред.), В. И. Буганова, А. Г. Кузьмина, И. Е. Тамм. М.: Наука, 1979. — 384 с.

Из содерж.: От редакции. С. 3–6.

315. Рец.: В глубины веков // Книжное обозрение. 1979. 10 авг. № 32.

Рец. на кн.: *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979. — 242 с.

316. Рец.: Народные истоки утопического социализма в России // НМ. 1979. № 12. С. 271–274.

Рец. на кн.: *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М.: Наука, 1977. — 344 с.; *Он же.* Народная социальная утопия в России: XIX в. М.: Наука, 1978. — 342 с.

317. Рец.: О народной социальной утопии // Книжное обозрение. 1979. 18 мая. № 20 (678) (псевдоним: В. Викторов)

Рец. на кн.: *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М.: Наука, 1977. — 344 с.; *Он же.* Народная социальная утопия в России: XIX в. М.: Наука, 1978. — 342 с.

1980 г.

318. Эволюция феодализма в России: Соц.-экон. проблемы. М.: Мысль, 1980. — 342 с. (совместно с А. А. Преображенским, Ю. А. Тихоновым).

Из содерж.: Глава 1: Территория и население. С. 11–18; Глава 5: Классово-сословный строй. С. 84–110; Глава 6: Классовая борьба. С. 120–139.

Рец.: *Окладников А. П.* // НМ. 1981. № 12. С. 262–263; *Клибанов А. И.* // Книжное обозрение. 1981. 12 апр. № 24 (786); *Парасушко О. А., Путро О. И.* // Украинський історичний журнал. № 2. С. 154–156; *Орлов А. С.* Вопросы социально-экономической истории в книге «Эволюция феодализма в России» // История СССР. 1982. № 3. С. 149–160; *Строде Х. С.* // Известия АН Латв. ССР. 1982. № 5; *Hoffmann P.* // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. Berlin, 1984. № 2. S. 191–194; *Носов Н. Е.* Новый труд по истории феодализма в России // СС. 1982. № 4. С. 52–60; *К. S.* // Przegląd historyczny. Warszawa, 1982. T. 72. Z. 4. S. 786; *Колесников П. А.* // ВИ. 1983. № 1. С. 119–123; *Лимонов Ю. А.* // Наука и человечество: Международный ежегодник. 1983. М.: Знание, 1983. С. 373–374; *Павленко Н. И.* О некоторых спорных вопросах социально-экономического развития России в XVII — первой половине XIX века: (По поводу книги «Эволюция феодализма в России») // История СССР. № 3. С. 94–101; *Курсков Ю. В.* // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX века.

- Новосибирск, 1987. С. 276–280; Müller M. // *Jahrbucher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1984. Bd. 32. H. 3. S. 418–423; ПИИШ. 1981. № 5. С. 1 обл.
319. Куликовская битва: [Для сред. и старш. школ. возраста] / гл. ред. В. И. Петрянов; худож. Р. А. Смирнова. М.: Педагогика, 1980. — 111 с. (Школьнику ученые: Б-чка Дет. энциклопедии).
- Рец.: *Хорошкевич А. Л.* // Книжное обозрение. 1980. 5 сент. № 36; *Морозов С. А.* // ПИИШ. 1981. № 1. С. 71–72.
320. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин // ВИ. 1980. № 9. С. 90–102.
321. Заключительные слова // IV Советско-финский симпозиум историков: Материалы: Россия и Финляндия, 1700–1917 гг. [Ленинград, 22–27 ноября 1977 г.] Л., 1980. С. 172.
322. «И вознеслась слава русская» // Вечерняя Москва. 1980. 6 сент. (см. также: Коммунар. 1980).
323. И силы брали у родной земли... К 600-летию Куликовской битвы // Смелана. 1980. № 17. С. 20–22.
324. Крестьянские движения в феодальной России: Доклад на Международной комиссии по славяноведению XV Международного конгресса исторических наук. Бухарест, 11–12 августа 1980 г. М., 1980. — 36 с.
325. Куликовская битва 1380 г. и ее освещение в новейшей зарубежной историографии // Современная зарубежная историография Куликовской битвы: (1380–1980): Реф. сб. М., 1980. С. 5–35.
326. М. Н. Тихомиров о русском летописании // Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1980. Вып. 8. С. 115–120.
327. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1980. № 1. С. 117–131 (совместно с А. А. Зиминным).
328. От Куликовской битвы до освобождения от ордынского ига (1380–1480 гг.) // Куликовская битва: Сб. статей / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука, 1980. С. 246–264.
329. Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства в конце XV — первой трети XVII вв. // Источниковедение отечественной истории. 1979. М.: Наука, 1980. С. 206–218.
330. Sozialstruktur und Klassenkampf der Bauern im feudalen Russland (9. und bis 16. Jahrhundert) // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*. 1980. № 1.
331. И позвало Куликово: Интервью // Советская Россия. 1980. 6 нояб.
332. Шестьсот лет спустя: [Беседа с корреспондентом Р. Лыневым] // Журналист. 1980. № 9. С. 16–18.
333. Документы о восстании крестьян Николо-Угрешского монастыря в 1756 году // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1980. Сб. IX. С. 255–275 (совместно с С. М. Троицким).
334. Отв. ред., авт. предисловия: Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ: [Альбом] / АН СССР, Ин-т истории СССР; М-во культуры РСФСР. Гос. ист. музей; сост. Д. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1980. — 173 с. Ротапринт.
- Рец.: *Амосов А. А.* Новый филигранологический альбом // АЕ за 1982 г. М., 1983. С. 256.
335. Отв. ред., авт. предисловия: Восстание московских стрельцов. 1698 г.: (Материалы следственного дела): Сб. документов / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. А. Н. Казакевич. М.: Наука, 1980. — 325 с.

- Из содерж.: Предисловие. С. 3–6.
Рец.: Морозов С. Л. // История СССР. 1982. № 2. С. 170–172; Дубровский Л. М. // ВИ. 1982. № 5. С. 119–121.
336. Гл. ред., вступ. статья: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1979. М.: Наука, 1980. — 277 с.
Рец.: *Степанский А. Д.* // История СССР. 1981. С. 175–177.
337. Отв. ред.: *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. М.: Наука, 1980. — 152 с. (Страницы истории нашей Родины / АН СССР).
338. Отв. ред.: *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980. — 312 с. (совместно с Л. В. Черепниным).
339. Отв. ред., авт. предисловия: *Овчинников Р. В.* Манифесты и указы Е. И. Пугачева: (Источниковедческое исследование) / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1980. — 280 с.
- Из содерж.: От редактора. С. 3–4.
340. Зам. отв. ред.: История и историки: Историографический ежегодник. 1977. М.: Наука, 1980. — 454 с.
341. Зам. отв. ред.: ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1980. Т. 35: Летописи белорусско-литовские / [сост. и авт. предисловия Н. Н. Улащик]. — 306 с.
342. Чл. редкол.: Куликовская битва: Сб. статей / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. Л. Г. Бескровный. М.: Наука, 1980. — 319 с.
343. Предисловие к кн.: *Куликов Г. У* Дона великого на берегу. М.: Дет. лит., 1980.
344. Чл. редкол.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1980. Сб. IX. — 275 с.
345. Чл. редкол.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1980. Вып. 8. — 313 с.
346. Чл. редкол.: Современная зарубежная историография Куликовской битвы: (1380–1980): Реф. сб. / АН СССР, ИНИОН. М.: ИНИОН, 1980. — 80 с. (Сер. «Проблемы истории СССР и идеол. борьбы»).
347. Рец. на кн.: История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. Т. 3: Присоединение Казахстана к России. Социально-экономические отношения. Революционное и национально-освободительное движение в канун Октября // История СССР. 1980. № 3. С. 182–185 (совместно с С. Г. Агаджановым).
348. Рец.: Куликовская битва // Красная звезда. 1980. 5 сент. С. 2.
Рец. на кн.: *Каргалов В. В.* Куликовская битва. М.: Воениздат, 1980.
349. Рец.: К 600-летию Куликовской битвы // Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1980. Вып. 8.
350. Рец.: «Отеч истории» о скифах и древних славянах // НМ. 1980. № 8. С. 256–259.
Рец. на кн.: *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979. — 242 с.
351. Рец.: М. Н. Тихомиров. О летописании // Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1980. Вып. 8.
Рец. на кн.: *Тихомиров М. Н.* Русское летописание: [Избр. тр.] / отв. ред. серии С. О. Шмидт; подгот. к печати под ред. В. А. Александрова (отв. ред.), В. И. Буганова, А. Г. Кузьмина, И. Е. Тамм. М.: Наука, 1979. — 384 с.

1981 г.

352. Из истории русского города XVI — начала XVII вв.: (Серпухов и Серпуховский край). Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1981. — 80 с. (совместно с Г. Д. Бурдеем, В. И. Корецким).

353. 80-летие академика М. В. Нечкиной // ВИ. 1981. № 2. С. 115–117 (совместно с Ю. А. Поляковым, С. Л. Тихвинским, Э. В. Удальцовой, В. А. Дунаевским, В. П. Наумовым).

354. Издание и изучение русских летописей в XVIII в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки: Сб. статей / отв. ред. Е. М. Жуков. М.: Наука, 1981. С. 327–334.

355. Историческое значение Куликовской битвы: [О праздновании 600-летнего юбилея победы на Куликовом поле] // Общественные науки в СССР: Реферативный журнал. 1981. № 1. С. 191–195.

356. Любомир Григорьевич Бескровный: [Некролог] // История СССР. 1981. № 5. С. 150–156 (совместно с Я. Е. Водарским).

357. Труды В. Т. Пашуто по истории отечественного летописания // Летописи и хроники. 1980 г.: В. Н. Татищев в изучении русского летописания. М.: Наука, 1981. С. 207–214.

358. Два документа о Камчатке 60-х годов XVIII в. из Парижской Национальной библиотеки // СА. 1981. № 4. С. 71–73.

359. Жалованная грамота 1736 г. московским купцам из Парижской Национальной библиотеки — источник по истории московской текстильной промышленности России второй четверти XVIII в. // АЕ за 1979 г. М.: Наука, 1981. С. 315–317.

360. Подгот. публ.: Поместные акты XVII в. в Парижской Национальной библиотеке // СА. 1981. № 3. С. 47–52.

361. Отв. ред., авт. предисловия: Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданным в XVIII в. / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. А. И. Аксенов. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1981. — 209 с. Ротапринт.

Из содерж.: Предисловие. С. 3–7.

362. Отв. ред., авт. предисловия: Историческая география России XVIII в.: [Сб. статей: в 2 ч.] / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1981. Ч. 1: Города, промышленность, торговля. — 207 с.; Ч. 2: Источники и их характеристика. — 171 с. Ротапринт.

Из содерж.: Предисловие. Ч. 1. С. 3–7.

Рец.: *L.J.* // *Česhosl. as. hist. Praha*, 1983. Ro . 30. Č. 6. S. 913–914.

363. Отв. ред., авт. предисловия: Источниковедческие исследования по истории феодальной России: Сб. статей / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1981. — 162 с. Ротапринт.

364. Отв. ред.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981. — 168 с. (Страницы истории нашей Родины / АН СССР).

365. Отв. ред.: *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1981. — 263 с. Ротапринт.

366. Ред.: Разрядная книга 1475–1605 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1981. Т. II / сост. Н. Г. Савич. Ч. I. — 220 с. Ротапринт.

367. Зам. отв. ред.: История и историки: Историографический ежегодник. 1978. М.: Наука, 1981. — 352 с.

368. Зам. отв. ред., авт. предисловия: *Летописи и хроники. 1980 г.*: В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981. — 256 с.

Из содерж.: Предисловие. С. 3–4.

369. Чл. редкол.: *Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора*. М.: Знание, 1981. Вып. 9. — 318 с.

370. Чл. редкол.: *Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки: Сб. статей*. М.: Наука, 1981. — 344 с.

371. Рец.: *Древняя Русь в советском источниковедении* // *Наука и человечество: Международный ежегодник*. 1981. М.: Знание, 1981. С. 363–364.

Рец. на кн.: *Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки*. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979.

372. Рец.: *Зарождение и развитие феодализма в Азербайджане, Армении и Грузии* // *Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора*. М.: Знание, 1981. Вып. 9.

Рец. на кн.: *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья: Опыт сравнительно-исторического исследования. М.: Наука, 1980. — 284 с.

373. Рец.: Новые исследования о массовой документации по истории России и СССР: XIX–XX вв. // *Наука и человечество: Международный ежегодник*. 1981. М.: Знание, 1981. С. 360–362.

Рец. на кн.: *Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма*. М.: Наука, 1979; *Массовые источники по социально-экономической истории советского общества*. М.: Наука, 1979; *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М.: Наука, 1979.

374. Рец. на кн.: *Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов: в 2 ч.* М.: Высш. школа, 1979. Ч. 1. — 424 с. // *ВИ*. 1981. № 4. С. 116–119 (совместно с К. Ц. Саврушевой).

1982 г.

375. *Источниковедческие исследования по отечественной истории* // *Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. С. С. Хромов*. М.: Наука, 1982. С. 564–580.

377. *Некоторые итоги и актуальные проблемы изучения отечественной истории в свете решений XXVI съезда КПСС* // *Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. С. С. Хромов*. М.: Наука, 1982. С. 3–48 (совместно с С. С. Хромовым, В. П. Шерстобитовым).

378. *О некоторых вопросах истории феодальной формации в России: По поводу критической статьи-рецензии А. С. Орлова [на книгу «Эволюция феодализма в России»]* // *История СССР*. 1982. № 5. С. 130–140 (совместно с А. А. Преображенским, Ю. А. Тихоновым).

379. Подгот. публ.: *Славяно-молдавские грамоты конца XV — первой четверти XVII вв.* // *Источниковедение отечественной истории*. 1981. М.: Наука, 1982. С. 272–279.

380. Авт. предисловия: *Черных Е.* Гипотезы древней культуры // *Знание — сила*. 1982. № 9. С. 32.

381. *Venäjän kauppa 800–1500 luvuilla (Русская торговля в IX–XVI вв.)* // *VI Suomalais-Neuvostoliittolainen Yhteiskuntahistorian Symposiumi (Turussa, 22–25.10.1980)*. Turku: Turun Historiallinen Yhdistys, 1982. (Turun Historiallisen

Yhdistyksen julkaisusarja, 36; Suomen ja Neuvostoliiton Väli­sen Tieteellistek­nillisen Yhteistoimintakomitean julkaisusarja, 14).

382. Беседа с редактором [о книге Н. А. Соболевой «Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX в.» (М., 1981)] // Книжное обозрение. 1982. 22 янв. № 4 (818).

383. Ранние, древнейшие: [О возникновении государств на земле] // Знание — сила. 1982. № 1. С. 8–11.

Из содерж.: *Буганов В. И.* [Об основах материалистической концепции истории в приложении к проблемам классобразования]. С. 11.

384. Отв. ред.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР, 1982. — 238 с.

385. Отв. ред., авт. вступит. ст.: Источниковедение отечественной истории. 1981. М.: Наука, 1982. — 280 с.

Рец.: *Медушевская О. М.* // История СССР. 1984. № 6. С. 188–190.

386. Отв. ред.: Россия начала XVII в.: Записки капитана Маржерета / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; сост. Ю. А. Лимонов. М.: Ин-т истории АН СССР, 1982. С. 255. Ротапринт.

387. Ред.: Разрядная книга 1475–1605 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР, 1982. Т. II / сост. Н. Г. Савич: [в 3 ч.] Ч. II. С. 221–440; Ч. III. С. 441–666. Ротапринт.

388. Зам. отв. ред.: История и историки: Историографический ежегодник. 1979. М.: Наука, 1982. — 414 с.

389. Зам. отв. ред.: ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. / [сост. Н. А. Казакова, К. Н. Сербина]. — 228 с.

390. Чл. редкол.: Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVI съездами КПСС / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. С. С. Хромов. М.: Наука, 1982. — 597 с.

391. Чл. редкол.: Материалы по истории сельского хозяйства России второй половины XVIII в. / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. К. В. Сивков. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. — 220 с. Ротапринт.

392. Чл. редкол.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1982. Вып. 10. — 318 с.

393. Чл. редкол.: Россия на путях централизации: Сб. статей / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1982. — 296 с.

394. Рец. на кн.: *Пронштейн А. П., Кияшко В. Я.* Хронология. М.: Высш. школа, 1981. — 191 с. // СА. 1982. № 6. С. 69–71.

395. Рец.: Зарождение и развитие феодализма в Азербайджане, Армении и Грузии // Наука и человечество: Международный ежегодник. 1982. М.: Знание, 1982. С. 370–371.

Рец. на кн.: *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья: Опыт сравнительно-исторического исследования. М.: Наука, 1980. — 284 с.

396. Рец.: На поле Куликовом и Угре-реке: [Обзор научных мероприятий в Туле, Калуге, Москве, посвященных 600-летию Куликовской битвы и 500-летию стояния на реке Угре] // Наука и человечество: Международный ежегодник. 1982. М.: Знание, 1982. С. 369–370.

1983 г.

397. Источниковедение отечественной истории на современном этапе // ВИ. 1983. № 3. С. 3–16 (совместно с Г. А. Труканом).

398. Русские рукописи Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле (ФРГ) // СА. 1983. № 2. С. 24–30.

399. Царь-колокол в Московском Кремле // Голос Родины. 1983. Авг. № 31.

400. Sosiaalipsykologisesta tekijästä historiassa (Социально-психологический фактор в истории) // Suomalais-neuvostoliittolaiset historiantutkijoiden symposiumit, Helsinki 22.–24.10.1979; Petroskoi 21.–23.10.1981 / [toimittaja, T. Vihavainen]. Helsinki, 1983. (Historiallinen arkisto; 80).

401. Сост.: Разрядная книга 1637–38 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. — 187 с. Ротапринт (совместно с Л. Ф. Кузьминой, А. П. Богдановым).

402. Отв. ред.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР, 1983. — 220 с. Ротапринт.

403. Отв. ред.: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в.: Литературные панегирики: в 2 вып. / АН СССР, Ин-т истории СССР; подгот. текста, предисловие и коммент. А. П. Богданова. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. Вып. 1. С. 1–182; Вып. 2. С. 183–320.

Рец.: *Hoffmann P.* // *Zeitschrift für Slawistik*. 1985. Bd. 30. H. 4. S. 616–617.

404. Отв. ред.: Приходо-расходные книги московских приказов, 1619–1621 гг. / АН СССР, Отд-ние истории, Архив АН СССР; сост. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1983. — 479 с. (совместно с Б. В. Левшиным).

Рец.: *K. S.* // *Przegląd Historyczny*. Warsawie, 1984. T. 75. № 4. P. 816.

405. Отв. ред.: Описание списков хронографа редакции 1512 г., хранящихся в ГБЛ / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. Л. Н. Пушкирев. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. — 204 с. Ротапринт.

406. Отв. ред., авт. предисловия: Разрядная книга 1637–38 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина, А. П. Богданов. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. — 187 с. Ротапринт.

407. Чл. редкол.: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов IV Всесоюзной конференции. Дне-пропетровск, 31 октября — 2 ноября 1983 г. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1983. — 238 с. Ротапринт.

408. Чл. редкол.: Изборник Святослава 1073 г.: Факс. изд. М.: Книга, 1983. — 266 л.

409. Рец.: Мир поэтический и древний // Наука и жизнь. 1983. № 3. С. 114–115.

Рец. на кн.: *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян / АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т археологии. М.: Наука, 1981. — 607 с.

410. Рец.: Российская геральдика // Наука и человечество. Международный ежегодник. 1983. М.: Знание, 1983. С. 374–375.

Рец. на: *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. / отв. ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1981. — 263 с. Ротапринт.

1984 г.

411. Пугачев. М.: Мол. гвардия, 1984. — 383 с. (Жизнь замечательных людей: Сер. биогр. Вып. 4 (645)).

Рец.: Кузьмин А. К. // Книжное обозрение. 1984. 23 нояб. № 47; Енакаев Р. Г. // Урал. 1985. 15 нояб. № 48; Сахаров А. Н. // Советская Россия. 1985. 4 июля. № 153; Наука и жизнь. 1985. № 1. С. 10; Альшиц Д. Н. Вождь крестьянской войны // Москва. 1985. № 11. С. 200–201; Соловьев В. М., Чистякова Е. В. // История СССР. 1986. № 1. С. 201–203; Сидоров В. «Как огненная река...» // Дон. 1986. № 1. С. 149–152; Пронштейн А. П. // СА. 1986. № 1. С. 90–91; Alexander J. T. // Russian Review. 1986. Vol. 45. № 1. P. 74–75; Колмиссаренко А. И. // ВИ. 1986. № 3. С. 129–131; Альшиц Д. Под знаменами справедливости // Звезда. 1986. № 8. С. 204–205; Соловьев В. // Знание — сила. 1986. № 12. С. 26; Скрынников П. Страницы истории // Молодая гвардия. 1987. № 12. С. 278–281; Hoffmann P. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1988. Bd. 36. S. 81.

412. Важный вклад в изучение славянских культур: О деятельности и изданиях Международной ассоциации и Советского комитета по изучению и распространению славянских культур // История СССР. 1984. № 2. С. 198–205.

413. Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1984. С. 6–16 (совместно с Б. М. Клоссом, В. И. Корецким, В. А. Кучкиным, Л. Л. Муравьевой).

414. Некоторые проблемы истории России XIII–XVIII вв. в освещении современной советской историографии // Новое в исторической науке: Пособие для учителя / под ред. С. С. Хромова; сост. В. И. Буганов и др. М.: Просвещение, 1984. С. 19–25 (совместно с А. А. Преображенским).

415. Отечественная история в серии «Жизнь замечательных людей» // ВИ. 1984. № 1. С. 20–34.

416. Полтавское сражение — яркая страница героического прошлого // Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 275-летию Полтавской битвы (26–27 июня 1984 г.). Полтава, 1984. С. 4–6.

416. Русские летописи // ВИ. 1984. № 6. С. 77–91.

417. Русское летописание в трудах В. А. Рыбакова // Летописи и хроники: Сб. статей. 1984 г. М.: Наука, 1984. С. 3–12.

418. Religious ideologies in Russian popular movements in the seventeenth and eighteenth centuries // Religion and rural revolt: Papers presented to the Fourth Interdisciplinary Workshop on Peasant Studies, University of British Columbia, 1982. Manchester: Manchester University Press ND, 1984. P. 206–213.

419. Venäjän feodaalijan tutkimus uusimmassa neuvostoliittolaisessa historiankirjoituksessa (Феодалная Россия в новейшей советской историографии) // Yhdysvaltain historian tutkimus Suomessa, 1945–1982. Helsinki, 1984. (Tiedonantoja / Helsingin yliopisto, Historian tutkimus- ja dokumentaatiolaitos; 1984/1) (на финск. яз.).

420. Сост.: Новое в исторической науке: Пособие для учителя / под ред. С. С. Хромова. М.: Просвещение, 1984. — 176 с. (совместно с В. И. Бовыкиным, Г. М. Бонгард-Левиним).

421. Ред. и послесловие к кн.: Митяев А. В. Ветры Куликова поля: Рассказы о воинской доблести предков. М.: Дет. лит., 1984. — 318 с.

422. Послесловие к повести: Смоленцев Л. Вьюга. Сыктывкар, 1984. — 335 с.

423. «Голоса» и слава Российская // Советская Россия. 1984. 30 марта. № 75.

424. Интервью у стендов [Всероссийской выставки художественной и документальной фотографии «Фотообъектив и жизнь»] // Советское фото. 1984. № 9. С. 33.

425. Народ и история: глубина памяти: [Интервью / Записал С. Доронин] // Огонек. 1984. № 3. С. 24.

426. Ред. и послесловие к роману: *Бахревский В.* Гетман Войска Запорожского: Роман: Для старш. возраста / рис. С. Бойко. М.: Дет. лит., 1984. — 271 с.

426. Отв. ред.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. — 216 с.

427. Отв. ред.: Летописи и хроники: Сб. статей. 1984 г. М.: Наука, 1984. — 236 с.

428. Отв. ред.: *Каргалов В. В.* Конец ордынского ига. 2-е изд. М.: Наука, 1984. — 152 с. (Страницы истории нашей Родины / АН СССР).

429. Ред., авт. вступит. ст.: Поле русской славы: [О Куликовской битве: Фотоальбом / худож.-сост. Э. В. Якубенко; коммент. Л. А. Якубенко]. Тула: Приокское кн. изд-во, 1984. — 238 с.

Рец.: *Левыкин К. Г.* // ВИ. 1985. № 9. С. 138.

430. Отв. ред., авт. предисловия: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1508 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; подгот. текста и вступит. ст. М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. — 100 с.

Из содерж.: Предисловие. С. 3–5.

Рец.: Шоолик маячы (Степной маяк). 1984. № 41. 4 апр.; *Чеботарев Б. В.* // Изв. Сев.-Кавк. научного центра высш. шк. Обществ. науки. 1985. № 4. С. 100; *Гальцов В. И.* // СА. 1986. № 5. С. 76–78.

431. Отв. ред.: *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. — 232 с. (Памятники исторической мысли).

432. Ред.: Правила издания «Актów Русского государства XVI — начала XVII вв.» / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. И. А. Булыгин. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. — 47 с. (совместно с А. А. Преображенским).

433. Отв. ред.: *Пушкарев Л. Н.* Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1984. — 213 с.

434. Ред.: Разрядная книга. 1475–1605 / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. Т. III. Ч. I / сост. Л. Ф. Кузьмина. — 232 с. Ротапринт.

435. Зам. отв. ред.: История и историки: Историографический ежегодник. 1980 / отв. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1984. — 358 с.

436. Чл. редкол.: История северного крестьянства / Комис. по истории сел, хоз-ва и крестьянства СССР Ин-та истории СССР АН СССР и др.; [гл. ред. В. Т. Пашуто]. Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Вологод. отд-ние, 1984. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. — 432 с.

437. Чл. редкол.: Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1984. — 280 с.

438. Чл. редкол.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора / отв. ред. Е. Б. Этингф. М.: Знание, 1984. Вып. 12. — 319 с.

439. Рец.: Крупное патриотическое издание // Коммунист. 1984. № 12. С. 117–120.

Рец. на сер.: «История Отечества в романах, повестях, документах» (Союз нерушимый. Век XX. М., 1982. — 429 с.; За Землю Русскую. Век XIII. М., 1983. — 525 с.; Стояти заодно. Век XVII. М., 1983. — 493 с.; Бунташный век. Век XVII в. М., 1983. — 572 с.; Седой Урал. Век XVIII. М., 1983. — 446 с.; Горные ветры. Конец XIX — начало XX в. М., 1984. — 780 с.; Обновление земли. Век XX. М., 1984. — 830 с.

То же: Крупное патриотическое издание (О серии книг «История Отечества в романах, повестях, документах») // Литература и современность. М., 1986. Сб. 22–23. С. 514–521.

440. Рец. на кн.: *Пронштейн А. П., Мининков Н. А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1983 // ВИ. 1984. № 12. С. 124–127 (совместно с А. П. Новосельцевым).

441. Рец.: Русь былинная // Литературное обозрение. 1984. № 6. С. 62–66.

Рец. на кн.: *Калугин В. И.* Герои русского эпоса. М.: Современник, 1983. — 351 с.

1985 г.

442. Куликовская битва: [Для сред. и старш. школ. возраста] / гл. ред. В. И. Петрянов; худож. Р. А. Смирнова. 2-е изд. М., 1985. — 112 с. (Школьнику ученые: Б-чка Дет. энциклопедии).

443. Героические страницы боевого прошлого: [Из военной истории России. По материалам Центр. гос. архива древ. актов] // Памятники отечества: Альманах ВООПИК. М., 1985. № 1 (11). С. 39–49.

444. Изучение проблем отечественного источниковедения дооктябрьского периода // Изучение истории СССР дооктябрьского периода в советской историографии: 1980–1984 гг.: Сб. статей. М., 1985. С. 205–228. Ротапринт.

445. М. Н. Тихомиров в Институте истории АН СССР // АЕ за 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 198–199 (совместно с Ю. П. Глушаковой).

446. Михаил Николаевич Тихомиров в Институте истории АН СССР // Исторические записки Т. 112. М.: Наука, 1985. С. 305–312 (совместно с Ю. П. Глушаковой).

447. О роли социально-психологического фактора в истории // Труды VIII Советско-финляндского симпозиума историков. Петрозаводск, 21–23 октября 1981 г. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 45–58.

448. «Реформы Петра Великого» Х. Баггера и изучение истории России конца XVII — первой четверти XVIII вв. // Баггер Х. Реформы Петра Великого: Обзор исследований / пер. с дат. В. Е. Возгрина. М.: Прогресс, 1985. С. 5–23.

449. Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков. Петрозаводск, 21–23 октября 1981 г. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985.

Из содерж.: Выступление [на открытии и закрытии симпозиума]. С. 10–11, 97–98.

450. Степан Разин // История: Научно-популярные очерки / отв. ред. и авт. вступит. ст. С. Л. Тихвинский. М.: Мол. гвардия, 1985. С. 8–13.

451. Ложь о «пьяной» Руси: [Интервью / записал А. Серегин] // Советская Россия. 1985. 14 июля.

452. «Хождение за три века»: [Беседа] // Советская Россия. 1985. 6 дек. (совместно с Ю. Нагибиным).

453. Общ. ред.: *Баггер Х.* Реформы Петра Великого: Обзор исследований / пер. с дат. В. Е. Возгрина. М.: Прогресс, 1985. — 199 с.

454. Отв. ред.: *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. — 245 с.

455. Отв. ред.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1985. — 218 с.

456. Отв. ред.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. 2-е изд., доп. М., 1985. — 174 с. (Страницы истории нашей Родины / АН СССР).

457. Отв. ред.: *Сербина Н. Н.* Устюжское летописание XVI–XVIII вв. / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. — 135 с.

458. Отв. ред., авт. предисловия: *Соболева Н. А.* Старинные гербы российских городов. М.: Наука, 1985. — 176 с. (Страницы нашей родины / АН СССР).

Из содерж.: Предисловие. С. 3–4.

459. Отв. ред.: *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания / АН СССР. М.: Наука, 1985. — 261 с.

460. Зам. гл. ред.: История освободительного движения в России: Библиографический словарь. Проект словника. Л.: ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1985. — 144 с.

461. Чл. редкол.: История крестьянства Европы в средние века: Эпоха феодализма: в 3 т. / гл. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1985. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. — 608 с.

462. Чл. редкол.: История северного крестьянства / Комис. по истории сел. хоз-ва и крестьянства СССР Ин-та истории СССР АН СССР и др.; [гл. ред. О. А. Поляков]. Архангельск: Северо-западн. кн. изд-во, 1984. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. — 385 с.

463. Чл. редкол.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1985. Вып. 13. — 319 с.

464. Чл. редкол.: Очерки истории исторической науки в СССР / АН СССР, Науч. совет по пробл. «История ист. науки» при Отд-нии истории; Ин-т истории СССР; гл. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1985. Т. V. — 605 с.

465. Чл. редкол.: Труды VIII Советско-финляндского симпозиума историков. Петрозаводск, 21–23 октября 1981 г. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. — 109 с.

466. Рец.: Два писателя об истории России второй половины XVIII в. // ВИ. 1985. № 11. С. 167–174.

Рец. на кн.: *Пикуль В.* Фаворит. Л., 1984; *Соснора В.* Спасительница отечества: Повесть // Нева. 1984. № 12.

467. Рец.: Историческое повествование о черноморском «окне в Европу» // Молодая гвардия. 1983. № 12; Москва. 1985. № 3. С. 195–197.

Рец. на роман: *Ганичев В.* «Росс непобедимый...»: Ист. повествование, были и легенды о южном «окне» в Европу, о земле, поднятой трудом и разумом наших людей, и о создании Черноморского флота // Молодая гвардия. 1983. № 12.

1986 г.

468. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв.: Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1986. — 239 с.

469. Сокровищница документов прошлого: [О Центр. гос. архиве древ. актов]. М.: Сов. Россия, 1986. — 336 с. (совместно с М. И. Автократовой).

Из содерж.: Древности российские; Русские бунтари; «Не посрамям земли Русской».

Рец.: *Самошенко В. Н.* // СА. 1988. № 3. С. 102–104; *Alexander J. T.* // Russian Review. 1989. Vol. 48. № 1. P. 114–115.

470. Страницы летописи Москвы: Народные восстания XIV–XVIII вв. М.: Московский рабочий, 1986. — 206 с.

Рец.: *Скрынников Р.* Страницы истории // Молодая гвардия. 1987. № 12. С. 278–281.

471. Американские историки о социальной психологии крестьянства России периода феодализма // История СССР. 1986. № 5. С. 205–210 (совместно с А. Н. Медушевским).

472. В. Т. Пашуто как источниковед // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 год / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1986. С. 19–23.

473. [Выступление на круглом столе, посвященном содружеству историков и литераторов, на тему «Воспитание историей», 11 сентября 1985 г.: Краткое изложение] // ВИ. 1986. № 2. С. 156.

474. Историческая память народа // Свет в степи. Элиста, 1986.

475. История феодальной России в трудах В. И. Корецкого // История СССР. 1986. № 2. С. 113–128.

476. Новый список разрядной книги («подлинника») 1637/38 г.: (В фондах Гос. 6-ки им. В. И. Ленина) // ЗОР ГБЛ. М.: Книга, 1986. Вып. 45. С. 5–10.

477. «Он все испытал и все проник»: К 275-летию со дня рождения М. В. Ломоносова // Молодая гвардия. 1986. № 11. С. 256–261.

478. Предисловие // Столетие безумно и мудро: век XVIII: А. С. Пушкин. Капитанская дочка; А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву; Дворянская империя: Документы, записки, воспоминания / [сост., сопроводительный текст, коммент. Н. М. Рогожина]. М.: Мол. гвардия, 1986. С. 5–18 (История России в романах, повестях, документах. Век XVIII).

479. Das methodologische Erbe Lenins und die Entwicklung der Quellenkunde zur Geschichte der UdSSR. Sowjetische Publikationen der siebziger und beginnenden achtziger Jahre // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1986. Bd. 30. S. 209–215.

480. Die Strelitzen in Russland (16. — Anfang 18. Jahrhundert) // Militärgeschichte. Berlin, 1986. № 2. S. 147–151.

481. Отв. ред., авт. предисловия: Боярская книга 1627 г. / АН СССР, Ин-т истории СССР; подгот. текста и вступит. ст. М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1986. — 208 с. Ротапринт.

Из содерж.: Предисловие. С. 3–5.

482. Отв. ред.: Исследования по источниковедению истории СССР, XIII–XVIII вв.: Сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1986. — 243 с. Ротапринт.

483. Отв. ред.: Источниковедение отечественной истории. 1986: Сб. статей. М.: Наука, 1986. — 255 с.

484. Отв. ред., авт. послесловия: *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII вв. / АН СССР, Ин-т истории. М.: Наука, 1986. — 271 с.

485. Ред.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века: [Сборник] / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1986. [Ч. 1 / подгот. А. И. Плигузов, Г. В. Семенченко, Л. Ф. Кузьмина; предисл. А. И. Плигузова]. — 219 с.

486. Ред., авт. вступит. ст.: Поле русской славы: [О Куликовской битве: Фотоальбом / худож.-сост. Э. В. Якубенко; коммент. Л. А. Якубенко]. 2-е изд. Тула: Приокское кн. изд-во, 1984. — 238 с.

487. Ред. и послесловие к кн.: *Митяев А. В.* Ветры Куликова поля: Рассказы о воинской доблести предков: (Для сред. и ст. шк. возраста). 2-е изд. М.: Дет. лит., 1986. — 317 с.

488. Чл. редкол.: Наука сегодня: Ежегодный справочник лектора. М.: Знание, 1986. Вып. 14. — 317 с.

489. Чл. редкол.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII вв.: Тексты. Л.: Наука, Ленингрд. отд-ние, 1986. — 264 с.

490. Чл. гл. редкол.: История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: в 3 т. / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории; гл. ред. З. В. Удальцова. М.: Наука, 1986. Т. 2: Крестьянство Европы в период развитого феодализма / отв. ред. М. А. Барг. — 694 с.; Т. 3: Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений / отв. ред. Ю. Ю. Кахх. — 590 с.

491. Рец.: История Отечества // Книжное обозрение. 1986. 10 янв. № 2.

Рец. на кн.: Наука побеждает: век XVIII: Михайлов О. Суворов: Роман; Документы эпохи; Суворов А. В. Наука побеждает; Свидетельства современников; Мирные договоры России / сост., предисл., коммент. М. А. Рахматуллина. М.: Мол. гвардия, 1984. — 605 с.

1987 г.

492. Локомотив истории: [О классовой борьбе в истории СССР и ее освящении в музейных экспозициях] // Советский музей. 1987. № 4. С. 35–41 (совместно с А. В. Лаврентьевым).

493. Николай Николаевич Улащик (1906–1986) // АЕ за 1986 г. М.: Наука, 1987. С. 331–332 (совместно с А. И. Плигузовым).

494. Обращаясь к истории: [О фильме «Борис Годунов»] // Советская культура. 1987. 17 янв. С. 5.

495. О характере и исторической роли городских восстаний в России XVII в. // Феодализм в России: Сб. статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л. В. Черепнина / отв. ред. В. Л. Янин. М.: Наука, 1987. С. 280–290.

496. Памяти Николая Николаевича Улащика (1906–1986) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. С. 225–228 (совместно с А. И. Плигузовым).

497. Отв. ред.: История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ин-т археологии. М.: Наука, 1987. Т. 1: Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ (VI–V тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э.) / отв. ред. Ю. А. Краснов. — 492 с. (совместно с И. Д. Ковальченко).

498. Отв. ред., авт. предисловия: *Чистякова Е. В.* Михаил Николаевич Тимохиров: (1893–1965). М.: Наука, 1987. — 159 с. (Научно-популярная лит. / АН СССР. Сер.: Науч. биогр.).

Из содерж.: От редактора. С. 3–4.

Рец.: *Воронин Б.* // ПИШ. 1987. № 6. С. 86–87; *Покровский Н. Н.* // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1988. № 16. Сер. истории, филологии и философии. Вып. 3. С. 67–69; *Пронштейн А. И.* // История СССР. 1988. № 4. С. 196–199.

499. Ред.: Разрядная книга. 1475–1605 / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. Т. III, ч. II / сост. Л. Ф. Кузьмина. — 236 с. Ротапринт.

500. Ред.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века: [Сборник] / АН СССР, Ин-т истории СССР; [подгот. А. И. Плигузов и др.]. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. [Ч.] 2. С. 221–458; [Ч.] 3. С. 459–696.

501. Зам. отв. ред.: История и историки: Историографический ежегодник: 1982–1983 / отв. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1987. — 350 с.

502. Зам. отв. ред.: ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1987. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи / Сиб. отд-ние АН СССР, Ин-т истории, филологии и философии; отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков; [подгот. В. Н. Алексеев и др.; предисл. Н. Н. Покровского, Е. К. Ромодановской]. — 381 с.

503. Чл. редкол.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Комментарии / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; отв. ред. Н. Е. Носов; под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха; авт. коммент. Ю. Г. Алексеев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. — 262 с. (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII вв.).

504. Чл. редкол.: Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; подгот. текста Л. И. Ивиной; коммент. Г. В. Абрамовича, А. Г. Манькова, Б. Н. Миронова, В. М. Панеяха; рук. авт. коллектива А. Г. Маньков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. — 448 с. (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII вв.).

505. Рец. на кн.: Материалы по истории СССР: Для семинарских и практических занятий: [Учеб. пособие для вузов по специальности «История» / сост. Д. Ю. Арапов и др.]; под ред. А. Д. Горского. Вып. I: Древнейшие народы и государства на территории СССР. М.: Высш. школа, 1985. — 303 с. // История СССР. 1987. № 4. С. 202–204.

506. Рец.: Новые источники по социально-экономической истории Коми края XVII в. // СА. 1987. № 2. С. 58–60.

Рец. на кн.: Документы по истории Коми края XVII в. М., 1985.

507. Рец.: О начале земли Русской // Книжное обозрение. 1987. 24 апр. № 17.

Рец. на кн.: Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / сост., предисл., введ. к документ., коммент. А. Г. Кузьмина. М.: Мол. гвардия, 1986. Т. 1–2.

1988 г.

508. Булавин. М.: Мол. гвардия, 1988. — 316 с. (Жизнь замечательных людей: Сер. биограф. Вып. 10 (688)).

509. А. А. Зимин — исследователь // Зимин А. А. Формирование боярской аристократии во второй половине XV — первой трети XVI в. / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. В. И. Буганов. М.: Наука, 1988. С. 3–12.

510. «Слава Русской земли» // Живая вода Непрядвы / сост., коммент. и пер. древнерус. текстов А. И. Плигузова. М.: Мол. гвардия, 1988. С. 5–18 (История Отечества в романах, повестях, документах. Век XIV).

511. Тысяча лет героической военной истории России // *Бегунова А. И.* Путь через века: Фрагменты истории войска российского в очерках, живописи, рисунках, свидетельствах участников событий и очевидцев. М.: Мол. гвардия, 1988. — 302 с.

512. Предисловие к кн.: *Лейкин А.* Путешествие в Гардарики. М.: Детская литература, 1988.

513. Отв. ред., предисловие: *Аксенов А. И.* Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. — 189 с.

514. Отв. ред.: *Водарский Я. Е.* Дворянское землевладение в России в XVII — первой половине XIX вв.: (Размеры и размещение) / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. — 301 с.

515. Отв. ред.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии во второй половине XV — первой трети XVI в. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. — 349 с.

516. Отв. ред.: *Козлов В. П.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»: Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. — 272 с.

517. Отв. ред.: Посольская книга по связям России с Грецией (православными иерархами и монастырями), 1588–1594 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР; подгот. текста М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина; предисл. Н. М. Рогожина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. — 194 с. Ротапринт.

518. Ред.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века: [Сборник] / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. [Ч.] 4 / [сост. и авт. коммент. А. И. Плигузов, Г. В. Семченко]. С. 695–941.

519. Чл. редкол.: Наука сегодня: Ежегодный справочник. М.: Знание, 1988. Вып. 15 / отв. ред. Е. Б. Этингф. — 319 с.

520. Рец.: Новая книга об исторических корнях сближения русского и армянского народов // По ленинскому пути. Ереван, 1988. № 5.

521. Рец.: С пристрастием и любовью: (О драме А. Парпары «Потрясение») // Литературная газета. 1988. 12 окт. № 41.

1989 г.

522. Мир истории: Россия в XVII столетии / худож. К. Сошинская. М.: Мол. гвардия, 1989. — 319 с. (Эврика).

523. Петр Великий и его время / отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989. — 192 с. (Страницы истории нашей Родины / АН СССР).

524. Петр Великий — личность и эпоха. М.: Прогресс, 1989. — 425 с. (на араб. яз.).

525. Peter Vel'ký. Bratislava: Obzor Soc., 1989. — 389 s.

526. Peter der Grosse: Persönlichkeit und Epoche. Moskau: Progress; Köln: Pahl-Rugenstein, 1989. — 446 s.

527. Отечественное источниковедение истории СССР дооктябрьского периода в исследованиях и публикациях // Общественно-политические проблемы истории СССР в 80-е гг.: Итоги и задачи: Сб. статей. М., 1989. С. 68–86.

528. О труде С. О. Кристенсена по историографии истории России XVII столетия // *Кристенсен С. О.* История России XVII в.: Обзор исследований и источников / пер. с дат. [и послесловие] В. Е. Возгрин; вступит. ст. и общ. ред. В. И. Буганова; [коммент. А. Н. Медушевского]. М.: Прогресс, 1989. С. 5–22.

529. Россия в эпоху Смуты // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников / сост. и авт. коммент. А. И. Плигузов, И. А. Тихонюк; [послесловие А. И. Плигузова]. М.: Современник, 1989. С. 6–20 (Память).

530. Россия эпохи Суворова и Ушакова в «Россе непобедимом» В. Ганичева // *Ганичев В.* Росс непобедимый. М.: Детская литература, 1989.

531. Русские поместно-вотчинные документы XVII–XVIII в. в Хоутонской библиотеке Гарвардского университета (США) // СА. 1989. № 4. С. 31–43.

532. Гарантия — это мы сами: Интервью // Ульяновская правда. 1989. 13 марта.

533. Авт. предисловия: Лощиц Ю. Дмитрий Донской: Исторический роман // Роман-газета. 1989. № 9–10.

534. The Russian peasant movement in the eighteenth and nineteenth Century // Agrarian Organization in the Century of Industrialization: Europe, Russia and North America / eds. G. Grantham, C. S. Leonard. Greenwich CN; London: JAI Press, 1989. P. 411–428 (Research in Economic History; suppl. 5).

535. Отв. ред.: Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников / АН СССР. М.: Наука, 1989. — 223 с. (Страницы истории нашей Родины).

536. Общ. ред.: Кристенсен С. О. История России XVII в.: Обзор исследований и источников / пер. с дат. [и послесловие] В. Е. Возгрин; вступит. ст. и общ. ред. В. И. Буганова; [коммент. А. Н. Медушевского]. М.: Прогресс, 1989. — 256 с.

537. Ред.: Разрядная книга. 1475–1605. Т. III. Ч. III / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. Л. Ф. Кузьмина. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1989. — 228 с. Ротапринт.

538. Зам отв. ред.: ПСРЛ / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; отв. ред. Б. А. Рыбаков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. Т. 38: Радзивилловская летопись / АН СССР, Б-ка; [подгот. М. Д. Приселковым]. — 178 с.

539. Чл. редкол.: Общественно-политические проблемы истории СССР в 80-е гг.: Итоги и задачи: Сб. статей. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1989. Ротапринт.

1990 г.

540. Емельян Пугачев: Книга для учащихся средних и старших классов. М.: Просвещение, 1990. — 192 с.

541. Петр Великий — личность и эпоха. М.: Прогресс, 1990. — 366 с. (на сингал. яз.).

542. А. А. Зимин о народных движениях в феодальной России // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимины. Москва, 13–18 мая 1990 г. / АН СССР, Ин-т истории СССР; МГИАИ; отв. ред. Ю. Н. Афанасьев, А. П. Новосельцев. М., 1990. Ч. 1. С. 29–31.

543. Биография Печорского края: (О романе Л. Смоленцева «Последний скит») // Красное знамя. Сыктывкар, 1990. 15 янв.

544. Две повести о русской жизни эпохи Петра Великого и его преемников // Роман-газета для юношества. 1990. № 7 (История и культура в судьбе державы).

545. Допросы пленных разинцев: (К изучению общественного сознания народных низов) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 21–27.

546. Отечественная история в современной публицистике: Встреча за «круглым столом» // История СССР. 1990. № 1. С. 176–190.

Из содерж.: Выступление В. И. Буганова. С. 186–188.

547. [Предисловие к рубрике «Картины по русской истории»] // Юный художник. 1990. № 7. С. 22–27.

Из содерж.: Князьков С. А. Жилье восточных славян.

548. The custom and law in Russia in the XVth–XVIIIth centuries // La coutume. Bruxelles: De Boeck, 1990 (Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions; vol. 53).

549. Отв. ред.: История крестьянства СССР: С древнейших времен до Великой Октябрьской революции / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1990.

Т. 2: Крестьянство в период раннего и развитого феодализма / редкол. Н. А. Горская (отв. ред.) и др. — 615 с. (совместно с И. Д. Ковальченко).

550. Отв. ред.: Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА: (конец XV — начало XVIII вв.) / АН СССР, Ин-т истории СССР; сост. и автор вступ. ст. Н. М. Рогожин. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1990. — 239 с. Ротапринт (совместно с М. П. Лукичевым).

Рец.: Фаизов С. В. // СА. 1991. № 5. С. 112–113.

551. Ред.: Акты писцового дела 60–80-х годов XVII в. / АН СССР, Отд-ние истории, Арх. АН СССР; сост. С. Б. Веселовский. М.: Наука, 1990. — 474 с. (совместно с Б. В. Левшиным).

552. Чл. редкол.: История и историки / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1990. — 440 с.

553. Чл. редкол.: Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной конференции 30 мая — 1 июня 1990 г. Киев: Киевский гос. ун-т, 1990. Ротапринт.

554. Рец.: Гроза двенадцатого года // Молодая гвардия. 1990. № 2. С. 271–275.

Рец. на кн.: Недаром помнит вся Россия...: К 175-летию Отечественной войны 1812 г.: [Сб. произведений рус. писателей, записок, писем, воспоминаний современников / сост. В. Володин, В. Левченко]. М.: Мол. гвардия, 1987. — 302 с.; Герои 1812 года: Сборник / [сост. В. Левченко]. М.: Мол. гвардия, 1987. — 606 с.

555. Рец. на кн.: Grimsted P. K. A Handbook for Archival Research in the USSR. Princeton, N. Y.: Princeton University Press, 1989. — 430 p. (Справочное пособие для исследования по архивам СССР) // СА. 1990. № 2. С. 92–94 (совместно с А. Н. Медушевским).

556. Рец.: Тысячелетний путь русского православия // История СССР. 1990. № 4. С. 177–179.

Рец. на кн.: Русское православие: Вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. — 179 с.

1991 г.

557. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М.: Политиздат, 1991. — 526 с. (совместно с А. П. Богдановым).

Из содерж.: Главы 1–4, 7.

558. [Главные тенденции социально-экономического и политического развития России во второй половине XVII — первой половине XVIII вв.] // *Przemiany w Polsce, Rosji, na Ukrainie, Białorusi i Litwie (druga połowa XVII — pierwsza XVIII w.)* / Polska Akademia Nauk, Sekcja Nauk Historycznych Polsko-Radzieckiej Komisji do spraw Współpracy w Dziedzinie Nauk Społecznych PAN i AN ZSRR; Red. nauk. J. Bardach; Przy współudz. J. Ślusarczyka. Wrocław; Warszawa [etc.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991.

559. Допросы разинцев как исторический источник // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: Тез. докл. и сообщений, Москва, 27 янв. — 1 февр. 1991 г. / МГИАИ; отв. ред. В. А. Муравьев. М.: МГИАИ, 1991.

560. [Предисловия к рубрике «Картины по русской истории»] // Юный художник. 1991. № 1, 3, 5, 7, 9, 11.

Из содерж.: *Князьков С. А.* Торг в стране восточных славян // № 1. С. 23–28; *Он же.* Варяги // № 3. С. 23–27; *Он же.* Христиане и язычники // № 5. С. 22–26;

Он же. Суд во времена Русской Правды // № 7. С. 24–27; *Он же.* Вече // № 9. С. 24–27; *Он же.* Съезд князей // № 11. С. 24–28.

561. Le droit pénal et l'échelle des peines en Russie de la fin XVe au premier quart du XVIIIe siècle // La Peine. Bruxelles: De Boeck, 1991. P. 2: Europe avant le XVIIIe siècle. P. 233–245 (Recueils de la Société Jean Bodin pour l'histoire comparative des institutions; vol. 56).

562. Tikhomirov Mikhail Nikolaevich // Great Historians of the Modern Age: An international dictionary. N. Y.; London, 1991. P. 578–579.

563. Отв. ред., авт. предисловия: *Павлов-Сильванский В. Б.* Писцовые книги России XVI в.: Проблемы источниковедения и реконструкции текстов / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1991. — 247 с.

564. Отв. ред.: *Бушуев С. В., Миронов Г. Е.* История государства Российского: Историко-библиографические очерки / Гос. б-ка СССР имени В. И. Ленина. М.: Книжная палата, 1991. Кн. 1: IX–XV вв. — 542 с.

565. Отв. ред.: *Соболева Н. А.* Русские печати / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1991. — 238 с.

566. Отв. ред.: *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков: (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991.

567. Ред., авт. предисловия: *Голицын С. М.* Сказания о земле Московской. М.: Детская литература, 1991.

1992 г.

568. Полководцы XVIII в.: Русские полководцы. М.: Патриот, 1992. — 430 с. (совместно с А. В. Бугановым).

569. Административные реформы в России и проблемы их изучения в современной западной историографии // ОИ. 1992. № 3. С. 203–210 (совместно с А. Н. Медушевским).

570. К 80-летию со дня рождения А. И. Клибанова // АЕ за 1990. М.: Наука, 1992. С. 167–171.

571. К читателям // *Горбунов С. В., Любичев Ю. С.* Гордая судьба: Документальный очерк о жизни и деятельности Н. А. Муравьевой / Общ-во «Знание». Ивановская обл. организация; Ивановский обл. совет женщин; Независимая газета «Вести». Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1992. С. 3–4.

572. Концепция учебника для VIII–IX классов средней школы «История России (с древнейших времен до 1917 г.)» // ПИШ. 1992. № 3–4. С. 23–27 (совместно с А. Н. Сахаровым, П. П. Зыряновым).

573. Освобождение Москвы в 1612 г. (Дмитрий Пожарский) // Страницы отечественной истории. 1992. № 13–14.

574. Откуда есть пошел «Москвитянин» // Москвитянин. М.: Патриот, 1992. № 1. С. 3–7.

575. Русские рукописи XVI — первой половины XIX в. в Славянском отделе Хельсинкского университета // АЕ за 1990 г. М.: Наука, 1992. С. 218–228.

576. Ред.: Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века / РАН, Ин-т рос. истории; Рос. гос. архив древних актов. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1992. Ч. 5 / сост. А. И. Плигузов. С. 943–1074.

577. Рец.: «Холодным ледником по калмыцким степям та зима протекала» // Известия Калмыкии. 1992, 10 января. № 5 (совместно с К. С. Саврушевой).

Рец. на кн.: *Бугай Н. Ф.* Операция «Улусы». Элиста, 1991.

1993 г.

578. Валаамский список Царского синодика 1583 г. // ВИ. 1993. № 3. С. 190–191.

579. Из истории становления российской государственности: Исторические, источниковедческие и археографические проблемы (К 500-летию российской государственности) // ОИ. 1993. № 5. С. 16–22 (совместно с Р. Г. Пихоей).

580. К изучению синодика опальных царя Ивана Грозного 1583 г. // Архив русской истории: Научный исторический журнал. М., 1993. Вып. 3. С. 145–160.

581. Михаил Николаевич Тихомиров. К 100-летию со дня рождения // ОИ. 1993. № 3. С. 116–125.

582. Русские рукописи XVI – первой половины XIX вв. в Славянском отделе Хельсинкского университета // АЕ за 1990. М.: Наука, 1992. С. 218–228.

583. Сражения на Угре // Троя. 1993. № 1. С. 20–27.

584. Отв. ред.: *Аксенов А. И.* Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1993. – 219 с.

585. Отв. ред.: История и палеография: Сб. ст.: [в 2 вып.] / РАН, Ин-т рос. истории. М., 1993. Вып. 1. С. 1–236; Вып. 2. С. 237–467.

586. Отв. ред.: История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г. / РАН, Ин-т рос. истории, Ин-т этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1993. Т. 3: Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII – 1861 г.) / отв. ред. А. А. Преображенский. – 664 с. (совместно с И. Д. Ковальченко).

587. Отв. ред.: Посольские книги по связям Молдовы с Россией 1684 г., 1690–1691 гг. Кишинев: Universitas, 1993. – 149 с.

588. Отв. ред.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. – 635 с.

589. Ред.: *Ключевский В. О.* О русской истории: [Сб. / сост., авт. предисл. и примеч. В. В. Артемов]. М.: Просвещение, 1993. – 574 с.

1994 г.

590. «Розыскное дело» Степана Разина // ОИ. 1994. № 1. С. 28–42.

591. Е. В. Чистякова как источниковед и историограф // АЕ за 1991 г. М.: Наука, 1994. С. 182–187.

592. Екатерина I // ВИ. 1994. № 11. С. 39–49.

593. Издание и исследование источников по истории России XVI–XVIII вв. в научном творчестве С. О. Шмидта // Мир источниковедения: (Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 395–398.

594. Российское дворянство // ВИ. 1994. № 1. С. 29–42.

595. Общ. ред., авт. предисловия: *Богуславский В. В.* Держава Рюриковичей: Славяне – Русь – Россия: Энциклопедический словарь: в 6 т. Тула: Рус. лексикон, 1994. Т. 1: А–В. – 579 с.

Из содерж.: Предисловие. С. 7–10.

596. Отв. ред. серии (совм. с Б. А. Рыбаковым), ред. тома (совм. с Б. М. Клос-сом): ПСРЛ / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1994. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского / Текст подгот. Л. Ф. Кузьмина. – 208 с.

Рец.: Pickhan G. // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1997. Bd 45. H. 1. S. 164–165.

597. Отв. ред.: *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. / РАН, Ин-т рос. истории. М., 1994. – 223 с.

598. Отв. ред.: *England and the north: the Russian embassy of 1613–1614* / ed. by M. Jansson, N. M. Rogozhin; translated by P. Bushkovitch. Philadelphia: American Philosophical Society, 1994. – 236 p. (Memoirs of the American Philosophical Society; vol. 210).

599. Ред.: Разрядная книга. 1475–1605 / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Ин-т рос. истории РАН, 1994. Т. IV. Ч. 1 / сост. Л. Ф. Кузьмина. — 140 с. Ротапринт.

600. Рец. на кн.: Академическое дело 1929–1931 гг. СПб.: Изд-во Б-ки Академии наук, 1993. Вып. I: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. — 369 с. // ННИ. 1994. № 6. С. 223–225 (совместно с К. Ц. Саврушевой).

601. Рец. на кн.: *Рыбаков Б. А.* Петр Бориславич: Поиск автора «Слова о полку Игореве». М.: Мол. гвардия, 1991. — 288 с. // ОИ. 1994. № 6. С. 216–227 (совместно с И. Н. Данилевским).

1995 г.

602. Разин и разинцы: Документы, описания современников / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Наука, 1995. — 367 с.

603. Российская государственная собственность: исторический аспект / Центральный ин-т непрерывного образования об-ва «Знание» России; общ. ред. и предисл. В. П. Дмитренко. М.: Знание, 1995. — 70 с. (Современный политический лексикон; Вып. 2) (совместно с А. Н. Бохановым, В. Д. Назаровым).

604. История России, конец XVII–XIX в.: Учеб. для 10-го кл. общеобразоват. учреждений / под ред. А. Н. Сахарова. М.: Просвещение, 1995. — 302 с. (совместно с П. Н. Зыряновым).

Рец.: *Шевырев А. П.* // ВИ. 1998. № 4. С. 161–164.

605. История России с древнейших времен до конца XVII в.: Учеб. для 10-го кл. общеобразоват. учреждений / под ред. А. Н. Сахарова. М.: Просвещение, 1995. — 304 с. (совместно с А. Н. Сахаровым).

Рец.: *Парсанова Е. М.* Современный учебник истории Отечества // История социально-экономического и общественно-политического развития России. Пенза, 1997. С. 157–162; *Шевырев А. П.* // ВИ. 1998. № 4. С. 161–164.

606. А. А. Зимин о социальных движениях в феодальной России // ОИ. 1995. № 4. С. 153–158.

607. А. И. Клибанов — историк русской общественной мысли // ВИ. 1995. № 2. С. 148–155.

608. Как Русь стала Россией // Спутник. 1995. № 6. С. 20–27.

609. С. О. Шмидт — археограф, источниковед, архивовед // ОА. 1995. № 5. С. 23–32 (совместно с А. Н. Медушевским).

610. Тихомиров Михаил Николаевич // Историки России XVIII–XX веков / Арх.-информ. агентство; Историко-архивное отд-ние Междунар. акад. информатизации; [сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев]. М.: Арх.-информ. агентство, 1995. Вып. 2. С. 117–127 (Арх.-информ. бюллетень № 10; Прил. к журн. «Исторический архив»).

611. Reflections on Modern National Historical Science // Social Sciences. 1996. Vol. 27. № 4. P. 125–139.

612. Отв. ред.: *Овчинников Р. В.* Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками: Источниковедческое исследование / РАН, Ин-т рос. истории. М., 1995. — 272 с.

613. Ред.: ПСРЛ / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Археогр. центр, 1995. Т. 41: Летописец Переслава Суздальского (Летописец русских царей) / Археогр. центр, РГАДА. Науч.-изд. отдел, Звенигород. ист.-архит. и худож. музей-заповедник; подгот. С. Н. Кистерев, Б. М. Клосс, Л. А. Тимошина, И. А. Тихонюк. — 184 с.

Рец.: *Pikhan G.* // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1997. Bd. 45. H. 1. S. 164–165.

614. Чл. ред. коллегии: История и историки / отв. ред. И. Д. Ковальченко. М.: Наука, 1995. — 443 с.

1996 г.

615. История России с древнейших времен до конца XVII века: [Учеб. пособие] / РАН, Ин-т рос. истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: АСТ, 1996. — 574 с. (совместно с А. П. Новосельцевым, А. Н. Сахаровым, В. Д. Назаровым).

616. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нашокин // ВИ. 1996. № 3. С. 60–81.

617. Иван Грозный, дед Ивана Грозного // Спутник. 1996. № 1. С. 124–127.

618. Размышления о современной отечественной исторической науке // ННИ. 1996. № 1. С. 77–87.

1997 г.

619. История России с древнейших времен до конца XVII века: Учеб. пособие для вузов / РАН, Ин-т рос. истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М.: АСТ, 1996. — 574 с. (совм. с А. П. Новосельцевым, А. Н. Сахаровым, В. Д. Назаровым).

620. А. Г. Маньков — археограф, источниковед, историк феодальной России XVI–XVII вв. // АЕ за 1995 г. М.: Наука, 1997. С. 170–178.

621. Михаил Николаевич Тихомиров // Историческая наука в России в XX веке / РАН, Ин-т рос. истории; отв. ред. Г. Д. Алексева. М.: Скрипторий, 1997. С. 496–510.

622. Михаил Федорович. Петр I // Романовы: Исторические портреты / РАН, Ин-т рос. истории; ред. А. Н. Сахаров. М.: Армада, 1997. Кн. I. С. 13–70, 228–340.

623. Россия в преддверии смуты // ПИШ. 1997. № 1. С. 45–50.

624. Отв. ред.: Емельян Пугачев на следствии: Сб. документов и материалов / РАН, Ин-т рос. истории; Федер. арх. служба, Рос. гос. архив древних актов; сост. Р. В. Овчинников, А. С. Светенко. М.: Языки русской культуры, 1997. — 464 с. (Studia historica. Ser. minor).

1998 г.

625. Императрица Екатерина I / Ун-т Рос. акад. образования. М.: Изд-во УРАО, 1998. — 18 с. (Исторические портреты; 3).

1999 г.

626. Russia / Revised by P. Burke // History of Humanity: Scientific and Cultural Development / eds. P. Burke, H. Inalcik. London: UNESCO; Routledge, 1999. Vol. 5: From the sixteenth to the eighteenth century.

627. Отв. ред.: Боярская книга 1639 года / РАН, Ин-т рос. истории; Федер. арх. служба России; Рос. гос. архив древ. актов; [подгот. текста В. А. Кадик; предисл. Н. М. Рогожина; вступит. ст. М. П. Лукичева] М.: Ин-т рос. истории РАН, 1999. — 264 с.

2001 г.

628. Е. В. Чистякова как источниковед и историограф // Россия XVII века и мир: Юбилейный сборник к 80-летию д-ра ист. наук, проф. Е. В. Чистяковой / отв. ред. Н. Г. Георгиева; сост. Е. А. Соловьев, Л. В. Дунаевский. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2001. С. 37–49.

629. Тихомиров Михаил Николаевич // Историки России: Биографии / ред.-сост. А. А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 677–684.

2002 г.

630. Отв. ред.: *Плигузов А. И.* Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М.: Индрик, 2002. — 415 с.

631. Отв. ред. серии: ПСРЛ / РАН, Санкт-Петербургский ин-т истории; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. — 222 с. (совместно с Б. А. Рыбаковым).

2003 г.

632. Отечественная история в трудах В. А. Александрова // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. статей / РАН, Ин-т рос. истории. М., 2003. С. 244–262.

633. Отв. ред.: ПСРЛ / РАН, [Ин-т рос. истории], Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 40: Густынская летопись. — 201 с.

634. Ред.: Разрядная книга. 1475–1605 / РАН, Ин-т рос. истории. М.: Памятники исторической мысли, 2003. Т. IV, ч. 2 / сост. Л. Ф. Кузьмина, О. В. Новохатко. — 144 с. (совместно с Н. М. Рогожиным).

2005 г.

635. Отзыв В. И. Буганова на докторскую диссертацию В. П. Макарихина «Губернские ученые архивные комиссии и их роль в истории общественно-политической мысли России конца XIX — начала XX вв.» // Лестница: Материалы научной конференции по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В. П. Макарихина. (г. Нижний Новгород, 22 мая 2003 г.) / Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; отв. ред. А. А. Кузнецов. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2005. С. 37–40.

2006 г.

636. История России с древнейших времен до конца XVII века: Учебник для 10 класса общеобразовательных учреждений. 12-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 2006. — 335 с. (совместно с А. Н. Сахаровым).

2007 г.

637. Краткий Московский летописец начала XVII в. из г. Галле (Германия) // Архив русской истории: Сб. Рос. гос. архива древних актов. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8 / отв. сост. А. В. Антонов. С. 519–573 (совместно с Н. М. Рогожиным).

2008 г.

638. La Russie // Histoire de l'humanité / ed. UNESCO. Paris, 2008. Vol. 5: 1492–1789. P. 483–510.

2010 г.

639. История России. Конец XVII–XIX век: 10 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: Профильный уровень / РАН, Рос. акад. образования. 16-е изд. М.: Просвещение, 2010. — 336 с. (совместно с П. Н. Зыряновым, А. Н. Сахаровым).

Библиография работ о В. И. Буганове:

1976 г.

1. Хроника // ВИ. 1976. № 9. С. 188–189.

Из содерж.: [Изложение доклада В. И. Буганова о крестьянских движениях в России в период феодализма на Советско-Шведском симпозиуме историков 8–13 марта 1976 г. в Стокгольме].

1978 г.

2. Поздравляем юбиляров (к 50-летию В. И. Буганова) // СА. 1978. № 5. С. 116.

1987 г.

3. *Емченко Е. Б.* Расширенный пленум научного совета по историографии и источниковедению // ВИ. 1987. № 11. С. 97–101. С. 98.

Из содерж.: [О докладе В. И. Буганова «Развитие источниковедения до-октябрьского периода отечественной истории за последние пять лет» на пленуме научного совета по историографии и источниковедению. Москва, 16–17 апреля 1987 г.].

1988 г.

4. *Богданов А. П.* Исследования по источниковедению истории СССР до-октябрьского периода в трудах В. И. Буганова // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. В. А. Кучкин. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1988. С. 3–21.

5. *Вандалковская М. Г., Емченко Е. Б.* XXVII съезд КПСС и задачи историографических и источниковедческих исследований // История СССР. 1988. № 1. С. 141–149.

Из содерж.: О докладе В. И. Буганова на пленуме XXVII съезда КПСС. Москва, 16–17 апреля 1987 г. С. 142–143.

1989 г.

6. Список печатных трудов В. И. Буганова / сост. А. П. Богданов // АЕ за 1988 г. М.: Наука, 1989. С. 278–287.

7. *Плигузов А. И.* Источниковедение отечественной истории в трудах В. И. Буганова // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1989. М.: Наука, 1989. С. 59–76.

1993 г.

8. Виктор Иванович Буганов: Библиографический указатель. М.: Археогр. центр, 1993. — 78 с.

9. *Козлов В. П., Рогожин Н. М.* В. И. Буганов — творческий путь // ОА. 1993. № 4. С. 28–39.

10. *Лукичев М. П.* В. И. Буганов — ученый, организатор, педагог // Виктор Иванович Буганов: Библиографический указатель. М.: Археогр. центр, 1993. С. 3–9.

1994 г.

11. [Об избрании В. И. Буганова членом-корреспондентом РАН] // ННИ. 1994. № 4–5. С. 367–368.

1996 г.

12. *Кучкин В. А.* Памяти Виктора Ивановича Буганова // ОИ. 1996. № 5. С. 219–221.

13. Виктор Иванович Буганов: [Некролог] // ПИШ. 1996. № 5. С. 61.

14. Виктор Иванович Буганов: [Некролог] // ННИ. 1996. № 5. С. 251–252.

15. Памяти В. И. Буганова // ОА. 1996. № 6. С. 123.

1997 г.

16. *Рогожин Н. М.* Виктор Иванович Буганов (1928–1996) // Историки России XVIII–XX веков / Арх.-информ. агентство, Историко-архивное отделение Междунар. акад. информатизации; [сост. и отв. ред. А. А. Чернобаев]. М.: Арх.-информ. агентство, 1997. Вып. 4. С. 154–163 (Архивно-информационный бюллетень № 16; Приложение к журн. «Исторический архив»).

1998 г.

17. *Рогожин Н. М.* Виктор Иванович Буганов (1928–1996) // АЕ за 1996. М.: Наука, 1998. С. 395–400.

18. *Чернобаев А. А.* Буганов Виктор Иванович // Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории: Биобиблиогр. словарь / под ред. В. А. Динеса. Саратов: Изд. центр Саратовской гос. экон. академии: Летопись, 1998. С. 49.

1999 г.

19. *Глушакова Ю. П., Гуськов А. Г.* Конференция «Проблемы публикации источников в Российской Федерации. 1991–1997 гг.». I Чтения памяти члена-корреспондента РАН В. И. Буганова // АЕ за 1998 г. М.: Наука, 1999. С. 411–414.

2000 г.

20. *Рогожин Н. М.* Виктор Иванович Буганов (1928–1996) // Историки России. Послевоенное поколение: [Биографические очерки / Ассоциация исследователей российского общества XX в., Центр социального моделирования CARPE DIEM; [авт. проекта и сост. Л. В. Максакова]. М.: АИРО–XX, 2000. С. 39–55.

21. *Чернобаев А. А.* Буганов Виктор Иванович // *Чернобаев А. А.* Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: Биобиблиографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Изд. центр Саратовского гос. социально-экономического ун-та; Изд-во «ЛЕТОПИСЬ», 2000. С. 70.

2001 г.

22. Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сб. статей памяти В. И. Буганова / РАН, Ин-т рос. истории; отв. ред. Н. М. Рогожин. М.; [Пятигорск], 2001. — 298 с.

Из содерж.: *Кучкин В. А.* Виктор Иванович Буганов. С. 5–12; *Шмидт С. О.* Вспоминая В. И. Буганова. С. 13–19; *Муравьева Л. Л.* В. И. Буганов и летописеведение. С. 20–24; *Морозова Л. Е.* В. И. Буганов — исследователь и публикатор разрядных книг XV–XVII вв. С. 25–36; *Анхимюк Ю. В.* В. И. Буганов и источниковедческие проблемы исследования разрядных книг. С. 37–48.

23. *Рогожин Н. М.* Буганов Виктор Иванович // Историки России: Биографии / ред.-сост. А. А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 854–861.

2002 г.

24. *Серов Б. Н., Лескинен М. В.* Поурочные разработки по истории России с древнейших времен до конца XIX века. 10 класс: К учебному комплексу А. Н. Сахарова, В. И. Буганова «История России с древнейших времен до конца XVII века»; В. И. Буганова, П. И. Зырянова «История России. Конец XVII–XIX век». М.: ВАКО, 2002. — 302 с.

2003 г.

25. *Серов Б. Н., Лескинен М. В.* Поурочные разработки по истории России с древнейших времен до конца XIX века. 10 класс: К учебному комплексу А. Н. Сахарова, В. И. Буганова «История России с древнейших времен до конца XVII века»; В. И. Буганова, П. И. Зырянова «История России. Конец XVII–XIX век». М.: ВАКО, 2003. — 303 с. (В помощь школьному учителю).

26. *Дыдко С. Н.* Готовые домашние задания по истории России. 10-й кл.: К учеб. А. Н. Сахарова, В. И. Буганова «История России с древнейших времен до конца XVII века. 10 кл.» (8-е изд. М.: Просвещение, 2002). М.: Экзамен, 2003.

2004 г.

27. История России с древнейших времен до конца XVII века. 10 класс: Поурочные планы по учебнику А. Н. Сахарова, В. И. Буганова / авт.-сост. Н. С. Кочетов. Волгоград: Учитель, 2004.

2005 г.

28. Серов Б. Н., Лагно А. Р. Поурочные разработки по истории России с древнейших времен до конца XIX в. 10 класс: К учебному комплекту: Сахаров А. Н., Буганов В. И. История России с древнейших времен до конца XVII в., Буганов В. И., Зырянов П. И. История России. Конец XVII–XIX в. 2-е изд., испр. и доп. М.: ВАКО, 2005. — 350 с. (В помощь школьному учителю).

29. Чернобаев А. А. Буганов Виктор Иванович // Чернобаев А. А. Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. Саратов: Саратовский. гос. социально-экономический ун-т, 2005. Т. 1: А–Л. С. 132–133.

2007 г.

30. Серов Б. Н., Лагно А. Р. Поурочные разработки по истории России с древнейших времен до конца XIX века. К учебным комплектам А. Н. Сахарова, В. И. Буганова. (М.: Просвещение); В. И. Буганова, П. И. Зырянова (М.: Просвещение); Зырянов П. Н. История России. Конец XVII–XIX в. 10 класс. М.: ВАКО, 2007.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
АРИ — Архив русской истории
ВА — Вопросы архивоведения
ВИ — Вопросы истории
ВИЖ — Военно-исторический журнал
ВИМК — Вестник истории мировой культуры
Вестник НИИЯЛИ — Вестник научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗОР ГБЛ — Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.
ИА — Исторический архив
ИЗ — Исторические записки
ЛОИИ — Ленинградского отделения Института истории АН СССР
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МСЭ — Малая Советская энциклопедия
ННИ — Новая и новейшая история
ОА — Отечественные архивы
ОИ — Отечественная история
ПИ — Проблемы источниковедения
ПИШ — Преподавание истории в школе
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советские архивы
СВ — Средние века
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
<i>Рогожин Н. М. (ИРИ РАН)</i> . Проблемы истории феодальной России в трудах В. И. Буганова	5
<i>Аксенов А. И. (ИРИ РАН)</i> . XVIII век в трудах В. И. Буганова (библиографические заметки)	16

Проблемы источниковедения XV–XVII вв.

<i>Кузнецов А. А. (Нижний Новгород)</i> . Сведения источников XV–XVII вв. об участии в убийстве Андрея Боголюбского его жены	23
<i>Французова Е. Б. (ИРИ РАН)</i> . Комплекс приходно-расходных книг Соловецкого монастыря XVI в.	33
<i>Кривцов Д. Ю., Морохин А. В. (Нижний Новгород)</i> . К обсуждению вопроса о том, был ли Григорий Отрепьев автором похвалы трем святителям?	46
<i>Лисейцев Д. В. (ИРИ РАН)</i> . К вопросу о времени и обстоятельствах составления боярского списка 1611 г.	50
<i>Булгаков М. Б. (ИРИ РАН)</i> . Сотенные знамена рязанских полковых воевод 1638–1639 гг.	59
<i>Иванова Е. В. (РАГС)</i> . Делопроизводство Печатного приказа в первой половине XVII в.	68
<i>Белоусов М. Р. (Казань)</i> . Проблемы датировки боярских списков второй половины 40-х — первой половины 60-х гг. XVII в.	78
<i>Безъев Д. А. (Москва)</i> . Делопроизводство приказа Малой России за 1662–1669 гг. (по материалам описи 5 фонда 229 РГАДА)	89
<i>Новохатко О. В. (ИРИ РАН)</i> . Переписка стольника А. И. Безобразова как исторический источник	107

Российская история X–XVII вв.

<i>Стефанович П. С. (ИРИ РАН)</i> . Происхождение «права отъезда» на Руси	115
<i>Куцкин В. А. (ИРИ РАН)</i> . К характеристике торговли в Москве в XIV — начале XVI в.	124
<i>Морозова Л. Е. (ИРИ РАН)</i> . Роль великой княгини Евдокии Дмитриевны в создании Московского великокняжеского свода начала XV в.	140

<i>Перхавко В. Б. (ИРИ РАН). Данные о социально-экономическом положении посадских женщин XVI–XVII вв.</i>	156
<i>Володихин Д. М. (Москва). Когда была отменена опричнина?</i>	177
<i>Виноградов А. В. (ИРИ РАН). Посольский дьяк Андрей Яковлевич Щелкалов и дипломатические отношения русского государства с Крымским ханством в 70–90-х годах XVI в.</i>	187
<i>Устинова И. А. (ИРИ РАН). Патриаршая область в первой половине XVII в. (к вопросу о территориальной компетенции Патриаршего Казенного приказа).</i>	198
<i>Куленков Б. А. (Брянск). Персональная специализация старых» подьячих Посольского приказа и структурирование ведомства в 30–40-е годы XVII в.</i>	205
<i>Никитин Н. И. (ИРИ РАН). О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа).</i>	224
<i>Топычканов А. В. (ИРИ РАН). Коломенские челобитчики в 1662 г.: к вопросу о практике подачи и рассмотрения челобитных грамот.</i>	232
<i>Черников С. В. (Липецк). Боярская аристократия и реформы Петра Великого</i>	238
Российская история XVIII–XX вв.	
<i>Медушевский А. Н. (ИРИ РАН). Российский абсолютизм в сравнительном освещении.</i>	246
<i>Соболева Н. А. (ИРИ РАН). Феномен двуглавого орла: реальность и семантика.</i>	265
<i>Каменский А. Б. (Москва). К вопросу о становлении русской исторической науки.</i>	276
<i>Марасинова Е. Н. (ИРИ РАН). Закон и гражданин (К истории политического сознания в России второй половины XVIII в.).</i>	290
<i>Истомина Э. Г. (Москва). Художественная промышленность Москвы во второй половине XVIII–XIX в.: золотое и серебряное дело.</i>	312
<i>Козлов С. А. (ИРИ РАН). «Земледельческий журнал» (1821–1840) как источник по аграрной истории дореформенной России.</i>	329
<i>Емельянов Ю. Н. (ИРИ РАН). Поэт Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия 1917 г.</i>	344
Библиография трудов В. И. Буганова (1928–1996)	366
Список сокращений.	413

Научное издание

**Исследования по источниковедению истории России
(до 1917 г.)
К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова**

Сборник статей

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Редактор *М. А. Айламазян*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *М. А. Богданова*
Корректор *Н. А. Самсонова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 26.
Тираж экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)